

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ
АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ

А АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

ЗА 1973 ГОД

Основан в 1957 г.
академиком М. Н. ТИХОМИРОВЫМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА
1974

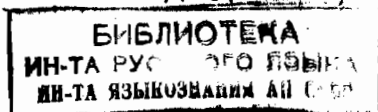
«Археографический ежегодник за 1973 г.» включает статьи об издании «Истории городов и сел Украинской ССР» и публикациях по аграрной истории советского общества, исследования по вопросам документооборота в работах В. И. Ленина и о деятельности В. Д. Бонч-Бруевича по комплектованию рукописных фондов Государственного литературного музея, сообщение о IV Международном конгрессе по дипломатике, разнообразные по тематике статьи и обзоры материалов по истории СССР, истории исторической науки, археографии, архивного дела, о деятельности выдающихся отечественных ученых. «Тихомировские чтения 1973 г.» посвящаются работам академика М. Н. Тихомирова.

В подготовке «Ежегодника» к печати принимали участие сотрудники Археографической комиссии Ю. В. Андрушайтите, Н. А. Долдобанова, В. Б. Павлов-Сильванский, И. Е. Тамм.

Редакционная коллегия:

С. О. ШМИДТ (ответственный редактор),
Ю. В. АНДРЮШАЙТИТЕ, С. Н. ВАЛК,
Н. А. ДОЛДОБАНОВА (ответственный секретарь),
В. А. ДЬЯКОВ, Б. Г. ЛИТВАК

8(n)
A-87

69913

I. СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

А. Г. Митюков

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ В ИЗДАНИИ «ИСТОРИЯ ГОРОДОВ И СЕЛ УКРАИНСКОЙ ССР»

Завершено издание 26-й томной «Истории городов и сел Украинской ССР»¹. Опыт подготовки этого уникального издания вызывает большой интерес как в широких кругах советской общественности, так и среди историков, архивистов. В ряде опубликованных статей² уже освещены вопросы особенности организации подготовки издания, участия государственных архивов республики и отдельных архивов в подготовке томов и др.

Одной из характерных черт издания является небывало широкое использование документальных фондов государственных архивов при написании 1341 очерка и 8319 справок по истории всех городов и значительной части поселков городского типа и сел республики.

Основным источником для написания «Истории городов и сел Украинской ССР» послужили документальные богатства государственных архивов Украины. К началу работы над этим изданием на 1 января 1962 г. в них было сосредоточено около 19 млн. дел, отражающих историю украинского народа с древнейших времен до наших дней. На протяжении 1962—1973 гг. на государственное хранение поступило 12,6 млн. дел республиканских министерств и ведомств, областных, городских и районных учреждений, организаций и предприятий, колхозов и совхозов.

Выявление архивных материалов способствовало более глубокому изучению содержания фондов государственных архивов Украины. Наша республика в годы Великой Отечественной войны понесла громадные потери в исторических источниках. Многие государственные архивы были разрушены, архивные материалы частично уничтожены, частично вывезены отступающими немецко-фашистскими оккупантами. Были приняты меры к восполнению фондов документами за отдельные периоды и годы.

С этой целью научные сотрудники государственных архивов республики неоднократно выезжали в Москву и Ленинград, где в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Центральном государственном архиве Советской Армии, Центральном государственном архиве Октябрьской революции и органов государственного управления СССР, Центральном государственном историческом архиве СССР, Центральном государственном архиве народного хозяй-

¹ «Історія міст і сіл Української РСР». 26 т. Київ, 1967—1974.

² Л. С. Гапоненко, Н. Н. Леценко. Историю пишут сами трудящиеся. — «Вопросы истории», 1970, № 8; П. Т. Тронько. Прошлое и настоящее Украины и истории ее городов и сел. — «Вопросы истории», 1971, № 1; О. Митюков. Джерельна база «Історії міст і сіл Української РСР». — «Архіви України», 1972, № 4; П. К. Савченко. Участь істориків-архівистів у підготовці «Історії міст і сіл Української РСР». — «Архіви України», 1968, № 4; В. Крутіков і М. Яременко. Участь луганського облдержархіву в підготовці історії міст і сіл. — «Науково-інформаційний бюлетень Архівного управління УРСР», 1965, № 3 и др.

ства СССР, Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота СССР, Центральном государственном архиве кинофотодокументов СССР, Центральном государственном архиве древних актов СССР, а также в ряде центральных государственных архивов Молдавской ССР, Белорусской ССР, Литовской ССР и других выявили 15 тыс. документов и 500 тыс. кадров микрофильмов и получили копии с них.

Новые документы в виде микрофильмов поступили из архивов Венгерской Народной Республики и Польской Народной Республики, из Чехословацкой Социалистической Республики.

Главное архивное управление при Совете Министров СССР оказало помощь по возвращению ряда документов по истории Украины, которые в годы Великой Отечественной войны временно оказались на территории Польши, Румынии, Чехословакии. Почти 40 тыс. дел этих документов за XVIII—XIX вв. поступили в ЦГИА УССР в г. Киеве и некоторые областные госархивы республики.

В государственные архивы республики были приняты документы сотен личных фондов Героев Советского Союза и Героев Социалистического Труда, ученых, передовиков производства и сельского хозяйства, новаторов и изобретателей, писателей, художников и многих других.

Благодаря успешному осуществлению этих и других мероприятий в государственных архивах УССР сейчас сосредоточено 31,2 млн. дел.

подавляющее большинство из них стало той документальной базой, использование которой создало прочный научный фундамент истории городов и сел.

Авторы очерков и справок в своей работе широко использовали подготовленную архивистами информацию о составе и содержании фондов архивов. Такая информация создавалась в результате разносторонней деятельности работников архивов.

Так, в ходе подготовки истории городов и сел большое значение имело проведенное архивистами выявление многих документов для публикации. Только за период с 1961—1973 гг. архивы республики издали 91 документальный сборник общим объемом 2509 печатных листов. Это позволило ввести в научный оборот десятки тысяч архивных документов, многие из которых содержали сведения об исторических событиях и были использованы авторами очерков и справок.

Определенную роль в использовании архивных материалов при подготовке издания сыграли многочисленные публикации статей и сообщений, с которыми архивисты систематически выступают на страницах периодических изданий. За 1961—1973 гг. на страницах журналов, в республиканской и местной прессе было опубликовано 7071 статья и сообщение. За это же время было подготовлено 1884 радио- и 476 телевизионных передач. При их подготовке был выявлен и собран значительный фактический материал по дореволюционной истории Украины, истории борьбы за установление Советской власти на местах и защиты ее завоеваний в годы гражданской войны, о процессе социалистического строительства, подполья и партизанской борьбы в городах и селах в годы Великой Отечественной войны, о восстановлении хозяйства Украины в послевоенные годы, о трудовом героизме широких масс трудящихся, росте их благосостояния, улучшении бытовых условий, подъеме культуры и т. п.

Немалую роль в ускорении поиска и получения наиболее полной информации при использовании архивных материалов сыграло наличие 24 путеводителей по фондам 30 центральных, областных государственных архивов и их филиалов. Подавляющее большинство из них подготовлено и издано в последние 15 лет, т. е. в годы непосредственной подготовки истории городов и сел.

Много внимания уделили архивы подготовке справочной литературы: списков населенных пунктов и железнодорожных станций с обозначением категории населенного пункта (Запорожский и Полтавский облгосар-

хивы), справок, картотек по истории населенных пунктов со всеми переименованиями (Днепропетровский, Киевский, Крымский облгосархивы), справочников по истории административно-территориального деления областей (Запорожский, Николаевский, Полтавский облгосархивы).

Одним из основных источников, откуда исследователи черпали наибольшее количество необходимых им сведений, стали созданные в государственных архивах республики системы каталогов. Достаточно сказать, что за период с 1961 по 1973 г. было закаталогизировано 2,5 млн. дел.

Большую работу в этом плане выполнили центральные государственные архивы УССР. ЦГАОР УССР, куда обращались все областные редколлегии, провел выявление документов в фондах ВУЦИК, СНК УССР, Всеукррревкома, Госплана УССР, ЦСУ УССР, ВСНХ УССР, ряде наркоматов и центральных ведомств, для чего было просмотрено около 4500 дел. Сотрудники ЦГИА УССР в г. Киеве просмотрели 576 фондов, что составляет около 700 тыс. дел, а ЦГИА УССР во Львове — свыше 11 тыс. дел. Основными источниками здесь явились фонды городских, земских судов, магистратов, ратуш, городских и земских дум, управ, канцелярий генерал-губернаторов и др.

Областные государственные архивы провели изучение и каталогизацию всех основных фондов. Так, по 40—70 тыс. дел закаталогизировали в этот период Винницкий, Киевский, Кировоградский, Одесский, Черниговский и другие облгосархивы. Если в год, когда была начата подготовка к изданию истории городов и сел (1962), в каталогах государственных архивов республики насчитывалось около 0,5 млн. карточек, то на 1 января 1974 г. их количество достигло 4,2 млн. карточек. Это позволило впервые создать в государственных архивах четкую систему каталогов: систематических, географических, именных.

Так, в Винницком облгосархиве составлено 162 тыс. тематических карточек, количество карточек в географическом каталоге превышает 97 тыс., а именной содержит их около 2 тыс. В географическом каталоге ЦГИА УССР в г. Киеве сосредоточено свыше 300 тыс. карточек со сведениями более чем по 20 тыс. населенных пунктов Украины за XVI—XX вв. Более 50 тыс. карточек насчитывают географические каталоги Киевского, Херсонского, Черниговского и др. областных государственных архивов. Архивисты пределали большую работу, чтобы приблизить документы своих архивов к исследователям, раскрыть как можно более полно их содержание. Практически каждый автор очерка или справки о населенных пунктах начинал свою работу знакомством с географическим, именным и тематическим каталогами архива. Поскольку карточки составлялись с подробной аннотацией, то исследователи находили большинство нужных сведений непосредственно в каталоге и в ряде архивов почти не обращались к документам (Закарпатский, Кировоградский, Киевский, Хмельницкий и др. облгосархивы). Авторы исторических очерков смогли использовать документы и печатные источники 630 государственных архивов Украинской ССР. Читальные залы архивов в эти годы значительно расширили свою работу. Если в 1961 г. в государственных архивах побывало чуть больше 2,5 тыс. исследователей, то в 1962—1972 гг. ежегодно читальные залы посещало в среднем более 6 тыс. человек. Те, кто готовили многотомное издание, стали в эти годы основными исследователями и разработчиками документальных богатств архивов. Авторы исследовали огромное количество документов начиная от фондов колхозов, сельсоветов, первичных профсоюзных организаций до фондов центральных министерств и ведомств. Всего авторы использовали более миллиона дел, до 10 тыс. фотодокументов и более 600 тыс. названий различной печатной продукции.

Наглядное представление об архивной документальной базе истории городов и сел дает анализ любого из 26 томов. Например, авторы исторических очерков тома Николаевской области использовали около 340

фондов из 31 государственного и партийного архивов, в том числе фонды ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, Партийный архив Института истории партии ЦК КП Украины, 6 центральных архивов СССР, 2 центральных республиканских архива, Архива МО СССР, 10 областных государственных и партийных архивов республики, 10 районных архивов области. При подготовке тома Винницкой области использовано 889 названий книг, 225 названий журналов и газет. Почти половина ссылок в томе — на архивные материалы. Это документы 304 фондов из 20 архивов — 11 местных, 3 республиканских и 6 союзных центральных государственных и партийных архивов, в том числе ЦГАОР СССР, ЦГИА СССР, ЦГВИА СССР, ЦГАСА СССР, Архив МО СССР и др.

В научный оборот было введено большое количество ранее неизвестных документов, что дало возможность в ряде случаев по-новому осветить некоторые исторические события, дополнить или уточнить ряд фактов. Так, архивные документы Кировоградского, Ивано-Франковского, Львовского и др. облгосархивов помогли авторам очерков осветить забытые страницы борьбы за установление Советской власти, уточнить даты выборов в местные Советы депутатов трудящихся, события Великой Отечественной войны, восстановить забытые имена. В процессе подготовки тома Ровенской области исследователи выявили многочисленные материалы о Дубровицком вооруженном восстании трудящихся против петлюровщины, явившемся одним из крупнейших в Западной Украине в 1918 г. Об этом восстании до последнего времени не было ни одной работы, оно даже не упомянуто в ряде крупных исторических изданий и энциклопедиях. Найденные документы помогли восстановить картину совместной героической борьбы украинских и белорусских трудящихся с петлюровщиной, с немецкими оккупантами, белополяками и контрреволюционными войсками Западноукраинской народной республики (ЗУНР) за установление в Полесье Советской власти, рассказать о партийных руководителях восстания, о военной и организационной помощи восставшим со стороны В. И. Ленина, Я. М. Свердлова, ЦК РКП(б) и ЦК КП(б)У. Документы филиала Закарпатского областного государственного архива в г. Мукачево помогли восстановить имена первых красногвардейцев 1919 г., имена добровольцев, вступивших в чехословацкий корпус в годы Великой Отечественной войны.

Архивные документы, введенные в научный оборот, помогли авторам томов Донецкой, Запорожской, Днепропетровской и Харьковской областей осветить ряд новых аспектов истории их заселения и освоения, конкретизировать положение различных социальных групп крестьянства в период проведения реформы 1861 г., показать классовую борьбу в эпоху капитализма и империализма. Особенно много привлечено нового фактического материала о деятельности партийного подполья и партизанской борьбы против интервентов и белогвардейцев в 1918—1920 гг., а также в годы Великой Отечественной войны.

В 26 томах опубликовано 9116 различных иллюстраций, большинство из которых по своему характеру являются уникальными и публикуются впервые. Основную массу фотодокументов для томов представляли фототделы областных государственных архивов и ЦГАКФФД УССР. Они поступили также из архивов Москвы и Ленинграда, музеев, фотоинформационных агентств РАТАУ и ТАСС, издательств, редакций газет и журналов, от частных лиц. Например, от известного ленинградского коллекционера почтовых открыток М. С. Тагрина было получено около 600 видов многих дореволюционных городов Украины. Архивисты выполнили большую работу по расшифровке фотодокументов, уточнению и установлению изображенных событий, дат съемки и т. д.

В процессе подготовки многотомного издания собран колоссальный фактический материал по истории городов и сел республики. Архивисты считают, что подготовка издания — это только начало его разработки.

В настоящее время государственные архивы республики заканчивают прием от областных редакционных коллегий, городских и районных комиссий, авторов очерков и справок всех документов, собранных и созданных в период работы по подготовке томов. В среднем по каждому тому принимается 400—600 дел. С целью дальнейшего их использования, Архивное управление при Совете Министров УССР среди других мероприятий предполагает публикацию серии документальных сборников под названием «Источники по истории городов и сел Украинской ССР».

Огромное количество архивных документов, выявленных и включенных в научный оборот, со всей убедительностью свидетельствует о тех политических, социально-экономических и культурных преобразованиях, которые произошли в Советской Украине за годы после Великой Октябрьской социалистической революции.

Использование архивных документов позволяет на конкретных примерах и фактах показать последовательное проведение в жизнь на Украине ленинской национальной политики, раскрыть животворную силу братской дружбы и сотрудничества народов нашей страны в успешном строительстве коммунистического общества.

В. В. Кабанов

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА (1917—1972 гг.)

Опыт публикации документальных материалов по аграрной истории советского общества достаточно богат, и его осмысление несомненно может подсказать много поучительного.

Настоящая статья — первая попытка выявления максимально возможного комплекса документальных публикаций за 1917—1972 гг., в основном изданных в центре, их первичной систематизации и оценки.

Работа построена по хронологически-тематическому принципу. Все публикации подразделены прежде всего, в зависимости от соотношения времени образования источников и их публикации, на ретроспективные и синхронные. Особое место занимают публикации законодательных источников.

Поскольку в археографии синхронным публикациям практически не уделяется внимания, то их место в общем объеме опубликованных источников еще не определено. По той же причине пока не выработан и критерий их отбора.

Под синхронной публикацией можно понимать публикацию, совпадающую во времени с процессом образования публикуемых материалов. Эти издания имеют сугубо практическое назначение, они являются важным инструментом в народнохозяйственной и общественно-политической жизни страны, сохраняя иногда довольно долго роль действующего или даже директивного документа. Об их научном значении ко времени их выхода можно говорить прежде всего применительно к социологии, экономике и пр., а также тем направлениям исторической науки, которые посвящены исследованию современности. По составу, содержанию, форме они различны: статистические сборники, материалы обследований, отчеты, стенограммы съездов и конференций и т. д.

Публикацию законодательных актов нельзя отнести ни к ретроспективным, ни к синхронным (хотя среди них можно найти и те и другие). Издание их в виде сборников преследует прежде всего практическую цель. Для облегчения пользования правовыми актами, выявления противоречивости и несогласованности между ними они подвергаются систематизации. Правоведы различают две основные формы систематизации: инкорпорацию и кодификацию.

Различия между ними с точки зрения историка особого значения не имеют; ему важно знать лишь то, что нормативный акт за время своего функционирования может претерпевать изменения и дополнения, а ко времени его систематизации может быть не тождествен первоначально утвержденной редакции¹.

¹ Вызывают недоумение претензии Т. В. Батаевой к первым сборникам законодательных актов, в которых имеются изменения и дополнения по сравнению с первоначальным текстом, а статьи, утратившие юридическую силу, заменены другими нормативными актами (Т. В. Батаева. Издание исторических источников о рабочем классе

Публикаторскую деятельность в области аграрной истории советского общества можно разделить на два периода, рубежом которых является середина 50-х годов. Первый период характерен вниманием исключительно к одной теме — аграрной революции и началу социалистического строительства в деревне; по форме преобладают публикации однотомные, журнальные и газетные; разрабатываются основы археографической обработки документов и правила их издания. Второй период характерен обращением преимущественно к проблемам социалистического переустройства сельского хозяйства, появлением серийных изданий с единым центром научного руководства и координации.

Периодизация синхронных публикаций имеет свою закономерность. Поскольку такие публикации служили прежде всего практическим народнохозяйственным и общественно-политическим задачам, их тематика и характер издания всецело обуславливались важнейшими социально-экономическими процессами, происходившими в деревне. Можно выделить следующие основные массивы синхронных публикаций на примере статистических изданий: статистические сборники 20-х годов, характеризующие социально-экономическое развитие доколхозной деревни и развитие производительных сил сельского хозяйства; статистические сборники конца 20—30-х годов, характеризующие победу колхозного строя в СССР (сюда же можно отнести и немногочисленные издания 40-х — начала 50-х годов); середина 50-х годов — до наших дней — период, характерный систематическим изданием унифицированных публикаций типа ежегодников «Народное хозяйство СССР».

Свои закономерности имеет и издание законодательных актов, которые поставлены, как отмечалось выше, в особую группу, но изучение данного вопроса скорее задача юриста, нежели историка.

* * *

Первые публикации по аграрной тематике относятся к первым дням существования Советской власти. В начале ноября 1917 г. вышла брошюра В. И. Ленина «Как обманули народ социалисты-революционеры и что дало народу новое правительство большевиков», в которую он включил декрет «О земле», законопроект Маслова о земле и свою статью «Новый обман крестьян партией эсеров»². Ленин говорил, обращаясь к крестьянам, что необходимо сравнивать, сличать документы разных партий, и выражал уверенность, что крестьяне сделают правильный вывод.

Вероятно, можно считать, что советская археография признала данное издание в качестве первого советского сборника документов³.

Крестьянин, деревня, проблема социалистического переустройства и развития сельского хозяйства — все эти вопросы постоянно были в центре внимания партии и правительства. Поэтому партийные документы — протоколы и стенограммы съездов и конференций, решения Политбюро и Пленумов ЦК КПСС для исследователя имеют первостепенное значение⁴,

советского общества за 50 лет (1917—1967 гг.) — «Археографический ежегодник за 1967 год». М., 1969, стр. 210. Во-первых, систематизация законодательства не может происходить иначе. Во-вторых, научное значение измененных текстов ничуть не меньше, чем первоначальных, поскольку они функционируют в течение другого отрезка времени — законодательство не может жить старыми нормами.

² См. *В. И. Ленин*. Как обманули народ социалисты-революционеры и что дало народу новое правительство большевиков. Серия «Солдатская и крестьянская библиотека», № 18 [Пг., 1917].

³ *Е. А. Луцкий*. Первый советский сборник документов. — «Археографический ежегодник за 1965 год». М., 1966.

⁴ Не перечисляя здесь всех общеизвестных публикаций партийных документов, назовем лишь специальные сборники директивных указаний по сельскому хозяйству: «Аграрная политика в решениях съездов и конференций РКП(б) с 1917 по 1925 г.» М.—Л.,

Нет надобности говорить о значении законодательных материалов по сельскому хозяйству⁵. Следует иметь в виду, что законодательные акты, равно как и директивные партийные документы, переиздавались на местах⁶.

К этим документам тесно примыкают сборники нормативных актов ведомственного характера, прежде всего Наркомзема, которые много публиковались в первые годы Советской власти Наркомземом⁷.

Группа публикаций документов директивного и законодательного характера в силу своей важности и специфики, большой хронологической протяженности поставлена в нашем обзоре на первое место. Рассмотрение следующих групп документальных сборников будет осуществляться в полном соответствии с намеченным хронологически-тематическим принципом.

Начало планомерной публикации документов по аграрной тематике связано прежде всего с деятельностью Истпарта и Наркомзема. 25 февраля 1919 г. коллегия Наркомзема РСФСР приняла решение начать собирание материалов по аграрному движению в России и создать архив аграрной революции⁸. С 1920 г. центром собирания мемуаров участников революции становится Истпарт и его отделения на местах, которые провели большую работу. В 1922—1923 гг. появляются публикации воспоминаний, которые своим появлением знаменуют начало документального освещения первой большой темы: крестьянское движение накануне Октября и осуществление Октябрьской революции в деревне⁹. Эти небольшие, объемом в 2—5 страниц, материалы публикуются затем ежегодно вплоть до 1929 г. включительно на страницах различных, главным обра-

1926; «Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства. 1927—1935». М., 1957; «Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938—1939 гг.» М., 1939; «Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938—1940 гг.» М., 1940; «Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938—1946 гг.» М., 1948; «Партия — организатор крутого подъема сельского хозяйства СССР». Сборник документов. М., 1958; «Сборник решений по сельскому хозяйству». М., 1963, и др.

⁵ «Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР. 1917—1954». М., 1954; «История колхозного права». Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. т. I. М., 1959.

⁶ «Сборник законов, постановлений и циркуляров по социалистическому землеустройству и землепользованию». Белозерск, 1920; «Декреты, положения и инструкции по землеустройству и основной закон о лесах». Калуга, 1921; «Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938—1945 гг.» Сборник материалов. Сыктывкар, 1945; «Важнейшие решения по организационно-хозяйственному укреплению колхозов за 1939—1948 гг.» Горький, 1948; «Важнейшие решения по организационно-хозяйственному укреплению колхозов. 1946—1950». Рострома, 1951 и др.

⁷ «Сборник декретов и постановлений по Народному комиссариату земледелия. 1917—1920 гг.» М., 1921; «Циркуляры, изданные отделом текущей земельной политики». М., 1918; «Советские хозяйства». Сборник декретов и важнейших распоряжений об организации и деятельности совхозов за период от 14 февраля 1919 г. по 7 ноября 1920 г., вып. I. М., 1921.

⁸ А. Л. Литвин. Крестьянство Среднего Поволжья в годы гражданской войны. Казань, 1972, стр. 22.

⁹ Б. Булатов. Октябрьские дни в деревне. — «Спутник коммуниста» (Тверь), 1922, № 11; М. Гуцаев. 17 и 18 годы в Гомельском уезде (Из воспоминаний крестьянина-коммуниста). — «Известия Гомельского комитета РКП», 1924, № 65; А. Газарин. Крестьянство нашей губернии и Красный Октябрь (Из личных воспоминаний). — «Партийная мысль» (Смоленск), 1922, № 10; А. Л. Коллегаев. На рубеже. — «Сельскохозяйственная жизнь», 1922, № 7; Е. Стороженко. Как протекала Октябрьская революция в деревне на Тереке. — «Коммунистический путь» (Шятигорск), 1922, № 2—4; С. Ленский. В с. Быково Царицынской губернии Николаевского уезда. — «Партийный спутник» (Царицын), 1923, № 11—12; С. В. Иванов. Крестьянство и Октябрь (Из личных воспоминаний о настроении крестьян в Ельнинском уезде Смоленской губернии с Февральской революции до Октябрьского переворота и после октябрьских дней). — «Красная летопись», 1923, № 6; В. Бунаров. Октябрьская революция в деревне (Воспоминания). — «Коммунистический путь» (Саратов), 1923, № 9; Г. Симонов. Революция в деревне (1917 г.). — «Былое Урала» (Уфа), 1924, № 4 и др.

зом местных газет и журналов. Особенно обильно местная литература по истории Октябрьской революции издавалась в 1927—1928 гг., к десятилетию Октября¹⁰.

Публикация крестьянских воспоминаний во второй половине 20-х годов самым тесным образом связана с «Крестьянской газетой» и ее редактором — выдающимся деятелем Коммунистической партии, крупным историком Я. А. Яковлевым. Летом 1925 г. он разослал обращение к селькорам «Крестьянской газеты» с просьбой написать и прислать в редакцию свои воспоминания о том, как крестьяне в 1917 г. боролись с помещиками и как побеждала революция. Специальный вопросник должен был облегчить и соответственно организовать работу крестьян. В результате в 1926 г. появляется первая крупная подборка крестьянских воспоминаний «Война крестьян с помещиками в 1917 г.» (М., 1926). В 1927 и 1929 гг., также под редакцией Я. А. Яковлева, выходят еще две аналогичные публикации — «Революция в деревне в 1917 г.» (М., 1927) и «1917 год в деревне» (М.—Л., 1929)^{10а}.

Эта «яковлевская трилогия» по существу была первой крупной ретроспективной публикацией исторических источников по аграрной истории советского общества. К ней примыкает и сборник «Крестьянское движение в 1917 г.» (М.—Л., 1927), также вышедший под редакцией Я. А. Яковлева и подготовленный Центрархивом.

Сборник включает в себя однородный материал. Это систематизированные сводки Главного управления по делам милиции Временного правительства на основании донесений с мест. При их составлении чиновники управления редактировали материал довольно тенденциозно, в результате чего нередко донесение об одном случае волнений в уезде в сводке превращалось в вообще «волнения» в уезде. Использование подобного материала требует особой осторожности. На это обстоятельство уже указывалось в литературе¹¹, его понимали и составители сборника.

Подлинные сообщения с мест о крестьянском движении в 1917 г. публиковались в 20—30-е годы в различных журналах, и в первую очередь в «Красном архиве»¹². Следует подчеркнуть его роль в издании документов по аграрной тематике. В «Красном архиве» публиковались материалы о крестьянском движении, о настроении деревни, о начале перестройки общественных отношений, о первых коммунах, артелях и пр.¹³

Вторая большая тема — социально-экономические итоги аграрной революции — нашла отражение прежде всего в изданиях ЦСУ 20-х годов.

Большую ценность представляют данные, полученные в результате Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1920 г. Эти детально (по 167 разделам) разработанные материалы опубликованы в сводном

¹⁰ Обзор документов, изданных в составе юбилейной литературы к десятилетию Октября см.: С. Н. Валк. Обзор документальных публикаций. — «Архивное дело», 1927, № 11—12; 1928, № 1, 3; 1929, № 1; В. В. Филагина, А. М. Штутина, В. П. Мещанова. Великая Октябрьская социалистическая революция. Библиографический указатель документальных публикаций. М., 1957.

^{10а} Книга «1917 год в деревне» в 1967 г. вышла вторым изданием в Издательстве политической литературы. Ее общую оценку и сравнение с первым изданием см.: В. Кабанов. Крестьянские мемуары. — «Новый мир», 1967, № 10.

¹¹ С. Н. Валк. Советская археография. М.—Л., 1948, стр. 260; Е. М. Тальман. Археографическая деятельность Центрархива в 1920—1930 годах. — «Археографический ежегодник за 1960 год». М., 1962; М. А. Рубач. Выступление на научной конференции «В. И. Ленин и решение аграрного вопроса в СССР». — «Проблемы аграрной истории советского общества». М., 1971, стр. 73—74.

¹² «Красный архив», 1926, т. 1; 1936, т. 5; 1941, т. 2; «Исторический журнал», 1937, № 10; «Вестник научного общества татароведения», 1925, № 1—2; «Записки Мордовского научно-исследовательского института социалистической культуры при СНК МАССР» (Саранск), 1941, № 2.

¹³ Помимо названных выше номеров «Красного архива» см. также: «Красный архив». Систематический указатель публикаций и статей. 1922—1941 гг. М., 1957.

виде и в пределах уездов и губерний. Однако до сих пор они слабо используются исследователями из-за плохой сопоставимости с другими источниками¹⁴.

Огромную работу провела Комакадемия. Специальная комиссия, созданная в 1924 г., собрала и обработала около 350 тыс. формуляров, в результате чего появился двухтомник: «Материалы по истории аграрной революции в России» (т. 1 и 2. М., 1928). Географически районы обследования ограничивались несколькими губерниями Центральной черноземной области. Репрезентативность же «Материалов» составляет, например, для 1920 г. в среднем 14,6% от наличных хозяйств в уезде, или примерно 1,7% всех крестьянских хозяйств в губернии. Одна из важнейших задач обработки материалов — группировка крестьянских хозяйств — не была решена должным образом. В результате показателей прямых итогов аграрной революции Комиссия не получила. Более того, изменение метода группировки во 2-м томе создало дополнительные трудности в использовании этого источника.

Тем не менее составители собрали богатый и разнообразный материал, исследование которого позволяет раскрыть некоторые важные стороны развития крестьянских хозяйств в условиях революции: о скотоводстве, о наличии инвентаря, о найме сроковых и годовых рабочих; о промыслах за 1917 и за 1920 гг. Однако самый важный раздел «Материалов» — о землепользовании за 1920 г. — оказался самым бедным. В то время как разделы о землевладении за 1917 г. имеют 80 показателей, таблицы о землепользовании за 1920 г. имеют всего лишь 8 показателей, дающих сведения только о размерах пашни и полеводства.

Типологическая группировка, хотя и не дает показателей прямых итогов аграрной революции, все же позволяет достаточно четко проследить судьбу крупных, средних и мелких посевищиков за указанные годы: резкое снижение числа первых и третьих и увеличение числа вторых, что в целом правильно отражает главное явление — осереднячивание деревни. «Материалы по истории аграрной революции» требуют тщательного изучения и проверки другими источниками, такими, например, как сельскохозяйственные переписи, нашедшие отражение в ряде изданий ЦСУ¹⁵.

И, наконец, третья большая тема аграрной революции в документальных публикациях 30-х годов — комитеты деревенской бедноты. Основные сборники по истории комбедов были изданы Институтом советского строительства и права Коммунистической Академии под редакцией видного советского историка А. В. Шестакова: «Комитеты бедноты» (составитель В. Аверьев, тт. I—II. М., 1933), «Комитеты бедноты РСФСР» (составитель С. Л. Ронин. М., 1933). Сборники подготовлены по документам местных архивов, поскольку, по словам составителей, материалов о комбедах не оказалось ни в одном из фондов центральных учреждений. Это предопределило содержание сборников, которое территориально ограничено в первом сборнике Тамбовской, Пензенской и Ивановской областями, а во втором — Центрально-Черноземной, Северной, Центрально-Промышленной областями, Поволжьем.

¹⁴ Материалы переписи 1920 г. стали публиковаться с 1921 г. («Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1920 г.», вып. 1. — «Труды ЦСУ», т. II, вып. 1. М., 1921). Последующие выпуски включали данные по группам губерний, а также групповые итоги по РСФСР в целом, по губерниям и районам («Групповые итоги сельскохозяйственной переписи 1920 г. (По губерниям и районам)» — «Труды ЦСУ», т. XIV, вып. 1а. М., 1926). Погубернские материалы переписи были изданы также во многих губерниях. Публикация материалов переписи завершилась в 1928 г. выпуском сборника с данными о населении по возрастным группам, о населении, участвовавшем в империалистической и гражданской войнах.

¹⁵ «Погубернские итоги 10%-ной выборочной сельскохозяйственной переписи крестьянских хозяйств 1919 г.». М., 1920; «Экономическое расслоение крестьянства в 1917 и 1919 гг.» М., 1922; «Групповые итоги сельскохозяйственной переписи 1920 г. (по губерниям и районам)». М., 1926.

В Воронеже вышел сборник «Комбеды Воронежской и Курской областей. Материалы по истории комитетов бедноты» (Под редакцией А. В. Шестакова и Р. А. Ратгаузера. Воронеж, 1935), а Институт истории партии при МК РКП(б) издал сборник «Комитеты бедноты Московской области» (под редакцией А. В. Шестакова. М., 1938). Комбедовская серия была продолжена в послевоенные годы¹⁶. Составители сборников пытались осветить историю комбедов в целом, во всем ее многообразии от момента их возникновения до ликвидации.

Публикация материалов о деятельности комбедов сыграла определенную роль в переходе к изучению социалистического этапа аграрной революции. Вместе с тем в 30-е годы наблюдается сужение задач исследования истории аграрной революции, сведение их к разработке только проблем «комбедовского» периода.

Говорить о документальных публикациях 20—30-х годов, освещающих развитие сельского хозяйства, процесс социально-экономического развития деревни, — это фактически говорить о статистических сборниках, ибо за исключением вышеназванных ретроспективных изданий иных практически не было.

Объектом многочисленных социологических обследований, носивших большей частью экспериментальный характер, стала проблема социальной структуры и классовой дифференциации советской деревни 20-х годов. Особенно отличалась работа аграрной секции Коммунистической академии. Отвергая государственную статистику, берущую свое начало из опыта земской статистики, и по мнению многих исследователей, уже не способную уловить процесс классового расслоения, группа аграрников-марксистов предложила свои, новые, во многом оригинальные и интересные методы изучения деревни¹⁷. Однако их результаты оказались несопоставимыми с результатами переписей и обследований начала 20-х годов, что значительно осложнило работу по изучению динамики социально-экономических процессов в деревне.

Вторая большая группа материалов была посвящена изучению производительных сил сельского хозяйства. Это сборники о состоянии сельского хозяйства в целом¹⁸ и об отдельных элементах производительных сил¹⁹.

Основу подавляющего большинства этих изданий составляли данные всеобщих сельскохозяйственных переписей 1916, 1920 гг., а также частных и выборочных сельскохозяйственных переписей, которые проводились с 1921 по 1929 г. (так называемые «весенние опросы»), которые помогали определить размеры, направление и динамику сельскохозяйственного производства. С 1920 по 1929 г. проводились и гнездовые или динамические переписи: ежегодно описывались одни и те же хозяйства с указанием причин всех экономических и организационных изменений, происшедших в хозяйстве за год.

¹⁶ «Комитеты бедноты Северной области». Сборник документов. Л., 1947; «Комитеты бедноты Белоруссии». Сборник документов. Минск, 1958; «Комитеты бедноты в Коми крае (1918 г.)». Сборник документов. Сыктывкар, 1958.

¹⁷ *И. Верменичев, А. Гайстер, Г. Раевич*. 710 хозяйств самарской деревни. М., 1928; *Я. Анисимов, И. Верменичев, К. Наумов*. Производственная характеристика крестьянских хозяйств различных социальных групп. М., 1927.

¹⁸ «Сельское хозяйство России в XX веке». Сборник статистико-экономических сведений за 1901—1922 гг. М., 1923; «Сельское хозяйство на путях восстановления». М., 1925; «Сельское хозяйство СССР. 1925—1928». Сборник статистических сведений к XVI Всесоюзной партийной конференции. М., 1929.

¹⁹ «Наемный труд в сельском и лесном хозяйстве СССР в 1926 г.» М., 1928; «Стоимость производства важнейших полевых культур в крестьянском хозяйстве», вып. 1. М., 1929; «Батрачество и пастушество в СССР». М., 1929; «Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР. 1916 и 1923—1927 гг.» М., 1930; «Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными съездами. Статистические сведения по сельскому хозяйству СССР за 1927—1930 гг.» М.—Л., 1931; «Машинно-тракторные станции к XVI партсъезду». М.—Л., 1930.

Чтобы конкретнее представить тип и характер изданий, осуществленных на основе этих статистических данных, рассмотрим один из сохранившихся до настоящего времени ценный и пользующийся авторитетом у историков-аграрников и экономистов сборников «Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР». Сборник построен на основе весенних 10-процентных обследований по единоличным хозяйствам за пятилетний отрезок 1923—1927 гг. основных элементов крестьянского производства: посевной площади, скота, сельскохозяйственного инвентаря. Динамичность показателей по этим элементам усилена их сравнением с 1916 г. (данные всеобщей сельскохозяйственной переписи). Показатели 22 таблиц дают довольно рельефную картину темпа динамики посевных площадей, количества стада и др. в порайонном разрезе и уровень восстановления этих важнейших элементов сельского хозяйства по сравнению с 1916 г.

Значительный интерес представляют изданные в 1923—1931 гг. Наркомземом СССР данные налоговых сводок²⁰, характеризующие состояние крестьянских хозяйств, колхозов и совхозов по СССР в целом, по республикам и краям, по губерниям, округам и уездам. Здесь имеются сведения о численности крестьянских хозяйств, колхозов и совхозов, их населения («едоков») и работников, о площади их пашни, посевах (с разделением на яровые и озимые) и сенокосов (заливных и незаливных), о поголовье рогатого и крупного рогатого скота, о размерах облагаемой земли или облагаемого дохода, о сумме исчисленного налога и ряд других важных показателей. Все эти сведения были получены в результате сплошной подворной переписи крестьянских хозяйств, колхозов и совхозов, проводимой финансовыми органами в целях учета объектов обложения в каждом хозяйстве на каждый год. Материалы налоговых подворных переписей были использованы ЦСУ для проведения так называемых опросов 10% крестьянских хозяйств, давших весьма ценные сведения²¹.

Несмотря на достоинства публикаций по данным налоговых сводок, исследователи избегают ими пользоваться. Причинами этого являются и изменения программ подворных переписей, и чрезвычайно сложная и постоянно меняющаяся комбинационная разработка, и изменение принципов налогового обложения, что, естественно, также отражалось на содержании налоговых сводок. Все это делает практически невозможным использование исследователем этих материалов без предварительной их обработки. Предварительная же обработка, а тем более анализ огромного массива цифрового материала без применения специальных математических методов и ЭВМ также крайне затруднительны. Впервые такая обработка этих материалов с помощью математических методов была осуществлена В. П. Даниловым и Т. И. Славко в 1972 г.²²

В 30-е годы, когда колхозный строй в нашей стране победил, опыт работы по обследованию деревни, высокая квалификация большого

²⁰ «Крестьянское хозяйство РСФСР в 1922 г. по данным налоговых сводок обложения единым натуральным налогом». М., 1923; «Сельское хозяйство Союза ССР в 1923/24 по данным налоговых сводок по единому сельскохозяйственному плану». М., 1924. Программы подворных переписей в эти годы, а также в 1928/29 г. («Сельское хозяйство Союза ССР в 1928/29 г. по данным налоговых сводок по единому сельхозналогу». М., 1931) и их разработка как по содержанию, так и по объему сведений существенно отличались от последующего четырехлетия («Сельское хозяйство Союза ССР в 1924/25 г. по данным налоговых сводок по единому сельхозналогу». М., 1926; «Сельское хозяйство Союза ССР в 1925/26 г. по данным налоговых сводок по единому сельхозналогу». М., 1926; «Сельское хозяйство Союза ССР в 1926/27 г. по данным сводок по единому сельхозналогу». М., 1927; «Сельское хозяйство Союза ССР в 1927/28 г. по данным налоговых сводок по единому сельхозналогу». М., 1928).

²¹ Наиболее полная публикация результатов весенних 10%-ных переписей см.: «Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР. 1916 г. и 1923—1927 гг.» М., 1930.

²² В. П. Данилов, Т. И. Славко. О путях исследования данных налоговых сводок по сельскому хозяйству СССР за 1924/25—1927/28 гг. — «История СССР», 1972, № 5.

отряда статистиков позволили дать ряд интересных публикаций (прежде всего ЦСУ СССР, ЦУНХУ Госплана СССР) о состоянии колхозов. Эти материалы не только помогали организационно-хозяйственному укреплению колхозов, но и имели большое морально-политическое значение. Мир на цифрах и фактах убеждался в полной победе колхозного строя в СССР.

Общезвестна научная значимость материалов сплошных обследований и переписей колхозов, проведенных в 1927—1931 гг.²³ и опубликованных в специальных изданиях ЦУНХУ Госплана и Наркомзема СССР²⁴. После 1931 г. от проведения сплошных обследований и переписей отказались, ибо рост коллективизации превращал бы сплошное обследование колхозов в общую сельскохозяйственную перепись. С 1933 г. ЦУНХУ перешло к выборочным динамическим обследованиям колхозов, результаты которых, однако, не были опубликованы²⁵.

Важнейшие показатели, определяющие развитие сельского хозяйства за годы первой и начало второй пятилеток, представлены в ряде сборников, наиболее интересными из которых являются: «Социалистическое строительство СССР» (М., 1934, 1935 и 1936 гг.), «Сельское хозяйство СССР. Ежегодник, 1935» (М., 1936). Приводимые в них сведения о посевных площадях, урожайности и валовых сборах, поголовье скота идентичны (уточнения вносились только в данные, относящиеся к году публикации этих сборников). Показатели сельскохозяйственного производства за первую пятилетку, помещенные в этих изданиях, в целом являются достоверными. Однако следует иметь в виду, что данные о поголовье скота на середину года недостаточны для характеристики состояния животноводства. Предпочтение следует отдавать аналогичным данным на конец года, учитывающим забой скота в связи с мясозаготовками. Всесоюзные (январские) переписи скота стали проводиться с 1935 г. В опубликованном в 1957 г. ЦСУ СССР сборнике «Численность скота в СССР», а также в последующих статистических изданиях сведения о поголовье скота переведены на январь каждого года (для периода с 1928 по 1934 г. был сделан соответствующий перерасчет)²⁶.

Вся статистика СССР в 1930 г. подразделялась на общегосударственную, осуществляющуюся органами ЦУНХУ при Госплане СССР, и ведомственную. Исходным материалом ведомственной статистики (Наркомзема СССР) служила главным образом оперативная и периодическая отчетность колхозов, МТС и совхозов. Первичным звеном общегосударственной статистики была сеть участковых инспекторов. На своем участке инспектор проводил учетно-статистическую работу по сельскому хозяйству, промышленности, строительству, культуре и населению.

²³ Сведения о динамике колхозного строительства до 1926 г. нуждаются в весьма критическом отношении, поскольку данные источников, опубликованные в сборниках Колхозцентра «На путях к крупному сельскохозяйственному производству» (М., 1928); «Колхозы СССР. Из итогов строительства сельскохозяйственных коммун, артелей и товариществ по общественной обработке земли в 1925 г.» (М.—Л., 1926), противоречивы.

²⁴ «Колхозы в 1928 г. Итоги обследования колхозов». М.—Л., 1932; «Колхозы в 1929 г. Итоги сплошного обследования колхозов». М., 1931; «Колхозы в 1930 г. Итоги рапортов колхозов XVI съезду ВКП(б)». М.—Л., 1931; «Колхозы весной 1931 года. Статистическая разработка отчетов колхозов об итогах весеннего сева 1931 г.». М.—Л., 1932. Аналогичные разработки были и по крупным экономическим районам («Колхозы Западной области. По материалам сплошного обследования в 1930 г.». М.—Смоленск, 1930; «Колхозы Северо-Кавказского края (по материалам обследования колхозов к XVI съезду ВКП(б)). Ростов-на-Дону, 1930; «Колхозы на Урале в 1928 г.». Свердловск, 1929; «Колхозы Средне-Волжского края (по учету на 1 мая 1930 г.)», вып. 3. Самара, 1930) и др.

²⁵ Об этом см. *И. Е. Зеленин*. Динамическое обследование колхозов за 1933—1934 гг. — «Источниковедение истории советского общества», вып. II. М., 1968, стр. 339—355.

²⁶ *И. Е. Зеленин*. Основные показатели сельскохозяйственного производства в 1928—1935 гг. — «Тезисы докладов и сообщений восьмой (Московской) сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (сентябрь 1965 г.)». М., 1965, стр. 196—197.

Общегосударственная и ведомственная статистика, с одной стороны, были тесно связаны, зачастую у них совпадал и объект изучения; вместе с тем в ряде случаев наблюдались и существенные различия как в содержании, так и в форме проводимой работы.

Одним из важнейших разделов статистики сельского хозяйства является учет урожайности и валовых сборов сельскохозяйственных культур. С 1939 г. был осуществлен переход к исчислению урожайности на корню — биологического урожая. Это не давало, однако, представления о действительном размере валового урожая.

В 1959 г. ЦСУ СССР в статистическом ежегоднике «Народное хозяйство СССР в 1958 году» ввело в оборот новые, существенно уточненные данные о темпах роста валовой продукции сельского хозяйства и амбарных сборах и урожайности зерна²⁷.

За годы второй и третьей пятилеток появился еще ряд статистических сборников, посвященных состоянию сельского хозяйства²⁸.

В предвоенные годы публикацией материалов государственной и ведомственной статистики по существу и ограничивалась печатная документальная база по истории колхозного строительства, развитию сельского хозяйства.

В первые послевоенные годы тематика ретроспективных публикаций по аграрной истории советского общества по-прежнему ограничивалась сюжетами первых лет Советской власти. В это время продолжали выходить публикации о крестьянском движении в 1917 г., о комбедах и др.²⁹

В 1954 г. появился интересный и значительный для своего времени сборник «Аграрная политика Советской власти», включивший документы, освещающие аграрную политику Советской власти с октября 1917 г. по март 1919 г. В сборник вошли важнейшие документы В. И. Ленина, Коммунистической партии, законодательные акты, а также материалы местных партийных и советских органов, раскрывающие роль народных масс в проведении декрета «О земле», организации первых колхозов и совхозов и т. д. Важное значение имеют документы, помещенные в приложении, в частности таблица о ликвидации помещичьего, монастырского и церковного землевладений по 32 губерниям РСФСР на 1 ноября 1918 г., составленная по материалам фонда Наркомзема. Эти данные — одни из немногих, которые содействуют исчислению так называемого «баланса» аграрной революции (т. е. определение количества земли, полученной крестьянами в результате ликвидации помещичьего, монастырского, церковного и прочего нетрудового земледелия), сведения о котором не уточнены по сей день (данные источников разных лет и разных учреждений колеблются от 20 млн. до 150 млн. га).

В литературе уже отмечались слабые стороны этого сборника³⁰.

²⁷ Подробнее об этом см. *М. А. Вылцан*. Основные показатели сельскохозяйственного производства в довоенные годы (1935—1940). — «Тезисы восьмой (Московской) сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (сентябрь 1965 г.)», стр. 200—201.

²⁸ «Сельское хозяйство от VI к VII съезду Советов». М., 1935; «Машины и орудия в социалистическом сельском хозяйстве Союза ССР». М., 1936; «Сельское хозяйство СССР. Ежегодник 1935 г.». М., 1936; «МТС во второй пятилетке». М.—Л., 1939; «Социалистическое сельское хозяйство Союза ССР». М.—Л., 1939; «Животноводство СССР за 1916—1938 гг.» Статистический сборник. М.—Л., 1940. Чтобы закончить обзор этого вида публикаций, укажем, что в послевоенные годы подобные издания появлялись несколько раз («Посевные площади СССР», т. I. М., 1957; «Сельское хозяйство СССР». М., 1960), а потом фактически слились с ежегодными статистическими сборниками по народному хозяйству.

²⁹ «Крестьянское движение в Казанской губернии накануне Великой Октябрьской социалистической революции». Сборник документов, т. I. Казань, 1950; «Наказ крестьян Шалинской и Тертежской волости Красноярского уезда Енисейской губернии в Учредительное собрание». — «Ученые записки Красноярского пединститута», т. 9, вып. 1, 1957.

³⁰ Критические замечания на этот сборник см. *С. И. Якубовская*. К вопросу об изучении и публикации источников советского периода. — «Проблемы источниковедения», т. IV. М., 1955, стр. 55—56, 58; *В. П. Данилов*. Основные итоги и направления изу-

Вместе с тем он знаменует собой как бы завершение первого этапа публикации документов по аграрной истории советского общества, когда основное внимание было уделено проблемам аграрной истории первых лет Советской власти. Однако это не означало полного прекращения публикаций по данной проблематике. В многочисленных сборниках, посвященных 40-летию Советской власти ³¹, была включена определенная часть документов, посвященных аграрным преобразованиям и началу социалистического строительства в деревне, продолжали появляться и тематические сборники, в частности, названные ранее сборники по комбедам и др. вопросам ³². Однако акцент постепенно перемещается на другую тему.

В это время на страницах журнала «Исторический архив», такого издания, как «Материалы по истории СССР», публиковались подборки документов о зарождении и развитии колхозного движения до сплошной коллективизации, о развитии сельскохозяйственной кооперации и ее роли в подготовке коллективизации сельского хозяйства, об участии рабочих в колхозном строительстве, о двадцатипяти тысячниках, о строительстве первых совхозов и их роли в социалистическом преобразовании сельского хозяйства, о работе политотделов совхозов, о первых аграрных преобразованиях 1940—1941 гг. в Прибалтике, о работе колхозов в период Великой Отечественной войны ³³.

В разнообразной, на первый взгляд, проблематике всех этих публикаций отчетливо проступала генеральная тема — история коллективизации сельского хозяйства в СССР. Первой большой публикацией по этой теме был упомянутый ранее сборник «Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления партии и Советского правительства. 1927—1935 гг.»

Вслед за публикацией директивных материалов появляются и смешанные по составу сборники, они выходят в Херсоне, Краснодаре ³⁴.

Ряд документов по коллективизации был включен в такие сборники, как: «Борьба КПСС за социалистическую индустриализацию страны и подготовку сплошной коллективизации сельского хозяйства (1926—1929 гг.). Документы и материалы» (М., 1960), «Саратовская партийная организация в годы социалистической индустриализации страны и подготовки сплошной коллективизации сельского хозяйства» (Саратов, 1960), «Саратовская партийная организация в период наступления социализма по всему фронту. Создание колхозного строя. Документы и материалы. 1930—1932 гг.» (Саратов, 1961).

С 1961 г. выходит общесоюзная серия документальных материалов «История коллективизации сельского хозяйства СССР». Она осуществляется Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, институтами истории СССР и экономики АН СССР, центральными, республиканскими и областными архивами во главе с Главным архивным управлением при Совете Министров СССР. Общее руководство и координацию проводит Главная редакция, возглавляемая академиком П. Н. Пospelовым.

К настоящему времени вышло в свет 16 томов ³⁵, а также 3 тома по истории коллективизации сельского хозяйства на Украине, которые явля-

чения истории советского крестьянства. — «Проблемы аграрной истории советского общества». М., 1971, стр. 214.

³¹ См. «Каталог сборников документов, изданных архивными учреждениями СССР. 1917—1960 гг.» М., 1961.

³² «Революционная борьба крестьян Казанской губернии накануне Октября». Сборник документов и материалов. Казань, 1958.

³³ «Исторический архив», 1955, № 2; 1956, № 1, 3; 1959, № 5; 1960, № 1, 3; 1962, № 5, 6; «Материалы по истории СССР», т. I. М., 1955; т. VII. М., 1959.

³⁴ «Из истории социалистического преобразования сельского хозяйства на Херсонщине (1918—1943 гг.)», вып. I. Херсон, 1957; вып. II, 1957; вып. III, 1960; «Коллективизация сельского хозяйства на Кубани», т. I. Краснодар, 1959.

³⁵ «Подготовка условий сплошной коллективизации сельского хозяйства Узбекистана (1927—1929 гг.)». Ташкент, 1961; «Социалистическое переустройство сельского хозяйства в Узбекистане (1917—1926 гг.)». Ташкент, 1962; «Коллективизация сель-

ются по существу составной частью серии, хотя формально и не входят в ее состав³⁶. Первые тома были положительно встречены научной общественностью³⁷. В резолюции конференции по аграрной истории советского общества 1969 г. отмечалась исключительная важность издания серии³⁸.

По составу опубликованные материалы можно условно сгруппировать следующим способом:

а) документы директивного характера (решения партийных, советских и колхозно-кооперативных органов по вопросам коллективизации сельского хозяйства, директивы, циркуляры, письма этих органов низовым организациям и т. п.);

б) отчетно-информационные материалы (доклады и отчеты на съездах, конференциях, пленумах, совещаниях партийных и советских организаций, докладные записки и информационные сводки, материалы обследований и сообщения с мест, корреспонденции в периодической печати и др.);

в) инициативно-учредительные документы (протоколы собраний крестьян, заседаний правлений колхозов, уставы коллективных хозяйств, обращения колхозников, договоры о социалистическом соревновании и т. д.);

д) документы личного происхождения (письма крестьян, рабочих — 25-тысячников, заявления о приеме в колхоз, выступления на съездах, конференциях и слетах крестьянских делегатов, рассказы колхозников о колхозной жизни, воспоминания об организации и становлении колхозов).

В целом отбор документов всей серии проведен удачно. Они позволяют всесторонне раскрыть процесс коллективизации, его успехи, трудности, его сложность.

ского хозяйства в Северном районе (1927—1937 гг.). Вологда, 1964; «Социалистическое переустройство сельского хозяйства Молдавской АССР (1920—1937 гг.)». Кишинев, 1964; «Коллективизация сельского хозяйства Казахстана (1926—1941 гг.)», ч. 1, 2. Алма-Ата, 1967; «Коллективизация сельского хозяйства в Западном районе РСФСР (1927—1937 гг.)». Смоленск, 1968; «Коллективизация сельского хозяйства в Туркменской ССР (1927—1937 гг.)». Ашхабад, 1968; «Коллективизация сельского хозяйства Татарской АССР (1927—1937 гг.)». Казань, 1968; «Коллективизация крестьянских хозяйств в правобережных районах Молдавской ССР». Кишинев, 1969; «Колхозно-кооперативное строительство в Киргизии (1918—1929 гг.)». Фрунзе, 1969; «Коллективизация сельского хозяйства в Среднем Поволжье (1927—1937 гг.)». Куйбышев, 1970; «Коллективизация сельского хозяйства в Северо-Западном районе (1927—1937 гг.)». Л., 1970; «История коллективизации сельского хозяйства Грузинской ССР (1927—1937 гг.)». Тбилиси, 1970; «Коллективизация сельского хозяйства Центрального промышленного района (1927—1937 гг.)». Рязань, 1971; «Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927—1937 гг.)». Краснодар, 1972; «Коллективизация сельского хозяйства Западной Сибири (1927—1937 гг.)». Томск, 1972.

³⁶ «История коллективизации сельского хозяйства Украинской ССР. 1917—1937 гг.», т. 1. Киев, 1962; т. 2. Киев, 1965; т. 3. Киев, 1971 (на укр. яз.). Не входят в серию и изданные в 60-е годы сборники: «Из истории коллективизации сельского хозяйства Рязанской области (1927—1935 гг.)». Рязань, 1962; «Путь трудовых побед (Из истории возникновения и развития колхозов в Астраханском крае (1918—1936 гг.)». Волгоград, 1967.

³⁷ М. Л. Богденко. Первые тома общесоюзной серии документов и материалов по истории коллективизации сельского хозяйства СССР. — «Вопросы истории», 1969, № 8; Н. А. Иеницкий. О публикации документов по истории коллективизации сельского хозяйства. — «Археографический ежегодник за 1967 год». М., 1969; Л. И. Арапова, К. И. Рудельсон. Новый этап развития советской археографии. — «Вопросы истории», 1971, № 6, стр. 57; Х. Н. Дриккер. Сборник документов о коллективизации в Казахстане. — «Известия АН Казахской ССР». Серия общественная, 1969, № 3; А. Ф. Чмыга. История коллективизации сельского хозяйства Украинской ССР, т. 1. — «Вопросы истории», 1964, № 4; Х. Бисерева. Сборник по истории коллективизации сельского хозяйства Казахстана. — «Сельское хозяйство Казахстана», 1968, № 6; П. Бойков, В. Гру. История кооперирования крестьян Молдавии в документах. — «Коммунист Молдавии», 1969, № 9.

³⁸ «Проблемы аграрной истории советского общества». Материалы научной конференции 9—12 июня 1969 г. М., 1971, стр. 363.

Все сборники построены по хронологическому принципу и единой схеме расположения документов, последовательно раскрывающей три главных вопроса: материально-технические, организационные и пр. предпосылки коллективизации, сплошная коллективизация и ликвидация на ее основе кулачества как класса, завершение коллективизации и организационно-хозяйственное укрепление колхозов.

Документы серии всесторонне показывают историческую обусловленность коллективизации, зрелость политических, материально-технических и пр. предпосылок ее, необходимость ликвидации кулачества как класса, формы и методы этого процесса, его социально-экономические последствия и те глубочайшие качественные изменения, которые произошли в самом крестьянстве в процессе осуществления ленинского кооперативного плана.

Издание документов по союзным республикам, регионам и сводных материалов по СССР в целом дает возможность избежать дублирования в публикации документов и уделить внимание раскрытию специфики осуществления коллективизации в той или иной республике или регионе.

В то же время некоторые стороны коллективизации получили недостаточное освещение. Не по всем сборникам имеются такие подробные сведения о динамике коллективизации, как, например, в сборнике по Правобережной Молдавии, слабо показана эволюция социального состава колхозов, отсутствуют документы о роли совхозов в колхозном строительстве, нет обобщающих данных о колхозном производстве в период второй и третьей пятилеток и др.

Все сборники серии археографически обработаны и опубликованы по единой программе, обусловленной «Правилами издания документов советского периода»³⁹ и специальной инструкцией ГАУ по археографической обработке серии «История коллективизации сельского хозяйства СССР» (М., 1963).

Археографическая обработка проведена довольно тщательно. Однако встречаются документы без легенд (№ 53 татарского сборника), в отдельных случаях датировка документов сомнительна (№ 90, 99 — татарский сборник, № 131 — северо-западный), а то и вовсе не точна (№ 26 — татарский, 125 — северо-западный).

Ряд документов дан в извлечениях. В большинстве случаев опускались сведения, не относящиеся к сельскому хозяйству. Но иногда оказывались опущенными разделы, прямо относящиеся к теме, главным образом, из-за большого объема этих документов. Однако соответствующей оговорки в подобных случаях не делалось. Это относится к некоторым купюрам ленинградского сборника: опущены постановления областного комитета партии о поднятии руководящей и организующей роли МТС в колхозном производстве, о проведении в жизнь решения ЦК ВКП(б) «О принудительном обобществлении скота» и о борьбе с «левыми» загибщиками (док. № 85), опущены разделы «Коллективизация» и др. в конъюнктурном обзоре Наркомзема Карелии за 1932 г. (№ 86), опущены «таблицы о семефондах и введении сдельщины в колхозах» (№ 81) и пр. В средневолжском сборнике опущены данные обследования выборных органов колхозной системы, о социальном положении крестьян на конец 1929 г. (№ 39) и др.

Сборники снабжены справочным аппаратом: предисловие, хроники важнейших постановлений и решений партийных и советских органов по сельскому хозяйству, развернутые комментарии, предметно-тематические, именные и др. указатели, списки использованных источников, списки сокращений, перечень публикуемых документов и пр. К сожалению не во всех сборниках соблюдено единообразие справочного аппарата.

³⁹ Составители последних томов руководствовались «Правилами издания исторических документов в СССР». М., 1969.

В некоторых нет перечня опубликованных документов (Казахстан, Северо-Запад, Север, Татария), предметного указателя (Казахстан, Северо-Запад, Север). Примечания охватывают не все документы, нуждающиеся в комментировании.

Нет нужды говорить о том большом значении, которое имеет предисловие к документальным сборникам. В большинстве сборников предисловие сводится к раскрытию содержания документов (туркменский, киргизский, узбекский и др. сборники); иногда дается чисто формальная декларативная оговорка относительно необходимости научной критики источника (см. западный сборник, стр. 16). Но есть и введения, приближающиеся к наиболее желательному варианту. Это северный и северо-западный сборники. В последнем, например, дается критическая оценка конкретных документов (см. стр. 11, 12, 13, 14 и др.), вносящая существенные коррективы при анализе динамики и темпов коллективизации, ошибок и перегибов при ее проведении.

В результате работы над сборниками выявлен огромный фактический материал, из которого в публикации вошла, естественно, лишь небольшая часть (примерно — десятая в Татарии, двадцатая в Казахстане и на Северо-Западе, сотая — в Грузии и Северном районе и т. д.).

Практика публикаторской работы подсказывает несколько возможных путей использования выявленного, но не опубликованного материала: составление перечней, регестов, различных таблиц, комментарий, приложений, хроники событий и т. д. Этот опыт ныне закреплен «Правилами» издания исторических документов 1969 г. (см. стр. 15).

Составители сборников данной серии широко используют эти дополнительные возможности, чаще всего в виде развернутого комментария. Комментарий дает возможность одновременно решать две задачи: использовать выявленные, но не включенные документы и тем самым предельно насытить комментарий информацией. В этом отношении прекрасно выглядят северный и северо-западный сборники. Особенно хорошее впечатление оставляют те страницы комментария северного сборника, которые посвящены проблеме ликвидации кулачества как класса.

Желательно, чтобы составители будущих томов серии еще шире оперировали комментариями.

Гораздо реже встречаются другие формы использования выявленного, но неопубликованного материала. Например, редко приводятся в качестве приложения таблицы, составленные на основе документальных материалов. Это возможно осуществить в случае, если документы имеют единый формуляр или аналогичное содержание. В практике издания документальных публикаций по аграрной истории советского общества уже были случаи составления подобных таблиц. Напомним хотя бы важную таблицу о ликвидации помещичьего, монастырского и церковного землевладения по 32 губерниям РСФСР на 1 ноября 1918 г., опубликованную в приложении к сборнику «Аграрная политика Советской власти». Ныне составители сборника по истории коллективизации сельского хозяйства в Казахстане дали в качестве приложения сводку основных показателей об организационно-хозяйственном укреплении колхозов в 1936—1940 гг.⁴⁰

К сожалению, совершенно не использована такая форма, как составление перечней, не вошедших в публикацию документов.

Это противоречие между требованиями современных археографов и практическими возможностями публикаторов в серии «История коллективизации сельского хозяйства СССР» разрешено следующим образом. В тех архивах, где происходило выявление документов серии «История коллективизации сельского хозяйства в СССР», и в координационных

⁴⁰ «Коллективизация сельского хозяйства Казахстана» (1926—1941 гг.) ч. 2, стр. 545—547.

центрах, где документы собирались, имеются картотеки всех выявленных материалов. Представляется целесообразным составить обзор этих картотек, а в перспективе желательно издание сводного перечня самостоятельным томом, как приложение к серии.

По мере накопления опыта издания серии документов по коллективизации сельского хозяйства заметно улучшение качества последних томов по сравнению с первыми: более тщательный отбор документов (в том числе достижение разумного сочетания директивных, исполнительных и итоговых документов), унификация их археографического описания, более содержательные комментарии, тяготение к единому формату и т. д.

Долгое время не был решен вопрос о начальных хронологических границах серии. Большинство сборников начиналось 1927 г., но некоторые — 1917 г. (в Киргизии, Узбекистане, на Украине). Вопрос был снят сам по себе, когда ГАУ при Совете Министров СССР наметило издание еще одной серии сборников документов по истории кооперативно-колхозного строительства СССР в 1917—1927 гг. Таким образом, открывается возможность процесс социалистического преобразования сельского хозяйства отразить полностью.

Гораздо хуже обстоит дело с публикацией документов по истории послевоенной деревни. Правда, в середине 60-х годов проявился интерес к теме, выдвинутой самой жизнью, — подвигу советского народа по освоению целинных и залежных земель⁴¹. Среди разнообразных по составу документов о целине большое место заняли такие редко включаемые в тематические сборники материалы, как письма, дневники, путевые заметки. Комплексы подобных материалов составили целые сборники⁴². Романтический настрой путевых заметок, интимность и вместе с тем глубокая публицистичность писем создавали специфические по своему внутреннему содержанию документы. Инициаторами создания целинных сборников выступали центральные и местные партийные и комсомольские организации, журналисты. Эти публикации были рассчитаны прежде всего на массового читателя.

К сожалению, историки и архивисты не оказались в первых рядах участников этой важной работы. Исключение составляет удачный опыт ученых Казахстана. Подготовленные Институтом истории партии при ЦК КП Казахстана («Коммунистическая партия Казахстана в борьбе за освоение целинных и залежных земель») и Институтом истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР («Народное движение за освоение целинных земель в Казахстане») сборники отличались довольно тщательным отбором документов, правильной археографической обработкой, лаконичным, но емким комментарием.

Этим на сегодняшний день и ограничивается публикация документов по истории современной советской деревни. Необходимо активизировать деятельность по подготовке и публикации документальных материалов по этой важной проблематике. На это обстоятельство, как на актуальную задачу, указывалось в рекомендациях научных конференций историков-аграрников, проходивших в 1969 и 1973 гг.

⁴¹ «Славная победа трудящихся Казахстана». Алма-Ата, 1956; «Цвети, Целинный край». Алма-Ата, 1958; «Край несметных богатств». Сборник материалов. Караганда, 1958; «Коммунистическая партия Казахстана в борьбе за освоение целинных и залежных земель». Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1958; «Народное движение за освоение целинных земель в Казахстане». Сборник документов. М., 1959; «В краю просторов и подвигов. Молодежь на целине». Сборник документов. М., 1962; «Молодежь Чувашии на целине». Очерки, статьи, документы. Чебоксары, 1966; «Документы о всенародном подвиге, об освоении целинных и залежных земель». — «Вопросы архивоведения», 1961, № 2.

⁴² «Письма с целины». Сборник. М., 1955; «Нам сибирские дали близки. Путевые заметки и дневники студенческих бригад, побывавших в районах освоения целинных и залежных земель». М., 1956; «На целинных землях. Письма и рассказы белорусских переселенцев». Минск, 1957; Ф. Д. Чащин. Дорога, которая всегда нова (Письма с целины). Кишинев, 1960.

Советская историческая наука получила за годы Советской власти большое количество публикаций документальных материалов по аграрной истории советского общества. Накоплен богатый опыт публикаторской работы, особенно в связи с серийным изданием истории коллективизации сельского хозяйства. Можно сказать, что данная серия вобрала максимально возможное из требований современной археографии. Это прежде всего касается выбора типа изданий. Издание серии подтвердило, что характер и форма публикации документальных материалов зависят от решения тех или иных задач, которые в каждом конкретном случае выдвигает историческая наука. В данном случае принцип тематической публикации оказался наиболее целесообразным. Тематическое многотомное издание с его большим массивом документов как бы нейтрализует возможность односторонности и субъективизма и создает благоприятную базу для глубокого исторического исследования. Далее это касается разработки и внедрения принципов отбора публикуемых материалов, составления научно-справочного аппарата и в первую очередь комментариев, написания предисловий и др.

Издание «Истории коллективизации сельского хозяйства в СССР» показывает результативность совместной работы сотрудников научных учреждений, архивов, преподавателей вузов. Вероятно, целесообразно и впредь еще шире привлекать к публикаторской работе экономистов, статистиков, социологов, а, главное, заинтересовывать в ней возможно больший круг местных архивов.

Вместе с тем рассмотренные сборники обнаруживают и те недочеты публикаторской работы, которые предстоит преодолеть.

Обращает на себя внимание еще недостаточно научно обоснованный отбор документов. Не всегда представленные документы раскрывают важнейшие проблемы. В частности, такая проблема, как структура реальных экономических связей, особенно в период становления социалистических производственных отношений документирована далеко не достаточно. Еще встречается много мелких, случайных документов, документов, опубликованных ранее, газетных и журнальных материалов. Имеющееся расхождение в цифровых показателях не всегда объяснено, подчас требуется большая мотивировка встречающихся купюр и т. д.

Совершенствование приемов публикации документов по аграрной истории советского общества тем более необходимо, что в ближайшее время будут предприняты издания по колхозно-кооперативному строительству в первые годы Советской власти, планируется завершить издание документов по истории крестьянского движения в России и, в частности, крестьянской войны против помещиков, развернувшейся в 1917 г. Не за горами издание документов по истории современной деревни. С целью дальнейшего совершенствования приемов издания исторических источников представляется полезным сравнение однотипных изданий (скажем, по истории коллективизации и истории индустриализации).

В. Д. Лихачева

ЗАДАЧИ КАТАЛОГА ИЛЛЮМИНОВАННЫХ ВИЗАНТИЙСКИХ РУКОПИСЕЙ СОБРАНИЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

В Советском Союзе — одно из самых больших собраний в мире византийских рукописей. Среди них многие кодексы содержат миниатюры, а еще большее число рукописей украшено заставками и инициалами. Эти рукописи хранятся в Москве (Государственный Исторический музей, Государственная библиотека им. В. И. Ленина, Государственная Третьяковская галерея, Оружейная палата Московского Кремля, библиотека Московского Государственного университета), Ленинграде (Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Библиотека Академии наук СССР, Государственный Эрмитаж), Киеве (Библиотека Лавры), Смоленске (Областной краеведческий музей).

Основные собрания греческих рукописей имеют свои каталоги¹. В эти каталоги наряду с лишенными художественного оформления включаются иллюминированные кодексы. Имеющиеся в них украшения обычно упоминаются в каталогах с указанием листов, на которых они располагаются. Между тем, несомненно, иллюминированные рукописи должны иметь свой самостоятельный каталог.

Термином «иллюминированные» обозначаются не только иллюстрированные кодексы, то есть имеющие миниатюры, но и украшенные заставками и инициалами. Однако не любые заставки и инициалы позволяют отнести рукопись к разряду иллюминированных. Обычно сами византийские писцы, желая отметить начало или конец главы, отделить одну часть от другой, рисовали заставки и инициалы, которые имели и декоративное назначение. Прочерченные теми же чернилами, что и текст, а иногда кармином, они не всегда просты по форме. Чаще всего заставка в рукописях XI—XV веков имеет форму волнистой черты, оканчивающейся и начинающейся трилистником. Инициалы в тех же рукописях писцы оформляют орнаментом усиков. Однако такие рукописи не могут быть отнесены к иллюминированным. Последние содержат, кроме простых инициалов и заставок, еще те, которые созданы художником, работающим в скриптории рука об руку с писцом. Для украшенных инициалов писец оставлял рядом со строками текста место, а иногда и маленькую букву, указывая тем самым, какую литеру должен нарисовать художник. Эти маленькие буквы — подсказки называются репрезентанты, но их сохранили далеко не все иллюминированные кодексы.

Иллюминированные рукописи — это те, над оформлением которых работали писец и художник. Не всегда они трудились, создавая кодекс,

¹ *Арх. Владимир*. Систематическое описание рукописей Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки, ч. I. Рукописи греческие. М., 1894; *Е. Э. Гранстрем*. Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ. Вып. 1—8. — «Византийский временник». М., т. XVI, 1959; т. XVIII, 1961; т. XIX, 1961; т. XXIII, 1963; т. XXIV, 1964; т. XXV, 1964; т. XXVII, 1967; т. XXVIII, 1968; т. 31, 1971; т. 32, 1971.

одновременно. Некоторые рукописи, оформленные первоначально только заставками, были через много лет украшены листами с миниатюрами. Так, например, Евангелие греч. 53 ГПБ, написанное в IX в., первоначально не имело миниатюр, но только заставки. Изображения же четырех евангелистов были вставлены в кодекс через четыре столетия по его созданию. Не всегда миниатюры возникают в рукописи одновременно. Нередко в течение многих веков кодексы дополняются новыми миниатюрами. Классическим примером такого рода кодексов может служить Евангелие ГПБ, греч. 118. Написанное в XII в. оно тогда же было украшено четырьмя орнаментированными заставками и инициалами. В XIII в. были включены в рукопись миниатюры с изображениями евангелистов. Уже в XV в. деспот Мистры Димитрий Палеолог, которому принадлежало Евангелие, приказал изобразить себя молящимся на одном из его листов. Бежав в Италию от турок, он взял с собой рукопись, и здесь в Италии уже в XVI в. она была еще раз украшена серией дополнительных иллюстраций.

Таким образом, хронологический принцип написания рукописи, который служит основным при распределении материала в общем каталоге византийских рукописей, не создает системы для их художественного оформления, которое может относиться к иному времени, чем письмо. Каталог иллюминированных рукописей, в котором произведения будут распределены соответственно времени возникновения их художественного оформления, будет способствовать изучению не только самих рукописей, но и произведений византийской живописи.

Среди византийских рукописей многие точно датированы и локализованы. Сравнение их миниатюр с иконами позволяет датировать последние, проведя стилистический анализ. Скажем, для периода XI столетия, как справедливо указывает К. Вейцман², миниатюры служат основанием для определения икон, изучение которых только еще начинается.

Почерк рукописи не всегда дает основания для выяснения места ее возникновения, заполнить многие пробелы в этом отношении могут иллюстрации. Так, в XI—XII в. минускул, которым написаны греческие рукописи, отличается столь сильной унификацией форм, что кодексы часто кажутся написанными одним писцом. Между тем стиль, а еще более иконография миниатюр предоставляют более точные сведения.

Сравнение стиля миниатюр литургического свитка Библиотеки Академии наук СССР с иллюстрациями Евангелия Парижской Национальной библиотеки греч. 74 и Псалтири Британского Музея Ad. 19 352, созданными в Студийском монастыре, позволяет отнести его к тому же скрипторию. Это же подтверждается и иконографией миниатюр, среди которых встречается сцена инвеституры, характерная для рукописей Студийского скриптория. На полях свитка представлен и его настоятель святой Феодор Студит. Изображения императоров и членов императорской семьи на листах рукописей указывают на то, кто их заказал, и, следовательно, дают возможность определять их временем правления заказчика. К таким рукописям относится Апостол с Апокалипсисом греч. 2 библиотеки Московского государственного университета и Псалтирь греч. 214 Государственной Публичной библиотеки.

Стилистический анализ миниатюр позволяет восстановить рукописи, которые ныне волею судьбы разрознены и находятся в разных собраниях. Листы канонов согласия в Областном Краеведческом музее Смоленска происходят из Евангелия греч. 210 Государственной Публичной биб-

² К. Weitzmann. Studies in classical and byzantine manuscript illumination. London, 1971, p. 271.

лиотеки, что видно на основании сходства их рисунка, колорита, орнаментального декора с миниатюрами рукописи³.

Рукописи, разнообразно оформленные, включающие миниатюры разного содержания, декорированные листы канонов, заставки и инициалы, рамки, окружающие текст, должны быть описаны в каталоге по единой и четкой системе. Указания миниатюр, их стиля и иконографии с включением самых близких аналогий должны занимать первое место. Прежде всего следует указывать те черты в стиле и иконографии миниатюр, которые дают основания для датировки рукописи. Далее должно быть помещено описание собственно декора рукописи: заставок, инициалов, арок канонов. При этом особая сложность возникает при определении многочисленных орнаментов, которые применяли византийские художники. Существующая терминология требует своего усовершенствования. В каталоге должны быть отмечены общие принципы оформления листа, характерные для той или иной рукописи, связь текста и миниатюр. Византийский кодекс представляет собой единый и цельный организм, все части которого связаны и никогда не могут быть случайны.

В каталоге непременно следует отмечать сохранность художественного декора рукописи. Византийские миниатюры находятся сейчас в более плохом состоянии, чем современные им западные. В отличие от готических художников византийские наносили краску на хорошо отполированный пергамент. Краска на гладкой, лощеной поверхности кожи плохо держится и легко осыпается. Например, миниатюры рукописи Акафиста Богородицы Государственного Исторического музея греч. 429 по сравнению с их фотографиями, выполненными в 1862 г., имеют значительные утраты красочного слоя⁴. Краски в особенно катастрофических случаях сейчас закрепляют. Но в результате этой, хотя и весьма тактичной реставрации миниатюры во многом теряют свою живописность и легкость письма. Такую реставрацию нельзя считать бесспорной. Каталог должен отмечать выпадения краски в миниатюрах, чтобы со временем можно было проверить, продолжается ли процесс разрушения.

Если рукописи подвергались рентгенографии, то важно указать ее результаты, которые иногда бывают особенно значительными. Так, в ноябре 1968 г. И. П. Макрецовой, реставратором ВЦНИЛКР, была проведена реставрация кодекса греч. 101 Государственной публичной библиотеки, который по почерку относился к XII в. Было обнаружено, что под его миниатюрами, созданными в XIII столетии, имеются изображения, современные тексту.

В каталоге следует указывать литературу о рукописях с упоминанием точек зрения по вопросу об их художественном оформлении и воспроизведения, имеющиеся в изданиях.

При составлении каталога византийских рукописей собраний Советского Союза я использую принципы каталогов древней станковой живописи⁵, а также иллюминированных рукописей Византии в зарубежных собраниях, среди которых лучшими следует признать каталоги Национальной библиотеки Афин и Венской Национальной библиотеки⁶. При современном состоянии науки о византийских рукописях составление каталога иллюминированных рукописей Византии советских собраний — труд многих лет.

³ Т. А. Измайлова. К вопросу об иллюстрациях рукописи греч. 210 Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. — «Византийский временник», XXX, 1969.

⁴ «Фотографические снимки с миниатюр греческих рукописей, хранящихся в Московской Синодальной (б. Патриаршей) библиотеке», кн. 1. М., 1862.

⁵ В. И. Антонова, Н. М. Мневга. Каталог древнерусской живописи Государственной Третьяковской галереи. М., 1963.

⁶ P. Buberl. Die Miniaturenhandschriften der Nationalbibliothek in Athen. Wien, 1917; P. Buberl, H. Gerstinger. Die byzantinischen Handschriften der Nationalbibliothek in Wien. Leipzig, 1938.

Н. А. Казакова

ГРАМОТА ИВАНА III ПАПЕ АЛЕКСАНДРУ VI

Конец XV в. — время оживленных дипломатических и культурных сношений России с Италией. Активную роль в этих сношениях играли братья Ралева, Мануил и Дмитрий, сыновья Иоанна Раля, грека по национальности, выехавшего из Италии с семьей и поступившего на службу к Ивану III¹. В 1488 г. Мануил и Дмитрий были отправлены послами в Италию — Рим, Венецию, Милан — с известием о взятии Казани. Еще одной целью их посольства являлось приглашение в Россию мастеров, о чем свидетельствует летописная запись о возвращении посольства². Вторично Дмитрий Ралев был отправлен в Италию в 1499 г. О его отправлении летопись сообщает: «Того же месяца, марта, послал князь великий посольством Дмитрия Иванова сына Ларева Грека да Митрофана Федорова сына Корочарова за море до Италских стран о своих потребах»³. Послы должны были вернуться в 1500 г., однако попали они в Москву лишь в 1504 г., так как по пути были задержаны сначала волошским воеводой, а затем крымским ханом⁴. И на этот раз, возвратясь из Италии, Дмитрий Ралев привез с собой иностранных мастеров⁵.

Некоторые подробности о вторичном посольстве Дмитрия Ралева в Италию, основанные на итальянских источниках, сообщает П. Пирлинг. Он указывает, в частности, что Дмитрий Ралев присутствовал в Риме на речи папы Александра VI, произнесенной 11 марта 1500 г. с целью организации похода против турок. П. Пирлинг также отмечает, что русские послы были снабжены верительной грамотой, оригинал которой хранится в Венеции⁶. В одной из своих работ П. Пирлинг дает перевод текста грамоты на современный русский язык⁷.

В Рукописном отделе ГПБ в собрании Общества любителей древней письменности находится фотокопия оригинала грамоты. На обороте фотокопии надпись: «Venise, Bibl. St. Marc, Latini, Classe X^a, 174, p. 102» и подпись: «Pierling»; с правой стороны наклеен экслибрис Общества любителей древней письменности с написанным внизу шифром: № 5406,

¹ Е. Ч. Скржинская. Кто были Ралева, послы Ивана III в Италию (К истории итало-русских связей в XV веке). — «Проблемы истории международных отношений». Л., 1972, стр. 267—281.

² ПСРЛ, т. 27, стр. 288—289.

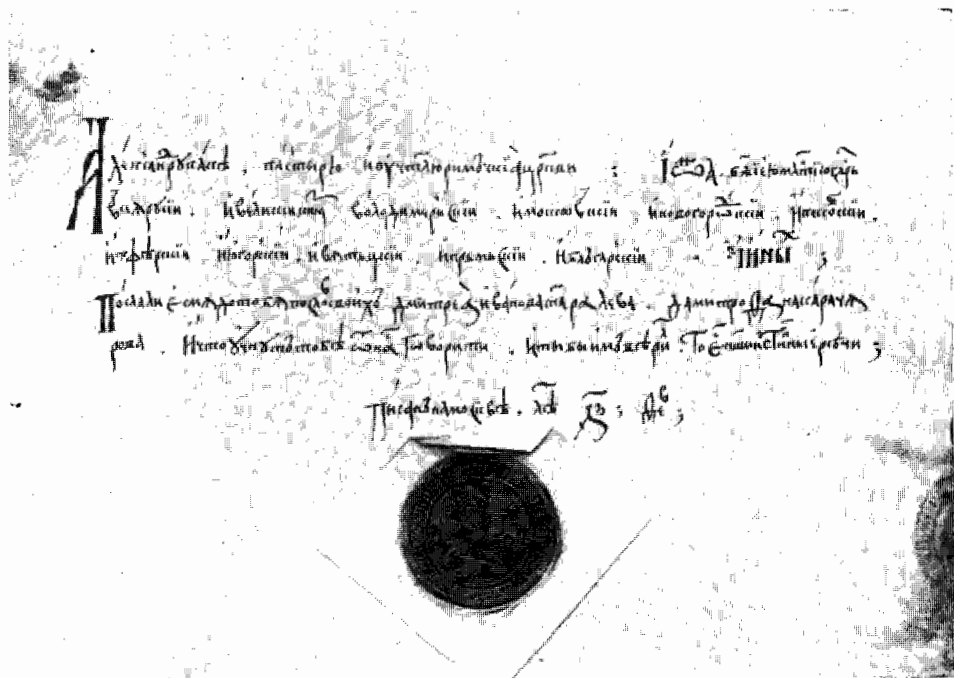
³ ПСРЛ, т. 28, стр. 332.

⁴ Е. Ч. Скржинская. Указ. соч., стр. 270.

⁵ ПСРЛ, т. 28, стр. 337.

⁶ П. Пирлинг. Дипломатические сношения Москвы с Римом в XV и XVI веках. — «Русская старина», т. 115, 1903, сентябрь, стр. 624, 629; *он же*. Россия и папский престол. кн. 1. М., 1912, стр. 235, 247.

⁷ О вольности этого перевода можно судить по следующему примеру: обращение к папе в тексте грамоты читается: «Александр папе, пастырю и учителю римския церкви», в переводе П. Пирлинга — «Папе Александру VI, архипастырю и главе римской церкви» (П. Пирлинг. Дипломатические сношения Москвы с Римом в XV и XVI веках, стр. 624).

Грамота Ивана III папе Александру VI

Q. CCL II»⁸. Фотокопия была подарена Пирлингом Обществу любителей древней письменности.

Текст грамоты следующий: «Александру папе, пастырю и учителю римския церкви. Иоан, божиею милостию государь всея Руси и великий князь володимерьский и московский, и новгородский, и псковский, и тферский, и югорский, и вятьцкии, и прьмьский, и болгарский, и иных. Послали есмя до тебя послов своих Дмитрея Иванова сына Ралева, да Митрофана Карачярова, и что учнут тебе от нас говорити, и ты бы им верил, то есть наши истинные речи. Писанъ на Москве, лета 7007, февраля».

Грамота, как правильно отметил П. Пирлинг, является верительной. Верительные, или «верющие» по древнерусской терминологии, грамоты, удостоверявшие полномочия послов, прочно бытовали в посольском обычае Русского государства второй половины XV в. Они встречаются в делах Посольского приказа в фондах сношений с Крымскою и Ногайскою ордами и с Турцией, с Польско-Литовским государством и Империей⁹; но в этих фондах верительные грамоты находятся в составе статейных списков лишь в виде копий, т. к. подлинники грамот отсылались иностранным государям.

Русские документальные источники о сношениях России с папством в XV—XVI вв. сохранились плохо. Наиболее ранние из них, хранящиеся в фондах Посольского приказа, относятся к концу XVI в.¹⁰ В «Пе-

⁸ ГПБ, РО, ОЛДП, Q 252. Текст грамоты воспроизведен старославянским шрифтом с сохранением пунктуации оригинала в «Описании рукописей ОЛДП» (Х. Лопарев. Описание рукописей Общества любителей древней письменности, ч. II, 1898, стр. 397). Поскольку «Описание рукописей ОЛДП» является библиографической редкостью, мы считаем полезным дать публикацию грамоты по фотокопии П. Пирлинга в соответствии с современными правилами издания исторических источников.

⁹ «Сборник Русского исторического общества», т. 35. СПб., 1882; т. 41. СПб. 1884; «Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными», т. I. СПб., 1851.

¹⁰ «Памятники дипломатических сношений древней Руси с державами иностранными», т. X. СПб., 1871. — В «Путеводителе по ЦГАДА» указано, что в фонде № 78, «Сно-

реписке пап с российскими государями в XVI веке» опубликовано несколько грамот, найденных в Римской Барбериниевой библиотеке, в их числе две грамоты Василия III к папе Клименту VII от апреля 1525 г. и декабря 1526 г.¹¹ Вторая грамота является «верющей»; формуляр ее почти полностью совпадает с формуляром нашей грамоты (отличия заключаются лишь в более обширной титулатуре Василия III). Но грамоты Василия III представляют собой латинские переводы. Грамота же Ивана III к папе Александру VI на русском языке является оригиналом. Таким образом, несмотря на свою принадлежность к разряду обычной и стандартной дипломатической документации, грамота Ивана III папе Александру VI интересна как один из ранних и редких памятников сношений России с папством, сохранившийся к тому же в подлиннике.

Интересно внешнее оформление грамоты. Текст грамоты, написанный беглым, со значительными элементами скорописи, но четким и изящным письмом, размещен в пяти строках. Три смысловые части текста — адресат, автор, изложение содержания — выделены графическими средствами. Наименование адресата («Александру папе . . .») начинается с инициала; первое и последние слова в обозначении автора (имя «Иоан» и последние слова титулатуры «и иных») написаны крупными буквами; с инициала начинается изложение содержания («Послали есмя . . .»). Выходные данные («Писанъ на Москве лета 7077, февраля») помещены под текстом грамоты в середине листа. Под выходными данными находится печать — воцанный оттиск под бумажной кустодией, имеющей форму ромба¹². На печати изображение всадника в развевающемся плаще, поражающего копьем дракона, лежащего под копытами коня; вокруг изображения круговая надпись: «Великий князь Иоан, божиею милостию господарь всея Руси»¹³.

Выделение смысловых частей грамоты графическими средствами, последовательно проведенное писцом, свидетельствует о том, что в великокняжеской канцелярии уже в конце XV в. выработался определенный тип внешнего оформления дипломатической документации, рассчитанный на зрительное восприятие, еще до чтения текста, его составных частей.

шения с римскими папами» имеются «Документы о сношениях московских великих князей Ивана Васильевича и Василия Ивановича с римскими папами (1485—1506)» — (ЦГАДА. Путеводитель, ч. I. М., 1946, стр. 62). Это указание ошибочно: в 78 фонде никаких документов, относящихся ко времени Ивана III и Василия III, нет; в деле № 4 (оп. 1) имеется лишь составленная в XVII в. «Краткая выписка о бывших из России в Рим к папам и от них к российским государям перепискам (1485—1673)», 3 л. (За справку автор приносит благодарность Е. М. Добрушкину).

¹¹ Переписка пап с российскими государями в XVI в. СПб., 1834, № 3, 4.

¹² А. Лакиер указывает, что форма кустодий была различна для различных грамот (А. Лакиер. Русская геральдика, кн. I. СПб., 1855, стр. 103).

¹³ Аналогичные печати имеются на грамотах Ивана III 1497, 1504 и около 1504 гг., касающихся внутривосточных отношений (СГГД, ч. I. М., 1813, стр. 333, 347, 348).

МОНАСТЫРСКИЕ ДОКУМЕНТЫ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ СЕРЕДИНЫ XVI В.

В острой внутриполитической борьбе середины XVI в. заметную роль играл Троице-Сергиев монастырь. С ним связана деятельность таких видных лиц, как бывший митрополит Иоасаф и старец Артемий. Иван IV пытался опереться на них в 1551 г., когда осифляне препятствовали осуществлению секуляризационных планов царя. Известно, что зимой 1551 г. Иван IV направлял решения Стоглава в Троице-Сергиев монастырь на рассмотрение бывшему митрополиту Иоасафу, бывшему ростовскому архиепископу Алексею и бывшему троицкому игумену Ионе Щелепину, причем решения Стоглава передавал Иоасафу троицкий игумен Серапион Курцев, и он же назван в некоторых списках Стоглава в числе лиц, передававших ответ Иоасафа царю¹.

Относительно смены игуменов в Троице-Сергиеве монастыре в 1551—1552 гг. сведений крайне мало. Наиболее проверенные данные изложил А. А. Зимин: в декабре 1550 г. и феврале 1551 г. игуменом монастыря был еще Серапион, в мае и октябре 1551 г. — Артемий². Период с февраля по май остается загадочным. Неясно и время ухода Артемия. В рукописях XVII в., содержащих списки троицких настоятелей, игуменство Артемия определяется в шесть с половиной месяцев³. Если считать ис-

¹ «Стоглав». СПб., 1863, стр. 277; «Стоглав». М., 1890, стр. 404; И. Н. Жданов. Материалы для истории Стоглавого собора. — Соч., т. I, СПб., 1904, стр. 257—259; Д. Стефанович. О Стоглаве. Его происхождение, редакции и состав. К истории памятников древнерусского церковного права. СПб., 1909, стр. 95; А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, стр. 100, 155—156; он же. Реформы Ивана Грозного. М., 1960, стр. 387—389.

² А. А. Зимин. И. С. Пересветов. . . , стр. 155—156, прим. 99; ср. Н. Е. Носов. Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969, стр. 238; С. М. Каштанов. Очерки русской дипломатики. М., 1970, стр. 192.

³ Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (далее — ГБЛ), РО, ф. 173, № 201, л. 5: «Артемей Пустынный пол 7 месяца». В издании другого списка этой редакции (по рукописи ГПБ, ф. СПб, Д/А, № 307) — «полных 7 месяца» (А. [С.] Р[одосский]. Из русской церковно-исторической старины. Список настоятелей Троицко-Сергиева монастыря от основателя и первого игумена преп. Сергия до архим. Викентия (1674 г.). — «Странник», 1892, август, стр. 545). Чтение «полных» — очевидная ошибка — модернизация (правильно «пол»). В перечне троицких игуменов и архимандритов, опубликованном в 3-м и последующих изданиях книги Павла (Пономарева) — «полсема месяца» ([Павел]. Краткое историческое описание Свято-Троицкия Сергиевы лавры, (изд. 3-е). М., 1796, стр. 85; то же. М., 1801, стр. 95; то же, изд. 6-е. М., 1824, стр. 124; в первом (СПб., 1782) и втором (М., 1790) изданиях этой книги перечня не было). У Амвросия выпала цифра «7» и получилось неверно: «полмесяца» (Амвросий. История российской иерархии, ч. II. М., 1810, стр. 177). Шесть с половиной месяцев называют Леонид (см. в кн.: А. В. Горский. Историческое описание Свято-Троицкия Сергиевы лавры. М., 1890, ч. II, стр. 8), П. М. Строев (Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877, стб. 139), Е. Е. Голубинский (Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая лавра. — «Чтения ОИДР». М., 1909, кн. III, отд. III, стр. 147). А. В. Горский (Историческое описание . . . , ч. 1, стр. 84) выразился более расплывчато: «Не прошло года, как Артемий удалился из Троицкого монастыря . . .».

ходной точкой этого срока середину мая 1551 г.⁴ (к 17 мая относится огромное количество сделанных на имя Артемия подтвердительных подписей к старым жалованным грамотам Троице-Сергиеву монастырю), то получится, что Артемий правил монастырем примерно до конца ноября — начала декабря 1551 г.⁵ Однако первая точно датированная грамота на имя Гурия, который в большинстве перечней указывается непосредственно после Артемия, помечена 7 августа 1552 г.⁶

Встает вопрос, были ли промежуточные игумены в Троицком монастыре — в феврале—мае 1551 г. (между Серапионом и Артемием) и в декабре 1551 г. — июле 1552 г. (между Артемием и Гурием). В относящихся к XVII в. рукописных перечнях троицких игуменов принята следующая нумерация их: 28) Иона Щелепин, 29) Серапион Курцов, 30) Артемий Пустынный, 31) Гурий Лужецкой⁷. Этой нумерации придерживаются Павел, Амвросий, А. В. Горский⁸. У Леонида Иона Щелепин — 26-й, Серапион Курцов — 27-й, Артемий — 28-й, Гурий — 29-й⁹. П. М. Строев не нумеровал настоятелей, но при подсчете Иона в его перечне оказывается 27-м, Серапион — 28-м, Артемий — 29-м, Гурий — 30-м¹⁰. Е. Е. Голубинский присваивает Ионе Щелепину номер 30-й, Серапиону — 31-й, Артемию — 32-й, Гурию — 33-й¹¹. Впрочем, ни один из авторов не вставляет тут нового игумена, и различие нумераций связано с расхождением в списке предшествующих настоятелей¹².

Нам уже приходилось упоминать, что в перечне троицких игуменов, доведенном до архимандрита Ионы (1576—1584 гг.) и сохранившемся в списке в составе сборника конца XVI—начала XVII в.¹³, между Артемием и Гурием указан Иона Щелепин¹⁴. Это известие перечня подтверждается данной 7060 г. Зиновия Матвеева сына Калитина «игумену Ионе Щелепину и всей братье» на сц. Гаврилово (Гаврилцово) в Бохове стане Московского уезда¹⁵. Месяц в документе не назван, вследствие чего приходится довольствоваться широкой датировкой — с 1 сентября 1551 г. по 31 августа 1552 г. Однако поскольку еще 27 октября 1551 г. игуменом был Артемий¹⁶, а в документе от 7 августа 1552 г. фигурирует Гурий, хронологические рамки данной Калитина сужаются, и более правомерным оказывается отнесение ее к ноябрю или декабрю 1551 — июлю 1552 г.

Наряду с этим актом, существенный интерес представляет данная 7059 г. князя Ивана Александровича Оболенского «игумену Иосафу

⁴ Е. Е. Голубинский (Указ. соч., стр. 147) полагал, что Артемий был поставлен в игумены «в половине мая 1551-го года».

⁵ Месяц окончания игуменства в литературе не фигурирует. Павел и Амвросий не дают также и года. Леонид, Строев и Голубинский указывают 1551 г., Горский — 1551—1552 гг.

⁶ ЦГАДА, ГКЭ, по Переславлю-Залесскому, № 160/8884; № 646/9370, лл. 197 об. — 198 об., гр. 103; ГБЛ, Тр. кн. 523, лл. 134 об. — 136 об.; кн. 530, 531, по Переславлю-Залесскому № 61; С. Шумаков. Обзор «грамот коллегии экономии» (далее — Шум.), вып. IV. М., 1917, стр. 271—272, № 863.

⁷ ГБЛ, ф. 173, № 201, лл. 4 об.—5; А. [С.] Р[одос]ский. Указ. соч., стр. 544—545.

⁸ [Павел]. Указ. соч., изд. 3-е, стр. 85; Амвросий. Указ. соч., ч. II, стр. 177—178; А. В. Горский. Указ. соч., ч. I, стр. 82—88.

⁹ См. в кн.: А. В. Горский. Указ. соч., ч. II, стр. 8.

¹⁰ П. Строев. Указ. соч., стб. 138—139.

¹¹ Е. Е. Голубинский. Указ. соч., стр. 147—148.

¹² О сохранившихся в рукописях первой половины XVI в. списках троицких игуменов до Иосафа I Скрипицына включительно (1529—1539 гг.) см.: В. Г. Брюсова. Списки игуменов Троице-Сергиева монастыря первой половины XVI в. — «Археографический ежегодник за 1969 год». М., 1971, стр. 292—295.

¹³ ЦГАДА, ф. 181 (МГАМИД), № 365, лл. 30 об.—31. Полное описание сборника дано нами в кн.: ПСРЛ, т. 27. М., 1962, стр. 12—14.

¹⁴ С. М. Каштанов. О списках двух неопубликованных летописных сводов (1493 и 1495 годов). — «Проблемы источниковедения», VIII. М., 1959, стр. 465, прим. 100.

¹⁵ ГБЛ, Тр. кн. 520, лл. 96 об.—98 об.; кн. 530, 531, по Москве, № 66(а), 199; кн. 536, № 132, 244.

¹⁶ ГБЛ, ф. 303, № 1; Тр. кн. 519, лл. 84 об. — 85 об.; кн. 530, 531, по Коломне № 28; ЦГАДА, ГКЭ, по Коломне, № 57/6367, лл. 52, об.—54, гр. 16.

з братьею» на три деревни (Колшево, Денисово и Тененишино) с различными угодьями (лесами, пожнями и т. д.) в Повельском стане Дмитровского уезда¹⁷. Отсутствие указания месяца требует опять-таки широкой датировки — с 1 сентября 1550 г. по 31 августа 1551 г. Но мы знаем, что по крайней мере до 9 февраля 1551 г. троицким игуменом был Серапион¹⁸, а в середине мая—октябре (и, может быть, ноябре) 1551 г. — Артемий. Следовательно, для игуменства Иоасафа самым вероятным временем оказывается промежуток с конца февраля по начало мая 1551 г. Иоасаф не просто жил «на покое» в Троице-Сергиеве монастыре, как принято думать, но в какой-то момент был сделан официальным главой монастыря, сменив на этом посту Серапиона.

Указанные в грамоте князя Оболенского отхожие пожни — «луг Колчеватик, да Бродовой, да Высоковая, да Даниловская, да Остафьевская» — фигурировали в жалованной грамоте Ивана IV Калязину монастырю от 15 декабря 1548 г.¹⁹, приведенной в составе правой грамоты от 4 июля 1551 г.²⁰. В правой грамоте объектом тяжбы оказались три из этих пожен — Колчеватик, Высокая и Бродовая. Право владения ими оспаривали Иван Федорович Воронцов и Калязин монастырь.

И. Ф. Воронцов и И. А. Оболенский имели общего предка — Ивана Васильевича Стригу Оболенского. Отец Ивана Александровича Оболенского Пуговки — Александр Иванович Стригин — приходился родным братом деду Ивана Федоровича Воронцова с материнской стороны — Василию Ивановичу Шиху (или Шихе) Стригину-Оболенскому: отец И. Ф. Воронцова Федор Семенович был женат на дочери В. И. Стригина-Оболенского Шиха²¹. Следовательно, И. Ф. Воронцов являлся двоюродным племянником И. А. Оболенского Пуговки.

Из вкладной И. А. Оболенского пожни-луга Колчеватик, Бродовой и Высоковая предстают как бесспорное владение князя. Иную картину рисует правая грамота от 4 июля 1551 г. Там различаются три версии: 1) Калязина монастыря; 2) И. Ф. Воронцова; 3) дьяка Дмитрия Горина.

Воронцовская версия: пожни принадлежали кн. Василию Ивановичу Оболенскому Шиху, а князь Юрий Иванович Дмитровский эти пожни и 16 починков у него отнял; Ших пожаловался Василию III, и тот просил Юрия Ивановича пожни и починки вернуть, Юрий же отдал только 5 починков, а 11 починков и пожни не возвратил; пожню Высокое князь Юрий передал своему дьяку Андрею Огареву; затем, при Иване IV, пожня Высокое была взята у Андрея Огарева и отдана Дмитрию Горину; позднее мать И. Ф. Воронцова, дочь Василия Ивановича Шиха, «выкупила свою вотчину» у своих двоюродных братьев — Петра и Ивана Александровичей Стригиных-Оболенских, в связи с чем ее муж Ф. С. Воронцов обратился к великому князю с челобитьем «о той вотчине и тех пожнях», челобитье было удовлетворено в целом и в частности: так, пожню Высокое государь «взял у Дмитрея у Горина да отдал» Ф. С. Воронцову, тогда же супруги Воронцовы были пожалованы пожнями Колчеватиком и Бродовым.

¹⁷ ЦГАДА, ГКЭ, по Дмитрову, № 77/3789; № 281/3993, лл. 103—104, гр. 78; ГБЛ, Тр. кн. 521, лл. 97—99; кн. 532, 533, по Дмитрову № 119; Шум., вып. III. М., 1912, стр. 10, № 37 (Мимо внимания С. А. Шумакова не прошло то необычное обстоятельство, что грамота 7059 г. была выдана на имя Иоасафа, однако автор ограничился ссылкой на перечень троицких игуменов 1549—1551 и 1555—1560 гг., имеющийся у Строева — см. стр. 10, примечание 1).

¹⁸ С. М. Каишанов. Общие жалованные грамоты Троице-Сергиеву монастырю 1550, 1577 и 1578 гг. на все вотчины (соотношение текстов). — «Записки Отдела рукописей» ГБЛ, вып. 28. М., 1966, стр. 141.

¹⁹ Н. П. Лихачев. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках, вып. I—II. СПб., 1895, стр. 212—213.

²⁰ Там же, стр. 210—220.

²¹ См. А. Б. Лобанов-Ростовский. Русская родословная книга, т. II, изд. 2-е. СПб., 1895, стр. 40—41; Н. П. Лихачев. Сборник актов, стр. 213, 215, 217—218.

Версия Дмитрия Горина касается последнего этапа этой истории и по существу не противоречит воронцовской версии. Дьяк лишь подчеркивал, что не государь пожаловал Ф. С. Воронцова, а он сам «насилством» отнял у него пожни Высокое и Холмоватое. Кроме того, Дмитрий Горин указывал на существование еще одной пожни Высокой: «а монастырские пожни Колязина монастыря на Дубне ж на реке, пожня Высокое, оприче его пожни есть же, а слышал, сказывает, слухом, что отнял их Федор Воронцов к своей вотчине к селу Ольявидову».

И. Ф. Воронцову было нечем доказать свои права, поскольку все «крепости» Ф. С. Воронцова, взятые вследствие его опалы в государственную казну, сгорели во время пожара. На суде И. Ф. Воронцов попросил разрешения справиться о документах у матери. От нее он узнал, что у его отца, Ф. С. Воронцова, была «правая грамота на княж Александровых детей Стригина в том селе в Ольявидове со всеми угоды», «а на пожни. . . на все три. . . , сказывает, грамота была очищальная ото всех земель». Мать И. Ф. Воронцова не помнила, указывались ли пожни в правой грамоте, но «в очищальной. . . грамоте, мати моя сказывает, те пожни были написаны». Правую грамоту выдавал дьяк Посник Губин. Будучи спрошен, он подтвердил сам факт выдачи документа и далее заявил: «. . . а того, государь, не упомяну, написаны ли в правой грамоте те пожни или не написаны, а черная, государь, грамота у меня згорела в большей пожар». Очищальную грамоту выдавал дьяк Григорий Захаров, однако его «в животе не стало», и спросить было больше некого.

Относительно другой пожни Высокой И. Ф. Воронцов признался в своем неведении, а келарь Калязина монастыря Арсений подтвердил ее существование, хотя и не знал, кому она принадлежит.

Несмотря на то, что в 1551 г. Калязин монастырь выиграл тяжбу, едва ли достоверна его версия о владении пожнями в течение 50 лет. В дошедших грамотах кн. Юрия Ивановича Калязину монастырю эти владения не фигурируют.

Воронцовская версия, скорректированная другими показаниями, содержит ряд правдоподобных сведений. Наиболее ясна история пожни Высокой или Высоковой, которая при кн. Юрие Ивановиче (до 1533 г.) принадлежала его дьяку Андрею Огареву, затем, в малолетство Ивана IV, перешла к Дмитрию Горину и была отнята у него Ф. С. Воронцовым, вероятно, в тот период, когда Воронцовы стояли у кормила государственной власти (1544—1546 гг.).

О пожнях Колчеватике и Бродовом в правой грамоте говорится: «сказываеш (И. Ф. Воронцов. — *С. К.*), что пожнями Колчиватиком да Бродовым пожаловал яз (Иван IV. — *С. К.*) отца твоего к матери твоей отчине к селу к Ольявидову, да и грамоту, сказываеш, яз на те пожни отцу твоему дал. . .».

Сопоставим следующие, довольно противоречивые показания источника: 1) мать И. Ф. Воронцова свою вотчину «у братьи своей выкупила»; 2) Ф. С. Воронцов получил правую грамоту «на княж Александровых детей Стригина в том селе Ольявидове со всеми угодыми»; 3) на пожни была «очищальная грамота». Если Ф. С. Воронцов приобрел Ольявидово по «правой» грамоте, значит едва ли его жена это село одновременно «выкупила» у своих двоюродных братьев. Но существование «очищальной грамоты» свидетельствует о покупке.

Может быть, Ольявидово Ф. С. Воронцов получил по суду (по «правой грамоте»), пожни Колчеватик и Бродовое — по купчей-«очищальной», которая была, несомненно, докладной на имя великого князя (подписана государевым дьяком), а пожню Высокое — либо путем неприкрытого «насилства», либо юридически закрепив его в жалованной грамоте. Все эти операции проводились более или менее одновременно, скорее всего, в 1544—1545 гг. Контрагентами Ф. С. Воронцова (или его жены) по купчей-«очищальной», наверное, и были Петр и Иван Алек-

сандровичи Стригины-Оболенские. Менее вероятно, чтобы пожни Колчеватик и Бродовое Ф. С. Воронцов отобрал у Калязина монастыря (на это в правой грамоте 1551 г. нет никаких указаний). Правда, вопрос о том, как после кн. Юрия Ивановича две названные пожни попали в руки Оболенских, остается открытым.

После опалы и последовавшей в 1546 г. казни Ф. С. Воронцова на его приобретения был, видимо, наложен секвестр. В декабре 1548 г. правительство Ивана IV отдало «пожню Даниловскую Остафьева сына, да пожню Колчеватик, да пожню Высокую, да пожню Бродовую» Калязину монастырю. В грамоте имелась глухая ссылка на жалованную грамоту князя Юрия Ивановича, от которого монастырь якобы и получил эти пожни. Но вскоре заявили о своих правах и другие претенденты. И. Ф. Воронцов начал тяжбу не позже первой половины 1550 г. В правой грамоте 1551 г. сказано, что «то дело сужено до нового Судебника», т. е. до июня 1550 г. Однако тогда правительство еще не приняло определенного решения. Может быть, именно поэтому весной 1551 г. по существу, если не явно, вступил в спор кн. Иван Александрович Оболенский. Он счел ситуацию достаточно благоприятной для передачи пожней в числе своих владений под патронат могущественного Троице-Сергиева монастыря. Его ход, наверное, имел успех при Иоасафе, но как раз в тот момент, когда в Троицком монастыре «игуменил» Артемий, соблюдавший летом 1551 г. полное нестяжание, Иван IV и решил закончить дело в пользу Калязина монастыря, дав ему 4 июля 1551 г. правую грамоту на спорные пожни и признав И. Ф. Воронцова проигравшей стороной.

Попробуем проследить связь смены игуменов в Троицком монастыре с внутренней политикой правительства. По мнению исследователей Стоглава, первый этап его работы приходится на январь—февраль 1551 г.²² Именно тогда Серапион предпринял серьезные шаги для укрепления правовых основ троицкого землевладения и иммунитета. 13 января 1551 г. он сумел получить докладную (санкционированную дмитровским дворецким) данную на белый двор в Дмитрове²³. Это делалось в обстановке, когда правительство замышляло ликвидацию монастырского беломестного землевладения в городах. 9 февраля 1551 г. Серапиону была подтверждена общая жалованная грамота 1550 г. на все троицкие вотчины, содержащая важные податные освобождения²⁴. Подтверждение этой грамоты в период работы Стоглава можно считать большой победой Серапиона. Только победа оказалась Пирровой. Вскоре после нее Серапион вынужден был покинуть игуменство и уступить его Иоасафу (назначение Серапиона новгородским архиепископом в июне 1551 г. связано уже с новым поворотом внутренней политики).

У Иоасафа Скрипицына имелся немалый опыт управления Троицким монастырем и его обширной вотчиной. Впервые он «игуменил» здесь в 1529—1539 гг. При нем состоялось массовое подтверждение жалованных грамот в 1534 г., он способствовал и увеличению состава монастырских владений. В 1551 г. Иоасаф, вероятно, не развил значительной приобретательской деятельности, однако он не вел себя как строгий приверженец полного нестяжания, о чем свидетельствует принятие им вклада от князя И. А. Оболенского. Троицкий игумен поступил далеко не в духе правительственной программы, предполагавшей запрет вкладов в монастыри вотчин княжат, к тому же в данном случае оформлялся такой вид сделки, с которым правительство намеревалось вести особенно решительную борьбу, — пожизненный заклад князя-вотчинника под патронат монастыря (в грамоте сказано: «А покаместа мне, князю Ивану, бог изволит жити, и мне тою вотчиною владети до своего живота»).

²² Подробнее см.: А. А. Зимин. И. С. Пересветов. . . , стр. 93.

²³ ГВЛ, Тр. кн. 532, 533, по Дмитрову № 1; ЦГАДА, ГКЭ, по Дмитрову № 281/3993, л. 29—29 об., гр. 1; Шум., вып. III, стр. 10, № 38.

²⁴ С. М. Каишанов. Общие жалованные грамоты. . . , стр. 138—141.

Нами уже высказывалось предположение, что фальшивая подпись от 12 января 7049 (1541) г. на грамоте Василия II возникла в 1551 г. и объясняется пребыванием тут Иоасафа²⁵. Грамота касалась монастырского права рыбной ловли в Переславском, Сомине озерах «и в реках»²⁶. Текст документа сохранился в составе троицких копийных книг — № 518 (с «подтверждением» 7049 г.) и № 523 (без этого «подтверждения»). Видимо, в 80-х годах XVI в., когда составлялась книга № 523, подложность «подтверждения» 7049 г. была выяснена. Возможно и то, что в 80-х годах грамота копировалась с подлинника или списка, где не было «подтверждения» 7049 г. «Подтверждение» 7049 г., дошедшее в тексте копийной книги № 518, сделано на имя игумена Иоасафа, не являвшегося в 1541 г. троицким игуменом, и подписано от имени дьяка Афанасия Курицына, переставшего упоминаться в источниках после 1537 г.²⁷

По палеографическим приметам установлено также, что две подложные грамоты — Василия I и Василия II — появились в копийной книге № 518 одновременно с фальшивой подписью под текстом грамоты Василия II на рыбные ловли в Переславском и Сомине озерах²⁸.

Сопоставление этих данных с фактом игуменства Иоасафа в 1551 г. позволяет с большей, чем прежде, вероятностью отнести поддельную подпись 7049 к 1551 г., ибо одно дело — подтверждение на имя просто бывшего игумена, жившего в монастыре «на покое», и совсем другое — «старое» подтверждение на имя нового, функционирующего игумена. Став троицким настоятелем в 1551 г., Иоасаф в той или иной мере включился в борьбу за укрепление монастырских привилегий, и надежды правительства на его «нестязательство» не оправдались. Не получая новых жалованных грамот или подтверждений старых, Иоасаф поощрял, если не инспирировал, фабрикацию в монастыре фальшивок, целью которых было доказательство исконности и действительности правовых основ монастырского землевладения и иммунитета.

По-видимому, царю стало ясно, что при Иоасафе будет трудно провести ревизию монастырских тарханов в плане ограничения содержащихся в них привилегий. Реальность подобной неблагоприятной для правительства перспективы нельзя недооценивать — ведь не удалось же в мае 1551 г. внести какие-либо ограничения в поданные на подпись старые тарханные грамоты Иосифо-Волоколамскому монастырю.

Разочаровавшись в Иоасафе, Иван IV обратил пристальное внимание на Артемия, который был произведен в троицкие игумены прежде всего для обеспечения успеха общегосударственного мероприятия — ревизии тарханов. Насколько «ручным» оказался Артемий в роли контрагента правительства в этом деле, явствует из текста подтверждений 17 мая 1551 г. Благодаря отсутствию или слабости сопротивления со стороны Артемия, правительство смогло очень существенно ограничить иммунитет крупнейшего духовного землевладельца — Троице-Сергиева монастыря. То, что царь остался в основном доволен позицией Артемия, вытекает из факта пребывания последнего на посту троицкого игумена в течение еще нескольких месяцев после мая 1551 г.

Помимо многочисленных майских подтверждений жалованных грамот, к периоду игуменства Артемия относятся восемь документов монастырского архива, упоминающих его имя²⁹. Из них три датированы точно —

²⁵ С. М. Каштанов. Копийные книги Троице-Сергиева монастыря XVI века. — «Записки Отдела рукописей» ГБЛ, вып. 18. М., 1956, стр. 29—30.

²⁶ «Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси конца XIV—начала XVI в.» (далее — АСЭИ), т. I. М., 1952, № 92.

²⁷ Подробнее см.: С. М. Каштанов. Копийные книги. . . , стр. 7.

²⁸ С. М. Каштанов. Очерки русской дипломатики. М., 1970, стр. 265—268, 430—433.

²⁹ В троицкой копийной книге № 520 (вторая половина 80-х годов XVI в.) имя Артемия поставлено вместо имени Мартемьяна в списке одной купчей грамоты XV в. (ГБЛ, Тр. кн. 520, лл. 157—158 об.; ср. АСЭИ, т. I, № 205). Ошибка объясняется, очевидно, некоторым графическим сходством написания этих имен.

годом, месяцем и числом (все от 20 и 27 октября 1551 г.), один — годом и месяцем и четыре имеют лишь указание года — 7060 (с 1 сентября 1551 г. по 31 августа 1552 г.). Следовательно, только июнь—август 1551 г. не представлены никакими деловыми документами с именем Артемия, и этот период явился полосой полного нестяжательства в практике нового троицкого игумена³⁰.

Рассмотрим сначала точно датированные акты. 20 октября 1551 г. Артемий получил жалованную грамоту на село Раменку с деревнями в Каменском стане Бежецкого Верха, доставшееся монастырю в качестве вклада от Андрея Иванова сына Полуектова. Текст данной грамоты А. И. Полуектова, насколько нам известно, не сохранился ни в подлиннике, ни в копиях. Жалованная грамота фиксировала только судебный и заповедный иммунитет (несудимость «опричь душегубства и розбоя с поличным»; царский суд в исковых делах; запрещение насильственного въезда и постоя; небрание подвод «опричь ратных вестей»; право «пята») ³¹. Содержание акта соответствовало ограничительным нормам мая 1551 г.

27 октября 1551 г. было подписано два документа: послушная крестьянам села Остафьева с деревнями волости Канево Коломенского уезда ³² и «запись» (инструкция) данному приставу Никите Семенову сыну Цареву об описании села Остафьева с деревнями и передаче его троицкому слуге Мите Костину ³³. В обоих документах говорится, что к царю обратился с челобитьем игумен Артемий. В изложении его челобитья, как и в других подобных текстах, можно различить *narratio* и *petitio*. *Narratio*: село Остафьево с деревнями дала в монастырь старица Александра Волынская «по своей душе и по своих родителей в вечной поминок впрок без выкупа», однако «прежней деи игумен Иона Щелепин то село из монастыря продал князю Костянтину Курлятеву. . . , а взял де двесте рублей, а князь Костянтин деи то село отдал племянником своим Михаилу да Гаврилу Ивановым детям Колычева. . . ». *Petitio*: «И государь бы их пожаловал, то село з деревнями велел бы им в их монастырь отдати, а у них за то село велел денги взяти» (цит. по № 1/96 «Актов Беляева»).

Монастырская просьба была удовлетворена: царь, «приговоря с отцем своим с Макарием, митрополитом всеа Русии», велел Артемию выкупить село у Колычевых «по правилу святых отец и по даной старицы Александры» (цит. по № 1/96 «Актов Беляева»).

Сохранился также текст датированной 7060-м годом (без месяца) «отписи» Михаила и Гаврилы Ивановых детей Колычева игумену Артемию в получении двухсот рублей за возвращенное монастырю село Остафьево ³⁴. Эта «отпись» появилась после 27 октября, хотя, наверное, не раньше ноября 1551 г., что дает лишнее основание включать ноябрь в период игуменства Артемия. Разъезд земель троицкого села Остафьева и чудовского села Липятина состоялся в том же 7060 г., но уже при игумене Гурие ³⁵.

Прозрачным подтекстом челобитной Артемия было осуждение прежней практики игумена Ионы Щелепина (1545—1549 гг.) как порочной, наносившей ущерб интересам монастыря и вкладчиков. Впрочем, так ли

³⁰ Ср. А. А. Зимин. И. С. Пересветов. . . , стр. 156.

³¹ ЦГАДА, ГКЭ, по Бежецку, № 123/1227; ф. 248, Сенатск. кн. 763, лл. 132—134; ГБЛ, Тр. кн. 527—529, № 311; кн. 541, № 72; Шум., вып. 1. М., 1899, стр. 53, № 17; С. М. Каишанов. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в., ч. II, № 659. — «Археографический ежегодник за 1960 год». М., 1962, стр. 139.

³² ГБЛ, ф. 303, № 1; Тр. кн. 519, лл. 84 об.—85 об.

³³ ГБЛ, ф. 28. (Акты Беляева), № 1/96; Тр. кн. 530, 531, по Коломне № 28; ЦГАДА, ГКЭ, по Коломне, № 57/6367, лл. 52 об.—54, гр. 16; Д. Лебедев. Собрание историко-юридических актов И. Д. Беляева. М., 1881, стр. 23, № 96.

³⁴ ГБЛ, Тр. кн. 530, 531, по Коломне № 20; ЦГАДА, ГКЭ, по Коломне, № 57/6367, л. 56—56 об., гр. 19.

³⁵ ГБЛ, Тр. кн. 530, 531, по Коломне № 21.

уж не соответствовала правилам продажа села Остафьева князю Курлятеву? Некогда Остафьево принадлежало Спасо-Андрониковскому монастырю, затем его купил у него Иван Михайлович Суков, сын которого Иван Иванович с сыном Василием продали это село в 1521 г. Василию Ивановичу Волынскому за 200 руб.³⁶

Аграфена (позднее старица Александра) Волынская, жена В. И. Волынского, отдала село вкладом в Троице-Сергиев монастырь в 1541 г., при иг. Порфирии. Сохранились две данные грамоты Аграфены Волынской от 2 января 1541 г. — одна докладная, содержащая указание, что великий князь велел печать приложить, но не имеющая ни печати, ни рукоприкладств на обороте³⁷, другая — с корроборацией и конечным протоколом, написанными иным почерком, чем основной текст, и рукоприкладами на обороте разными почерками³⁸.

В докладной данной нет статьи о родовом выкупе, а в данной, заверенной подписями, такая статья присутствует: «А кому будет до тое отчины дело роду нашему ближнему, и они с нее дадут в Сергиев монастырь двесте рублей по наших родителей и по нас». В грамотах 1551 г. сообщается, что иг. Иона продал Остафьево кн. Курлятеву за 200 р., т. е. в соответствии с установленной в грамоте 1541 г. ценой родового выкупа. В этом можно видеть не только свидетельство устойчивости цены села, не изменившейся с 1521 г., но и признак осуществления права родового выкупа.

Прямых сведений о родстве Аграфены Волынской и кн. Константина Ивановича Курлятева найти не удалось. Однако в духовной Григория Ивановича Колычева Немятого 1569/70 г. есть интересное для нас указание: «Да взять бы мне по кабале на Василье на Дмитриевиче на Волынском 50 рублей, отдать в Кириллов монастырь по Иване по Дмитриевиче по Волынском. . .»³⁹ Забота об устройстве души И. Д. Волынского служит намеком на родственное отношение к нему Гр. И. Колычева Немятого. Иван и Василий Дмитриевичи Волынские были детьми Дмитрия Ивановича, родного брата Василия Ивановича Волынского, мужа Аграфены — Александры⁴⁰, т. е. являлись ее племянниками. В свою очередь, Григорий Иванович Колычев Немятый приходился троюродным братом Михаилу и Гавриле Ивановичам Колычевым Немятым⁴¹, племянникам К. И. Курлятева. Возможно, последний был в родстве с Колычевыми и Волынскими через жену и ее сестер или иначе.

Кн. К. И. Курлятев выкупил Остафьево, видимо, в период своего фавора, когда он приобрел силу при дворе.⁴² В хронологических рамках игуменства Ионы это могло произойти скорее всего в 1548—начале 1549 г., но 7 мая 1549 г. Иван IV направил игумену Серапиону грамоту (если верить спискам ее конца XVI в.) с требованием выкупить Остафьево.⁴³ К 1551 г. кн. К. И. Курлятев, вероятно, умер⁴⁴, и его племянники, полу-

³⁶ ГБЛ, ф. 303, № 264; ср. там же, № 263.

³⁷ ЦГАДА, ГКЭ, по Коломне, № 4/6314.

³⁸ Там же, № 5/6315.

³⁹ *Никодим*. Описание Московского Богоявленского монастыря. М., 1877, стр. 25; *М. Л. Б[оде]-К[олычев]*. Боярский род Колычевых. М., 1886, стр. 131.

⁴⁰ См. *Г. А. Власьев*. Род дворян Волынских. — «Известия Русского генеалогического общества» (далее — ИРГО), вып. IV. СПб., 1911, стр. 135, 137, 141, № 18, 40, 41, 80, 81. В 1549 г. Александра—старица Вознесенского монастыря (см. ниже, примечание 43).

⁴¹ Григорий Иванович, с одной стороны, Михаил и Гаврила — с другой, имели общего прадеда (см. *М. Л. Б[оде]-К[олычев]*. Указ. соч., стр. 33, 68, 130, 131, № 52, 74, 75, 117, 118, 180, 181, 183; *А. А. Зимин*. Колычевы и русское боярство XIV—XVI вв. — «Археографический ежегодник за 1963 год». М., 1964, стр. 64—65).

⁴² *А. А. Зимин*. Состав Боярской думы в XV—XVI веках. — «Археографический ежегодник за 1957 год». М., 1958, стр. 61.

⁴³ ЦГАДА, ф. 1192, оп. 2. № 519, лл. 195 об.—196 об.; ГПБ, Погод. 1564, лл. 84—84 об.

⁴⁴ *А. А. Зимин*. Состав Боярской думы, стр. 61, примечание 236.

чившие село, лишились сильного покровителя. Артемию представилась возможность выиграть дело, выставив в невыгодном свете Иону.

Из двух данных Аграфены Волынской безусловно подлинной является та, где есть статья о родовом выкупе (разные почерки подписей на обороте, водяной знак — перчатка с характерным для конца 30-х — начала 40-х годов рисунком и т. д.). Можно не сомневаться, что именно этот документ имел в 40-х годах юридическую силу. Замалчивая существование акта, декларирующего право родового выкупа, Артемий опирался на другую данную Аграфены — лишенную этой статьи. Документ, не заверенный ни подписями, ни печатью великого князя, которую тот якобы велел приложить, без различимого водяного знака, внушает большие подозрения. Если это черновик, проект, то он не имел юридического значения при наличии удостоверенного акта.

Но не исключено и другое предположение, а именно то, что перед нами подделка 1551 г., возникшая в связи с борьбой за возвращение монастырю села Остафьева. Не случайна попытка оформить сомнительный документ в виде докладной на имя великого князя — это должно было обеспечить ему преимущество перед подлинной данной грамотой — обычной, а не докладной. О поддельности рассматриваемого документа говорит и полное совпадение его даты с датой бесспорного акта — 2 января 1541 г. Трудно допустить возможность одновременного утверждения двух противоречащих друг другу данных грамот. Следовательно, компрометация Ионы достигалась не вполне честными методами.

Тенденция, направленная против Ионы, прослеживается и при анализе обстоятельств еще одной сделки Троице-Сергиева монастыря, совершенной в октябре 1551 г. К этому месяцу относится «отпись» об уплате монастырем 150-ти рублей Авдотье, жене Ивана Дмитриевича Боброва⁴⁵. Отпись была составлена «при игумене Артемии и при старцах. . .» Деньги выплачивались за села Спасское и Ермолино в Вышегородской вол. Дмитровского уезда, которые И. Д. Бобров, являясь «старцем иноком» Иосифом, отдал в монастырь в 1545/46 г., при игумене Ионе. Свой вклад И. Д. Бобров оформил в двух близких по тексту, но не полностью совпадающих данных грамотах 7054 г.: в одной было запрещение родового выкупа⁴⁶, а в другой его не было⁴⁷. Характерно различие писцов этих грамот: ту, где запрещение отсутствовало, писал шурин И. Д. Боброва Дмитрий Козлов сын Милославского, грамоту же, запрещающую родовый выкуп, писал Афанасий Боровлев.

Запретительная грамота получила более солидное удостоверение, чем написанная шурином И. Д. Боброва: в варианте Милославского три послуха, в варианте Боровлева — четыре (добавлен великокняжеский дьяк Афанасий Дмитриев сын, поставленный раньше остальных); вариант Милославского скреплен рукой только самого старца Иосифа Боброва, а вариант Боровлева имеет, кроме того, подписи всех четырех послухов. Следовательно, юридическую силу приобрел, видимо, вариант Боровлева. Надо полагать, что он был создан позже варианта Милославского.

По мнению С. Б. Веселовского (не подкрепленному ссылками на акты XVI в.), села Спасское и Ермолинское были «вскоре» (после вклада И. Д. Боброва) «выкуплены родичами»⁴⁸. Но согласно отписи от 14 апреля 1547 г., Дмитрий Козлов сын Милославского взял у игумена Ионы и келаря Симона 100 р. для Авдотьи, своей сестры и жены Ивана Боброва, — по «духовной» последнего⁴⁹. В отписи эти деньги рассматрива-

⁴⁵ ГБЛ, ф. 303, № 334. О Боброве подробнее см.: *Н. П. Лихачев. «Государев Родословец» и род Адашевых.* — «Летопись занятий Археографической комиссии» за 1888—1894 годы, вып. XI. СПб., 1903, стр. 77—78, № 37.

⁴⁶ ЦГАДА, ГКЭ, по Дмитрову, № 67/3779; Шум., вып. III, стр. 9, № 31.

⁴⁷ ЦГАДА, ГКЭ, по Дмитрову, № 65/3777; Шум., вып. III, стр. 8, № 29.

⁴⁸ АСЭИ, т. I, стр. 615, примечание к № 325; стр. 616, примечание к № 336.

⁴⁹ ГБЛ, Тр. кн. 530, лл. 1416 об.—1417, рознь, № 20; кн. 531, л. 1472, рознь, [№ 19].

лись как плата за село «Спаское», с которого Бобров «велел... дать жене своей двесте рублей». Село Ермолинское здесь не упомянуто, а половинный размер суммы показывает, что деньги выплачивались лишь за одно село.

Возможно, при Артемии Авдотья получила не 150 руб., как значится в отписи октября 1551 г., а только 50 р. — дополнение к тем 100 р., которые в 1547 г. были отданы ее брату Дмитрию за село Спаское. Другими словами, Артемию удалось оформить закрепление в составе монастырской вотчины села Ермолинского за полцены — остальные 50 р. Авдотья уступила за право погребения у Троицы и запись в монастырский синодик⁵⁰. Таким образом, опять-таки было урегулировано дело, не слишком удачно начатое при Ионе. Снова Артемий оказывался в роли более рачительного хозяина, чем Иона.

В числе послухов обеих данных И. Д. Боброва 1545/46 г. фигурируют Шемет Александров сын Щелепина и Болван Михайлов сын Скрипицына. Первый из них являлся, видимо, родственником Ионы Щелепина, второй — Иоасафа Скрипицына, бывших троицких игуменов, находившихся в 1551 г. в монастыре. Шемет Александров сын Щелепина был тесно связан с Троицким монастырем в период игуменства Ионы: в 1547—1548 гг. он неоднократно назначался судьей по спорным земельным делам монастыря с соседними феодалами⁵¹ (до него, в июне и декабре 1545 г., эту функцию исполнял другой родственник Ионы — Иван Боров Тимофеев сын Щелепина⁵²).

На той же, внешне вполне официальной, почве установился контакт с Троице-Сергиевым монастырем у Дмитрия Козлова сына Милославского — сначала в 1537—1538 гг., при игумене Иоасафе Скрипицыне⁵³, потом в 1547—1548 гг., при Ионе Щелепине, и в этот последний период он обычно действовал (как судья и разъездчик) в паре с Шеметом Александровым сыном Щелепина⁵⁴.

Все эти близкие к Ионе люди утрачивают прежние отношения с монастырем в годы игуменств Серапиона и Артемия. Тот факт, что именно Дмитрий Козлов сын Милославского писал вариант данной Боброва 1545/46 г. без упоминания запрета родового выкупа, характеризует его как претендента на отданные монастырю села. В 1547 г. он отказался от выкупа лишь села Спаского, получив за него деньги. Село Ермолинское оставалось под угрозой. Разрушая планы Козлова или его родни, Артемий наносил одновременно моральный урон Ионе, с которым был связан сам Козлов и его послух и коллега Шемет Александров сын Щелепина, родственник Ионы. Вероятно, акция Артемия подрывала престиж и другого бывшего игумена — Иоасафа, чей родственник тоже являлся послухом данных грамот Боброва.

Почему возникла необходимость в компрометации Ионы? Известно, что Иона был противником Сильвестра, Артемия и Иоасафа⁵⁵. Вероятно, в 1551 г. он не просто жил в Троицком монастыре, но и активно боролся за власть в нем. Состав «соборных старцев» при Артемии, на заключительном этапе его игуменства, выясняется из уже упоминавшейся «отписи» октября 1551 г. об уплате денег Авдотье Бобровой. Первым здесь назван старец Симон Шубин, за ним следуют Андреян Ангелов, келарь Панте-

⁵⁰ Как явствует из записи на обороте, сделанной другим почерком, Авдотья дала еще 5 руб., да скирд ржи и скирд овса «на погребенье и на кормь».

⁵¹ «Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России». Собрал и издал А. Федотов-Чеховский, т. 1. Киев, 1860 (далее — АГР), №№ 60—62; ЦГАДА, ГКЭ, по Бежецку, № 116/1220, 118/1222 (Шум., вып. I. М., 1899, стр. 49, № 14; стр. 66, № 7).

⁵² АГР, №№ 58, 59.

⁵³ ЦГАДА, ГКЭ, по Бежецку, № 79/1183, 80/1184, 82/1186 (Шум., вып. I, стр. 48, № 8—10, а—в).

⁵⁴ АГР, №№ 60—62; ЦГАДА, ГКЭ, по Бежецку, № 116/1220, 118/1222 (Шум., вып. I, стр. 49, № 14; стр. 66, № 7).

⁵⁵ А. А. Зимин. И. С. Пересветов... стр. 100.

леймон и казначей Иор. Келарь Пантелеймон фигурирует также в приписке от 25 сентября 1551 г. к духовной Кунана Писемского 1550/51 г.⁵⁶ Эти четыре старца составляли «собор» уже в 1550/51 г., когда монастырем правил Серапион⁵⁷.

Последний известный нам акт времени игуменства Ионы, перечисляющий соборных старцев, относится к 1 января 1549 г. В нем указаны келарь Пантелеймон, старец Симон Шубин, казначей Меркурий, старцы Гаврило Башмаков, Арефа Тормосов, Арефа Корякин, Варлаам Кашин, Васьян Девочкин, чашник старец Трифон⁵⁸.

Старец Симон Шубин не был ставленником Ионы. Он сделался келарем еще при игумене Никандре, в 1542/43 г.⁵⁹, и, кстати, заменил на этом посту исполнявшего до него должность келаря Иону Щелепина⁶⁰. Придя к власти в 1545 г., Иона некоторое время терпел Симона в качестве келаря⁶¹, но после 14 апреля 1547 г.⁶² назначил вместо него келарем сначала Арефу Тормосова (1547/48)⁶³, а затем (в том же 1547/48 г.) — Пантелеймона Лепотухина⁶⁴. До 1549 г. в актах игуменства Ионы старец Симон Шубин сохраняет первое место, в акте же от 1 января 1549 г. уступает вершину соборной иерархии келарю Пантелеймону⁶⁵. Серапион первоначально возвращает Симону первое место в соборе⁶⁶, однако в 1550/51 г. ставит его после келаря и казначея⁶⁷. При Артемии, в октябре 1551 г., Симон Шубин снова выдвинулся на первое место.

Как видно из сказанного, келарь Пантелеймон являлся креатурой Ионы Щелепина, однако он выдержал и последующие игуменства — Серапиона⁶⁸, Артемия и Гурия⁶⁹.

Иор получил должность казначея от игумена Серапиона в 1550/51 г.⁷⁰ До этого (еще в 1549/50 г.)⁷¹ в казначеях оставался Меркурий, назначенный Ионой в 1545/46 г.⁷² Свой пост Иор сохранил и в 1552/53 г., при Гурии⁷³.

Старец Андреян Ангелов появляется впервые при Серапионе в 1549/50 г. (в купчей названы он и Арефа Корякин)⁷⁴. В 1550/51 г. Андреян Ангелов

⁵⁶ ГПБ, Погод. 1846, л. 48 об.

⁵⁷ ГБЛ, Тр. кн. 530, лл. 28 об.—29, по Москве № 2.

⁵⁸ ГБЛ, Тр. кн. 637, лл. 367 об.—368; ср. недатированный документ, где к названным старцам прибавлены Иона Заболоцкий, Дорофей Сеченой, Марко Щелепин, но нет Васьяна Девочкина (ЦГАДА, ГКЭ, по Дмитрову, № 169/3881; Шум., вып. III, стр. 62, № 206).

⁵⁹ ЦГАДА, ГКЭ, по Старице, № 9/11649.

⁶⁰ См. *Арсений*. Летопись наместников, келарей, ризничих, экономов и библиотекарей Свято-Троицкой Сергиевой лавры. СПб., 1868, стр. 20.

⁶¹ ГБЛ, Тр. кн. 520, лл. 282—284 об.; ЦГАДА, ГКЭ, по Переславлю-Залесскому, № 143/8867, 144/8868, 145/8869 (Шум., вып. III, стр. 335—336, № 983—984).

⁶² Последний раз упоминается как келарь (ГБЛ, Тр. кн. 530, лл. 1416 об.—1417).

⁶³ *Н. П. Лихачев*. Родоприсхождение дворян Головкиных. — ИРГО, вып. II. СПб., 1903, стр. 141—142, № III; *Арсений*. Указ. соч., стр. 20.

⁶⁴ ГБЛ, Тр. кн. 520, лл. 127 об.—129 об.; ЦГАДА, ГКЭ, по Дмитрову, № 169/3881; *Арсений*. Указ. соч., стр. 20.

⁶⁵ ГБЛ, Тр. кн. 637, л. 367 об.

⁶⁶ ЦГАДА, ГКЭ, по Переславлю-Залесскому, № 149/8873, 150/8874 (Шум., вып. IV, стр. 337, № 985); ГБЛ, Тр. кн. 530, 531, по Переславлю-Залесскому № 62.

⁶⁷ ГБЛ, Тр. кн. 530, л. 28 об.

⁶⁸ Еще в 1537/38 г. некий «чернец Пантелемонишко» исполнял приказы Серапиона, в ту пору только келаря (ГБЛ, Тр. кн. 518, лл. 419—420).

⁶⁹ При Гурии, например, Пантелеймон распорядился о разезде с Остафьева (ГБЛ, Тр. кн. 530, 531, по Коломне, № 24).

⁷⁰ ГБЛ, Тр. кн. 520, л. 120 об. («... при казначее Иереи»); кн. 530, л. 28 об.; ср. *Арсений*. Указ. соч., стр. 20.

⁷¹ ЦГАДА, ГКЭ, по Переславлю-Залесскому, № 149/8873, 150/8874 (Шум., вып. IV, стр. 337, № 985).

⁷² ГБЛ, Тр. кн. 520, л. 282. В игуменство Никандра (например, в 1543/44 г.) казначеем был Арефа Тормосов (ЦГАДА, ГКЭ, по Кашину, № 37/6732); ср. *Арсений*. Указ. соч., стр. 33.

⁷³ ГБЛ, ф. 28 (Акты Беляева), № I/100 (*Д. Лебедев*. Указ. соч., стр. 23, № 100).

⁷⁴ ЦГАДА, ГКЭ, по Дмитрову, № 76/3788 (Шум., вып. III, стр. 146, № 151).

упоминается последним из четырех соборных старцев, включая келаря Пантелеймона, казначея Иора и старца Симона Шубина ⁷⁵.

Следовательно, к концу игуменства Серапиона в состав монастырского собора вводятся новые люди — казначей Иор и старец Андреян Ангелов. Доставшийся Серапиону в наследство от Ионы келарь Пантелеймон сохраняет и укрепляет свои позиции, а старец Симон Шубин оттесняется на задний план. Создается впечатление, что одновременно был резко сокращен состав соборных старцев. Перестают упоминаться старцы Гаврила Башмаков, Арефа Тормосов и другие сподвижники бывших игуменов Иоасафа и Порфирия ⁷⁶. Возможно, реформа монастырского собора производилась в предвидении назначения игуменом отставного митрополита Иоасафа.

При Артемии дальнейших изменений в личном составе соборных старцев не наблюдается, но бросается в глаза отведение первых мест в списке не келарю и казначею, а старцам Симону Шубину и Андреяну Ангелову. Не исключено, что такая перестройка иерархии произошла уже весной 1551 г., при Иоасафе, который хорошо знал Симона Шубина и в свое время назначил его казначеем Троицкого монастыря ⁷⁷. Из этих старцев Артемий мог опереться в лучшем случае на Симона Шубина, ставленники же Ионы и Серапиона — келарь, казначей и старец Андреян Ангелов — едва ли разделяли взгляды Артемия и одобряли нестяжательскую практику. Впоследствии Андреян Ангелов выступил, наряду с Ионой, в числе обвинителей Артемия ⁷⁸.

О переменах в соборе старцев в период вторичного игуменства Ионы (после Артемия) прямых данных нет, но, судя по упоминанию в 1552/53 г., при Гурие, старца Дорофея Олферьева сына Сеченого ⁷⁹, являвшегося приближенным Ионы ⁸⁰, можно думать, что попытки обновления собора в конце 1551—начале 1552 г. предпринимались.

Итак, Артемий в 1551 г. действовал в среде достаточно враждебной, и главная опасность исходила от Ионы и его сторонников. Крайне невыгодный для монастыря пересмотр тарханов в мае 1551 г. и трехмесячное или четырехмесячное «нестяжание» Артемия вызвали, по-видимому, сильное недовольство в среде монастырской братии. В монастыре помнили блестящее игуменство Ионы, когда монастырь полнился вкладами и получал от правительства щедрые тарханы. Конечно, в Троице Иона имел влиятельных единомышленников, о чем свидетельствует его победа над Артемием в 7060 г. и вторичный приход к власти.

Выдачей грамот 20—27 октября 1551 г. правительство пыталось поддержать престиж Артемия в монастыре. В грамотах от 27 октября не случайно ссылка на совещание царя с митрополитом Макарием и мысль о соответствии возвращения вклада в монастырь «правилам святых отец». Все эти юридические тонкости имели целью продемонстрировать ортодоксальность практической линии Артемия и ее согласованность с политикой главы церкви и установками церковного собора.

⁷⁵ ГБЛ, Тр. кн. 520, л. 170 об.; кн. 530, л. 28 об. Мнение Арсения (Указ. соч., стр. 20) о келарстве Андреяна Ангелова в 1550 и 1552 гг. актами не подтверждается.

⁷⁶ О деятельности Гаврилы Башмакова в 30-х годах см.: С. М. Кашинов, Чертеж земельного участка XVI в. — Труды МГИАИ, т. 17. М., 1963, стр. 429—434; ГПБ, Погод 1846, лл. 29—30 об. и др.; об Арефе Тормосове как казначее при Порфире см.: ЦГАДА, ГКЭ, по Переславлю-Залесскому, № 110/8834 (Шум., вып. IV, стр. 332, № 980).

⁷⁷ Арсений. Указ. соч., стр. 33; актовые данные о казначействе Симона Шубина относятся к 1538/39 г.: Н. П. Лихачев. Родоприсхождение дворян Головкиных, стр. 140—141, № 1; ЦГАДА, ГКЭ, по Бежецку, № 86/1190, 89/1193, 90/1194 (Шум., вып. I, стр. 39, № 9, 10); по Ростову, № 19/10556.

⁷⁸ А. А. Зимин. И. С. Пересветов. . . , стр. 159.

⁷⁹ ГБЛ, Тр. кн. 530, л. 421 об.; кн. 531, л. 371—371 об.

⁸⁰ Дорофей был введен в собор Ионой около 1548 г. вместе с Марком Шелепиным, видимо, родственником игумена (ЦГАДА, ГКЭ, по Дмитрову, № 169/3881; Шум., вып. III, стр. 62, № 206).

Три вклада, принятые Артемием в 7060 г., относились к району Костромы и Соли Галицкой. Несколько душеприказчиков (старец Демьян Яковлев сын Писемского, Михаил Федорович Вельяминов, Иван Андреевич Друцкий, Ратай Суринов сын Акинфова и Петр Чудинов сын Акинфова) отдали в монастырь по духовной Кунана Андреева сына Юрьевича Писемского его родовую вотчину сц. Головинское с деревнями на р. Писме в Шачебальском стане Костромского уезда⁸¹. Духовная Кунана Писемского была составлена в 7059 (1550/51) г.⁸² 25 сентября 1551 г. троицкий келарь Пантелеймон положил ее перед митрополитом Макарием, указав, что «взял он тое духовную у старца у Демьяна с совета троицкого игумена Сергиева монастыря и всей братии по тому, что тот Кунаан Писемской написал в той в своей духовной грамоте: дал в дом к живоначалной Троице в Сергиев монастырь вотчину свою село Головинское з деревнями, да и даную Кунаевы⁸³ прикашики на той духовной на то село дали. . .»⁸⁴ Отсюда следует, что данная грамота душеприказчиков Кунана Писемского была выдана до 25 сентября 7060 г., т. е. между 1 и 25 сентября 1551 г. В записи на духовной об утверждении ее 7 января 1552 г. отмечено, что сам Кунаан и его отец духовный Иосиф, писавший завещание, «по грехом» в Волге утонули⁸⁵.

Два других вклада на имя Артемия состоялись, видимо, тоже осенью 1551 г. Дмитрий и Борис Нестеровы дети Вылковские дали монастырю свою пустошь Попрятово на р. Емстне в Ольговском стане Костромского уезда⁸⁶, а Настасья Степановская жена Говорова с детьми и внучатами дала по своем муже Степане Говорове полдворища Тимофеевского у Соли Галицкой для совместного (с монастырем) устройства соляного колодца (другая половина дворища оставалась за Говоровыми)⁸⁷.

Первый из этих вкладов замечателен тем, что его давали великокняжеские крестьяне, купившие в 1547/48 г. землю («деревню. . . Попрятово») у вотчинника Тимофея Владимировича сына Трофимова за 15 р. и с обязательством ежегодно платить государевы подати десятскому — представителю бывшего владельца деревни⁸⁸. Такие условия покупки не превращали Вылковских в настоящих вотчинников — они оказывались тяглецами, зависимыми от Трофимова. Вклад в монастырь преследовал, вероятно, далеко идущие цели — ликвидировать тягловую зависимость и пользоваться землей на вотчинном праве под патронатом монастыря.

Вполне возможно, что отказ Артемия от нестяжательской практики был санкционирован правительством осенью 1551 г. Тем не менее попытка Артемия угодить монастырской братии не увенчалась успехом, и в конце 1551 г. — первой половине 1552 г. на смену ему пришел Иона Щелепин. Правительство вынуждено было согласиться на эту кандидатуру, однако, вероятно, поставило Иону под столь строгий контроль, что все его стремления возродить стяжательскую линию не привели к существенным результатам (известен всего один вклад, полученный им в 7060 г.⁸⁹). Иона «игуменил» недолго — пока не подыскали более ком-

⁸¹ ЦГАДА, ГКЭ, по Костроме, № 55/5022; ГБЛ, Тр. кн. 532, 533, по Костроме, № 15; кн. 556, № 36; Шум., вып. IV, стр. 57, № 59.

⁸² ГПБ, Погод. 1846, лл. 40—51 (дата на л. 48 об.).

⁸³ Так в рукописи.

⁸⁴ ГПБ, Погод. 1846, л. 49. В сохранившейся деловой Федора и Михаила Васильевых детей Писемского (ГБЛ, ф. 303, № 317) Кунаан и его вотчина не упоминаются.

⁸⁵ ГПБ, Погод. 1846, л. 49 об.

⁸⁶ ЦГАДА, ГКЭ, по Костроме, № 54/5021; ГБЛ, Тр. кн. 532, 533, по Костроме, № 44; кн. 556, № 33, кн. 557, № 17; Шум., вып. IV, стр. 57, № 58.

⁸⁷ ЦГАДА, ГКЭ, по Галичу, № 28/3558; ГБЛ, Тр. кн. 532, 533, по Соли Галицкой, № 21; кн. 559, № 18.

⁸⁸ ГБЛ, Тр. кн. 530, л. 1454, рознь, № 87.

⁸⁹ Указанное выше сельцо Гаврилово Московского уезда, поступившее от Зиновия Калитина. Это сельцо досталось Зиновию по деловой грамоте с братом Леонтием, 1547 г. Вклад хорошо гарантировался тем, что в деловой Леонтий давал обязательство не бить челом царю и его боярам на Зиновия. За нарушение этого условия и предъявление

промиссную фигуру для исполнения ответственной роли троицкого настоятеля — Гурия Лужецкого.

Таким образом, нельзя говорить о прямопропорциональной зависимости количества документов определенного игуменства от продолжительности правления игумена. Документы распределяются во времени неравномерно. Вполне возможно, что игуменство Ионы было по времени приблизительно равно игуменству Артемия, но оно представлено всего одной грамотой. Даже внутри игуменства Артемия одни месяцы характеризуются полным отсутствием документов (июнь—август), другие — наплывом документации (октябрь). Поэтому исследование политических мотивов и конкретных причин составления документов оказывается наиболее надежным из приемов выяснения их происхождения в связи с анализом содержания.

земельного иска к Зиновию с Леонтия следовало взять 100 руб. неустойки (ГБЛ, Тр. кн. 530, 531, по Москве № 67; кн. 536, № 131).

Б. Н. Флоря

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О «ДВОРОВОЙ ТЕТРАДИ» КАК ИСТОРИЧЕСКОМ ИСТОЧНИКЕ

За последнее время внимание наших исследователей все более привлекает структура господствующего класса России и ее изменения на протяжении XVI в. В связи с этим в работах историков все большее место начинает занимать материал, почерпнутый из двух памятников, содержащих наиболее ранние по времени списки представителей верхних слоев сословия светских феодалов, — «Дворовой тетради» и «Тысячной книги». «Тысячную книгу» можно считать памятником, довольно хорошо изученным. В настоящее время вполне ясны и цель ее составления и основания, по которым осуществлялся подбор включенных в нее детей боярских¹. Не вызывает никаких сомнений, что дошедшие списки сохранили нам этот памятник без утраты каких-либо его частей, а произведенное Н. Мятлевым сопоставление известных ему текстов со свидетельствами других источников показало, что пробелы в известном нам перечне лиц самые незначительные². Наконец, в нашем распоряжении имеются составленные еще в начале века послужные списки многих тысячников³.

В отличие от «Тысячной книги» «Дворовая тетрадь» гораздо меньше привлекала к себе внимание историков, а известные исследователям тексты создавали у них неверное, искаженное представление об этом памятнике⁴.

Положение изменилось после находки и публикации А. А. Зиминим так называемого Никифоровского списка «Дворовой тетради», дававшего гораздо более обширный текст, чем ранее известные списки, который сопровождался в этой рукописи большим количеством помет разнообразного содержания. Основываясь на этом новооткрытом тексте, А. А. Зимин убедительно показал, что «Дворовая тетрадь» — это список детей боярских, составленный в начале 1550-х годов⁵ главным образом для учета наличного состава «государева двора» — своеобразной организации верхушки господствующего класса России XVI в., который был действующим документом на протяжении 50-х годов XVI в.⁶

¹ С. Б. Веселовский. Реформа 1550 г. и так называемая Тысячная книга. — В кн. С. Б. Веселовский. Исследования по истории опричнины. М., 1963, стр. 78 и сл.

² Н. Мятлев. Тысячники и московское дворянство XVI столетия. Орел, 1912. находка ряда новых списков «Тысячной книги» подтвердила это: см. соответствующие замечания А. А. Зимина во введении к последнему изданию «Тысячной книги»: «Тысячная книга 1550 г. и дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. (далее — ТК и ДТ)». М.—Л., 1950, стр. 10—11.

³ В приложении к изданию: Н. П. Лихачев и Н. В. Мятлев. Тысячная книга 7059—1550 г. Орел, 1911.

⁴ См. относящиеся к 40-м годам заметки С. Б. Веселовского о «Дворовой тетради» (С. Б. Веселовский. Исследования по истории опричнины, стр. 83 и сл.).

⁵ Позднее ему удалось определить и точную дату создания памятника — 7060 (1551/2) г.

⁶ См. введение к ТК и ДТ, стр. 13 и сл.

Точное определение времени составления памятника и его назначения создало надежную предпосылку для дальнейшего источниковедческого изучения «Дворовой тетради». К сожалению, А. А. Зимин не продолжил столь интересно начатого им исследования. Лишь в своей книге «Реформы Ивана Грозного» он высказал ряд интересных соображений о соотношении текстов «Дворовой тетради» и о приемах составления ее текста в связи с находкой еще одного списка с пометами — Музейского⁷. Каких-либо работ других исследователей, специально посвященных изучению «Дворовой тетради», также не появилось. Таким образом, несмотря на свою широкую известность, этот памятник до сих пор остается источниковедчески очень мало изученным.

В рамках данной небольшой статьи нет, естественно, возможности дать всесторонний источниковедческий анализ «Дворовой тетради». Автор поэтому хотел бы сосредоточить свое внимание лишь на двух моментах: на вопросе о том, какого рода информацию может дать исследователю изучение структуры памятника, и на вопросе о том, можно ли на его основе определить размеры «двора» и выявить перемены в его составе на протяжении 50-х годов XVI в.

Рассматривая «Дворовую тетрадь» с формальной стороны, ее следует определить как список лиц, разбитый на отдельные рубрики разного рода заголовками. Сначала идут заголовки, определяющие должностное положение записанных в соответствующей рубрике лиц — «бояре», «окольничьи». Их характер ясен и не требует комментариев. Далее, однако, их характер меняется, и основная часть текста «Дворовой тетради» разделяется заголовками, которые представляют из себя название уездного города — «Кашин», «Москва», «Переяславль» и т. д. Что они обозначают?

В литературе исследователи уже давно молчаливо исходят из предположения, что эти заголовки свидетельствуют о том, что на территории обозначенного в заголовке уезда располагаются земельные владения внесенных в данную рубрику лиц. Сопоставление заголовков между собой как будто подтверждает это предположение. Так мы встречаем, например, заголовок «Тверские помещики», который как будто ведет к логическому выводу, что в предшествующей рубрике под заголовком «Тверь» записаны «тверские вотчинники». Разумеется, однако, что подтвердить или опровергнуть молчаливое предположение исследователей может лишь сопоставление перечня лиц одной из рубрик «Дворовой тетради» с перечнем землевладельцев соответствующего уезда, относящимся примерно к тому же времени, что и «Дворовая тетрадь».

Из писцовых описаний уездов, названия которых упоминаются в заголовках «Дворовой тетради», известен лишь текст Тверской писцовой книги 1548 г.⁸, которая хотя и не относится точно ко времени составления «Дворовой тетради», отделена от нее, однако, столь небольшим сроком, что это расхождение не может существенно препятствовать сопоставлению заключенного в ней перечня землевладельцев Тверского уезда с перечнем лиц, записанных в «Дворовой тетради» под заголовками «Тверь» и «Тверские помещики». Сопоставление дает следующие результаты.

Из 149 детей боярских, записанных в «Дворовой тетради» под рубриками «Тверь» и «Тверские помещики», в писцовой книге прямо отыскивается 85 человек, т. е. немного более половины⁹. Если учесть, что из оставшихся 25 человек — это сыновья лиц, упоминаемых в писцовой книге (или в недублирующих текст более позднего описания фрагментах писцовой книги 1540 г.), а еще у 2-х в этом же источнике записан стар-

⁷ А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного. М., 1960, стр. 371 и сл. Об этих соображениях см. подробнее в тексте работы.

⁸ О дате книги см.: И. И. Ланно. Тверской уезд в XVI веке. М., 1894, стр. 11—13.

⁹ «Писцовые книги Московского государства» (далее — ПКМГ), I, отд. II. М., 1877.

ший брат, то можно утверждать, что из 149 детей боярских 112 человек, то есть несколько больше $\frac{2}{3}$ наверняка являлись тверскими землевладельцами. Если учесть, что текст писцовой книги 1548 г. сохранился далеко не полностью¹⁰, полученных данных, думается, достаточно для утверждения, что занесение сына боярского в «Дворовую тетрадь» по той или иной рубрике с наименованием какого-либо города связано с наличием у него земельных владений в том уезде, центром которого является обозначенный в заголовке город¹¹.

Наличие в писцовой книге 1548 г. определений правового статуса занесенных в нее владений позволяет также выяснить, можно ли на основании того, что тот или иной сын боярский занесен в рубрику «помещики» (или, наоборот, в основную рубрику по данному «городу»), судить о действительном характере его землевладения в данном уезде.

По разделу «Тверь» «Дворовой тетради» писцовая книга дает сведения о 66 лицах из занесенных в него 105. Из них лишь 4 человека (братья Гвоздевы Заборовские) владеют одновременно поместьями и вотчинами. У 39 человек отмечены только вотчины, а у 21 человека только поместья. По разделу «Тверские помещики» писцовая книга дает сведения о 18 лицах из 44. У 16 из них в писцовой книге действительно отмечены только поместья, у двух оставшихся, однако (Б. Ф. Сиротин-Левашов и И. В. Челеев), — только вотчины.

Несовпадения между заголовком и реальным правовым статусом владений отдельных лиц, как видим, столь значительны, что, даже учитывая неполноту текста Тверской писцовой книги, это заставляет думать, что в тексте «Дворовой тетради» деление на подобные рубрики уже не имело реального значения, а представляло собой, по-видимому, пережиточное явление, восходящее к каким-то более ранним документам, может быть спискам «тверского двора», использованным при составлении данного раздела «Дворовой тетради». Характерно, что подобное деление в перечнях дворовых детей боярских других уездов не фигурирует, и мы встречаем лишь две подобные рубрики «Из Ярославля же помещики» и «В Стародубе помещики» в начальной части «Дворовой тетради», содержащей перечень представителей отдельных княжеских корпораций («Князи Ростовские», «Князи Ярославские»). Возможно, что в этих случаях речь шла о проведении определенного разграничения между князьями, получившими поместья в данном районе, и членами местного княжеского рода.

Таким же пережиточным явлением, связанным, видимо, с использованием при составлении «Дворовой тетради» более ранней документации, является наличие при рубриках «Углич» и «Ярославец» (имеется в виду Малоярославец) подзаголовков «княж Дмитриевские Ивановича» и «Из Ярославца же княж Василевские Шемя[чи]чевского», которые указывают на былую принадлежность детей боярских этих уездов к дворам брата Василия III — Дмитрия углицкого (умер в 1521 г.) и новгород-северского князя Василия Шемячича (арестован в начале 20-х годов)¹². В момент составления «Дворовой тетради» эти рубрики никакого практического значения не имели, что видно хотя бы из того, что списки детей

¹⁰ Отсутствует описание части земель волости Захожье, находившейся, по-видимому, на первых листах книги, нет почти целиком описания Купалинской волости.

¹¹ Это же можно отнести и к «Тысячной книге»: из 14 человек детей боярских, записанных в «Тысячной книге» по Твери (ТК и ДТ, стр. 79—80), 10 отмечены в писцовой книге, как тверские землевладельцы, а у одного из оставшихся — Михаила Васильевича Петрова Борисова в этой же книге записан его отец.

¹² ТК и ДТ, стр. 205, 208. Об этих подзаголовках и подобного же характера подзаголовках в «Тысячной книге» см. интересные соображения В. Д. Назарова в его статье по истории юго-западных уделов в Русском государстве первой половины XVI в. (принята к печати в «Исторические записки»).

боярских из Зубцова и Мещовска не сопровождаются подзаголовком «Княж Дмитриевские Ивановича», хотя эти города также принадлежали Дмитрию Углицкому¹³.

Наряду с этими двумя типами подзаголовков, как бы спорадически вклинивающихся в сеть поуездных наименований, можно отметить еще одну довольно многочисленную группу подзаголовков — «Литва Дворовая». Такие подзаголовки помещены в перечне детей боярских 12 уездов¹⁴, как бы выделяя из общего состава землевладельцев данного уезда какую-то особую группу лиц. Раскрыть значение этих заголовков помогают наблюдения над происхождением тех князей и детей боярских, которые с их помощью выделяются из общего списка. Хотя не о всех представителях этой группы имеются точные сведения, все же имеющихся данных достаточно, чтобы утверждать, что всех этих лиц объединяет один общий признак — в сравнительно недавнем прошлом они (или их непосредственные предки) входили в состав господствующего класса Великого княжества Литовского.

В районе Вязьмы располагались владения князей Вяземских¹⁵ и Козловских¹⁶ — вассалов Казимира IV. В списке князей, бояр и слуг смоленских, составленном в конце XV в., в литовской великокняжеской канцелярии отыскиваются такие фамилии детей боярских — «Дворовой Литвы», как Полтевы¹⁷, Бакины¹⁸, Бесищевы¹⁹, Бобоедовы²⁰, Дудины²¹, Колтевы²², князь Коркоды²³ и ряд других. В рубриках с подзаголовком «Дворовая Литва» встречаются также потомки целой группы панов, выехавших из Великого княжества в Россию после неудачи восстания Михаила Глинского в 1508 году²⁴.

Лица, попадавшие в Россию из Великого княжества в более позднее время, также, по-видимому, причислялись к «дворовой Литве»²⁵.

То обстоятельство, что владения большей части непосредственных предков лиц, записанных в «Дворовой тетради», главным образом, по центральному и северо-восточным уездам Замоснового края, находились на территории западных русских уездов, отошедших к России после русско-литовских войн рубежа XV—XVI вв., на первый взгляд противоречит выдвинутому выше тезису о том, что дети боярские вносились в те или иные рубрики «Дворовой тетради» в соответствии с расположением их земельных владений. Противоречие это, однако, только кажущееся. Дело в том, что в период между концом XV и серединой XVI в. произошло массовое переселение местных собственников на присоединенных в ходе русско-литовских войн землях с их наследственных владений на другие территории, расположенные далеко от литовской границы. Это пересе-

¹³ Ср. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., 1950, стр. 360 и ТК и ДТ, стр. 172—181.

¹⁴ Переяславль, Ростов, Ярославль, Романов, Кострома, Юрьев, Суздаль, Владимир, Муром, Серпухов, Можайск, Медынь.

¹⁵ О Вяземских князьях и их переходе под власть Ивана III см. «Устюжский летописный свод». М.—Л., 1950, стр. 99.

¹⁶ О Козловских князьях см. «Сборник Русского исторического общества» (далее — Сб. РИО), т. 35. СПб., 1882, стр. 152.

¹⁷ РИБ, т. 27, стр. 478.

¹⁸ Там же, стр. 478.

¹⁹ Там же, стр. 478.

²⁰ Там же, стр. 487.

²¹ Там же, стр. 480—481.

²² Там же, стр. 485.

²³ Там же, стр. 480.

²⁴ А. А. Зимин. Новое о восстании Михаила Глинского в 1508 г. — «Советские архивы», 1970, № 5, стр. 72—73.

²⁵ Так, в числе литовских пленных, с которыми встречался в 1528 г. в Москве литовский гонец, упоминается князь Козека (Сб. РИО, т. 35, стр. 768). Его потомок, князь Богдан Козекин записан в «Дворовой тетради» среди «дворовой Литвы» по Владимиру.

ление началось, по-видимому, уже в самом начале XVI в.²⁶ Что же касается участников восстания М. Глинского и поступавших на русскую службу литовских пленников, то по отношению к ним речь шла о предоставлении возмещения за земли, оставшиеся на территории Великого Княжества Литовского. Служебное положение всех этих переселенцев в рамках «государева двора» было, видимо, существенно иным, чем дворовых детей боярских — коренных землевладельцев центрально-русских уездов, что, очевидно, и получило свое отражение в двойном делении ряда уездных рубрик «Дворовой тетради».

Таким образом, если основная масса поуездных рубрик «Дворовой тетради» позволяет составить известное представление о землевладельческом положении занесенных в список дворовых детей боярских, то перекрещивающиеся с ней рубрики иного рода указывают на определенные различия в положении отдельных групп феодалов, входящих в состав двора, различия генетически восходящие к более раннему времени, что открывает некоторые возможности для освещения отдельных моментов истории формирования этой организации.

Как установил А. А. Зимин, основное назначение «Дворовой тетради» заключалось в том, что она являлась документом, служившим для учета перемен, происходивших в составе «государева двора». Пометы, имеющиеся в ее тексте, фиксировали поступление детей боярских в состав двора, их повышение на иную иерархическую ступень (в чин боярина или окольного), перемещение внутри двора (из одной уездной рубрики в другую), наконец, выход из двора в связи с отставкой или смертью²⁷. Не подлежит сомнению, что, располагая подлинником «Дворовой тетради», можно было бы реконструировать первоначальное ядро «двора» в момент составления «Дворовой тетради», а также выделить из этого памятника группы лиц, вступивших в состав «двора» или выбывших из него на протяжении 50-х годов XVI в. Однако в нашем распоряжении имеются лишь копии, сделанные к тому же, как установил А. А. Зимин, не непосредственно с подлинника, а с более ранней копии²⁸. А это заставляет для освещения указанных выше моментов, прежде чем переходить к классификации помет по соответствующим рубрикам, поставить общий вопрос: насколько полно и точно имеющиеся копии передали пометы подлинника.

А. А. Зимин, перед которым с находкой Никифоровского списка впервые встал подобный вопрос, первоначально был настроен в этом отношении оптимистически: «составитель Никифоровского списка, — писал он, — внимательно отметил все пометы (или подавляющее их большинство), имевшиеся в тексте «Дворовой тетради»²⁹. Однако с обнаружением второго списка с пометами³⁰ выяснилось, что дело обстоит значительно сложнее: в Музейском списке обнаружилось много новых помет, которых не было в Никифоровском. Ряд таких помет был вскоре после находки списка опубликован А. А. Зиминим³¹. Всего их насчитывается более сотни. В свою очередь в Никифоровском списке обнаруживается

²⁶ Так, например, по своей духовной Иван III передал сыну Юрию серпейскую волость Гнездилово «что была вотчина князя Александра княж Иванова сына Гнездиловского» (ДГ, стр. 359). В «Дворовой тетради» паходим князя Семела Александровича Гнездиловского среди «дворовой Литвы» Романовского уезда (ТК и ДТ, стр. 146). Перемещение Гнездиловских в Романов произошло, таким образом, судя по всему, еще при жизни Ивана III. О князьях Козловских — «дворовой Литве» также по Романову уже совершенно определено известно, что их предки — смоленские князья получили свои земли в Романовском уезде от Василия III в 1510 г. Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. М., 1898, № 80.

²⁷ См. обзор содержания помет по введению к изданию ТК и ДТ, стр. 13—14. Ср. А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного, стр. 371.

²⁸ А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного, стр. 374.

²⁹ Введение к ТК и ДТ, стр. 13.

³⁰ ГИМ, Музейское собр., № 3417.

³¹ А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного, стр. 374.

свыше сотни помет, которые отсутствуют в списке Музейском. Таким образом, составители обоих списков при копировании были достаточно невнимательны и опустили многие записи, имевшиеся в их общем протографе. Сопоставление текста помет, общих обоим известным нам спискам, позволяет выявить ряд дополнительных дефектов их работы.

Так, пометы, расположенные в подлиннике и еще в ранней копии на полях текста, при переписывании оказываются в ряде случаев расположенными в обоих списках против разных строк текста и нужно дополнительно определять, к какому из указанных в тексте лиц помета относится. Писцы сокращали части помет, опуская как отдельные слова³², так и части слов, что в ряде случаев приводило к полному изменению смысла. Характерным примером здесь может служить имеющаяся в ряде мест Никифоровского списка дворовой тетради помета «стар», вместо которой в Музейском списке читается «староста» или «губной староста»³³. В ряде случаев имело место и произвольное расширение текста помет, которое приводило к аналогичным результатам³⁴. Невнимательность писцов привела также к тому, что в целом ряде случаев пометы дают нам разные даты. В некоторых случаях легко установить, какая из них правильна³⁵, в других случаях это невозможно сделать, а иногда проверка показывает, что ни одна из указанных дат не является верной³⁶. Немалая часть ошибок, очевидно, произошла из-за того, что обозначенные в подлиннике славянскими буквами даты в списках XVII—XVIII вв. — передавались римскими цифрами.

Сопоставление позволяет также выявить и существенные расхождения по содержанию между отдельными пометами в обоих списках. Так, при имени большого дьяка Кузьмы Федорова читается соответственно «В Казань» и «Отказ»; при имени сына боярского Андрейки Исупова (Москва) находим пометы, полностью противоречащие друг другу: «В Колугу» и «С Колугы». Остается неясным, «у царя» или «у царицы» служил сын боярский по Кашину Алеша Наумов, в свите «царицы» или «царевича» состоял сын боярский по Бежецкому верху Гриша Бикин и т. д. В ряде случаев и пометы, читающиеся одинаково в обоих списках, дают полностью искаженный текст, что наводит на мысль о наличии существенных дефектов уже в их общем протографе³⁷.

Наконец, явное отсутствие у писцов внимания к пометам вызывает сомнение в том, что сумма помет, сохранившихся в обоих списках, «Дворовой тетради», соответствует количеству помет, имевшихся когда-то в их общем оригинале.

³² Преимущественно даты. Так, в помете при имени Н. А. Курцова в Никифоровском списке было опущено указание на время его опалы — «63-го» (ТК и ДТ), стр. 114; Муз. сп., л. 44 об.); аналогично в помете при имени кн. С. А. Щербатого опущена дата его вступления в двор «63-го марта» (ТК и ДТ, стр. 119, Муз. сп., л. 47). Можно указать и противоположный случай, когда от пометы при имени Василия Брехова «66-го умре» в Музейском списке осталась только дата (ТК и ДТ, стр. 132. Муз. сп., л. 52 об.)

³³ См. соответствующие пометы при именах Иева Василева Тетерина и Матвея Товарищева Аксакова (Суздаль), Китовраса Кузьминского (Владимир), Ивана Як. Коверина (Коломна).

³⁴ См. помету при имени Ив. Фед. Пусторослева (Зубцов) «староста и болен», которой в Музейском списке соответствует правильное «стар и болен».

³⁵ Так, в записи при имени Володи Фед. Головина (Тверь) помещена дата 7094 (1586) г. Поскольку «Дворовая тетрадь» — документ 50-х годов XVI в., то ясно, что правильной будет дата Музейского списка (л. 83 об.) — 7064 (1556) г.

³⁶ Так, при имени Арт. Ив. Колтовского (Гаруса) помещены даты «66-го» и «63-го». Поскольку Колтовский погиб при взятии Казани (см. об этом ниже), то ясно, что дата должна быть «7060» (1552) г.

³⁷ Так, при имени сына боярского И. И. Шеина-Клепика (Москва) читается в обоих списках помета «Иван в разбое умре». Между тем из рассказа правительственной летописи известно, что он был убит «в воротех» при взятии города Курслова в Ливонии (ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, стр. 290). В подлиннике, очевидно, читалось «на бою умре».

Констатируя, таким образом, наличие в тексте интересующей нас части памятника ряда существенных дефектов, переходим к конкретному рассмотрению содержащихся в нем сведений о пополнении двора на протяжении 50-х годов XVI в.

Уже в своем обзоре помет Никифоровского списка А. А. Зимин выделил такие типы записей, которые содержали сведения о поступлении тех или иных детей боярских в состав двора типа «Новик 67-го (году)» или «Новик 66-го генваря, мал 12 лет, дан в службе срок на 3 года» и др. Всего подобных записей в тексте «Дворовой тетради» удастся выделить около сорока. Уже само сопоставление этих записей между собой показывает, что целый ряд из них передан в имеющемся тексте явно неполно. Оставляя в стороне тот факт, что в большинстве записей указывается только год поступления «новика» на службу, и лишь в 7 случаях отмечен также месяц (в 2 случаях также и день), здесь следует указать 3 записи, в которых дата поступления на службу вообще оказалась опущена³⁸, и 2 записи, в которых от первоначального текста сохранилось лишь указание на возраст «новики»³⁹. Эти дефекты позволяют предполагать, что ряд помет о приеме «новики» в состав двора мог быть также и целиком утрачен при неоднократном копировании текста.

Наряду с лицами из знатных фамилий, начинавшими свою службу прямо с поступления в состав двора (как вышеупомянутые «новики»), «двор» на протяжении 50-х годов XVI в. должен был, конечно, пополняться и городовыми детьми боярскими, для которых принятие в «двор» было часто завершением их карьеры. Как показывает знакомство с сохранившимися в подлиннике перечнями дворовых детей боярских несколько более позднего времени — «боярскими списками» конца XVI — начала XVII в., имена таких вступающих в двор детей боярских вносились в текст перечня без каких-либо помет, лишь иногда рядом с фамилией ставилась просто дата вступления на службу⁴⁰.

В тексте «Дворовой тетради» также выделяется группа помет — всего из 25 — состоящая из одних дат⁴¹. В некоторых случаях это, вероятно, результат сокращения текста помет при копировании, но в большей своей части такие пометы, надо думать, указывают на лиц, в указанное время вступивших в состав «Двора». Если, таким образом, один из более поздних приемов канцелярской практики применялся при составлении интересующего нас памятника, то есть основание предполагать, что работавшие над текстом «Дворовой тетради» дьяки могли также широко практиковать и внесение новых лиц в список без каких-либо помет. В тексте оригинала эти новые вставки, конечно, было бы легко отделить от первоначального текста, но в снятых с него копиях такие вкрапления практически ничем нельзя было бы отличить от первоначальной основы.

Чтобы выяснить, действительно ли имела место при работе над текстом «Дворовой тетради» подобная практика, следует попытаться составить хотя бы приблизительное представление об общих возможных размерах пополнений состава «двора» на протяжении срока действия этого документа. Для некоторой ориентации в этом отношении следует сопоставить интересующие нас пометы с количеством имеющихся в «Дворовой тетради» помет о убыли людей из состава двора. Всего в «Дворовой тетради» насчитывается свыше 300 помет «убит», «умре»⁴², свыше 80 записей

³⁸ ТК и ДТ, стр. 122, 145, 168.

³⁹ То же, стр. 187 («10 лет»), стр. 206 (Петруша 13 лет да Васько 11 лет).

⁴⁰ Так, из 32 человек, вписанных в «боярский список» 1602/3 г. (ЦГАДА, ф. 210. Столбцы Московского стола, д. 1132, столбик 1), лишь у 10 отмечена дата поступления на службу. Пользуясь случаем, я хотел бы выразить глубокую благодарность А. Л. Станиславскому за возможность ознакомиться с текстами этого и некоторых других «боярских списков» конца XVI — начала XVII в.

⁴¹ ТК и ДТ, стр. 119, 120, 121, 135, 136, 170, 172, 182, 186, 195, 197, 201, 205.

⁴² Пометы «умре» в ряде случаев также обозначали не естественную, а насильственную смерть. Так, пометы «умре» читаются при именах Бориса Ив. Салтыкова (Вязьма)

«отставлен» и 30 записей — «в чернцах» и «не служит». Таким образом, на протяжении 50-х годов из состава двора выбыли сотни людей. Очевидно, и размеры пополнений в состав «двора» измеряются подобной цифрой. Если учесть, что имеющиеся пометы сообщают о вступлении в состав двора максимум 75 детей боярских (если относиться к этой категории и все пометы, состоящие только из дат), то станет ясно, что большую часть поступавших в двор городских детей боярских просто вписывали в первоначальный текст памятника, и в имеющихся списках их имена и фамилии ничем не выделяются из основного текста.

В такой ситуации данные помет явно не могут служить опорой при решении вопроса об отделении первоначального ядра документа от последующих напластований и нужно искать других путей. В этой связи привлекают внимание наблюдения А. А. Зимина над тем, как осуществлялось пополнение списков «двора» новыми людьми. Анализируя помещенные в «Дворовой тетради» списки бояр и окольных, исследователь установил, что лица, получившие один из этих чинов, приписывались в конце соответствующего списка, один за другим, в хронологической последовательности. Вместе с тем он отметил и некоторые исключения из этого правила, когда имена новых бояр и окольных приписывались в тех местах списка, где ранее были записаны их братья⁴³. Опираясь на эти наблюдения, А. А. Зимин сумел убедительно отделить в этой части памятника (начальный раздел) ядро от последующих дополнений (заключительный раздел).

Остается, однако, неясным, можно ли распространять сделанные наблюдения на основную часть памятника — список дворовых детей боярских. Для этого следует определить, как расположены в тексте памятника упомянутые выше пометы о приеме «новики» в состав двора.

Рассматривая местоположение этих записей, можно констатировать, что ряд из них, как и указывал А. А. Зимин, находится в конце соответствующих разделов «Дворовой тетради», и, что особенно важно отметить, «новики» помещены здесь отдельно от записанных в других местах раздела их близких родственников, но таких записей меньшинство — 14⁴⁴. Большая часть записей о зачислении новых лиц в состав «государева двора» помещена в самых разных частях разделов — в середине, в начале, иногда, впрочем, и в конце, а отмеченные в них «новики» внесены явно в те места, где были ранее записаны их родственники (отцы, братья). Таким образом, оба отмеченные А. А. Зиминим способа фиксации пополнений в составе «государева двора» практиковались дьяками, работавшими над текстом «Дворовой тетради», по меньшей мере одинаково. И в этом отношении, как видим, их приемы работы создают целый ряд препятствий на пути к решению вопроса.

Уже сопоставление общего количества помет разных категорий, приведенное выше, показывает, что сведения об убыли из состава «государева двора» отразились в дошедших до нас списках «Дворовой тетради» гораздо полнее, чем сведения о вступлении в него новых лиц. Правда, об исчерпывающей полноте и здесь не приходится говорить. Сопоставление помет о смерти членов боярской думы (окольных и бояр), имеющих в «Дворовой тетради», со сводкой сведений, составленной А. А. Зиминим на основании других источников, показывает, что некоторые записи были при копировании текста опущены. Так, в имеющихся текстах не отмечена смерть боярина Ю. М. Воронцова⁴⁵. Вместе с тем все осталь-

и Алексея Ив. Скрябина (Москва). Между тем известно, что Б. И. Салтыков был убит «черемисой» (ПСРЛ, л. XIII, вторая половина, стр. 230), а Скрябин погиб осенью 1559 г., в сражении с немцами (то же, стр. 321).

⁴³ А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного, стр. 372—373.

⁴⁴ ТК и ДТ, стр. 123, 124, 133, 143, 150, 156, 165, 168, 171, 183, 187, 205.

⁴⁵ Боярин с 1554/55 г., заупокойный вклад по нем дан в 1557/58 г. (см. А. А. Зимин. Состав боярской думы в XV—XVI веках. — «Археографический ежегодник за 1957 год». М., 1958, стр. 67.

ные известные нам сообщения о смерти бояр и окольных на протяжении 50-х годов XVI в. находят себе соответствие в пометах «Дворовой тетради», и это позволяет думать, что основное количество помет интересующего нас сейчас типа текст «Дворовой тетради» сохранил. Однако при попытке использовать этот материал для исследования изменений в составе двора возникает целый ряд трудностей. Прежде всего, следует отметить, что большая часть этих помет не имеет дат⁴⁶. Даже из числа помет, которыми сопровождался списки бояр и окольных (а к ним, по-видимому, составитель протографа известных нам списков отнесся более внимательно, чем к пометам в других частях текста) лишь половина включает в свой состав даты. Что же касается помет в списке дворовых детей боярских, то из нескольких сотен записей датировано не более десятка. Таким образом, на основании имеющихся помет можно судить лишь о том, какое количество людей выбыло из двора на протяжении 50-х годов XVI в. в целом.

Трудности возникают и при определении того конкретного круга лиц, которых на основании помет следовало бы считать закончившими в 50-х годах свою карьеру. Это связано с вопросом о расположении помет в оригинале и снятых с него копиях. Изучение этих копий и, в частности, Музейского списка, составитель которого, как правильно указывал А. А. Зимин, копировал (по крайней мере частично) то размещение помет, которое было в протографе, позволяет заключить, что отметки об убыли людей из состава двора делались несколькими способами. В ряде случаев пометы делались прямо в тексте над именем умершего⁴⁷, и в этом случае, естественно, не составляет труда установить, кто при этом имелся в виду. Однако чаще дьяки, работавшие над текстом, поступали иначе: соответствующая помета ставилась на полях против той строчки текста, где читалось соответствующее имя. Если учесть, что очень часто на одной строчке текста записано несколько имен, то ясно, что в каждом таком случае необходимо специальное исследование, чтобы выяснить, к какому из помещенных на данной строчке имен относится та или иная помета. К этому следует добавить, что сравнение двух известных нам списков «Дворовой тетради» с пометами показывает, что одни и те же пометы читаются зачастую в обоих списках у соседних строк текста, так что остается неясным не только к какому имени помета относится, но и какую из двух групп имен нужно рассматривать, чтобы это установить. Наконец, следует заметить, что, как показывает выборочная проверка, одинаковое расположение пометы в обоих списках еще не может служить гарантией того, что она стоит на правильном месте. Так, в обоих списках читается следующая запись: «Иванец Петров Рясин. Брат его Михалко 67-го году убит⁴⁸». Сопоставление с другими источниками показывает, однако, что помета стоит не на месте. Она должна относиться к соседней строчке текста «Осип да Сенька Федоровы дети Быкова» и имеет в виду смерть Семена Фед. Быкова в сентябре 1558 г. в сражении с ливонскими немцами⁴⁹.

⁴⁶ Трудно сказать, в какой мере это следует объяснять дефектами дошедших до нас копий. Практика работы над текстами «боярских списков» конца XVI—начала XVII в. показывает, что в ряде случаев пометы о смерти детей боярских не сопровождалась в них датами, в целом, однако, удельный вес датированных помет в них гораздо выше, чем в известном нам тексте «Дворовой тетради». Так, например, в боярском списке 1588/89 г. (ЦГАДА, ф. 210. Столбцы Московского стола, д. 1167) из 33 помет «умре» и «отставлен» не датировано лишь 5.

⁴⁷ При снятии копий, отчасти уже в Музейском списке и полностью в Никифоровском, эти пометы включались в текст прямо за именем того, к кому они относились, и запись приобретала следующий вид: «Спиридон да Микита — умре — да Васюк — умре — Григорьевы» (ТК и ДТ, стр. 203). Иногда переписчики поступали иначе и по окончании записи снова повторяли имена с относящимися к ним пометами (примером может служить запись об Измайловых Каменских — ТК и ДТ, стр. 202).

⁴⁸ ТК и ДТ, стр. 203, Муз. сп., л. 87.

⁴⁹ ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, стр. 314.

И здесь состояние текста источника, как видим, таково, что исследователь не может сразу получить точного и определенного ответа на поставленный вопрос. При таком положении, когда текст источника не дает возможности установить размеры внесенных в него изменений, «Дворовую тетрадь» приходится рассматривать как список лиц, вообще входивших в состав «двора» на протяжении указанного промежутка времени.

Насколько полным можно считать имеющийся список? Для ответа на этот вопрос следует выяснить два момента:

1) располагаем мы текстом всего памятника или в нашем распоряжении лишь его фрагмент (какая-то часть).

2) насколько точно передан в дошедших до нас списках этот текст.

Точный ответ на первый вопрос дать в настоящий момент не представляется возможным. Правда, А. А. Зимин после находки им в 1948 г. «Никифоровского списка Дворовой тетради» склонился к заключению, что «Никифоровский список Дворовой тетради позволяет представить себе этот памятник в полном объеме»⁵⁰, однако он ничем не обосновал своего утверждения. Между тем в обоих полных списках «Дворовой тетради» — Никифоровском и Музейском — текст просто заканчивается перечислением детей боярских из Малоярославца и, в отличие, например, от «Тысячной книги», отсутствует какая-либо концовка, которая определено бы указывала, что здесь памятник заканчивается.

При отсутствии параллельных текстов аналогичного назначения, относящихся к тому же времени, что и «Дворовая тетрадь», решить вопрос о возможном объеме памятника трудно. Можно лишь попытаться выяснить, охватывает дошедший до нас текст значительную часть памятника или перед нами лишь сравнительно небольшой фрагмент. Для этого следует сопоставить рубрики с наименованиями княжеских корпораций и уездов, на которые разбит текст «Дворовой тетради» с аналогичными рубриками, на которые разбит текст двух других известных списков дворовых детей боярских середины XVI в.: списка лиц, присутствовавших на приеме польского посла в 1542 г.⁵¹ и «Тысячной книги» — списка дворовых детей боярских, получавших по указу 1550 г. поместья под Москвой. Сопоставление показывает, что почти все рубрики этих документов (за двумя исключениями, о которых — ниже) находят соответствие в «Дворовой тетради», где к ним добавляется еще ряд новых названий⁵². Тем более внимательно нужно присмотреться к двум выявляющимся исключениям.

Наиболее существенным представляется то, что в тексте «Дворовой тетради» не находит никаких аналогий список дворовых детей боярских из повгородских пятин, Пскова, Торопца, Ржева и Великих Лук, который читается в заключительных разделах «Тысячной книги»⁵³. На первый взгляд это легко объяснить дефектностью (потерей последних листов) в том экземпляре «Дворовой тетради», с которого снимали копии. Однако некоторые наблюдения над формуляром «Тысячной книги» заставляют в этом сомневаться. Так, обращает на себя внимание, что перечень помещиков западных русских уездов в тексте этого памятника четко отделен от предшествующих разделов особым заголовком и имеет свое деление на статьи, не совпадающее с делением остального текста. Текст «Тысячной книги», таким образом, явно распадается на две части. Вторая — с подзаголовком «Дети боярские Ноугородцкие помещики и Псковские и Торопецкие и Ржевские и Лутцкие помещики» и первая, которая не выделена каким-либо особым заголовком в тексте. Ее название выясняется

⁵⁰ ТК и ДТ, стр. 12.

⁵¹ Сб. РИО, т. 59, стр. 147—148.

⁵² Белев, Звенигород, Медынь, Пошехонье, Романов, Суздаль, Ярославль.

⁵³ ТК и ДТ, стр. 82 и сл.

из концовки «Тысячной книги», где читается итог записанных в книгу «детей боярских» «во всех статьях московские земли и ноугородских помещиков»⁵⁴. Таким образом, первая часть «памятника», пользуясь терминологией его составителей, представляла собой список «детей боярских московские земли». В связи с этим следует отметить, что в заглавии «Дворовой тетради» читается, что «в ней писаны. . . дети боярские дворовые Московские земли и приказные люди»⁵⁵. Это заставляет думать, что списки детей боярских, к собственно Московской земле не принадлежавших, и не должны были вноситься в подобный документ⁵⁶, который, как видно из самого его заглавия, представляет собой список лишь части «государева двора»⁵⁷. От этого списка до нас, по-видимому, дошла все же основная часть: в подзаголовках «Дворовой тетради» встречаются названия практически всех уездов «Замосковского края», кроме Вереи, владения Старицкого князя и некоторых других территорий (Лух, Кинешма), которые в то время были владениями служилых князей. Между тем именно эта часть России в XVI в. служила основным резервуаром кадров для государева двора.

При таком полном охвате территории Замосковского края вызывает удивление отсутствие в «Дворовой тетради» рубрики «Стародубские князи», которую мы находим и в списке 1542 г. и в «Тысячной книге». Сопоставление последовательности территориальных рубрик списка московских детей боярских III статьи «Тысячной книги» и «Дворовой тетради» показывает, что в начальной части (перечни князей) они полностью совпадают между собой.

Тысячная книга

Ярославль
Из Ярославля
Стародубские
Из Стародуба
Мосальские

Дворовая тетрадь

Ярославские князи
Из Ярославля ж помещики
—
В Стародубе помещики
Мосальские князи

Лишь рубрика «Стародубские князи» отсутствует, и это заставляет с особым вниманием отнестись к тексту, который читается в ней между названиями соседних рубрик «Из Ярославля ж помещики» и «В Стародубе помещики». В тексте рубрики «Из Ярославля ж помещики» выявляется явное нарушение текста. Здесь мы читаем «князь Михайло княж Черной да князь Петр княж Васильевы деи Пожарского»⁵⁸. Сопоставление с текстом «Тысячной книги», где читается «князь Иван Черной да князь Петр княж Васильевы дети Пожарского»⁵⁹, показывает, что в тексте «Дворовой тетради» налицо явная ошибка, которую, вероятнее всего, следует считать результатом пропуска в тексте, когда имя одного человека присоединилось к фамилии другого. После выявленного пропуска в «Дворовой тетради» идет перечень лиц, принадлежавших к разным ветвям стародубского княжеского рода. Целый ряд из них (Петр Васильев По-

⁵⁴ ТК и ДТ, стр. 103.

⁵⁵ То же, стр. 111.

⁵⁶ Характерно в связи с этим, что в списке «дворецких» «Дворовой тетради» отсутствуют «новгородские дворецкие» (о них см. А. А. Зимин. О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в. — «Исторические записки», т. 63, стр. 197).

⁵⁷ Наряду с «Дворовой тетрадь» приходится, следовательно, предполагать существование еще, по крайней мере, одного аналогичного характера документа, куда вносились дворовые дети боярские северо-западных русских уездов (деление записанных во второй части «Тысячной книги» помещиков на «дворовых» и «городовых» ясно показывает, что часть из них входила в состав «двора»).

⁵⁸ ТК и ДТ, стр. 123.

⁵⁹ Там же, стр. 63. Это чтение подтверждается и свидетельством родословных книг: «а у князя Василья у Федоровича у Пожарского три сына: князь Иван Черной бездетен да князь Борис Голубок да князь Петр Ноздрун бездетен» («Родословная книга» — «Врещеник ОИДР», кн. 10. М., 1851, отд. II, стр. 64).

жарский, Федор и Иван княж Ивановы дети Третьяковы Пожарского) отыскиваются в разделе «Стародубские князи» третьей статьи «Тысячной книги». Ясно, что к заголовку «Из Ярославля помещики» этот перечень никакого отношения не имеет и представляет собой заключительную часть раздела «Стародубские князи», который, следовательно, читался и в нашем памятнике.

Одной же строкой выше отмеченного пропуска читается запись «Брат его князь Иван (Дашков. — Б. Ф.) Стародуб. Умре». Ясно, что запись о переводе князя Даликова в Стародуб не могла читаться в разделе «Стародубские князи» и должна быть отнесена к предшествующей рубрике. Очевидно, в подлиннике «Дворовой тетради» (или в копии, к которой восходят известные списки) в том месте, где выявляется нарушение текста был пропущен лист, на котором читался конец раздела «Из Ярославля помещики» и начало следующего «Стародубские князи». Благодаря этому пропуску в известном нам тексте «Дворовой тетради» отсутствуют имена целого ряда лиц, записанных в «Тысячной книге» в разделе «Стародубские князи», о службах которых неоднократно сообщают разряды 50-х гг. XVI в. Это князья Петр и Андрей Ив. Татевы⁶⁰, Федор, Иван и Петр Борисовичи Ромодановские⁶¹, Семен Ив. Гундоров⁶². За этим исключением, других крупных пропусков в тексте «Дворовой тетради» не обнаруживается, и сохранность известного нам текста можно расценить как удовлетворительную.

Насколько точно передан читающийся в «Дворовой тетради» перечень лиц?

Интересный материал для сопоставлений, которые помогли бы пролить свет на этот вопрос, дает пространная запись с именами детей боярских, погибших при взятии Казани в 1552 г., помещенная в знаменитом пергаменном синодике Успенского собора⁶³. Характер этого памятника, куда первоначально заносились лишь имена членов московского княжеского дома и наиболее именитых бояр⁶⁴, заставляет думать, что внесенные в текст синодика 80 с небольшим лиц есть основания считать дворовыми детьми боярскими, погибшими при взятии Казани. Однако, учитывая возможность того, что в синодик могли быть занесены и отдельные городовые дети боярские, совершившие какие-либо особые подвиги при добывании русской ратью татарской столицы, в дальнейшем будем оперировать лишь той частью имен списка, по отношению к посетителям которых есть какие-либо конкретные основания для утверждения их принадлежности к государеву двору.

Первая группа имен, которая выделяется из списка, это имена детей боярских, записанных в «Тысячную книгу» 1550 г. Их всего 10⁶⁵. Правда, в итоговой записи этого документа⁶⁶ говорится, что в него внесены и «городовые» дети боярские, но, учитывая, что у всех этих лиц (кроме Прончищева) в «Дворовой тетради» записаны ближайшие родственники — отцы и братья, думается, можно с уверенностью причислить всех лиц этой группы к дворовым детям боярским.

В «Дворовой тетради», однако, из них отыскивается лишь два чело века — И. Т. Хметевский и Н. Г. Совин.

Вторая группа, гораздо более значительная, — дети боярские, которые не были включены в число тысячников, но их ближайшие родствен-

⁶⁰ Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966, стр. 151, 164 и др.

⁶¹ Там же, стр. 152, 159, 177.

⁶² Там же, стр. 139.

⁶³ Древняя российская вивлиофика, т. VI. СПб., 1790, стр. 474 и сл.

⁶⁴ См. об этом подробнее С. В. Веселовский. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969, стр. 27 и сл.

⁶⁵ Кн. Д. И. Микулинский, кн. П. Н. Щепин-Оболенский, Л. Б. Шуперин, И. И. Протопопов, В. Ф. Прончищев, Д. И. Мячков, Г. Я. Федцов, И. Т. Хметевский, С. Ш. Новосильцев, Н. Т. Совин.

⁶⁶ ТК и ДТ, стр. 103.

ники — отец или братья — также записаны в «Дворовой тетради» по тем же уездам, по которым служили погибшие под Казанью⁶⁷. Их здесь — 25 человек⁶⁸. Из этой группы в «Дворовой тетради» также отыскивается всего 4 человека. Кн. В. С. Козловский занесен с пометой «убит в Казани в приступ», при имени тверского помещика Г. И. Изъединова также помечено «убит в Казани 63-го году», где неверная дата получилась явно от неправильного прочтения писцом даты «60-го» (-3). При имени дворового сына боярского по Тарусе А. И. Колтовского сохранились лишь искаженные остатки некогда имевшейся в протографе пометы — «66 году» (в Музейском списке — «63 году»), а при имени калужанина С. В. Змеева нет вообще никаких помет.

Наконец, можно выделить еще группу лиц⁶⁹, тех, которые принадлежат к фамилиям, служившим в составе «государева двора», но не имеют там явных близких родственников. Их — 11. Из лиц этой группы в «Дворовой тетради» не обнаруживается ни одного.

Тот факт, что в тексте «Дворовой тетради» обнаруживаются имена детей боярских, погибших в 1552 г. при взятии Казани, иногда с пометами о их гибели, позволяет сделать вывод, что данный памятник в его первоначальном виде появился еще до этого события, вероятно всего до июня 1552 г., когда русская армия выступила в поход на Казань⁷⁰. Следовательно, имена дворовых детей боярских, убитых под Казанью, должны были читаться в ее составе. Приведенные выше сопоставления, однако, показывают, что они читаются в ней явно неполно. Правда, возможно, что часть лиц, убитых под Казанью и занесенных в Синодик, даже из числа тех, кто имел близких родственников в составе двора или был записан в «Тысячную книгу», не были дворовыми детьми боярскими, и их имена поэтому напрасно искать в «Дворовой тетради». Однако о принадлежности к государеву двору таких лиц как кн. Д. И. Микулинский и кн. П. Н. Щепин-Оболенский, не может быть никаких сомнений, а их имен в «Дворовой тетради» также нет.

Возникшие сомнения заставляют обратиться к контрольной проверке полноты «Дворовой тетради» на материале содержащихся в ней перечней членов боярской думы и дворецких, поскольку сообщения этих перечней могут быть проверены материалом многочисленных параллельных источников. Здесь сразу же следует отметить отсутствие в списке бояр и окольных целого ряда лиц, которые упоминаются как сопровождающие царя или оставленные в Москве с его братом Юрием по разрядной росписи лета 1553 г., то есть относящейся ко времени после составления «Дворовой тетради». Это — бояре В. И. Воротынский, и М. И. Булгаков-Голица, а также окольный И. И. Умной-Колычев⁷¹. Нет в боярском списке и боярина С. В. Яковлева⁷², хотя против его имени в списке окольных помета «боярин»⁷³. В списке окольных отсутствует Михаил Петрович

⁶⁷ Установить это позволяет то обстоятельство, что список убитых в Синодике разбит на группы, и после каждой такой группы указывается, по какому уезду служили погибшие дети боярские.

⁶⁸ М. А. Брудков-Гендоуров, А. Г. Тепринский, Г. И. Изъединов, Д. И. Чулков, И. Б. Жирово-Заборовский, Ф. Сурвоцкий, Г. Б. Стушишин, С. Г. Зюзин, А. М. Кашкаров, Г. К. Непейцын, М. Ф. Супонев, С. В., А. В. и И. А. Змеевы, И. Т. Осорбин, Н. С. Кологривов, Ф. Г. Челищев, Ю. А. Колтовский, Д. Г. Обобуров, Я. А. Лихарев, Г. А. Татаринев, М. В. Клешнин, Т. А. Кикин, А. И. Колтовский, кн. Ф. С. Козловский.

⁶⁹ В. В. Полев, И. И. Беклемишев, И. М. Колачев, Д. Ч. Змеев, Д. Т. Губин, И. С. Лодыжевский, С. А. Брехов, Ф. Кошкин, Г. Сюдменев, З. И. Шишкин, Н. Ф. Татаров.

⁷⁰ Первые датированные пометы, таким образом, появились в «Дворовой тетради» уже через несколько месяцев после составления ее первоначального текста.

⁷¹ Ср. ТК и ДТ, стр. 113—114 и П. Н. Милюков. Древнейшая разрядная книга (далее — ДРК). М., 1901, стр. 161—163. Подробнее об этих лицах см. А. А. Зимин. Состав боярской думы. . . , стр. 49, 63.

⁷² О нем см. А. А. Зимин. Состав боярской думы. . . , стр. 68.

⁷³ Муз. сп., л. 44.

Головин ⁷⁴, получивший это звание где-то в 1559. — 1-й половине 1560г. ⁷⁵ почти одновременно с внесенным в список пятым от конца его братом Петром ⁷⁶.

К еще более интересным результатам приводит рассмотрение помещенного в «Дворовой тетради» списка дворецких. Как «дмитровский дворецкий» в нем фигурирует Ив. Ив. Жулебин ⁷⁷. В тексте «Дворовой тетради» он помещен также в списке дворовых детей боярских по Ржеву с пометой «дворец[кий]» ⁷⁸. В момент составления «Дворовой тетради» он, очевидно, еще не был дмитровским дворецким. Действительно, еще в разрядах 7062 г. (1554 г.) он фигурирует как обычный дворовый сын боярский, посланный «годовать» в Смоленске, и лишь в 7064 г. (1556 г.) он появляется в разрядах с титулом «дмитровского дворецкого» ⁷⁹. В момент составления «Дворовой тетради» дмитровским дворецким был, по-видимому, князь Дмитрий Иванович Немой-Оболенский, который упоминается как пребывающий на этой должности в документе от ноября 1553 г. ⁸⁰ Его имени в списке дворецких мы, однако, не находим. К январю 1560 г. относятся сведения о том, что «дмитровским дворецким» был в это время П. П. Головин ⁸¹, по его имени нет в списке.

Около 1553 г. тверским дворецким, как указывает А. А. Зимин, был Иван Васильевич Шереметев ⁸². В списке дворецких его также нет.

Как углицкий дворецкий в «Дворовой тетради» записан И. Г. Выродков, однако очень сомнительно, чтобы он занимал этот пост в момент составления данного документа. В начале 1552 г. он, как дьяк, находился в Казани в свите русского представителя при хане Шах-Али, боярина И. И. Хабарова ⁸³. Затем он упоминается в перечне дьяков, сопровождавших царя, в разрядной записи о походе на Казань, и в разрядной росписи лета 1553 г. ⁸⁴ Очевидно, что углицким дворецким в начале 50-х годов он не был. Эту должность, судя по всему, занимало другое лицо, которое в дошедшем до нас списке дворецких отсутствует. И здесь, таким образом, выявляется целый ряд бесспорных пробелов. Чем же они вызваны?

По отношению к большей части упомянутых выше лиц можно предположительно дать ответ на этот вопрос. Это лица, которые либо умерли на протяжении 50-х годов XVI в. (погибшие под Казанью дети боярские, бояре В. И. Воротынский, М. И. Булгаков-Голица), либо сменили свои должности (как П. П. Головин, в 1560 г. ушедший с поста дмитровского дворецкого в состав окольныхчих). В соответствии с практикой 50-х годов их фамилии в соответствующих местах вычеркивались. Если копия, послужившая общим источником для известных нам списков «Дворовой тетради», снималась с подлинника, когда он был уже не в очень хорошем состоянии, то часть таких фамилий, особенно если они были зачеркнуты очень жирной линией, писец просто не мог разобрать и был вынужден их опустить ⁸⁵. Такое объяснение неприложимо, однако, к тем случаям,

⁷⁴ А. А. Зимин. Состав боярской думы. . . , стр. 70.

⁷⁵ Ср. ДРК, стр. 205 и 217.

⁷⁶ В январе 1560 г. еще не был окольнымчим (ДРК, стр. 216).

⁷⁷ ТК и ДТ, стр. 114.

⁷⁸ Там же, стр. 179.

⁷⁹ ДРК, стр. 168, 184. А. А. Зимин, отнеся пребывание И. И. Жулебина в Дмитровском дворце к 1551/52 г., явно ошибся (см. А. А. Зимин. О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в. — «Исторические записки», т. 63, стр. 197).

⁸⁰ А. А. Зимин. О составе дворцовых учреждений Русского государства, стр. 197.

⁸¹ ДРК, стр. 216 и ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, стр. 323. Ср. А. А. Зимин. О составе дворцовых учреждений Русского государства, стр. 197.

⁸² Там же.

⁸³ ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, стр. 171.

⁸⁴ ДРК, стр. 161.

⁸⁵ По-видимому, пропуском при копировании зачеркнутых текстов следует объяснить и то обстоятельство, что в «Дворовой тетради» по Звенигороду записано всего два человека (ТК и ДТ, стр. 177) — факт, не имеющий аналогий во всем тексте этого

когда пропущенными оказались люди, продолжавшие действовать и в 60-х годах XVI в. (боярин С. В. Яковлев, окольный М. П. Головин). Эти пропуски, впрочем немногочисленные, следует, вероятно, объяснить просто невнимательностью писцов.

Однако каковы бы ни были причины пробелов, ясно, что тот текст «Дворовой тетради», которым мы располагаем, не дает полного списка дворовых детей боярских «Московской земли» 50-х годов XVI в.

Таким образом, в дошедших до нас копиях текст «Дворовой тетради» — нашего главного источника по истории двора в 50-е годы, претерпел такие изменения, что в настоящем виде этот источник не может дать полного и точного ответа на вопрос, что собой представляло первоначальное ядро «двора» в 1551/52 г., каким изменениям подвергся состав двора в последующие годы и каково было общее количество служивших во дворе детей боярских (здесь имеется в виду, разумеется, лишь «Московская земля»).

Для того чтобы найти ответ на этот вопрос и тем самым получить возможность реконструировать историю двора 50-х годов XVI в., необходимо продолжать изучение структуры текстов данного памятника и приемов работы его составителей, а также произвести всестороннее сопоставление «Дворовой тетради» с сведениями разрядов, поминальных записей, десятен и других источников, отражающих деятельность верхних слоев господствующего класса России XVI в.

памятника. Очевидно, когда Звенигород в середине 50-х годов XVI в. был дан в удел бывшему казанскому хану Симеону Касаевичу, дети боярские Звенигородского уезда были из текста «Дворовой тетради» вычеркнуты, а затем «почерненный» текст был вообще опущен переписчиком.

Л. С. Рафиенко

ИНСТРУКЦИЯ СИБИРСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ 1741 г.

Для политики русского правительства по управлению окраинами до XVIII в. было характерно управление через специальные центральные органы, такие, как Сибирский, Малороссийский приказы, т. е. из центра. С развитием и усовершенствованием аппарата управления политика правительства по отношению к окраинам менялась. Правительство стремилось перенести центр тяжести управления окраинами на места. Но резкая ломка специальных органов областного управления без предварительной подготовки не дала результатов. Уничтоженный в 1710 г. Сибирский приказ был восстановлен в 1730 г., так как общие узаконения не отражали специфики управления отдельных исторически сложившихся регионов. В переходный период, когда происходила постепенная передача функций центральных областных органов управления губернаторам, появились инструкции губернаторам.

До настоящего времени в литературе господствовало мнение, что сенатская инструкция сибирскому губернатору не была издана, хотя в 1740 г. Сенату было предписано ее составить¹. В бумагах Сената Центрального государственного архива древних актов мы обнаружили текст инструкции сибирскому губернатору И. Шипову, составленный в 1741 г., а также материалы ее обсуждения в Сенате².

Задачей настоящей статьи является выявление источников, на основе которых была создана инструкция сибирскому губернатору, а также изменений, внесенных в ее текст в ходе обсуждения. Инструкция губернатору как вид исторического источника дает возможность проследить не только политику государства по отношению к окраинам (Сибири в частности), но и изучить связи местного аппарата с центральным, объем компетенции губернатора, а также в какой степени отражается действительная картина на местах.

Первоначально губернаторы управляли вверенной им территорией на основании наказа воеводам 1719 г.³, который служил руководством к действию сибирскому губернатору А. М. Черкасскому⁴. Этот наказ, состоявший из 46 параграфов, был впоследствии почти целиком включен в инструкцию Астраханскому губернатору⁵. Между сенатскими инструкциями губернаторам и воеводскими наказами XVII в. существует тесная связь. Эти две разновидности нормативных документов являются источниками разных хронологических уровней⁶. Это подтверждается тем

¹ «История Сибири», т. 2. Л., 1968, стр. 300, ПСЗ, т. XI, № 8218, стр. 229.

² ЦГАДА, ф. 248, оп. 4, кн. 180, лл. 355—412; Сенатский архив, т. 2. СПб., 1889, стр. 369—371.

³ ПСЗ, т. V, № 3294, стр. 624—632.

⁴ Там же, стр. 624 (сноска).

⁵ ПСЗ, т. VI, № 3622, стр. 224.

⁶ С. О. Шмидт. Современные проблемы источниковедения. — «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы». М., 1969, стр. 51.

фактом, что поначалу губернаторы использовали для управления губернией воеводские указы, которые впоследствии либо становились одним из источников для написания инструкций губернаторам, либо частично включались в их текст. И указы, и инструкции эволюционировали в одном направлении от частного поручения к общему. Указы воеводам обычно были именными и предназначались какому-либо одному воеводе, но в 1719 г. уже появляется указ как общее наставление для всех воевод⁷. То же можно сказать и об инструкциях. Если первые из них предназначались определенным лицам — астраханскому губернатору полковнику А. П. Волынскому⁸ и азовскому — генерал-майору графу Г. П. Чернышеву⁹, то в инструкциях киевскому и сибирскому — имена губернаторов не упоминаются¹⁰. Однако у них были и принципиальные отличия. Указы воеводам составлялись в соответствующих приказах. Так, воеводы Сибири получали указы только из Сибирского приказа. Инструкции губернаторам составлялись в Сенате, и в отличие от указов, давались главам только пограничных губерний и действовали более длительный период, чем пребывание на этой должности одного лица. Инструкция сибирскому губернатору 1741 г. действовала до проведения в Сибири в 1782—1783 гг. областной реформы 1775 г.

Инструкции губернаторам типичны для окраин первой половины XVIII в. В 1720 г. была составлена инструкция Астраханскому губернатору¹¹, в 1725 г. — Азовскому¹², в 1737 г. — Киевскому¹³, а в 1741 г. — Сибирскому¹⁴. Все центральные губернии управлялись на основе «Указа губернаторам» 1728 г. Издавая специальные инструкции губернаторам окраин, правительство преследовало цель определить специфику управления с учетом своеобразия того или иного региона. Поэтому в инструкции киевскому и сибирскому губернаторам отмечались отклонения от нормы «Указа губернаторам» 1728 г. и подробно освещались обязанности губернатора, связанные с особенностями края.

Инструкции губернаторам создавались в Сенате, обсуждались на его заседаниях и утверждались в Кабинете е. и. в. Сохранились материалы обсуждения в Сенате инструкции сибирскому губернатору 1741 г., воссоздающие картину составления такого рода документов. Журналы заседаний Сената и Кабинета воспроизводят ход обсуждения инструкции, позволяют глубже понять ее значение как правового документа. Основой инструкции явился указ сибирскому воеводе князю М. Я. Черкасскому 1697 г., «Указ губернаторам» 1728 г. и «другие указы, хранившиеся в Сибирском приказе»¹⁵. В ходе обсуждения сибирский губернатор И. Шипов, ознакомившись с инструкцией, подал свои дополнения к ней. Присутствуя на заседаниях Сената, он отстаивал свою точку зрения¹⁶. И. Шипов выдвинул требование о большей самостоятельности сибирского губернатора. Он настаивал на том, чтобы обо всех делах Сибирской губернии, кроме вопросов о пушнине, он мог писать прямо в Сенат, минуя Сибирский приказ. Восстановленный Сибирский приказ, по его мнению, в решении дел самостоятельностью не пользуется, а ждет решения Сената, поэтому следует писать прямо в центр¹⁷. Причем он оговаривал, что

⁷ ПСЗ, т. V, № 3294, стр. 624—632.

⁸ ПСЗ, т. VI, № 3622, стр. 223.

⁹ ПСЗ, т. VII, № 4700, стр. 454.

¹⁰ ПСЗ, т. X, № 7161, стр. 20; ЦГАДА, ф. 248, оп. 4, кн. 180, л. 355.

¹¹ ПСЗ, т. VI, № 3622, стр. 223—229.

¹² ПСЗ, т. VII, № 4700, стр. 454—458.

¹³ ПСЗ, т. X, № 7161, стр. 20—28.

¹⁴ ЦГАДА, ф. 248, оп. 4, кн. 180, лл. 355—412.

¹⁵ ПСЗ, т. III, № 1594, стр. 335—375; т. VIII, № 5333, стр. 94—112; ЦГАДА, ф. 248, оп. 4, кн. 180, л. 415 об.

¹⁶ Сенатский архив, т. 2. СПб., 1889, стр. 370—371.

¹⁷ Сенатский архив, т. 2, стр. 371; ЦГАДА, ф. 248, оп. 4, кн. 180, лл. 304 об. — 305.

если Сенат не может внести это в инструкцию, то пусть передаст решение вопроса «на рассуждение Кабинету», где И. Шипов надеялся найти поддержку. И. Шипов отмечал, что, несмотря на обширность Сибирской губернии и окружение ее враждебными сопредельными государствами, что требует особого наблюдения за состоянием крепостей и гарнизонов, ему не даны губернаторские товарищи. Поэтому он считал необходимым определить ему в помощь трех человек, которых бы он мог назначать командирами для отражения набегов на пограничные территории, а также посылать их в отдаленные районы для расследования злоупотреблений воевод. Он потребовал укомплектования штата губернской канцелярии служащими и выделения особой губернской гарнизонной канцелярии, которой раньше в Сибири не было¹⁸.

Надежды И. Шипова на поддержку Кабинета почти полностью оправдались. Ему лишь отказали в просьбе вести переписку только с Сенатом, минуя Сибирский приказ, ссылаясь на то, что тогда «Сибирскому приказу быть уже не для чего, а от умножения в Сенате дел может в делах быть крайняя остановка»¹⁹. Но ему было разрешено писать прямо в Сенат о важных делах, таких, как начало войны, эпидемии или в случае «какого замешания»²⁰. Подобные широкие полномочия давались в виде исключения. Наделение сибирского губернатора такими правами объясняется отдаленностью Сибири и в связи с этим особым доверием правительства лицам, которые туда назначались.

И. Шипов добился того, что в Сибирь был определен вице-губернатором бригадир А. Сухарев, а обер-комендантом назначен полковник Косицкий. Кроме того, И. Шипову позволили по своему усмотрению выбрать губернаторского товарища из кандидатов, представленных Герольд-мейстерской конторой, учредить в Тобольске гарнизонную канцелярию, а также взять с собой двух секретарей, 2 канцеляристов и 3 копиистов²¹. Количество пунктов инструкции менялось в процессе обсуждения и, достигнув 136, было сокращено за счет исключения параграфов, касающихся Иркутской провинции²². Участие в этом обсуждении не только Сената, Кабинета, но и лично канцлера князя А. М. Черкасского²³, а также губернатора И. Шипова, свидетельствовало о том, что правительство придавало этому документу большое значение.

При анализе формы и содержания сенатской инструкции мы, с одной стороны, будем сравнивать ее с инструкциями другим губернаторам, для определения, что у них общего, а что является исключением, а с другой — с воеводскими наказами XVII в., выясняя, насколько те или иные положения инструкции традиционны для данного края. Самым существенным признаком сенатских инструкций губернаторам как вида источников²⁴ является их единая форма, различались они лишь количеством параграфов. Так, в инструкции астраханскому губернатору их было 78, азовскому — 19, киевскому — 37, сибирскому — 129.

Преамбулы инструкций и воеводских наказов были посвящены вопросу о «присяжной должности», где развивалась мысль о верности императору и присяге, о добросовестном выполнении своего долга и служебных обязанностей. Эти вопросы в инструкциях сформулированы более

¹⁸ Сенатский архив, т. 2, стр. 371; ЦГАДА, ф. 248, оп. 4, кн. 180, лл. 304—306.

¹⁹ ЦГАДА, ф. 248, оп. 4, кн. 180, л. 310.

²⁰ Там же, л. 310—310 об.

²¹ Сенатский архив, т. 2, стр. 371, 556.

²² Там же, стр. 370—371.

²³ Там же, т. 3, стр. 363—364, 411.

²⁴ Л. Н. Пушкарев. Типическая классификация русских письменных источников по отечественной истории. Автореферат докторской диссертации. М., 1969, стр. 11, 16.

четко, чем в воеводских наказах²⁵. Следующие пункты один или несколько обычно посвящались передаче дел новому губернатору, знакомству с принятой крепостью, гарнизоном, казенными магазинами и пр., т. е. фактически процедуре проверки состояния дел предшественника²⁶. Завершались инструкции в основном двумя пунктами: о тайных делах и о случаях, не предусмотренных инструкцией²⁷, которых мы не встречаем в наказах. Так губернатору категорически запрещалось упоминать о тайных делах в частной переписке. Он должен был о всех приказах, найденных им на местах и не вошедших в текст инструкции, равно как и по всем вопросам, возникавшим в процессе практической деятельности, но не получившим отражения в инструкции, сообщать в Сенат.

Анализируя форму сенатских инструкций, следует отметить, что общие задачи, поставленные перед представителями областного управления, роднят их с воеводскими наказами. Различия заключаются в следующей структуре, то в инструкциях текст разделен на параграфы, из которых каждый посвящен одному вопросу. В наказах воеводе, если и имеются параграфы, то в них объединяются совершенно не связанные между собой вопросы. Воеводский наказ состоит из частных поручений и предписаний воеводе. В сенатских инструкциях мы уже не встречаем поручений случайного характера, а ее параграфы характеризуют более или менее сложившиеся постоянные нормы, регулирующие областное управление. Общим для наказов и инструкций является выделение специфики географического района и исключение общеизвестных положений, распространяемых на всю страну.

При конкретном рассмотрении содержания сенатской инструкции сибирскому губернатору мы будем группировать параграфы в соответствии с основными функциями губернаторов по их значимости.

Основное внимание в инструкциях губернаторам уделялось полицейско-карательной функции. Правительство наделяло сибирского губернатора широкими полицейскими полномочиями в связи с особенностями региона. Красной нитью в инструкциях губернаторам проходит идея борьбы с классовыми выступлениями народных масс, которую должен был возглавлять губернатор. Он обязан был претовращать подобные выступления, не допускать скопления беглых крестьян²⁸. Инструкция 1741 г., характеризуя полицейские функции губернатора, подчеркивала специфические особенности Сибири. Слабое развитие частного землевладения в Сибири, большая личная свобода и хозяйственная самостоятельность по сравнению с центральной частью России привлекали в этот суровый край крестьян, бежавших от своих помещиков. С другой стороны, Сибирь по воле правительства была превращена в край ссылки. Поэтому сибирскому губернатору поручался особый надзор и чрезвычайные полномочия на случай классовых выступлений народных масс²⁹. Губернатору вменялось в обязанность наблюдение за содержанием колодников, причем особому его вниманию поручались политические преступники. Он обязан был следить за «штрафованными» людьми и ссыльными, которых запрещалось использовать на службе и посылать с делами в Москву³⁰. Последнее, очевидно, характерно только для Сибири, где из-за нехватки грамотных людей на службе использовали ссыльных, так как в наказе 1697 г.

²⁵ ПСЗ, т. III, № 1594, стр. 335—337 (преамбула и ст. 1, 2); т. V, № 3294, стр. 624 (ст. 1); т. VI, № 3622, стр. 223; т. VII, № 4700, стр. 454; т. X, № 7161, стр. 20; ЦГАДА, ф. 248, оп. 4, кн. 180, л. 355 а.

²⁶ ПСЗ, т. VI, № 3622, стр. 224 (ст. 2, 3); т. VII, № 4700, стр. 455 (ст. 2); т. X, № 7161, стр. 21 (ст. 2); ЦГАДА, ф. 248, оп. 4, кн. 180, лл. 356 об. — 358 (ст. 2—4).

²⁷ ПСЗ, т. VII, № 4700, стр. 458 (ст. 18, 19); т. X, № 7161, стр. 28 (ст. 36, 37); ЦГАДА, ф. 248, оп. 4, кн. 180, лл. 410 об. — 411 об. (ст. 128, 129).

²⁸ ПСЗ, т. VI, № 3622, стр. 227 (ст. 67, 71, 74); т. X, № 7161, стр. 22—23, 26 (ст. 9, 12, 24).

²⁹ ЦГАДА, ф. 248, оп. 4, кн. 180, лл. 394 об., 396 (ст. 84, 90).

³⁰ Там же, л. 407 об. (ст. 117, 118).

мы встречаем подобные же требования ³¹. Губернатор должен был всячески поощрять доносы «об измене», награждая доносчика деньгами, сукном или имуществом обвиненного ³².

Особое внимание в сенатской инструкции уделялось обязанности сибирского губернатора регламентировать жизнь подведомственного ему населения. Он осуществлял надзор за санитарным состоянием и благоустройством городов, за состоянием дорог и мостов, проводил меры по предотвращению распространения эпидемий, противопожарной безопасности и наблюдал за сохранением общественного порядка. Он должен был следить за тем, чтобы в городе не было «подозрительных домов» ³³. Губернатору поручалось наблюдение за исполнением обывателями своих религиозных обязанностей. Он должен был всячески поощрять переход «иноверцев» в христианство и пресекать распространение раскола и переход православных в другое вероисповедание ³⁴. Эти предписания инструкции ревностно проводились в жизнь, причем особенно прославился введением «палочной системы» душитель Пугачевского движения в Сибири губернатор Д. И. Чичерин, управлявший краем 18 лет ³⁵. Система строжайшей опеки, предусматриваемая инструкцией 1741 г., носила ярко выраженный феодальный характер. Если в центральной России крепостные крестьяне были подвластны своему помещику, а затем администрации, то в Сибири власти вотчинника не было, а вся система опеки сосредоточивалась в руках правительственных чиновников, в силу чего антагонистические противоречия проявлялись здесь не между крестьянами и помещиками, а между широкими массами населения и сибирской администрацией.

Немаловажная роль в инструкциях отводится военной функции губернатора, где также находят отражение специфические особенности края. Губернатору были подчинены только гарнизоны, но не полевые полки. Он заботился о рекрутских наборах, комплектовании и довольствии армейских частей на территории губернии, об охране государственных границ, содержании и постройке пограничных крепостей, состоянии гарнизонов и т. п. В связи с пограничным положением окраин в инструкциях губернаторам акцентировалось внимание на учреждении караулов для отражения нападения неприятеля, на содержании крепостей и военных припасов в сохранности ³⁶. По этой же причине не последнюю роль в них играл вопрос о шпионах и перебежчиках ³⁷. Сибирский губернатор должен был проверять личный состав сибирских дворян, детей боярских, служилых и т. п. ³⁸ Ему предписывалось не увеличивать жалованья ружникам и оброчникам, из чина в чин их не переводить, а верстать на вакантные места в прежний оклад без надбавок ³⁹. В инструкции четко разграничено, в какие чины мог верстать воевода, а в какие — губернатор. Воевода мог верстать в пешие казаки и солдаты из казачьих и солдатских детей, губернатор же мог верстать в дети боярские, литовский список и в конные казаки, причем только на вакантные места. Он должен был следить, чтобы поверстанные не были старыми или увечными и могли нести службу,

³¹ ПСЗ, т. III, № 1594, стр. 372 (ст. 28).

³² ЦГАДА, ф. 248, оп. 4, кн. 180, л. 375 (ст. 48).

³³ ПСЗ, т. VI, № 3622, стр. 227 (ст. 69); т. V, № 3294, стр. 627 (ст. 15); т. VII, № 4700, стр. 457 (ст. 11); т. X, № 7161, стр. 23 (ст. 13); ЦГАДА, ф. 248, оп. 4, кн. 180, лл. 376 об. — 379, 382—383 об. (ст. 55—57, 60—62, 65—66, 80).

³⁴ ПСЗ, т. VI, № 3622, стр. 226 (ст. 61); т. X, № 7161, стр. 26 (ст. 23, 24); ЦГАДА, ф. 248, оп. 4, кн. 180, л. 359 (ст. 6, 7).

³⁵ С. Серафимович (Шашков). Очерки русских нравов в старинной Сибири. — «Отечественные записки», 1867, кн. 2, октябрь.

³⁶ ПСЗ, т. VI, № 3622, стр. 224, 227 (ст. 4, 5, 6, 8); т. VII, № 4700, стр. 455—456 (ст. 3, 5); т. X, № 7161, стр. 21—22 (ст. 3, 5); ЦГАДА, ф. 248, оп. 4, кн. 180, л. 376 (ст. 53).

³⁷ ПСЗ, т. X, № 7161, стр. 21—22 (ст. 4, 6); т. VII, № 4700, стр. 456 (ст. 4); т. V, № 3294, стр. 625 (ст. 2).

³⁸ ЦГАДА, ф. 248, оп. 4, кн. 180, лл. 355а—360 (ст. 1).

³⁹ ЦГАДА, ф. 248, оп. 4, кн. 180, л. 373 об. (ст. 45); Сенатский архив, т. 3, стр. 346..

в противном случае ему грозил штраф⁴⁰. Губернатор Сибири обязан был следить, чтобы хлебное жалование выплачивалось регулярно и не выдавалось заочно. В инструкции говорилось, что служилые должны нести службу за хлебное жалование или в зависимости от размера пашни⁴¹. Статьи инструкции, характеризующие нормы военной службы в Сибири, были традиционными. Мы встречаем подобное в наказе тобольскому воеводе 1697 г.⁴² Следует также отметить, что статьи инструкции 1741 г., касающиеся военной функции, не полностью отражают действительное положение губернатора Сибири. В связи с ростом концентрации власти на местах в руках губернатора возрастает его роль в военном отношении. В материалах местного делопроизводства мы находим сведения, что в 1761 г. оренбургскому и сибирскому губернаторам были подчинены не только гарнизонные, но и полевые войска на территории губернии⁴³. Это не стало общим правилом, но свидетельствует о том, что, несмотря на инструкцию, полномочия губернаторов в действительности были намного шире.

Особое место в сенатских инструкциях отводится отношениям губернаторов окраин с сопредельными государствами. Главы пограничных губерний получали предписания дипломатического характера. Губернатору предписывалось хорошо принимать иностранных послов и иноземное купечество, но за последними устанавливать надзор, чтобы среди них не оказалось шпионов⁴⁴. Одновременно губернатор должен был собирать сведения о событиях, происходящих в соседних странах⁴⁵. Инструкция сибирскому губернатору дает более детальные предписания. В связи с враждебными действиями калмыков инструкция 1741 г. категорически запрещала губернатору поддерживать с ними связь⁴⁶. Правительство рекомендовало ему не вступать в ними в ссору, но в случае нападения организовывать специальные отряды, чтобы отогнать их за границу. Сибирский губернатор должен был заботиться о присоединении «немирных земель» и поддерживать дипломатические отношения с Китаем и калмыками⁴⁷. Право решать дипломатические вопросы с сопредельными государствами иркутский губернатор получил лишь в 1770 г.⁴⁸ Все это свидетельствует о том, что внешнеполитическая функция губернаторов окраин и особенно сибирского играла большую роль. В частности, Сенат вместе с Коллегией иностранных дел ходатайствовал перед императрицей, чтобы сибирский губернатор А. М. Сухарев был смещен, ввиду того что он недостаточно разбирается в иностранных делах⁴⁹.

Исключительное внимание в инструкции 1741 г. уделяется финансовому управлению на местах. В инструкции Астраханскому губернатору финансовому вопросу посвящено 8 параграфов⁵⁰, Азовскому — 1⁵¹, Киевскому — 6⁵², Сибирскому — 15⁵³. Во всех случаях губернатору предписывалось следить, чтобы все доходы и расходы по губернии заню-

⁴⁰ ЦГАДА, ф. 248, оп. 4, кн. 180, л. 374 об.

⁴¹ ЦГАДА, ф. 248, оп. 4, кн. 180, лл. 373 об., 374 об., 397 об. — 398 (ст. 44, 47, 94, 95).

⁴² ПСЗ, т. III, № 1594, стр. 339—342, 362—364 (ст. 5, 7, 22).

⁴³ Государственный архив Тюменской области (ГАТО), ф. 47, оп. 1, л. 448, л. 151—151 об.

⁴⁴ ПСЗ, т. VI, № 3622, стр. 225—227 (ст. 56, 57, 66); т. VII, № 4700, стр. 456 (ст. 6); т. X, № 7161, стр. 22 (ст. 7).

⁴⁵ ПСЗ, т. VI, № 3622, стр. 225 (ст. 54).

⁴⁶ ЦГАДА, ф. 248, оп. 4, кн. 180, л. 358 об. (ст. 5).

⁴⁷ ЦГАДА, ф. 248, оп. 4, кн. 180, лл. 387 об.—388 об., 404 (ст. 71—73, 111); ПСЗ, т. VI, № 3622, стр. 225 (ст. 58).

⁴⁸ Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (далее — ГПБ), РО, ф. 222, карт. 5, лл. 243—244.

⁴⁹ Сенатский архив, т. 6, СПб., 1893, стр. 102—109, 174—185.

⁵⁰ ПСЗ, т. VI, № 3622, стр. 224 (ст. 50); т. V, № 3294, стр. 627—628 (ст. 23, 25—30).

⁵¹ ПСЗ, т. VII, № 4700, стр. 458 (ст. 15).

⁵² ПСЗ, т. X, № 7161, стр. 26—27 (ст. 25—26, 28—31).

⁵³ ЦГАДА, ф. 248, оп. 4, кн. 180, лл. 368—372 об. (ст. 21—31, 33—34, 36—38).

сились в книгу, чтобы доходы не уменьшались, а лица, связанные со сбором денег и их своевременной доставкой и хранением, регулярно отчитывались. При сравнении четырех сенатских инструкций мы видим, что сибирскому губернатору в области финансов была предоставлена большая свобода действий, чем главам других губерний. Вопреки 30-му пункту «Наказа губернаторам» 1728 г., в котором говорится о запрещении производить в губернии какие-либо денежные расходы «сверх штата» без указа Камер-коллегии, сибирскому губернатору было разрешено «понеже Сибирская губерния имеетя от С.-Петербурга и Москвы в немалом отдалении и бывають в ней экстраординарные и чрезвычайные расходы, . . . того ради позволить ему, губернатору, на такие экстраординарные и чрезвычайные расходы держать деньги. . . без излишества и без чего пробыть невозможно, и поступать в том по чистой своей совести и по присяжной должности, а сколько и на какие именно расходы издержано будет, о том обстоятельно рапортовать в Сибирский приказ, а на окладные дачи без указов . . . денег и мягкой рухляди никому не давать . . . и себе не брать, под двойным возвращением в казну»⁵⁴. Однако и это ограничение было снято в ходе обсуждения инструкции по распоряжению Кабинета⁵⁵. Из-за отдаленности Сибири ее губернатору и воеводам в отличие от других предписывалось подавать ведомости о подушном сборе не ежемесячно, а по третям года⁵⁶.

В обязанности губернатору вменялся также сбор ясака с коренных народов. Этот вопрос затрагивается лишь в инструкциях астраханскому и сибирскому губернаторам в силу специфики этнического состава их губерний. Им предписывалось обращаться с аборигенами «ласково»⁵⁷. Астраханскому губернатору вменялось в обязанность составить списки аманатов, а также калмыцких тайшей, находящихся в русском подданстве, и выслать в Сенат⁵⁸. В инструкции сибирскому губернатору упоминаний об этом нет, хотя институт аманатства в Сибири был отменен лишь в конце 60-х годов XVIII в. Не находим упоминания об аманатах мы и в наказе 1697 г. тобольскому воеводе князю М. Я. Черкасскому. Очевидно, положение об аманатах, которое гарантировало уплату ясака, здесь подразумевалось как само собой разумеющееся.

Особую роль ясачная проблема имела в функциях губернатора Сибири. В 20 параграфах инструкции 1741 г. подробно описывается, как следует собирать ясак. Губернатор должен был налагать ясак на всех аборигенов от 18- до 50-летнего возраста. Ему подавались челобитные об освобождении от ясака по старости или увечью, а он, рассмотрев положение челобитчика и расспросив о нем «ясашных лучших людей», должен был писать в Сибирский приказ, но сам ясачного оклада менять не мог. Он мог только отсрочить внесение ясака лицам, пострадавшим от голода, неудачного лова или болезни⁵⁹. Эти предписания сибирскому губернатору перекликаются с текстом наказа тобольскому воеводе М. Я. Черкасскому⁶⁰. Но губернатор имел право отсрочить уплату ясака в отличие от воеводы, который не мог принимать подобного решения без санкции Сибирского приказа. Губернатору запрещалось принимать ясак деньгами. Даже те ясачные, которые сами пушного зверя не промышляли, должны были покупать меха и сдавать их в казну⁶¹. Сибирскому губернатору предписывалось поощрять привоз ясака в города и остроги самими ясачными, к которым в случае сдачи ясака в срок, не посылались специальные сборщики. За

⁵⁴ Сенатский архив, т. 2, стр. 372.

⁵⁵ Сенатский архив, т. 3, СПб., 1890, стр. 345—346.

⁵⁶ ЦГАДА, ф. 248, оп. 4, кн. 180, лл. 365—366 (ст. 19).

⁵⁷ ПСЗ, т. VI, № 3622, стр. 225—226 (ст. 53, 63).

⁵⁸ Там же, стр. 224, 226, 228 (ст. 52, 59, 77).

⁵⁹ ЦГАДА, ф. 248, оп. 4, кн. 180, лл. 401—402 (ст. 103—105).

⁶⁰ ПСЗ, т. III, № 1594, стр. 365—370 (ст. 25).

⁶¹ ЦГАДА, ф. 248, оп. 4, кн. 180, л. 402—402 об. (ст. 106—107).

исправную сдачу ясака князцы и старшины, по усмотрению губернатора, должны были получить вознаграждение⁶². Если же губернатор считал, что за «отмеченную ревность» в сборе ясака князца следует повысить чином, то он должен был сообщить о его заслугах в Сенат. Этими мерами поощрения при сборе ясака воевода князь М. Я. Черкасский не обладал. В те места Сибири, где аборигены не могли сами привозить ясак, посылались сборщики. Губернатор должен был тщательно следить за деятельностью сборщиков ясака. При возвращении их из ясачных волостей, они подвергались осмотру специально посланных навстречу досмотрщиков. Губернатор обязан был допрашивать всех приезжающих в Тобольск ясачных «не чинил ли им сборщик каких обид». В случае уличения сборщика в злоупотреблениях, у него конфисковывались все меха и вымененные товары, а самого наказывали батогами.

Это увеличение распорядительных функций губернатора в отношении ясака объясняется сокращением его поступлений в казну. Инструкция 1741 г. лишней раз подчеркивает, что со сбором ясака в Сибири были связаны многочисленные злоупотребления сборщиков и воевод, что подтверждают многочисленные жалобы с мест, материалы следственных комиссий и первой ясачной комиссии А. Щербачева.

Сибирский губернатор должен был также призывать в подданство Российской империи аборигенов соседних государств и с этой целью посылать туда своих служилых людей⁶³. Эта задача была не новая. Такое требование часто встречается в наказах сибирским воеводам XVII в. и в частности тобольскому воеводе М. Я. Черкасскому⁶⁴.

Государство тщательно охраняло монопольную торговлю пушниной, табаком, вином, ревенем и солью, которая на местах была в руках губернатора⁶⁵. Поэтому в сенатских инструкциях обязательно упоминается об обязанности губернатора следить, чтобы никто не торговал «заповедными товарами»⁶⁶. Сибирскому губернатору категорически запрещалось принимать у ясачных в подарок меха или скупать их⁶⁷. Подобные требования были для Сибири традиционны. В наказе тобольскому воеводе мы встречаем требование следить, чтобы через Ямышевскую крепость не провозили контрабандой товаров и чтобы сами воеводы и их подчиненные не занимались торговлей⁶⁸. Однако это предписание не выполнялось. Как показывают следственные материалы, губернаторы не только за взятки не пресекали подобной торговли, но и сами через подставных лиц занимались контрабандой⁶⁹.

Сенатские инструкции наделяли губернаторов широкими судебными полномочиями. Губернатор являлся единственной апелляционной инстанцией на суд провинциальных и городских воевод, заставлял бургомистров и воевод быстрее решать судебные дела, принимал жалобы на воевод и действия магистратов, следил за сбором судебных пошлин, утверждал смертные приговоры воеводских и магистратских судов. Без утверждения губернатора приговоры о смертной казни или ссылке не приводились в исполнение⁷⁰. Особенно жестоко он должен был пресле-

⁶² Там же, лл. 399 об.—400 об., 404 об.—405 об. (ст. 101, 112).

⁶³ Там же, л. 400—404 об. (ст. 101—111).

⁶⁴ ПСЗ, т. III, № 1594, стр. 351—352 (ст. 18).

⁶⁵ ЦГАДА, ф. 248, оп. 4, кн. 180, лл. 408—408 об. (ст. 120, 121).

⁶⁶ ПСЗ, т. VI, № 3622, стр. 227 (ст. 73); т. VII, № 4700, стр. 457 (ст. 9); т. X, № 7161, стр. 23 (ст. 10).

⁶⁷ ЦГАДА, ф. 248, оп. 4, кн. 180, лл. 403 об.—404 (ст. 110).

⁶⁸ ПСЗ, т. III, № 1594, стр. 373 (ст. 31, 32).

⁶⁹ См. подробнее Л. С. Рафиенко. Следственные комиссии в Сибири. — «Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII—XIX вв.)». Новосибирск, 1968, стр. 136—164.

⁷⁰ ПСЗ, т. VII, № 4700, стр. 457 (ст. 14); т. X, № 7161, стр. 26—28 (ст. 20, 22, 35); ЦГАДА, ф. 248, оп. 4, кн. 180, л. 365.

довать за уклонение от уплаты подушной подати, воровство и побег из ссылки.

Большое внимание в сенатской инструкции уделяется административной функции губернатора. Губернатору подчинялись провинциальные и уездные воеводы, коменданты и управители дистриктов ⁷¹. Инструкция 1741 г. внесла ряд уточнений во взаимоотношения губернатора с подчиненными. Без указа губернатора воевода не мог выезжать из города или приезжать в Тобольск ⁷². Губернатору разрешалось штрафовать воевод и приказных служителей, уличенных в продаже корчемного вина ⁷³. В его распоряжении был штат губернской канцелярии, и он распределял обязанности между канцелярскими служителями ⁷⁴. Инструкции вносили уточнения в систему выполнения указов вышестоящих учреждений ⁷⁵. Если в наказе сибирскому воеводе князю М. Я. Черкасскому предписывалось не принимать предписаний «без послушного указа Сибирского приказа», то по инструкции 1741 г. указы коллегий должны были выполняться без этой формальности ⁷⁶, которая свидетельствовала об укреплении непосредственных связей сибирской администрации с центром.

Одним из основных вопросов, затронутых в сенатских инструкциях, была борьба со взяточничеством местной администрации. Сам губернатор не имел права торговать или брать какие-либо «крепости и векселя» и должен был следить за своими подчиненными, чтобы они «никому обид не чинили и взятку не брали», а исполняли свою службу с «вящим радением» ⁷⁷. Губернатору, воеводам, правителям и приказчикам в Сибири было строго запрещено покупать хлеб для перепродажи или подряда и особенно скупать его во время выдачи хлебного жалованья ⁷⁸. Материалы следственных комиссий показывают, что все эти грозные предписания инструкций оставались на бумаге.

В инструкции постоянно подчеркивается, что губернатор должен был всячески оберегать государственную казну и соблюдать так называемый «казенный интерес». В ведении губернатора были откупа и подряды. Он разрешал отдачу сборов на откуп. В его присутствии заключались подряды, причем он должен был отстаивать интересы казны ⁷⁹. Губернатор должен был вести борьбу с корчемством, заботиться о постройке кабаков и трактиров и о заготовке соли в губернии. Он обязан был следить за сбором таможенных пошлин и клеймением товаров ⁸⁰.

В отличие от других в инструкции сибирскому губернатору 1741 г. особое внимание отводится хозяйственной функции губернатора. В деятельности сибирской администрации большое значение имела проблема снабжения хлебом растущего городского населения, армейских полков, расположенных на территории Сибири, и пограничных крепостей. Поэтому губернатору предписывается тщательно следить за содержанием казенного хлеба, назначать надежных людей в государственные магазины, стремиться сделать большие запасы хлеба на случай голодных лет ⁸¹. Он должен был поощрять распространение хлебопашества у коренных народов Сибири при условии, что они, заводя пашню, не оставят

⁷¹ ПСЗ, т. VII, № 4700, стр. 457 (ст. 12); т. X, № 7161, стр. 25 (ст. 19); ЦГАДА, ф. 248, оп. 4, кн. 180, лл. 360 об. — 361 (ст. 10, 11).

⁷² ЦГАДА, ф. 248, оп. 4, кн. 180, л. 409 об. (ст. 125).

⁷³ Сенатский архив, т. 2, стр. 370.

⁷⁴ ПСЗ, т. X, № 7161, стр. 25 (ст. 18); ЦГАДА, ф. 248, оп. 4, кн. 180, лл. 360—360 об. (ст. 9).

⁷⁵ ПСЗ, т. VII, № 4700, стр. 458 (ст. 16); т. X, № 7161, стр. 25 (ст. 17).

⁷⁶ ЦГАДА, ф. 248, оп. 4, кн. 180, л. 359 об. (ст. 8).

⁷⁷ Там же, стр. 386—387, 410 (ст. 68, 69, 127); ПСЗ, т. VI, № 3522, стр. 226 (ст. 64); т. X, № 7161, стр. 28 (ст. 32).

⁷⁸ ЦГАДА, ф. 248, оп. 4, кн. 180, лл. 371, 373 (ст. 32, 40).

⁷⁹ Там же, л. 370 об. (ст. 29).

⁸⁰ Там же, лл. 385—386 об., 407 об.—409 об. (ст. 67, 119—123).

⁸¹ Там же, л. 373 (ст. 41—43).

своих звериных промыслов⁸². Предметом особых забот сибирского губернатора был надзор за государственной пашней, который реализовался низшими органами власти в лице приказчика. В инструкции 1741 г. предписывалось «писать в инструкции крепкое подтверждение, чтоб крестьяне пашню пахали без недопашки и в оброчном хлебе доимки не было»⁸³. Аналогичное требование мы встречаем в наказе тобольскому воеводе 1697 г.⁸⁴, что свидетельствовало о том, что в Сибири надзору за казенной пашней придавалось большое значение.

Таким образом, найденная нами сенатская инструкция сибирскому губернатору 1741 г. проливает свет на правительственную политику по отношению к отдаленной сибирской окраине 40—70-х годов XVIII в., когда она служила руководством к действию губернаторам Сибири. Сенатские инструкции губернаторам характерны для первой половины XVIII в., когда функции специальных центральных органов областного управления передавались постепенно губернаторам. Специальные инструкции создавались лишь для губернаторов окраин и отражали отличительные черты областного управления того или иного региона.

Сравнение инструкции 1741 г. с воеводскими наказами дает возможность проследить эволюцию областного государственного аппарата и изменения во взаимодействии его центральных и местных звеньев XVII—первой половины XVIII в. Сопоставление сенатских инструкций Азовскому, Астраханскому, Киевскому и Сибирскому губернаторам свидетельствует о том, что последний был наделен более широкими полномочиями в связи с исторически сложившимися особенностями этого отдаленного края. Специфика Сибири, выразившаяся в расширении прав губернатора и его полицейской, финансовой, дипломатической и хозяйственной деятельности, имела свои исторические корни в XVII в. Текст инструкции 1741 г., материалы ее обсуждения и деятельное участие в ее создании самого сибирского губернатора свидетельствовали о возросшей роли губернатора в системе областного управления России.

⁸² Там же, л. 397 об. (ст. 93).

⁸³ Там же, л. 396 об.

⁸⁴ ПСЗ, т. III, № 1594, стр. 360—364 (ст. 22).

М. И. Пернер

ПИСЬМО Н. П. ОГАРЕВА И А. И. ГЕРЦЕНА
С ВЫСКОБЛЕННЫМИ БУКВАМИ
(Опыт текстологического анализа)

Это письмо занимает важное место в не слишком богато документированной истории русского революционного движения 1860-х годов. О многом происходившем в этот период исследователям приходилось (и отчасти до сих пор приходится) догадываться по скудным данным и неясным намекам; отсюда ошибочные заключения, недоумения и споры историков. Тем драгоценнее каждый дошедший до нас подлинный документ, тем внимательнее он должен быть изучен, тем тщательнее комментирован.

Письмо, о котором идет речь, важно, во-первых, потому, что излагает взгляды издателей «Колокола» на организацию революционной борьбы в России осенью 1861 г. (и, следовательно, пополняет собой, с одной стороны, издания лондонской русской типографии, с другой — ряд записок Огарева о тайных обществах, опубликованных уже в наше время); во-вторых, так как дает представление о взаимоотношениях «лондонских изгнанников» с действовавшими в России революционерами, о возможностях общения между ними и степени взаимопонимания, в частности о вспышке раздражения против Чернышевского; в-третьих, наконец, поскольку оно выявляет некоторые философские воззрения Огарева.

Официально засвидетельствованная история этого документа несложна. Как известно, письмо хранилось у Чернышевского, было обнаружено при рассмотрении бумаг, взятых в день ареста (7 июля 1862 г.) в его кабинете, предъявлялось ему на допросе 16 марта 1863 г., фигурировало в его процессе (упоминается и в приговоре¹) и было впоследствии вместе со снятой чиновником III Отделения копией вшито в том дела № 37². Том этот неоднократно расшивали и снова сшивали, письмо было повреждено и подвергалось реставрации. Оно и теперь остается на своем месте в деле.

Издавалось письмо не раз. Первые публикации принадлежат М. К. Лемке³, из последующих надо отметить тщательно комментированное издание Я. З. Черняка⁴ и последнее по времени — в Собрании сочинений А. И. Герцена⁵. Ни фотовоспроизведения, ни палеографиче-

¹ «Дело Чернышевского». Сборник документов. Саратов, 1968, стр. 427—428.

² ЦГАОР, ф. 112 (Особого Присутствия Правительствующего Сената — далее ОППС), д. 37/1862 г. («Производство высочайше учрежденной в С.-Петербурге Следственной комиссии об отставном титулярном советнике Николае Чернышевском»), л. 72—74 об. и 75—82.

³ М. К. Лемке. Политические процессы М. И. Михайлова, Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевского. СПб., 1907 (в отрывках), стр. 209—211 (то же в журнале «Былое», 1906, № 3, стр. 105—106); Полное собрание сочинений и писем А. И. Герцена, под редакцией М. К. Лемке. Пг., 1919, т. XI, стр. 212—214; М. К. Лемке. Политические процессы в России 1860-х гг., изд. 2-е. М.—Пг., 1923, стр. 186—190.

⁴ Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения, т. II. М., 1956, стр. 453—455 и 616—618.

⁵ А. И. Герцен. Собрание сочинений в тридцати томах, т. XXVII. М., 1963, кн. 1, стр. 164—167 и кн. 2, стр. 654—657. (Неточное повторение этого текста есть и в «Деле Чернышевского» 1968 г.)

ского описания письма в печати не появлялось. Ни одна из имеющихся публикаций не может считаться текстологически безупречной.

Поэтому новое рассмотрение этого документа и публикация его в возможно точном виде представляются полезными.

Письмо написано на трех листках плотной почтовой бумаги размером 181—184×112—114 мм (неодинаковость размера объясняется тем, что у плотной почтовой бумаги срез, как правило, оказывается немного скошенным); последний листок существенно (на 11 мм) короче других — можно предполагать, что нижний край его был срезан (причем были захвачены и последние буквы слова «пошляю», оказавшиеся ниже общего уровня строки).

Первые пять страниц исписаны мелким убористым и четким почерком Огарева (при ширине букв от 1,5 до 2,5 мм просветы между словами составляют 3—4 мм). На первой странице (с начальным отступом) — 26 строк, на двух следующих по 32, на четвертой — даже 34, на пятой — 32. Шестая страница занята припиской Герцена (26 строк), сделанной более крупным и торопливым почерком и оставляющей довольно широкое нижнее поле.

В письме Огарева есть несколько вставок, уточняющих и отчасти смягчающих смысл первоначально написанного (ни в одной из публикаций они не отмечены).

Решив сохранить этот документ, как «важный для истории литературы»⁶, Чернышевский выскоблил в нем слова, которые могли дать материал для обвинения. Всего лакун 16 (12 в тексте Огарева и 4 в тексте Герцена). На допросе Чернышевский сказал, что письмо было прислано ему уже с выскобленными местами и пояснил: «Лицо, которому я поручал передать Герцену, чтобы он не завлекал молодежь в политические дела, — г. М. И. Михайлов, ездивший за границу летом 1861 г.»⁷. На этом ответе основана одна из фраз приговора: «Чернышевский с своей стороны не сознался ни в каких противозаконных сношениях с Герценом, объяснив, что действительно Михайлову, отправляющемуся в Лондон, он поручил сказать Герцену, чтобы он не вовлекал молодежь в его противозаконные планы»⁸. Исходя из этого, Лемке предложил заполнить одну из лакун на первой странице письма словом «Лондон» и под господином, «который в [Лондон] не попал», разумеет Михайлова. Он же правильно указал, что в начале второго абзаца письма выскоблено название огаревского воззвания («Что нужно народу?»), а несколько ниже говорится о «[военных] людях» и «[военном] языке». Эти и другие конъектуры Лемке повторялись в последующих публикациях, дополняясь новыми догадками, основанными на смысле письма, как его трактовали исследователи. Сам же документ не изучался. Только Я. З. Черняк, посвятивший письму специальную статью⁹, пытался использовать технические средства, но, как он сообщает в комментариях к своему изданию¹⁰, «предпринятая с помощью специальных лабораторных методов попытка прочесть эти места успехом не увенчалась». Вновь произведенное исследование (2 ноября 1970 г.) также дало почти целиком отрицательный результат.

Остается использовать реальные данные, а именно: размер выскобленных мест и конфигурацию выскобов, а также размещение сохранившихся малых частиц выскобленных букв (естественно, в совокупности с другими соображениями, исходящими из содержания всего документа и анализа его исторического фона). Определив по длине выскоба возможное число

⁶ Эти слова находятся в шестом параграфе прошения Чернышевского, поданного 25 сентября 1863 г. См. «Дело Чернышевского», стр. 385.

⁷ ЦГАОР, ф. 112 (ОПНС), д. 37, л. 359 («Дело Чернышевского», стр. 219—220).

⁸ Там же, д. 38, л. 277 об. и д. 40, л. 304 («Дело Чернышевского», стр. 428).

⁹ Я. З. Черняк. Был ли Н. Н. Обручев адресатом письма, взятого при аресте Н. Г. Чернышевского? — «Литературное наследство», т. 62. М., 1955, стр. 420—432.

¹⁰ Н. П. Огарев. Избранные . . . произведения, т. II, стр. 616.

букв, а по его форме (видной на просвет) — наличие букв, спускающихся ниже строки (в почерке Огарева это строчные *ж, т, р, у*) и поднимающихся над строкой (помимо заглавных, строчные *б, в, д, л*, иногда *ь*, а также *ж* и *т*), допустимо делать разумные конъектуры. Следы и частицы выскобленных букв, видимые простым глазом, а также и на выполненных в лаборатории фотоснимках, помогают догадкам. К сожалению, длинные лакуны с трудом поддаются реконструкции.

Что же следует раскрыть в комментариях?

Авторы письма сомнения никогда не вызывали. Они устанавливаются бесспорно и по содержанию и по почерку. Подписей нет: Герцен из осторожности не подписывал своих писем к русским знакомым, собиравшимся возвратиться на родину; этому же правилу часто (не всегда) следовал и Огарев. В этом письме, возможно, его подпись была и нижний край пришлось срезать, чтобы ее устранить. В приписке Герцена, бесспорно, дважды упоминалось имя его друга, оба раза, как видно из размера выскобов (13 и 14 мм), в привычно сокращенной форме (Огар.).

Имя адресата было установлено не сразу. Долгие годы владельцем «военного кулака» и знатоком «военного языка» считали, вслед за Лемке, полковника Н. Н. Обручева. Только в 1955 г. Я. З. Черняк доказал, что письмо обращено к Н. В. Шелгунову¹¹. Этот вывод был поддержан и дополнительно аргументирован Я. И. Линковым¹². В воспоминаниях Шелгунова находим лишь несколько слов об его отношении к Огареву (речь идет о 1859 г.): «Огарев появлялся только к обеду и к чаю и, распределяясь, должно быть, по тяготениям, я садился всегда рядом с Огаревым, а Михайлов — с Герценом»¹³. Это письмо — единственное прямое свидетельство о содержании их бесед. Упоминалось ли в письме имя адресата? Очень тщательно выскобленное обращение (23 мм) не имеет верхнего выступа от широкой заглавной буквы *Ш*, ни спуска, неизбежного для буквы *у*; видимо, оно состояло не из фамилии (имя и отчество не могли бы здесь поместиться, да и Шелгунов чаще называл своих корреспондентов просто по фамилии), а какого-то дружеского прозвища, может быть «лесничий». Может быть, фамилию-обращение содержала большая лакуна на второй странице письма (30 мм), разделенная вертикальной черточкой, частично проскобленной, так что она стала напоминать восклицательный знак, а на самом деле являющейся элементом какой-то заглавной буквы. К адресату же относятся удаленные в трех местах местоимения. На той же второй странице письма обнаруживаем подряд три лакуны: «Теперь вот что: о [. . .] людях написать было бы [. . .] дело. [. . .] язык известнее». Конъектуры Черняка относительно первой (военных) и третьей (Вам военный) представляются бесспорными и по смыслу и по форме. Предлагаемые комментаторами 27-го тома Сочинений Герцена варианты для третьей лакуны (Вам этот, Вам солдатский, Солдатам ваш) не соответствуют размеру и конфигурации выскоба, а последний противоречит здравому смыслу. Что же касается второй лакуны, то Черняк, следуя за Лемке, предлагает прилагательные *нужное* или *хорошее*; комментаторы же Герцена дают щедрый набор совершенно безобидных (зачем было их удалять?) эпитетов, нисколько не считаясь с тем, что одни из них вдвое длиннее других (*нужное, полезное, важное, необходимое, доброе*). На самом же деле, удаленное слово могло содержать не более 4—5 букв (длина выскоба 10 мм); это было, конечно, местоимение *ваше* (буква *ш* несколько шире других строчных), единственно уместное здесь

¹¹ Я. З. Черняк. Был ли Н. Н. Обручев адресатом письма, взятого при аресте Н. Г. Чернышевского?

¹² Я. И. Линков. Революционная борьба А. И. Герцена и Н. П. Огарева и «Земля и Воля» 1860-х годов. М., 1964, стр. 161.

¹³ Н. В. Шелгунов, Л. П. Шелгунова, М. Л. Михайлов. Воспоминания, т. I. М., 1967, стр. 127.

и — опасное, поскольку указывало на адресата как на потенциального автора прокламации. Не менее опасным было и другое местоимение, очертания которого (особенно, диакритический знак над конечным *й*) смутно проглядывают в первой лакуне следующего абзаца: «Долго я думал о [*нашей*] подписке [.]», т. е. о совместно обсуждавшемся плане организации тайного общества в России. Размер (9 мм) и форма выскоба делают эту конъектуру вполне убедительной. С меньшей уверенностью можно предположить, что завершало эту фразу длинное слово *волонтеров* (т. е. «добровольных участников»), соответствующее и длине (21 мм) и очертаниям выскоба, в начале которого слегка проступают контуры буквы *в*. До сих пор никаких гипотез относительно этих слов не высказывалось, а в 27-м томе Сочинений Герцена напечатано «*подписи*» вместо «*подписке*».

Дата письма, обозначенная лишь днем недели, теперь сомнения ни у кого не вызывает. Эта суббота приходится на 22 июля/3 августа 1861 г. Год и месяц были установлены еще Лемке, но из-за ошибки воспроизведения (он печатал «*в нынешних №№*» вместо «*в нынешнем №*»), а также из-за того, что Герцен упоминал в приписке свою статью «об открытии мощей Тихона» (т. е. «Ископаемый епископ, допотопное правительство и обманутый народ», которая появилась в листе 105 «Колокола», вышедшем 15 августа), — он относил письмо к последующим дням («15—20 августа»). Черняк показал, что «нынешним» является лист 104, вышедший 1 августа (нового стиля) и содержащий разбор «местных положений».

Следует связать эту дату с итинерарием Шелгунова и Михайлова. Как известно, в дни объявления манифеста об освобождении крестьян Чернышевский и Шелгунов написали прокламации, обращенные к барским крестьянам и к русским солдатам, рассчитывая напечатать эти воззвания в нелегальной типографии в Москве. Однако взявшийся за это дело мелкий литератор Всеволод Костомаров сорвал его по трусости в самом начале (в первые дни апреля), а затем начались волнения среди крестьян, подавляемые военной силой (12 апреля — расстрел толпы крестьян в селе Бездна), требовавшие отклика. Написанную им другую прокламацию Шелгунов (вместе со своим другом Михайловым) решил печатать в Лондоне¹⁴. Тяжело болевшая всю зиму Л. П. Шелгунова нуждалась в курортном лечении и 25 апреля старого стиля Шелгуновы и Михайлов отправились за границу. Пробыв неделю в Берлине¹⁵, они поехали на курорт Наугейм вблизи Франкфурта-на-Майне, откуда Михайлов писал Некрасову 15/27 мая, сообщая, что думает пробыть там «с месяц»¹⁶. 22 июня (нового стиля) Шелгунов с Михайловым уехали «в Голландию и оттуда в Англию»¹⁷, но на четвертый день Шелгунов вернулся в Наугейм «из Кельна»¹⁸, а Михайлов отправился в Лондон «на пароходе из Роттердама» только 29 июня¹⁹ и, следовательно, прибыл в Лондон в тот же или на следующий день. Герцена в это время в Лондоне не было. Он собирался выехать в Париж еще 15 июня (каким маршрутом, неизвестно) и, во всяком случае, 22 июня находился в Париже (сохранилось его письмо к Мишле от этого числа). Это обстоятельство существенно, поскольку встреча Герцена с Михайловым (может быть, и с Шелгуновым) состоялась, видимо, на материке, до приезда Михайлова в Лондон. Шелгунов вспоминал потом, что «Герцен не одобрил прокламации»²⁰, а сам

¹⁴ Н. В. Шелгунов. . . Воспоминания, т. I, стр. 243.

¹⁵ М. И. Михайлов. Из Берлина. — В кн.: М. Л. Михайлов. Сочинения. М., 1958, т. III, стр. 431—432.

¹⁶ Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, РО, ф. 195. М. 9857.

¹⁷ Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, РО, ф. 335, ед. хр., 1а, л. 1. Письмо Л. П. Шелгуновой к Н. В. Гербелю от 22.VI. 1861 г.

¹⁸ Там же, л. 3. Письмо Л. П. Шелгуновой к Н. В. Гербелю от 25.VI. 1861 г.

¹⁹ Там же, ед. хр. 1, л. 4 об. Письмо Н. В. Шелгунова к Н. В. Гербелю от 29.VI. 1861 г.

²⁰ Н. В. Шелгунов. . . Воспоминания, т. I, стр. 244 и 165.

Герцен писал в 1868 г., уже после гибели Михайлова: «Мы заклинали его не печатать своей прокламации. Правительство убило его, но остались **живые свидетели**»²¹. Итак, Герцен не одобрил прокламации «К молодому поколению» и считал распространение ее в России слишком опасным делом, но все же позволил напечатать ее в своей типографии. Шелгуновы из Наугейма поехали в Париж, откуда Шелгунов отправился в Лондон. Прокламация была уже напечатана²² и вскоре, дождавшись только возвращения из Парижа Герцена (это произошло 9 или 10 июля), оба друга уехали из Лондона. В Париже они были 11 июля²³, через несколько дней Михайлов с 600 листами прокламации, заделанными в дно его чемодана, уехал в Россию, а Шелгуновы перебрались 18 или 19 июля на французский курорт Трувилль²⁴, где и ждали вестей от Михайлова.

Беседы с Михайловым и Шелгуновым, соотечественниками—единомышленниками, глубоко обрадовали Огарева, стимулировали его творческую мысль («Я страстно думаю о проекте местных банков. . .»); значительное сходство взглядов и близость настроений позволили не придать особого значения некоторым принципиальным разногласиям (как видно из публикуемого письма, Шелгунов не вполне одобрял огаревское «Что нужно народу?», несколько иначе смотрел на способы и характер организации тайного общества) и надеяться на полное взаимопонимание в том, что касалось «общего дела» (многого собеседники обсудить просто не успели). Тем неожиданнее и больнее поразило издателей «Колокола» предостережение Чернышевского, воспринятое как отказ от «общего дела», как измена ему.

Это предостережение было передано еще до того, как в Лондон пришел номер «С.-Петербургских ведомостей» от 1/13 июля с фельетоном Воскобойникова, злорадно подчеркивающим расхождение Чернышевского с Герценом, выразившиеся в подписанной автором статье «О причинах падения Рима» («Современник», 1861, № 5). Только привычное повторение того, что Чернышевский показывал на допросе, заставило исследователей измышлять, вопреки очевидности, пути не изустной передачи слов, которые были сказаны издателем «Колокола». Лакуна на первой странице письма содержала вовсе не слово «Лондон», а слово «Париж» (выскаб имеет спуск, соответствующий длинным палочкам букв *p* и *ж* и не имеет подъема для буквы *д*). «Господин», приехавший из России, видимо, отправился в Лондон через Голландию (этот маршрут удобнее позволял избежать слежки и многие русские пользовались им в то время), а в Париж (где Шелгунов еще был 18 июля) «не попал», и о произведенном им впечатлении Шелгунов узнал от кого-то из русских знакомых, возможно, от Гербеля, который во второй половине июля находился в Лондоне. Кто был этот господин? Не лишенным вероятности представляется предположение, что это был Ю. Г. Жуковский, сотрудник «Современника», уехавший за границу в конце июня (в недатированной записке к заведывавшему конторой «Современника» И. А. Панаеву Чернышевский просит выплатить Жуковскому вперед гонорар за статью, «которая будет напечатана в № VII», «хотя около 25 числа», так как «он уезжает за границу»²⁵) и, следовательно, имевший возможность добраться до Лондона примерно 4/16 июля. То, что известно о характере Жуковского, позволяет думать, что в его передаче слова Чернышевского показались сугубо оскорбительными. Только после этого неприятного разговора, «вскоре», Герцен и

²¹ А. И. Герцен. Нашим врагам. «La Cloche», № 14—15 от 1 декабря 1868 г. См. Собрание сочинений, т. XX, 1960, кн. 1, стр. 421.

²² Н. В. Шелгунов. . . Воспоминания, т. 1, стр. 245.

²³ ЦГАОР, ф. 109, 1 э., д. 230, ч. 28 А, л. 175. Письмо Л. П. Шелгуновой к В. Костомарову от 1/13. VII. 1861 г.

²⁴ Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, РО, ф. 335, ед. хр. 1а, л. 5. Письмо Л. П. Шелгуновой к Н. В. Гербелю от 7/19. VII. 1861 г.

²⁵ Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. XIV. М., 1949, стр. 435.

Огарев прочли статью Чернышевского (мы не знаем, когда они получили пятый номер «Современника», вышедший в свет 27 мая/8 июня), так «больно» их задевшую. Встревоженный сообщением об этом, Шелгунов написал, видимо, в Лондон и Огарев ответил ему в «субботу» 3 августа. В письме звучит еще не остывшее раздражение; перечитав его, Огарев (сам, а может быть, под влиянием Герцена) кое-что изменил. Было написано: «Вы обязаны щелкнуть военным кулаком по такой дребедени». Огарев вставил слова «дружеским, но» перед «военным». Было написано: «. . . дураки и лжецы, с намеком, что речь идет об нас. Добавлено: «и забывая, что до сих пор сами держались этим знаменем.» (стр. 2). Не преодоленная еще обида Герцена звучит в сравнении Чернышевского с бароном Видилем, который пытался на верховой прогулке убить сына, чтобы присвоить наследство покойной жены, и в резком отзыве о напечатанной в мартовской еще книге «Современника» повести Мельникова-Печерского. В одном из ближайших номеров «Колокола» Герцен ответил на статью Чернышевского развернутой полемикой²⁶. Как отвечал Шелгунов на письмо Огарева и Герцена, неизвестно. Самое же письмо он привез в Россию и передал Чернышевскому, когда тот вернулся в Петербург из поездки в Саратов (месяцем позже возвращения Шелгуновых из-за границы, т. е. в двадцатых числах сентября, уже после ареста Михайлова).

Одновременно с майской книжкой «Современника» Огарев прочел и июньскую, в которой находилась статья Николая Серно-Соловьевича «Размышления по поводу статьи г. Шилля о государственном или земском заемном банке». Большая часть строки в пятом абзаце письма (стр. 5), посвященном этой статье, выскоблена, за выскобом следует глагол «поместил», правильно воспроизведенный в копии, находящейся в деле, но Лемке прочитанный как «поместили». Эта ошибка, несмотря на грамматическое и логическое несоответствие такого прочтения с последующими фразами, повторяется всеми исследователями. Между тем при рассмотрении письма в солнечный день удается прочитать на непосредственно предшествующем этому глаголу участке выскоба сокращенно написанную фамилию (Сер.-Сол.); эти буквы слегка проступили и на сделанном в лаборатории фотоснимке. В начале этого абзаца после открывающего его предлога *В* проступают следы заглавной буквы *И* (вероятно, начинающей слово «*Питере*»). Как раз в это время выехавший за границу Н. А. Серно-Соловьевич собирался печатать в Берлине свою брошюру «Окончательное решение крестьянского вопроса», о чем Огарев знал. Так объясняется подчеркнутое противопоставление: не за границей, а в России, в *Питере*, появилась еще одна работа талантливого и любимого друга. В середине этого выскоба было еще какое-то слово или даже два.

Есть еще довольно большой выскоб в третьем абзаце (стр. 3) письма, где говорится о финансовой организации тайного общества. Предположив, что взносы могут составить капитал в 3000 руб., Огарев рассуждает так: «можно дать трем приказчикам по 500 руб. для зарождения контор. . .» и далее: «Можно на 500 (над строкой вставлено: «или 1000») руб. [выскоб 42 мм], и 500 или 1000 оставить на разъезды». На что же следует потратить часть суммы, оставшейся после устройства «контор»? Разумеется не на то, чтобы «учредить конторы» (как предлагают комментаторы писем Герцена), а пожалуй, на то, чтобы «изготовить брошюру» (остатки выскобленных букв дают некоторое основание для такой конъектуры).

Остаются две лакуны в приписке Герцена: одна очень небольшая (максимум 5 букв) заканчивалась буквой *a*, хвостик которой сохранился, и представляла собой обозначение лица, с которым Герцен встречался в Париже и которого не сумел навестить еще раз: другой выскоб сохранил следы двух последних букв — *ть*, несомненно, окончание слова «опять».

²⁶ «Repetitio est mater studiorum». — «Колокол», л. 107, 15 сентября 1861 г.

Трудно найти столь краткую фамилию; это могло быть сокращение или титул (вроде «графа»).

Палеографический анализ письма при учете всех прочих данных позволяет уточнить его прочтение, освободиться от ряда ошибочных толкований и комментариев (Михайлов провел в Лондоне не «около двух месяцев», а менее двух недель; Шелгунов приехал в Лондон не «в июне», а в июле; письмо было написано, когда Шелгунов находился не «в Париже», а в Трувиле; господином, передавшим предостережение Чернышевского, был никак не «Н. А. Серно-Соловьевич», о котором в том же письме говорится совсем в ином тоне, а другой человек, приехавший в Лондон и не попавший в Париж; слово «мешала» не выскоблено, а повреждено при шивании дела и т. д.) и, соответственно, уточнить некоторые факты из истории революционной борьбы 1860-х годов.

**Письмо Н. П. Огарева и А. И. Герцена
к [Н. В. Шелгунову] от [3.VIII.1861 г.]²⁷**

Суббота

Ну, милый [выскоб 23 мм], долго я думал и ждал — не поедет ли кто к вам, но не дождался и решился писать просто. С чего начать? Да уж начну с того, что стряхну злобу с сердца. Истинно жаль мне, что вас нет в Питере, потому что наши шалят. Вы спрашивали, что такое, что больно было слышать. Да то, что Чер.[нышевский] поручил тому господину, который в [выскоб 16 мм] не попал, сказать нам, чтобы мы не завлекли юношество в литературный союз, что из этого ничего не выйдет. Конечно, никто так не уважает скептицизм, как я. Рассекая мир до математической точки, я дохожу до формулы 0∞ ; но это не мешает мне знать, что нуль также результат $\infty = + -$, и собственно есть предел. Что я не в состоянии наполнить бездну или черту, разделяющую логические определения от живого мира, не могу показать, каким образом предел переходит в действительность и чему, какой формуле $=0\infty$, — из этого не следует, чтоб я в ту минуту, когда <де> надо дело делать, задал бы себе задачу: ну, а если из этого ничего не выйдет? Такой скептицизм равен тунеядству и составляет преступление. А между тем он человек с влиянием на юношество; на что ж это похоже? Ступайте в Питер, возьмите его за ворот, порастрасите и скажите: стыдно. — Вскоре после этого, по случаю какой-то истории Рима, встречаем мы в «Современнике» (уже прежде смекнувши из довольно плохой критики в «Петер.[бургских] введ.[остях]») статью прямо против нас, т. е. что напрасно мол говорить, что в России//
стр. 2 есть возродительное общинное начало, которого в Европе нет, что общинное начало вздор, что Европа не умирает, потому что когда одному человеку 60 лет, то зато другому 20 (как будто историческая смерть есть вымирание людей, а не разложение *общественных* химических соединений известного порядка!) [,] и что те, кто это говорит, — дураки и лжецы, с намеком, что речь идет об нас, *и забывая, что до сих пор сами держались этим знаменем*. Зачем это битве по своим, да еще действительно с преднамеренною ложью? Плохо дело! [выскоб 30 мм]! горе, когда личное самолюбие поднимает голову, завидуя или в отместку за неуважение к воровству какого-нибудь патрона! Какая тут общественная деятельность, какое общее дело! Тут идет продажа правды и доблести из-за личных страстишек и видов; продажа дела из-за искусственного скептицизма, который даже не скептицизм, а просто сомнение в приложении себя к делу, без всякого понимания принципиального скептицизма. Вдобавок в этой статье сказано, что растение умирает, оттого что пита-

²⁷ В прямых скобках стоят редакторские дополнения, в ломаных скобках — вычеркнутые слова, между звездочками — слова, вставленные над строкой.

тельные соки перестают в него из земли с любовью всасываться. Хорош скептицизм! Нет! поезжайте в Питер и скажите, что это стыдно, что так продавать Христа, т. е. правду и дело, — непозволительно. Это *то*, что христиане называли преступлением против духа. Ну! будет об этом, только помните, что я считаю эти выходки не <личным> личной * обидой, а по~~мехой~~ делу, поэтому и убежден, что вы обязаны щелкнуть *дружеским, но* военным кулаком по такой дребедени.

Вы видели <что> : что [выскоб 33 мм] риложено **, а теперь со стороны потребовали еще издания. Доказательство, что промаха не было. Теперь вот что: о [выскоб 20 мм] людях написать было бы [выскоб 10 мм] дело. [Выскоб 30 мм] язык известнее. Тройная форма присяги дело очень важное. // Раз, присяга по природе или по породе: родившийся в Москве стр. 3 по породе присягнул не продавать Москвы татарам. Другое [,] присяга по истине: родившийся человеком по рождению присягнул не продавать того, что считает за истину. Третье [,] присяга по службе, — дело приказанное, невольное, без внутреннего согласия, и которому до такой степени никто не верит, что все крадут.

Долго я думал о [выскоб 9 мм] подписке [выскоб 21 мм]. Я, как величайший приверженник мелких капиталов, думаю, что 50 человек, жертвуя по 5 руб. в месяц, жертвуют в год 3000 р. На этот капитал много можно сделать. Можно дать трем приказчикам по 500 руб. для учреждения контор на трех самых *** торговых пунктах, как Нижегородская ярмарка, которая-нибудь из днепровских ярмарок и [,] смотря по надобности [,] Ирбит или иной урало-сибирский пункт. Можно на 500 *или 1000* рублей [выскоб 42 мм], а 500 или 1000 оставить на разъезды. Заметьте, что это ежегодно [,] и что число акционеров будет расти, и что чуть ли не на 2-й год можно уже будет производить не только комиссионерство, а пустить капитал в настоящую торговлю. Для этого капитал не нужно отправлять за границу; достаточно небольшую *разъездную* сумму для комиссионеров-заподрядчиков. Вы заметьте, что петербургская торговля не требует ежегодных пожертвований, потому что сама компания налицо, что пожертвования требуются только для учреждения ярмарочных контор и выписок материалов из-за границы; петербургская компания всегда может вести свою изолированную торговлю на имеющийся капитал, но что действительное развитие оборотов всё свое значение получит от контор и от общности торговых интересов. Надо вызвать капиталы, существующие около **** ярмарочных центров.

Думал я еще о плюсе и минусе, об отрицательном и положительном. Мне кажется, что кроме отрицания, в наше ***** // время прожектерства, стр. 4 надо развивать положительную сторону в проектах о будущем устройстве. Я страстно думаю о проекте местных банков; одной маленькой буквы не достаёт, чтоб поставить формулу совершенно ясно; я ее чувствую, она близка, месяц—два работы и алгебраическая формула постановится; останется только сделать ее наглядною арифметически. Но есть и другие задачи, не экономические, но требующие также положительной формы. Напр[имер], система рекрутства. Я рассчитываю так, что каждый холостой, с 17 лет, должен выучиться военному ремеслу в продолжение 6 месяцев, без всякой особой солдатской одежды, кроме дружинных значков; таким образом, он будет одет на свой счет, а содержан на счет волости,

* Слово личным переправлено в личной.

** Первая буква слова приложено выскоблена вместе с предшествующими словами.

*** Слово самых последнее в строке; при переходе на следующую строку оказалось пропущенным прилагательное, которое должно было следовать за этим показателем превосходной степени (может быть, важных).

**** Слово около зачеркнуто и затем написано вновь сверху.

***** Слово наше, написанное неразборчиво в конце страницы, зачеркнуто и написано вновь четко сверху.

манья дерогу камуах иио
 2 up hooли in othuecky ne dpy
 миами hуово. Мh мундз Шu
 гуддхуиt mо Cepтuи. в lo ~~hуо~~
 vici - oхaвuи дpуcкeи бoзe
 бeиmуп. hуи. apаaиmиoтuи - Jиe
 в oбъeиm Шт. Ипгo hуoпuи, - oи
 yпaчaи. Ипpиeи. чuиmиoтuи.
 cepceиo Jиe yпuиhуeт. A мyп
 нaи в пpеcкoлuиmиoи мyиt uи
 - бoтuиe бeиo ~~oт~~ hуeиt нeиmуиoи
 зaчaиt uиbиt вepoжeии - пyпoтeи
 чuиmиoтuи вpиtae epеdтe и иe
 eтuиt нaтeиt uи oтoдeиo Jиe чuиmиoтuи
 Eтuи Ш. yбoгyт > - нaнyпeт
 eиy oии мeи - мeи oтeиt oтo дeи
 mоz eиo иe hуи нeбoиpиt
 - hуoиmи Шкo бeиoиa

Jиeиaтuи нoтeиt нecep ~~и~~
 Jиeиaтuи. Мy мaгyтae oиyпe Jиeиaтuи
 hуeрбaиt - пyиaиt пaчeиoтeиmиoтuи
 ипyчaиt yпoдyкo (лeиmиeиt uи)
 Jиeиaтuи Jиeиaтuи. A пpоp пeиoбeиaдyиe
 бeиt иeбoиt uиyпe (лeиmиeиt uи)
 oт oиyпeиt hуeиt (лeиmиeиt uи)
 Jиeиaтuи Jиeиaтuи и пpоyпeиt

Письмо Н. П. Огарева и А. И. Герцена с выскобленными буквами (страница шестая)

где его maestro * будет обучать строю и стрельбе в цель. Оружие от государства. А постоянная регулярная армия, 1000 человек на миллион душ, сведет число <в> постоянного войска на 50 или 60 тысяч, откуда будут взяты учителя для дружин и артиллерии; это войско наемное из охотников. Рассчитав, сколько это даст военной силы вообще и как мало будет стоить, очевидно будет превосходство и народность такого устройства против существующего.

Также нужны положительные проекты администрации и судебных учреждений. Теперь составляются при Мин[истерстве] юстиции многие. Говорят, что Сенат будет *только* высшим апелляц[ионным] судом, а правительство берет себе только право смягчать приговоры. Государст[венному] совету дадут иную физиономию. Я надеюсь напечатать министр[ские] проекты с разбором. Но кроме того надо, чтоб кто может подумали и о положительной стороне, т. е. о проектах, более идущих к делу. Помещение их в печати, при самом популярном изложении, чрезвычайно важно. Если возможно ввести их в полемику, то вопросы уяснились бы быстро и язык становился бы с каждым днем доступнее. Поверьте, что мудренность языка лежит в // недоскональной ясности мысли. Пока человек ищет, он не может сойти с научного изложения в популярное. Пока я развиваю алгебраическую формулу, я употребляю обычные знаки; когда я ее развил и уяснил себе досконально, я берусь, при небольшом таланте, рассказать ее на словах понятно каждому, хотя это и длинный перифраз. Но до окончательного развития формулы это невозможно. От этого так мало (и еще меньше удачных) популярных книг: наука-то сама еще не пришла в ясность, <где же ей> она живет своими средствами, специальными приемами и только ими может развиваться, *иначе совсем запутается;* где же ей выражаться общими приемами, всем неподготовленным понятными?

В [выскаб 55 мм] поместил по поводу статьи [выскаб 10 мм] статью о государст[венном] банке. Прелесть! Хотя и видно, что кой-где цензура мешала, но какое благородство тона, определенность и ясность изложения. Просто — я его помянул, как мать сына, с таким удовольствием и любовью.

Вопрос: я кончил разбор полож[ений] — и думаю, что он весьма полезен. В нынешнем № местные пол[ожения] [;] оно, может, и посуше, но небесполезно. В будущем и еще одном № администрация. Это опять очень интересно. Не напечатать ли всё отдельной брошюрой? Мне кажется, что это было бы полезно. Как вам? Дайте сейчас ответ, ибо пока станок не разобран, перепечатание будет стоить ничего.

Ну! засим прощайте. Устал, пожалуй и вы устали читать. Лучше вдургорядь напишу. Отвечайте немедленно для успокоения моей души. «Кол[окол]» посылаю ** //

стр. 6 [Выскаб 14 мм] такую бездну написал, что я из любви к ближнему не буду писать много. Мы никогда бы не догадались, что Черныш[евский] à la baron Vidil — ехавши дружески возле, вытянул меня арапником. — Это я обязан «СПб. Ведомостям», — они указали. Впрочем [выскаб 13 мм] слишком серьезно это принимает. Я тут, как в пресловутом письме Чи[ерина], — больше всего дивлюсь ненужной запальчивости выражений — ругаться слишком простое средство и не есть патент на особую эстетичность.

Если вы увидите [выскаб 15 мм], кланяйтесь ему от меня, — мне очень досадно, что я его не мог навестить [выскаб 20 мм] — хлопот было бездна.

Читал повесть Печерского (Мельн[икова]) «Гриша». Ну, скажите, что же это за мерзость — ругать раскольников и делать уродливо смешными? Экой такт. А' ргоров рекомендую вам небольшую статейку мою об открытии мощей Тихона.

Будьте здоровы и прощайте.

* Здесь — инструктор.

** Окончание слова, написанного вкось, срезано. Далее — на стр. 6 — приписка Герцена.

С. С. Левина

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПУБЛИКАЦИИ РЕЧИ ПЕТРА АЛЕКСЕЕВА

(По материалам «Сводного каталога русской нелегальной
и запрещенной печати XIX в. Листовки» *)

Речь Петра Алексева на процессе 50-ти — одно из наиболее значительных произведений боевой революционно-демократической агитационной литературы последней четверти XIX века. Произнесенная и опубликованная в тот период, когда передовые рабочие, по словам В. И. Ленина, «показали себя, как великие деятели рабочей демократии, но масса еще спала»¹, эта речь впоследствии была взята на вооружение массовым рабочим движением, развивавшимся под знаменем марксизма. Об этом убедительно свидетельствуют повторяющиеся издания ее, вышедшие в годы подъема рабочего движения накануне Первой русской революции. Через четверть века после суда над Алексеевым «великое пророчество русского рабочего-революционера»² воодушевляло новые поколения рабочих на борьбу против самодержавия.

Речь Алексева печаталась под разными заглавиями. Сам Алексеев в одних изданиях назван рабочим, в других — крестьянином. Дело в том, что московский рабочий, ткач Петр Алексеевич Алексеев по паспорту значился крестьянином деревни Новинской Сычевского уезда Смоленской губернии. Различия в заглавиях речи отражают не только факт биографии Алексева, но и типичный факт истории российского рабочего класса, связанного с крестьянством тысячьо нитей.

Еще существеннее различия в тексте разных нелегальных публикаций. На разночтения обратила внимание Н. Б. Панухина³. Она обнаружила листовку, в которой известная концовка речи: «... подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах!». . .» заменена другой, а именно: «... подымется эта мускулистая крестьянская рука и огражденное солдатскими штыками ярмо деспотизма разлетится в прах. . .»⁴

В этой же статье исследовательница опубликовала сохранившуюся в архиве запись речи Алексева, сделанную во время суда царским чи-

* «Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX в. Листовки» будет служить продолжением «Сводного каталога русской нелегальной и запрещенной печати. Книги и периодические издания». (М., 1971). Работа над каталогом листовок, как и над каталогом книг и периодических изданий, ведется крупнейшими библиотеками и архивами под руководством Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 72.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 377.

³ Н. Б. Панухина. К истории речи Петра Алексева. — «Вестник Московского университета. Серия 9. История», 1965, № 5, стр. 82—89.

⁴ Там же, стр. 84. К сожалению, Н. Б. Панухина допустила неточность: отмеченная ею концовка присуща не листовке, озаглавленной «Речь, произнесенная крестьянином. . .», как она считала, а другой, с заглавием «Речь, произнесенная рабочим. . .» (ЦГА, ф. 1410, оп. 1, д. 131, лл. 598—599, д. 154, лл. 163—164; см. «Приложение», № 1, 2).

новником. Запись отличается от всех нелегальных публикаций и дает дополнительный материал для истории текста этого замечательного революционного документа ⁵.

Разночтения текстов публикаций Н. Б. Панухина объясняет редакторской правкой и считает, что изменение заключительных слов речи Петра Алексеева «... полностью соответствует взглядам народников на движущие силы грядущей революции, под которой они понимали массовое крестьянское восстание в стране» ⁶.

Мы не имеем возможности документально восстановить историю текста речи Алексеева. Известно, что речь была тщательно подготовлена, коллективно обсуждалась в тюрьме товарищами по процессу. Самый текст Алексеев написал собственноручно ⁷. В. Н. Фигнер видела рукопись П. А. Алексеева у его защитника А. А. Ольхина, который, вероятно, и передал ее в нелегальную типографию ⁸. Однако в суде Алексеев произнес речь свободно, по памяти. В большинстве публикаций речи зафиксированы реплики председателя, пытавшегося прервать оратора, описаны жесты Алексеева. Очевидно, в печатных изданиях нашел отражение не только первоначально написанный текст, но и произнесенный на суде и воспринятый слушателями.

Н. Б. Панухина отметила, что все позднейшие перепечатки восходят к листовкам, изданным в 1877 году. Именно эти листовки являются основным документальным материалом для истории. Но о публикации самих листовок до сих пор было известно очень немного.

Впервые речь Алексеева была напечатана в нелегальной типографии, основанной А. Н. Аверкиевым и Н. А. Кузнецовым в начале 1877 года. Из трех листовок, не имеющих выходных данных, произведением типографии Аверкиева и Кузнецова считалась одна: «Речь рабочего Петра Алексеева». Типографию, напечатавшую эту листовку, определили составители указателя «Русская подпольная и зарубежная печать» ⁹ на основании ее сходства с другой листовкой — «Речь Софьи Ларионовны Бардиной», которая, как было известно, также печаталась Аверкиевым и Кузнецовым.

Кем и когда были напечатаны две другие листовки, до сих пор оставалось неизвестным. Составители «Сводного каталога» обнаружили материалы, значительно проясняющие историю издания речи Алексеева, а также историю типографии Аверкиева и Кузнецова ¹⁰.

К созданию типографии ее организаторы приступили в ноябре или декабре 1876 г. Кузнецов, наборщик по профессии, в январе 1877 г. снял для типографии квартиру, в которой поселился со своей матерью. Типографский станок был заказан слесарю Семянниковского завода В. П. Молчанову. 13 апреля 1877 г. он явился в полицию с доносом. Той же ночью в квартире Кузнецова был произведен обыск, причем обнаружены чугунный шестипудовый пресс, служивший для печатания, типографское оборудование, 12 пудов шрифта, набор речи Бардиной, 33 печатных экземпляра этой речи, 38 экземпляров листовки «Речь рабочего Петра Алексеева», 23 экземпляра брошюры «Становой». Таким образом, документально установлено, что листовка, озаглавленная «Речь рабочего Петра

⁵ Н. Б. Панухина. К истории речи Петра Алексеева, стр. 87—89. См. также: Н. Б. Панухина. Речь Петра Алексеева в записи судебного чиновника. — В кн. «Прометей», т. 3. М., 1967.

⁶ Там же, стр. 85.

⁷ И. С. Джабадари. Процесс пятидесяти. (Всероссийская социально-революционная организация). — «Былое», 1907, № 10, стр. 193—194; Н. Цвилленев. Революционер-рабочий Петр Алексеев. М., 1928, стр. 10—11.

⁸ В. Н. Фигнер. Процесс «50-ти». 1877. — «Каторга и ссылка», 1927, № 4 (33), стр. 17.

⁹ М. М. Клевенский, Е. Н. Кушева, О. П. Маркова. Русская подпольная и зарубежная печать. М., 1935, стр. 183.

¹⁰ ЦГАОР СССР, ф. 109, 3-я экспедиция, 1877, д. 144, ч. 270.

Алексеева», действительно печаталась в этой типографии. Кузнецов и находившийся у него Аверкиев были арестованы ¹¹.

На следствии и Аверкиев, и Кузнецов стремились изобразить типографию своим личным делом. Только один раз в показаниях Кузнецова мелькнула фраза, означавшая, по существу, признание в связях с революционным подпольем: он сказал, что последнее время работал мало, занимался устройством своей тайной типографии, а деньги на жизнь он получал от людей, «интересовавшихся этим делом» ¹².

Но, взяв всю ответственность на себя, никого не выдавая и признаваясь только в том, что жандармам уже было известно, они оба, а особенно Кузнецов, довольно подробно осветили организацию и работу типографии. Сначала был изготовлен деревянный печатный станок, на котором начали работать уже в феврале (на масленице). Но станок печатал плохо. В феврале на нем были напечатаны фальшивые билеты для входа на процесс 50-ти, но из 100 билетов только 40 оказались годными. На страстной неделе, 21—27 марта (по показаниям матери Н. А. Кузнецова — в четверг страстной недели, т. е. 24 марта), — деревянный печатный станок был заменен тяжелым, чугунным. Шрифты добывались в петербургских легальных типографиях. Набирал и печатал Н. А. Кузнецов; А. Н. Аверкиев приносил рукописи и относил печатные материалы по мере их изготовления ¹³.

Для истории публикации речи Алексева особенно важно признание Кузнецова, что он напечатал два издания ее. Ему были предъявлены два различных экземпляра, которые он признал произведениями своего станка ¹⁴. К сожалению, в деле нет ни предъявленных Кузнецову листовок, ни каких-либо сведений об их отличительных признаках. Но несколько экземпляров разных изданий речи Алексева, хранящиеся в этом деле, а также относящиеся к ним сведения, дают материал для сопоставления и выводов.

Уже 19 марта 1877 г. начальник Московского губернского жандармского управления отправил в III отделение копию листовки, озаглавленной «Речь, произнесенная рабочим Петром Алексеевым, на суде пред Особым присутствием Правительствующего сената 10 марта 1877 года. (Стенографический отчет)», которая, согласно его донесению, «на днях появилась в Москве» ¹⁵. Сличение текстов доказывает, что листовка, обнаруженная жандармами в Москве, тождественна находящейся в настоящее время в ЦГИА СССР. Поскольку листовка появилась через неделю после произнесения речи П. А. Алексеевым на суде, можно с уверенностью считать, что она была первой публикацией речи Алексева. Именно в этом издании в концовке упоминается «крестьянская рука», хотя сам Алексеев в заглавии назван рабочим. Другая особенность этой листовки: хотя она имеет подзаголовок «стенографический отчет», но признаки стенограммы — попытки председателя прервать оратора, реакция Алексева на реплики председателя — в ней отсутствуют ¹⁶.

Где была напечатана листовка, обнаруженная в Москве? По ее внешнему виду ясно, что она была напечатана на ручном станке, причем плохо (нечеткая печать отмечена и в жандармском донесении). Несомненно, что это произведение нелегальной типографии. Шрифт ее — один из двух

¹¹ Там же, лл. 19—21, 29—30, 33.

¹² Там же, лл. 44 об.—45.

¹³ Там же, лл. 40—41, 51—52, 81—82, 141—144.

¹⁴ Там же, лл. 35, 50.

¹⁵ Там же, л. 1.

¹⁶ Там же, лл. 5—6. По содержанию очень близка к первой публикации листовка, напечатанная в Женеве в типографии газеты «Работник» (см. «Приложение», № 4). Хотя в женевской листовке имеются некоторые отличия редакционного характера по сравнению с первой, различны и заглавия обеих листовок, но в обеих в конце говорится о крестьянской руке. Женевская листовка была послана в Россию в конверте с отчетливым штемпелем 25 апреля, т. е. 13 апреля старого стиля (там же, л. 71).

шрифтов, которыми напечатана листовка «Речь рабочего Петра Алексеева». Таким образом, первое издание речи Петра Алексеева было напечатано в типографии А. Н. Аверкиева и Н. А. Кузнецова.

В том же деле находится еще одна листовка: «Речь, произнесенная крестьянином Смоленской губернии, Петром Алексеевым, на суде, пред Особым присутствием Правительствующего сената, 10-го марта 1877 г. (Стенографический отчет)». Ее шрифт — тот же, что и в первом издании (первые строки напечатаны с одного набора). Несомненно, что эта листовка также печаталась в типографии Аверкиева и Кузнецова. Но текст ее несколько отличается от первого издания. Прежде всего, это касается концовки речи, где говорится о «мускулистой руке миллионов рабочего люда». Кроме того, не только в заглавии, но и в тексте имеются признаки стенографической записи — отмечены столкновения П. А. Алексеева с председателем суда.

Когда была издана эта листовка? Характер печати свидетельствует о том, что она, как и первое издание, печаталась на деревянном станке, т. е. до 21—25 марта. Эта ранняя дата подтверждается тем, что, как показывает сличение текстов, данная листовка была переиздана с очень небольшими изменениями в виде брошюры в женеvской типографии журнала «Набат»¹⁷. Брошюра была отправлена из Женевы в Россию 13 апреля, одновременно с листовкой типографии газеты «Работник», о которой шла речь выше¹⁸. Следовательно, она напечатана до 13 апреля 1877 года. А ведь требовалось время, чтобы переправить оригинал из России в Женеву.

Листовка «Речь рабочего Петра Алексеева», обнаруженная при обыске в типографии, была уже третьим изданием этой речи, напечатанным Кузнецовым. В этой листовке, кроме самой речи, имеется послесловие, содержащее краткие биографические сведения об Алексееве и историческую оценку его выступления. В самый текст речи внесены незначительные изменения редакционного характера по сравнению со вторым изданием. Именно этот текст получил наиболее широкое распространение благодаря публикации в журнале «Вперед» и позднейшим перепечаткам¹⁹.

Таким образом, в типографии А. Н. Аверкиева и Н. А. Кузнецова с 10-го марта до 13 апреля 1877 года, т. е. примерно в течение месяца после того, как в суде прозвучала речь Петра Алексеева, она была издана трижды. Поскольку все известные варианты текста вышли из одной типографии, нет оснований считать принципиальные различия текста результатом редакторской правки, отражающей разные идейные позиции. Скорее всего, они возникли из-за расхождений в записях речи. Формулировка «крестьянская рука» встречается в первом издании, а «мускулистая рука миллионов рабочего люда» — в текстах, носящих характер стенографической записи. Что на суде прозвучала именно эта формула, подтверждается записью речи, опубликованной Н. Б. Панухиной²⁰.

В речи Алексеева слово «рабочий» применяется в двух значениях: как фабричный рабочий, противостоящий капиталисту, и как трудящийся вообще, «рабочий народ». Московский ткач Петр Алексеев осознал себя рабочим и вместе с тем представителем трудящихся, эксплуатируемых и угнетенных, от имени которых он возвестил грядущую революцию.

¹⁷ Этот же текст напечатан в газете «Общее дело» и в брошюре, изданной в 1891 г. (см. «Приложение», № 6, 10).

¹⁸ См. «Приложение», № 4.

¹⁹ Там же, № 7.

²⁰ Н. Б. Панухина. Указ. соч., стр. 89. Другая редакция заключительной фразы Алексеева, зафиксированная информатором III отделения, была опубликована Н. С. Каржанским в книге: «Московский ткач Петр Алексеев» (М., 1954, стр. 116—117). Однако, как указывает сам Н. С. Каржанский, жандарм не фиксировал дословно выступления на суде, а только передавал основную мысль. Поэтому его запись не имеет документального значения.

Список нелегальных публикаций речи Петра Алексеева
за 1877—1905 гг.*

1. Речь, произнесенная рабочим Петром Алексеевым на суде пред Особым присутствием Правительствующего сената 10-го марта 1877 года (Стенографический отчет).** [Б. м., б. г.] 4 стр. в 2 стб. (ЦГИА СССР, ф. 1410, оп. 1, д. 154, лл. 163—164).
2. Речь, произнесенная крестьянином Смоленской губернии Петром Алексеевым на суде пред Особым присутствием Правительствующего сената, 10 марта 1877 года. (Стенографический отчет). (Б. м., б. г.) 3 стр. в 2 столб (ЦГАОР СССР, ф. 109, 3-я экспедиция, 1877, д. 144, ч. 270, лл. 4—5; ЦГИА СССР, ф. 1410, оп. 1, д. 131, лл. 598—599).
3. Речь рабочего Петра Алексеева. [С послесловием издателей] [СПб., тип. А. Н. Аверкиева и Н. А. Кузнецова, 4 стр.; стр. 1—3 — в 2 стб. (ГБЛ)].
4. Речь крестьянина Смоленской губернии Сычевского уезда деревни Новинской Петра Алексеева. [Женева], тип. газеты «Работник», [после 10 марта 1877 г.] (ЦГАОР СССР, ф. 109, 3-я экспедиция, д. 144, ч. 270, л. 71).
5. Речь, произнесенная крестьянином Смоленской губернии Петром Алексеевым в Особом присутствии Правительствующего сената 10 марта 1877 г. Женева, тип. журнала «Набат» [1877 г.] 8 стр. Без тит. л. и обл. (ЦГАОР СССР, ф. 109, 3-я экспедиция, 1877, д. 144, ч. 270, л. 70).
6. Речь, произнесенная крестьянином Смоленской губернии Петром Алексеевым, на суде, пред Особым присутствием Правительствующего сената 10 марта 1877 г. (Стенографический отчет). — «Общее дело». Женева, 1877, № 1, май, 9, стр. 14—15 (ГБЛ).
7. Речь Петра Алексеевича Алексеева. — «Вперед», 1877, т. 5, разд. 2, стр. 30—35 (ГБЛ).
8. Речь Петра Алексеева, одного из осужденных по процессу 50-ти социалистов, произнесенная им на суде перед Особым присутствием Правительствующего сената, 10 марта 1877 г. [С предисловием издателей]. СПб., [изд. о-ва «Земля и воля»]. С.-Пб. вольная тип., 1878, 20 ноября. 8 стр. Без тит. л. (ГБЛ).
9. Речь П. А. Алексеева. [С предисл. Г. В. Плеханова]. Женева, изд. Рус. с.-д. союза, [тип. группы «Освобождение труда»], 1889. 13 стр. (Рабочая б-ка. Вып. 3) (ГБЛ).
10. Речь, произнесенная крестьянином Смоленской губернии, Петром Алексеевым на суде, перед Особым присутствием Правительствующего сената. [10 марта 1877 г. Стенографический отчет]. Женева, М. Элиидин, тип. «Общего дела», 1891. 13 стр. (Библиотека ИМЛ).
11. Речь Петра Алексеева. — «Русский рабочий», 1895, № 4, стр. 2—4 (ГБЛ).
12. Речи рабочих. 1) Речь П. Алексеева. 2) Речь Агапова. [С предисл. ред.]. Женева. [изд. «Союза русских социалистов-революционеров»], тип. Группы старых народолюбцев, 1895, 16 стр. Без обл. Отт. из «Русского рабочего», 1895, № 4 (Библиотека ИМЛ).
13. Речь Петра Алексеева. — В кн.: «Объяснение новых правил для рабочих по высочайше утвержденному закону 1 января 1896 года» [СПб., изд. и тип. «Группы народолюбцев», 1896], стр. 51—56 (ГБЛ).
14. Речь ткача Петра Алексеевича Алексеева, произнесенная им в заседании Особого присутствия Сената, 10-го марта 1877 г. — В кн.: «Русский ткач Петр Алексеевич Алексеев». [Лондон], 1900, стр. 23—29 (ГБЛ).
15. Две речи П. А. Алексеева и Варлена. Женева, тип. Заграничной лиги рус. революц. социал-демократии, 1901. 24 стр. (Рабочая б-ка. Серия 2, вып. 2) (ГБЛ).
16. Речь Петра Алексеева. — «Народные листки», Женева, 1901, № 4, стр. 4—12 (ГБЛ).
17. Речь Петра Алексеева. — «Народные листки». Женева, 1902, № 4, стр. 6—13 (ГБЛ).
18. Речь Петра Алексеева. — В кн.: «Социал-демократический календарь на 1902 год». Женева, 1902, стр. 78—82 (ГБЛ).
19. Речь на суде. Женева, Г. А. Куклин, 1903. 7 стр. (Б-ка рус. пролетария. № 12) (ГБЛ).
20. Речь ткача Петра Алексеева. [Лондон], соц.-дем. группа «Практическая работа», 1905. Без обл. (ГБЛ).

* В описаниях изданий приводятся сведения, имевшиеся в литературе до настоящего исследования.

** Дата 10 марта, повторяющаяся в нелегальных изданиях, ошибочна. Речь была произнесена 9 марта (см. «Революционное народничество», т. I. М., 1964, стр. 429).

З. Х. Саралиева

ИСТОЧНИКИ О РОЛИ БИБЛИОТЕК
В РАСПРОСТРАНЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ
МАРКСИЗМА В РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ РОССИИ
(1895—1917 гг.)

«Капитал» Карла Маркса, с созданием которого, по словам В. И. Ленина марксизм выступил во всеоружии теории¹, сыграл огромную роль в истории российского освободительного и революционного движения. Наряду с «Капиталом» широкое признание в рабочем движении России получили другие экономические работы К. Маркса — «Наемный труд и капитал», «К критике политической экономии», «Заработная плата, цена и прибыль», а также произведения Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Многие рабочие приступали к изучению экономической теории К. Маркса по популярным изложениям «Капитала», как в переводах, так и написанным русскими революционерами. Но поскольку в 1895 г. царская цензура запретила издание популярных изложений «Капитала»², до 1905 г., за очень редким исключением, это было делом нелегальным, незаконным, осуществляемым чаще всего за границей.

К наиболее распространенной в России экономической популярной переводной литературе принадлежали: брошюра польского социалиста Ш. Дикштейна «Кто чем живет?», впервые изданная на русском языке в 1885 г.³ (в годы первой русской революции огромными тиражами выпускалась на украинском, армянском, эстонском, еврейском, грузинском языках); «Экономические учения Карла Маркса» К. Каутского, небольшой памфлет «Пауки и Мухи» В. Либкнехта, издававшийся брошюрой или листовкой тысячными тиражами на русском, эстонском, еврейском, грузинском языках; брошюры Б. Шапиро «Труд и капитал», П. Лафарга «Религия капитала», изложение 1-го тома «Капитала» Г. Девиля, отредактированное Ф. Энгельсом и др.⁴

Первая популяризация «Капитала» на русском языке — брошюра А. Н. Баха «Царь-голод» (Казань, 1883, гектограф). Она много раз издавалась за границей и в России⁵ (в 1905—1907 гг. — под заголовком «Экономические очерки»), расходилась в сотнях тысяч экземпляров. Из лекций и конспектов, по которым проводились занятия по политиче-

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 169.

² В 1898 году начальник Главного управления по делам печати, выступая против популяризации «Капитала», заявил: «Кто хочет ознакомиться с К. Марксом, пусть одолевает его в собственном его виде» (*Л. Полянская*. Архивный фонд Главного управления по делам печати. — «Литературное наследство». 1935, № 22—24, стр. 616).

³ Ш. Дикштейн. Кто чем живет? Женева, 1885. Переиздавалась неоднократно, в том числе под названиями «Как люди живут», «Чем люди живут».

⁴ «Экономические учения Карла Маркса в популярном изложении К. Каутского», вып. 1. Женева, 1888; В. Либкнехт. Пауки и Мухи. СПб., [Б. г.]; [Б. Шапиро.] «Труд и капитал. Первоначальные сведения по политической экономии». СПб., 1893. П. Лафарг. Религия капитала. [Б. м.]; 1888; «Капитал». Изложение I тома «Капитала» Маркса. [Б. м.], 1885.

⁵ А. Н. Бах. Царь-голод. [Б. м.] 1895; О ней см.: А. Н. Бах. Записки народовольца. М., 1926, стр. XVI, 74.

ской экономики в тульских социал-демократических кружках, возник «Краткий курс экономической науки» А. Богданова. До 1917 г. книга выдержала девять изданий⁶. Определенную роль в марксистском самообразовании передовых рабочих сыграла выпущенная в 1908 г. И. Чернышевым «Памятная книжка марксиста»⁷. Отрывки из томов «Капитала» составили почти половину этой книги. Но, пожалуй, самой краткой и самой распространенной в рабочем движении популяризацией «Капитала» была Программа РСДРП, в общей части которой излагались основы экономической теории К. Маркса.

Вопросы распространения «Капитала» Маркса и пропаганды его идей в российском рабочем движении, изучения экономической теории марксизма пролетариатом России частично освещались в работах по истории марксизма в России⁸, но в специальных монографиях отражения еще не нашли. Между тем исследование этих вопросов обеспечивается широким кругом источников⁹. Некоторые группы этих источников изучены еще слабо или совсем не рассматривались исследователями. К их числу относится ряд фондов ЦПА ИМЛ.

Одним из источников по нашей теме является марксистская, большевистская печать — центральная и местная (легальная и нелегальная), а также листовки социал-демократических, большевистских организаций. Как в них пропагандировался и популяризовался «Капитал» в литературе еще не рассматривалось¹⁰.

Значительные сведения для раскрытия проблем изучения экономического учения К. Маркса пролетариатом России содержат программы политической пропаганды, получившие широкое распространение в подпольных марксистских кружках (большая коллекция их находится в Фонде архивного хранения Библиотеки ИМЛ при ЦК КПСС (БИМЛ ФАХ), некоторые удалось найти в архивах), библиографические указатели социал-демократической литературы, каталоги публичных, городских, земских и принадлежавших различным профессиональным и просветительным обществам библиотек. Исследуя этот вопрос, автор пришел к выводу, что целая группа источников — каталоги библиотек, годовые отчеты об их деятельности, книги регистраций новой литературы, сведения о количестве читателей и выданных книгах, списки об изъятии из обращения запрещенных сочинений, читательские абонементы и, наконец, полицейские документы о ревизиях и обысках в библиотеках, об арестах их сотрудников — до сих пор не рассматривалась под таким углом зрения. В литературе о произведениях марксизма в библиотеках России¹¹, во-

⁶ А. Богданов. Краткий курс экономической науки, изд. 9-е. М., 1906.

⁷ В. И. Ленин назвал эту книгу полезным сводом цитат из ряда сочинений Маркса. — См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 90.

⁸ См. Ю. З. Полевой. Зарождение марксизма в России. 1883—1894 гг. М., 1959; «Из истории распространения марксистско-ленинских идей в Узбекистане». Сборник материалов. Ташкент, 1962; М. С. Бурабаев. Начало распространения марксистско-ленинских идей в Казахстане. Алма-Ата, 1961; В. Ю. Самедов. Распространение марксизма-ленинизма в Азербайджане, ч. I—II. Баку, 1962, 1966 и др.

⁹ См. об этом З. Х. Саралиева. Распространение и пропаганда «Капитала» К. Маркса в рабочем движении России (1895—1917 гг.). Автореферат кандидатской диссертации. М., 1970.

¹⁰ Исключение составляют материалы в указанных работах В. Ю. Самедова и З. Х. Саралиевой.

¹¹ См. А. Киртока. Марксистско-ленинская литература в библиотеках Молдавии в дооктябрьский период (1845—1917). Кишинев, 1963; «История Государственной ордена Трудового Красного Знамени публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина». Л., 1963; В. Ю. Самедов. Произведения марксизма в легальных библиотеках Азербайджана. — «Ученые записки Азербайджанского государственного университета». Серия истории и философии, 1968, № 2; Н. Я. Макиев. Произведения К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина в библиотеках Баку (1907—1914). — «Труды Института истории партии ЦК КП Азербайджана». Баку, 1967; Г. С. Тиломиров. Из истории издания и распространения «Капитала» Маркса в России. — «Сборник статей и материалов по книговедению». Л., 1970.

первых, не выделяется специально вопрос о «Капитале» и экономических произведениях марксизма, и, во-вторых, исследование ограничивается обычно изучением каталогов легальных библиотек.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы привлечь внимание к документам библиотек и о библиотеках, в которых содержатся чрезвычайно ценные сведения о роли библиотек в распространении экономического учения марксизма в рабочем движении России в 1895—1917 годах.

При написании статьи были использованы документы фондов Центрального Комитета КПСС, Комитета зарубежных организаций РСДРП, Истпарт отдела ЦК ВКП(б), Женевской библиотеки РСДРП, библиотеки Г. А. Куклина, М. Г. Цхакая (ЦПА ИМЛ, ф. 17, 351, 70, 32, 33, 157); Главного управления по делам печати (ЦГИА СССР, ф. 776); Департамента полиции МВД, Министерства юстиции, Московского охранного отделения (ЦГАОР СССР, ф. 102, 124, 63); Киевского губернского жандармского управления, Канцелярии Киевского прокурора (ЦГИА УССР, ф. 274, 317); Нижегородской городской общественной библиотеки, Общества по распространению начального образования в Нижегородской губернии, Губернского комитета Нижегородского попечительства о народной трезвости, Нижегородского уездного комитета попечительства о народной трезвости, Нижегородского губернского жандармского управления, Нижегородского губернского охранного отделения, Нижегородского полицейского управления, Арзамасского, Ардатовского, Балахнинского уездных полицейских управлений, Канцелярии прокурора Нижегородского окружного суда, Канцелярии Нижегородского губернатора (ГАГО, ф. 568, 398, 718, 719, 918, 342, 333, 332, 334, 179, 2).

Кроме документальных материалов, среди источников, положенных в основу статьи, значительное место занимают печатные каталоги Киевской городской публичной библиотеки, Тульской общественной библиотеки, Томской городской публичной библиотеки, Никопольской общественной библиотеки, Одесской городской публичной библиотеки, Кишиневской общественной библиотеки, Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина¹².

Наконец, для характеристики роли нелегальных библиотек пришлось привлечь и опубликованные воспоминания. Нужно иметь в виду, что только комплексное изучение использованных материалов может дать полное представление о том, что из марксистской экономической литературы было в библиотеках России и как она доходила до рабочего читателя.

Большевистская партия на всех этапах развития пролетарского движения ставила целью донести, распространить среди рабочих произведения марксизма. Лучшие силы большевики отдавали пропаганде экономической теории К. Маркса. Пути в достижении этой цели избирались различные. Одним из них были библиотеки — городские, публичные, уездные, земские, бесплатные народные читальни, профсоюзные, обществ грамотности и попечительств о народной трезвости, широкая сеть нелегальных социал-демократических библиотек, большевистские библиотеки в эмиграции.

Перейдем непосредственно к характеристике основных источников по нашей теме.

Важнейшим источником, из которого можно почерпнуть основные сведения о наличии марксистской литературы в городских библиотеках, является печатный каталог. К большому сожалению, даже в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина коллекция печатных каталогов городских публичных библиотек дореволюционной России недостаточна. Представлены далеко не все даже крупные библиотеки; каталоги некоторых

¹² Сведения о Кишиневской общественной библиотеке приводятся по указанной книге А. Киртока; о ГПБ — по «Истории Государственной ордена Трудового Красного Знамени публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина».

библиотек имеются лишь за отдельные годы. В силу этих причин приводимые сведения о библиотеках на основе печатных каталогов носят выборочный характер.

Прежде всего следует отметить, что в ряде каталогов конца 90-х годов XIX в. и даже первых лет XX в. рубрики «политическая экономия» нет, и экономическую, в том числе марксистскую, литературу нужно искать в отделах «Правоведение и обществоведение» или «Обществоведение»¹³.

Как показывают каталоги, русский перевод I тома «Капитала» появился в библиотеках почти сразу же после его выхода в свет. 6 апреля 1872 года экземпляр I тома был передан в Читальный зал публичной библиотеки Петербурга¹⁴. Нижегородская городская публичная библиотека получила этот том в 1876 году¹⁵. Но «Капитал» не значился, например, в каталоге 1899 г. Тульской общественной библиотеки, 1901 г. — Томской городской публичной библиотеки, 1903 г. — Киевской городской публичной библиотеки, 1906—1909 гг. — Никопольской общественной библиотеки¹⁶.

В то же время Тульская библиотека имела «Экономические этюды и статьи» В. И. Ленина, «Краткий курс экономической науки» А. Богданова, книгу Н. Зиберера «Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях», сочинения А. Смита¹⁷. Киевская библиотека располагала работами К. Маркса «К критике политической экономии», «Заработная плата, цена и прибыль», книгой «Развитием капитализма в России» В. И. Ленина, брошюрой «Труд и капитал»¹⁸. Никопольская библиотека имела богатый политико-экономический отдел — здесь были «К критике политической экономии», «Нищета философии», «Наемный труд и капитал» К. Маркса, «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса, книги А. Богданова, Б. Шапиро, Ю. Мархлевского, «Богатство и труд» С. Г. Струмилина¹⁹.

Каталоги дают основание предполагать, что в ряде библиотек «Капитал» был, но его по цензурным соображениям не выдавали читателям. Так, в каталог Одесской публичной библиотеки за 1901 год I том (в трех изданиях 1872—1898 гг.), II и III тома «Капитала» были внесены, но против них стояла пометка о том, что они не подлежат выдаче вследствие изъятия из обращения²⁰. Вообще, в Одесской библиотеке экономическая марксистская литература представлена была очень широко — «Заработная плата, цена и прибыль», «К критике политической экономии» К. Маркса, «Экономические этюды и статьи» и «Развитие капитализма в России» В. И. Ленина, 4 из 9 изданий книги А. Богданова, «Труд и капитал»

¹³ «Каталог книг Томской городской публичной библиотеки», вып. 1. Томск, 1901; «Каталог Тульской общественной библиотеки», вып. 1. Тула, 1899.

¹⁴ «История Государственной ордена Трудового Красного Знамени публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина», стр. 100.

¹⁵ ГАГО, ф. 568, оп. 1781, д. 17, л. 13.

¹⁶ «Каталог Тульской общественной библиотеки», вып. 1; «Каталог книг Томской городской публичной библиотеки», вып. 1; «Каталог Киевской городской публичной библиотеки 1866—1903 гг.» Киев, 1904; «Систематический каталог Никопольской общественной библиотеки», вып. 1. Никополь, 1909.

¹⁷ «Каталог Тульской общественной библиотеки», вып. 1, стр. 49, 51, 52, 55.

¹⁸ «Каталог Киевской городской публичной библиотеки. 1866—1903», стр. 577, 579, 584, 596, 610.

¹⁹ «Систематический каталог Никопольской общественной библиотеки», вып. 1. Никополь, 1909, стр. VII—VIII, стр. 29, 30, 31, 37.

²⁰ «Каталог Одесской городской публичной библиотеки», т. 1. Одесса, 1901, стр. 165. В 1884 и 1894, 1903 гг. I—II тома «Капитала» были внесены в списки запрещенной к выдаче в библиотеках литературы. Первая русская революция вернула «Капитал» на библиотечные полки и в читальные залы. В феврале 1907 г. Министерство внутренних дел вынуждено было специальным циркуляром отменить прежние запрещения. — «Алфавитный указатель произведений печати, запрещенных к обращению в публичных библиотеках и общественных читальнях. Составлен в Главном управлении по делам печати по 1 октября 1903 г.» СПб., 1903, стр. 14; ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 21, ч. I, д. 751, л. 68.

Б. Шапиро и др.²¹ Библиотека имела также изложение 1, 2, 3 томов «Капитала» в киевском издании К. К. Череруль-Куша, I том в изложении Г. Девиля, «Домашние библиотеки» А. В. Панова и др.²²

Не меньшую роль в приобщении рабочего класса к марксистской науке играли уездные земские библиотеки, бесплатные народные читальни, многие из которых, как свидетельствуют их каталоги, по богатству разделов экономической литературы не уступали городским библиотекам. Открывались они и обслуживались обычно прогрессивными общественными деятелями, социал-демократами, большевиками.

О собраниях книг библиотек этого уровня дает представление каталог Сормовской бесплатной земской библиотеки-читальни им. И. С. Тургенева за 1909 год. По отделу «Политическая экономия» в нем среди других книг значились: К. Маркс — «Капитал», т. I, 1906 г., издание О. Н. Поповой — 1 экз., «Наемный труд и капитал», «Речь о свободе торговли»; Ф. Энгельс. «К критике политической экономии»²³, «Жилищный вопрос»; А. Богданов. «Краткий курс экономической науки», Б. Шапиро. «Труд и капитал»; К. Каутский. «Карл Маркс», «Очерки и этюды по политической экономии», «Экономические учения Карла Маркса»²⁴. Сормовская бесплатная земская библиотека была сформирована из книг закрытого в 1907 г. за нелегальную деятельность крупнейшего в Нижегородской губернии профессионального общества рабочих Сормовского завода. Читальню профсоюзной библиотеки посещало в день в среднем 24 человека, а на дом за 6 месяцев выдали 14 201 экземпляр книг по 1020 абонеентам. «Симпатиями публики пользовалась литература по беллетристике, политической экономии и рабочему вопросу», — говорилось в отчете профсоюза за первое полугодие 1907 г.²⁵

Богатейшей библиотекой, судя по ее каталогу, располагали Пречистенские рабочие курсы — первый рабочий университет в Москве, воспитавший за два десятилетия своей деятельности огромную армию рабочих. Библиотека насчитывала более 8 тысяч книг и включала тома «Капитала» К. Маркса, другие его экономические и исторические работы, произведения Ф. Энгельса, В. И. Ленина, а также Д. Рикардо, А. Смита, А. Богданова, К. Каутского и др.; пользовались ею практически рабочие всей Москвы²⁶.

Очевидно существенное дополнение к полученным сведениям дали бы каталоги библиотек профессиональных союзов, комитетов попечительства о народной трезвости, обществ грамотности, вечерних школ, рабочих курсов и т. д., которые обнаружить пока не удалось.

Но было бы ошибочным полагать, что в каталогах исследователь найдет исчерпывающие сведения о наличии марксистской экономической литературы в той или иной библиотеке. В ряде случаев неполнота каталогов объяснялась цензурными ограничениями. В силу этого материалы сохранившихся каталогов необходимо дополнить другими категориями источников.

Представление о собраниях экономической марксистской литературы и о том, что за комплектованием ею фондов библиотеки следили постоянно,

²¹ «Каталог Одесской городской публичной библиотеки», т. I, стр. 151, 159, 160, 165, 181; т. III. Одесса, 1903, стр. 42.

²² Там же, т. V. Одесса, 1910, стр. 112, 113, 122, 367.

²³ В изданиях 1905 г. перевод работы Ф. Энгельса «Наброски к критике политической экономии» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I) был озаглавлен «К критике политической экономии» (2-е изд., пер. с нем. М. Лемберга. СПб., «Молот», 1905; Одесса, «Молот», 1905). Во II томе сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изданном в 1931 г., эта работа была названа «Очерки критики политической экономии».

²⁴ ГАГО, ф. 334, оп. I, д. 1363, лл. 5 об., 11 об., 15 об., 59.

²⁵ «Революционное движение в Нижнем Новгороде и Нижегородской губернии в 1905—1907 гг.». Сборник документов и материалов. Горький, 1955, стр. 491, 492.

²⁶ «Пречистенские рабочие курсы. Первый рабочий университет в Москве». Сборник статей и воспоминаний. М., 1948, стр. 94; «Каталог библиотеки при Пречистенских классах для рабочих». М., 1911, стр. 1, 117, 118, 122, 123, 128 и др.

дают такие архивные документы, как списки новых книжных поступлений. Из подобного списка Нижегородской городской публичной библиотеки за 1906 г. узнаем, что получены были только что разрешенные к изданию в России «От утопии к науке» и «К критике политической экономии» Ф. Энгельса, «Нищета философии» и «Наемный труд и капитал» К. Маркса, «Экономическое учение Карла Маркса» Каутского, «Экономические очерки» А. Н. Баха, изложение 1—3 томов «Капитала», выпущенное в Киеве, «Труд и капитал» Б. Шапиро, «Кто чем живет?» Дикштейна, «Что такое политическая экономия?» Мархлевского²⁷. Чтобы удовлетворить интерес читателей к этой литературе, к «Капиталу» прежде всего²⁸, библиотеки должны были приобретать новые его издания.

Существовали еще списки литературы, которую библиотеки считали нужным выписать. Эти списки в отличие от списков новых поступлений являются косвенным свидетельством о наличии книг в библиотеках, так как не все внесенное в них приобреталось. Например, библиотеки, находившиеся в ведении различных обществ, подавали списки выписываемой литературы на утверждение в комитеты этих обществ. Нередко в списках обнаруживали «тенденциозные», революционные произведения. В этих случаях подобные списки передавались в полицейские управления. Поэтому чаще всего их можно найти не в фондах библиотек или обществ, а среди полицейских документов в местных архивах.

Очень большую просветительную работу среди пролетариата проводили комитеты попечительства о народной трезвости. На их средства библиотеки создавались повсеместно, вплоть до чайных, где широко практиковалась бесплатная раздача книг рабочим. Очень многие из этих библиотек создавались при непосредственном участии рабочих, а возглавлялись обычно учителями, партийной интеллигенцией. Большинство этих библиотек работали в тесной связи с большевистскими организациями, часто служили легальной ширмой их подпольной деятельности.

В 1911 году в одном из рапортов Нижегородской полиции говорилось, что «большинство чайных лавочек. . . выписывает газеты и журналы большею частью левого направления, ложно освещающих действия и распоряжения правительства»²⁹. В списках выписываемых в эти библиотеки книг находим — для Оранской чайной «Краткий курс экономической науки» А. Богданова (книга А. Богданова входила в так называемые летучие библиотеки из 18 названий, которые раздавались городским комитетом трезвости различным легальным и полулегальным обществам)³⁰; для Фроловской народной библиотеки — «Царь-голод» А. Баха; для Терюшевской волостной библиотеки — «Экономическое учение Карла Маркса» Каутского, «Богатство и труд» Струмилина, «Общество будущего» А. Бебеля; для бесплатной библиотеки Городского комитета трезвости — 2-й том «Капитала» (1-й том «Капитала» у них был — З. С.), «Наемный труд и капитал» К. Маркса, «Экономические очерки» А. Баха³¹. Все списки на книги, заказанные библиотеками³² комитета попечительства о народной трезвости в 1909 году, губернатор отправил на отзыв директору

²⁷ ГАГО, ф. 568, оп. 1781, д. 81, лл. 5 об., 6, 8.

²⁸ По документам Кишиневской общественной библиотеки определено, что в 1903 г. «Капитал» был выдан 54 читателям; в Петербургской публичной библиотеке в 1907 г. «Капитал», «К критике политической экономии», «Анти-Дюринг» выдавались 31 раз (А. Куртова. Указ. соч., стр. 70; «История Государственной ордена Трудового Красного Знамени публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина», стр. 149).

²⁹ ГАГО, ф. 332, оп. 1, д. 121, л. 16.

³⁰ ГАГО, ф. 2, оп. 1, д. 402, л. 113.

³¹ ГАГО, ф. 719, оп. 222-а, д. 38, лл. 21, 32, 46 об.; ф. 2, оп. 1, д. 402, лл. 73, 111 об.

³² Литература, внесенная в списки, бралась из получивших широкое распространение социал-демократических справочников П. Л. Лебедева «Библиотека социал-демократа» и А. И. Лебедева «Что читать рабочим и крестьянам?», о чем свидетельствует полное совпадение последовательности книг при перечислении, указание места и года издания, издателей и переводчиков.

народных училищ И. А. Бойчевскому. Вот его заключение: «Рассмотрев 44 списка книг, которыми признают необходимым пополнить библиотеки, я, со своей стороны, не считаю пригодными для указанной цели следующие сочинения: «Политическая экономия» Богданова, «Экономическое учение Маркса» Каутского, «К еврейскому вопросу» Маркса, «Что такое рабочий день?» Бебеля. . . Одни из указанных сочинений не доступны для понимания читателя народных библиотек, другие — вводят его в круг совершенно чуждых ему явлений общественной жизни»³³.

В исследовании вопроса о том, какую часть читателей экономической марксистской книги составляли российские рабочие, большую роль играют такие документы, как отчеты библиотек и списки абонентов, хранящиеся в архивных фондах библиотек и соответствующих вышестоящих организаций.

Из городских публичных библиотек, которые выдавали книги по платным абонеентам, «Капитал» и другая экономическая литература через передовую интеллигенцию, студенчество, даже гимназистов, возглавлявших марксистские кружки, нередко попадали в руки рабочих. Со временем и сами передовые рабочие становились читателями городских библиотек. В списке абонентов Нижегородской городской публичной библиотеки за 1894 год мы обнаружили фамилию одного из пионеров сознательной пролетарской борьбы — П. А. Заломова³⁴.

Одним из показателей увеличения числа читателей из рабочего класса могут послужить данные о количестве бесплатных посетителей кабинета для чтения книг и зала для чтения газет, взятые из годовых отчетов Нижегородской городской общественной библиотеки: 1895 г. — 13292 человека, 1904 г. — 58261 человек, 1905 г. — 68746 человек, 1906 г. — 106750 человек³⁵.

В 1909 году в Нижегородской губернии работало 35 библиотек-читален, субсидируемых Обществом распространения грамотности. По отчетам его библиотек видно, что пользовались ими, главным образом, рабочие местных заводов, ремесленники, служащие железной дороги³⁶.

Богатейшие материалы о том, как была представлена революционная литература в библиотеках России и какую роль они сыграли в пропаганде марксизма, находим в архивах карательных органов царской империи. К ним относятся дела о хранении и распространении нелегальных и революционных изданий. Сосредоточенные в фондах Департамента полиции МВД, Министерства юстиции, жандармских, полицейских и охранных отделений сведения по интересующей нас теме сконцентрированы внутри каждого дела обычно в протоколах обысков, документах о привлекаемых лицах, обвинительных актах, описях вещественных доказательств.

В документах Департамента полиции за 1907 год есть дело «о хранении и распространении в Пушкинской библиотеке в г. Ярославле брошюры нелегального и революционного издания», по которому был арестован и приговорен к 3 годам крепости заведующий библиотекой В. М. Александров. Во время обыска у него нашли 220 брошюр «тенденциозного и революционного содержания», — среди них — «Полный сборник платформ всех русских политических партий», включающий Программу РСДРП, «Библиотеку социал-демократа» Пл. Лебедева, «Реферат о Карле Марксе» и др.³⁷ В Некрасовской библиотеке г. Ярославля работали члены Ярославского комитета РСДРП Б. Н. Клириков и В. И. Хрен-

³³ ГАГО, ф. 718, оп. 221-в, д. 110, лл. 76—77, 87. Далее Бойчевский осуждал тяготение к «легкому чтению» вообще и к беллетристике «таких антихудожественных и опошляющих жизнь новейших писателей как г. г. Горькие, Л. Андреевы, Купринь в частности» (там же, л. 77 об.).

³⁴ ГАГО, ф. 568, оп. 1781, д. 35, л. 602 об.

³⁵ Там же, д. 28, л. 181; д. 87, л. 23.

³⁶ Там же, ф. 398, оп. 1803, д. 1, лл. 94, 95 об., 99.

³⁷ ЦГАОР СССР, ф. 102, 7 дп, 1907, д. 6149, лл. 2, 5, 6, 7, 10—11.

кова. За хранение и распространение нелегальной литературы («Нужды деревни» В. И. Ленина, «Экономические очерки» Баха, «Кто чем живет?» Дикштейна) оба библиотекаря были высланы под надзор полиции³⁸. Революционная литература, в том числе и экономическая, как правило, имелась именно в тех библиотеках, которыми заведовали местные социал-демократы.

В документах Департамента полиции сохранилось дело о библиотеке закрытого в марте 1909 года профессионального общества ситце-печатных фабрик в г. Иваново-Вознесенске. По этому делу за распространение «преступных сочинений» среди рабочих привлекли 17 человек — председателя общества Г. Е. Дрягина, членов правления Н. Ф. Кузнецова, Г. Ф. Кудрякова, И. А. Касаткина, А. Е. Дворникова и др. Изъяты были: «Программа РСДРП», сборник «За 12 лет» В. И. Ленина, «Первое мая в России», номера газеты «Профессионал», 12 экз. «Библиотеки социал-демократа» Пл. Лебедева, «Что читать социал-демократу?» С. Струмилина, «Памятная книжка марксиста» И. Чернышева, «Карл Маркс» К. Каутского, «Науки и Мухи» В. Либкнехта³⁹.

С 1908 года Министерство внутренних дел стало особо строго следить за претворением в жизнь распоряжений о новых запрещениях и уничтожении революционной литературы, не особенно полагаясь при этом на работников самих библиотек. Губернским и уездным жандармским чинам предлагалось «проверить и обревизовать» существующие библиотеки «на предмет выяснения, не имеется ли в них изданий, воспрещенных к обращению»⁴⁰. Материалы ревизий — протоколы обысков библиотек, донесения, справки, заключения о найденной «преступной литературе» — очень ценный для нас источник. Из этих документов узнаем, какие экономические сочинения, подлежавшие изъятию, были в той или иной библиотеке. Вот какая предстает картина по материалам некоторых библиотек.

По распоряжению нижегородского губернатора в декабре 1910 года был произведен осмотр фондов Библиотеки в Народном доме, которой заведовал председатель совета общества Е. М. Ещин. В результате осмотра был сделан вывод: «Начиная с 1905 года и включительно по 1908 год, пополнение шло исключительно нелегальной литературой с преобладанием книг социального и политико-экономического характера»⁴¹. В прилагаемом рукописном списке на двадцать одной странице перечислялись названия книг, подлежащих изъятию из библиотеки; среди них значатся: «Наемный труд и капитал», «Цена, прибыль и заработная плата», «Речь о свободе торговли» К. Маркса, «Экономические очерки» А. Баха, «Экономическое учение Карла Маркса» Каутского, «Что такое рабочий день?», «Труд и капитал» Б. Шапиро, а также произведения В. Либкнехта, А. Бебеля, Ф. Меринга, П. Лафарга, Г. В. Плеханова⁴².

Уже упоминавшаяся нами Сормовская бесплатная земская библиотека была подвергнута полицейской «проверке» в 1911 году. Для «просмотра» отобрали 88 книг, которые были сочтены «тенденциозными». Производивший «отобрание» балахнинский уездный исправник доносил, что библиотекой «на земские деньги велась самая бесцеремонная пропаганда в течение двух лет»⁴³ (1909—1911 гг. — З. С.). В список изъятой литературы оказались внесенными «Капитал», «Наемный труд и капитал», «Речь о свободе торговли» К. Маркса, «Экономическое учение Карла Маркса» Каутского, «Пролог» и «Что делать?» Н. Г. Чернышевского⁴⁴. Заведующий биб-

³⁸ Там же, д. 6148, лл. 3, 4, 6, 7 — 7 об.

³⁹ Там же, ф. 102, 7 дп, оп. 206, 1909, д. 810, лл. 2, 5, 7, 9, 16, 16 об., 17, 17 об.; д. 807, лл. 34 об., 35, 37, 38.

⁴⁰ ГАГО, ф. 342, оп. 1, д. 3907, л. 45.

⁴¹ ГАГО, ф. 2, оп. 1, д. 402, л. 7.

⁴² ГАГО, ф. 2, оп. 1, д. 402, лл. 13 об., 14 об., 15, 16 об., 17, 18 об.

⁴³ Там же, л. 35.

⁴⁴ Там же, д. 401, лл. 81 об., 82 об., 86, 86 об., 87 об.

лиотекой токарь М. Н. Замошников за «умышленное распространение тенденциозной литературы» подлежал аресту, а библиотеку закрыли⁴⁵. В библиотеке Макарьевской уездной земской управы были обнаружены «Развитие капитализма в России» В. И. Ленина, «Начала политической экономии» Д. Рикардо, «Труд и капитал» Б. Шапиро, «Экономическое учение Карла Маркса» Каутского. В Безходарновской школьной библиотеке того же уезда — «Экономические очерки» Баха. Эта же брошюра была и в Пуреховской и Катунской библиотеках Балахнинского уезда. Книгу «Кто чем живет?» Ш. Дикштейна изымали из Лысковской народной библиотеки, из сельских библиотек — Успенской, Каменской, Ореховской, Шадринской и др.⁴⁶

Этот список библиотек и изъятой литературы во время подобных «ревизий», документы которых сосредоточивались, в основном, в канцелярии Нижегородского губернатора, можно продолжать. Но и приведенные сведения по уездным, сельским, школьным библиотекам дают право сделать вывод о том, что в них достаточно полно была представлена наиболее популярная экономическая литература. В известной мере, этот вывод можно распространить и на библиотеки других губерний, схожих с Нижегородской по уровню промышленного развития, по степени зрелости и размаха революционного, рабочего движения.

«Преступную литературу» нашли в 1911 году и в «Дешевой библиотеке в Тифлисе». Библиотека эта в 1905 году была куплена группой лиц — преподавателем 3-й мужской Тифлисской гимназии И. И. Пламеневским, нотариусом Л. Я. Мгебровым, учительницей О. С. Бегаловой и др. — у О. В. Берви, урожденной Кайдановой⁴⁷. В полицейском деле о библиотеке перечислены книги, взятые при обыске в помещении библиотеки и у ее сотрудников — «Капитал» 1907 г. (очевидно, II том — 3. С.), «Наемный труд и капитал» К. Маркса, «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, «Положение рабочего класса в Англии» Ф. Энгельса, сборник работ В. И. Ленина «За 12 лет», сборник «Памяти Карла Маркса» 1908 г., «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» Г. В. Плеханова, 17 брошюр С. Струмилина «Что читать социал-демократу?», «Экономические учения Карла Маркса» Каутского, 114 экз. указателя Пл. Лебедева «Библиотека социал-демократа», «Памятная книжка марксиста» И. Чернышева, 41 брошюра А. Баха. Обвинение «с несомненностью» приходило к выводу: «Дешевая библиотека и бывший при ней книжный склад служили центром распространения литературы, легальной по способу издания, но противоправительственной по своему содержанию»⁴⁸.

Документы говорят, что «изъятия» и «ревизия» обнаруживали в библиотеках нелегальные издания вплоть до 1914—1915 годов. К этому времени в списки запрещенной к выдаче в библиотеках или приговоренной к аресту и уничтожению литературы внесли почти все революционные издания, которые удалось напечатать в 1905—1907 годах. Тем не менее по обыску в Арзамасской общественной им. Некрасова библиотеке в мае 1914 года нашли «Наемный труд и капитал» К. Маркса, «Библиотеку социал-демократа» Пл. Лебедева, а каталог книг библиотеки за тот же год перечислял исторические работы К. Маркса и Ф. Энгельса, «Развитие

⁴⁵ ГАГО, ф. 179, оп. 1, д. 667, лл. 58 об., 342—342 об., 343—343 об., 353.

⁴⁶ ГАГО, ф. 2, оп. 1, д. 401, лл. 191, 184 об., 45, 45 об., 48, 181 об., 171.

⁴⁷ ЦГАОР СССР, ф. 102, 7 дп, 1911, д. 1125, лл. 9, 10, 43. В 1928 году О. В. Кайданова напечатала свои воспоминания об А. М. Горьком, где рассказала и о библиотеке, о той работе, которую проводили с рабочими — в частности, вывешивали рекомендательные списки книг: «Для того, чтобы помочь читателю вдуматься в содержание и смысл прочитанного, мы составляли вопросы к книгам, которые приклеивали на последней странице каждой книги. . . Читатели давали как устные, так и письменные ответы на эти вопросы, иные приносили нам целые тетради своих ответов». В разное время в актив библиотеки входили А. М. Лежава, М. И. Калинин («Красный библиотекарь», 1928, № 7, стр. 38).

⁴⁸ ЦГАОР СССР, ф. 102, 7 дп, 1911, д. 1125, лл. 17 об., 20, 21 об., 22 об., 30 об., 33, 36, 48.

капитализма в России» В. И. Ленина, I том «Курса политической экономии» А. Богданова и И. Степанова, «Экономические учения Карла Маркса» К. Каутского⁴⁹. Собиралась коллекция марксистской литературы в Арзамасской библиотеке учителем городского училища Н. М. Козыревым, который принадлежал «к преступному сообществу местной Арзамасской группы РСДРП», за что и был арестован и сослан еще в 1907 году⁵⁰.

Из документов Московского охранного отделения периода империалистической войны, когда под запретом была деятельность почти всех демократических и общественных организаций, узнаем о создании в Москве «Комитета для снабжения раненых воинов произведениями печати». В лазареты России к весне 1915 года было отправлено с его склада 300 000 книг. Поступили они в качестве пожертвований от книгоиздательств и частных лиц. В состав комитета входил А. А. Левенсон, в типографии которого большевики печатали три тома «Капитала» в 1907—1909 годах. В марте 1915 года Московская охранка получила сведения о том, что в библиотеке «Комитета» имеются запрещенные и тенденциозные книги. С обыском не замедлили и изъяли 183 книги, среди которых были: «Наемный труд и капитал» К. Маркса, «К критике политической экономии» Ф. Энгельса, «Манифест Коммунистической партии», «Чего хотят социал-демократы» Ж. Гедэ и П. Лафарга, «Экономические очерки» А. Баха, «Что читать социал-демократу?» С. Струмилина и др.⁵¹

Все рассмотренные выше документы характеризуют работу легальных библиотек России. Но короток был срок легальных возможностей распространения по российским библиотекам марксистской экономической литературы. Наиболее верным средством обеспечения ею рабочего движения на протяжении всех дореволюционных лет оставались нелегальные библиотеки. Несмотря ни на какие репрессии, нелегальные библиотеки, даже в самые трудные для рабочего движения времена, были средоточием политического воспитания трудящихся масс, постоянным источником знакомства рабочих с марксизмом, его экономической теорией. О литературе, имевшейся и распространявшейся этими библиотеками, узнаем из воспоминаний старых большевиков и деятелей рабочего движения, а также из полицейских документов.

В найденном при аресте в 1896 г. у одного из членов Киевского нелегального общества рабочих и мастеровых слесаря Д. Э. Полякевича «Уставе кассы» так обосновывалась необходимость создания библиотек: «Человек без знания — все равно, что слепой в лесу. Ударится он лбом о дерево, отскочит, пойдет в другую сторону и снова ударится. Так вот и мы все бились в своей жизни, а дороги настоящей не видели. . . Поэтому нам нужно иметь библиотеку, в которой были бы все полезные для нас книги»⁵².

Были ли они заводские, кружковые, комитетские или отдельных членов большевистских организаций, нелегальные библиотеки всегда имели десятки, а то и сотни читателей. По-разному создавались эти библиотеки. В 90-е годы распространена была отправка из Москвы и Петербурга популярных библиотек на заводы и фабрики в провинции. Книги для них приобретались на средства студенческих землячеств. С 1896 г. в эти библиотеки включали ленинскую брошюру «Объяснение закона о штрафах», «Кто чем живет?», «Царь-голод»⁵³. У члена петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» П. К. Запорожца при аресте нашли тетрадь с записью книг, купленных им в октябре—ноябре 1895 г. для попол-

⁴⁹ ГАГО, ф. 918, оп. 1, д. 965, лл. 16 об., 79—80, 88 об., 89 об., 90—91, 128 об.

⁵⁰ ГАГО, ф. 333, оп. 1, д. 60, лл. 3, 5, 19.

⁵¹ ЦГАОР СССР, ф. 63, оп. 20, 1915, д. 179, лл. 2, 4, 4 об., 5—8.

⁵² ЦГИА УССР, ф. 317, д. 1173, лл. 215 об., 217.

⁵³ «20 лет рабочей организации РСДРП—РКП(б). Муром, Кулебаки, Выкса». М.—Пг., 1923, стр. 166.

нения народных библиотек; в их числе значились «Ткачи» — 10 экземпляров, «Рабочий день» — 20 экземпляров, «Царь-голод» — 10 экземпляров⁵⁴. В Казани нелегальная библиотека первых социал-демократических кружков составлялась из «экспропрированных» книг «офицерской» библиотеки при Казанских пороховых заводах. А. М. Стопани брал оттуда книги и журналы, вырезал из них статьи и материалы по рабочему вопросу, а потом вставлял недостающие страницы из «базарной» литературы, аккуратно обрезал и сдавал в библиотеку⁵⁵. Иногда книги присваивали из общественных библиотек, уплатив штраф «за утерю»⁵⁶. Привозили книги и из-за границы. Создавали книжные лавочки и магазины, через которые удавалось закупать и нелегальную литературу. В Иваново-Вознесенске летом 1895 года социал-демократический кружок через книжную лавочку, основанную С. П. Шестерниным, пополнил свою библиотеку I—II томами «Капитала», брошюрой К. Каутского, сочинениями Д. С. Милля, Д. Рикардо и т. д.⁵⁷

И воспоминания революционеров, и полицейские архивные документы свидетельствуют, что нередко личные библиотеки, состоящие в основном из нелегальной литературы, отдавались в распоряжение рабочих кружков, организаций. На Балтийском заводе в Петербурге в 90-е годы более 3 лет вел пропаганду слесарь И. И. Тимофеев. У него была большая библиотека, около 1000 книг, в том числе и нелегальные — «Кто чем живет?», «Экономические учения Карла Маркса». Сначала давал книжки читать, сам читал вслух рабочим в обеденный перерыв, потом стали собираться у него на квартире, начались занятия⁵⁸. Рабочий Мотовилихинского завода Пермской губернии В. А. Плюснин в 1900 г. давал читать нелегальную литературу своим товарищам. При аресте у него нашли записную книжку с пометками о выдаче книг — «Царь-голод», «Что нужно знать и помнить каждому рабочему»⁵⁹. В Киеве в 1908 году за распространение «путем выдачи для чтения из содержимой тайно от полиции библиотеки брошюр, возбуждающих к ниспровержению существующего в государстве общественного строя», арестовали Х. Антоновского и П. Шабодоша. В их библиотеке оказалось более 1000 книг. В момент обыска в помещении, отделенном под библиотеку, находилось 10 человек, пришедших обменять книги. В библиотеке имелись «Речь о свободе торговли», «К критике политической экономии» К. Маркса, «Карл Маркс. Критический очерк его учения» Розы Люксембург, «Нужды деревни» В. И. Ленина, «Русский рабочий в революционном движении» Г. В. Плеханова, «Экономические очерки» А. Баха⁶⁰. В 1914 году служащий ветеринарной станции г. Астрахани Д. В. Курдин — член РСДРП — давал читать свои книги и брошюры матросам. При обыске у него обнаружили библиотеку из 150 названий, включая «Наемный труд и капитал» К. Маркса, «К критике политической экономии» Ф. Энгельса, «Аграрный вопрос и «критика Маркса» В. И. Ленина, «Как люди живут?» Ш. Дикштейна, «Экономические очерки» А. Баха, «Труд и капитал» Б. Шапиро⁶¹.

Несмотря на массовые аресты и разгром большого числа социал-демократических, большевистских организаций в период реакции, подпольные библиотеки удавалось уберечь — хранились они обычно не в одном

⁵⁴ С. Неверова-Шестернина. П. К. Запорожец. — «Старый большевик», 1933, № 2 (5), стр. 138—139.

⁵⁵ А. К. Петрова. Первые социал-демократические рабочие кружки в Казани. — «Пролетарская революция», 1923, № 2(14), стр. 588.

⁵⁶ «Из истории нелегальных библиотек революционных организаций в царской России». М., 1955, стр. 65.

⁵⁷ С. П. Шестернин. Пережитое. Из истории рабочего и революционного движения. 1880—1900. Иваново, 1940, стр. 101, 126.

⁵⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 3, д. 193, л. 10.

⁵⁹ ЦГАОР СССР, ф. 124, оп. 9, 1900, д. 501, л. 13.

⁶⁰ ЦГИА УССР, ф. 274, оп. 1, д. 2382, лл. 1 об., 2, 3, 7, 8—9.

⁶¹ ЦГАОР СССР, ф. 102. 00, 1914, д. 5, ч. 5, лит. Б, лл. 8—8 об., 10—10 об.

месте, а поделенными на части у нескольких членов организаций; тайники для книг и брошюр оборудовались на заводах в ящиках для инструментов, под полом, в станках, а зимой даже в снегу во дворах.

Нередко в годы революционного подъема именно подпольные большевистские библиотеки становились центром возрождаемой политической работы. Так было, судя по воспоминаниям активистов библиотеки, в Кунгуре Пермской губернии. Читателям предлагался следующий порядок самостоятельного чтения: художественная литература, «Пауки и Мухи», «Царь-голод», «Краткий курс политической экономии» А. Богданова, «Курс политической экономии» А. Богданова и И. Степанова. В списке книг Кунгурской библиотеки за 1912—1917 годы находим «Наемный труд и капитал», «К критике политической экономии», I и III тома «Капитала» К. Маркса (большевистского издания 1907—1909 гг.), «Манифест Коммунистической партии», «Развитие капитализма в России» В. И. Ленина, «Программу РСДРП», «Экономические учения Карла Маркса» Каутского⁶².

Значительную лепту в политическую, идеологическую работу партии вносили библиотеки, созданные большевиками в эмиграции. Из документов этих библиотек сохранились каталоги, списки вновь поступавшей литературы, отчеты о работе, списки абонентов, абонементы читателей и др. Материалы двух крупнейших библиотек — Женевской библиотеки РСДРП и библиотеки им. Г. А. Куклина — сосредоточены в их фондах в Центральном партийном архиве ИМЛ. Поэтому целесообразнее попытаться воссоздать их деятельность на основе всей совокупности документов, а не вести изложение по отдельным их категориям, как это делалось в отношении легальных библиотек.

В 1904 году при непосредственном участии В. И. Ленина в Женеве были созданы «Библиотека и архив ЦК РСДРП». Для публичного пользования библиотеку открыли в начале июля 1904 года на улице Каруж^{62а}. Документы библиотеки показывают, что с первых же месяцев о ней стало широко известно и за границей, и в России, а ее книжные фонды быстро пополнялись. В ноябре 1904 года в списках новых книжных поступлений назывались «Капитал», т. I, «Наемный труд и капитал» на русском и немецком языках, лондонское издание брошюры Дикштейна «Кто чем живет?»⁶³. Библиотека пополнялась — постоянно присылали книги различные издательства из России, передавали книги частные лица. В отчете библиотеки Центральному Комитету за 15 июня — 1 июля 1905 года приводились следующие цифры: в библиотеке 7916 томов книг, 75 абонентов, поступило 344 книги, среди которых 3-й том «Капитала», «Краткий курс экономической науки» А. Богданова 1897 года издания, «Манифест Коммунистической партии» на французском языке и др.⁶⁴ В августе 1905 года на полках библиотеки стояло уже 9119 книг, появился русский перевод I тома «Капитала» 1898 года, шесть экземпляров «Экономического учения Карла Маркса» К. Каутского⁶⁵.

В 1906 году «Библиотека и архив РСДРП» прекратили работу. В 1906—1917 гг. в Женеве действовала библиотека РСДРП им. Г. А. Куклина⁶⁶ (ее бессменным руководителем был В. А. Карпинский). Она была библиотекой всей русской революционной эмиграции. В алфавитном списке читателей библиотеки мы насчитали 1737 человек, о большей части которых заведомо известно, что они не жили в Женеве⁶⁷. Перечислим фамилии

⁶² «Из истории нелегальных библиотек. . .», стр. 109, 118—119.

^{62а} «Фонд документов В. И. Ленина». М., 1970, стр. 18—22.

⁶³ ЦПА ИМЛ, ф. 32, оп. 1, д. 11, л. 1.

⁶⁴ Там же, д. 18, лл. 9 об., 10, 5 об.

⁶⁵ Там же, д. 21, лл. 7, 8, 10, 14; д. 15, л. 6 об.

⁶⁶ «Фонд документов В. И. Ленина», стр. 43—49.

⁶⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 33, оп. 1, д. 55 за 1909—1917 гг. Сам список не имеет даты, определяем ее по дате всего архивного дела. Указывая общее число абонентов — 1737 человек, мы учитывали лишь не зачеркнутые в списке фамилии.

части абонентов (в алфавитном порядке, без указания инициалов и в том же написании, как значится в подлиннике): Адорацкий, Арманд, Аргунов, Аптекман, Бах, Богданов, Бобровская, Бубнов, Бабушкин (очевидно, Г. Л. Шкловский — З. С.), Горький, Драбкина, Красин, Лепешинский, Лержава, т. Ленин, Людвиговская, Луначарский, Плеханов, Пятницкий, Скворцов, Н. К. Ульянова ⁶⁸.

Приток новых книг не прекращался все годы. Среди многочисленных каталогов книг — алфавитных и систематических — встречаем «Каталог книг Ленина, находившихся в библиотеке во временном пользовании». 8 декабря 1908 года В. И. Ленин передавал книги в библиотеку партии ⁶⁹, очевидно, в связи с переездом в Париж. В числе этих книг II том «Капитала» большевистского издания, «Теории прибавочной стоимости» (1-й выпуск на русском языке), работы самого В. И. Ленина, — «Развитие капитализма в России», сборник статей «За 12 лет», «Две тактики социал-демократии в демократической революции», «Аграрный вопрос и „критики Маркса“» ⁷⁰.

Как же были представлены «Капитал» и экономическая марксистская литература в Женевской большевистской библиотеке? Обратимся к каталогам. Один из них на 6 страницах машинописного текста целиком посвящен политической экономии. В нем 131 книга ⁷¹. Там мы находим практически все произведения, по которым революционеры России изучали теорию Карла Маркса. Остановимся поэтому лишь на экономических работах Маркса. Первый том «Капитала» имелся в нескольких экземплярах в петербургских изданиях 1898 и 1899 годов, цена — 3 рубля ⁷². (Как правило, в каталогах указывался год выпуска книги и ее цена. — З. С.). Второй том «Капитала» издания 1885 года оценивался в 20 рублей, размер дополнительного залога определялся в 55 франков — это при обычной цене 2 руб. 50 коп. за том и залоге в 3 франка за книгу ⁷³. Объясняется это тем, что после 1885 года этот том переиздавался один раз, и к 1907 году, когда его заново перевели большевики, стал уже библиографической редкостью. Третий том 1896 года издания, судя по цене в 3 руб. 50 коп., имелся не в единственном числе, хотя и облагался дополнительным залогом в 5 франков ⁷⁴. Первый выпуск «Теорий прибавочной стоимости», как мы уже знаем, был в библиотеке, а также и работы К. Маркса «К критике политической экономии», «Наемный труд и капитал», «Заработная плата, цена и прибыль» и др. ⁷⁵

Доказательства того, что спрос на «Капитал» был огромный, дают сохранившиеся многочисленные читательские абонементы. Рассмотрим некоторые из них.

Мы обнаружили в документах библиотеки им. Г. А. Куклина 160 абонементов читателей, интересующихся почти исключительно экономической литературой, но и в других карточках нередки записи о получении «Капитала», брошюры Каутского или книги А. Богданова. Приведем в качестве примера выписки из нескольких абонементных карточек. В абонемент М-ме Ивановой (весьма вероятно, что это слушательница школы в Лонжюмо, так как книги ею брались в апреле 1911 года. — З. С.) внесен 3-й том «Капитала» ⁷⁶. В абонемента Риканена значится, что его владелец рекомендован библиотеке тов. Мих. Цхакая. В мае 1911 года Риканен

⁶⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 33, оп. 1, д. 55, лл. 135—179.

⁶⁹ В 1905 г. перед отъездом в Россию В. И. Ленин передал в «Библиотеку и архив РСДРП» рукописи своих работ за 1900—1905 гг., переписку с местными организациями, около 300 книг («Фонд документов В. И. Ленина», стр. 40, 41).

⁷⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 33, оп. 1, д. 178, лл. 8 об., 11, 12.

⁷¹ БИМЛ ФАХ. «Каталог библиотеки Куклина. „Политическая экономия“».

⁷² ЦПА ИМЛ, ф. 33, оп. 1, д. 170, л. 202.

⁷³ Там же.

⁷⁴ БИМЛ ФАХ. «Каталог библиотеки Куклина. „Политическая экономия“», стр. 4.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 33, оп. 1, д. 63, л. 3.

читал I том «Капитала», в августе — сочинения Н. Г. Чернышевского⁷⁷. По заявлению М. Г. Цхакая абонемент библиотеки был открыт и на Филию⁷⁸. За 1911—1914 годы он читал из политической экономии: «К критике политической экономии», I том «Капитала», «Экономические учения Карла Маркса» Каутского⁷⁹. Из абонемента Рабина узнаем, что за два месяца — декабрь 1913 — январь 1914 г. — он читал три тома «Капитала»⁸⁰. I том «Капитала» читали: В. Федоров в июне 1909 г., представитель «Культурного кружка в Женеве» Сомах в апреле 1912 года, Ильин в октябре 1913 года, Литинский в феврале 1914 года, Шомеранец в августе 1915 года⁸¹.

Абонемент Лежавы является «живым свидетелем» того, как на протяжении многих лет изучалась экономическая теория К. Маркса, как читали и перечитывали «Капитал». Вот почти полный перечень книг из этого абонемента: 1909 год — сборник «Памяти Карла Маркса»; 1910 год — К. Маркс и Ф. Энгельс. «О коммунизме»; 1911 год — 3-й том «Капитала»; 1912 год — К. Маркс. Письма к Л. Кугельману; Письма И. Ф. Беккера, И. Диггена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др., номера газеты «Звезда», В. И. Ленин. «За 12 лет»; 1914 год — «Нищета философии»; 1915 год — Гильфердинг. «Финансовый капитал»; 1917 год — Энгельс. «Анти-Дюринг», А. Богданов. «Краткий курс политической экономии», К. Каутский. «Экономическое учение Карла Маркса», К. Маркс. «К критике политической экономии» и снова 3-й том «Капитала»⁸².

Бывали случаи, когда брали книги для кружков и организаций. В абонементе члена правления социалистической секции при обществе «Наука и жизнь» в Женеве Уцеховского за февраль—апрель 1914 года вписаны: К. Маркс «К критике политической экономии» издания 1896 г., «Нищета философии», К. Маркс и Ф. Энгельс «О коммунизме», А. Богданов «Краткий курс экономической науки», «Политическая экономия» Ш. Жюда, I и II том «Истории политической экономии» А. Бланки, «Теория Карла Маркса» Е. Бем-Баверка. Книги были взяты для секции⁸³.

О значении деятельности партийной большевистской библиотеки в эмиграции писал В. Д. Бонч-Бруевич: «Организованная в начале января 1904 года в Женеве и просуществовавшая в том или другом виде вплоть до Февральской революции 1917 года, она дала возможность в эти 13 лет многим и многим нашим эмигрантам не только с пользой для себя провести время за границей, но и сделать ряд значительных работ»⁸⁴.

ЦПА ИМЛ располагает чрезвычайно интересными документами о политической работе большевиков и среди русских военнопленных в Германии и Австро-Венгрии в годы империалистической войны. Они сосредоточены в фонде Комитета заграничных организаций РСДРП. В марте 1915 года по указанию В. И. Ленина в Берне при Комитете заграничных организаций создали комиссию интеллектуальной помощи пленным под председательством Г. Л. Шкловского. Активно участвовали в ее работе Н. К. Крупская, И. Ф. Арманд, Л. Н. Сталь и др. В обязанности комиссии входило установление связи с лагерями военнопленных, сбор книг, журналов, газет и т. д. К 1917 году комиссия имела около 300 адресов военнопленных из 75 лагерей и мест поселений. Количество получаемых писем было огромно. На имя Г. Л. Шкловского ежедневно приходило

⁷⁷ Там же, д. 71, лл. 168—168 об.

⁷⁸ В абонементах, как правило, указывались только фамилии читателей.

⁷⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 33, оп. 1, д. 58, лл. 37—38 об.

⁸⁰ Там же, л. 22.

⁸¹ Там же, д. 70, л. 144 об., д. 72, л. 121; д. 75, л. 10; д. 66, л. 117.

⁸² ЦПА ИМЛ, ф. 33, оп. 1, д. 66, лл. 41—48.

⁸³ Там же, ф. 157 (фонд М. Г. Цхакая), оп. 2, д. 18, л. 11; ф. 33, оп. 1, д. 74, лл. 37 об., 38.

⁸⁴ В. Д. Бонч-Бруевич. Избранные произведения, т. II. 1895—1914. М., 1961, стр. 322.

до 30 писем⁸⁵. Письма очень разные. По содержанию и почерку их авторов угадываются одеты в солдатские шинели рабочие, крестьяне, студенты. Есть письма, что называется, «нацарапанные» карандашом, в которых нередко встречается даже такое обращение, как «Ваше высококородие». Все письма о книгах. Вот некоторые из них, называющие литературу по политической экономии. Из лагеря Фалькенвег в ноябре 1916 года обращался И. Левитский: «Дорогие товарищи! Очень необходимы книги: «Политическая экономия» Железнова. . . если не затруднит, «Капитал» Карла Маркса I том»⁸⁶. Оттуда же в январе 1917 года писал Г. Борисов, и тоже речь шла о «Капитале»⁸⁷. Военнопленный № 23258 13-й роты германского лагеря в Раштате А. Мельник среди прочей литературы просил выслать «Капитал» К. Маркса⁸⁸.

Наибольший интерес для нас представляют, конечно, коллективные письма. В октябре 1916 года от имени 24 русских военнопленных Д. Раухваргер запрашивал брошюру К. Каутского «Экономическое учение Карла Маркса»⁸⁹. Из лагеря в Фельдбахе группа пленных просила подобрать литературу по «общественно-историческим и экономическим вопросам»⁹⁰. В июне 1916 года пришло письмо от Волкова: «Группа военнопленных просит Вас прислать возможно большее число брошюр направления социал-демократического по вопросам политико-экономическим. Между прочим желательно было бы получить популярное изложение теории Маркса, «Эрфуртскую программу» и др.»⁹¹

Во многих лагерях из полученных книг составлялись библиотеки. В переписке с Г. Л. Шкловским состоял Б. Литинский, взявший на себя роль общественного библиотекаря. В одном из его писем от 17/30 марта 1916 года говорилось: «Вчера получил третью Вашу посылку, самую богатую. Она сильно поправила мои дела. Теперь имею 150 наименований, 175 экземпляров, 70 абонентов. С товарищеским приветом Б. Литинский»⁹².

Несмотря на трудности в получении книг, на цензуру комендатур, которой подвергались почта и посылки, в некоторых лагерях имелись довольно богатые библиотеки. Показательно в этом отношении письмо от 1 апреля 1917 года из Альтен-Грабова (Германия): «Кстати, события в России (Февральская революция. — З. С.) разрешили вопрос будущего нашей библиотеки, мы имеем намерение завещать ее Совету рабочих депутатов. . . Книг в настоящее время мы имеем в обращении 2062 экземпляра»⁹³. Далее излагалась просьба на литературу. На письме поставлен штамп: «Б-ка рус-военноп. Альт-Грабов»⁹⁴. С большой долей уверенности можно утверждать, что письмо это написано членами РСДРП. Мы знаем, что группа РСДРП в этом лагере начала действовать в 1915 г., а в 1917 году в ней было 27 человек. В Альтен-Грабове находился в плену и большевик А. Синицын, который переписывался с В. И. Лениным⁹⁵.

В организации библиотек, кружков и даже небольших самостоятельных театров в лагерях для военнопленных большевики играли ведущую роль.

⁸⁵ А. П. Якушина. Заграничные организации РСДРП (1905—1917). М., 1967, стр. 124; см. также. А. А. Мальков. Деятельность большевиков среди военнопленных русской армии (1915—1919 гг.). [Казань], 1971.

⁸⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 351, оп. 1, д. 110, л. 233 об.

⁸⁷ Там же, д. 111, л. 42 об.

⁸⁸ Там же, д. 109, л. 56 об.

⁸⁹ Там же, д. 110, л. 179 об.

⁹⁰ Там же, д. 109, л. 18 об.

⁹¹ ЦПА ИМЛ, ф. 351, оп. 1, д. 109, л. 157 об.

⁹² Там же, л. 69 об.

⁹³ Там же, д. 112, л. 16 об.

⁹⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 351, оп. 1, д. 112, лл. 17, 16. Библиотека эта начала складываться еще в 1915 году, тогда уже в ней насчитывалось 400 книг (ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 1729, л. 1 об.).

⁹⁵ А. П. Якушина. Указ. соч., стр. 123, 125, 126; А. А. Мальков. Указ. соч., стр. 81—82.

Работа среди военнопленных была составной частью деятельности партии по политическому воспитанию рабочего класса, глубокой и разносторонней пропаганде марксизма.

Таким образом, для выяснения роли библиотек в пропаганде и распространении марксизма или только его экономической теории, что и составляло задачу настоящей статьи, необходимо рассмотрение всей совокупности источников: каталогов и других документов самих библиотек; документов различных обществ и организаций, в ведении которых библиотеки находились; воспоминаний политических деятелей; полицейских архивных материалов о работе российских библиотек.

Эти материалы показывают, что в библиотеках видное место занимала экономическая марксистская литература, а многие библиотеки имели тома «Капитала» К. Маркса; происходило постоянное пополнение отделов, посвященных политической экономии. Произведения марксистской экономической мысли имели достаточно массового читателя. Деятельность библиотек по пропаганде «Капитала», экономического учения К. Маркса проходила в тесной связи, под непосредственным влиянием социал-демократических, большевистских организаций. В. И. Ленин, Н. К. Крупская, В. Д. Бонч-Бруевич, П. Н. Лепешинский, В. А. Карпинский, Г. Л. Шкловский, А. М. Стопани, П. К. Запорожец и другие деятели партии принимали активное участие в пропаганде библиотеками марксистской экономической книги в рабочем движении России в 1895—1917 годы.

Исследование этих источников расширяет наши представления о распространении «Капитала» и экономических марксистских произведений в рабочем движении России, о роли социал-демократической, большевистской интеллигенции в их распространении, о географии этого распространения.

И. Е. Тамм

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ В РАБОТАХ В. И. ЛЕНИНА

Работы В. И. Ленина содержат ценнейший материал, отразивший его пристальный интерес к вопросам делопроизводства и, в частности, документирования как к важной стороне управленческой деятельности. Выдвигая задачу совершенствования государственного аппарата, В. И. Ленин тесно связывал уровень развития госаппарата с уровнем развития культуры в стране¹. Понятно и то большое значение, которое он придавал управленческому документу как свидетельству культуры.

Главным критерием в ленинском понимании являлась «сугубо деловая» сторона документа, его соответствие новой социальной задаче управления — удовлетворению интересов трудящихся и, следовательно, содействие оперативному, деловому решению вопросов управления. Этот критерий В. И. Ленин считал основой, сущностью процессов, связанных с документацией. В декабре 1921 г., обращаясь к руководителям центральных советских учреждений, он подчеркивал: «Принимая за истинную меру производительности труда каждого данного учреждения прежде всего степень действительного и безотлагательного исполнения всех проходящих через него дел, требую впредь самых скорых и исчерпывающих ответов на направляемые вам дела и запросы. Ограничиваться пустыми отписками да пересылкой в другие учреждения, значит также плодить волокиту и изводить бумагу»².

К настоящему времени исследователями накоплен значительный опыт по выяснению взаимосвязи задач документоведения как научной дисциплины с задачами управления, а также установлению различных аспектов информационной значимости документа³. В основе этих работ лежит понятие документа как носителя информации⁴. Применительно к де-

¹ См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 250—251, 389—390, 429.

² *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 101—102.

³ *А. С. Малитков*. К вопросу о прогнозированном планировании научных исследований в области документоведения и архивоведения. — «Проблемы архивоведения и истории архивных учреждений. Материалы юбилейной научной конференции архивистов Ленинграда». [Л.], 1970, стр. 36, 38—39; «Материалы к заседанию теоретического семинара по теме «Основные теоретические проблемы документирования управленческих функций (тезисы сообщений)». М., 1971 (ротапринт); «Тезисы сообщений к теоретическому семинару «Вопросы системного подхода к исследованиям в области документной информации». М., 1972 (ротапринт); *Л. Г. Сырченко*. Обсуждение актуальных проблем архивоведения и документоведения. — «Труды МГИАИ», т. 29. М., 1972, стр. 281—282, 285—286 и др.; *В. Н. Автократов*. Архивоведение в кругу других областей знания. — «Советские архивы», 1973, № 2, стр. 41; *К. Г. Митяев*. Документоведение, его задачи и перспективы развития. — «Вопросы архивоведения», 1964, № 2; *он же*. К методологии классификации и экспертизы документов. — «Труды МГИАИ», т. 25. М., 1967, стр. 122—123, 128—129, и др.; *М. П. Илюшенко*. О социальной функции документа. — «Труды МГИАИ», т. 29, стр. 201—208.

⁴ БСЭ, изд. 3, т. 8, стр. 43; «Краткий словарь архивной терминологии». М.—Л., 1968, стр. 19—20 и др.; ГОСТ16487-70. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения.

тельности государственных учреждений (делопроизводству) документо-ведение изучает закономерности процесса документирования с целью создания необходимого и достаточного информационного фонда (максимум информации при минимуме документации) ⁵.

В данной статье предпринята попытка осветить некоторые приемы ленинской методики работы с документами в управлении, выявляющие ряд вопросов, важных для проблематики современного документо-ведения ⁶.

Рассмотрим сначала несколько общих вопросов: роль документации в управленческих функциях, зависимость характера документации от функций учреждения (лица); роль документов в контроле исполнения, борьбе с бюрократизмом, подготовке важнейших решений. Деление на вопросы в какой-то мере, конечно, условно, ибо чаще всего ленинские требования к документации отражали их совокупность.

В процессе формирования основ управления пролетарского государства и в соответствии с политическими, экономическими, культурными задачами конкретизировалась функция управления — применительно к отдельным должностным лицам и целым учреждениям. Специально этим вопросам В. И. Ленин в 1922 г. посвятил «Постановление о работе замов (заместителей Председателя СНК и СТО)» ⁷. Дополняя и развивая «Постановление», 13 декабря 1922 г. он писал: «Функции председательствования и контроля за правильностью юридических формулировок. . . должны бы быть гораздо строже отделены от функций проверки и улучшения административного аппарата» ⁸. Административной стороне работы, правильному и четкому распределению обязанностей посвящены многие письма и записки руководящим работникам. Так, в письме Г. М. Кржижановскому (22 февраля 1922 г.) В. И. Ленин отмечал, что «в Госплане административная сторона работы, несомненно, не поставлена. Не установлена личная ответственность каждого члена Госплана за т а к и е - т о (важнейшие) функции. . .» ⁹.

Вместе с тем В. И. Ленин выявлял и подчеркивал определяющую роль управленческих функций и ответственности за них по отношению к документированию, их тесную взаимосвязь. Детализируя и разграничивая обязанности замов Председателя СНК в письме к А. Д. Цюрупе (9 декабря 1922 г.), Ленин подчеркивал, что «только их подпись» имеет удостоверительное значение для решений распорядительных заседаний СТО, что, в свою очередь, «протокол. . . изучения (государственного аппарата. — И. Т.), фиксированный, утверждённый», должен сыграть большую роль в подтягивании аппарата ¹⁰.

Касаясь функций управделами СНК по просмотру бумаг, Ленин замечал: «Излишне и нелепо, что, просмотрев бумаги, Вы пишете «на просмотр В. И.» (!??) ((это и так ясно)) или «полагал бы то-то». *Надо писать в 3-х строчках суть дела.* Иначе не к чему Вам смотреть» ¹¹. В другой записке он конкретизировал характер подобной «3-х строчной записи»: краткость, точность, ясность изложения существа полученного документа ¹².

Еще в декабре 1917 г. им была составлена «Инструкция о порядке внесения вопросов в повестку дня заседаний Совнаркома», в которой

⁵ См., например, А. В. Елпатьевский. О некоторых вопросах описания документальных материалов государственных учреждений. — «Археографический ежегодник за 1968 г.». М., 1970, стр. 50, 56.

⁶ К. Б. Гельман-Виноградов. В. И. Ленин об информации. — В кн.: «Документалистика-69. Авторефераты докладов и сообщений. . .». Вильнюс, 1970; о значении ленинских работ для нотовского движения см. в статье: Д. И. Сольский. К истории формирования идей НОТ в СССР. — «Труды ВНИИДАД», т. I. М., 1969.

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 152—159, 420—426.

⁸ «Ленинский сборник», т. XXXVI, стр. 519.

⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 179.

¹⁰ «Ленинский сборник», т. XXXV, стр. 360—361.

¹¹ Там же, стр. 201.

¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 318.

излагалось требование «предварительного *письменного* заявления» наркомов, состоящего из краткого *изложения содержания* вопроса», из указания — «*чего* хочет вносящий вопрос» (т. е. обозначения ответного действия СНК), а также из справки — «затрагивает ли данный вопрос» другие ведомства, какие и есть ли их письменные заключения¹³. Впоследствии, настаивая на четкости организации работы СНК и СТО, улучшении порядка прохождения вопросов, их подготовленности, усилении персональной ответственности, В. И. Ленин отмечал важность оперативной документации (и ее оформления), необходимой и достаточной для принятия решений. Так, вместо «обилия комиссий» он предлагал *письменные отзывы* в кратчайшие сроки, проекты от наркоматов, написанные *ответственными* лицами, утвержденные наркомом, им же самим *в кратчайший* срок согласованные со всеми «заинтересованными» наркоматами и проведенные в СТО или СНК. Определяя функции Высшей экономической комиссии, В. И. Ленин считал, что она *только* для согласования (*кодификации*) и кратчайшей проверки (*штемпеля*) замов Председателя СНК и СТО (а не для «говорения» и «обсуждения») ¹⁴.

Таким образом, определение характера и существа управленческой функции В. И. Ленин тесно связывал с документальной стороной деятельности. Однако он всегда придавал преимущественное значение фактической стороне дела, отнюдь не абсолютизируя «документ ради документа». Так, в «Проекте постановления СТО по вопросу о восстановлении Балтийского флота» (23 октября 1920 г.) он обращал главное внимание на согласование деятельности всех «способных помочь делу» учреждений и установление реального надзора в целях ускорения работ. Для информации о принятых мерах и установленном «способе работы» он предложил назначить доклад ответственных лиц, отметив в скобках: «можно *письменно*» ¹⁵.

В одной из первых своих работ, посвященных принципам и организации деятельности советского государственного аппарата, «Наброске правил об управлении Советскими учреждениями» (12 декабря 1918 г.) В. И. Ленин подчеркивал новое содержание работы учреждений, ее коренную демократизацию и в связи с этим сформулировал конкретные требования соответствующего документирования: например, заведения книг для кратких записей имен просителей, сути заявлений и направления дела; составления представителем Госконтроля протокола таких посещений. Он отметил и необходимость срочного выявления структуры, функций существующих учреждений на предмет согласования их деятельности, слияния, упрощения, дал программу «кратких письменных данных» для анализа, документальной характеристики работы учреждения: наименования ведомства, отдела, содержание работы, число и перечень структурных частей, число служащих с указанием пола, а также «объем делопроизводства, насколько он может быть выражен, например, числом дел, размерами переписки» и т. п.¹⁶ Эти указания определяли соответствие «формальных» данных содержанию работы, делали возможным выявление «документально-однородных или одинаковых функций».

Яркий пример зависимости документации от управленческих функций дают ленинские указания в телеграмме-циркуляре облякосо и записке помощнику управделами СНК и СТО (29 апреля, 16 мая 1921 г.)¹⁷. В первой областным экосо предлагалось «своевременно без задержки» присылать в Управление делами СТО протоколы заседаний в трех экземплярах с приложением копий всех материалов, на основе которых

¹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 384.

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 365—366.

¹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 392.

¹⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 367.

¹⁷ «Ленинский сборник», т. XXXV, стр. 240—242.

решался вопрос (письменные доклады, тезисы и пр.), а также полных стенографических отчетов (если они ведутся); помимо этого — все печатные издания (журналы и газеты) местных экономических органов. В записке помощнику управделами определялись соответствующие функции: установить связь с облэко, следить за их работой и давать разъяснения, изучать материалы центральных и местных экономических и статистических органов для проверки исполнения постановлений СТО, а также «быть в курсе» работ экономических наркоматов, Госплана и др. Подобная деятельность предполагала возможность выводов, «вытекающих из изучаемых материалов» и непосредственно относящихся к управленческой деятельности СНК и СТО. В числе обязанностей помощника управделами В. И. Ленин указывает следующие: исполнять специальные поручения Председателя СТО и управделами СНК по экономическим, хозяйственным, производственным вопросам; готовить «недостаточно подготовленные» вопросы того же содержания, вносимые в повестку дня СТО; «в порядке инициативы» и с согласия Председателя СНК готовить и проводить через соответствующие наркоматы или непосредственно СТО назревшие важные вопросы. Вполне очевидно, что для выполнения этих обязанностей изучение комплекса документации, очерченного в циркуляре облэко, являлось неперенным условием и необходимостью.

Вопросы о характере документирования в зависимости от целевой направленности, функции учреждения — создателя этой документации — ставятся и решаются Лениным, например, в письмах в ЦСУ 1921 г. (последовавших за его указаниями о текущей промышленной статистике). В письме от 16 августа 1921 г. содержится критика полученных от ЦСУ сведений (не соответствующих ранее данным указаниям): они устарели, их «много по объему, мало по содержанию», и, кроме того, в «Экономической жизни» уже напечатана более полная информация¹⁸.

Таким образом, данные ЦСУ оказываются неактуальными, не по существу, неоперативными, т. е. не соответствующими функциям ЦСУ, как их понимал В. И. Ленин, считавший, что они должны служить основанием для оперативных выводов. Поэтому, настаивая на четкой «календарной программе», не ограничиваясь критикой присланных материалов, В. И. Ленин тут же выдвигает конкретные предложения о «переорганизации работы ЦСУ»: в частности, председателя ЦСУ (он должен работать в более тесном контакте с Госпланом, по непосредственным указаниям его руководства); о сроках и специфике сведений по текущей статистике (они должны быть итоговыми, важнейшими и чисто практическими и даваться раньше, чем в прессе)¹⁹. Далее Ленин указывает, что в этих сведениях надо «уметь выделить *практически* важное и спешное» (в частности, по 8 вопросам²⁰, уже поставленным им ранее), а для разработки index-number'a (числа — показателя) он намечает главные показатели: население, территория, производство главнейших продуктов и др.²¹

Соответствию документирования функциям учреждения В. И. Ленин посвятил также ряд предложений, касающихся работы РКИ. В качестве объекта контрольной деятельности РКИ он рассматривал, например, постановку отчетности Главлескома. Чтобы изучать отчетность, писал Ленин, РКИ должна сопоставлять работу ведомств, вносить практические предложения; по его мысли, РКИ должна была в марте 1921 г. дать

¹⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 122.

¹⁹ Там же.

²⁰ В. И. Ленин придавал серьезнейшее значение формуляризации получаемых сведений, всегда предлагая свои «вопросники», тесно увязанные с конкретной обстановкой, задачами и, следовательно, целевым назначением ответного документа (напр., В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 150—152). О значении «вопросников» см. ниже.

²¹ Там же, стр. 123.

формальный совет Главлескому, как надо поставить отчетность, в апреле — проверить и вновь дать свой формальный совет, как исправить недостатки, в мае — опять проверить²². Давая свои практические предложения об улучшении отчетности Главлескома, Ленин делает главный вывод — о необходимости четко распределить функции внутри РКИ, выделить и довести до конца «вопрос о постановке отчетности», установить персональную ответственность, исправить положение, когда ответственные работники завалены работой, а технический аппарат — «бездействующие сотрудники»²³.

Особое значение В. И. Ленин придавал документации в решении организационных задач, например, в партийном аппарате. На VIII съезде РКП(б) в марте 1919 г., характеризуя организационную работу ЦК РКП(б) и деятельность его Секретариата, Ленин извлек из отчета ЦК цифры о входящих бумагах (декабрь 1918 г. — 1483, январь 1919 г. — 1537, февраль 1919 г. — 1840). Далее он критиковал поступление сведений от местных организаций (регулярно их дают организации 4 губерний, нерегулярно — 14 губерний, случайные — 16 губерний). «... Многие в этой крайней нашей неорганизованности... объясняются условиями гражданской войны, но далеко не все», — говорил Ленин. — «... Между тем главная задача пролетарской революции, это — именно *организаторская задача*», требующая длительного, систематического «воспитания и перевоспитания»²⁴.

Творческий характер Советской власти, основанной на инициативе широких трудящихся масс, предусматривал многосторонний учет экономического и политического положения на местах. С этой целью центральными и местными учреждениями вырабатывались и рассылались документы типа анкет, опросных листов и т. п.²⁵ В. И. Ленин придавал огромное значение подобным документам, служившим основой для выработки правильной политической линии, для лучшей организации управления. Учет местного опыта в особенности был важен в организации управления (главным образом, в области экономики) в переходный период от капитализма к социализму. Рассматривая в одной из статей вопрос «О мерах перехода от буржуазно-кооперативного к пролетарски-коммунистическому снабжению и распределению» (21 февраля 1919 г.), он отмечал именно *переходность* этих мер и подчеркивал, что вся трудность (и одновременно все *содержание*) задачи перехода состоит в выработке системы «*п р а к т и ч е с к и х м е р п е р е х о д а*»²⁶. Организацию системы практических мер В. И. Ленин представлял себе как совокупность следующих мероприятий: 1) постановка вопроса в печати; 2) вызов соревнования всех центральных и, в особенности, местных советских учреждений; 3) поручение причастным к теме учреждениям — ВСНХ и совнархозам, Наркомпроду, Наркомзему, ЦСУ — выработать «*программу* таких мер и формуляр собирания сведений о подобных мерах и о фактах, позволяющих развить эти меры»²⁷; 4) назначение премии за лучшую и наиболее практичную программу таких мер, за самый удобный и осуществимый формуляр и способ собирания сведений.

Таким образом, в основе «формуляризации» экономических данных, по Ленину, лежит материал, даваемый широким соревнованием, практикой. В этом проявляется не только зависимость подобной документа-

²² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 129.

²³ Там же, стр. 131—132.

²⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 148.

²⁵ За рассылкой и получением анкет с мест В. И. Ленин постоянно следил; на кратком отчете Наркомпроса «1917 — октябрь — 1920» (Госиздат, 1920) он подчеркнул сроки первичной и повторной рассылки и отметил малое число («только» 120) заполненных анкет, присланных по повторной рассылке к октябрю 1920 г. («Ленинский сборник», т. XXXV, стр. 199).

²⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 471.

²⁷ Там же, стр. 472.

ции от ее целевого назначения, но и расширение социальной функции документа — от момента создания его формуляра до использования и обработки²⁸.

Среди управленческих функций огромное значение имеет функция контроля, в котором наблюдение за решением вопроса по существу сочетается с документальным контролем, так как требует исчерпывающей информированности. Письмо В. И. Ленина Н. П. Горбунову (3 сентября 1921 г.) специально посвящено правильной постановке работы управленческими делами СНК и СТО: распределению функций между Н. П. Горбуновым и В. А. Смольяниновым в смысле «надзора» за определенными «делами» (и — в связи с этим — «систематическому подбору» вместе всех бумаг и всех справок по любому «старому» и новому делу для облегчения наведения справок), обязательной и «внезапной» проверке время от времени реального выполнения с фиксацией результатов²⁹.

Документальность проверки В. И. Ленин считал важным условием ее успеха. Так, по поводу телеграммы губэлектроотделам от 18 августа 1921 г. (об обязательной присылке с делегатами Всероссийского электротехнического съезда статистических данных об электростанциях) он требовал 20 сентября 1921 г. от управделами СНК Н. П. Горбунова найти копию телеграммы и, пока съезд заседает, проверить «исполнение архипридирчиво и документально» — в том числе и путем раздачи анкетных листов делегатам для обязательного заполнения³⁰.

Письменной фиксации результатов проверки исполнения Ленин постоянно требовал от управделами и секретарей, как и строгого ведения контрольных записей по исполнению: созвониться и записать «ответ, что сделано», «записать ответ», «*п р о в е р и т ь*, что сделано», «*отметить себе*, чтобы следить за исполнением», «проверить и *з а п и с а т ь*, какой ответ *когда п о с л а н*»³¹. В записке Н. П. Горбунову 3 октября 1921 г. В. И. Ленин настаивал: «Отчего же по тел[е]г[рам]ме, получ[енной] 29/IX, Вы *д о с и х п о р* не дали мне на подпись ни ответа, ни запроса, ни распоряжения?»³².

Повышение культуры «в масштабе всей страны», овладение искусством управления В. И. Ленин связывал с преодолением бюрократизма. Он отмечал, что законодательное закрепление важнейшей политической задачи борьбы с бюрократизмом и волокитой (в декретах об РКИ и о волоките — 1918 и 1920 гг.)³³ не означало, однако, умения пользоваться этой возможностью³⁴. Еще в октябре 1918 г. Ленин писал в Президиум Моссовета (ссылаясь на полученный оттуда документ за № 24962, содержащий выписку из постановления Президиума от 7 октября о причинах невыполнения им решений СНК об установлении в Москве памятников выдающимся деятелям революционного движения и культуры): «Если Комиссариат народного просвещения Вам не отвечает и не исполняет своего долга по отношению к Вам, то Вы обязаны *жаловаться* и с документами. . . Когда Вы жаловались? Где копия? Где документы и доказательства?»³⁵ Много раз В. И. Ленин обращался к вопросу о роли документа в борьбе

²⁸ Б. Г. Литвак подчеркивает, что единообразие и наиболее полный охват объектов — основа для использования и последующей обработки подобных массовых документов (Б. Г. Литвак. О некоторых приемах анализа и характеристики источников в трудах В. И. Ленина. — «Источниковедение истории советского общества». М., 1964, стр. 34).

²⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 162.

³⁰ «Ленинский сборник», XXIII, стр. 11—12.

³¹ «Ленинский сборник», т. XXV, стр. 63, 64, 93, 150, 220, 260, 325 и др. О важности документальной проверки говорит и сомнение В. И. Ленина в стоимости изданий «Бинта» (якобы бесплатных); он замечал: «?? ой-ли?? Затребовать бы документы!» (там же, стр. 333).

³² «Ленинский сборник», XXIII, стр. 67.

³³ «Декреты Советской власти», т. IV, М., 1964, стр. 164—166; СУ, 1920, № 16, ст. 94.

³⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 171.

³⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 191.

с бюрократизмом, которая может быть успешной только благодаря овладению техникой управления, знаниями о госаппарате (функциях учреждений, их соподчиненности), — следовательно, овладению процессами документирования по существу и форме. В своем выступлении в мае 1921 г. на X Всероссийской конференции РКП(б) он выдвинул суровые требования о привлечении к суду за волокиту и бюрократизм в канцелярском деле и в то же время подчеркнул, что, поскольку буржуазия ведет войну «по всем правилам бюрократического искусства», необходимо уметь «воевать» с канцелярскими чиновниками, «которые знают канцелярское дело в 100 раз лучше, чем мы»³⁶.

Эту же мысль В. И. Ленин развивает, полемизируя в письме от 16 мая 1921 г. с М. Ф. Соколовым, считавшим, что бюрократизм можно «стереть с лица земли», сбросить как «бюрократический нарыв». Справедливо упрекая Соколова в непонимании вопроса, он подчеркивает необходимость медленного, упорного труда в борьбе с бюрократизмом, которую нельзя прекращать после первых поражений, а следует вести искусно, со знанием дела: «. . . где доказано, что Вы правильно боролись, искусно? Бюрократы — ловкачи. . . архипродохи. Их голыми руками не возьмешь. Правильно ли Вы боролись? по всем ли правилам военного искусства *окружили* «врага»?»³⁷.

Ставя в Политическом отчете ЦК на XI съезде РКП(б) 27 марта 1922 г. вопрос «чего же не хватает?» (в управлении), В. И. Ленин на него отвечал: «. . . культурности тому слою коммунистов, который управляет»³⁸. Далее для иллюстрации он приводит весьма яркий пример недостатков в практике управления, касающийся волокиты по вопросу закупки консервов за границей. Пытаясь «докопаться» до истинных причин волокиты, В. И. Ленин собрал весь материал по истории этого дела — «тетрадку». Выявилась безответственность, направление дела не по подведомственности (потребовалось не больше — не меньше как решение Политбюро ЦК!). «Виновного не найдешь», — саркастически замечает Ленин, и, резюмируя уроки этой истории, указывает: «Если ты выступаешь, потрудись выступать с документами. Сначала дай телеграмму, . . . пошли телефограмму в соответствующие учреждения, дай копию Цюрупе. . . Об этой элементарной культурности надо подумать, подойти к делу обдуманно; если дело не решается сразу, двумя минутами, разговором по телефону, возьми документы, обставь себя ими и скажи: «Если ты проявишь волокиту, я тебя посажу в тюрьму»³⁹.

Так, В. И. Ленин, разоблачая волокиту, показал важность документальной информации, точной и полной, необходимой и достаточной для оперативного решения вопроса по существу.

Полноту необходимой документации В. И. Ленин всегда считал непременным условием компетентности руководящего органа. В телеграмме всем губэко, 4 мая 1921 г., подписанной Лениным, указывалась важность для работы СТО немедленной присылки: 1) протоколов заседаний губэко с момента организации со всеми материалами (докладами, постановлениями, резолюциями, тезисами и пр.), которые легли в основу ре-

³⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 327. В этой связи напомним известное письмо В. И. Ленина находившемуся за границей замнаркому РКП В. А. Авапесову, написанное 1 сентября 1922 г.: «Собрать *все* сколько-нибудь ценное, особенно по части нормализации работы *бюрократической* (порядок обмена бумажек; формы; контроль; переписка на машинке; запросы и ответы и т. д. и т. п.)». (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 278). Это высказывание в целом касается культуры канцелярского и административно-управленческого труда: слово «бюрократической», подчеркнутое Лениным, следует понимать в смысле не только «канцелярской», но и «управленческой» (контроль, запросы и ответы).

³⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 194.

³⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 95.

³⁹ Там же, стр. 103.

шения вопросов; 2) экономических печатных изданий — газет и журналов⁴⁰.

Документальную подготовленность принятия руководящих решений В. И. Ленин рассматривал как один из основных компонентов управленческой деятельности. Поэтому он требовал тщательного подбора документации к заседаниям СНК и СТО (решений, протоколов, вырезок из газет), предварительной рассылки повестки дня заседаний, внесения дополнительных вопросов в нее лишь в письменной форме, а также представления проектов декретов (ведомствами) вместе с материалами к ним — т. е. всесторонней подготовки вопросов⁴¹.

Подобная работа по организации комплекса необходимой документации предвляла выработку и принятие постановлений по любому вопросу. В. И. Ленин резко выступал, в частности, против попыток решить важнейший вопрос о монополии внешней торговли «со вчера на сегодня, не собрав материалов, не взвесив *за и против* с документами и цифрами», со своей стороны предлагая отсрочить вопрос, собрать «сведенные вместе и проверенные *документы* об опыте нашей торговой политики»⁴². В связи с подготовкой реформы школьного образования (январь — февраль 1921 г.) Ленин срочно запрашивал 28 января 1921 г. «имеющиеся *печатные материалы* (в отчетах, статьях, брошюрах и т. п.) с текстом *действующих* законов (резолюций, инструкций) о школах 1-й и 2-й ступеней, технических и ремесленных, а также данные о числе низших, средних и высших учебных заведений, о числе школ и других учебных заведений разных типов, действующих и закрытых (или недействующих). Кроме того, при отсутствии печатных материалов или точных данных о соответствующих номерах газет и журналов, — Ленин просил «прислать *ненапечатанные данные* по указанному вопросу, *если эти данные налицо есть*»⁴³.

Такая же требовательная настойчивость, интерес к документальной «истории вопроса» (о концессиях) характерны для предписания Концессионному комитету ВСНХ, в котором Ленин запрашивал следующие данные:

«1) Когда был первый доклад председателя (или члена) Концессионного комитета в Цека о концессии Лесли Уркарта. . ?

2) Кто был докладчиком?

3) Какие материалы по этому делу затребованы и получены с мест? (описания заводов? последние отчеты этих заводов и т. п.?).

4) Краткое, в 2—3 строках, перечисление каждого из документов (дата? от кого документ? о чем? — посланный запрос; полученный ответ; взятый из архива такой-то отчет; заключение такого-то спеца и т. д.)»⁴⁴

Изучение и сопоставление документации всегда служили основой выдвигаемых В. И. Лениным конкретных предложений по существу дела. Интересна его записка (12 февраля 1921 г.) И. В. Сталину и другим членам Политбюро ЦК по поводу нефтяных концессий⁴⁵. В ней, во-первых, констатируется получение ответов на запрос Политбюро от компетентных и заинтересованных лиц (Л. Б. Красина, председателя Главнефти, четырех специалистов); затем, объединив их с печатным отчетом о «Положении нефтяной промышленности к концу 1920 г.» (Баку, 1920), В. И. Ленин направляет все эти материалы адресатам для прочтения, согласования мнений и принятия решения (в тексте печатного отчета он отмечает важнейшие места, перечисление страниц выносит на обложку). Далее в записке дается

⁴⁰ См. «Ленинский сборник», т. XX, стр. 79.

⁴¹ «Ленинский сборник», т. XXXV, стр. 265, 266, 353, 359 и др. Такое же значение имели запрашиваемые отзывы (на проекты постановлений, резолюций, решений, инструкций и др.) заинтересованных лиц, ведомств (там же, стр. 171).

⁴² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 221—222.

⁴³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 57—58.

⁴⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 190—191.

⁴⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 335.

обобщение и оценка содержания имеющихся документов и делаются выводы об их доказательности («доказывают вполне», что катастрофа грозит и *близко*; что необходимо найти концессионеров в Баку; что руководство Главнефти занимает ошибочную позицию⁴⁶). Выражая затем кратко свое мнение по этим трем пунктам, сопоставляя и оценивая документы, Ленин дает конкретные предложения и просит адресатов как можно скорее изучить «прилагаемые материалы и отчеты».

Ленинские указания по вопросам документирования в целом конкретизировались им применительно к отдельным документам и видам управленческой документации. Так, выявляя «деловую» сторону» документа, В. И. Ленин считал необходимым соответствие его формы, целевого назначения и информативности. В письме М. Л. Рухимовичу по поводу текста его доклада В. И. Ленин отмечал недостаток, который состоял в «неряшливости», а именно — в том, что «всякий читающий» должен был «дорабатывать» его за автора⁴⁷. Аналогичные замечания были сделаны в письме председателю Главторфа И. И. Радченко: посланные им бумаги о Шатурской электростанции «архиобъемистые», «без отдельно *выписанных* ясных предложений». Ленин резюмировал: «Деловые выводы Вы сами должны делать, а не меня заставлять извлекать из десятка страниц пять строк деловых выводов»⁴⁸.

В. И. Ленин дал блестящий пример характеристики документа, определения его места и значения в комплексе документации по теме, соответствия целевому назначению. Это его отзыв (16 марта 1922 г.) о тезисах Е. А. Преображенского, написанных в качестве проекта резолюции XI партсъезда по вопросу о работе партии в деревне⁴⁹. В. И. Ленин резко критикует автора тезисов, во-первых, по существу темы, за несоответствие заглавия и содержания: «Заглавие не годится. Это не «основные принципы», кои установлены уже программой, а «О постановке работы РКП в деревне при условиях переживаемого момента»⁵⁰. Развивая и аргументируя свою мысль, В. И. Ленин делает конкретное предложение: сократить тезисы, частично видоизменив их применительно к теме, причем сокращать в соответствии и в сравнении с другими документами, связанными с будущим решением съезда. Акцентируя внимание на позитивной стороне необходимых исправлений, В. И. Ленин предлагает также «развить детальнее *практические*, особенно *организационные* выводы».

После этих важнейших принципиальных критических замечаний В. И. Ленин детально анализирует текст документа: выявляет ошибки перепечатки; ненужные для тезисов длинноты; «голые и абстрактные формулировки», прикрывающие своей «архикакадемичностью» недостаток практических рекомендаций по кооперированию. Подвергая критике конкретные формулировки и параграфы тезисов, В. И. Ленин тут же дает свои предложения по существу вопроса и форме изложения. Требование четкости и конкретности, «делового анализа», предъявляемое им к документу, приводит его к выводу, что это «архинепопулярная» статья, а не тезисы.

Итогом критики документа, оказавшегося по содержанию и форме не соответствующим своему целевому назначению, явилось, в частности, предложение В. И. Ленина об организации на съезде совещания по изучению и оценке местного практического опыта кооперирования (по этому и другим предложениям им даны необходимые «вопросники»).

Таким образом, анализ тезисов — их внешней стороны (тема, заголовки, отдельные параграфы текста), взаимодействует с выявлением «сугубо деловой» стороны документа, что приводит к существенным выводам по организации работы в целом.

⁴⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 335.

⁴⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 256—257.

⁴⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 205.

⁴⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 43—47.

⁵⁰ Там же, стр. 43.

Теснейшая взаимосвязь формы, содержания и целевой направленности в высшей степени присуща документам, созданным самим В. И. Лениным. «Вопросники» разрабатывались им, главным образом, для получения детальных сведений по многообразным проблемам государственного и хозяйственного строительства; характер вопросника определялся его целевой направленностью и в каждом отдельном случае позволял выявить главное, в зависимости от актуальности темы; четкость сформулированных вопросов помогала «организовать» материал ответов, предполагала возможность дальнейшей его обработки, тем самым оказывая влияние на запрашиваемую документацию (взаимодействие документов «запрос» и «ответ»). Особое значение «вопросники» имели в налаживании отчетности. Специфика отчетных документов состоит в их целевой направленности, информировании вышестоящих органов власти о характере и результатах деятельности нижестоящих⁵¹. Наряду с этим учитывалась и другая сторона информативности отчетов — пропагандистская, направленная на ознакомление широких слоев трудящихся с результатами деятельности органов Советской власти.

Формулируя свои требования к отчетным материалам, В. И. Ленин всегда подчеркивал следующие: периодичность, краткость, четкость формулировок, умение выделить главное, цифровые показатели. Отчеты имели и большое оперативное значение: при обработке их материалов делались позитивные выводы, принимались решения об организации работы. Отсюда — та важная роль, которая придавалась форме отчетов, ее унификации для удобства извлечения данных, их обработки и обобщений.

В ноябре 1919 г. В. И. Ленин обратился в Президиум ВСНХ с предложением «обсудить вопрос о выработке единообразных, кратких, но существенных вопросов (или бланков) для печатания в «Экономической Жизни» периодических отчетов об *итогах* работ по развитию производительных сил... по всем или главнейшим отраслям хозяйства». При этом он указывал основные вопросы (число занятых рабочих; производства, добыча; производительность одного рабочего), а также приводил схему использования материала отчетов, которые должны состоять из двух частей — описательной и цифровой: печатать их «обе», выбрав из второй существенное для сводок и сравнений⁵².

Считая, что правильная постановка отчетности, в частности, в библиотечном деле, должна иметь целью ознакомление не только центра, но и всех граждан, их привлечение к участию в соревновании, В. И. Ленин выдвигал требования выработки «таких формуляров и форм отчета, которые удовлетворяли бы этим целям»⁵³. Применительно к отчетности местных органов Библиотечного отдела Наркомпроса Ленин предлагал изготовить формуляры с *обязательными* и *необязательными* вопросами (и перечислял их); если первые должны были отражать существующие стабильные признаки библиотек, то вторые — перспективы улучшения их работы, что даст возможность выявить лучших организаторов библиотечного дела.

Ярким примером единства формы, содержания и целевой направленности документа являются «Наказы», написанные В. И. Лениным в качестве инструктивных руководящих материалов для рассылки на места. Для них характерны доступность изложения, необходимая формализация (преамбула, позитивные указания по пунктам, особые отметки — по пунктам и по вопросу в целом), актуальность темы, концентрация внимания на главном.

⁵¹ Подобные «вопросники» по отчетности см.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 275—290, 392, 395, 400; т. 51, стр. 356 и др. О «вопросниках» по сбору, разработке и публикации статистических сведений: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 19—20, 322; т. 52, стр. 213—215; т. 53, стр. 74, 89—90, 121—124 и др.

⁵² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 87—88.

⁵³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 474.

Проект «Наказа от СТО. . . » с вопросами для отчетов был разослан всем наркомам для сбора их мнений и внесения поправок; В. И. Ленин особо подчеркивал, что каждый нарком по своему наркомату отвечает «за обдуманность и полноту вопросов по отчетам и за правильность редактирования вопросов»⁵⁴.

Истории подготовки «Наказа», его роли в становлении отчетности посвящена немалая литература⁵⁵. Для нашей темы важно отметить, что отчеты экосо, составлявшиеся согласно ленинскому «Наказу», явились первым опытом систематизации и унификации местных материалов, что изучение в совокупности инструктивного документа («Наказ») и исполнительного (отчеты) позволяет уточнить, в какой степени последний соответствует по форме и содержанию своему целевому назначению⁵⁶, определить причины несоответствия и круг источников, восполняющих пробелы в необходимой информации⁵⁷.

Итак, разрабатывая конкретные вопросы управления, В. И. Ленин постоянно подчеркивал, что сбор, организация и соответствующая обработка документной информации — необходимое условие управленческой деятельности, принятия решений, ориентир в административно-управленческой работе.

В плане соответствия конкретной функции и компетентности, «подведомственности» решения вопросов могут быть рассмотрены многочисленные замечания В. И. Ленина о получении отзывов. Например, в его телеграмме чрезвычайному комиссару железных дорог Южного фронта 29 декабря 1918 г. подчеркивалась важность направления необходимой по делу документации по подведомственности: «Получил письмо. Прошу прислать мне ваши претензии к другим ведомствам в таком виде, чтобы я мог переслать их на отзыв всех, к кому дело относится»⁵⁸. Подобный отзыв связывал воедино формальную сторону с существом дела, требовал проверки фактов, персональной ответственности, внесения поправок в посылаемый на отзыв документ (вплоть до «контрпроекта»)⁵⁹.

Информационная роль документа для координации функций должностных лиц особо отмечается В. И. Лениным в «Постановлении о работе замов (заместителей Председателя СНК и СТО)». Специальный пункт о распределении конкретных обязанностей между обоими замами предвдваряется пунктом «О единстве работы обоих замов», в котором выделяется задача сообщать «друг другу в копиях важнейшие распоряжения» и систематически кратко стенографировать запись важнейших устных распоряжений (то же относится к важнейшим письменным и устным докладам). Однако понимание В. И. Лениным координационных задач весьма далеко от признания самодовлеющей роли документа. Так, он указывает, что в необходимых случаях замы должны совещаться «в целях единства понимания задач и действия и для всемерного устранения скречиваний и противоречий в работе»⁶⁰.

⁵⁴ «Ленинский сборник», т. XXXV, стр. 255.

⁵⁵ Л. М. Дробижева. Отчеты экономических совещаний — один из важнейших источников по истории советского общества (1921—1923 гг.). — «Источниковедение истории советского общества», стр. 190—221.

⁵⁶ Л. М. Дробижева отметила отсутствие единообразия в структуре отчетов в сравнении с «Наказом», разноплановость сведений, что явилось препятствием к их разработке. Следовательно, одна из информационных задач отчетами решена не была, в то время как вторая — ознакомление трудящихся — частично решалась путем публикации (до настоящего времени в библиотеках Москвы и Ленинграда сохранилось более 350 отчетов. — Там же, стр. 191).

⁵⁷ Там же, стр. 221.

⁵⁸ «Ленинский сборник», т. XXXV, стр. 43.

⁵⁹ Записка Н. А. Семашко от 27 ноября 1919 г. (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 87). Указания секретарям и резолюции также содержат запросы срочных, исчерпывающих отзывов (там же, стр. 100, 170 и др.).

⁶⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 158.

Информационная роль документа (или комплекса документации) не только постоянно отмечалась В. И. Лениным, при этом им учитывался необходимый объем и характер используемой информации. Обращаясь к В. Г. Громану (председателю созданной в 1920 г. комиссии по изучению убытков, нанесенных России империалистической войной, интервенцией и блокадой) после просмотра его краткого отчета, снабженного ссылками на приложения, Ленин загребовал их опись — с указаниями, по каждому ли пункту отчета (и по каким) есть в приложениях детальные расчеты⁶¹. Неоднократно выступая с критикой работы ЦСУ (которое «тянется к изданию общего типа сборников, бюллетеней и проч.»), Ленин настаивал на том, чтобы, в связи с бумажными и типографскими трудностями, ЦСУ делало «справки и сводные работы» по своим рукописным материалам. Поэтому он интересовался, «приведены ли эти материалы в состояние, позволяющее быстрые справки (и сводки) по всем вопросам?»⁶².

С чрезвычайным значением, которое придавал Ленин справочно-информационной работе, связано и создание в аппарате СНК специального бюро вырезок, а также его многочисленные указания секретарям о подборе и компоновке материалов по одной теме⁶³.

Информационный характер имела также рассылка копий документов с целью выяснения мнений, получения заключений, отзывов; резолюции и пометки Ленина на документах дают этому множество примеров⁶⁴ (часто это касалось и вопросов, требовавших срочного решения, а в числе адресатов были как исполнители, так и заинтересованные в исполнении). Рассылка копий рассматривалась как обязательное условие для выполнения ряда функций документа. Это было не только ознакомление с целью получения отзыва, но и контроль исполнения, для которого также применялись «запросы» и «напоминания»⁶⁵.

С информационной ролью документов и качеством информации тесно связаны вопросы их публикации. Ленинские требования краткости, сжатости, четкости изложения, продиктованные стремлением к конкретности информации, быстроте и удобству ее извлечения, касались не только оперативной документации. Отчет НКВД, например, отпечатанный к IX съезду Советов, по мнению В. И. Ленина, имел тот недостаток, что был «слишком толст» и что «его трудно дочитать до конца»⁶⁶. 24 октября 1919 г. В. И. Ленин обратился с письмом в Госиздат, к В. В. Воровскому по поводу брошюры «III Интернационал. 6—7 марта 1919» (М., 1919). Он объявлял «строгий выговор за подобное издание», требовал наказания виновных, прочтения своего письма всеми членами коллегии Госиздата и выработки мер гарантии от «такого безобразия». Причины беспорядочности, безграмотности в брошюре, которая, по словам В. И. Ленина, опозорила великое историческое событие, он видел в отсутствии оглавления и группировки публикуемых документов и материалов: «Ни предисловия, ни протоколов, ни точного текста решений, ни выделения решений от речей, статей, заметок, ничего ровно! Неслыханный позор!»⁶⁷

Общезвестны высказывания В. И. Ленина о газете как пропагандисте, агитаторе, коллективном организаторе; для выполнения этих задач она должна не просто информировать о фактах и событиях, но и соответствующим образом обрабатывать материал. Газету, широко используемую нашими современниками в качестве исторического источника, В. И. Ленин рассматривал как документ оперативного характера, оказывающий боль-

⁶¹ «Ленинский сборник», т. XXXVII, стр. 253. Впоследствии Ленин очень интересовался результатами этих работ (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 26—27).

⁶² «Ленинский сборник», т. XXXVII, стр. 299.

⁶³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 229; т. 54, стр. 99 и др.

⁶⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 121, 147, 150 и др.

⁶⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 253—254, 325—326.

⁶⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 301.

⁶⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 71.

шую помощь в решении задач управления. В письме в редакцию «Экономической жизни» по поводу превращения ее в орган СТО (1 сентября 1921 г.) он писал, что «газета должна стать боевым органом, не только дающим регулярные и правдивые сведения о нашей экономике», но и анализирующим и обрабатывающим эти сведения научно «для получения правильных выводов в целях управления промышленностью и проч.», а также «подтягивающим», контролирующим звеном в управлении⁶⁸. Эта же мысль о действенности публикуемых газетой сведений высказана и в «Постановлении о работе замов. . .», где В. И. Ленин настаивает на ее превращении «в орган хозяйственного управления», вопреки стремлению литераторов и соработников «свести эту газету на уровень обычного. . . органа «мнений», взглядов и перебранки. . .»⁶⁹.

В «Постановлении о работе замов. . .», на примере отчетов губэконосо, содержатся важнейшие указания об информационной — оперативной и культурно-просветительной — роли публикуемых документов. В. И. Ленин подчеркивал, что «отчеты губэконосо должны правильно читаться», во-первых, членами Госплана, работниками ЦСУ и «Экономической жизни», каждый из которых обязан давать краткие отзывы для печати или для своих учреждений и отвечать за «необходимые своевременные указания и выводы», и, во-вторых, группой коммунистов, способных читать их «с вневедомственной, а *только* с коммунистической точки зрения»⁷⁰. В. И. Ленин далее отмечал необходимость распределения отчетов губэконосо для чтения и использования в периодических и других изданиях с целью своевременной и правильной информации, а также важность постепенного, но неуклонного расширения круга обязательно печатаемых отчетов, с целью «приучения все большего количества населения пользоваться в библиотеках подобными отчетами», без чего невозможно «действительное превращение полуазиатской страны в культурную и в социалистическую»⁷¹.

Разумеется, рассмотренные нами вопросы далеко не исчерпывают возможности изучения ленинской методики работы с документами в управлении⁷². Однако и они убедительно свидетельствуют о том, что указания В. И. Ленина играли большую оперативную, организующую и направляющую роль в повседневной работе советского государственного аппарата в первые послереволюционные годы, когда недостатки госаппарата были, по словам В. И. Ленина, связаны с прошлым, которое «не отошло в стадию ушедшей уже в далекое прошлое культуры»⁷³. В. И. Лениным был заложен фундамент культуры управления, в которой значение, характер и «формальные» признаки документации соответствовали бы советскому типу управления, и определены критерии этого соответствия: «деловая польза» (для организационных и других выводов, решения вопроса по существу), личная ответственность, оперативность, культурно-воспитательная роль.

⁶⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 112.

⁶⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 156.

⁷⁰ Там же, стр. 155.

⁷¹ Там же.

⁷² Целые сведения о внимании В. И. Ленина к протоколам и другим делопроизводственным документам СНК в ранний период его деятельности приводятся в статье: А. С. Покровский. Протоколы заседаний СНК РСФСР как исторический источник («Период Смольного»). — «Археографический ежегодник за 1972 г.». М., 1974, стр. 190—205.

⁷³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 390.

Е. М. Зенц

**ИЗ ИСТОРИИ ПОДГОТОВКИ ДЕКРЕТА
«О ЗАПРЕЩЕНИИ ВЫВОЗА ЗА ГРАНИЦУ
ПРЕДМЕТОВ ИСКУССТВА И СТАРИНЫ»**

Фонд № 54¹ Отдела письменных источников Государственного ордена Ленина Исторического музея состоит, главным образом, из документов Отдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Наркомпроса — отчетов, планов, переписки за 1918—1927 годы.

В этом фонде хранится письмо В. В. Воровского, адресованное В. И. Ленину. Письмо на бланке Народного Комиссариата иностранных дел от 14 июля 1918 г. Под датой машинописная пометка: «г[остиница] Метрополь»². Письмо напечатано на машинке, по-видимому, под диктовку В. В. Воровского, и подписано автором: «в Скандинавии В. Воровский». Сверка подписи и правки в тексте с письмами В. В. Воровского, хранящимися в ЦПА ИМЛ, подтвердили подлинность автографа В. В. Воровского.

В. В. Воровский, по свидетельству Л. Б. Красина, «один из ближайших и любимейших сотрудников»³ В. И. Ленина, постановлением ВЦИК от 27 октября (10 ноября) 1917 г. стал полпредом Советской России в Скандинавских странах. Находясь в Стокгольме, В. В. Воровский явился свидетелем широкой торговли в антикварных магазинах русскими художественными ценностями, вывезенными из России торговыми и банковскими дельцами. В июле 1918 г. В. В. Воровский приехал на родину и направил официальное письмо В. И. Ленину о необходимости поставить законодательную преграду расхищению национального художественного достояния. На письме В. В. Воровского есть полустертый штамп Управления делами рабоче-крестьянского правительства, входящий № 7763 и дата получения письма — 15 июля 1918 г., пометка черными чернилами: «В Комиссариат Народного просвещения на рассмотрение»⁴. В левой верхней стороне письма стоит штамп «подотдел III провинциальных музеев», без числа, 1918 г. Таким образом, письмо В. В. Воровского было направлено в один из подотделов Отдела по делам музеев Наркомпроса⁵.

¹ Фонд был передан в Государственный исторический музей по постановлению комиссии по ликвидации Центрального хранилища Московского музейного фонда в составе С. П. Григорова, В. Н. Лебедева, П. С. Воскресенского 19 апреля 1930 г. (ГИМ, ОПИ, ф. 54, ед. хр. 244).

² В московской гостинице «Метрополь» в июле 1917 г. размещался Народный Комиссариат иностранных дел (ГИМ, ОПИ, ф. 54, ед. хр. 86).

³ «Речи М. М. Литвинова, Г. В. Чичерина, Л. Б. Красина, С. А. Лозовского, У. Террачини на открытии памятника Воровскому». — *В. В. Воровский*. Статьи и материалы по вопросам внешней политики. М., 1959, стр. 228.

⁴ Сверка с письмами В. Д. Бонч-Бруевича (в 1918 г. управляющий делами Совнаркома), хранящимися в ОПИ ГИМ, показала, что надпись сделана не В. Д. Бонч-Бруевичем, а, вероятно, кем-то из сотрудников Управления делами.

⁵ Отдел по делам музеев Наркомпроса в 1918 г. состоял из 9 подотделов: I подотдел — центральные музеи, II — национальный музейный фонд, III — провинциальные музеи, IV — столичная охрана памятников, V — провинциальная охрана, VI —

Приводим текст письма. Текст дан по правилам современной орфографии.

«Председателю Совета Народных Комиссаров.

Вследствие запрета вывоза денег из России* и вследствие невозможности перевода денег через банки за последнее время сильно развился особый прием, именно, вывоз за** границу художественных произведений. Вывозятся, главным образом, картины, преимущественно высокой ценности с тем расчетом, что, не обременяя путешественника своим объемом, или весом, они при реализации за границей дают сразу крупные суммы денег. Этот своеобразный способ получения валюты облегчается тем, что вследствие накопления массы свободных денег у западноевропейской буржуазии спрос на произведения искусства и цены на них поднялись невероятно. Помимо вообще нежелательного обхода закона о невывозе денег из России, этот способ представляется особенно нежелательным потому, что произведения искусства сосредоточены, главным образом, в руках верхов нашей буржуазии, из которых вербуются кадры контрреволюционеров. Десятки крупных представителей [ее], *** банковских и торговых дельцов, явно враждебных нынешней власти, получившие какими-то странными путями заграничные паспорта, имеют возможность, благодаря вывозу и сбыту картин не только спокойно существовать за границей, но и поддерживать контрреволюционные происки.

С другой стороны, многие иностранные фирмы, имевшие в России значительные запасы русской валюты и лишённые**** возможности вывезти ее прямо, вывозят ее в виде произведений искусства. Это обстоятельство не следовало бы поощрять, так как деньги скандинавских капиталистов, лежащие в России, являются одним из способов поощрения дружественных отношений между соседними странами и Россией.

Ввиду изложенного я считал бы весьма важным незамедлительно издать декрет, воспрещающий вывоз***** всех произведений искусства, изъятия***** из какого допускались бы лишь по личному разрешению народного комиссара просвещения, по соглашению с народным комиссаром торговли и промышленности*****.

В Скандинавии

В. Воровский».

Неотложная необходимость в разработке специального декрета о запрещении вывоза памятников искусства и старины из РСФСР отчетливо выявилась уже к маю 1918 г., когда на заседании Совнаркома 30 мая было решено поручить Наркомпросу в 3-дневный срок разработать подобный закон⁶. В отчете Отдела по делам музеев за период 23 мая—

монументальная реставрация, VII — монументальная регистрация, VIII — археологический, IX — внешкольного музейно-художественного образования (ГИМ, ОПИ, ф. 54, д. 1—50). В составе Отдела по делам музеев 3 подотдела (IV, V, VII) занимались вопросами охраны памятников. Во главе Отдела музеев стояла Всероссийская коллегия по делам музеев и охраны памятников искусства и старины. Кроме того, Комиссариат имущества Республики имел свою Коллегию по охране памятников. Объединение Отдела по делам музеев с Комиссариатом имущества республики произошло 31 октября 1918 г. (ЛГАОР СС, ф. 2816, оп. 3, д. 9, л. 74).

* В декабре 1917 — мае 1918 гг. были приняты важнейшие декреты, имевшие целью, поставить на службу молодому Советскому государству весь золотой и денежный запас страны.

** «з» в слове «за» поправлено В. В. Воровским.

*** Слово «ея» и запятая надписаны над строкой В. В. Воровским.

**** В слове «лишённые» В. В. Воровский переправил последнюю букву на «я».

***** Слово «вывоз» написано В. В. Воровским над строкой между словами «воспрещающий» и «всех».

***** В слове «изъятие» последняя буква поправлена В. В. Воровским на «я».

***** Выделенный курсивом текст подчеркнут простым карандашом, по-видимому, при прочтении письма В. В. Воровского в Отделе по делам музеев. Весь последний абзац отчеркнут слева двумя параллельными чертами.

⁶ «Декреты Советской власти», т. 2. М., 1959, стр. 104—105.

26 июня 1918 г., опубликованном в газете «Известия», сообщалось, что «проект декрета уже разработан и внесен в Государственную Комиссию по просвещению, которая представит его на утверждение Совнаркома»⁷. Однако декрет в своей окончательной форме еще не был разработан, что видно из ответного письма Отдела по делам музеев В. В. Воровскому от 29 июля 1918 года: «декрет о невыезде художественных ценностей разрабатывается и сделано заявление таможенному ведомству о недопущении вывоза за границу вышеозначенных предметов»⁸.

Письмо В. В. Воровского явилось, по-видимому, одним из побудительных мотивов к ускорению разработки декрета о невыезде художественно-исторических ценностей за границу.

Декрет «О запрещении вывоза за границу предметов искусства и старины», за подписью В. И. Ленина, был принят 19 сентября 1918 г.⁹ В декрете предписывалось «воспретить вывоз из всех мест Республики и продажу за границу кем бы то ни было предметов искусства и старины без разрешений, выдаваемых Коллегией по делам музеев в Петрограде и Москве при Народном комиссариате просвещения»¹⁰. Все магазины, торгующие предметами искусства и старины, и эксперты обязаны были зарегистрироваться в течение трех дней со дня опубликования декрета во Всероссийской Коллегии по делам музеев. Таким образом, вывоз из страны был поставлен под строгий контроль государства. Президиум Коллегии 22 октября 1918 года принял инструкцию, выработанную Главным управлением по таможенному контролю совместно с «представителями торговли и промышленности»¹¹. 29 октября 1918 г. была организована специальная комиссия по контролю над вывозом за границу памятников искусства и старины, выработаны формы описи предметов, образцы разрешений на вывоз малозначимых предметов культуры¹².

Большую практическую помощь в борьбе за осуществление на практике декрета о запрещении вывоза памятников искусства и старины оказали органы ВЧК. Всероссийская Чрезвычайная Комиссия разработала циркуляр от 5 ноября 1918 года, предписавший всем органам ЧК — губернским, уездным, участковым, пунктовым, всем комиссарам ЧК на железных дорогах и особенно пограничным ЧК решительно бороться со всеми попытками провоза за границу ценных художественно-исторических памятников¹³.

Таким образом, комплекс мер, принятых Наркомпросом и другими советскими организациями и учреждениями, преградил путь потоку хищений памятников культуры молодой советской республики, и этому в немалой степени способствовали выдающиеся советские деятели, в том числе В. В. Воровский.

⁷ «Известия ВЦИК», № 136 (400), 1918 г.

⁸ В. В. Воровскому отвечала заведующая Отделом по делам музеев (ЦГАОР СССР, ф. 2307, оп. 8, д. 10, л. 2).

⁹ СУ, 1918 г., № 69, ст. 751; «Известия ВЦИК», 24 сентября 1918 г.

¹⁰ Там же.

¹¹ ЦГАОР СССР, ф. 2306, оп. 28, д. 9, л. 43.

¹² Там же, л. 36.

¹³ Там же, оп. 23, д. 1, л. 5 об.

А. А. Курносов

ВОСПОМИНАНИЯ-ИНТЕРВЬЮ В ФОНДЕ КОМИССИИ
ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

(Организация и методика собирания)

В отделе рукописных фондов Института истории СССР АН СССР хранятся материалы Комиссии по истории Великой Отечественной войны. С точки зрения состава этот фонд не совсем обычен. Некоторую, сравнительно небольшую, часть его образуют материалы, с помощью которых документировалась деятельность этого научного учреждения в годы войны. Традиционные по форме (приказы, протоколы заседаний, отчеты, переписка, инструктивно-методические материалы и т. п.), эти источники отразили деятельность коллектива историков в исключительных условиях военного времени. Они могут оказаться весьма ценными при исследовании ряда историографических проблем как конкретного (история исторической науки в период Великой Отечественной войны), так и более общего характера (профессиональное участие историков в событиях современности, влияние историков на формирование фонда источников и т. п.). Кроме того, данная группа документов во многом объясняет содержание и особенности основной части фонда, которая состоит из материалов, собранных сотрудниками Комиссии.

Собранные историками источники весьма разнообразны. Среди них — официальные служебные документы воинских частей, партизанских формирований, промышленных предприятий, партийных и советских учреждений и т. п. Эти оперативные, отчетные, нормативно-распорядительные документы, как правило, не образуют сколько-нибудь компактных комплексов. Более или менее случайно оказавшиеся в распоряжении Комиссии, они весьма разрозненны и по существу лишь дополняют главный и специфический для Комиссии массив источников. Этот массив образуют материалы личного происхождения: в меньшей степени — письма, рукописи воспоминаний и, по преимуществу — стенограммы и записи устных воспоминаний¹. Такого рода источники создавались и раньше — в процессе работы Истпартов, при подготовке «Истории Гражданской войны», «Истории фабрик и заводов». Опыт, накопленный в 20—30-е годы, был в известной степени воспринят Комиссией по истории Великой Отечественной войны, а также ее филиалами и некоторыми другими научными и культурными организациями (институтами, музеями, архивами и др.).

Комплекс стенограмм, отложившихся в фонде Комиссии, примечателен во многих отношениях, прежде всего, широтой отражения такого громадного и сложнейшего явления, каким была Великая Отечественная война. В стенограммах представлены события на фронтах, на оккупированной территории, в советском тылу. При этом воспроизведены представления о них их участников — не только знаменитых, вы-

¹ В Комиссии для их обозначения был принят термин — «стенограммы (записи) бесед». Тем самым определялся способ получения информации (интервью), но не ее характер.

дающихся, но и «рядовых», малоизвестных. Эти рассказы записывались с минимальным разрывом во времени. Иногда еще до завершения событий, чаще — вскоре после них. Поэтому содержание рассказов не деформировано дефектами памяти, последующей историографической или литературной традицией, а впечатления еще свежи. Это свойство стенограмм — непосредственно фиксировать индивидуальные мнения людей о событиях колоссального исторического значения — кажется главной особенностью источников такого рода.

В настоящее время материалы, собранные Комиссией, не считая документов ее текущего делопроизводства, разбиты на десять разделов.

Раздел I — История воинских частей — охватывает материалы 260 воинских частей, соединений и объединений. Подавляющее большинство из них — коллекции, собранные в дивизиях. Кроме того, имеются комплексы материалов, полученные в армиях (62-й, 64-й и др.), на флотах (Балтийском, Северном и Черноморском), в отдельных частях, полках ВВС и др.

В разделе II сосредоточены источники по истории партизанского движения, объединенные в 22 фонда, преимущественно территориальных (по областям и республикам), а внутри — разбитых по партизанским формированиям.

Раздел III — Оборона городов — включил в себя коллекции, отразившие оборону Ленинграда, Одессы, Севастополя, Тулы, Сталинграда, полуострова Ханко, Харькова, Смоленска, Донбасса, Бреста, Крыма, Краснодара, Гомеля, а также штурм Бранденбурга и Берлина, Курскую операцию.

В IV раздел выделены материалы о Героях Советского Союза (по преимуществу стенограммы и записи воспоминаний, всего около полутора тысяч единиц хранения).

В разделе V — Военная экономика — собраны материалы заводов, комбинатов, шахт и т. п. (всего — 53 коллекции).

VI раздел — Оккупационный режим немецко-фашистских захватчиков — включил в себя 24 группы материалов (соответствующих 5 республикам, 4 областям, 10 городам, 2 экономическим районам).

В IX раздел, отразивший оборону Москвы, входят материалы, собранные в 27 райкомах столицы, 6 горкомах и райкомах области, а также в Моссовете, метрополитене, связанные с деятельностью ПВО и формированием ополчения.

Гораздо беднее источниками разделы VII (Национальные республики в дни Отечественной войны) и VIII (Культура и быт в дни Отечественной войны).

В исторической литературе встречаются ссылки на фонд Комиссии по истории Великой Отечественной войны. Но специально, с источниковедческой точки зрения эти материалы разработаны далеко не в полной мере.

Цель данной статьи также не включает в себя всестороннее изучение этого комплекса источников. Ее задача уже: выяснить принципы, которыми руководствовался коллектив историков при формировании данного массива свидетельств, методы, а также способы организации работы².

* * *

«Постановлением Президиума Академии наук СССР от 15 января 1942 г. создается научный аппарат по изучению истории Отечественной войны под руководством образованной ЦК ВКП(б) Комиссии. . .»³ —

² Анализ содержания интервью предполагается провести в следующей статье, которая в настоящее время готовится мною.

³ Институт истории СССР АН СССР, Отдел рукописных фондов (далее — ОРФ), сект «К», р. 1, д. 40, л. 48.

этими словами начиналось распоряжение № 1 по Орггруппе Института истории Отечественной войны от 19 января 1942 г.⁴ Однако история Комиссии началась несколько раньше.

По инициативе А. С. Щербакова, МК партии в декабре 1941 г. принял постановление о создании комиссии по истории обороны Москвы. Главной ее задачей было собирание соответствующих материалов и составление хроники обороны Москвы⁵. Первое заседание Комиссии состоялось 11 декабря 1941 г. Ее персональный состав и состав представленных в ней учреждений весьма показательны: председателем был назначен заведующий Управлением агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александров, его заместителем — член-корреспондент АН СССР И. И. Минц. В комиссию вошли заместитель начальника Главного политического управления РККА А. А. Кузнецов (позднее его сменил И. В. Шикин), редактор «Правды» П. Н. Поспелов, редактор «Известий» Л. Я. Ровинский, заведующий ОГИЗом П. Ф. Юдин, заместитель Председателя СНК СССР Р. С. Землячка, секретарь МК партии Е. И. Леонтьева, секретарь ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайлов, академики М. Б. Митин, Ем. Ярославский, историк Е. Н. Городецкий⁶.

Рабочий аппарат Комиссии, непосредственное руководство которым осуществлял И. И. Минц, был укомплектован, в основном, историками, оставшимися в Москве или откомандированными из армии. Среди них были: Э. Б. Генкина, В. И. Шунков, А. Л. Сидоров, И. М. Разгон, Н. С. Трусова, П. И. Белецкий, О. Н. Чаадаева и другие.

Понятно, что усложнявшиеся и все более трудоемкие задачи не могли быть решены ограниченными силами аппарата центральной Комиссии, если бы ей не была оказана в самых широких масштабах помощь со стороны партийных, государственных, военных органов, научных, культурных и общественных организаций, а, главное, если бы не глубокая заинтересованность фронтовиков, партизан, работников тыла в сохранении их опыта. Эта заинтересованность, основанная на осознании громадного исторического значения событий, в которых они участвовали, была необходимой предпосылкой успешной работы Комиссии.

31 марта 1942 г. Военный совет войск ПВО территории страны направил командующему и военному комиссару Московского корпусного района ПВО и командующему и военному комиссару 6 авиакорпуса следующий документ: «1. Согласно указаний ЦК и МК ВКП(б), приступила к работе комиссия по составлению истории обороны Москвы. Начат сбор материалов по боевой истории авиации и всей системы ПВО Москвы. Мероприятие большого значения. Исключительно почетная и ответственная задача — показать огромную роль всей системы ПВО в обороне Москвы, рассказать о наших доблестных бойцах, командирах и политработниках, передать их боевой опыт и славные боевые традиции. 2. Военный Совет предлагает оказать всемерное содействие и помощь комиссии в ее работе, дав соответствующие указания частям. 3. Политотделам корпусов принять активное участие в составлении глав истории обороны Москвы, посвященных боевой деятельности ПВО. Организовать сбор документов, материалов и фотоснимков, запись рассказов Героев Советского Союза, орденоносцев, бойцов и командиров, отличившихся в боях.

Представить материалы, отображающие участие корпусов в борьбе с наземным противником, фашистскими танками. . .»⁷

Потребность сохранить пережитое для истории находит подтверждение в письмах участников борьбы с фашистами. Секретарь Клетнянского райкома партии Орловской обл. А. Ф. Семенов от имени райкома про-

⁴ Перед СНК СССР было возбуждено ходатайство о создании такого института. — Там же.

⁵ Там же, д. 22, л. 55; д. 1, л. 215.

⁶ Там же, д. 1, л. 1; д. 2, лл. 1, 5.

⁷ Там же, д. 22, лл. 19—20.

сил включить в план написания истории Отечественной войны Клетнянский район, где было до 20 тысяч партизан. «Своей героической борьбой наши славные партизаны и партизанки заслужили внимание и место в истории Отечественной войны»⁸

Военный Совет Московского фронта противовоздушной обороны просил поручить Комиссии создать историко-литературный сборник «Воздушная битва за Москву»⁹.

В отчетах о командировках сотрудники Комиссии отмечали со стороны людей, с которыми они встречались, понимание смысла их работы, готовность к самому широкому сотрудничеству, искреннее стремление оказать необходимую помощь.

Естественно, контакты облегчались весьма представительным составом Комиссии, а также прямой помощью со стороны ЦК Партии и местных партийных и государственных органов.

Результатом этой поддержки и активной работы самой Комиссии явилось создание разветвленной сети республиканских, областных и ведомственных комиссий, которые в свою очередь стремились к налаживанию тесного взаимодействия с центральной Комиссией¹⁰.

Одной из первых оформилась в Свердловске Уральская группа Комиссии по истории Отечественной войны АН СССР. Ее учредительное заседание состоялось 3 июня 1942 г. под председательством вице-президента Академии наук СССР академика В. П. Волгина.

Вскоре пришло сообщение из Ленинграда о том, что Ленинградскому Институту истории партии поручено собирание материалов и составление хроники обороны Ленинграда. Для руководства этой работой предполагалось создание авторитетной комиссии¹¹.

Вслед за тем последовали сообщения о создании комиссий в Дагестане, Белоруссии, Башкирии, Челябинской области, Киргизии, Казахстане, Молотовской обл., Удмуртской АССР, Узбекистане, Красноярском крае, Азербайджане, Карело-Финской ССР¹². По мере освобождения временно оккупированных гитлеровцами областей и республик в них также создавались комиссии по истории Великой Отечественной войны.

Большинство из них начинало деятельность с извещения центра о своем учреждении. Иногда, впрочем, связи устанавливались и через командированных из Москвы сотрудников, которым вменялось в обязанность не только собирать материалы, но и содействовать развитию сети комиссий.

Методическое руководство их работой являлось одной из важных функций центральной Комиссии, впрочем, как и выработка общей ме-

⁸ Там же, д. 6, л. 104.

⁹ Там же, д. 1, л. 104.

¹⁰ В июле 1942 г. Комиссия по истории Великой Отечественной войны АН СССР разработала проект письма о создании сети республиканских и областных комиссий в составе 3—5 человек. Эти комиссии должны были использовать в своей работе существующие научные учреждения, общественные организации, редакции газет и журналов. Общие задачи работы формулировались следующим образом: «... собирание материалов по истории Отечественной войны: о партийных, советских, профсоюзных, комсомольских и других общественных организациях в Отечественной войне, о перестройке и мобилизации промышленности и сельского хозяйства на войну, о героях фронта и тыла, о социалистическом соревновании, о помощи фронту и т. п.» (ОРФ, сект. «К», р. I, д. 22, лл. 39—40). Письмо было разослано (там же, д. 29, л. 64). Организационное единообразие местных комиссий, сходство направлений и методов их работы, конечно, нельзя объяснить только воздействием этого письма. Большую роль сыграли повседневные контакты «центра» и «периферии», обмен опытом, логика самой работы, диктовавшая наиболее целесообразные формы и методы подобного рода деятельности.

¹¹ Там же, д. 29, л. 17.

¹² Там же, лл. 23, 34, 51, 60, 61, 63—64, 66, 83, 91, 109, 110.

тодики для ее собственных сотрудников. А методы работы, как известно, определяются представлением о ее целях и задачах.

Задачи Комиссии по истории Великой Отечественной войны в процессе ее деятельности видоизменялись. Первоначально (с декабря 1941 и, примерно, до середины 1942 г.) основной целью работы был сбор материалов об обороне Москвы.

Локально ограниченная в первое время, работа Комиссии, однако, носила комплексный характер. На первом же заседании — 11 декабря 1941 г. — было решено «возложить на районные комиссии... подбор материала, отражающего ход обороны Москвы, деятельность парторганизаций, боевую работу в районах, культ[урно]-бытовую жизнь и т. п.»¹³. Об этом же можно судить и по проекту плана книги «Оборона Москвы», который, по-видимому, относится к осени 1942 г.¹⁴ Этим проектом предусматривалось описание жизни столицы с первого дня войны (мобилизация, формирование и боевые действия дивизий народного ополчения, перестройка промышленности для нужд войны, эвакуация, строительство оборонительных рубежей, противовоздушная оборона, культурная жизнь, быт Москвы, партизанское движение и, конечно, ход военных действий).

Постепенно связи «московской» проблемы с общегосударственными становились все более очевидными. В результате составление хроники обороны Москвы стало задачей только одного из отделов Комиссии, под руководством О. Н. Чадаевой.

Расширение функций еще более расширило круг проблем, включенных в сферу интересов Комиссии. Ее проблематика в какой-то мере отражается структурой аппарата, который был разделен на следующие проблемные отделы: 1. История воинских частей (гвардейские части, ПВО г. Москвы, Герои Советского Союза, фронты, узлы обороны: Одесса, Севастополь, Киев, Тула, Ростов и др.)¹⁵; 2. История партизанского движения (по областям и республикам); 3. Военная экономика (разрушения, зверства фашистов, хроника); 4. Национальные республики в Отечественной войне¹⁶. Кроме проблемных отделов значительную роль в работе Комиссии играл архив, собиравший и систематизировавший собранные сотрудниками материалы.

Конкретнее направления работ Комиссии вырисовываются при ознакомлении с тематикой книг, брошюр и статей, над которыми работали сотрудники. Кроме упомянутой выше книги «Оборона Москвы», готовились истории ряда воинских частей и соединений¹⁷. В 1942—1943 гг. велась работа над двухтомником «Герои Советского Союза»¹⁸. Планировались также издания по истории обороны ряда городов — Сталинграда, Тулы и др.¹⁹, об участии женщин в войне²⁰, очерки об отдельных предприятиях, промышленных комплексах, колхозах и т. д.

Сам факт планирования этих изданий влиял на направления сбора материалов. В свою очередь, тематика намеченных трудов зависела от наличия документальной базы. Во всяком случае, массивы материалов, собранные Комиссией, и тематика ее изданий явно связаны друг с другом.

¹³ ОРФ сект «К», р. 1, д. 2, лл. 1—2.

¹⁴ Там же, д. 6, лл. 28, 30—33.

¹⁵ В скобках указаны основные направления работы отдела.

¹⁶ Перечень отделов дан по схеме, относящейся, вероятно, к концу 1942 г. (там же, д. 1, л. 1). В отчете за 1943 г. перечислены отделы национальных республик, военной экономики, партизанского движения, Героев Советского Союза, хроники обороны Москвы (там же, д. 38, лл. 2—4). В начале 1944 г. был создан отдел «Оккупационный режим и восстановление органов Советской власти» (там же, д. 3, л. 2).

¹⁷ См., например, отчет за 1943 г. (там же, д. 38, лл. 2—4, 6—8 и др.).

¹⁸ Там же, л. 8. Книга была снята с плана. Несколько подготовленных для нее очерков вышло в свет в виде отдельных брошюр и листовок.

¹⁹ Там же, л. 6.

²⁰ Там же, л. 95.

При этом Комиссия не могла и не должна была конкурировать с государственными архивами²¹.

Основное внимание сотрудники Комиссии обращали на сбор материалов личного происхождения — рукописных воспоминаний, дневников, очерков и обзоров, а главное — стенографических записей рассказов и воспоминаний участников событий.

Именно эта последняя группа источников специфична для фондов Комиссии и представляется наиболее интересной и значительной их частью — как в количественном, так и в качественном отношении.

* * *

Записи рассказов участников войны проводились с минимальным временным разрывом по отношению к рассказанным событиям, подчас тогда, когда даже близкие последствия их еще не вполне выяснились. Обстановка военного времени — с особыми свойствами ее быта, человеческих взаимоотношений, душевного настроения — сохранялась как для рассказчиков, так и для интервьюеров.

Очень важным было и то обстоятельство, что интервьюерам были доступны не только отдельные участники событий, но и целые их коллективы. Это создавало возможность не только расширять круг рассказчиков, но и заполнять лакуны, уточнять не вполне ясные сообщения — короче, в той или иной степени формировать систему источников о каком-либо событии из более или менее согласованных между собою единиц.

Полное исследование отдельных комплексов стенограмм не является целью данной статьи²². Своей задачей я считаю лишь изложение общих принципов организации работы, которыми руководствовались сотрудники Комиссии, насколько их удастся проследить по документам, отразившим деятельность ее аппарата, — по отчетам, инструктивным материалам, протоколам совещаний, переписке и т. п. При этом имеется в виду остановиться прежде всего на вопросах, связанных с выбором объектов обследования (воинских частей, партизанских формирований, производственных коллективов и т. п.) и с установлением участников событий, которые интересовали сотрудников Комиссии в качестве рассказчиков. В результате, может быть, найдет объяснение состав фондов, сложившихся в процессе деятельности Комиссии.

Уже упоминалось, что местным комиссиям требовалась методическая помощь из центра. С этой целью было разработано несколько инструкций, в которых суммировался опыт московской Комиссии. Первая из них адресована комиссиям национальных республик и областей и относится, вероятно, к концу 1942 г.²³ Инструкция содержит примерный пе-

²¹ Показательно, что в первоначальной редакции решения Комиссии, принятого 30 сентября 1942 г., указывалось: «1. Основной задачей Комиссии считать собирание материала, который не откладывается в архивах». В окончательном варианте это ограничение было снято. Тем не менее, сам факт его присутствия в проекте свидетельствует об определенном понимании специфики материалов, входящих в сферу интересов этого учреждения (см. там же, д. 2, л. 6; курсив мой. — А. К.). Впрочем, в первый год деятельности Комиссии официальная документация составляла довольно значительную часть собранных ею материалов. Постепенно ее доля все более сокращалась (см. таблицу в конце статьи).

²² Сооставление некоторых стенограмм воспоминаний между собой и с другими источниками проведено в более ранних статьях. См. А. А. Курносоев. Мемуары участников партизанского движения в период Великой Отечественной войны как исторический источник (Опыт анализа мемуаров по истории Первой Бобруйской партизанской бригады). — «Труды МГИАИ», т. 16. М., 1961, стр. 29—55; он же. Приемы внутренней критики мемуаров (Воспоминания участников партизанского движения в период Великой Отечественной войны как исторический источник). — «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы». М., 1969, стр. 478—505.

²³ ОРФ, сект. «К», р. I, д. 8, лл. 1, 2. Датируется на основании переписки (см. там же, д. 7, л. 51).

речень тем, по которым может происходить собрание материалов, — с оговоркой о том, что «конкретные условия той или иной республики требуют особой тематики» (например, прифронтовые республики или обкомы могут заниматься историей партизанского движения, а удаленные от фронта — теми вопросами, которые больше всего характеризуют их работу в годы войны). Среди них — Герои Советского Союза и герои Отечественной войны, истории дивизий, сформированных в данной республике или области, перестройка промышленности и сельского хозяйства для нужд обороны (в том числе — работа эвакуированных предприятий, трудовой героизм, материалы о лучших людях тыла — стахановцах, героях Социалистического Труда, истории предприятий), помощь населения фронту (сбор средств в фонд обороны, посылки на фронт, движение доноров, усыновление сирот, помощь освобожденным от оккупации районам и городам и т. д.), наука и культура, работа партийных, советских, профессиональных и комсомольских организаций (сюда входят создание народного ополчения, формирование добровольческих частей, посылка на фронт коммунистов и комсомольцев), наконец, составление хроники событий и картотеки о важнейших событиях в жизни данной республики или области.

Инструкция включала и рекомендации относительно форм материалов, которые должны были собираться комиссиями. Характерна последовательность их перечисления: «рассказы активных участников борьбы и строительства, рассказы героев, дневники, документы и т. п.» (интересно, что «документы», надо полагать официальные, упомянуты последними). В следующем пункте перечислены опубликованные (печатные и газетные) материалы, а также — фотоматериалы. Явное предпочтение отдается стенограммам воспоминаний, записям рассказов и т. п. и в методических пояснениях, касающихся разработки некоторых из перечисленных выше тем²⁴.

Инструкция республиканским и областным комиссиям содержала наиболее обобщенное изложение рекомендаций об организационных принципах, направлениях и способах работы.

Позднее эти рекомендации были конкретизированы в более частных инструкциях²⁵ и в своего рода инструктивных письмах о разработке определенных тем и об организации работы в тех или иных республиках или областях.

Сами по себе они важны, поскольку в определенной степени объясняют довольно многочисленную и содержательную группу источников («историй»). Однако в рамках данной статьи нет необходимости в их полном анализе. Поэтому я остановлюсь лишь на некоторых предложениях и рекомендациях, содержащихся в них.

Общая цель работы по составлению историй частей определяется авторами одной из инструкций следующим образом: «Надо во что бы то ни стало добиться того, чтобы все гвардейские части и каждая дивизия имела записанную боевую историю. Это является большим и важным делом сегодняшнего дня, так как история воинского соединения или части — прекрасный материал для воспитания бойцов, для передачи опыта, знаний, боевых традиций. Это поможет составлению большой истории Великой Отечественной войны в будущем, после победы»²⁶.

Среди рекомендаций, касающихся сбора материалов для истории, особенно подробно охарактеризована запись рассказов участников боев.

«1) Необходимо записать живые рассказы отдельных командиров, политработников, бойцов об отдельных боевых эпизодах, целых периодах жизни, встречах, мыслях, чувствах и т. д.

²⁴ ОРФ, сект. «К», р. 1, д. 8, лл. 1—2.

²⁵ ОРФ, сект. «К», р. 1, д. 7, лл. 21—33; там же, д. 29, л. 51.

²⁶ Там же, д. 7, лл. 23—24.

а) Эту работу надо проводить по заранее намеченному плану. Рекомендуется сначала записать рассказ командира и нач. штаба для получения канвы, основы всех действий части. Затем по определенному плану записать особо отличившихся героев, бойцов, командиров и политработников, стараясь избежать повторений.

б) При рассказах добиться возможно более полного и правдивого освещения фактов и событий с уточнением хронологических дат, названий мест.

в) Не забывать записать основные данные о каждом рассказчике: краткие данные с указанием даты и места рождения, имени, отчества, домашнего адреса, партийности и работы до войны. В отдельных случаях (в случае особого интереса) — биографию записать подробнее. . . Если позволит обстановка, следует запись прочитать рассказчику и подписаться ему. Надо указать, кто, когда и где произвел запись.

2) Необходимо собрать записи и заметки отдельных товарищей на любую „вольную“ тему, относящуюся к истории части: (боевой эпизод, рассказ о какой-либо встрече, о противнике, о боевом друге и т. д.). Особое внимание уделить сохранению памяти погибших героев. Отдельно и особо записать рассказы о погибших их боевых друзей, подчиненных, командиров, свидетелей их подвигов и гибели, стараясь наиболее полно сохранить их славный образ»²⁷.

В разделе о написании истории части названы основные темы и проблемы. В «круг вопросов, необходимых и обязательных для освещения» входили формирование части, ее боевая учеба, первые встречи с противником и их уроки, вооружение, овладение техникой, пополнения и работа с ними, роль командования, взаимодействие с приданными подразделениями, работа специальных и технических служб (но преобладающее внимание должно уделяться основным подразделениям — стрелковым, артиллерийским и т. п.), связь с тылом, с партизанами и т. д.

Рекомендовалось также включить в историю описание всех значительных боевых операций. В связи с этим высказывалось пожелание дать «полную картину хотя бы одного большого боя». Специально подчеркивалось, что необходимо показать партийно-политическую работу в действии, в органической связи со всей боевой работой.

При этом обращается внимание на необходимость «показать живого человека, его мысли, чувства, переживания, а в связи с этим его роль и место в бою». И еще одно: «Не замазывать трудности и недостатки, не лакировать действительность». Наконец: «Во всем изложении соблюдать строгую историческую правдивость. Тщательно проверять перекрестным допросом людей и документов все события, все даты, имена и факты»²⁸.

Некоторые группы источников сформировались вокруг крупных фронтовых операций. К их числу относятся, в частности, материалы, собранные Э. Б. Генкиной, П. И. Белецким и А. А. Белкиным во время поездок в Сталинград в начале 1943 г.²⁹

В ходе этих командировок были застенографированы рассказы 130 командиров и бойцов из тринадцати стрелковых и одной авиационной дивизий, мотострелковой бригады, мехкорпуса, штабов пяти общевойсковых и одной воздушной армии, а также работников областных и городских партийных и советских органов и двух сталинградских предприятий³⁰.

В числе проинтервьюированных — 3 командующих армиями (В. И. Чуйков, М. С. Шумилов, Г. Ф. Захаров); 2 члена Военных советов

²⁷ Там же, лл. 27—28.

²⁸ Там же, л. 31.

²⁹ Там же, д. 38, л. 15.

³⁰ См. ОРФ, р. III, оп. 5, д. 2, 4, 6—9, 11, 12, 14, 15, 16, 19—23, 28, 29, 32, 34, 36—38, 50-а, 52, 54, 56—59.

армий (К. А. Гуров, К. К. Абрамов); 13 работников штабов армий (62-й, 64-й, 2-й гвардейской, 51-й, 66-й); командир корпуса (В. Т. Вольский); 12 командиров дивизий; командир бригады; 25 офицеров штабов дивизий и бригады, 33 человека из офицерского состава частей и подразделений меньшего масштаба (полков, батальонов, батарей и т. д.), в том числе их командиры; 12 сержантов и солдат ³¹.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что, во-первых, сотрудники Комиссии стремились определенным образом ограничить свою задачу и, вместе с тем, избежать иллюстративности и разрозненности собранных материалов. Необходимость самоограничения диктовалась условиями работы: малочисленностью командированных для сбора материалов групп (2—3 научных сотрудника), жесткими сроками (2—3 недели на командировку), а также громадными масштабами самих событий. Кроме того, большая часть рассказов сталинградцев была записана на завершающей стадии сражения и сразу после него, до постановки соединениям новых задач. Сложившиеся в этот краткий период относительно благоприятные условия следовало использовать в максимальной степени. Распыление усилий привело бы к необратимой утрате редких возможностей, к обеднению собранных материалов.

Названными обстоятельствами был предопределен выбор направления работы. Большинство обследованных соединений входило в состав 62-й, 64-й и 57-й армий или же непосредственно взаимодействовало с ними. А именно эти армии участвовали в сражении с начала его (боев на Дону в июле 1942 г.) до полной ликвидации Сталинградской группировки противника. В ходе событий эти армии оперировали по-соседству друг с другом, их войска нередко участвовали в одних и тех же или взаимосвязанных боях — как на оборонительной, так и наступательной стадиях битвы.

Таким образом, выбор указанных объединений обеспечивал относительную компактность и взаимосвязанность объектов изучения.

Понятно, что такое ограничение еще не исключало возможности распыления сил Комиссии. Чтобы избежать его, должен был быть избран оптимальный масштаб освещения событий, иначе говоря — уровень детализации. На основании опыта предшествующей работы, прежде всего, по сбору материалов о Московском сражении, по-видимому, был в качестве основного установлен уровень дивизий. Он обеспечивал, с одной стороны, конкретность, а с другой — обзорность и «стыковку» собранной информации. Такой «стыковке» должны были способствовать записи рассказов руководящих работников армейских штабов, а воспоминания офицеров полкового, батальонного и других звеньев детализировали обзоры «дивизионного масштаба». Впрочем, такое объяснение состава сталинградских материалов далеко не полно. Большую роль играли конкретные обстоятельства, доступность тех или иных людей, лимит времени и, наконец, случай.

Как бы то ни было, но тактика, избранная учеными, себя оправдала: итогом их работы оказался комплекс источников, на разных уровнях и с разных точек зрения зафиксировавших одни и те же события.

Конечно, стенограммы рассказов не равноценны друг другу. Наряду с последовательными и подробными, записанными в несколько приемов, встречаются фрагментарные и отрывочные, подчас — оборванные буквально на полуслове. Воспоминания, включающие в себя довольно обширные автобиографические экскурсы (иногда — начиная с детства), богатые деталями и подробностями, с ярко выраженным авторским отношением к людям и событиям, с элементами самооценки, соседствуют с рассказами об отдельных эпизодах или с суховатыми оперативными докладами. Но та-

³¹ Подсчеты приближенные, так как должность некоторых авторов воспоминаний не указана.

кая неровность — неизбежное следствие условий и обстоятельств, в которых происходила запись, когда события подчас еще не завершились или только-только наступила их развязка, впечатления не «утрались», не всегда и не обо всем выработалось какое-то общее мнение.

В целом о комплексе собранных в Сталинграде материалов можно было бы сказать, что он построен по «событийному» принципу, т. е. образован вокруг одного большого по масштабам и значению события, Сталинградской эпопеи.

Иная логическая канва соединяет материалы, полученные Н. А. Сидоровой.

С 7 марта по 25 апреля 1943 г. Н. А. Сидорова работала на эвакуированном на Восток заводе № 22. Отчет об этой командировке сам по себе примечателен, поскольку раскрывает условия и, главное, методику работы Комиссии.

Н. А. Сидорова сообщает, что допуск на завод она получила благодаря содействию Обкома партии. Работа встречала постоянную помощь со стороны дирекции и особенно парторга ЦК. Основная часть отчета посвящена анализу застенографированных рассказов рабочих и служащих завода. Первая их группа — 14 стенограмм — дает понятие о производственной стороне жизни эвакуированного предприятия, начиная с предэвакуационного периода и истории самой эвакуации, и кончая подробным описанием основных этапов, пережитых заводом на новом месте. Среди этих стенограмм — запись интервью с директором завода В. А. Окуловым. «Директор дал общую характеристику состояния 124-го завода ... до приезда 22-го з[аво]да, ... отметил основные периоды в жизни эвакуированного предприятия и дал анализ причин, приведших з[аво]д к нормальной работе последнего периода. В конце беседы т. Окулов дал характеристику лучших представителей ком[андного] состава з[аво]да...

Т. Окулов, несомненно, рассказал лишь небольшую часть того, что он может рассказать, и потому при дальнейшей работе над историей з[аво]да с т. Окуловым необходимо провести еще ряд бесед, тем более, что в личном отношении он является человеком с богатой и интересной биографией».

Стенограмма рассказа А. А. Кобзарева — начальника производства — содержит сведения об организации производства на новом месте, о трудностях и их преодолении. «Стенограмма отличается исключительной точностью и логичностью. Будучи чрезвычайно занят, т. Кобзарев сумел уделить беседе сравнительно немного времени, поэтому в дальнейшей работе над историей з[аво]да повторные беседы с т. Кобзаревым необходимы. Он может дать для истории з[аво]да очень много».

Заместитель начальника производства М. П. Горбунов стенографировался три раза. Он «прекрасно знает завод, людей, работу. Его рассказ изобилует подробностями и интересными фактами, являясь в то же время очень систематическим. Т. Горбунов выразил самый живой интерес к предложению создать историю з[аво]да 22 и вне всякого сомнения может оказать в этом отношении большую помощь тт., которые будут создавать данную историю».

«5. Г. А. Белявский — главный технолог з[аво]да (28 стр.) в беседе дал ясную и точную картину состояния технологического процесса на 124 з[аво]де и на 22 з[аво]де, показал, каким путем внедрялась в производство ... технология и как благодаря этому удалось наладить нормальную работу производства. Чрезвычайно удачным является анализ приемов, приведших к восстановлению з[аво]да на новом месте. ... Пожалуй, в этом отношении его стенограмма является лучшей из всех. Рассказ т. Белявского систематичен, интересен и богат подробностями. Для истории з[аво]да т. Белявский, несомненно, является ценным человеком. ...

7. В. П. Максимов — начальник цеха № 50 ... (22 стр.) стенографировался два раза. Работая до назначения на должность пач. цеха

главным технологом з[аво]да, т. Максимов естественно уделил свое внимание технологии эвакуированного предприятия... характеристике основных этапов работы на новом месте, болезней роста завода и преодолению трудностей производственных и бытовых.

Рассказ т. Максимова не только является весьма культурным и грамотным... , но и отличается еще большей красочностью. Т. Максимов умеет рассказывать так, что описание событий получается живым, интересным и остроумным. При работе над историей з[аво]да повторные беседы с т. Максимовым очень желательны».

Столь же подробные характеристики даны в отчете и остальным стенограммам, а также их авторам. При этом, как правило, оценивается осведомленность работников завода, степень исчерпанности их знаний в записях рассказов и заинтересованность в работе над историей предприятия.

Всего Н. А. Сидорова записала рассказы 30 человек. Среди них 14 стенограмм работников заводоуправления, руководителей цехов и служб, в которых сообщается «о производственной стороне жизни эвакуированного предприятия, начиная с преэвакуационного периода и истории самой эвакуации, и кончая подробным описанием основных этапов, пережитых заводом на новом месте»; две стенограммы, специально посвященные быту эвакуированных рабочих, — обе «недостаточно подробны и суховаты», но, поскольку бытовые вопросы затрагивали и другие работники, «общая картина быта вырисовывается достаточно ясно»; 6 стенограмм, посвященных политической жизни завода (в эту группу вошли записи рассказов парторга ЦК ВКП (б), секретарей парторганизаций цехов, зам. секретаря комитета комсомола); 8 стенограмм бесед с лучшими рабочими и мастерами. Все стенограммы были проверены и подписаны авторами³².

Итак, из отчета видно, что Н. А. Сидорова при сборе материалов стремилась к тому, чтобы в комплексе стенограмм были отражены основные стороны жизни коллектива (эвакуация, развертывание производства на новом месте, основные его направления, партийно-политическая работа, быт и т. д.). При этом рассказчики выбирались с таким расчетом, чтобы их сообщения дополняли друг друга, но по возможности не дублировали. История завода фиксировалась в стенограммах так, как она воспринималась на разных уровнях — в масштабе завода в целом, цеха, бригады — и, соответственно, сотрудниками разных специальностей и квалификации, принадлежавших к разным группам (администрации, ИТР, рабочие³³).

Несколько иначе была построена работа группы в составе А. Л. Сидорова, В. И. Шункова и А. И. Шамшиной (стенографистки) во время командировки в Харьков (3—18 октября 1943 г.). За две недели были записаны

³² ОРФ, сект. «Ж», разд. I, д. 41, лл. 16—20.

³³ Как видно, вопрос о «пропорциональном представительстве» разных групп не ставился Н. А. Сидоровой. Он практически не мог быть поставлен. Последняя группа — и абсолютно, и, тем более, относительно, уступает другим. По-видимому, такой состав избранных для интервью работников завода был обусловлен ограниченным временем командировки и составом самой «экспедиции». Ясно, что один научный сотрудник физически не мог произвести действительно массовую запись рассказов. Отсюда — стремление к более или менее обобщенной и компактной информации, которую могли представить, прежде всего, руководители предприятия. Показательно, что во время командировки в Подмосковский угольный бассейн в конце 1944 г. из 31 стенограммы лишь одна принадлежала машинисту врубовой машины. В остальных были зафиксированы рассказы руководящих работников производственных объединений (комбината, трестов и т. д.), предприятий, служб и т. п. (см. там же, л. 7—7 об.). Лакуны в комплексах стенограмм, обусловленные ограниченными возможностями Комиссии, условиями работы и иными причинами, ясно осознавались ее сотрудниками. Особенное беспокойство вызывало малое число записей рассказов рабочих и крестьян при резком преобладании интервью с представителями интеллигенции. Однако радикальное решение проблемы представительства социальных групп, по-видимому, так и не было найдено.

рассказы 77 харьковчан и собраны некоторые документы. Кроме того, группа ознакомилась с работой по сбору материалов республиканской и областной комиссий по истории войны и республиканского архива. Записи рассказов осуществлялись целенаправленно. Основное внимание было обращено на интеллигенцию, прежде всего — академическую (профессуру, преподавателей институтов). «Их рассказы — по оценке А. Л. Сидорова и В. И. Шункова — показывают германский оккупационный режим не только в отношении к интеллигенции, культурным и научным учреждениям, но в отношении всех групп населения. Наблюдения профессоров касаются всех сторон германской политики на Украине»³⁴.

Записаны были сообщения артистов, художников, работников библиотек, преподавателей школ. «В целом собранный материал рисует все стороны отвратительного оккупационного режима — расстрелы и уничтожение евреев и других граждан, разрушение города, уничтожение военнопленных, систему управления, спекуляцию и ограбление города»³⁵.

Другая группа интервью была взята у работников государственного и партийного аппарата. Их рассказы были посвящены, в основном, следующим темам: эвакуации города, подготовке его к обороне (ополчение, оборонительные рубежи), организации подполья и т. д.

Наконец, были взяты интервью у небольшой группы церковнослужителей и у нескольких человек, работавших в городской управе³⁶.

Участники поездки видели неполноту собранного ими массива источников и в своем отчете рекомендовали продолжить работу в Харькове. Они считали необходимым записать рассказы подпольщиков и руководящих работников обкома партии и других учреждений, рабочих и служащих железных дорог, а также основных рабочих районов города. Кроме того выяснилась необходимость сбора материалов об оккупационном режиме в Донбассе и об оккупационном режиме и сельскохозяйственной политике на селе (особенно в зоне гражданского управления)³⁷.

Записанные бригадой А. Л. Сидорова рассказы были высоко оценены Комиссией, прежде всего, за их комплексность. В совокупности, по словам Э. Б. Генкиной, этот материал «целостное большое впечатление производит»³⁸. Опыт, накопленный в этой поездке, во многом был использован в дальнейшей работе Комиссии. В сущности, А. Л. Сидоров и В. И. Шунков наметили новый подход, новую постановку задач. Если прежде основной единицей изучения был производственный или боевой коллектив, а явления большого масштаба раскрывались через историю коллектива, то группа А. Л. Сидорова реализовала проблемный подход к истории войны. При этом комплексность собранных материалов оказы-

³⁴ Там же, л. 9.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же, л. 10. В Комиссии вообще было принято не только сообщать о выполненной работе, но и указывать возможные и перспективные направления ее продолжения. Нередко такие рекомендации включали и сведения о конкретных лицах, освещенных о данной проблеме (см., например, отчет Н. А. Сидоровой). Сверх того в отчетах часто давался исторический обзор событий в данном районе, боевом или производственном коллективе. Такие обзоры, равно как и доклады на совещаниях Комиссии и ее отделов, служили для ориентировки в проблематике, занимавшей коллектив, для подготовки сотрудников к новым экспедициям и помогали планировать дальнейшую работу. А необходимость тщательной подготовки к экспедициям, прежде всего предварительного ознакомления сотрудников с имеющимися материалами по данному объекту или теме, ясно осознавалась в Комиссии. На редакционном совещании 18 апреля 1944 г. докладчик А. А. Белкин заметил: «Предварительная личная подготовка по . . . теме, целеустремленность при ведении записи, большая полнота сведений дадут и более плодотворные стенограммы» (ОРФ, сект. «К», р. 1, д. 3, л. 9; см. также протокол совещания 11 апреля — там же, л. 8). Рекомендация А. Л. Сидорова о продолжении работы в Харькове была вскоре реализована.

³⁸ Протокол совещания отдела «Оккупационный режим и восстановление органов Советской власти». — Там же, л. 16.

валась следствием целенаправленного проведения серии интервью с людьми, которые далеко не всегда были связаны друг с другом в ходе событий.

Другие группы записей сформировались по персональному признаку — в процессе сбора материалов об особенно отличившихся участниках сражений. Так Л. Д. Петров в конце 1944—начале 1945 гг. записал рассказы трижды Героя Советского Союза Покрышкина и его сослуживцев. Основной задачей этой работы был сбор максимально полной информации о выдающемся летчике³⁹.

Итак, коллектив Комиссии стремился к целенаправленности и планомерности в формировании своих фондов. Однако, это требование не всегда могло быть выполнено. Известная фрагментарность материалов была неизбежным следствием большого объема работы, которая велась весьма ограниченными силами во многих направлениях.

* * *

Суммирую изложенные выше наблюдения о принципах, которыми определялась деятельность Комиссии по сбору источников.

1. Выбор объектов обследования и сбора материалов определялся сочетанием ряда принципов: а) территориальным (республика, область, экономический или административный район, город — в Великой Отечественной войне); б) «субъектным» (боевой, производственный, научный и т. п. коллектив — в войне); в) «событийным» (военная операция, оборона города и т. д.).

2. Для обследования и сбора материалов избирались наиболее отличившиеся коллективы, части, люди. При этом учитывалась необходимость обеспечить определенную представительность, которая, однако, трактовалась не в статистическом и не в социологическом, а, скорее, в обиходном смысле, как «представленность» основных родов войск, служб, специальностей, социальных групп и т. п.

Примерно такие же критерии действовали и в отношении событий. Планами Комиссии были предусмотрены такие темы, как оборона Москвы, Сталинграда, Одессы, т. е. события выдающиеся, исключительные.

Вместе с тем, при разработке истории отдельных боевых коллективов, например, партизанских отрядов, сотрудники Комиссии стремились собрать сведения не просто о выдающихся, но о наиболее значительных и «характерных» событиях определенного рода («открытые» бои, диверсии на коммуникациях, бои в блокаде, против карателей и т. п.). Под «характерными» же понимались, как правило, особенно крупные и, чаще всего, успешные операции данного вида, или, реже, события, связанные с самыми тяжелыми испытаниями.

3. При сборе материалов сотрудники Комиссии стремились обеспечить их сопоставимость, обычно, в пределах определенных коллективов. Такая сопоставимость достигалась, во-первых, максимально возможным сокращением разрыва во времени между событиями и опросом, благодаря чему комиссионные «экспедиции» (обычно, из одного научного сотрудника и стенографистки) имели возможность застать примерно тот же коллектив, который участвовал в событиях, т. е. встретиться с большим числом участников события в их «естественной среде»; во-вторых, заранее установленным кругом проблем, включенных в орбиту интересов Комиссии, и, следовательно, более или менее единым направлением, которое придавалось интервью. Ориентировка в общей проблематике и программных установках Комиссии не исключала, а, наоборот, предполагала самое гибкое их применение к конкретным ситуациям, индивидуальным особенностям опрашиваемых, специфике коллективов и т. п.

³⁹ ОРФ, сект. «К», разд. I, д. 41, л. 22 и 22 об.

Т а б л и ц а

Поступление материалов в Комиссию по истории Великой Отечественной войны^{1*}

Тема	Стенограммы			Документы			Рукописи		
	1942	1943	1944	1942	1943	1944	1942	1943	1944
	Военские части	338 (2807)	517 (7006)	347 (4379)	79	36	32 (977)	100 (2079)	42 (3285)
Партизанское движение	313 (2356)	187 (4266)	239 (5907)	214	21	38 (833)	8 (86)	8 ^{2*} (306)	33 (1696)
Герои Советского Союза	92 (483)	118 (2425)	438 (6391)	9	11	1 (7)	24 (149)	2	2 (29)
Военная экономика	43 (184)	74 (761)	225 (1821)	—	1	14 (162)	—	—	17 (699)
Оборона городов	16 (421)	181 (3710)	39 (837)	—	22	6 (235)	16 (215)	19 (1249)	4 (266)
Оккупационный режим	16 (89)	59 (1160)	275 (3341)	16	6	35 (1690)	8 (248)	15 (100)	16 (264)
Национальные республики	—	1 (63)	—	—	2	—	—	38 (721)	1 (150)
Хроника обороны Москвы	80 (561)	293 (3513)	36 (260)	16	125	11 (161)	34 (391)	171 ^{3*} (1427)	21 (1469)
Культура и быт	—	—	3 (26)	—	—	1 (13)	—	—	6 (356)
Всего	898 ^{4*}	1430	1602	334	224	138	190	295 ^{5*}	163 ^{6*}

9*

1* Данные получены из отчетов Комиссии и ее отделов (см. ОРФ, сект. «К», р. I, д. 38, лл. 23—25, 6—10, 16—17, 20, 116). В скобках указано количество страниц.
 2* Под рукописями подразумеваются рукописи воспоминаний, записки, дневники, письма и т. п.

3* Приведены данные о материалах, поступивших в архив Комиссии. В годовом отчете Комиссии за 1943 г. (там же, л. 8) указаны другие цифры («Собрано по всем районам г. Москвы 149 очерков, обзоров, воспоминаний, 106 стенограмм, 261 документ. Всего 2853 материала»).

4* В отчете — 892.

5* В годовом отчете Комиссии (там же, л. 8) соответственно — 1430 стенограмм, 223 дела документов и 295 рукописей.

6* Включая 19 стенограмм и 12 рукописей, объединенных в рубрике «рано».

4. Комиссия стремилась также создать условия для наиболее полного и откровенного самовыражения рассказчика. Не случайно, поэтому, в ее материалах, в частности в переписке, постоянно подчеркивалось, что участникам событий «надо дать выговориться», что для науки имеют ценность личные переживания, размышления, наблюдения опрашиваемых и поэтому они могут рассказать все, что сочтут нужным. Особенно настойчиво оговаривалось научное, историческое назначение собираемых материалов.

Указанные методические установки предопределили состав фондов Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР. В определенной степени они повлияли и на формирование фондов местных комиссий и архивов других научных учреждений, собиравших аналогичные материалы.

В. А. Черных

**В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧ
И ПОЛУЧЕНИЕ ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ
РУКОПИСНЫХ МАТЕРИАЛОВ
ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ**

Вклад выдающегося советского государственного и партийного деятеля, историка и литератора Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича (1873—1955) в собирание документов по истории русской культуры достаточно известен. В работах о В. Д. Бонч-Бруевиче неизменно отмечается и по достоинству оценивается его выдающаяся роль в организации Государственного литературного музея, директором которого он являлся в 1933—1940 гг.¹

Информации о новых поступлениях, а также описания отдельных собраний регулярно публиковались Литературным музеем². И тем не менее, до настоящего времени нет исследования, которое позволяло бы судить о всем объеме и конкретных результатах проделанной под руководством В. Д. Бонч-Бруевича колоссальной работы по спасению от распыления и гибели и сосредоточению в руках Советского государства ценнейших материалов по истории русской культуры, а главное о методах этой работы, о том, каким образом В. Д. Бонч-Бруевичу, его помощникам и сотрудникам удалось добиться в такой короткий срок (и в достаточно сложных условиях) столь замечательных результатов.

Целью настоящей статьи является освещение лишь одной стороны собирательской деятельности Государственного литературного музея, руководимого В. Д. Бонч-Бруевичем — получения рукописных материалов по истории русской культуры из-за рубежей нашей страны.

Возвращение на Родину национальных культурных ценностей, оказавшихся по разным причинам за ее пределами, было и остается одной из важнейших задач наших государственных хранилищ³.

Изучение опыта работы Литературного музея, возглавлявшегося В. Д. Бонч-Бруевичем, который «весьма эффективно занимался возвращением

¹ См., например: А. И. Клибанов, Ю. Я. Коган, К. Б. Сурикова, М. М. Шейнман. Краткий очерк общественно-политической и научной деятельности. — В кн.: «В. Д. Бонч-Бруевич. (Материалы к библиографии ученых СССР)». М., 1958, стр. 24—26; С. В. Житомирская, Л. В. Гапченко, Б. А. Шлихтер. Архив В. Д. Бонч-Бруевича. — В кн.: «Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина», вып. 25. М., 1962, стр. 7—79; Ю. Коган. Предисловие. — В кн.: В. Д. Бонч-Бруевич. Избранные сочинения, т. III. М., 1963, стр. 11—13; Ю. Г. Дементьев. Вклад В. Д. Бонч-Бруевича в советское архивное строительство. — «Советские архивы», 1971, № 3, стр. 27—31; К. Г. Межова. Деятельность В. Д. Бонч-Бруевича по собиранию документов личного происхождения. — «Советские архивы», 1973, № 3, стр. 37—42.

² В. Д. Бонч-Бруевич. Первые шаги Центрального литературного музея. — «Литературное наследство», т. 3. М., 1932, стр. 341—346; он же. Новые поступления в Центральный литературный музей. — «Литературное наследство», т. 7—8. М., 1933, стр. 458—461; он же. Новые поступления в Московский литературный музей. — «Литературное наследство», т. 15. М., 1934, стр. 294—310; «Бюллетени ГЛМ», № 1—8. М., 1935—1949.

³ «Вернуть Родине драгоценные реликвии русской культуры». — «Литературная газета», 25 января 1967 г., стр. 8.

на Родину русских культурных ценностей»⁴, представляется особенно необходимым теперь, когда многие советские учреждения и, в первую очередь, Главное архивное управление при Совете Министров СССР развернули активную деятельность в этом направлении.

Документы по истории создания и деятельности Литературного музея в 1931—1941 гг. сохранились почти с исчерпывающей полнотой в архивном фонде музея, находящемся в ЦГАЛИ СССР⁵ и в личном архиве В. Д. Бонч-Бруевича, хранящемся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина⁶.

При подготовке настоящей статьи изучены, помимо опубликованных материалов, отчеты и докладные записки, представлявшиеся В. Д. Бонч-Бруевичем в Наркомпрос, протоколы совещаний при директоре музея, перечни полученных из-за границы материалов, протоколы заседаний фондовой (приемочной) комиссии, переписка В. Д. Бонч-Бруевича с наркомом просвещения РСФСР А. С. Бубновым, с полпредствами СССР, ВОКС, зарубежными архивохранилищами, с теми советскими гражданами, которые, проживая за рубежом, оказывали содействие Государственному литературному музею в пополнении его подлинниками и копиями документальных материалов по истории русской культуры.

* * *

Мысль о необходимости создания в Москве Центрального литературного музея, в котором были бы сосредоточены рукописи всех русских писателей, их переписка, библиографические материалы, изобразительные и другие документы, а также произведения нелегальной революционной литературы, с целью их как можно более широкого изучения и издания, вынашивалась В. Д. Бонч-Бруевичем в течение многих лет.

Еще в 1900 году, будучи в эмиграции в Швейцарии, В. Д. Бонч-Бруевич выступил инициатором организации в Женеве Центрального русского революционного музея с библиотекой и архивом, реорганизованного позднее в Библиотеку и архив РСДРП⁷. Вернувшись в 1905 году в Россию, он занялся организацией собирания и хранения нелегальной революционной литературы в Библиотеке Академии наук⁸. После победы Великой Октябрьской социалистической революции В. Д. Бонч-Бруевич постоянно уделял внимание охране культурных ценностей, в частности архивов, библиотек и музеев.

В 1919 г. В. Д. Бонч-Бруевич по поручению В. И. Ленина написал брошюру «Сохраняйте архивы», выдержавшую несколько изданий и разошедшуюся большими тиражами⁹. В 1920 году он руководил реэвакуацией рукописных фондов Библиотеки Академии наук из Саратова в Петроград.

В 20-е годы, наряду с исполнением многих других государственных и партийных поручений, В. Д. Бонч-Бруевич работал в качестве председателя и редактора кооперативного издательства «Жизнь и знание», члена Государственной редакционной комиссии и заведующего редакцией по изданию Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого¹⁰.

⁴ «Вернуть Родине драгоценные реликвии русской культуры». — «Литературная газета», 25 января 1967 г., стр. 8.

⁵ ЦГАЛИ СССР, ф. 612. См. ЦГАЛИ СССР. Путеводитель. Литература. М., 1963, стр. 591—592.

⁶ ГБЛ, ф. 369. См. С. В. Житомирская, Л. В. Гапченко, Б. А. Шлихтер. Указ. соч.

⁷ В. Д. Бонч-Бруевич. Библиотека и архив РСДРП в Женеве. — Избр. соч., т. II. М., 1961, стр. 307—322.

⁸ В. Д. Бонч-Бруевич. В. И. Ленин и Библиотека Академии наук. — Там же, стр. 453—455. Ср.: А. И. Колпанев, В. А. Петров. Исторический очерк Рукописного отделения БАН. — В кн.: «Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки АН СССР», вып. II. М.—Л., 1958, стр. 29—31, 44—47.

⁹ В. Д. Бонч-Бруевич. Как была написана брошюра «Сохраняйте архивы». — Избр. соч., т. III. М., 1963, стр. 336—337.

¹⁰ «Основные даты жизни и деятельности В. Д. Бонч-Бруевича». — В кн.: В. Д. Бонч-Бруевич. (Материалы к биобиблиографии ученых СССР), стр. 8.

В 1928 и 1930 годах В. Д. Бонч-Бруевич был дважды командирован Наркомпросом в Германию, Францию и Чехословакию для изучения постановки архивного и музейного дела и розыска рукописных материалов выдающихся деятелей русской культуры. В этот период его особенно интересовали рукописи, письма и другие документы, связанные с жизнью и творчеством Л. Н. Толстого. Ему удалось не только ознакомиться с фондами Национального музея в Праге, где хранился, в частности, личный архив друга Л. Н. Толстого — Д. П. Маковицкого, и с архивом известного последователя Л. Н. Толстого — А. Шкарвана, хранившемся в Славянской библиотеке при Чехословацком Министерстве иностранных дел, но и организовать фотокопирование ряда документов из этих архивов. Тогда же им были скопированы в Национальном музее письма А. О. Смирновой-Россет к Н. В. Гоголю и автограф стихотворения А. С. Пушкина «О Делия драгая. . .», подаренный в свое время музею академиком Я. К. Гротом.

По возвращении в Москву В. Д. Бонч-Бруевич решил предпринять практические шаги по созданию Центрального литературного музея. Своими планами он поделился с А. С. Бубновым и, заручившись его поддержкой, подготовил обстоятельный доклад на Коллегии Наркомпроса. Одновременно он выступил со статьей «О Центральном литературном музее в Москве (в порядке постановки вопроса)» на страницах журнала «Советский музей». Уже в этой статье, указывая на нетерпимость такого положения, когда рукописное наследие писателей оказывается распыленным по многочисленным библиотекам, музеям и частным собраниям, В. Д. Бонч-Бруевич обращал особое внимание на то, что многие рукописи русских писателей «болтаются до сего времени за границей, попадают на аукционы, коллекционерам, любителям, частенько там и гибнут»¹¹.

Возвращению на Родину культурных ценностей народов нашей страны В. Д. Бонч-Бруевич придавал первостепенное значение. 1 апреля 1931 г. по его инициативе «в целях организации разыскания и извлечения в подлинниках или копиях документов, рассеянных по Западной Европе и Америке и касающихся общественно-политической мысли, литературы и искусства как царской России, так и СССР» была организована Комиссия по выявлению находящихся за границей памятников литературы и искусства народов РСФСР. Председателем комиссии стал нарком просвещения А. С. Бубнов, его заместителями — В. Д. Бонч-Бруевич и И. К. Лупшол. Комиссии было поручено «установить постоянный контакт с соответствующими учреждениями СССР и заграницей, а также с соответствующими общественными организациями (представители ВОКС, Общества друзей Новой России) в целях выявления фондов в заграничных архивах, библиотеках и музеях». Комиссии рекомендовалось «установить практику использования командированных за границу работников по заданиям в соответствии с целями комиссии». Из валютных сумм Наркомпроса на нужды комиссии (для приобретения и копирования документов) было забронировано на 1931 год 3000 золотых рублей¹².

23 мая 1931 г. приказом наркома просвещения А. С. Бубнова за № 163 была создана Комиссия по устройству Центрального литературного музея под председательством И. К. Лупшоло. Фактически работа этой комиссии развернулась год спустя, когда в соответствии с приказом по Наркомпросу № 195 от 22 апреля 1932 г. ее председателем стал нарком А. С. Бубнов, а его заместителем был назначен В. Д. Бонч-Бруевич. К этой комиссии постепенно перешли и функции ранее созданной «Комиссии по выявлению находящихся за границей памятников литературы и искусства», тем более, что персональный состав обеих комиссий был, в основном, один и тот же¹³.

¹¹ «Советский музей», 1931, № 2, стр. 29.

¹² ГБЛ, ф. 369 (В. Д. Бонч-Бруевича). 103. 28. Заверенная копия приказа по Наркомпросу № 98 от 1 апреля 1931 г.

¹³ ГБЛ, ф. 369. 103. 44.

С самого начала работы Комиссии по устройству Центрального литературного музея, В. Д. Бонч-Бруевич считал первоочередной ее задачей выявление документов по истории русской культуры, находящихся за рубежом, и принятие мер к их возвращению на Родину. Выступая 26 апреля 1932 г. на совещании по вопросу о создании единого литературного музея, В. Д. Бонч-Бруевич говорил: «Я считаю, что самое главное — это как можно скорее и в большом масштабе извлечь из-за границы культурные ценности, а затем извлечь, что возможно, из находящегося в СССР в частных руках. А что находится в музеях и архивах, может быть не приведено еще в порядок, но во всяком случае уже собрано»¹⁴.

Уже на этом совещании В. Д. Бонч-Бруевич смог доложить о предпринятых им практических шагах и первых успехах в выявлении за границей документов по истории русской культуры и установлении контактов с иностранными учреждениями и частными лицами, хранящими такие документы. Прежде всего через Наркоминдел было направлено обращение к полпредам СССР в ряде европейских государств с просьбой оказывать содействие Литературному музею. С полпредами во Франции — В. С. Довгалеvским; Чехословакии — А. Я. Аросевым, (а с 1934 г. — С. С. Александровским); Польше — В. А. Антоновым-Овсеенко; в Великобритании — И. М. Майским у В. Д. Бонч-Бруевича завязалась постоянная деловая переписка, продолжавшаяся до второй мировой войны. В ряде полпредств для связи с Литературным музеем и выполнения его поручений были выделены специальные сотрудники. Особенно большую помощь музею в налаживании зарубежных связей и приобретении рукописных материалов оказали советники полпредств в Чехословакии — А. Ф. Ильин-Женевский и во Франции — М. С. Мерле. Они вели переговоры с администрацией архивов, библиотек и музеев, в которых хранились документы, представляющие интерес для Литературного музея, а также с частными владельцами литературных материалов. Приобретенные документы и изготовленные по заказам Литературного музея фотокопии высылались В. Д. Бонч-Бруевичу дипломатической почтой.

В течение 1932 года, не дожидаясь официального утверждения Литературного музея, В. Д. Бонч-Бруевич установил также непосредственные контакты с рядом советских граждан, проживавших за границей, которые, по его мнению, могли оказать помощь в выявлении и приобретении документов по истории русской культуры. Он подробно инструктировал их, как следует организовать эту работу. В этом отношении интересно письмо В. Д. Бонч-Бруевича известному русскому книговеду и библиографу Н. А. Рубакину от 28 октября 1932 г.

«Инструкция нашего дела самая простая, — писал он. — Мы заинтересованы в собирании рукописей XVII, XVIII, XIX, XX вв., касающихся прежде всего царской России и современного СССР. Причем эти рукописи могут быть написаны на всех языках. . . Нас интересуют материалы, касающиеся истории, литературы, искусства, общественной и революционной мысли этих веков. Нам нужны фотографические карточки, картины, рисунки, касающиеся этих эпох и этих разделов, книги с автографами различных авторов, фотографии с такими же автографами, а также письма, дневники, корректуры с поправками авторов, рукописи, переписанные рукой авторов, или рукописи, переписанные чужой рукой, но авторизованные авторами, поправленные ими и всевозможные другие и т. п. виды рукописной литературы. Мы собираем подлинники как напечатанных, так и ненапечатанных произведений. Напечатанные собираем потому, что они в высшей степени необходимы при выверке полных собраний сочинений.

Во вторую очередь, которая наступит, вероятно, через год, мы будем

¹⁴ ГБЛ, ф. 369. 103.35. Стенограмма совещания, л. 7.

также охотно собирать и покупать нелегальную литературу всей предыдущей эпохи, изданную как за границей, так и в царской России. . . » И далее в этом письме В. Д. Бонч-Бруевич дает Н. А. Рубакину подробные указания по составлению предварительных описей обнаруженных документов, по снятию фотокопий, просит установить контакты со старыми русскими эмигрантами и их наследниками, организовать обследование архивов, музеев и библиотек Лозанны и Женевы и обо всех находках немедленно сообщать ему.

«Как радостно знать, — заканчивает это письмо В. Д. Бонч-Бруевич, — что вот теперь наступило время и имеются силы работать и работать в той самой области, которой мы, помимо нашей общественной и революционной борьбы, отдали всю нашу жизнь. Давайте же работать во всю! Тряхнем стариной!

Крепко жму Вашу руку.

Заместитель председателя Комиссии по устройству
Центрального литературного музея

Влад. Бонч-Бруевич»¹⁵.

Обращает на себя внимание широта собирательской программы В. Д. Бонч-Бруевича, включающей, наряду с документами по истории литературы, рукописные материалы по истории искусства, общественной и революционной мысли, а также фотографии, книги, картины. В дальнейшем В. Д. Бонч-Бруевич всегда активно протестовал против попыток сузить профиль комплектования Литературного музея, доказывая, что литературу нельзя отрывать от всей общественной жизни и что, скажем, представить в музее «Войну и мир» Л. Н. Толстого невозможно без подлинных документов по истории Отечественной войны 1812 года.

Большое значение В. Д. Бонч-Бруевич придавал получению систематической информации об интересующих музей материалах, экспонируемых на зарубежных выставках, продаваемых на аукционах, хранящихся в государственных и частных архивах. Так, например, в декабре 1933 г. он писал представителю «Международной книги» в Париже С. Д. Красинскому: «Я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы, читая русскую заграничную прессу, выслали бы мне через Полпредство те номера, в которых встречаются публикации литературных документов, будь это письма писателей, дневники, мемуары, портреты, описания выставок, может быть описания аукционов, где распродают материалы, описания архивов и пр. и т. п. Все это нам нужно для приведения в полную известность где, что хранится, где что появилось. . . »¹⁶ С подобными же просьбами В. Д. Бонч-Бруевич неоднократно обращался к сотрудникам полпредств и другим советским гражданам, жившим за рубежом.

Результаты огромной организационной работы проявились очень быстро. В фонде Государственного литературного музея сохранилась «Опись материалов, приобретенных за границей на валюту», представленная В. Д. Бонч-Бруевичем наркомму А. С. Бубнову 16 мая 1934 г.¹⁷ Сопоставляя эту опись с другими сохранившимися материалами, можно установить, что за первые полтора года деятельности музея¹⁸ только во Франции были приобретены следующие подлинные документы¹⁹:

¹⁵ ЦГАЛИ СССР, ф. 612, оп. 1, д. 1939, лл. 2—4.

¹⁶ Там же, д. 1318.

¹⁷ Там же, д. 3021, лл. 90—91.

¹⁸ Официально Центральный музей художественной литературы, критики и публицистики был создан 3 июля 1933 г. До этого действовала «Комиссия по устройству Центрального литературного музея». В. Д. Бонч-Бруевич был назначен директором музея 17 августа 1933 г. В июле 1934 г. музей был реорганизован и переименован в Государственный литературный музей.

¹⁹ Все перечисленные ниже материалы, за исключением специально оговоренных, хранятся ныне в ЦГАЛИ СССР (ЦГАЛИ СССР. Путеводитель. М., 1963, указатель).

- 1) Письмо К. А. Полевого Н. И. Гречу от 3 мая 1864 г. и рукопись Ф. М. Решетникова «Полторы сутки на Варшавской железной дороге» — в апреле 1932 г. на аукционе через посредство Р. М. Плехановой;
- 2) 23 документа И. С. Тургенева, в т. ч. его заграничный паспорт, удостоверение о его смерти и материалы о перевозе тела Тургенева из Франции в Россию — весной 1932 г. на аукционе через посредство Н. С. Ангарского;
- 3) 14 писем И. С. Тургенева В. А. Соллогубу, записка Н. С. Лескова, письма А. Н. Плещеева А. П. Милюкову и другие документы — летом 1932 г. через посредство А. В. Гальперина;
- 4) Альбом П. А. Бартеневой с автографами А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. И. Козлова и др. — в январе 1933 г. у Н. А. Константинова²⁰;
- 5) 24 автографа, в том числе 9 писем В. А. Жуковского, письма А. Н. Майкова, В. В. Капниста и др. — в начале 1933 г. у А. В. Гальперина;
- 6) 315 писем И. С. Тургенева к дочери Полине (в замужестве — Брюэр) и 5 писем к ее дочери — Жанне — в 1933 г. у Жанны Тургеневой-Брюэр;
- 7) 9 писем Л. Н. Толстого к В. А. Иславину — в марте 1933 г. через посредство С. Д. Красинского²¹;
- 8) 4 письма П. А. Кропоткина — весной 1933 г.;
- 9) Письмо И. С. Тургенева к Х. Д. Алчевской — весной 1933 г.;
- 10) Архив французского историка А. Рамбо (488 писем к нему русских историков и писателей) — летом 1933 г.²²;
- 11) Архив Л. П. Меншикова (1285 писем) — в августе 1933 г.²³;
- 12) Архив И. В. Шкловского—Дионео — в сентябре 1933 г.

Приобретения подлинных документов в других странах были в эти годы немногочисленными и случайными. Среди них необходимо особо упомянуть о покупке в Югославии ценнейшей, пушкинской рукописи — так называемой «тетради Всеволожского». В деле приобретения этой рукописи особенно ярко проявились замечательная целеустремленность и энтузиазм В. Д. Бонч-Бруевича, его организаторский талант и подкупающая эмоциональность в сочетании с убедительностью аргументации, позволившие ему преодолеть многие трудности.

О сложной и во многом загадочной судьбе «тетради Всеволожского» рассказали Б. В. Томашевский и М. А. Цявловский, опубликовавшие ее в 1-й книге «Летописей» Литературного музея. Там же М. А. Цявловский отметил, что рукопись была приобретена «благодаря исключительной энергии директора музея В. Д. Бонч-Бруевича и при ближайшем участии и помощи нашего полномочного представителя во Франции, покойного В. С. Довгалева»²⁴. Однако история приобретения этой реликвии настолько интересна и поучительна, что о ней следует рассказать подробнее.

Летом 1933 года из письма сербского писателя и переводчика И. Максимовича в Академию наук СССР стало известно, что в Белграде у чиновника югославского МИДа М. Обрадовича хранится рукопись Пушкина. На основании присланных фотографий известный советский пушкинист Б. В. Томашевский установил, что эта рукопись представляет собой знаменитую тетрадь, «полу-проданную, полу-проигранную» Пушкиным Н. Всеволожскому в 1820 году и считавшуюся утраченной. Узнав об этом, В. Д. Бонч-Бруевич сразу же принял самые энергичные меры для при-

²⁰ Альбом в настоящее время хранится в ИРЛИ (Пушкинском доме) АН СССР.

²¹ В настоящее время хранится в Музее Л. Н. Толстого.

²² В настоящее время хранится в ЦГИА СССР в Ленинграде.

²³ В настоящее время хранится в ЦГАОР СССР.

²⁴ «Летописи Государственного литературного музея», кн. 1. «Пушкин». М., 1936, стр. 79.

обретения рукописи. Владелец оценил ее в 38 000 французских франков (около 3000 рублей золотом). Таких валютных средств не было в распоряжении Литературного музея. Положение осложнилось еще и тем, что СССР не имел тогда дипломатических отношений с Югославией, и в Белграде не было никаких советских представителей. Это не остановило Бонч-Бруевича. 1 ноября 1933 г. он обращается за советом и помощью к полпреду во Франции В. С. Довгалевскому. «Можете себе представить, — пишет он, — какое нам привалило счастье: знаменитая тетрадка Пушкина с его автографами. . . вдруг нашлась в Сербии. . .» Обращаясь к полпреду с просьбой кредитовать Литмузей валютой и посоветовать, как лучше получить рукопись из Белграда, В. Д. Бонч-Бруевич продолжает: «. . . Вам, конечно, виднее, и Вы в тысячу раз опытнее меня, но только, повторяю, здесь нельзя медлить ни одной минуты, т. к. об этой рукописи начинают болтать во всем мире и какие-нибудь миллиардеры американские для ради собирания коллекций могут перешибить нас, заплатив ббльшую сумму. Я не буду сейчас ни одной минуты спокоен, пока не получу от Вас положительного ответа и сведений, что Вами предпринято, хотя бы в двух словах телеграммой. На Вас теперь смотрит решительно вся наша общественность и ждет, что именно Вы примете самое горячее участие в этом деле и поможете нам вернуть в наше обладание эту величайшей культуры драгоценность»²⁵.

В тот же день В. Д. Бонч-Бруевич пишет представителю ВОКС в Париже С. Д. Красинскому: «Очень прошу Вас, получивши это мое письмо, совершенно немедленно, буквально чуть ли не через пять минут отправиться к товарищам в Полпредство, сейчас же устроить совещание и выработать план действий»²⁶. К полпредам в Берлине и Лондоне он обращается с просьбой перевести имеющиеся у них на счету Литературного музея остатки валюты в Париж Довгалевскому. Однако собранным таким образом денег оказывается далеко не достаточно для приобретения рукописи. 6 ноября советник Полпредства во Франции М. С. Мерле по поручению полпреда сообщает Бонч-Бруевичу: «Валериан Савельевич [Довгалевский] послезавтра выезжает в Женеву, где он увидится с хорошо знакомыми ему представителями сербского правительства на Женевской конференции. Он переговорит с ними и сделает абсолютно всё возможное для того, чтобы практически договориться о способах скорейшего получения рукописи. . . Валериан Савельевич обещал с деньгами всё устроить. Однако я прошу Вас учесть, что в нашем распоряжении имеется сейчас только около 8000 франков, остальные мы, следовательно, одолжим. . .»²⁷

В ответ Бонч-Бруевич пишет, что только что беседовал с наркомом финансов СССР и «он выразил абсолютное согласие совершенно немедленно дать все средства, которые только нужны будут для этой покупки»²⁸. В. С. Довгалевский одалживает недостающую сумму и договаривается с представителями Югославского правительства на Женевской конференции о выплате денег Обрадовичу в Белграде и пересылке рукописи в Югославское посольство в Париже. 2 января 1934 г. пушкинская рукопись была доставлена диппочтой в Литературный музей. 3 января Бонч-Бруевич писал Довгалевскому: «Московские пушкинисты немедленно слетелись вчера ко мне в музей. Я познакомил их с Вашим самым деятельным и изумительно сердечным участием в деле приобретения этой драгоценности, и все они шлют Вам самые горячие приветствия и радостную благодарность за все то, что Вы сделали. . .»²⁹ В тот же день он сообщил о приобрете-

²⁵ Дело о покупке Гослитмузеем в Сербии рукописи Пушкина «Тетради Всеволожского», ЦГАЛИ СССР, ф. 612, оп. 1, д. 3564, лл. 23—24.

²⁶ Там же, л. 18 об.

²⁷ Там же, л. 30.

²⁸ Там же, л. 45.

²⁹ Там же, л. 80.

нии рукописи наркому финансов СССР Г. Ф. Гринько и просил его немедленно перевести в Париж 3000 руб. золотом «из сумм, причитающихся на 1934 год нашему музею в валюте, чтобы сейчас же покрыть этот долг и таким образом не поставить т. Довгалева, сделавшего такую услугу нашей социалистической культуре, в неловкое и тягостное положение»³⁰. Покрыть долг удалось лишь три месяца спустя.

Из крупных приобретений, сделанных Литературным музеем за границей в последующие годы, следует назвать архивы: С. М. Степняка-Кравчинского (из Англии в 1936 г.), А. В. Сухова-Кобылина (из Франции в 1937 г.), публициста, участника революционного движения 80-х—90-х годов XIX века З. К. Арборе-Ралли (из Румынии в 1935 г.), болгарского писателя—революционера Г. Бакалова (из Болгарии в 1935 г.), издателя и биографа Л. Н. Толстого — П. И. Бирюкова (из Чехословакии в 1936 г.); 41 письмо А. П. Чехова к О. Р. Васильевой (из Франции в 1936 г.), 4 письма П. И. Чайковского к Дезире Арто (из Англии в 1938 г.), записки М. И. Гоголь-Яновской (во Франции в 1935 г.); отдельные автографы А. Т. Болотова, Е. И. Кострова, П. А. Вяземского, А. И. Герцена, Н. А. Римского-Корсакова, П. А. Кропоткина, В. Гюго, А. Дюма и др. Все эти материалы ныне хранятся в ЦГАЛИ СССР.

Помимо приобретения у частных лиц за рубежом подлинных документальных материалов, Литературный музей, возглавляемый В. Д. Бонч-Бруевичем, с первых же месяцев своей работы уделил особое внимание получению из зарубежных архивохранилищ фотокопий документов по истории русской культуры. В. Д. Бонч-Бруевич был, несомненно, одним из первых советских музейных и архивных работников, по достоинству оценивших важность получения фотокопий рукописей в тех случаях, когда приобретение подлинников оказывается невозможным.

Одним из первых зарубежных хранилищ, с которым В. Д. Бонч-Бруевич установил деловые отношения, явилась Славянская библиотека в Париже. Эта библиотека была основана в середине XIX века кн. И. С. Гагариным — русским эмигрантом, перешедшим в католичество и вступившим в орден иезуитов. Наряду с архивом самого Гагарина, в рукописном отделе библиотеки сохранились архивы других иезуитов — выходцев из России: И. Мартынова, П. Пирлинга. В течение многих лет библиотека находилась в распоряжении иезуитов и ее богатые рукописные фонды оставались почти недоступными для русских исследователей. Весной 1932 г. В. Д. Бонч-Бруевич при содействии заведующего Тютчевским музеем в Муранове Н. И. Тютчева завязал переписку с директором Славянской библиотеки Руэ де Журнелем (Rouët de Journel). Сохранившаяся переписка³¹ свидетельствует о том, как настороженно относились руководители Славянской библиотеки к посылке в Советский Союз копий рукописных материалов, и с какой настойчивостью и тактом добивался В. Д. Бонч-Бруевич получения необходимых фотокопий.

В мае 1932 г. Руэ де Журнель прислал Бонч-Бруевичу список документов Славянской библиотеки, относящихся к истории русской культуры. В нём значилась, в частности, переписка И. С. Гагарина с И. С. Аксаковым, А. Н. Бахметьевой, А. И. Герценом, П. В. Долгоруковым, И. В. Киреевским, Н. С. Лесковым, В. С. Печериным, М. М. Стасюлевым, А. К. Толстым, Н. И. Тургеневым, Ф. И. Тютчевым, П. Я. Чаадаевым, рукописи Ф. И. Тютчева, документы, связанные с обвинением П. В. Долгорукова в авторстве пасквиля, послужившего причиной дуэли Пушкина с Дантесом; материалы об издательской деятельности П. В. Долгорукова³². В октябре 1932 г. была получена первая партия фотокопий, содержащая рукописи и письма Тютчева, а также письма Чаадаева. Большая часть

³⁰ ЦГАЛИ СССР, ф. 612, оп. 1, д. 3564, л. 79.

³¹ Там же, д. 3426; ГБЛ, ф. 369, 129. 53; 239. 56.

³² ГБЛ, ф. 369.239.56, лл. 24—25.

этих материалов была уже опубликована прежде³³. Фотокопирование остальных материалов затянулось на длительное время.

В. Д. Бонч-Бруевич в письмах в Советское полпредство в Париже просил быть особенно осторожными и осмотрительными в сношениях со Славянской библиотекой. 26 октября 1932 г. он писал сотруднику Полпредства Баркову: «Очень прошу Вас поддерживать отношения со Славянской библиотекой, так как там имеется непечатый угол ценнейших, уникальных материалов». И 16 ноября вновь возвращался к этой теме: «Посоветуйтесь с тов. Довгалевским, каким образом лучше сейчас весь этот запутавшийся вопрос со Славянской библиотекой распутать, причем имейте в виду, что мне доподлинно известно, что там люди очень чуткие и очень осторожные в своих отношениях, и если они приоткрыли для нас свои архивы, то только после очень серьезной переписки и влияния на них с разных сторон, и эти архивы могут каждую секунду для нас закрыться опять на целое столетие, как они были до сих пор закрыты для исследования весь XIX и начало XX века»³⁴.

Особенно упорно, под различными предлогами откладывал Руэ де Журнель присылку фотокопий документов, касающихся истории анонимных пасквилей, повлекших дуэль Пушкина с Дантесом. 4 февраля 1935 г. Руэ де Журнель писал Бонч-Бруевичу: «... Что же касается Вашей просьбы относительно документов о Пушкине и переписки Гагарина с Долгоруковым, то уверяю Вас, что в этих бумагах речь идет об очень личных вопросах. То же можно сказать о переписке Печерина с Гагариным. Я вновь лично просмотрю эти документы и пришлю Вам то, что будет возможно»³⁵. В. Д. Бонч-Бруевич вновь и вновь терпеливо убеждал своего корреспондента в том, что «документы по Пушкинской эпохе — переписка Гагарина с Долгоруковым, а также Печерина с Гагариным так давно писались, что никаких интимностей для нас в этой переписке быть не может»³⁶ и настойчиво просил выслать копии. В ответном письме Руэ де Журнель выдвигал уже другие аргументы: «Верно, — писал он, — что эти документы (впрочем не все) утратили свой интимный характер и стали историческими документами. Но поскольку многие из этих документов действительно интересны, а у меня здесь есть друзья и сотрудники, желающие сами издать эти бумаги, Вы поймете, что я колеблюсь сообщить до этого их содержание кому-либо другому»³⁷. Лишь в ноябре 1936 г. В. Д. Бонч-Бруевич добился, наконец, присылки фотокопий переписки П. В. Долгорукова с И. С. Гагариным и других документов, касающихся Пушкина³⁸.

Позднее, в мае 1937 г., Руэ де Журнель прислал еще фотокопии писем Кс. Браницкого И. С. Гагарину. Так и не были получены копии писем к Гагарину И. С. Аксакова, И. В. Киреевского, Н. С. Лескова, А. Н. Майкова, Ю. Ф. Самарина и ряда других авторов, многие из которых представляют несомненный интерес³⁹. До сих пор остается неполностью опубликованным дневник, который Гагарин вел с 1834 года (выдержки из него были в 1883 г. напечатаны французским историком Ш. Клером)⁴⁰.

³³ «Русский архив», 1879, т. 2, стр. 118—123; «Русская старина», 1886, № 8, стр. 355—356.

³⁴ ЦГАЛИ СССР, ф. 612, оп. 1, д. 3422, лл. 3—4.

³⁵ Там же, д. 3426, л. 20.

³⁶ Там же, л. 24. Письмо от 4 сентября 1935 г.

³⁷ Там же, л. 26. Письмо от 21 сентября 1935 г.

³⁸ Эти фотокопии рассредоточены в ЦГАЛИ СССР по разным фондам: ф. 1049 (И. С. Гагарина), ф. 1245 (П. В. Долгорукова), ф. 384 («Пушкинское собрание»). Они еще ожидают полного научного издания.

³⁹ Письма И. С. Лескова к И. С. Гагарину недавно опубликованы в США В. Эджертоном («Indiana Slavic Studies», vol. IV, 1967, p. 88—99), письмо И. С. Аксакова от 7.XI.1874 г. и два ответных письма И. С. Гагарина от 10.XI и 12.XII.1874 г. процитированы польской исследовательницей В. Сливовской («Slavia Orientalis», 1968, N 2, s. 182).

⁴⁰ «Revue du Monde Catholique», t. XIX, N 113, 114, 115, 117, 118.

Нет сомнения, что продолжение изучения рукописных фондов Славянской библиотеки в Париже позволило бы пополнить историко-культурную базу советской исторической науки и литературоведения ценными материалами. Эти материалы могли бы, в частности, пролить новый свет на остающиеся таинственными обстоятельства, связанные с гибелью А. С. Пушкина, на историю русской политической эмиграции во Франции 40-х—80-х годов прошлого века, на политику Ватикана в отношении России.

В Польше при активном содействии полпреда В. А. Антонова-Овсеенко в 1933—1934 гг. были сфотокопированы документальные материалы по истории русского революционного движения и общественной мысли, находившиеся в фондах т. н. Рапперсвильского музея. Этот музей был организован польскими эмигрантами в швейцарском городке Рапперсвиль. После восстановления независимости Польши он был перевезен в Варшаву. В этом музее хранился, в частности, архив русской писательницы Евгении Тур (Е. В. Салиас де Турнемир), жившей во Франции и переписывавшейся с М. А. Бакуниным, А. И. Герценом, Н. П. Огаревым и другими русскими эмигрантами 60-х—70-х годов прошлого века. Полученные фотокопии, хранящиеся ныне в ЦГАЛИ СССР⁴¹, а частично также в ЦГАОР СССР⁴² представляют тем большую ценность, что подлинные материалы Рапперсвильского музея погибли во время Второй мировой войны⁴³.

Также при содействии В. А. Антонова-Овсеенко в 1933—1934 гг. было организовано копирование материалов Музея Мицкевича в Париже, откуда были получены, в частности, фотокопии писем А. С. Пушкина — С. С. Хлюстину и М. Шимановской⁴⁴, З. А. Волконской и П. А. Вяземского — А. Мицкевичу, А. И. Герцена — сыну А. Мицкевича — Владиславу.

Особенно широко работа по копированию документальных материалов, относящихся к истории России и русской культуре, была развернута в архивах, библиотеках и музеях Чехословакии. С 1934 по 1939 год по заданию В. Д. Бонч-Бруевича систематическое выявление и копирование документов в чехословацких государственных и частных архивохранилищах проводил известный советский фольклорист и этнограф П. Г. Богатырев (1893—1974). Им были детально обследованы рукописные собрания Народного музея, «Памятника национального освобождения», Славянской библиотеки, Краевого музея Чехии, Музея Напрстка, архивов Военного министерства и Министерства иностранных дел, Национального театра, Карлова университета; частные архивы писателей Лешегграда и Голечка, проф. Гисека, проф. Шебора, д-ра Реслера, д-ра Велеминского, издателя Янского — в Праге, архив Словацкой Матицы в Мартине, частные архивы кн. Дитрихштейн в Микулове, кн. Чернина в Йиндржиховом Градце, Шварценбергов — в Орлике-на-Влтаве, Лобковица в Руднице, многие собрания в Пльзене, Брно, Братиславе, Ужгороде и ряде других городов⁴⁵.

Несмотря на трудности, возникавшие главным образом из-за перебоев с ассигнованием средств, в результате этой огромной работы Литературным музеем были получены многочисленные фотокопии рукописей и писем Л. Н. Толстого, копии документов по истории русско-славянских отно-

⁴¹ В фондах А. И. Герцена (ф. 129), Н. П. Огарева (ф. 359), Е. Тур (ф. 447).

⁴² В фонде Бакуниных (ф. 825).

⁴³ *Н. С. Рогова*. Из истории переписки А. И. Герцена 1859—1861 гг. (Судьба документальных материалов). — Труды МГИАИ, т. 16, М., 1961, стр. 317—331; она же. К истории архива А. И. Герцена — «Исторический архив», 1962, № 1, стр. 97—101.

⁴⁴ В настоящее время хранятся в ИРЛИ (Пушкинском Доме) АН СССР.

⁴⁵ См. переписку В. Д. Бонч-Бруевича с П. Г. Богатыревым — ЦГАЛИ СССР, ф. 612, оп. 1, д. 643—645. Ср. *Н. Н. Грацианская, Э. В. Померанцева*. Петр Григорьевич Богатырев (некролог). — «Советская этнография», 1971, № 6, стр. 192—194.

шений XVII—XIX вв., документов об участии М. А. Бакунина в Пражском восстании 1848 г., о суде над ним и его сподвижниками; писем деятелей русской культуры к чешским и словацким писателям, общественным и политическим деятелям; фотографии сцен из постановок русских пьес и опер на чехословацкой сцене и многие другие материалы⁴⁶.

Следует отметить, что администрация чехословацких архивов, библиотек и музеев оказывала содействие в этой работе. Копирование производилось в фотолaborатории архива чехословацкого МИД на льготных условиях, многие другие архивы по запросам П. Г. Богатырева присылали свои документы для копирования в эту лабораторию.

Неустанная деятельность П. Г. Богатырева по выявлению и копированию документов не ограничилась территорией Чехословакии. Будучи в августе 1938 г. на съезде этнологов в Копенгагене, он обнаружил в Государственном архиве 110 писем Петра I к датскому королю Фредериксу IV, а также письма других русских государей. В предгрозовой обстановке осени 1938 г. В. Д. Бонч-Бруевич сумел организовать копирование этих материалов. 26 сентября он писал Богатыреву: «Несмотря на то, что в Чехии общая мобилизация и во всей Европе пахнет войной, будем настойчивым образом продолжать наши научные исследования и прежде всего, конечно, давайте закончим дело заснятия всех фотоконий с писем, которые Вам удалось открыть в Копенгагене. Валюта нам на это отпущена. . . »⁴⁷ В январе 1939 г. П. Г. Богатырев вновь выехал в Данию, продолжил там работу в архивах, обнаружил дополнительно сборник русских народных пословиц начала XVII в., письма А. Меншикова, В. Долгорукова и других сподвижников Петра, автограф стихотворения Пушкина «Пробуждение», письма Горького в архиве Брандеса и ряд других документов и, при активном содействии советского полпреда Власова организовал фотокопирование наиболее ценных из выявленных материалов. 21 января он писал Бонч-Бруевичу: «Связь Петра с Данией в письмах будет представлена полностью: начнется письмом Алексея Михайловича, извещающего датского короля о рождении сына Петра, кончится письмом Екатерины I, извещающей о его смерти. Жаль, что за неимением денег, я не мог сфотографировать писем Меншикова, Вас. Долгорукова, Бестужева и Измайлова. . . »⁴⁸

«У меня просто голова кружится от Ваших сообщений, — отвечал ему Бонч-Бруевич 7 февраля, — несомненно Вам придется на долгое время переселиться в Копенгаген и все это сфотографировать, а мы сейчас же будем издавать. . . »⁴⁹ В. Д. Бонч-Бруевич обратился за новыми валютными ассигнованиями в правительство, просил полпреда Власова кредитовать Богатырева для съемки остальных материалов, однако развернувшиеся вскоре события, гитлеровская оккупация Чехословакии, а вслед за тем и Дании, заставили прервать всю эту великолепно налаженную работу.

В середине 1939 г. П. Г. Богатырев вернулся в Москву. В докладной записке, поданной им в декабре 1939 г. в Гослитмузей, содержится перечень материалов, которые он не успел сфотографировать или приобрести:

⁴⁶ В настоящее время основная часть этих копийных материалов хранится в ЦГАЛИ СССР в составе «Голстовского собрания» (ф. 508) и коллекции П. Г. Богатырева (ф. 47); некоторые фотоконии рукописей и писем выдающихся деятелей русской культуры присоединены к их личным фондам; копии документов о М. А. Бакунине переданы в ЦГАОР СССР, где присоединены к семейному архиву Бакуиных (ф. 825).

⁴⁷ ЦГАЛИ СССР, ф. 612, оп. 1, д. 645, л. 42.

⁴⁸ Там же, лл. 84—85. Фотоконии, полученные из Дании, хранятся в ЦГАЛИ в составе коллекции П. Г. Богатырева (ф. 47, оп. 2, д. 324, 360—367, 402—420).

⁴⁹ Там же, лл. 93—94. Переписку Петра I с Фредериком IV В. Д. Бонч-Бруевичу удалось опубликовать лишь частично. См.: «Исторический журнал», 1943, № 11—12, стр. 80—85; «Вопросы истории», 1946, № 8—9, стр. 101—105.

«... 1. Материалы В. И. Ленина у чехословацкого сенатора Модрачка в Праге — квитанции о пересланных им деньгах и вещах Майеру в Мюнхен (Майер — псевдоним Ленина). . .

2. Архив Каллиникова (фольклорные материалы и др. — в Словакии)⁵⁰.

3. Большой архив Вагнера («Кота Мурлыки») ⁵¹.

. . . 5. В Пражском национальном музее громадный архив Ржево-ржа — письма украинских писателей.

6. Архив Зарецкого о Пушкине и его окружении. . . » ⁵²

В тот период приобрести эти материалы не удалось.

Нельзя не отметить, что научное значение широко развернутой Литературным музеем работы по получению из-за границы фотокопий документальных материалов не всеми было сразу понято и оценено. В. Д. Бонч-Бруевичу пришлось столкнуться с резкими возражениями против расходования валюты на приобретение фотокопий и упреками, что фонды музея «засоряются» копийными материалами. Отвечая на эти возражения и упреки, В. Д. Бонч-Бруевич в специальной докладной записке, посланной в апреле 1933 г. на имя начальника сектора науки Наркомпроса И. И. Агола подробно аргументировал необходимость получения фотокопий во всех тех случаях, когда приобретение подлинных документов оказывается невозможным ⁵³.

Порою В. Д. Бонч-Бруевичу приходилось выслушивать и упреки в расточительном расходовании государственных средств. Эти упреки нельзя признать справедливыми. Из переписки В. Д. Бонч-Бруевича с работниками полпредств, через посредство которых приобретались документальные материалы, отчетливо видно, как бережно относился он к государственной копейке, как настойчиво добивался снижения цен на приобретаемые документы, заботясь вместе с тем о том, чтобы необходимые музею материалы во что бы то ни стало были приобретены.

Характерно, например, его письмо в Советское полпредство во Франции от 28 февраля 1933 г.: «С. Красинский, являющийся представителем «Международной книги» в Париже, только что прислал письмо. . . с уведомлением, что в его руках сейчас находятся 9 писем Л. Н. Толстого к В. А. Иславину (1877—1879 гг.) и что за эти письма у него просят 100 долларов. . . Постарайтесь всеми мерами понизить эту цену, но ни в коем случае писем этих не упускайте. . . В самом крайнем случае, конечно, придется эти письма купить и за 100 долларов, но все-таки старайтесь понизить эту цену, право же она очень высока! Но писем этих не выпускайте ни в коем случае. Они очень нужны. . . » ⁵⁴.

Для В. Д. Бонч-Бруевича была невыносимой мысль о том, что рукописи Пушкина, Толстого, Тургенева, оказавшиеся за границей, могут там погибнуть, попасть в частные коллекции, стать недоступными для советских ученых.

Как мы видели, основной формой получения Литературным музеем из-за границы подлинных документов и фотокопий являлось приобретение их за валюту ⁵⁵⁻⁵⁶. Другие возможные способы — получение документов в дар, в обмен и т. п. не нашли в тот период сколько-нибудь значительного развития. В. Д. Бонч-Бруевич сознавал этот существенный недостаток в организации собирания документов за рубежом и старался его преодо-

⁵⁰ Архив И. Ф. Каллиникова в 1950 г. поступил в ЦГАЛИ СССР.

⁵¹ Архив русского биолога и писателя Н. П. Вагнера — автора «Сказок Кота Мурлыки» хранится ныне в Литературном архиве Музея чешской письменности в Праге.

⁵² ЦГАЛИ СССР, ф. 612, оп. 1, д. 645, лл. 104—106.

⁵³ Там же, оп. 2, д. 1, лл. 3—7.

⁵⁴ ГБЛ, ф. 369.191.38.

⁵⁵⁻⁵⁶ Валютные ассигнования Литературному музею были довольно значительны. Так, в 1932 г. на приобретение документов за границей было ассигновано 4000 золотых рублей, в 1933—5000, в 1934 г. — 7000. По курсу 1933 г. 100 золотых рублей равнялись 1340 французским франкам или 85 американским долларам.

леть. Так, начиная с 1934 года им было налажено получение фотокопий документов из Русского заграничного исторического архива в Праге в обмен на советские издания⁵⁷. В. Д. Бонч-Бруевич неоднократно также выдвигал предложение о продаже за рубежом права издания отдельных документов Литературного музея с целью хотя бы частичного возврата валюты⁵⁸. Реализовать это предложение в то время не удалось. То обстоятельство, что Литературный музей был еще в процессе формирования, а многие рукописные материалы в других советских государственных хранилищах находились тогда в неупорядоченном состоянии, мешало организовать систематический обмен фотокопиями документов с зарубежными хранилищами.

Вторая мировая война и последовавший за ней длительный период «холодной войны» надолго прервали работу советских архивохранилищ по планомерному пополнению своих фондов подлинными документами из-за рубежа и их фотокопиями. Эта работа фактически возобновилась лишь со второй половины 1950-х годов. Значительный вклад в это дело внесли Главное архивное управление при Совете Министров СССР и подчиненные ему центральные государственные архивы, в особенности — Центральный государственный архив литературы и искусства СССР, являющийся наследником богатейших рукописных фондов Государственного литературного музея и лучших традиций его собирательской деятельности⁵⁹. Немало ценных документов по истории русской культуры поступило в послевоенные годы из-за границы также в рукописные отделы Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР и ряд других государственных хранилищ нашей страны. Плодотворные поиски русских культурных реликвий за рубежом предприняли за последние годы советские ученые И. Л. Андроников, И. С. Зильберштейн и другие⁶⁰.

Важную роль в организации и координации этой работы играет Междуведомственный научно-методический совет по приобретению документальных материалов в собственность государства, созданный в 1963 году при Главархиве СССР.

В ходе этой работы накоплен значительный опыт, во многом усовершенствована ее методика. Приобрели, в частности, небывалое развитие безвалютные формы получения из-за рубежа материалов по истории народов нашей страны, в том числе обмен микрофильмами.

Тем не менее опыт работы Литературного музея, возглавлявшегося В. Д. Бонч-Бруевичем, не потерял для нас практического значения. Особо должны быть отмечены исключительная целеустремленность и настойчивость В. Д. Бонч-Бруевича, способность преодолевать любые трудности в этом сложном и нелегком деле, умение привлечь широкий круг энтузиастов, без постоянной помощи которых невозможно было бы наладить эту работу, и, наконец, хорошо организованная информация о русских культурных ценностях, хранящихся за рубежом.

Из-за недостаточного знакомства с опытом работы Литературного музея порой возникают досадные случаи, когда вновь «выявляются»

⁵⁷ ЦГАЛИ СССР, ф. 612, оп. 1, д. 2645. Переписка с Русским заграничным историческим архивом.

⁵⁸ Там же, д. 3021, лл. 45—46.

⁵⁹ Г. А. Белов. Расширение источниковедческой базы истории народов СССР за счет документов, хранящихся в зарубежных архивах. — «Археографический ежегодник за 1963 год». М., 1964, стр. 223—240; И. Б. Волкова. Комплектование ЦГАЛИ СССР материалами личных архивов деятелей литературы и искусства. — «Советские архивы», 1971, № 6, стр. 12—19.

⁶⁰ И. Л. Андроников. Сокровища замка Хохберг. — В кн.: И. Л. Андроников. Лермонтов. Исследования и находки, изд. 2. М., 1967, стр. 183—239; И. С. Зильберштейн. Парижские находки. — «Огонек», 1966, № 47, 49, 52; 1967, № 3, 5, 6, 8, 12, 13, 31, 33, 35, 48, 49, 50; 1968, № 11, 13, 14; 1969, № 46; 1970, № 5, 6, 31; 1973, № 7.

в зарубежных архивах и повторно копируются документы, уже копированные по заказам В. Д. Бонч-Бруевича в 1930-е годы. Вместе с тем для дальнейшей работы по пополнению советских архивохранилищ подлинниками и копиями документальных материалов, находящихся за рубежом, большую ценность представляют сведения о материалах, которые В. Д. Бонч-Бруевич по разным причинам не успел или не смог приобрести.

Известно, что некоторые из них поступили в советские архивы и библиотеки после II Мировой войны. Так, заграничный архив А. И. Герцена и Н. П. Огарева, о приобретении которого В. Д. Бонч-Бруевич в 1936 году вел переговоры с внуком Герцена — Владимиром Александровичем⁶¹, поступил позднее в Русский заграничный исторический архив в Праге, а в 1945 году вместе со всем этим архивом был передан Чехословацким правительством в дар Советскому Союзу⁶². Но многие ценные материалы так и остались за рубежом и нередко до сих пор недоступны советским исследователям.

В архивном фонде Государственного литературного музея и в личном архиве В. Д. Бонч-Бруевича сохранились многочисленные конкретные сведения о местонахождении за рубежом документов по истории народов нашей страны. Эти сведения могут оказать существенную помощь в продолжении важной патриотической работы по возвращению на Родину культурных ценностей.

⁶¹ ЦГАЛИ СССР, ф. 612, оп. 1, д. 3422, лл. 200—229.

⁶² С. К. Богоявленский. Русский заграничный исторический архив. — «Известия АН СССР. Серия истории и философии», 1946, № 2, стр. 194—195.

К. Г. Межова

**ПРОТОКОЛЫ ЗАСЕДАНИЙ ФОНДОВОЙ КОМИССИИ
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КОМПЛЕКТОВАНИЯ
РУКОПИСНЫХ ФОНДОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ В МОСКВЕ**

История комплектования рукописных фондов Государственного Литературного музея в Москве¹, послуживших базой создания ЦГАЛИ СССР, не являлась до последнего времени предметом специального исследования. Между тем, в 1931—1939 гг. было собрано свыше 3000000 рукописных документов по русской литературе, искусству, истории². Многие из этого опыта собирания успешно применяется в практике современных архивохранилищ в наши дни, многое предстоит изучить.

Материалы о собирательской деятельности В. Д. Бонч-Бруевича, о комплектовании фондов музея отложились в личном фонде В. Д. Бонч-Бруевича в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (далее — ГБЛ, ОР) и в фонде Гослитмузея в ЦГАЛИ СССР.

Документальные материалы этих фондов вводились в научный оборот в очень незначительной степени³. К протоколам заседаний Фондовой комиссии — группе документов, где процесс комплектования фондов Гослитмузея отражен наиболее полно — исследователи до сих пор не обращались.

23 мая 1931 г. была создана Комиссия по устройству Центрального литературного музея в Москве, при которой существовала Фондовая комиссия, возглавляемая Бонч-Бруевичем. Фактически деятельность Фондовой комиссии началась с того момента, когда Наркомпросом отпущены были средства для приобретения материалов — об этом сообщается на ее первом заседании 14 мая 1932 г.

Задачей данной статьи является рассмотрение протоколов первых двух лет работы Комиссии, когда закладывались основы собирательской деятельности Гослитмузея, когда коллектив во главе с Бонч-Бруевичем занимался только собиранием материалов.

¹ Государственный Литературный музей (далее — Гослитмузей) возник в 1934 г. от слияния Центрального музея художественной литературы, критики и публицистики (далее — ЦЛМ) и Литературного музея при Государственной библиотеке им. В. И. Ленина.

² В. Д. Бонч-Бруевич. Об архивных фондах литературных деятелей. — «Архивное дело», 1939, 2/50, стр. 19.

³ Деятельности Гослитмузея отводит определенное место Л. Г. Сырченко: «К истории комплектования государственных архивов СССР фондами деятелей литературы (1918—1941)». — «Труды МГИАИ», т. 15. М., 1962, стр. 345—378. См. также: Г. Г. Демиденко. В. Д. Бонч-Бруевич (историко-партийный очерк жизни и деятельности. 1903—1955). Канд. дисс. Харьков. 1972; О. Д. Голубева. В. Д. Бонч-Бруевич — издатель. М., 1972; Ю. Г. Дементьев. Вклад В. Д. Бонч-Бруевича в советское архивное строительство. «Советские архивы», 1971, № 3, стр. 27—31; о приобретении Бонч-Бруевичем материалов А. И. Герцена упоминает Н. С. Рогова в статье «Из истории переписки А. И. Герцена 1859—1861 гг. (Судьба документальных материалов)». — «Труды МГИАИ», т. 16. М., 1962, стр. 317—321.

Протоколы за 1932—1934 гг. имеют особую ценность, поскольку за этот период нет планов и отчетов (Гослитмузей как титульное учреждение еще не существовал). Эти протоколы представляют самостоятельный интерес, так как первые два года Комиссия работала, в основном, на общественных началах, и в работе ее участвовали М. А. Цявловский, Н. Н. Гусев, Д. Д. Благой, Н. С. Апукин, Ю. М. Соколов, С. А. Басов-Верхоинцев и другие известные литераторы и ученые. С 13 июня 1934 г. состав Фондовой (в то время она называлась уже экспертной) комиссии формируется только из сотрудников музея, и лишь в отдельных случаях приглашаются специалисты из других учреждений.

Всего за 1932—1939 гг. в фонде Гослитмузея сохранилось 526 протоколов Комиссии ⁴, а с 14 мая 1932 г. по 7 июня 1934 г. — 46 протоколов из 63. В личном фонде Бонч-Бруевича за этот период имеются все 63 протокола (с № 1 по № 63) ⁵.

Мы будем пользоваться экземплярами протоколов из личного фонда Бонч-Бруевича потому, что они представлены здесь полностью и содержат гораздо больше помет и исправлений, чем протоколы в фонде Гослитмузея. Пометы эти принадлежат К. С. Павловой, Н. А. Дилевской, самому Бонч-Бруевичу и неустановленным лицам.

В протоколах зафиксирован весь процесс поступления материалов, сведения о принятых и отвергнутых материалах, об их характере, о том был материал куплен, или подарен, и кем.

Из протоколов мы узнаем, за какую цену приобретены были те, или иные поступления, ими пользовались для денежных расчетов с владельцами материалов (об этом говорят пометы на полях: «уплачено», «чек», «наличными», «почтой», «через банк», и т. д.). Пометы «Протокол разнесен на карточки» свидетельствует о том, что ими пользовались для составления картотеки с данными об архивовладельцах.

Протокол составлялся, очевидно, секретарем заседания, позднее секретарем музея (это подтверждает и сохранившийся рукописный автограф «секретаря заседания» Н. Н. Гусева от 21 октября 1932 г.). Каждый протокол, как правило, состоит из двух частей: «слушали—постановили», в нем по пунктам перечисляются обсуждаемые вопросы. Кроме председателя Бонч-Бруевича протоколы подписаны секретарем заседания: вначале М. М. Чистяковой, с 14 сентября 1933 г. — Н. А. Дилевской. Протоколы с № 5 по № 14 подписаны только Бонч-Бруевичем.

Судя по протоколам, Комиссия собиралась примерно раз в две недели, иногда (в связи с тем, что организационный период был связан с переездами) бывали перерывы более месяца. В конце 1933—начале 1934 г. Комиссия собиралась через каждые несколько дней (2, 3, 7, 9, 11, 13, 15 декабря и т. д.), что объясняется возросшим количеством предложений. В протоколах этого периода имеется упоминание о «малой» фондовой комиссии ⁶, то есть об экспертизе материалов ограниченным количеством экспертов. Можно предположить, что протоколы заседаний «малой» фондовой комиссии входят в общее количество рассматриваемых протоколов, так как протоколы с расширенным составом заседаний перемежаются с протоколами, где присутствуют, зачастую, всего четыре эксперта (в их числе обязательно Бонч-Бруевич и Дилевская). Наименьшее количество вопросов (6) было рассмотрено на заседании 21 декабря 1933 г.,

⁴ ЦГАЛИ СССР, ф. 612, оп. 1, д. 3518—3524.

⁵ ГБЛ, ОР, ф. 369, к. 105, д. 7. Протоколы заседаний Фондовой комиссии Литературного музея (далее — «Протоколы. . .»). По словам К. Б. Суриковой, много лет проработавшей в музее в качестве секретаря, к протоколам прилагались заключения экспертов о материалах. Действительно, в протоколе от 9 декабря 1932 г. сообщается о письменном докладе Н. П. Чулкова об архиве П. И. Бартенева, приобретаемого у И. Ю. Житковой, со ссылкой на приложение этого доклада. К сожалению, ни это, ни другие приложения не сохранились.

⁶ См. также письмо В. Д. Бонч-Бруевича С. А. Басову-Верхоинцеву от 19 февраля 1934 г. — ЦГАЛИ СССР, ф. 612, оп. 1, д. 582, л. 1.

самое большое (88) — 29 марта 1933 г. (в 57 пунктах этого протокола речь идет об экспертизе материалов, остальные 31 — сообщения типа: «Слушали: сообщение Бонч-Бруевича об утверждении положения о музее»). Поскольку из общего количества вопросов трудно было выбирать нужные сведения, с 7 октября 1933 г. к некоторым протоколам составлены приложения: «Порядок дня заседания Фондовой комиссии». Структура приложения примерно такова: сообщения о приобретенных материалах о пожертвованиях, о предлагаемых материалах, о материалах, поступивших на пересмотр.

В протоколе от 19 декабря 1933 г. читаем: «Слушали: предложение Цявловского М. А. прекратить операции по приобретению новых материалов в связи с квартирным кризисом, переживаемым музеем. Бонч-Бруевич В. Д. категорически возражает против этого предложения»⁷. Поступления продолжались, так как неразумно было прекращать прием материалов, когда завоевано было расположение их владельцев и материалы шли широким потоком.

Протоколы сообщают о том, что фонды Музея комплектовались не только за счет рукописных, но и других видов материалов. Приобретались редкие книги, книги с автографами, изобразительные материалы, реликвии. В данной статье рассматривается комплектование фондов Музея лишь рукописными материалами, отношение основных групп материалов к общему количеству поступлений дано в таблице в конце статьи.

Судя по протоколам, архив или собрание редко передавались целиком, даже по одному и тому же писателю от одного владельца бывало несколько поступлений. Трудно быть уверенным в том, что владелец передавал в с е имеющиеся у него материалы, так как что-то могло быть не обнаружено, не описано. Так, после передачи в августе 1932 г. архива Н. С. Лескова его сыном А. Н. Лесковым, сдававшим архив (по словам принимавших его) в идеальном порядке, от него были дополнительные поступления.

Что же касается коллекционеров, таких, к примеру, как А. Е. Бурцев, здесь передачи материалов производились частями преднамеренно.

Во многих случаях Фондовая комиссия сама производила отбор материалов, так 7 апреля 1933 г., на предложение В. Н. Ивойлова Комиссия постановляет: «Поручить Чулкову Н. П., Ильинскому И. В. и Дилевской Н. А.⁸ сделать выборку из предлагаемого архива материалов, нужных музею»⁹.

В экспертизе участвовали все члены Комиссии за исключением секретаря. М. А. Цявловскому поручалась экспертиза пушкинских и многих других материалов, о материалах Л. Н. Толстого сообщал, обычно, Н. Н. Гусев, оценку материалов по истории религии производил Бонч-Бруевич.

На заседаниях об этих материалах докладывал, как правило, кто-либо из членов Фондовой комиссии. Если в протоколе записано: «Слушали: предложение вдовы акад. Сакулина его архива», или «Слушали: предложение Барбашовой двух писем поэта Майкова» — это не значит, что владельцы материалов докладывали о них сами. Чаще всего, предложение имело такой вид: «Сообщение И. В. Ильинского о предложении Павлова Н. Н. приобрести материалы из архива Аксаковых»¹⁰.

⁷ «Протоколы. . .», л. 150.

⁸ Н. П. Чулков — специалист в области генеалогии и архивного дела, заведующий архивом; И. В. Ильинский — исследователь творчества Л. Н. Толстого; Н. А. Дилевская — ст. научный сотрудник, много лет проработавшая в музее. Все трое — первые штатные работники Фондовой комиссии.

⁹ «Протоколы. . .», л. 51 об.

¹⁰ Там же, л. 88.

В отдельных случаях к экспертизе привлекались не только члены Фондовой комиссии. Так, в протоколе от 7 мая 1934 г. записано: «Принимая во внимание тщательную экспертизу специалистов по Лермонтову (в том числе Шувалова), установившую, что предлагаемая рукопись не является автографом Лермонтова, а лишь списком, представляющим некоторый интерес при изучении текста «Демона», подлинник которого по сие время не известен, — приобрести за 50 руб.»¹¹

Особенно внимательно изучались заграничные материалы. 4 марта 1934 г. Бонч-Бруевич писал Цявловскому: «У меня всегда бывает сомнение ко всем автографам Пушкина и других наших крупных писателей, давно сохраняющихся в архиве за границей»¹². В протоколе от 3 июля 1933 г. записано: «Слушали: предложение из Парижа приобрести стихотворение «Смуглянка», приписываемое Пушкину. Для рассмотрения прислана фотокопия. Постановили: так как достаточно убедительно опровергнута приписываемая Пушкину автографичность этого стихотворения, от приобретения его воздержаться»¹³.

Получению материалов обычно предшествовало обсуждение предложения на заседании, но встречаются сообщения об уже сделанных приобретениях (чаще всего это касалось покупок материалов в другом городе). 3 июля 1933 г. Комиссия постановляет предоставить Бонч-Бруевичу право, в случае необходимости, единолично повышать оценку материалов.

Случалось, что намеченный к приобретению архив купить не удавалось. На заседании 27 мая 1933 г., например, Н. С. Ашукин сообщает о предложении писателем П. Н. Зайцевым его архива. Комиссия постановляет приобрести его за 2 000 руб. Но на полях протокола помета Бонч-Бруевича: «Перекуплен Музеем Союза писателей за 4000 руб.» Об этом же говорится и в протоколе от 3 августа 1933 г.¹⁴ Из сказанного ясно, что постановление Комиссии о приобретении материалов еще не являлось доказательством поступления их в музей. Так, на заседании 21 октября 1933 г. обсуждалось «Предложение Спешневой приобрести письма и материалы петрашевца Спешнева и другие материалы о нем». Комиссия постановляет купить их за 750 руб., но имеется помета: «взяла обратно»¹⁵.

Благодаря пометам узнаем и о дате поступления материалов. Так, в протоколе от 27 мая 1933 г., где сообщается, что А. С. Балагин хочет передать музею 70 000 автографов, принадлежавших Драматическому обществу и выброшенных как ненужные, на полях рукой Бонч-Бруевича написано: «Архив перевезен 10 августа 1933 г.». Убеденным в том, что материалы были приобретены, можно быть лишь в том случае, если есть соответствующая помета, или, если на одном из следующих заседаний сообщается о доставке материалов.

Определенное место при комплектовании рукописных фондов принадлежало историческим материалам. На заседании 19 ноября 1932 г. Д. Д. Благой выразил сомнение в целесообразности приобретения такого рода материалов. Бонч-Бруевич отвечал, что «ЦЛМ есть организация по хранению и разработке не только чисто литературных материалов, но и материалов по истории развития общественной мысли, и, следовательно, приобретение материалов исторического характера является одной из его непосредственных задач»¹⁶.

¹¹ «Протоколы. . .», л. 267. С. В. Шувалов не был членом Фондовой комиссии.

¹² М. А. Цявловский. Переписка с Государственным литературным музеем. ЦГАЛИ, ф. 612, оп. 1, д. 2361, л. 12.

¹³ «Протоколы. . .», л. 69 об.

¹⁴ «Протоколы. . .», лл. 55 и 72. В фонде П. Н. Зайцева в ИМЛИ — 130 ед. хр., в ЦГАЛИ — 11 ед. хр. Очевидно, на заседании шла речь о другой части архива П. Н. Зайцева, так как только биографий писателей там было около 800, да и цена архива говорит о его большом объеме.

¹⁵ «Протоколы. . .», л. 108.

¹⁶ Там же, л. 21.

Протоколы сообщают о приобретении 16 писем А. В. Суворова, лекций М. П. Погодина, копий указов Александра 1, воспоминаний В. А. Жуковской о Г. Е. Распутине и т. д. С. И. Барсуков передает материалы своего отца — И. П. Барсукова, известного историка, дяди — М. П. Барсукова, автора книги «Жизнь и труды М. П. Погодина». От него же поступают письма Л. Н. Толстого, Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского, М. И. Семецкого и другие.

Бонч-Бруевичем приобретались и материалы о декабристах, и документы о революции 1905 г. В протоколе от 16 ноября 1933 г. говорится о приобретении рукописи воспоминаний о В. И. Ленине, 26 мая 1934 г. протокол сообщает о том, что историко-революционные материалы, приобретенные Фондовой комиссией, передаются в ИМЭЛ.

Значительное место в комплектовании фондов занимали фольклорные материалы, которые впервые в большом объеме ЦЛМ получил из Академии истории материальной культуры (протокол от 14 сентября 1933 г.). По сообщению Ю. М. Соколова, известного фольклориста, возглавившего впоследствии соответствующий отдел Музея, были приобретены материалы Н. Е. Ончукова, С. А. Клепикова, В. И. Симакова, Ю. А. Самарина, архив самого Ю. М. Соколова и его брата Б. М. Соколова (также фольклориста), эпистолярные материалы академика В. Ф. Миллера и многие другие. К фольклорным материалам Бонч-Бруевич относил и материалы по истории общественно-религиозных движений, но встречались они и в составе архивов, как материалы творческой лаборатории писателя. Например, 9 марта 1931 г. А. Н. Лесков (сын Н. С. Лескова) писал Бонч-Бруевичу: «Хиротонию боюсь высылать. Уж больно она церковно-специальна»¹⁷. Но И. В. Ильинский, принимая в августе 1932 г. архив писателя, отмечал, что среди документов архива «есть уникамы церковно-библиографического характера («Кийм святым, когда память бывает», «Чин анафемы 1850 г.», «Чин хиротонии времен Павла I»)»¹⁸.

Определенное место при комплектовании фондов принадлежало материалам деятелей искусства. К самым крупным таким приобретениям следует отнести архив С. И. и Е. Г. Мамонтовых, где больше всего писем известных художников, но есть и письма Ф. И. Шаляпина и материалы самого Мамонтова. 15 мая 1933 г. решено было приобрести рукописи И. Е. Решина «Смертная казнь» (о Каракозове) и «Сказка». За 10 000 руб. приобретен был архив композитора С. И. Танеева (в нем были письма писателей), 28 декабря 1932 г. приобретаются письма Н. Н. Ге.

Однако основное место в комплектовании рукописных фондов принадлежало архивам русских писателей. Протоколы сообщают о поступлении материалов А. Белого, Н. С. Лескова, Г. И. Успенского. Масса сведений о писателях содержалась в материалах П. И. Бартенева, издателя «Русского архива»¹⁹, в составе архива М. О. Гершензона были документы А. И. Герцена и Н. П. Огарева.

19 ноября 1932 г. Н. С. Ашукин сообщает о покупке в московской Лавке писателей корректуры стихотворения Н. А. Некрасова «Размышления у парадного подъезда», редакции стихотворения «Сашенька» и «Буря». Часть архива Н. А. Некрасова приобретена была у племянника поэта — К. Ф. Некрасова (протокол от 7 июля 1932 г.), 27 февраля 1934 г. Комиссия решает повысить оценку материалов В. А. Флерову с 800 руб. до 1200 потому, что среди материалов — автограф Некрасова «Кому на Руси жить хорошо».

¹⁷ ГБЛ, ОР, ф. 369, к. 295, д. 17, л. 2.

¹⁸ А. Н. Лесков (сын писателя). Описи материалов архива писателя Н. С. Лескова. — ГБЛ, ОР, ф. 369, к. 109, д. 56, л. 12 об.

¹⁹ 14 апреля 1935 г. Бонч-Бруевич писал внучке П. И. Бартенева: «Нам удалось, наконец, собрать, думаю, что больше чем на 90% архив П. И. Бартенева»: — В. Д. Бонч-Бруевич. Письма к И. Ю. Бартенева. — ГБЛ, ОР, ф. 369, к. 128, д. 6, л. 2.

Уже на первом заседании Комиссия принимает первые пушкинские материалы — фотокопию стихотворения Пушкина «О Делия драгая», сделанную Бонч-Бруевичем в Праге в 1930 г. Заседание 7 февраля 1933 г., в основном, посвящено было приобретению хозяйственного архива А. С. Пушкина у внука поэта — Григория Александровича²⁰. 15 февраля 1934 г. Комиссия постановляет приобретение автографов Пушкина считать обязательным²¹.

Из материалов Л. Н. Толстого в эти годы приобретены были документы архива П. А. Буланже (протокол от 29 марта 1933 г.), дневник бывшего учителя детей Толстых — И. М. Ивакина, купленный у Сергея Львовича Толстого (предложение 31 октября 1933 г.). Воспоминания о Л. Н. Толстом и его биография приобретены были у Х. Н. Абрикосова и П. И. Бирюкова (протоколы от 9 и 15 января 1934 г.). В этот период, однако, фонды Музея пополнялись, в основном, фотокопиями документов о Толстом.

Казалось бы, польза приобретения фотокопий несомненна. Однако, на заседании 27 мая 1933 г. этому вопросу отведено было значительное место. Выяснилось, что заседанию предшествовало обследование ЦЛМ В. И. Невским и Г. П. Георгиевским, сделавшими вывод о большом количестве фотокопий в Музее. Бонч-Бруевич заявил на это, что они стоят на точке зрения коллекционеров, ценящих автограф как таковой, что ими не учитывается польза фотокопий для исследователей, которые благодаря им могут пользоваться недоступными им архивами²².

Определенная часть материалов не принималась Фондовой комиссией (когда не подтверждалась их подлинность), но чаще всего материалы отвергались «как не соответствующие профилю музея».

Об источниках приобретений порой сообщается глухо: «Предложение Португалова приобрести разные материалы», иногда более пространно: «Предложение Павловой (няни семьи Засодимских) приобрести материалы архива Засодимских»²³. Существенные дополнения здесь зачастую вносят пометы. Так 9 декабря 1932 г. Комиссия постановляет «Приобрести десять книг с автографами писателей (Тургенева, Гончарова, Блока и др.)». Чернилами над машинописным текстом вписано: «у И. С. Абрамова»²⁴. После сообщения 10 апреля 1934 г. о передаче Е. А. Масальской в дар Музею писем А. Ф. Кони дописано «присланные ей для нас вдовой академика Шахматова»²⁵.

Бывало, что источник приобретения вообще не указывался, как в протоколе от 3 августа 1933 г., где Бонч-Бруевич сообщает, что приобрел список «Исповеди» Л. Н. Толстого, но владелец списка не назван.

Среди тех кто передает материалы Музею и известные собиратели-коллекционеры (А. Е. Бурцев, Ф. И. Витязев, И. С. Абрамов и т. д.), и потомки писателей, издателей, ученых, и сами члены Фондовой комиссии. Судя по протоколам, особенно много поступлений было от Ю. А. Бахрушина²⁶. Из учреждений чаще всего встречаются книжная Лавка писа-

²⁰ См. об архиве: Павел Попов. Новый архив А. С. Пушкина. — «Звенья», № 3—4. М.—Л., 1936, стр. 129—146; «Летописи Гослитмузея», вып. 1. М., 1936.

²¹ Автографы Пушкина были переданы в 1938 г. Гослитмузеем в Музей А. С. Пушкина, а позднее в ИРЛИ (Пушкинский дом) АН СССР.

²² 7 июня 1933 г. В. Д. Бонч-Бруевич писал М. А. Цявловскому об этом заседании: «Все единогласно против Невского предложили фотокопии снимать самым энергичным образом». — ЦГАЛИ СССР, ф. 612, оп. 1, д. 2361, л. 20 об.

²³ «Протоколы...», л. 91.

²⁴ Там же, л. 25.

²⁵ Там же, л. 91.

²⁶ Ю. А. Бахрушин, сын А. А. Бахрушина — основателя Театрального музея его имени, — искусствовед и коллекционер. Им были переданы Фондовой комиссии: клятвенное обещание А. С. Пушкина при поступлении его на службу в Министерство иностранных дел, дело об учреждении надзора за А. С. Пушкиным, письмо Николая I

телей в Москве и магазин Международной книги в Ленинграде. На заседании 21 октября 1932 г. сообщается о решении Института Маркса-Энгельса-Ленина передать ЦЛМ материалы литературного характера. В протоколе от 7 февраля 1933 г. говорится о предложении Тургневским музеем в Орле автографа пьесы И. С. Тургенева «Студент», 27 мая 1933 г. — о разрешении Наркомпроса передать из дома отдыха «Абрамцево» письма сестер Н. В. Гоголя. Но в подавляющем числе случаев, как свидетельствуют протоколы этого периода, рукописные фонды Музея комплектовались за счет материалов частных лиц.

Протоколы дают сведения о документах, принесенных в дар. Уже на первом заседании Бонч-Бруевич сообщает о письмах Л. Н. Толстого, присланных из Франции в дар Шарлем Соломоном. Здесь же говорится о даре В. О. Нилендера — части архива книгоиздательства «Мусажет» с материалами по русскому символизму. Поступление в дар от А. В. Луначарского тома его переписки с писателями (29 марта 1933 г.) знаменует начало собирания материалов советских писателей при их жизни.

В интервью газете «Prager Presse»²⁷ Бонч-Бруевич указывал, что дары Музею составляют 1% от общего количества материалов. Протоколы (см. таблицу в конце статьи) говорят о значительно большем количестве пожертвований в эти два года²⁸.

Некоторые исправления говорят о том, что иногда удавалось уговорить владельцев материалов, намеченных к приобретению, передать их в дар. В протоколе от 22 апреля 1934 г. записано: «Слушали предложение Гаршиной по оп. 1315 приобрести рукопись Каплана М. Я. о Вс. Гаршине и материалы к ней. Постановили: приобрести за 300 руб.» К пункту «слушали» дописано «принесена в дар», «постановили» зачеркнуто и дописано: «принять с благодарностью»²⁹.

Сведения о переписке как одном из методов комплектования фондов содержатся не только в самой переписке, но и в протоколах. Например, на заседании 16 марта 1934 г. Ю. А. Бахрушин сообщает о своей переписке с вдовой поэта Л. Д. Блок, говорит он о необходимости начать переговоры с сестрой Л. Андреева, о необходимости «срочно войти в переписку» с Н. М. Гаршиной, вдовой писателя. На многих заседаниях Комиссия рекомендует написать тому или иному владельцу материалов.

Сведения о командировках по розыску материалов (еще один метод комплектования фондов) также имеются в протоколах. Так, на заседании 1 декабря 1933 г. Бахрушин сообщает о результатах своей поездки в Ленинград: о посещении А. Н. Лескова, П. П. Щеголева, А. Е. Бурцева. Он говорит, что в Ленинграде намечена продажа дневников А. Блока, материалов архива А. А. Ахматовой, что он привез в Москву архив поэта М. А. Кузмина. (Кузмин, как известно, умер в 1936 г., и это поступление — свидетельство прижизненных передач писателями материалов Гослитмузею.)

Пример самой удачной командировки — в протоколе 10 апреля 1934 г. Вернувшийся из Ленинграда Бонч-Бруевич сообщает, что за десять дней, работая с раннего утра до поздней ночи, он многого не успел сделать. «Выделено было лишь главнейшее, — говорил он, — а именно: автографы

пакануне восстания декабристов, каноническая рукопись Н. А. Некрасова «Шир на весь мир» и многие другие документы.

²⁷ «Охрана наследства. Сотрудничество с Советским Союзом в архивной работе». — ГБЛ, ОР, ф. 369, к. 33, д. 12. Дата документа — 3 октября 1936 г. установлена автором на основании сопоставления его содержания с письмами В. Д. Бонч-Бруевича к П. Г. Богатыреву.

²⁸ 7 апреля 1934 г. В. Д. Бонч-Бруевич писал А. С. Бубнову: «По 2 апреля с. г. к нам поступило всего 227 пожертвований, некоторые из которых колоссальны по своему объему. . .» (Гослитмузей. Письма в Наркомпрос РСФСР. — ЦГАЛИ СССР, ф. 612, оп. 1, д. 3021, л. 52 об.). Очевидно, некоторые дары не были учтены, так как по данным таблицы за указанные два года поступило 196 пожертвований.

²⁹ «Протоколы. . .», л. 261.

Пушкина, находившиеся по нашим сведениям в четырех местах, — у Оксмана, Щеголева, проф. Тарле и инженера Макарова»³⁰.

На этом заседании И. С. Зильберштейн, также участвовавший в приобретении материалов для Музея, указывал, что только поездка самого Бонч-Бруевича могла дать такие блестящие результаты, так как склонить на передачу материалов таких людей как П. П. Щеголев или И. П. Макаров очень трудно. Некоторые приобретения не нашли отражения в протоколах. Так, ничего не сказано о покупке в конце 1933 г. в Югославии списка стихотворений Пушкина с его правкой, так называемой «Тетради Всеволожского». Между тем, 27 октября 1933 г. Бонч-Бруевич писал в Белград И. Максимовичу: «На заседании нашей Фондовой комиссии . . . это сообщение о найденной тетрадке Пушкина вызвало всеобщий энтузиазм, всеобщую радость, и через меня все наши ученые, входящие в эту Фондовую комиссию, просят Вас обязательно уберечь эту рукопись для России»³¹.

Имеются в протоколах и неточные сведения. 7 июля 1932 г. Бонч-Бруевич сообщает об обещании известного русского библиографа Н. А. Рубакина, в 1908 г. эмигрировавшего в Швейцарию, передать свой архив ЦЛМ. Переписка Бонч-Бруевича с Н. А. Рубакиным свидетельствует, что Бонч-Бруевич просил литературную часть архива. Рубакин же не хотел дробить свой архив, поэтому ЦЛМ желаемых материалов не получил³². В остальном, при сопоставлении протоколов с другими видами

Источники приобретений		Виды материалов	Количество поступлений материалов		
			с 14 мая 1932 г. по 27 апреля 1933 г.	с 15 мая 1933 г. по 7 июня 1934 г.	с 15 января 1936 г. по 30 декабря 1936 г.
От частных лиц	В СССР	Рукописных	195	752	954
		Книжных	26	191	335
		Изобразительн.	62	312	451
	За границей	Рукописных	7	1	5
Книжных		2	—	2	
Изобразительн.		2	3	—	
От учреждений	В СССР	Рукописных	10	21	86
		Книжных	2	9	117
		Изобразительн.	1	8	38
	За границей	Рукописных	9	15	27
Книжных		2	8	13	
Изобразительн.		1	—	—	
Прочих материалов			27	106	165
Всего поступлений:			346—100%	1426—100%	2193—100%
Из них	Рукописных материалов		221—63.8%	789—55.3%	1072—48.8%
	Фотокопий		6—1.7%	16—1.1%	51—2.3%
	Даров		32—9.2%	164—11.5%	387—17.6%

³⁰ «Протоколы. . .», л. 250. У Ю. Г. Оксмана — литературоведа и П. П. Щеголева — сына известного пушкиниста, автографы приобретены не были. Е. В. Тарле передал ЦЛМ фотокопию автографа Пушкина «От меня вечер Леила» (подлинник позднее был передан им Пушкинскому дому). У инженера И. П. Макарова был приобретен автограф письма А. С. Пушкина барону Геккерну.

³¹ «Дело о покупке Гослитмузеем в Сербии рукописей Пушкина» («Тетради Всеволожского») — ЦГАЛИ СССР, ф. 612, оп. 1, д. 3564, л. 8 об.

³² После смерти Рубакина, согласно его завещания, архив был перевезен в СССР и хранится в ГБЛ, ОР, ф. 358.

источников (статьи Бонч-Бруевича, отчеты, переписка) серьезных расхождений не обнаружено.

Приведенная выше таблица дает относительное представление о результатах деятельности Фондовой комиссии за 1932—1934 гг. Дело не только в том, что за каждое поступление принималось и приобретение одного письма и огромного архива, но и в том, что письмо это могло быть письмом Пушкина, а огромный архив мог не представлять большой ценности. В целях сравнения с данными периода, за который были изучены протоколы, приведены данные за 1936 г., когда количество поступлений увеличилось, но были они, судя по протоколам, менее значительны.

Таким образом, можно сказать, что протоколы заседаний Фондовой комиссии являются ценным источником по изучению комплектования рукописных фондов Гослитмузея (а следовательно и ЦГАЛИ СССР).

Протоколы содержат сведения о лицах, предлагавших материалы, о материалах, которые по каким-либо причинам не были приобретены, что делает возможным продолжение их поиска.

Наконец, протоколы сообщают об архивно-собирательской деятельности многих известных исследователей, и, в первую очередь, — В. Д. Бонч-Бруевича.

Б. Г. Литвак

ВКЛАД В. К. ЯЦУНСКОГО В ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И АРХЕОГРАФИЮ *

Плодотворное влияние работ В. К. Яцунского на развитие источниковедения и ряда вспомогательных исторических дисциплин давно признано в нашей литературе¹. Его многолетние труды в области исторической географии получили свое фундаментальное оформление в монографии «Историческая география. История ее возникновения и развития в XIV—XVIII веках». (М., 1955). К сожалению, иначе обстоит дело с его работами в области источниковедения и археографии: они рассеяны по журналам и сборникам, только небольшая часть из них могла войти в сборник трудов В. К. Яцунского «Социально-экономическая история России XVIII—XX вв.» (М., 1973). Между тем изучение совокупности этих работ выясняет не только их внутреннюю связь, что дает возможность установить точку зрения В. К. Яцунского на ряд коренных проблем источниковедения и археографии, но и их актуальность в наши дни.

Исходя из сказанного, представляется целесообразным систематизировать источниковедческие взгляды В. К. Яцунского, чтобы взять на вооружение драгоценный опыт этого выдающегося исследователя, так как интерес к историческому источниковедению особенно отчетливо проявился у В. К. Яцунского как раз в годы расцвета его научно-исследовательского и научно-организационного таланта. В этом цель данного сообщения. Поскольку в нем не ставится задача исследовать складывание или эволюцию взглядов В. К. Яцунского, наиболее удобным принципом систематизации работ будет группировка не по времени их появления, а по их проблематике. Мы ограничимся тремя проблемами:

- а) изучение В. К. Яцунским ленинского наследия в области источниковедения и общие вопросы источниковедения,
- б) вопросы организации источниковедческой и археографической работы,
- в) источниковедение отдельных видов источников.

I

В. К. Яцунский одним из первых советских историков поставил вопрос о необходимости изучения исследовательских приемов В. И. Ле-

* В основу статьи положен доклад на заседании в Институте истории СССР совместно с Московским отделением Всесоюзного географического общества 13 марта 1973 г., посвященном памяти В. К. Яцунского.

¹ См. специальную статью: Ю. А. Рыбаков. Вспомогательные исторические дисциплины в работах В. К. Яцунского. — «Археографический ежегодник за 1969 год». М., 1971, стр. 192—199; отдельные замечания в работах советских и зарубежных исследователей: Н. М. Дружинина, С. Гербста, И. Д. Ковальченко, А. С. Нифонтова, П. Г. Рындюнского и др.

нина и продемонстрировал многообразие подходов к такому изучению². В 1960 г. он пишет статью «Приемы научного исследования в работах В. И. Ленина по социально-экономической истории»³, которая является переработкой наиболее ценного материала и устоявшихся выводов цикла исследований по этой тематике⁴. В. К. Яцунский обратил особое внимание на широту и разнообразие приемов, применяемых В. И. Лениным при изучении социально-экономической истории. Он перечисляет семь основных групп приемов конкретно-исторического исследования, где источниковедческая стадия, хотя и тесно переплетенная с более высокими стадиями исследования, не сливается с ними, а составляет самостоятельную группу. Так приемы порайонного или отраслевого изучения экономики наряду с изучением ее в целом, метод сравнительного анализа невозможны без статистического изучения, между тем последнее, как важнейший элемент источниковедческой стадии исследования, имеет свои конкретные приемы. В. К. Яцунский показал как эти частные приемы используются В. И. Лениным и как этим достигаются результаты определяющего методологического значения. Исследование ленинской лаборатории приводит В. К. Яцунского к очень важному для развития исторической науки выводу, отчетливо сформулированному им в другой статье: «Не владея вспомогательными дисциплинами (к ним В. К. Яцунский относил и источниковедение, как ведущую. — *Б. Л.*), историк, хотя бы он и был вполне подготовлен в теоретическом отношении, будет так же бесполезен в научной работе как биолог, не умеющий обращаться с микроскопом»⁵. Следуя ленинскому отношению к чистоте источниковедческой методики, т. е. к правильному применению источниковедческих приемов в исследовании, В. К. Яцунский показал, что любое нарушение требований этой методики наносит ущерб методологическим позициям ученого.

Исходя из правильного марксистского тезиса о более высокой производительности труда, которую несет с собой капитализм по сравнению с феодальной системой, П. А. Хромов попытался его подтвердить на материале о производительности труда ткачей в России XIX в. Некритически используя данные отчетов Департамента мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов о количестве продукции и числе ткачей за отдельные годы первой половины XIX в., автор показывает четырехкратный рост производительности труда ткача в предреформенной России. Между тем источниковедческий анализ этих отчетов, проведенный В. К. Яцунским, выявил недоучет на 50-е годы XIX в. примерно 100 тыс. ткачей⁶. Таким образом, правильное теоретическое положение вульгаризируется только в результате небрежного отношения к требованиям источниковедческой методики, что наносит ущерб нашим методологическим позициям.

На примере анализа «Отчетов» В. К. Яцунский показал каким грозным оружием является правильный источниковедческий прием в борьбе с чуж-

² Статья В. К. Яцунского «Историко-географические моменты в работах В. И. Ленина» вышла в 1948 г. («Исторические записки», т. 27, стр. 3—17). До выхода этой статьи известна только работа экономиста И. Гладкова, обобщающая XXIII ленинский сборник и названная «Лаборатория ленинского научного творчества» («Большевик», 1940, № 19—20, стр. 119—128). — См. «История исторической науки в СССР. Доктябрьский период. Библиография». М., 1965, раздел «Литература о В. И. Ленине как историке», стр. 27—34.

³ «История СССР», 1960, № 2, стр. 186—196.

⁴ Кроме названной работы, вышедшей в 1948 г., см. *В. К. Яцунский*. Ленин как историк-экономист. — «Известия АН СССР. Серия истории и философии», 1949, № 1, стр. 20—38; *он же*. Вопросы источниковедения в трудах В. И. Ленина. — «Проблемы источниковедения», вып. 4. М., 1955, стр. 5—19; и др.

⁵ *В. К. Яцунский*. О некоторых отстающих участках нашей исторической науки. — «История СССР», 1959, № 3, стр. 35.

⁶ *В. К. Яцунский*. Отчеты Департамента мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов дореформенной эпохи, как исторический источник. — «Археографический ежегодник за 1958 год». М., 1960, стр. 187—209.

дыми марксизму теориями и концепциями. Так, М. И. Туган-Барановский, пользуясь все теми же «отчетами» без критического анализа их данных, пришел к очень важному для своей концепции выводу о том, что русская фабрика до 40-х годов XIX в. переживает период роста и укрупнения, затем наступает стабилизация роста, за которым «фабрики стали раздробляться». Между тем динамика среднего числа рабочих на одну фабрику выведена по неправильным данным, так как Туган-Барановский отождествлял число ткачей, учтенных департаментом, с числом работавших в помещении предпринимателей. На самом же деле число ткачей, работавших «на фабрику», было на 100 тыс. больше. Таким образом В. К. Яцунский, применив ленинский прием сопоставления данного факта «не с идеей, а с другим фактом»⁷, «взорвал» фундамент, на котором зиждилась концепция буржуазного экономиста. В иной исследовательской позиции он по своему следовал тому же самому подходу к изучению социально-экономических явлений, который был охарактеризован В. И. Лениным следующими словами: «... я продолжаю держаться того мнения, что лучше подвергнуться обвинению в сухости изложения, чем подать повод читателю думать, что мой взгляд основан на „цитировании“ „Капитала“, а не на изучении русских данных»⁸.

Особенно большое влияние на исследовательскую методику имели усилия В. К. Яцунского, направленные на внедрение ленинских приемов статистического анализа социально-экономических явлений. Характерно, что в ряде статей В. К. Яцунский вводит в круг вспомогательных исторических дисциплин статистику. Тщательное освещение вопроса о применении «средних» или о построении динамических рядов способствовало углублению понимания ленинского вклада в статистику как науку. Ведь именно «вопрос о статистической характеристике типов явлений методом группировок (с применением групповых средних) оказался одним из наиболее детально разработанных вопросов в ленинском научном наследии»⁹.

Можно, не боясь обвинения в преувеличении, сказать, что упомянутые работы В. К. Яцунского подготовили почву для применения новых математических методов в исторической науке.

В статьях о ленинской методике В. К. Яцунский неоднократно отмечал особый интерес В. И. Ленина к данным первичных источников, изучение которых и их научная группировка не затруднены, ибо они еще не стали объектом казенной бюрократической или методологически неполноценной «обработки».

Рассматривая источниковедение как вспомогательную историческую дисциплину, В. К. Яцунский особо интересовался ее прикладной, методической стороной, но, вместе с тем, нельзя не отметить его высказывания по двум важным проблемам общего источниковедения, о которых нет единого мнения среди источниковедов. Как известно, вопрос о принципах классификации источников, несмотря на сравнительное обилие литературы, посвященной ему, вряд ли можно считать решенным. В. К. Яцунский еще в 1958 г. в статье «К вопросу о классификации письменных источников в курсе источниковедения истории СССР»¹⁰ пришел к выводу, что в учебных целях видовой принцип классификации источников имеет ряд преимуществ по сравнению с их классификацией по содержанию. В этой позиции незримо присутствует тезис о необходимости поднятия уровня преподавания источниковедения, дополняя обычное обозрение источников обучением приемам работы с ними. Последнее становится возможным, если в основу классификации кладется вид источника, ибо каждый вид требует своих приемов изучения.

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 167.

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 623.

⁹ «В. И. Ленин и современная статистика. Теоретическое обоснование статистической науки в трудах В. И. Ленина». М., 1970, стр. 21.

¹⁰ «Труды МГИАИ», т. 11. М., 1958.

В подходе В. К. Яцунского к данной проблеме отчетливо сказывается его стремление к тесной связи общих вопросов источниковедения с реальными нуждами его методики.

Актуальный интерес представляет определение того, что В. К. Яцунский вкладывал в понятие «источниковедческая методика». В итоговой статье о ленинских методических приемах автор писал: «Техника исторического исследования в трудах В. И. Ленина, его приемы научной работы почти не подвергались изучению. Вероятно, это объясняется некоторой недооценкой у нас роли методики исследования в научной работе историка»¹¹. В данном случае нас прежде всего интересует то обстоятельство, что автор оперирует понятиями «техника исторического исследования», «приемы научной работы», «методика исследования», как идентичными. Говоря о методике, приемах, технике, автор, конечно, имеет в виду не весь комплекс «научной работы историка», а только начальную, источниковедческую стадию этой работы. Известно и другое понимание понятия «техника», ограничивающее его буквально техническими аспектами палеографического или сфрагистического изучения источника¹².

Таковы, вкратце, взгляды В. К. Яцунского на ленинскую источниковедческую методику и важнейшие общие вопросы источниковедения, как вспомогательной исторической дисциплины, которые составляли ядро его источниковедческой концепции.

II

Все начинания В. К. Яцунского в области источниковедения и археологии неизменно основывались на этой концепции. Страстно заинтересованный в научной постановке широкого изучения социально-экономической истории нашей страны, В. К. Яцунский, следуя ленинским требованиям, разрабатывал и осуществлял программы сплошного выявления и публикации исторических источников по данной тематике¹³. Он прежде всего выступает как организатор централизованной археографической работы по единому плану и единой методике. Выступив в 1949 г. с призывом повсеместно изучать материалы уставных грамот (а в то время не было ни одной советской работы по истории реформы 1861 г., которая бы базировалась на данных уставных грамот даже в пределах уезда), В. К. Яцунский привлек внимание историков к этому чрезвычайно многообразному по имеющимся в нем сведениям комплексному источнику.

Его идея публикации выборки данных из документации массового характера, текст которой стереотипен и интересен только благодаря наличию в нем цифровых показателей, развивает теорию археографии. Более того, она поднимает значение археографии в предварительной процедуре (весьма сложной и все еще «ручной») подготовки цифровой информации для ввода в электронно-вычислительную машину, т. е. смыкает эту старую вспомогательную историческую дисциплину с новейшими методами обработки информации. Создавая методику выборки и последующей публикации массовых данных о ценах и урожаях, он предлагает формуляры такой выборки, которые одновременно могут служить формой таблиц.

¹¹ «История СССР», 1960, № 2, стр. 186.

¹² Л. В. Черепнин. К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. — «Источниковедение отечественной истории». Сборник статей, вып. 1, стр. 56—59.

¹³ В. К. Яцунский. Изучение местной истории в СССР (обзор по РСФСР, УССР и БССР за послевоенные годы). — «Вопросы истории», 1949, № 8, стр. 74—112; *он же*. К вопросу о сборании и публикации материалов по истории урожаев и цен в России. — «Проблемы источниковедения», т. IV. М., 1955, стр. 350—357; *он же*. О выявлении и публикации источников по социально-экономической истории России XVIII—XIX вв. — «Археографический ежегодник за 1957 год». М., 1958, стр. 169—189; *он же*. О некоторых отстающих участках нашей исторической науки. — «История СССР», 1959, № 3, стр. 17—36.

Характерной особенностью этих формуляров является их полное соответствие главному принципу такого рода публикаций, состоящему в точной фиксации цифровых данных без всяких попыток их интерпретации.

В. К. Яцунский не ставил задач глобальных публикаций, он предлагал прежде всего издать то, что должно обеспечить решение кардинальных проблем экономической истории России. Эта целенаправленность, как можем убедиться сейчас, не была напрасной. Прежде всего осуществляется публикация материалов ревизий — этого важнейшего источника для исторической демографии¹⁴. Подготовлены к печати извлечения из уставных грамот по губерниям черноземного центра. Очень своеобразно осуществилась идея публикации материалов о ценах и урожаях: собранные данные о ценах в XVIII—начале XX в. обработаны новейшими математическими методами и стали источниковой базой для нового подхода в решении такой кардинальной проблемы истории России, как складывание аграрного рынка¹⁵. Представляется, что интерес к первичному материалу о ценах даже после выхода в свет подготовленных монографий не уменьшится, а, наоборот, возрастет, и издание его в виде задуманной В. К. Яцунским публикации будет стимулировать дальнейшее изучение данной проблемы.

Следует особо отметить актуальность идеи публикации извлеченных данных из массовой документации. Это своеобразное применение регестного способа, предложенное видным советским ученым, закреплено в методическом пособии «Сокращенная передача содержания документальных источников в изданиях по истории советского общества» (М., 1971).

Таким образом, конкретные цели, поставленные в свое время В. К. Яцунским в области публикации источников, стали мощным ускорителем в решении не только крупных проблем истории экономики, но и археографии. Характерно и то, что развитие науки расширило первоначальные цели. Если, например, ученый организовал подготовку к печати извлечений из уставных грамот и выкупных актов ради того, чтобы получить точные данные об отрезках, то эта целевая установка в процессе изучения источника обросла рядом не менее интересных дополнений. Оказалось, что можно выяснять и такие крупные вопросы, как география распространения товарно-денежных отношений в предреформенной помещичьей деревне, значительно уточнить данные о помещичьей задолженности и ее распределении по отдельным группам помещиков и т. д. То же мы наблюдаем при осуществлении идеи публикации данных о ценах. Сказанное подчеркивает силу исследовательской интуиции В. К. Яцунского, сумевшего возбудить интерес исследователей к указанным источникам.

III

Это счастливое качество В. К. Яцунского сказалось и в его источниковедческих работах по отдельным видам источников. В 1959 г. В. К. Яцунский писал о двуединой задаче источниковедения, которая, прежде всего, имеет археографический аспект (выявление источников), а «другим направлением источниковедческой работы является разработка приемов анализа исторических источников»¹⁶. Этому, второму направлению он также уделял много внимания. Выше уже упоминалось о двух важнейших научных

¹⁴ См. В. М. Кабузан. Изменения в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1971, приложения. Особую ценность представляют подготовленные к печати поузездные данные ревизий.

¹⁵ См. серию статей И. Д. Ковальченко и Л. В. Милова («История СССР», 1969, № 1; 1973, № 2, 5), а также докторскую диссертацию Л. В. Милова. Б. Н. Миرونوف также завершил работу по истории цен.

¹⁶ В. К. Яцунский. О некоторых отстающих участках нашей исторической науки. — «История СССР», 1959, № 3, стр. 35.

выводах, вытекавших из источниковедческой критики отчетов Департамента мануфактур и внутренней торговли, в данном контексте важно рассмотреть подход В. К. Яцунского к изучению этого источника. Анализ упоминавшейся статьи¹⁷ показывает, что ее автор прослеживает все законодательство, так или иначе определявшее содержание и форму «отчетов», он специально характеризует форму «отчетов», утвержденную в 1834 г., но при этом выясняет и более ранние ее варианты, опубликовавшиеся в «Статистическом временнике Российской империи». В. К. Яцунский выясняет происхождение данных «отчетов», идущих от «Ведомостей», присылавшихся с мест и, как правило, уничтожавшихся в департаменте. Эта аналитическая работа необходима для выяснения достоверности данных источника. Вывод автора: «очень трудно определить, насколько рост в сводках Департамента количества предприятий в давно учитываемых отраслях промышленности был отражением действительного их роста и насколько он был лишь результатом „успехов статистики“ Департамента. Но в отдельных случаях это можно определить»¹⁸. Эта «беспощадность» к единственному сводному источнику, который скорее всего привлекает внимание исследователей, — образец научной требовательности. Именно этот сравнительный скептицизм помог автору выявить неточность данных отчетов. Скорее «скептический», чем «апологетический» подход характерен для В. К. Яцунского и в его оценке другого источника сводного характера — губернаторских отчетов. Касаясь содержащихся в них сведений об урожаях, автор еще в 1955 г. предупреждал: «Данные отчетов губернаторов. . . не только не являются сводкой данных об урожайности в конкретных хозяйствах, но и вообще не имеют под собою какой-либо статистической базы»¹⁹. Хотя это утверждение не основывалось целиком и полностью на авторском источниковедческом анализе губернаторских отчетов, а во многом учитывало характеристику отчетов, имевшую уже в литературе (в том числе дореволюционной), исследователи не могли обойти это предостережение В. К. Яцунского. Оно вызвало ряд статей об отчетах, как историческом источнике²⁰, уточнявших эту оценку. Учитывая все источниковедческие наблюдения, И. Д. Ковальченко в 1967 г. смог сделать вывод о том, что «несмотря на все несовершенства системы сбора и обработки данных, губернаторские отчеты, при правильном их использовании, дают достаточно надежные сведения о развитии земледелия и других отраслей сельского хозяйства»²¹. Очевидно, что и этот вывод оставляет большое поле деятельности по источниковедческому изучению губернаторских отчетов, которое должно определить степень достоверности различных и многообразных сведений, содержащихся в этом источнике.

В. К. Яцунский высоко ценил данные о фактических урожаях, содержащиеся в делопроизводстве вотчинных и монастырских архивов, но отмечал при этом слабую разработку этих фондов²². Особый интерес вызвала у исследователя методика извлечения сведений из многочисленных материалов делопроизводства губернских и уездных учреждений и обработка данных о крестьянском движении. Для характеристики гибкости исследовательской методики В. К. Яцунского очень ценно следующее его замечание: «Прежде всего приходится подчеркнуть, что при исследовании истории крестьянского движения центр тяжести должен лежать в каче-

¹⁷ «Археографический ежегодник за 1958 год». М., 1960.

¹⁸ Там же, стр. 198.

¹⁹ «Проблемы источниковедения», т. IV. М., 1955, стр. 352.

²⁰ См.: статьи Н. Н. Улащика («Проблемы источниковедения», т. IX. М., 1961), А. С. Нифонтова («Труды ЛОИИ». М.—Л., 1964; «Исторические записки», т. 81), Н. П. Дятловой («Проблемы архивоведения и источниковедения. Материалы научной конференции архивистов Ленинграда». Л., 1964).

²¹ И. Д. Ковальченко. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967, стр. 23.

²² «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962 г.» Минск, 1964, стр. 15—16.

ственной характеристике движения, а не в статистике числа случаев крестьянских выступлений»²³. Казалось бы, что для В. К. Яцунского, столь плодотворно внедрявшего статистику в исследовательскую методику историка, — такое заявление противопоказано. Между тем, оно совершенно естественно, так как он неоднократно подчеркивал ту мысль, что «далеко не все социальные явления поддаются статистическому изучению»²⁴.

Но он не был противником статистического изучения крестьянского движения: «статистический метод, конечно, не надо игнорировать. Однако по самому характеру данного исторического явления статистика при его изучении может иметь лишь вспомогательное значение. Далее, при применении статистики для изучения крестьянского движения не следует, как это, к сожалению, нередко делается, забывать правила статистического исследования»²⁵. Это замечание раскрывает причины сдержанного отношения В. К. Яцунского к применению статистического метода при изучении крестьянского движения, так как слишком часто этот метод неправильно используется. В. К. Яцунский далее излагает свои требования к тем, кто статистически изучает крестьянское движение: суммирование и сопоставление его с количеством населения того географического пункта, где произошло крестьянское выступление; учет числа селений, охваченных движением, и сравнение его с общим числом селений данной местности. Чтобы выполнить эти рекомендации, исследователю необходимо изменить весь ход источниковедческой работы с первичным документом или группой документов, где зафиксированы сведения о выступлении. Историография крестьянского движения последующих лет свидетельствует о том благотворном влиянии, которое оказали на исследователей рекомендации В. К. Яцунского.

Свой богатый источниковедческий и археографический опыт В. К. Яцунский щедро передавал своим многочисленным ученикам. Можно говорить о целом поколении историков, прошедших школу В. К. Яцунского и в области исторической географии и демографии, и в области археографии и источниковедения документации XIX—начала XX в.

²³ «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1962 г.» Минск, 1964, стр. 21.

²⁴ «История СССР», 1960, № 2, стр. 187.

²⁵ «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1962 г.», стр. 21.

ТИХОМИРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ 1973 Г.

ХРОНИКА ЗАСЕДАНИЯ

29 мая 1973 г. состоялось совместное заседание Отделения истории АН СССР и Археографической комиссии, посвященное 80-летию со дня рождения основателя Археографической комиссии Михаила Николаевича Тихомирова.

Открывая заседание, председатель Археографической комиссии *С. О. Шмидт* отметил многогранную одаренность академика М. Н. Тихомирова. Отечественная история, история славянских народов, специальные исторические дисциплины, археография, историография, литературоведение, география — это далеко не полный перечень областей знания, где М. Н. Тихомиров — один из выдающихся зачинателей советской исторической науки — был специалистом в самом высоком значении этого слова, смелым новатором. Его перу принадлежали первые в советской историографии монографии о древнерусских городах, о классовой борьбе в древней Руси, по исторической географии XVI в., о классовой борьбе в XVII в., первый советский учебник источниковедения. Он был инициатором и руководителем работы по подготовке цепейших документальных публикаций и изданий трудов выдающихся отечественных историков.

Михаил Николаевич выдвигал темы необходимые и труднейшие также и в методическом отношении. В его трудах органически сочетались история и география, история, филология и литературоведение, изучение письменных и других типов источников.

М. Н. Тихомиров никогда не ограничивался исследовательской работой. Талантливый педагог, он не отделил «науку академическую» от «вузовской». Он был убежден в том, что ученые из академических институтов должны преподавать в вузах и готовить молодежь к научно-исследовательской работе. В результате появилась школа Тихомирова, которую составили люди разных характеров и вкусов, но все они в достижении объективной исторической истины требовательны к себе и к другим.

Важнейший долг ученого, демократическую традицию науки М. Н. Тихомиров видел в популяризации ее достижений. Он был и выдающимся организатором научной работы. По его инициативе были созданы Археографическая комиссия, кафедра источниковедения МГУ, проводились археографические экспедиции по изучению памятников письменности народов СССР с древнейших времен до наших дней, а также многие начинания, нередко выходящие за пределы нашей страны.

Наследуя тихомировскую традицию, мы не должны останавливаться на том, что он сделал, но и продолжать его дела, ибо только тот является учителем, кто воспитал учеников — не подражателей, а последователей. Память о большом ученом — это не только память о том, что он сделал, но и продолжение того, чему он отдал свою жизнь.

В заключение своего выступления С. О. Шмидт сообщил собравшимся о подготовленных в настоящее время публикациях трудов М. Н. Тихомирова и о мерах по увековечению его памяти¹.

С. О. Шмидт прочел телеграмму академика А. П. Окладникова и его заместителя по Сибирскому отделению Археографической комиссии Н. Н. Покрова:

«В связи с восьмидесятилетием академика Тихомирова сибирские историки выражают чувство постоянной горячей признательности за все сделанное Михаилом Николаевичем для развития исторической науки Сибири и Дальнего Востока. Его лекциями открывались занятия Исторического факультета Дальневосточного университета, он неоднократно приезжал в Новосибирский академгородок. Становление исторических исследований в Сибирском отделении Академии было близким ему делом, которому он помогал с неизменной заинтересованностью и энергией. По его плану начаты археографические экспедиции и издание сибирских летописей. Сибирское отделение Академии с глубокой благодарностью приняло дар Тихомирова — уникальное собрание

¹ См.: «Археографический ежегодник за 1968 г.» М., 1970, стр. 304.

Мемориальная доска на доме в Москве, где жил М. Н. Тихомиров (Котельническая набережная, 15/1)

рукописей, которое позволило развернуть работу археографической лаборатории ИИФиФ и Отдела редкой книги ГИИИ. Труды Михаила Николаевича, его бескорыстная преданность науке служат примером сибирским историкам, вдохновляют нас в продолжении завещанного Михаилом Николаевичем большого дела.

Академик А. П. Окладников, Н. П. Покровский.

Вслед за тем были прочитаны доклады: *С. О. Шмидта* (Археографическая комиссия), *В. И. Буганова* (Институт истории СССР АН СССР), члена-корреспондента АН СССР *В. Л. Янина*, члена-корреспондента АН СССР *И. Д. Ковальченко*².

Выступая в прениях, *М. А. Коростовцев* (Институт востоковедения АН СССР) сказал, что М. Н. Тихомиров был такого рода ученым, для которого научная деятельность, научное творчество было самым существом его жизни. Без этого он не мыслил себе жизнь. Он был человек чрезвычайно одаренный, удивительно работоспособный, очень требовательный к ученым и к самому себе в первую очередь. Он не мог терпеть и переносить какую-либо кривизну души, конъюнктурного подлаживания и каких-нибудь двусмысленных положений.

Михаил Николаевич был глубоко заинтересован в изучении не только истории русского народа, но и истории всех тех народов, которые так или иначе соприкасались в ходе своего развития с русским народом. Востоковеды очень ценят работу М. Н. Тихомирова «Присоединение Мерва к России», опубликованную в 1960 г. Достаточно перечитать эту работу, чтобы убедиться в строгой аргументированности всех приводимых в ней высказываний. Эта монография была первым советским крупным исследованием данной проблемы. Был такой момент в нашей науке, когда было очень распространено и принято несколько гипертрофированное или недостаточно обоснованное утверждение: какое бы ни было присоединение какого-либо народа к России, оно всегда, во всех пунктах было прогрессивным.

М. Н. Тихомиров детально показал те моменты, которые были действительно прогрессивными: технические, экономические и социальные преимущества, полученные народами Средней Азии после присоединения, но вместе с тем он подчеркнул антинародную направленность политики русского царизма.

В этом мы видим самый строгий, объективный, аргументированный подход к этой проблеме. В целом вытекает заключение, что присоединение было прогрессивным фактом в смысле объективной оценки исторического процесса, но без приукрашивания, без желания сделать из этого идиллическую картину. Следует напомнить еще о другой

² Статьи: *С. О. Шмидт*. Работа М. Н. Тихомирова в 1920-е годы по изучению истории Московского края (по новым материалам); *В. И. Буганов*. М. Н. Тихомиров как исследователь русского летописания; *В. Л. Янин*. К проблеме новгородских сотен; *И. Д. Ковальченко*. М. Н. Тихомиров — основатель и руководитель кафедры источниковедения Московского университета — публикуются в этом выпуске «Археографического ежегодника» (см. стр. 167—182).

В Бабушкинском районе г. Москвы

работе Михаила Николаевича, которая издана в Институте востоковедения. Президиум Академии наук СССР дал задание — выпустить книгу на тему: «Славяне и Восток». Это обширная тема, которая касается и древнего, и средневекового Востока, современного Востока и новейшей истории, переплетения истории славянских народов в русской истории с историей народов Востока. В Институте востоковедения есть специалисты по разным восточным странам, но русских специалистов нет. В процессе работы Михаил Николаевич весьма сурово поправлял и убеждал многих видных специалистов. Он нас приглашал четыре раза к себе домой и потратил на нас часов 10—12. Мы были утомлены, но он нет, и когда он провожал нас до дверей, то продолжал обсуждать и очень аргументированно доказывать тому или другому автору, в чем тот неправ.

И те, кто шли к нему с некоторым предубеждением: «Он академик, он будет давить на нас академическим авторитетом!» — почувствовали необоснованность своих предположений. Это был большой ученый, который горел в науке, для которого наука была его жизнью. Когда он говорил о научных проблемах, он не мог говорить о них безразлично, абстрактно, как о чем-то не касающемся его существа. Причем это не было только внешнее горение, оно распространялось и на тех, кто его слушал, — им передавались его научная теплота и научный энтузиазм.

З. В. Удальцова (Институт всеобщей истории АН СССР) напомнила о том, что у Михаила Николаевича была еще одна научная привязанность, которая была связана с историей Византии.

Михаил Николаевич очень любил историю Византии. Он очень много помогал византинистам, а все византинисты платили ему за помощь, покровительство и поддержку глубочайшим уважением, искренней привязанностью и любовью.

После смерти Е. А. Косминского Михаил Николаевич до последних дней своей жизни был редактором «Византийского временника». Он глубоко вникал в работу «Временника», читал все статьи, всем интересовался, критически и строго относился к публикуемым там материалам. Но зато как он защищал византинистов от всех тех, кто не очень понимал тогда, для чего нужно заниматься историей Византии!

Михаил Николаевич очень помог поднять авторитет журнала и внутри страны и особенно за рубежом. Кроме того, Михаил Николаевич постоянно, с большой любовью занимался публикаторской деятельностью. В частности, он создал замечательную серию «Средневековые памятники центральной, восточной и юго-восточной Европы». К сожалению, сейчас, после его смерти, эта серия пошла несколько на спад, но в свое время, при жизни Михаила Николаевича, издания этой серии пользовались большим признанием. До сих пор зарубежные историки считают, что «Гетика» Иордана, подготовленная Е. Ч. Скржинской, образцовая публикация, как и ряд других работ, вышедших в этой серии.

Необычайным был интерес Михаила Николаевича к произведениям искусства не только русским, но и византийским. Некоторым византинистам довелось совершить с Михаилом Николаевичем изумительное путешествие. Мы вместе с Михаилом Николаевичем ездили в Грецию и смотрели византийские памятники. С какой же необычайной

тонкостью души, пониманием красоты, необычайной эрудицией воспринимал Михаил Николаевич искусство, природу, великолепные памятники!

Михаил Николаевич всегда учил своих учеников: больше строгости в науке, больше требовательности к себе. Он всегда был к ним очень строг, но в то же время был очень добр. Доброта, теплота, настоящая, подлинная душевная широта были заключены в этом человеке.

О. И. Подобедова (Институт истории искусств) рассказала о вкладе М. Н. Тихомирова в изучение русской художественной культуры, начиная с его работы в Дмитрове и кончая передачей его коллекции рукописей и памятников станковой живописи Сибирскому отделению АН СССР. Одно перечисление сделанного им заняло бы очень много места, поэтому важно было бы остановиться только на необычайной прозорливости, умении использовать и сопоставить источники и сделать неожиданные выводы, граничащие по своей важности с открытиями, которые были свойственны Тихомирову всякий раз, когда он приступал к работе в области истории русского средневекового искусства. Достаточно вспомнить, как неожиданно значительно прозвучали его доклады в юбилейные дни Андрея Рублева, с какой убедительностью Михаилом Николаевичем были использованы отрывки из службы Савве Сторожевскому для того, чтобы установить существование в Звенигороде первоначального деревянного храма, с которым могла быть связана деятельность Рублева. Сам факт обращения к богослужебным текстам и нахождения в них исторических реалий чрезвычайно значителен для методики исследования по истории средневекового искусства. Хотелось бы подчеркнуть, что этот богатейший материал все еще недостаточно привлекает внимание исследователей и не используется ими ни в качестве исторического источника, ни как источник образно-поэтической основы многих произведений средневековой живописи.

Михаил Николаевич умел заражать всех своим необычайным энтузиазмом и уверенностью в исключительной современности и злободневности изучения нами средневековой культуры, ибо она неразрывно связана в становлении общенародных судеб, с искомым богатством парадного творчества, отражающего прогрессивные чаяния.

С. О. Шмидт

**РАБОТА М. Н. ТИХОМИРОВА В 1920-е ГОДЫ
ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ МОСКОВСКОГО КРАЯ
(Новые материалы)**

Ранний период творческой биографии М. Н. Тихомирова остается еще недостаточно изученным. В личном архиве ученого отложилось сравнительно немного материалов 1920-х годов. Невелик и список печатных трудов М. Н. Тихомирова за эти годы. Правда, можно было уже заранее предполагать, что подготовке к печати, — примерно с середины 1930-х годов, — многих книг, статей, докладов и документальных публикаций, прославивших имя М. Н. Тихомирова, предшествовало создание основательной источниковой базы — и не только накопление разнообразного фактологического материала, выявление его в архивах, библиотеках и музеях, но и творческое освоение различных приемов и собственно исторического исследования и изучения разных типов источников (словесных — письменных, фольклора, разговорной речи; вещественных, изобразительных; этнографических; естественно-географических).

Р. Ф. Хохлов уже предпринял попытку первичного обобщения некоторых данных о работе М. Н. Тихомирова по организации Дмитровского музея и по изучению истории города Дмитрова и его окрестностей¹. Недавно С. Б. Филимоновым — моим аспирантом в МГИАИ, специально исследующим источники по истории становления советского исторического краеведения, — обнаружены интересные архивные данные о работе М. Н. Тихомирова в Обществе изучения Московской губернии². В сопоставлении с ранее известными печатными трудами ученого и материалами, выявленными И. П. Старовойрой при подготовке научного описания рукописного наследия академика М. Н. Тихомирова, теперь уже можно более детально характеризовать научную деятельность М. Н. Тихомирова в 1920-е годы.

М. Н. Тихомиров — деятельный участник работы культурно-исторического отделения (секции) Общества изучения Московской губернии (области) в 1925—1930 гг. М. Н. Тихомиров был секретарем секции с октября 1926 г. (протоколы, написанные его рукой, датируются и 1929 г.). С 1929 г. заместитель председателя секции. С конца 1926 г. (и во всяком случае еще и в 1928 г.) он состоял в издательской комиссии Общества, был докладчиком по вопросу об издании «Московского краеведа». К III Краеведческой конференции РСФСР в конце 1927 г. М. Н. Тихомирову было поручено подготовить карту по истории г. Дмитрова. Еще ранее, в 1925 г., М. Н. Тихомиров предложил (выступая в прениях по докладу Е. А. Звягинцева) образовать комиссию по изучению городов Московского края.

¹ Р. Ф. Хохлов. М. Н. Тихомиров и Дмитровский музей. — «Археографический ежегодник за 1968 год». М., 1970, стр. 315—318.

² Некоторые из этих материалов подготовлены к печати С. Б. Филимоновым и публикуются на стр. 298—311 настоящего издания.

В связи с работой по подготовке историко-географического словаря Московской области М. Н. Тихомирова рекомендовали в январе 1929 г. и в историко-географическую комиссию. Предполагалось выделить темы: «Историческое прошлое города», «Культурный облик города», «Благоустройство города», «Культурное влияние города на близлежащий район», «Революционные события в городе», «Выдающиеся уроженцы города». Большое внимание обращалось на историю культурных преобразований в советское время. Руководство работой по составлению исторической части словаря закреплялось за М. Н. Тихомировым. Он выступал с сообщением о работе этой («словарной») комиссии на заседании секции и готовил совещание работников (в их числе и местных краеведов), связанных с подготовкой материалов для исторических разделов словаря. Уже здесь сказались склонности М. Н. Тихомирова к коллективным трудам, желание привлечь к совместной деятельности специалистов и в центре и на местах.

Протоколы заседаний культурно-исторического отделения (секции) свидетельствуют о том, что М. Н. Тихомиров постоянно принимал участие в обсуждении докладов и сообщений. Замечания его обычно были конкретными, основанными на изучении разнообразных источников. Особое внимание (это характерно и для трудов М. Н. Тихомирова в последующие десятилетия его творчества) обращалось на особенности местных историко-географических условий.

Выступая по докладу Е. А. Звягинцева «Население московских слобод в XVIII в.» (23 сентября 1925 г.), М. Н. Тихомиров отметил необходимость проверки выводов о «вымирании» слобод в XVIII в., так как менялись прозвища слобожан, зафиксированные в ревизских сказках. С большой осторожностью следовало подходить, по его мнению, и к сравнению численности дворов в XVII и XVIII вв., учитывая при этом, что в XVII в. на двор «по податным причинам» могло приходиться большее число жителей, чем в XVIII в. При обсуждении доклада М. Я. Феноменова «Опыт краеведной работы по писцовым книгам» (23 марта 1927 г.) М. Н. Тихомиров указал на то, что «распределение хлебов в XVI в., по сведениям писцовых книг, совпадает с данными современной географии» и более зависело от местных географических условий, чем от «вкусов помещиков»; советовал он обратить внимание и на наблюдения земских статистиков конца XIX—XX вв. В выступлении по докладу Л. В. Черепнина «Вотчина митрополита в XV—XVI вв. на территории Московского, Дмитровского, Звенигородского и Коломенского уездов» (16 января 1930 г.) отметил: «нельзя считать, что монастырская колонизация была особенно большой; монастыри не столько заселяли край новыми селами, сколько увеличивали свое землевладение путем покупок». Отмеченное в докладе К. В. Сивкова «Подмосковная вотчина середины XVIII в.» (9 марта 1928 г.) большое количество лошадей в помещичьем хозяйстве свидетельствовало, по мнению М. Н. Тихомирова, об извозном промысле. Характеризуя доклад П. Н. Миллера об источниках по изучению индустриализации Московской области (1 октября 1929 г.), М. Н. Тихомиров подчеркнул необходимость изучения и проверки данных, использованных в «Географическом словаре» Аф. Щекатова, и составления карты промышленных предприятий второй половины XVIII в. При обсуждении доклада Б. Б. Кафенгауза о мемуарах московского купечества XIX—начала XX в. (23 ноября 1926 г.) М. Н. Тихомиров обратил внимание на связи И. С. Аксакова и его газет «Москва» и «Москвич» с купеческим миром³ (т. е. фактически сформулировал проблему связи дворян-славянофилов с предпринимателями) и указал на целесообразность собирания купеческих мемуаров (в том числе и рукописных).

³ В протоколе рукою М. Н. Тихомирова (секретаря заседания) приписано, что архивы газет позволяют утвердительно говорить о связях Аксакова с купечеством (архив Аксакова был в распоряжении Тихомирова).

Выступая по докладу К. Н. Щепетова о разработке архива Иосифо-Волоколамского монастыря (29 марта 1929 г.), М. Н. Тихомиров основывался и на непосредственном впечатлении об этих архивных материалах. Среди документов «исключительного по богатству архива» особо выделялась им копейная книга конца XVI в., дающая возможность «заменить все подлинники жалованных грамот», и 341 приходо-расходная книга — «материал грандиозный, требующий коллективной разработки». Тогда же М. Н. Тихомиров взял на себя труд составить «картотеку напечатанных актов монастыря».

Выступал М. Н. Тихомиров и по докладам Е. И. Заозерской о Богородской бумажной фабрике XVIII в. (18 мая 1927 г.), С. В. Бахрушина об Александровской слободе (25 мая 1927 г.), Н. И. Власьева о городе Верее (1 марта 1929 г.), А. В. Арциховского «Вятчи и кривичи на верховьях Москвы-реки в X—XIV вв. (по раскопкам 1928 г.)» (15 марта 1929 г.), С. К. Богоявленского о московских слободах XVII в. (10 мая 1929 г.), А. И. Михайловской о бумажной фабрике Апраксина в Ольявидово (6 декабря 1929 г.), в прениях по вопросу об изучении архивов промышленных предприятий (15 июня 1929 г.) и по другим вопросам; писал отзывы на работы краеведов, представленные для обсуждения в виде докладов или публикации в изданиях Общества.

М. Н. Тихомиров не раз и сам выступал с докладами в культурно-историческом отделении (секции) Общества. Тематика докладов сначала была связана с историей г. Дмитрова и Дмитровского уезда, особенно привлекавшей внимание ученого в 1920-е годы. В 1925 г. была опубликована книга М. Н. Тихомирова «Город Дмитров. От основания города до половины XIX в.» Два доклада «Движение населения в городе Дмитрове в XVII в.» (18 ноября 1925 г.) и «Села и деревни Дмитровского края в XV—XVI вв.» (2 марта 1928 г.) стали основой статей, опубликованных в изданиях Общества⁴. Сохранившиеся протоколы заседаний доносят до нас первоначальные впечатления о докладах, свидетельствуют о большом интересе к трудам М. Н. Тихомирова, к поставленным им вопросам, к методике его исследовательской работы.

Первый доклад обсуждался на заседании, где председателем был В. Н. Бочкарев, а секретарем Г. А. Новицкий. В прениях приняли участие Г. А. Новицкий, М. Я. Феноменов, П. В. Сытин, К. В. Сивков, Б. Б. Кафенгауз (внесший предложение «о коллективной проработке силами Отделения подобного же материала по другим городам»), М. С. Померанцев, В. Н. Бочкарев. Второй доклад обсуждался на заседании, где председателем был И. И. Полосин, секретарем Б. Б. Кафенгауз. В прениях выступили С. В. Бахрушин, «признавший доклад образцом работ по историческому изучению деревни», В. Н. Мордвинова, К. Сперанский, М. С. Померанцев, А. И. Воронков. И. И. Полосин, «резюмируя прения» отметил, что «в задачи доклада входило широкое историческое введение, историко-географический словарь и карта. Доклад дает большие перспективы и затрагивает ряд соседних с историей дисциплин. Так, занимаясь изучением названий, нельзя не обратиться к лингвистике; при изучении карты сталкиваемся с проблемами антропогеографии. Спор о том, как шла колонизация, по рекам или водоразделам, приводит нас к спорам Ключевского и Семенова-Тянь-Шанского. Таким образом доклад связан с целым рядом крупных проблем не только исторической науки, но и соседних с ней дисциплин».

О том, что М. Н. Тихомиров сделал в Обществе еще два доклада по истории Дмитровского края, было известно, но тексты докладов не обнаружены. С. Б. Филимонов выявил протоколы заседаний, где кратко излагается содержание докладов.

⁴ Перепечатаны, как и книга о городе Дмитрове, в издании: М. Н. Тихомиров. Российское государство XV—XVII веков. М., 1973.

На заседании 9 ноября 1928 г. (председатель И. И. Полосин, секретарь Б. Б. Кафенгауз) М. Н. Тихомиров выступил с докладом «Место битвы на р. Веле 1181 г.». Известная по древним летописям битва на р. Влене (между городами Дмитровым и Переславлем-Залесским) в позднейших летописях называется битвой на р. Веле. Ученый попытался проверить «это летописное известие осмотром на месте. Битва скорее всего происходила между нынешними селами Опарина и Новиковым. Летопись называет Велю (Влену) «твердотекущей» в крутых берегах». Там было найдено в XX в. оружие и бытовали, наряду с преданиями о войне с «французами» в 1812 г., и предания о сражении близ с. Опарина, участники которого стреляли из луков. В прениях выступили С. В. Бахрушин (отметивший, что «опыт топографического изучения исторического события заслуживает особого внимания»), Д. И. Шаховской, Н. С. Каржанский, М. С. Померанцев, И. И. Полосин (по мнению которого доклад «представляется чрезвычайно интересной попыткой расшифровать летописные известия топографическими наблюдениями»), К. В. Сивков.

18 января 1929 г. состоялись два тематически связанных доклада М. С. Померанцева «К истории деревень Ольявидовской вотчины (Дмитровского уезда)» и М. Н. Тихомирова «Топография Ольявидовской вотчины». (Председатель И. И. Полосин, секретарь Б. Б. Кафенгауз). Доклады явились результатом оригинального экспедиционного обследования произведенного летом 1928 г., использовались также и такие мало привлекавшие обычно внимание исследователей источники, как исповедные книги, церковные летописи. М. Н. Тихомиров отметил, что Ольявидовская вотчина в течение более чем трех столетий сохранила свою органическую целостность в составе девяти деревень. Село Ольявидово оставалось хозяйственным центром вотчины; до последнего времени раздел покосов производился для всей вотчины в целом. Эти девять деревень составляли также и один церковный приход (церковь в Ольявидове, по преданию, основана в XV в.; там сохранились иконы XVI в. и крест, «возобновленный» из креста XVI в.). «Названия селений, исчезнувших теперь, но известных по писцовым книгам XVI в. сохранились до нашего времени в наименованиях покосов, полей и т. п.» (например, Кирнеево, Фалилеево). «Благодаря живучести древней номенклатуры селений удается восстановить карту Ольявидовской волости в XVI в. Причину сокращения числа селений в данном районе на протяжении трех столетий М. Н. Тихомиров видит в природных условиях: «в тех местах, где почва была заболочена или не было воды и т. п., возникавшие починки впоследствии исчезали и, напротив, деревни, расположенные на возвышенных местах, сохранялись и расширялись за счет переселенцев из мест, неудобных для жилья». «Названия селений, известные у нас с XVI века, — чисто русские и не дают оснований предполагать в этом отношении финское влияние». В прениях по докладам выступали М. Я. Феноменов, Б. Б. Кафенгауз, Д. И. Шаховской, В. Н. Мордвинов, К. В. Сивков, Е. А. Звягинцев, И. И. Полосин. Выступавшие особо отмечали источниковедческие приемы докладчиков, интересные в методическом отношении и для изучающих другие регионы. В ходе обсуждения возник вопрос о работе по составлению историко-географического словаря селений. Работа М. Н. Тихомирова была рекомендована к печати.

Доклады о битве на р. Веле и о топографии Ольявидовской вотчины — как отмечалось выше — в значительной мере явились результатом экспедиционной деятельности, предпринятой тоже по инициативе М. Н. Тихомирова. 14 мая 1928 г. на заседании Президиума культурно-исторической секции М. Н. Тихомиров предложил достаточно детально разработанный план «выборочного обследования селений Дмитровского края», справедливо полагая, что подобная работа на местах не только пополнит сведения об отдельных селениях, но и даст «возможность на месте проверить некоторые методические вопросы, относящиеся к изучению отдельных селений».

М. Н. Тихомиров предлагал обследовать селения по определенной схеме: 1. Название селений; 2. Местоположение селений; 3. Исторические данные о селении; 4. Взаимоотношение села и деревни; 5. Исчезнувшие села и деревни; 6. «Памятники старины, сохранившиеся на местах (архивы, церкви, усадьбы и пр.)» М. Н. Тихомиров указал конкретно те «уголки уезда», которые следовало бы изучить в первую очередь: село Ольявидово — как старинную вотчину Троицкого монастыря, а ранее фамилии Вельяминовых; села, являвшиеся центрами старинного вотчинного землевладения и одновременно земледельческими центрами или центрами старинного стекольного производства, старинные дворцовые села, старинные монастырские села (и торговые и кустарные центры и селения в пределах густых лесов), села, известные старинными кустарными промыслами, и, напротив, районы заселения в болотистых местах.

Из отчета М. Н. Тихомирова «О летней экспедиции для изучения исторического прошлого сел и деревень Дмитровского края в июне—июле 1928 г.», видно, что ученому не удалось полностью выполнить программу, намеченную в записке 14 мая. Однако в течение трех недель детально исследованы были Ольявидовщина, в том числе и место битвы на р. Веле, Пешношский монастырь, селения, связанные с водным торговым путем по рекам Сестре и Дубне, с. Чернеево. Работа была проведена совместно с Дмитровским музеем, сотрудники которого вели самостоятельные работы по изучению этнографии края. М. Н. Тихомиров визуально обследовал местность, составив карту селений и урочищ конца XVI в., расспрашивал местных жителей, прежде всего старожилов, особое внимание обращал на памятники старинного искусства.

В отчете секции о работе с 1 сентября 1929 г. по 1 июля 1930 г. отмечен доклад М. Н. Тихомирова и К. Н. Щепетова о сельском хозяйстве Иосифо-Волоколамского монастыря в конце XVI в. В протоколах секции заседание с таким докладом не нашло отражения. На 1930 год была запланирована работа М. Н. Тихомирова по изучению «аграрной истории «Иосифо-Волоколамского монастыря»⁵.

Эти доклады связаны с работой М. Н. Тихомирова по систематизации и изучению материалов архива Иосифо-Волоколамского монастыря. М. Н. Тихомиров ознакомился в какой-то степени с документами монастырского архива еще до доклада работника местного музея К. Н. Щепетова (29 марта 1929 г.). 12 апреля М. Н. Тихомиров наметил уже (совместно с С. В. Бахрушиным) план разработки материалов архива и подготовки сборника актов по хозяйственной истории монастыря. Предварительным условием подобной работы мыслилось описание архива — «его состояния и содержания», выявление документов, «представляющих наибольший интерес», составление указателя литературы по истории монастыря. 16 сентября было заслушано предварительное сообщение М. Н. Тихомирова об экспедиции в Иосифо-Волоколамский монастырь (предполагалось командировать туда Л. В. Черепнина). 23 сентября 1929 г. М. Н. Тихомиров представил записку «Об архиве Волоколамского монастыря» и смету на описание и разработку архива. М. Н. Тихомиров отмечает полноту архива, дающую возможность представить «эволюцию монастырского хозяйства на протяжении XVI—XVIII веков» и особо выделяет приходо-расходные книги (с 1573 г.), а также книги XVI в. об ужине и умолоте хлебов и записи выдачи денежных оброков. Хозяйственная делопроизводственная документация Иосифо-Волоколамского монастыря была позднее впервые введена М. Н. Тихомировым в научный оборот в статье 1937 г. «Монастырь — вотчинник XVI века»⁶.

Особо следует отметить работу М. Н. Тихомирова по подготовке «Атласа и рабочей тетради по географии Московской области». Работа эта, по-ви-

⁵ ГБЛ, ОР, ф. 177, к. 15, № 3, 4.

⁶ Перепечатана в кн. М. Н. Тихомирова «Российское государство XV—XVII веков».

димому, соприкасалась с работой ученого по историко-географическому исследованию городов и сел Московской области в связи с составлением историко-географического словаря Московской области. М. Н. Тихомировым был составлен пространный план Атласа и рабочей тетради и объяснительная записка к плану⁷. Его же рукой написан и перечень возможных авторов и рядом: «ответ. лицо М. Н. Тихомиров».

В границы Московской Промышленной области (МПО) входили тогда несколько современных областей и такие крупные города, как Тула, Калуга, Рязань, Тверь. Атлас должен был состоять из двух разделов: «Природные возможности области» и «Экономическая и культурная жизнь области». В первом разделе предполагались подразделы: Границы и административное деление области, рельеф, климат, почвы и растительный покров. Во втором — подразделы: А. Население, Б. Промышленность (энергетические ресурсы, сырьевые промышленные ресурсы, обрабатывающая промышленность), В. Сельское хозяйство, Г. Транспорт и средства связи, Д. Торговля, Е. Культурное состояние (в этом разделе предполагались карты и список наиболее интересных музеев области, центров памятников старины и культуры, виды старинных памятников, карта мест, связанных с революционным движением, и виды местностей, связанных с революционным прошлым).

В «Объяснительной записке» М. Н. Тихомиров рассматривает «Атлас» как школьно-краеведческое пособие по географии и обществоведению и сетует на отсутствие серьезных пособий по практическому школьному краеведению. М. Н. Тихомиров убежден, что прохождение географии и обществоведения должно быть тесно связано с изучением окружающей природы и общественной жизни. Эти мысли М. Н. Тихомирова, имевшего к тому времени уже немалый опыт школьного преподавания и общественных наук и географии, вполне отвечали требованиям, предъявлявшимся тогда к школьному преподаванию. Н. К. Крупская, выступая на III Краеведческой конференции РСФСР в декабре 1927 г., обращала первостепенное внимание на необходимость разработки школьных программ, опирающихся именно на конкретный местный материал.

«Атлас и рабочая тетрадь» должны были соответствовать — по мнению М. Н. Тихомирова — «современным методам преподавания, т. е. заключать в себе материал, удобный для активной проработки в школе». И в школьном преподавании, так же как в преподавании в вузе, М. Н. Тихомиров стремился прежде всего к воспитанию у учащихся самостоятельности, активности мышления.

Деятельность в Обществе изучения Московской губернии (области) отвечала в ту пору многообразию и широте научных и общественных интересов М. Н. Тихомирова, его склонности к комплексному изучению различных типов и разновидностей исторических источников (комплексное изучение источников вообще характерно для краеведения тех лет (и конкретному, «визуальному» ознакомлению с памятниками прошлого, его потребности в широком распространении научных знаний).

Отвечая 2 августа 1930 г. на вопрос «Анкеты члена Общества изучения Московской области» «Какой областью краеведения интересуетесь. В какой секции (комиссии) желаете работать. Подчеркните», М. Н. Тихомиров подчеркнул названия нескольких комиссий — «по изуч. г. Москвы, Культ.-Ист., Ест.-Ист., Эконом., Школьно-Краевед., Соц-Этнографич., Искусствовед., изуч. колхозов, изуч. крупной промышл., изуч. мелкой промышл.»⁸

М. Н. Тихомирову уже в ранний период его творчества было свойственно стремление к синтезу прошлого и настоящего, к выяснению в настоящем следов прошлого, а в прошлом — корней современности.

⁷ Публикуются С. Б. Филимоновым в настоящем издании.

⁸ ГБЛ, ОР, ф. 177, к. 10, № 10.

В. И. Буганов

М. Н. ТИХОМИРОВ
КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ РУССКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ

В обширном научном наследии академика М. Н. Тихомирова одно из ведущих мест занимают источниковедение и археография — поиски, издание и исследование различных исторических источников (актовых, законодательных и других). М. Н. Тихомиров неоднократно ставил вопрос об организации археографических экспедиций, об охране рукописных богатств нашего народа, являющихся важнейшим национальным достоянием. Он составил собственное уникальное собрание рукописей, которое еще при жизни передал в Сибирское отделение АН СССР и подготовил тщательное описание этого собрания¹.

В течение всей научной деятельности М. Н. Тихомиров уделял пристальное внимание русским летописям, которые он считал не только замечательными источниками по истории народов СССР и многих других стран, но и выдающимися памятниками русской общественно-политической мысли, русской и мировой культуры. Для ученого в его отношении к летописям характерна гордость, идущая от сознания того, что русский народ на протяжении многих столетий создал такое величественное, прекрасное и многоплановое сооружение, как русское летописание X—XVII вв.

Изданием и изучением летописей М. Н. Тихомиров занимался по существу в течение всей жизни. Уже в 1930 г. он публикует отрывок из летописца XVI в. с апологетическим описанием событий времени Василия III (1518—1526 гг.). Этот, как его назвал издатель, новый памятник московской политической литературы того времени был составлен каким-то монахом, возможно Иннокентием — иноком Пафнутьево-Боровского монастыря². В 1930—1960-е годы М. Н. Тихомиров опубликовал ряд памятников летописного характера — летописец патриарха Никифора с русскими статьями до 1279 г., или Новгородский краткий летописец из Новгородской кормчей конца XIII в.³, Повесть о тохтамышевском разорении («ранний исторический памятник богатой и замечательной московской литературы конца XIV в.»)⁴, ряд летописцев конца XV—XVII вв. или отрывков из них, например, краткий летописец конца XV в. с названиями «Россия», «Российская земля», конец Постниковского и Владимирского летописцев, Повесть о поимании князя Андрея Ивановича Стариц-

¹ М. Н. Тихомиров. Описание Тихомировского собрания рукописей. М., 1968.

² М. Н. Тихомиров. Новый памятник московской политической литературы XVI в. — «Московский край в его прошлом», ч. 2. М., 1930, стр. 105—114.

³ М. Н. Тихомиров. Забытые и неизвестные произведения русской письменности. — «Археографический ежегодник за 1960 г.» М., 1962, стр. 234—239.

⁴ М. Н. Тихомиров. Малоизвестные летописные памятники. — «Исторический архив», т. VII. М., 1951, стр. 211—217.

кого, летописчик времени опричнины, летописный отрывок начала XVII в. о построении городов в России, две летописные повести о Московском восстании 1682 г. и др.⁵ Эти источники дают богатый материал для изучения русского летописания периода феодальной раздробленности, времени образования и укрепления единого Российского государства, общественно-политической мысли, литературы, публицистики.

Большое значение для советской исторической науки имеет инициатива М. Н. Тихомирова в возобновлении издания известной серии Полного собрания русских летописей. Оно было прервано в 1920-е годы, и лишь спустя более двух десятилетий, в конце 1940-х годов, появился очередной том, в котором М. Н. Тихомиров опубликовал один из важнейших летописных памятников — Московский свод конца XV в.⁶ Его существование путем сличения текстов Воскресенской, Ростовской и Симеоновской летописей установил еще А. А. Шахматов, датировавший его 1479-м или 1480-м годом. Шахматов напел впоследствии список этого свода в копии конца XVIII в. М. Н. Тихомиров обнаружил в Уваровском собрании ГИМ Уваровский список первой половины XVI в. — список заканчивается 1492-м годом (отсюда — его название, данное ему М. Н. Тихомировым).

Через 10 лет в той же серии издается Вологодско-Пермская летопись, подготовленная М. Н. Тихомировым и его сотрудниками⁷. При ее подготовке к печати мне посчастливилось несколько лет работать под непосредственным руководством учителя. Это была замечательная школа археографического и источниковедческого мастерства. Свои богатейшие знания и опыт М. Н. Тихомиров с огромной любовью к науке, большой требовательностью и заинтересованностью щедро передавал своим ученикам, помощникам.

С 1959 по 1965 г. М. Н. Тихомиров возглавлял Группу по изданию ПСРЛ в Институте истории АН СССР. Под его руководством были выпущены еще четыре тома серии. В них вошли летописи конца XV—XVI вв.: Никаноровская, сокращенные своды 1493 и 1495 гг., своды 1497 г. и 1518 г. (Уваровская летопись), Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича, Александро-Невская, Лебедевская, Владимирский летописец, Новгородская Вторая (Архивская) летопись⁸.

Фототипическим путем были переизданы, и опять благодаря настойчивости и стараниям М. Н. Тихомирова, ранее публиковавшиеся важнейшие памятники русского летописания, давно ставшие библиографической редкостью. Это — Лаврентьевская, Ипатьевская, Никоновская, тверские летописи, Новый летописец⁹. Одна из летописей издана факсимильным способом¹⁰.

Следует отметить также исключительное значение подготовленных М. Н. Тихомировым описаний рукописей, содержащих летописные тексты¹¹. Вместе с известными описаниями А. Н. Насонова они закладывают фундамент для составления полного и подробного кадастра всех летописных текстов. Важно, что в работах подобного типа описание сопровождается у М. Н. Тихомирова текстологическими, источниковедческими разысканиями, сопоставлениями. Подчас они довольно подробны и несут по существу характер небольших летописеведческих исследований.

⁵ Более подробно см.: В. И. Буганов. М. Н. Тихомиров. — «Исторические записки», т. 76, 1965; [он же]. Памяти М. Н. Тихомирова. — «История СССР», 1965, № 5 (см. список трудов).

⁶ ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949.

⁷ ПСРЛ, т. XXVI. М.—Л., 1959.

⁸ ПСРЛ, т. XXVII—XXX. М.—Л., 1962—1965.

⁹ ПСРЛ, т. I—II. М., 1962; т. IX—XV. М., 1965.

¹⁰ Новгородская харатейная летопись. М., 1964.

¹¹ М. Н. Тихомиров. Летописные памятники б. Синодального (Патриаршего) собрания. — «Исторические записки», т. 13, 1942; он же. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962.

Прделанная М. Н. Тихомировым работа в области летописной археографии, его несомненные заслуги как инициатора ряда важных начинаний заслуживают самого высокого признания и уважения.

* * *

Немаловажен его вклад и в научное исследование русских летописей. М. Н. Тихомиров одним из первых источниковедов-марксистов подошел к анализу летописей с классовых позиций, показал, что они являются памятниками, отражающими интересы и взгляды господствующего класса феодалов. Исключительный интерес представляют труды, разрабатывающие вопрос о зарождении русского летописания. М. Н. Тихомиров, сравнивая тексты Повести временных лет и Новгородской I летописи, приходит к выводу о составлении в начале XI в. Повести о начале Русской земли. До 1007 г., может быть даже в конце X в., составлено Сказание о русских князьях X в.¹²

Сейчас готовится к печати в составе очередного тома собрания сочинений М. Н. Тихомирова его неопубликованный труд «Начало русской историографии», в котором он развивает и детализирует свои взгляды на историю древнейшего русского летописания. Для исследования этой проблемы автор привлекает текст Повести временных лет не только древнейших сводов, но и более поздних (Устюжский, Никоновский, псковские, новгородские и др.); привлекается также «История Польши» Яна Длугоша, использовавшего русский летописный источник. Особо М. Н. Тихомиров останавливается на хронологии Повести временных лет, генеалогии русских князей.

Особое внимание М. Н. Тихомирова всегда привлекали произведения древнерусской письменности светского характера. Так, он отмечает гражданский характер Галицко-Волынской летописи, некоторых повестей в составе Ипатьевского свода. Эта гражданская литература, значение которой недооценивается в исторической науке, «появилась по крайней мере в X веке, т. е. одновременно или почти одновременно с церковной»¹³.

Из памятников более позднего времени М. Н. Тихомиров детально исследовал Вологодско-Пермскую летопись. Сравнивая между собой все сохранившиеся списки, отразившие существование двух ее редакций XVI в. (1520-х годов и середины XVI столетия), он пришел к выводу о том, что в конце XV или в начале XVI в. должен был появиться первый свод этого типа¹⁴. Обнаружение впоследствии новых списков Вологодско-Пермской летописи (Лондонский, Румянцевский и др.), их источниковедческий анализ подтвердили эту блестящую догадку.

Одна из замечательных находок последних десятилетий — обнаружение Пискаревского летописца — привлекла внимание ученого. Опубликовавшая его О. А. Яковлева оставила вопрос о датировке, источниковедческом исследовании открытым. М. Н. Тихомиров тщательно исследовал этот памятник и пришел к выводу, что он был составлен вскоре после 1615 г. сторонником Шуйских, возможно, одним из московских печатников, проживавших в Нижнем Новгороде в обстановке только что закончившегося «московского разорения»¹⁵.

Примечательна работа М. Н. Тихомирова о трех псковских повестях начала XVII в. Они сохранились в составе псковских летописей и посвя-

¹² М. Н. Тихомиров. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля». — «Советская этнография», 1947, № VI—VII, стр. 62—66; *он же*. Начало русской историографии. — «Вопросы истории», 1960, № 5, стр. 41—56.

¹³ М. Н. Тихомиров. Городская письменность в Древней Руси XI—XIII вв. — «ТОДРЛ», т. IX. М.—Л., 1953, стр. 63 и сл.

¹⁴ М. Н. Тихомиров. О Вологодско-Пермской летописи. — «Проблемы источниковедения», вып. III. М.—Л., 1940, стр. 225—244.

¹⁵ М. Н. Тихомиров. Пискаревский летописец как исторический источник о событиях XVI — начала XVII в. — «История СССР», 1957, № 3, стр. 112—122.

щены описанию народного движения в Пскове, являющегося составной частью Крестьянской войны начала XVII в.¹⁶ Две из этих повестей написаны с антибоярских позиций, составлены они лицами светскими (возможно, посадскими людьми) и являются выдающимися произведениями русской публицистики XVII в. Это — памятники посадской, «городской» литературы, новое и очень характерное явление, которое отражает важные сдвиги, происходившие в русском обществе начала «нового периода русской истории».

Общий обзор истории русского летописания М. Н. Тихомиров дает в двух изданиях своего известного курса по источниковедению¹⁷, где он характеризует Начальную летопись и ее источники, летописание русских земель XIII—XV вв., общерусское и местное летописание XVI—XVII вв. Он подвергает сомнению тезис А. А. Шахматова о существовании Древнейшего Киевского свода 1037 г. и Новгородского свода 1050 г. Важным моментом работы является подход к летописи как памятнику, отражающему интересы класса феодалов. Летописи составлялись в верхах общества Киевской Руси, главным образом в кругах, близких к князю. М. Н. Тихомиров отмечает местный в основном характер летописания XII—XV вв., появление в нем общерусских тенденций еще в период феодальной раздробленности, упадок летописания со второй половины XVI в.

Советская научная общественность высоко оценила первый в отечественной науке учебник М. Н. Тихомирова по источниковедению истории СССР периода феодализма. К. В. Базилевич справедливо отметил, что третий раздел учебника, посвященный источникам по истории Киевской Руси, относится к числу лучших его частей. В разделе о летописях М. Н. Тихомиров, в отличие от буржуазных ученых, уделил особое внимание их характеристике как источника, обслуживавшего классовые, политические интересы феодалов¹⁸. В. И. Пичета тоже выделяет разделы учебника о «Начальной летописи» и «Русской правде», которые основаны на специальных исследованиях М. Н. Тихомирова¹⁹.

В обобщающем труде по отечественной историографии М. Н. Тихомиров в главах о развитии исторических знаний на Руси в X—XVII вв. прослеживает судьбы русского летописания от его зарождения до заката²⁰. Сначала это были повести конца X—начала XI в. о начале Руси, затем летописные своды XI—начала XII в. (например, «Начальный» 1093 г., Повесть временных лет начала XII в. в трех редакциях), летописание периода феодальной раздробленности, образования и развития единого Российского государства. Автор подчеркивает, что Повесть временных лет и другие летописные памятники отражают идеологию господствующего класса. Он отмечает появление важных моментов в истории летописного дела (во времена феодальной раздробленности — выдвижение идеи единства русских земель, позднее — идеи самодержавия; появление в XVI—XVII вв. исторических произведений, порывающих со старой летописной формой повествования, как было, например, в Степенной книге, Казанской истории, исторических повестях и др.).

* * *

Труды М. Н. Тихомирова, его деятельность по изучению славного прошлого русского народа принесли ему широкую известность. Его книги

¹⁶ М. Н. Тихомиров. Псковские повести о Крестьянской войне в России начала XVII в. — В кн. М. Н. Тихомиров. Классовая борьба в России XVII в. М., 1969, стр. 11—12.

¹⁷ М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. Курс источниковедения истории СССР. т. I. М., 1940; изд. 2. М., 1962.

¹⁸ См. рецензию К. В. Базилевича. — «Политическая и социально-экономическая литература». М., 1941, № 5, стр. 38.

¹⁹ Рецензия В. И. Пичеты. — «Исторический журнал», 1941, № 4, стр. 126.

²⁰ «Очерки истории исторической науки в СССР», т. I. М., 1955, стр. 48—105.

продолжают жить, его идеи вдохновляют многих советских ученых, посвятивших себя благородному делу познания истории своего отечества, его работу продолжают ученики и последователи. Это в полной мере относится и к изучению истории русского летописания, изданию русских летописей.

Группа по изданию ПСРЛ, которую в 1965 г. возглавил крупнейший советский ученый академик Б. А. Рыбаков, продолжает работу, начатую при жизни ее основателя — М. Н. Тихомирова. В конце 1960-х—начале 1970-х годов издан один том этой серии²¹, включивший несколько летописцев XVII в., в том числе Мазуринский летописец, на который обратил внимание М. Н. Тихомиров, опубликовавший извлеченную из него повесть о Московском восстании 1682 г. Подготовлены к печати начатые по инициативе или по его рекомендации еще несколько томов: белорусско-литовские (т. XXXII), Холмогорская летопись и Двинской летописец (т. XXXIII), летописцы XVI—XVII вв., в том числе Пискаревский (т. XXXIV), сибирские летописи (т. XXXV—XXXVI). Заканчивается подготовка Густынской летописи (т. XXXVII), славяно-молдавских летописей. Начата подготовка к печати томов, включающих северо-восточные летописи (т. XXXVIII), белорусско-литовские (т. XXXIX), Новгородская Карамзинская и Новгородская Хронографическая (т. XL), летописец Еллинский и Римский второй редакции (т. XLI). Впоследствии Группа по изданию ПСРЛ предполагает поставить возникавший еще при жизни М. Н. Тихомирова вопрос об издании таких летописей, как софийские, тверские, Воскресенская, Новый летописец и другие²².

Помимо подготовки и издания текстов летописей Группа по изданию ПСРЛ при М. Н. Тихомирове подготовила и издала несколько монографий о летописании, в том числе книга самого руководителя Группы с описанием летописных текстов в хранилищах Москвы (см. выше), а также книги Н. Г. Бережкова о хронологии русского летописания²³, А. Г. Кузьмина о рязанском летописании²⁴. После кончины М. Н. Тихомирова подготовлена монография В. И. Буганова по советской историографии русского летописания. Запланировано пять монографий по истории летописания XIV—XVII вв. (В. И. Буганова — об археографии русского летописания, Ф. А. Грекула — о славяно-молдавском летописании, Н. Н. Улащика — о белорусско-литовском летописании, В. И. Корецкого — о русском летописании конца XVI — первой половины XVII в., Л. Л. Муравьевой — о северо-восточном летописании XIV в.).

Вся эта работа, которая и в настоящее время направлена в значительной степени на реализацию идей, выдвинутых М. Н. Тихомировым, — скромный вклад его учеников и последователей в то дело, которому он посвятил столько усилий, заботы и внимания.

²¹ ПСРЛ, т. XXXI. М., 1968.

²² В. И. Буганов. Об издании русских летописей. — «Археографический ежегодник за 1971 г.» М., 1972, стр. 17—28.

²³ Н. Г. Бережков. Хронология русского летописания. М., 1963.

²⁴ А. Г. Кузьмин. Рязанское летописание. М., 1965.

В. Л. Янин

К ПРОБЛЕМЕ НОВГОРОДСКИХ СОТЕН

Я намеревался посвятить свое выступление обзору работ Михаила Николаевича Тихомирова по истории Новгорода, но в ходе подготовки к этому выступлению намерение мое изменилось, чему имеется несколько причин. Одна из них — это исключительная разносторонность работ Михаила Николаевича по истории Новгорода. В них он охватил историю Новгорода с момента основания города и до XVII в., подробно исследовав многие сюжеты этой истории. И если бы я поставил перед собой задачу проанализировать работы Михаила Николаевича по истории Новгорода, мое выступление затянулось бы на долгое время.

Кроме того, Михаил Николаевич очень много сделал по организации исследований в Новгороде. Неоценим его вклад в охрану памятников Новгорода, его статьи 60-х годов сделались программой для работы по охране памятников. Мои самые дорогие воспоминания относятся к совместной работе в экспедициях. Он много интересовался археологией, и всем известны его труды по берестяным грамотам.

А вторая причина заключается в следующем. Работы Михаила Николаевича таковы, что видишь их всякий раз иными глазами: с точки зрения проблем сегодняшнего дня, и обнаруживаешь такие вещи, которые и позволяют по-новому понимать некоторые проблемы.

Поэтому мне представляется более интересным не рассматривать весь круг новгородских тем в работах Михаила Николаевича, а взять для сообщения одну из них, которая мне кажется сейчас очень важной. Это тема административного устройства Новгорода.

Наши источники хорошо знают о существовании в нем двух административных систем — кончанской, возглавляемой посадником — представителем бояр, и сотенной, во главе которой стоял тысяцкий, представлявший интерес непривилегированного свободного населения Новгорода, ремесленников и купцов. Это население находилось в процессе классового расслоения, из одной части постепенно формировалось феодальное сословие, а другая отбрасывалась на противоположный полюс.

В летописях уделяется много внимания боярам, и оставляется в стороне сотенный Новгород. Археологические раскопки, которые ведутся в пределах древнейшей части города, также дают материалы по боярскому Новгороду. Мы каждый год копаем большие боярские усадьбы, но нам не удавалось сколько-нибудь серьезно проникнуть в другую Новгород, сотенный, на усадьбы иной сословной принадлежности. Другими словами, мы работаем в концах, а сотни остаются за пределами раскопок. Поэтому многочисленные материалы, собранные в Новгороде по истории средневекового ремесла, это материалы по истории вотчинных ремесленников, но нет материалов о свободных ремесленниках.

Важность новой программы археологических раскопок в Новгороде неоспорима, и такая программа будет осуществлена в ближайшее время.

Еще более очевидна неотложность таких работ в свете идей, высказанных М. Н. Тихомировым.

Михаила Николаевича очень интересовал вопрос о новгородских сотнях. Он посвятил им специальный очерк в книге «Древнерусские города», озаглавленный им «Ремесленные объединения»¹. Следовательно, проблеме историко-административной придан характер историко-классовый. Вот краткая схема построения, предложенного Михаилом Николаевичем: 1. Объединение в одном административном институте представительства от ремесленников и купцов закономерно. «В средневековое время торговля обычно соединялась с ремеслом, поэтому организация ярдовичей была в то же время и организацией ремесленников»².

2. Сотни не были территориальными объединениями, так как они упоминаются рядом с концами и улицами: «А ряду итти ятпом двема человеком, а иным на пособье не итти к росказу» (Новгородская судная грамота 1471 г.)³. По докончаниям Новгорода с великими князьями купец идет в сто, а смерд в погост.

3. В то же время имеются признаки концентрации ремесленного населения в определенных городских кварталах, что отражено в микро-топонимике: Гончарский конец, Плотники, Кожевники и т. д.

4. Согласно «Уставу о мостех» XIII в., сотни назывались по именам соцких, а не по признаку специализации.

5. Все эти материалы позволяют предполагать в сотнях ремесленную организацию, естественно возникшую не на цеховой основе, хотя известные предпосылки для последующего объединения ремесленников по профессиональному признаку имелись.

Мы все понимаем, сколь важна намеченная Михаилом Николаевичем проблема, сколь она программна для нас. В данном случае более чем очевидно совпадение в исследовании локально-административного вопроса с изучением роли народных масс в истории, в изучении расстановки классовых сил средневекового города.

Обращаясь к тем немногочисленным материалам по новгородским сотням, какие имеются в письменных источниках, возможно констатировать действительно небоярскую принадлежность сотенной администрации. Пока мы остаемся в хронологических рамках XIII в., мы отчетливо видим, что списки новгородских тысяцких ни разу не пересекаются со списками бояр. Иными словами, ни один тысяцкий этого времени не становится на следующей ступени своей политической карьеры посадником. Поскольку избранным в посадники мог быть только боярин, само по себе это взаимоисключение достаточно показательное.

Что касается соцких, из числа которых выбирались тысяцкие, то их сословное состояние достаточно характеризуется летописным рассказом 1195—1197 гг. Новгородцы отправили к Всеволоду III посольство в составе посадника Мирошки, Бориса Жирослалца и соцкого Микифора. Когда же это посольство вторично отправилось в Суздаль, его члены были обозначены так: «Прежний мужи и соцкий»⁴.

Эти материалы подтверждают принципиальную правильность наблюдений Михаила Николаевича. Сотенная система не только организует небоярское свободное население, но и возглавлена не боярами. Эта система административно не зависима от посадника, противостоит боярской кончанской системе. Поэтому нет никаких оснований отрицать в ней то, что увидел Михаил Николаевич, — зачаток ремесленного объединения.

Вместе с тем источники не знают дальнейшего развития таких объединений. Сотни не переросли в цехи, они не трансформировались и в какую-либо другую более высокую форму корпоративной организации,

¹ М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956, стр. 127—137.

² Там же, стр. 134.

³ «Памятники русского права периода феодальной раздробленности Руси (XII—XV)». М., 1953, стр. 218.

⁴ «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов». М.—Л., 1950, стр. 42—43; 235—236.

хотя фиксируются источниками даже в самые последние годы новгородской независимости. Имею в виду показания Новгородской судной грамоты 1471 г.

Почему? И вот здесь обращает на себя внимание одно обстоятельство, вовсе не отмеченное исследователями. Сотни-то существуют, а соцких нет. Мы знаем их еще во второй половине XIII в., а в XIV в. они исчезают. Еще в 1264 г. представительство Новгорода формулируется так: «от владыки, от посадника, от тысяцкого, и от всех соцких, и от всех старейших, и от всего Новгорода»⁵. В более поздних актах говорится о владыке, посаднике, тысяцком, старейших и меньших, но соцких уже нет. Понять, что с ними стало, мне кажется, возможно, обратившись к материалам о тысяцком. Оказывается, уже в первой половине XIV в. новгородским тысяцким начинают избирать бояр. С этого момента занятие поста тысяцкого становится для боярина, как правило, последней ступенью перед постом посадника. Иными словами, представительство от небоярского свободного населения узурпируется боярами, становится фикцией. Вместо сословного противостояния возникает сословное подчинение. Распорядителями сотен становятся сами бояре.

Но наблюдая этот процесс укрепления боярской олигархии, мы можем увидеть и другую его грань. В XIV в. боярское правительство не ограничивается сочетанием посадника и тысяцкого. Рядом с ними формируется совет кончанских представителей. Эти кончанские представители получают титул посадников и тысяцких. Но не степенных, а просто посадников и просто тысяцких, в отличие от главных посадника и тысяцкого, называемых степенными или новгородскими. Состав этого совета хорошо известен нам по упомянутой грамоте 1471 г. Их десять — по пять посадников и по пять тысяцких соответственно числу концов. И все они бояре, а не представители других сословий. Совпадение численности и функций этого института с численностью и функциями института соцких позволяет думать, что мы наблюдаем здесь такую же трансформацию древнего института, какая уже отмечена для должности тысяцкого. Если это так, то административный переворот XIV в. можно характеризовать как полную ликвидацию самостоятельности сотен и включение их в боярские концы с минимальным сохранением внешней формы сотен.

Интерес представляет еще не изданная берестяная грамота № 463, относящаяся к началу XV в. или, что менее вероятно, к середине XIV в. Она содержит следующий текст:

«Поклон от Федора и от Кузми и от всего десятка к Сидору и к Мафию. Переми посадничу куны ми, неси подати, а что в лоних в недоборех, в нинишних, и проси борца о Петрови дни. Лоншии борци своим недобором, а ни[не]шнии борц своим, в недоборех плати ми ся животиною».

Смысл грамоты состоит в том, что ее авторы отдают распоряжение людям, которые взимают подати, борцам, сообщить им, что должно было быть собрано в прошлом году, и что собирается в этом году. Если они не могут обеспечить немедленный сбор с населения, то должны заплатить своим имуществом, живностью.

От кого исходит эта грамота? — От Федора, Кузмы и всего десятка. Если бы грамота относилась к XIII в., то не было бы сомнения, что разговор идет о посадниках, соцких, тысяцких. Но грамота относится к началу XV в. Это подтверждает положение, что соцкие XIII в. стали представителями бояр, возглавивших этот древний сотенный институт, а не представителями населения сотен.

Вот один из сюжетов, который может опираться только на наблюдения Михаила Николаевича и который нуждается в ближайшем времени в активных археографических исследованиях и проверке.

⁵ «Грамоты Великого Новгорода и Пскова». М.—Л., 1949, стр. 9 (№ 1).

И. Д. Ковальченко

**М. Н. ТИХОМИРОВ —
ОСНОВАТЕЛЬ И РУКОВОДИТЕЛЬ КАФЕДРЫ
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Предыдущие докладчики обстоятельно и всесторонне характеризовали научную и научно-организационную деятельность Михаила Николаевича Тихомирова. Я в своем выступлении коснусь только одного момента. На фоне той огромной научной и научно-организационной деятельности, которую вел Михаил Николаевич, этот момент, на первый взгляд, может показаться не существенным. Но он, как нам представляется, весьма ярко характеризует Михаила Николаевича. Я имею в виду основание Михаилом Николаевичем в 1953 г. кафедры источниковедения на историческом факультете Московского Государственного университета.

Многие из присутствующих хорошо себе представляют уровень источниковедения того времени и те колоссальные трудности, которые необходимо было преодолеть, чтобы создать такую кафедру. Нужно было обладать исключительно глубоким проникновением в ход развития науки, чтобы в то время взять на себя смелость доказывать необходимость создания кафедры источниковедения и добиться этого. Мы знаем, что Михаил Николаевич добился создания этой кафедры и руководил ею в пору ее становления в самых трудных условиях.

Михаил Николаевич не только очень хорошо понимал значение этой кафедры, но и много сделал для того, чтобы кафедра обрела свой профиль учебной и научной работы. Надо сказать, что только после того как была создана такая кафедра, впервые на историческом факультете стали читать полноценный курс источниковедения отечественной истории, охватывающий время с древнейшей эпохи до наших дней. До этого курс источниковедения обрывался где-то, в лучшем случае, на середине или на второй половине XIX в.

Михаил Николаевич проделал большую работу для определения цикла специальных и вспомогательных исторических дисциплин, которые должны преподаваться специалистам в области отечественной истории.

Впервые стали читать в университете курсы исторической географии, архивоведения, археографии и ряда других дисциплин. Были созданы рабочие планы и программы курсов, подготовлены учебно-методические пособия и т. д.

Таким образом, была заложена та основа преподавания студентам исторического факультета цикла специальных и вспомогательных исторических дисциплин, которая сейчас получила всеобщее признание и вводится не только во всех университетах, но и в педагогических институтах.

Даже в тот период, когда кафедра была очень небольшой по своему составу, Михаил Николаевич большое внимание уделял научной работе кафедры. Тогда уже было определено основное направление научных исследований в области источниковедения. Суть замысла Михаила Николае-

вича в этом отношении состояла в том, чтобы взять курс на источниковедческую разработку комплексов исторических источников, — не каких-то отдельных источников, не источниковедения отдельных тем, а именно комплексов исторических источников, имеющих большое значение для изучения целого ряда исторических проблем.

Как видите, была проделана большая работа, и сейчас мы, сотрудники этой кафедры, пожинаем плоды усилий Михаила Николаевича. Кафедра источниковедения, в прошлом одна из самых маленьких кафедр факультета, превратилась сейчас в довольно солидную кафедру, где работает 18 преподавателей и научных сотрудников. Ежегодно в аспирантуру принимаются 3—4 аспиранта. В этом году кафедру заканчивают 25 выпускников-студентов. Кафедра обеспечивает преподавание всего цикла специальных и вспомогательных дисциплин по отечественной истории. Основным профилем научной работы кафедры в настоящее время является разработка методов изучения массовых исторических источников.

Таким образом, создание кафедры источниковедения на историческом факультете МГУ является одним из важных моментов в деятельности Михаила Николаевича Тихомирова. Оно говорит о нем, как о крупном ученом и человеке, который понимал, что надо науке, и не жалел энергии и сил для того, чтобы в условиях, когда многим это было непонятно, создать такую кафедру. Мы, сотрудники кафедры, можем быть ему за это только благодарны и думаем, что наша кафедра имеет полное право называться кафедрой имени М. Н. Тихомирова.

II. ОБЗОРЫ, ОПИСАНИЯ, БИБЛИОГРАФИЯ

О. А. Князевская

ОБ ОДНОЙ РУКОПИСИ РОСТОВСКОЙ КНИГОПИСНОЙ МАСТЕРСКОЙ XIII В.

В Отделе рукописей Государственного исторического музея в Синодальном (патриаршем) собрании за № 7 хранится интереснейший памятник древнерусской письменности XIII в.¹ Рукопись представляет собой книгу большого формата, в лист (45 × 31,5 см.), написанную на пергамене уставом в два столбца. В ней содержится текст первых пяти посланий апостола Павла с толкованиями (отсюда название книги — «Толковый апостол»). В рукописи 241 лист пергамена, текст занимает неполные 240 листов, начинается с лицевой стороны 2-го листа и оканчивается на лицевой стороне листа 241; на обороте первого листа находим миниатюру с изображением апостолов Петра и Павла. Лицевая сторона 1-го листа и оборотная 241-го — чистые, не заполненные текстом.

В рукописи сохранилась запись одного из писцов (л. 241) с прямой датой (летописанием) написания книги — 1220 г. (6728), где говорится, что книга была создана за два месяца без нескольких дней (с 28 августа по 22 октября). К сожалению, в записи отсутствует указание на место создания рукописи (середина и конец записи тщательно выскоблены).

Особый интерес представляет то, что названная рукопись является одним из немногих датированных древнерусских памятников начала XIII в., т. е. той эпохи, от которой культурно-исторических памятников сохранилось до наших дней ничтожно мало. Между тем, этот период домонгольской истории Северо-Восточной Руси был насыщен важными событиями, сыгравшими не последнюю роль при формировании культуры будущего централизованного Российского государства. Весьма существенно, что основой языка собственно русской (или великорусской) народности явились территориальные диалекты именно Северо-Восточной Руси, в пределах которой в XIV—XV вв. и формируется великорусская народность и складывается ее язык. Рассматриваемая рукопись пользуется всеобщей известностью, высказывания о ней в научной литературе встречаются с середины XIX в., однако до сих пор она не была предметом специального изучения и не обследована в палеографическом и филологическом аспектах². Целью настоящей заметки является желание привлечь внимание специалистов к рукописи Толкового апостола 1220 г., предварительно сообщив читателям, по возможности, все высказывания, имеющиеся в научной литературе.

Высказывание о Ростове Великом, как о месте, где была создана эта рукопись, принадлежит А. И. Соболевскому, крупнейшему историку русского языка и знатоку древнерусских рукописей. Как известно, именно А. И. Соболевский — на основании лингвистического анализа памятников письменности — впервые установил фонети-

¹ См. М. В. Щепкина, Т. Н. Протасьева, Л. М. Костюжина, В. С. Гольшенико. Описание пергаментных рукописей Государственного исторического музея, ч. I. — «Археографический ежегодник за 1964 г.». М., 1965, стр. 156—157 (имеется библиография); «Предварительный список рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР» (для сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, до конца XIV в.). — «Археографический ежегодник за 1965 г.» М., 1966, стр. 190, № 181.

² Заметим, что отсутствие палеографического исследования рукописи может привести к известным ошибкам в выводах специалистов. Так, Б. В. Сапунов в работе «О древнерусской книжности XI—XIII вв.» (ТОДРЛ, т. XI, 1955) пишет: «Апостол 1220 года в 240 листов был написан в 2 месяца без нескольких дней, т. е. переписчик писал по 4½ листа в день, причем его рабочий день был не меньше 10—12 часов» (стр. 331—332). По всей вероятности, автор приведенного высказывания не видел рукописи, поэтому ему осталось неизвестным, что в Толковом апостоле 1220 г. четко выделяются шесть (!) различных почерков с добавлением незначительных вкрапленных новых почерков. См. об этом «Проблемы к истории и диалектологии славянских языков», стр. 146—147.

ческие особенности некоторых древнейших восточно-славянских диалектов и выявил «местные» особенности письма. Определив специфику письма новгородских, псковских, смоленско-полоцких, галицко-волыньских рукописей, он сообщил о древних среднерусских текстах, среди которых наиболее ранними называл две ростовские рукописи первой четверти XIII в.³; это — «ростовское Житие Нифонта 1219 г. (Троицкая лавра); ростовский Апостол 1220 г. (Синодальная Библиотека)»⁴.

Это заключение о ростовском происхождении Толкового апостола было сделано А. И. Соболевским еще в 1889 г.⁵, когда он обратил внимание на свидетельство Суздальской летописи (по Лаврентьевскому списку) о книжном богатстве ростовского епископа Кирилла I. В летописи под 1229 г. сказано: «... башет бо кирилъ бать .я. кунами и селы. и всѣм товаром. и книгами. и просто рещи, такъ бѣ богатъ всѣм. так ни единъ пспъ ж бывъ в суждальствѣ области»...⁶ Далее А. И. Соболевский отметил, что запись одного из писцов ростовской рукописи Жития Нифонта 1219 (1222?) г.⁷ очень близка к тем отрывкам записи, которые сохранились в рукописи Толкового апостола. В записи этого Жития говорится: «гѣ помози рабомъ своимъ [ио]ану и олексию написавшема книги сим. . . въ лѣт̄ .s̄ ψ̄ к̄ з̄. кончаны быша книги сим̄ м̄сца маѣ въ.к̄а. дн̄ь. . . въ градѣ ростовѣ при князи василцѣ при сн̄оу константиновѣ а вноуцѣ всево[ло]жи. стаѣ гже бѣе ст̄ии ап̄ли пр̄рци м̄чнци ст̄ии нифонте помози моѣмоу гд̄ноу василкоу и мене грѣшного раба своѣго кюрила избави въ дн̄ь соудный ит̄ вѣчныи моукы» (л. 175). Рассмотрев данную запись, А. И. Соболевский вслед за предположением И. И. Срезневского⁸, сделал вывод, что «... Кюрил, «строитель» и собственник этой книги, не кто иной, как ростовский епископ Кирилл, упомянутый в летописи (Житие Нифонта написано писцами Иоанном и Алексеем)»⁹.

Запись Толкового апостола сохранилась в следующем виде: «... въ лѣт̄ .s̄ ψ̄ к̄ и. м̄сца авгоуста початы быша псати книги сим. . . . (затем пять строк соскоблены). . . а кончаны быша м̄сца октабра въ.к̄в. дн̄ь. на пам̄ат̄ ст̄го аверькии еп̄спа стаѣ гже бѣе. и ст̄ии петре и павле ст̄ии пр̄рци ап̄сли м̄чнци и вси ст̄ии помозѣ. . .» (далее соскоблено еще восемь строк). Относительно утраченных частей этой записи еще Ф. И. Буслаев предполагал, что в них «выскоблены известия о писце и о каких-либо обстоятельствах, связанных с написанием этого памятника»¹⁰. А. И. Соболевский в начале стертых восьми строк записи (то есть второй части ее) прочитал слово «василкоу»¹¹. . . .» Это слово вместе со сходством сохранившейся части записи Апостола с соответствующей частью записи Жития не оставляет сомнения, что несохранившаяся часть записи Апостола говорила о том же, о чем запись Жития, — о Васильке ростовском¹² и о Кириле, то есть что Апостол был написан по заказу ростовского епископа Кирилла и входил в состав его библиотеки»¹³. Именно с этого времени (1889 г.) А. И. Соболевский неоднократно пишет о ростовском происхождении обеих рукописей. Конечно,

³ См. А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка, изд. 4. М., 1907, стр. 34—38; он же. Славянорусская палеография, изд. 2. СПб., 1908, стр. 83—85.

⁴ А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка, стр. 14.

⁵ А. И. Соболевский. Остатки библиотеки XIII века. — «Библиограф», 1889, № 6—7, стр. 144—145; он же. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910, стр. 206.

⁶ ПСРЛ, т. I (изд. 3 фототипич.). М., 1962, стр. 452. Здесь и далее в цитатах из рукописей XIII—XIV вв. выносные буквы вносятся в строку и передаются курсивом, знак титла воспроизводится в одном графическом варианте.

⁷ ГБЛ, ф. 304, 1, д. 35. Краткую аннотацию рукописи см.: «Исследования по лингвистическому источниковедению». М., 1963, стр. 13—19.

⁸ См. И. И. Срезневский. Славянорусская палеография XI—XIV вв. СПб., 1885, стр. 175.

⁹ А. И. Соболевский. Остатки библиотеки XIII века. — «Библиограф», 1889, № 6—7, стр. 145.

¹⁰ Ф. И. Буслаев. Палеографические и филологические материалы для истории письмен славянских. М., 1855, стр. 20.

¹¹ Н. Б. Тихомиров уточнил в записи Толкового апостола место расположения стертого, но читаемого написания. Он пишет: «Имя ростовского князя Василька («Василкоу») действительно можно разобрать и сейчас, но не в самом начале стертого письма» (как писал А. И. Соболевский. — О. К.), а в начале второй строки» (Н. Б. Тихомиров. Каталог русских и славянских пергаменных рукописей XI—XII веков, хранящихся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, ч. III (Дополнительная XII и конца XII—начала XIII в.). — «Записки Отдела рукописей», вып. 30. М., 1968, стр. 144, примечание).

¹² Василько Константинович (1209—1238 гг.), князь ростовский с 1217 г., сын Константина Всеволодовича, великого князя Владимирского (ПСРЛ, т. I, 1962, стр. 543).

¹³ А. И. Соболевский. Остатки библиотеки XIII века, стр. 145.

строго говоря, вывод о написании Толкового апостола 1220 г. по заказу ростовского епископа Кирилла I, сделанный только на основании данных записей и свидетельства летописи, недостаточно убедителен. Но вместе с тем данные письма и языка совершенно очевидно свидетельствуют, что рукопись была написана в пределах Северо-Восточной Руси XIII века и, следовательно, могла быть создана в Ростове. Из высказываний А. И. Соболевского следует, что заключение о северо-восточной территориальной приуроченности писцов обеих рукописей подтверждается отсутствием в них характерных северо-западных (новгородских), западных (смоленских), юго-западных (галицко-волинских) примет письма и языка.

Интересные данные, подтверждающие версию о ростовском происхождении рукописи Толкового апостола 1220 г., привел в 1963 г. А. Н. Насонов¹⁴. Занимаясь изучением ростово-суздальского летописания, он установил, что одно из «темных мест» Суздальской летописи под 1231 г. представляет собой почти цитату из рукописи 1220 г. или обшего для них источника. Известно, что в Лаврентьевской летописи содержится рассказ о деятельности епископа Кирилла II, занимавшего ростовскую епископскую кафедру с 1231 по 1263 г. Причём исследователи неоднократно недоумевали по поводу отрывка, начинавшегося словами «Любовному оученью же и тщанью дивлься, сего чстнаго стла кирила...»¹⁵, который текстологически и стилистически был неясен. «Происхождение и первоначальный смысл текста, — писал об этом А. Н. Насонов, — обнаруживается при сравнении его с текстом предисловия к посланиям Павла в Апостоле (с толкованием) 1220 г.»¹⁶ И действительно, два первых столбца текста рукописи Толкового апостола (лл. 2а—б), содержащих предисловие Евфалия ко всем посланиям Павла, почти полностью повторяются в летописи (стр. 458—460, лл. 158об.—159). Сравнивая оба отрывка, А. Н. Насонов отметил некоторые отличия между ними: «В летописном тексте вставлено вначале имя Кирилл, а ниже удалено упоминание об апостоле Павле. Летописный текст под 1231 г. (в Лаврентьевской летописи) находится в окружении записей, сделанных, по ряду признаков, при Ростовском епископском соборе»¹⁷. Это открытие А. Н. Насонова позволяет с уверенностью предполагать, что в то время, когда летописец описывал события 1231 г. в Ростове («при ростовском епископском соборе»), текст из рукописи Толкового апостола был ему известен; возможно, оба текста создавались в одном месте.

Весьма ценные палеографические выводы, также подтверждающие ростовское происхождение рассматриваемой рукописи, находим в исследовании Н. Б. Тихомирова¹⁸. При изучении почерков рукописи Троицкого кондакаря¹⁹ Н. Б. Тихомиров идентифицирует первый основной почерк этой рукописи с одним из почерков Толкового апостола, из чего следует, что обе рукописи были написаны в одной и той же книгописной мастерской, причем в ней же было написано и Житие Нифонта 1219 г. Н. Б. Тихомиров пишет, что «... очень близкий почерк (к почерку общего писца в рукописях Кондакаря и Толкового апостола — О. К.) есть и в ростовском Житии Нифонта 1219 (1222?) г. — это первый почерк рукописи. В нем слишком много сходных черт, чтобы предполагать, что эта близость почерков случайна. Это свидетельствует об одной «школе» (условно говоря), из которой вышли писцы обеих рукописей (Тр. 23 и Тр. 35)»²⁰. А так как один и тот же почерк находим в рукописях Троицкого кондакаря и Толкового апостола, то, следовательно, и третья рукопись (т. е. Толковый апостол, рукопись Син. № 7) была создана в той же книгописной мастерской Ростова, что и первые две²¹.

Таким образом, первоначально не вполне доказанное заключение А. И. Соболевского о создании рассматриваемой рукописи в Ростове оказалось правильным. Возможно, что эти рукописи (вероятно, не две, как предполагал А. И. Соболевский, а три) были заказаны епископом Кириллом I²². Однако приведенное выше свидетельство летописи о книжном богатстве Кирилла I, на которое обратили внимание И. И. Срезневский и А. И. Соболевский, не единственное для Ростова начала XIII века. Так,

¹⁴ А. Н. Насонов. Лаврентьевская летопись и Владимирское великокняжеское летописание первой половины XIII в. — «Проблемы источниковедения», т. XI. М., 1963, стр. 477—480 (Приложение). Этот раздел в переработанном виде вошел в книгу А. Н. Насонова (см. А. Н. Насонов. История русского летописания XI—начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969, гл. 3).

¹⁵ ПСРЛ, т. I, стр. 458.

¹⁶ А. Н. Насонов. История русского летописания... , стр. 125.

¹⁷ А. Н. Насонов. Там же, стр. 127.

¹⁸ Н. Б. Тихомиров. Каталог русских и славянских пергаменных рукописей... ч. III, стр. 138—140, 144—145.

¹⁹ ГБЛ, ф. 304, 1 д. 23.

²⁰ Н. Б. Тихомиров. Каталог русских и славянских пергаменных рукописей... ч. III, стр. 139.

²¹ См. об этом О. А. Князевская. О Ростовских рукописях начала XIII века. — «Проблемы истории и диалектологии славянских языков. Сборник статей к 70-летию члена-корреспондента АН СССР В. И. Борковского». М., 1970, стр. 145—152.

²² См. В. С. Гольштенко. К гипотезе о Ростовской библиотеке. — «Исследования по лингвистическому источниковедению». М., 1963.

известно замечание В. Н. Татищева (под 1214 г.) о наличии училища, функционировавшего в Ростове при князе Константине Всеволодовиче²³, отец упомянутого в записях обеих рукописей Василька. О любви к книгам этого князя у В. Н. Татищева сказано: «Великий был охотник к чтанию книг и научен был многим наукам, того ради имел при себе людей ученых, многие древние книги греческие ценою высокою купил и велел переводить на русский язык... Он имел одних греческих книг более 1000...»²⁴ В летописном известии о смерти Константина (2 февраля 1218 г.) также говорится, что он при жизни «часто бо чтяше книги съ прислужаньем»²⁵.

По всей вероятности, в начале XIII века книгописная мастерская в Ростове Великом существовала еще до того времени, когда был поставлен епископом Кирилл I; она продолжала функционировать и после его смерти.

Что касается непосредственных условий написания рукописи, то они в наше время представляются не вполне ясными. Наличие в начале рукописи предисловия Евфалия ко всем посланиям Павла до некоторой степени позволяет предполагать, что текст должен был бы иметь продолжение и содержать остальные послания Павла и толкования (II и III тома?). Незаключенность оформления сохранившегося текста рукописи: недописанные заголовки, пропущенные заглавные буквы как будто может свидетельствовать о правомерности предполагаемого замысла о создании книг, содержащих все послания апостола Павла и толкования к ним. Однако в настоящее время вопросы о том, почему не закончена сохранившаяся рукопись и предполагалось ли создание следующих книг, пока остаются открытыми.

Рукопись Толкового апостола 1220 г. не имеет каких-либо поздних записей или помет, свидетельствующих о судьбе книги после ее написания до XVII в. Достоверно установить владельца рукописи и место ее хранения с XIII по XVII в. в настоящее время не представляется возможным. Для середины XVII в. судьба рукописи определяется вкладной записью, расположенной по нижнему полю листов со второго по восемнадцатый, в ней говорится о том, что патриарх Никон в 1661 (17169) г. «положил» эту книгу в Новоиерусалимский Воскресенский монастырь. Каким образом рукопись попала к Никону и при каких обстоятельствах рукопись из Воскресенского монастыря перешла в патриаршее собрание, судить трудно. Вероятно, именно с этого времени рукопись находилась в «государственных», а не в частных хранилищах, что и обеспечило ее хорошую сохранность.

По свидетельству некоторых косвенных более поздних источников, можно предположить, что рукопись Толкового апостола не покидала пределов Северо-Восточной Руси до середины XVII в. Известно, что в 1654 г. по предложению патриарха Никона из 39 степенных русских монастырей было взято в Москву большое количество различных рукописей²⁶. Среди этих монастырей названы два ростовских: Богоявленский и Борисоглебский, но мы не находим никаких сведений о хранении в них Толкового апостола. Однако интересно, что «Апостол толковый, писан в десть, обложен кожей», хранился в суздальском Спасо-Евфимьевском монастыре²⁷. Если при этом вспомнить свидетельство Суздальской летописи об уходе в 1228 г. заболевшего ростовского епископа Кирилла I «в Суздаль . . . в свою келью»²⁸, то возможно предположение о том, что Кирилл I «заказчик и хозяин» книги, взял ее с собой в Суздаль, где рукопись находилась до середины XVII в.

Как уже говорилось, рукопись Толкового апостола 1220 г. не имеет всестороннего научного описания, хотя многие исследователи в разной степени и с разных сторон уделяли ей внимание. Самые ранние сведения в научной литературе о рукописи Апостола приводятся М. П. Погодиным, который опубликовал два отрывка²⁹. Ф. И. Буслаев в своих «Материалах. . .» поместил небольшую заметку, содержащую некоторые сведения о рукописи. Он публикует тексты записи лица и вкладной патриарха Никона, обращает внимание на некоторые орфографические особенности, свидетельствующие как о древности перевода памятника, так и о древнерусском происхождении рукописи, и воспроизводит литографию одной страницы текста³⁰. Двухстрочную строку текста с листа 79 об. и дату рукописи находим в снимках Саввы³¹.

Замечания о тексте Толкового апостола 1220 г. содержатся в известном труде А. В. Горского и К. И. Невоструева «Описание славянских рукописей Московской

²³ В. Н. Татищева. История российская, т. III. М., 1964, стр. 191.

²⁴ Там же, стр. 206.

²⁵ ПСРЛ, т. I, стр. 443.

²⁶ Савва (архимандрит). Указатель для обозрения Московской патриаршей (ныне синодальной) библиотеки. М., 1858, изд. 2, стр. 6—7.

²⁷ «Опись книгам, в степенных монастырях находившимся, составленная в XVII веке». — «Чтения МОИДР», 1848, № 6, смесь, стр. 23, 24, 27.

²⁸ ПСРЛ, т. I, изд. 2, стр. 452.

²⁹ М. П. Погодин. Образцы славянорусского древлеписания. . . , тетрадь I. М., 1840, снимки 8, 9.

³⁰ Ф. И. Буслаев. Палеографические и физиологические материалы для истории письма славянских, собранные из XV рукописей Московской синодальной библиотеки. М., 1855 г., стр. 20—22, № XI.

³¹ Савва (архимандрит). Палеографические снимки с греческих и славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. М., 1863, КГ. (снимок 23).

синодальной библиотеки³². В нем исследуется главным образом состав рукописи, описывается «постатейнос» содержание памятника, приводятся соображения, доказывающие разновременность перевода текста посланий и толкований³³. Но непосредственно рукописи Толкового апостола авторы уделяют значительно меньше внимания: обращают внимание на художественное оформление (дают описание миниатюры, заставки), отмечают утраченный текст рукописи и соскобленный текст записи. Кроме того, авторы указывают на некоторые графико-орфографические особенности, свидетельствующие о древнерусском (восточнославянском) изводе рукописи³⁴.

Текстологическое исследование находим в двух обстоятельных работах Г. А. Воскресенского³⁵. В первой из них автор уделяет внимание некоторым фонетическим и морфологическим особенностям языка рукописи, но почти не касается палеографии³⁶. Впрочем, палеографическое описание рукописи не входило в круг задач исследования, так как автора главным образом интересовала специфика перевода текста посланий и толкований. Г. А. Воскресенский, вслед за Горским и Невоструевым высказывается о том, что текст рукописи содержит разновременный перевод с греческого — более древний перевод посланий и сравнительно с ним более новый, возможно, восточнославянский, перевод текста толкований³⁷.

Отрывки текста посланий Апостола Павла (без толкований) были опубликованы в следующем труде Г. А. Воскресенского³⁸, то есть текст рукописи в данном случае издавался в извлечениях. Автора интересовала редакция славянского перевода текста, поэтому рукописи и ее особенностям он внимания не уделил.

Рукопись Толкового апостола как памятник письменности соответствующей эпохи упоминается в обзорах И. И. Срезневского³⁹. Небольшую заметку о рукописи и образцы начерков некоторых букв находим в лекциях И. И. Срезневского по палеографии⁴⁰.

Итак, в настоящее время, особенно после публикации наблюдений А. Н. Насонова и Н. Б. Тихомирова, исследователи получили в свое распоряжение еще одну рукопись XIII в., не только точно датированную, но и локализованную.

³² А. В. Горский и К. И. Невоструев. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. Отдел второй. М., 1857, № 95, стр. 141—154. Заметим, что в цитированном выше исследовании А. Н. Насонова ссылки на рукопись Толкового апостола даны в соответствии с расположением рукописей в данном описании под № 95. Между тем в Отделе рукописей ГИМ рассматриваемая рукопись сохраняет старый № 7 в соответствии с «Указателем для обозрения Московской патриаршей (ныне синодальной) библиотеки . . .» архимандрита Саввы.

³³ А. В. Горский и К. И. Невоструев. Описание . . ., стр. 142—151.

³⁴ Там же, стр. 141, 151—154.

³⁵ Г. А. Воскресенский. Древний славянский перевод апостола и его судьбы до XV в. Опыт исследования языка и текста славянского перевода апостола по рукописям XII—XV вв. М., 1879, стр. 50—94; он же. Древнеславянский Апостол. Послания св. апостола Павла по основным спискам четырех редакций рукописного апостольского текста, вып. 1, 1892; вып. 2, 1906; вып. 3, 4, 5, 1908.

³⁶ Г. А. Воскресенский. Древний славянский перевод Апостола, стр. 53—66.

³⁷ Там же, стр. 70—90.

³⁸ Г. А. Воскресенский. Древнеславянский Апостол, вып. 1—5.

³⁹ И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка (XI—XIV веков). Общее повременное обозрение, изд. 1. СПб., 1863, стр. 45—46; изд. 2. СПб., 1882, стр. 93—94.

⁴⁰ И. И. Срезневский. Славяно-русская палеография XI—XIV вв., стр. 175—177.

В. М. Загребин

СЕРБСКИЕ РУКОПИСИ ИЗ СОБРАНИЯ М. П. ПОГОДИНА

Отдел рукописей и редких книг Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде — одно из крупнейших в мире хранилищ славянской и русской рукописной книги. Здесь, среди 30 тысяч книг, написанных кириллицей, находится большое количество рукописей болгарских, молдавлахийских и сербских. Если о сербских рукописных книгах из собраний С. Верковича, А. Б. Лобанова-Ростовского, епископа Порфирия (Успенского), А. Ф. Гильфердинга и других известно довольно хорошо¹, то огромное собрание М. П. Погодина является почти не изученным. Причина этого заключается в отсутствии полного печатного каталога или научного описания рукописей всего собрания².

Это побудило нас для выявления сербских бумажных рукописей просмотреть *de visu* все 2055 книг коллекции М. П. Погодина. Среди них обнаружено 36 сербских бумажных рукописных книг XV—XVIII вв. и два пергаменных листа из подклейки переплета.

«Древлехранилище» собиралось М. П. Погодиным в течение нескольких десятилетий на огромной территории России и за границей. Благодаря многочисленным связям с русскими книжниками, купцами и книгопродавцами, благодаря сношениям со славянским миром за рубежом М. П. Погодину удалось приобрести сербские, болгарские, молдавлахийские рукописные книги, а также редчайшие экземпляры старопечатных кирилловских книг Цетиньской, Венецианской, Милешевской печати³. На время и место приобретения части из них указывают пометы самого собирателя; так 9 сербских рукописей получено им в Вене от известного сербского филолога Вука Стефановича Караджича во время путешествия по Европе в 1846 году. Этим же годом помечены и рукописи, приобретенные М. П. Погодиным в Сремских Карловцах у архимандрита Хоповского монастыря (2) и у Н. Н. Мурзакевича в Одессе (2). Позднее,

¹ Первоначальные подробные сведения о них печатались в Отчетах Публичной библиотеки за 1868 и 1873 гг. (собрание А. Ф. Гильфердинга; см. также В. А. Мошин. К датировке рукописей из собрания А. Ф. Гильфердинга. — ТОДРЛ, т. 15, 1958, стр. 409—417); 1888 г. (собрание Парфирия; см. также: «Краткий обзор собрания рукописей, принадлежавшего . . . Парфирию, а ныне хранящегося в ИПБ». СПб., 1885); 1891 и 1895 гг. (собрание Верковича; см. также: «Собрание древних славянских рукописей С. Верковича», — «Славянские известия», 1889, № 41, стр. 473—476) и др. См. также: Е. Э. Гранстрем. Описание русских и славянских пергаменных рукописей. Л., 1953; Н. Н. Розов. Южнославянские рукописи Государственной публичной библиотеки. — Труды ГПБ, т. V (8), 1958, стр. 105—118.

² Краткий обзор Погодинского собрания опубликован. См. «Отчет Императорской публичной библиотеки за 1852 г.» СПб., 1853, стр. 21—58. В нем перечисляются не только наиболее выдающиеся рукописные книги, но и акты, грамоты, автографы, старопечатные книги и гравюры. Подробнейшее описание 94-го сборника было опубликовано А. Ф. Бычковым (Описание церковно-славянских и русских сборников ИПБ. СПб., 1882). В Отделе рукописей и редких книг ГПБ хранится также краткий «Реестр Погодинского древлехранилища» с подписью-автографом, по которому М. П. Погодин передал его в Публичную библиотеку. Известно, что в 1845 г. П. М. Строев предлагал Погодину свои услуги для описания рукописей, но безрезультатно (Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. 8. СПб., 1894, стр. 180). Видимо, по этой же причине часть записей и помет, содержащихся в сербских рукописях Погодинского собрания, не нашла места в издании Л. Стояновича (Ј. Стојановић. Стари српски записи и натписи. Београд, 1902—1926).

³ Среди старопечатных книг Погодинского «Древлехранилища», которые в настоящее время хранятся отдельно от книг рукописных, находится Псалтирь, напечатанная в монастыре Милешево в 1544 г. и др. (Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. 9. СПб., 1895, стр. 199).

в декабре 1847 года «книжник» В. Ф. Моржаков и ржевский комиссионер В. К. Мясников пополнили его собрание еще двумя сербскими рукописями ⁴. Можно предполагать, что большая часть остальных рукописей также поступила от Вука Караджича, от которого М. П. Погодин в течение 1846—1848 гг. получил пять посылок с книгами ⁵.

По содержанию сербские рукописные книги Погодинского собрания преимущественно богослужебные и церковно-нравоучительные. В настоящем описании они располагаются по группам, внутри групп — в хронологическом порядке.

При воспроизведении записей и помет на рукописях соблюдается орфография оригинала. Выносные буквы вносятся в строку и заключены в круглые скобки, титла раскрываются и даются в квадратных скобках. В описаниях не приводятся поздние (XIX—XX вв.) записи-заверки библиотечарей.

Рукописи на пергамене

1. **Миная служебная за январь** (отрывок) (Погод. 463 а.) ⁶ Третья четверть XIII в. Мелкий устав. Правписание рашское. Текст не акцентован. 2 л., 1° (26×19), 36 строк в два столбца. Заголовки и инициалы киноварные, с желтой краской в середине (на л. 1 об. — тератологический орнамент). Без переплета. Листы были подклеены к верхней крышке переплета рукописи. Погод. 463. Содержит отрывки служб на 15—17 и 27—29 января.

2. **Слова постнические Исаака Сирина** (Погод. 72). Вторая четверть XIV в. ⁷ Мелкий устав. Правписание рашское. Текст не акцентован. 325 л., 1° (25×17), 26 строк. Заголовки и инициалы киноварные. На л. 1 — красочные заставка оригинальной формы (с колокольчиком) и инициал. На нижнем поле л. 325 — примитивное изображение головы животного. Верхний и нижний защитные листы — бумажные. Переплет — доски в тисненой коже — с двумя широкими медными застежками на шарнирах. На нижнем поле л. 321 помета (теми же чернилами, что и текст, но мелким небрежным письмом): «Дотруди ми се». На верхнем защитном листе — стертая запись XIX в., которая при специальном освещении частично читается: «... Александра Христофоровича Востокова писана (?) в началъ XV вѣка» (дата не стерта). На л. 325 об. — поздние пробы пера. Все листы имеют позднюю буквенную нумерацию.

3. **Житие Василия Нового** (Погод. 61). Середина XIV в., 124 л., 4° (16,5×11,5) 18—24 строки. Филигрань типа Mošin и Traljić ⁸ № 6870 (1349 г.). Устав. Правписание рашское со следами юсового оригинала (лл. 48, 69, 84 об. и др.). Текст не акцентован. Заголовки киноварные. Инициалы киноварные и чернильные. Лл. 16—18, 21—23, 34—36, 39—41, 52, 54, 59 — бумажные. Имеется поздняя нумерация тетрадей, начиная с номера БГ (вторая тетрадь). Первая тетрадь не имеет нумерации и составлена из шести листов. Остальные тетради содержат различное количество листов (8, 10, 14). Переплет поздний — доски в тисненой коже — с двумя застежками.

В конце, после Жития Василия Нового, следует:

1) «Николи все[в]е[т]а[г]о патриарха Костандина гра(д)а къ прогую с[в]е[т]ыге горы яко типикъ» (лл. 106—120).

2) «Б(т) типика хра(м)а прѣс(в)е[т]ие Б[огороди]це извѣщающе изложено ш(т) архив[и]с[и]с[к]о[н]на Констандина гра(д)а кирь Харитона» (лл. 120—124).

Имеются пробы пера.

4. **Служебник** (Погод. 37). Третья четверть XIV в. ⁹ Устав. Извод сербский с болгаризмами. Редкие акценты. 89 л., 4° (23×17), 15 строк. Заголовки и мелкие инициалы выполнены золотом. Крупные инициалы и заставки (лл. 5, 17в, 45 об, 74) — красочные с золотом отличной работы (на л. 72 об. инициал молитвы «Благословляю» нарисован в виде благословляющей руки). Переплет — доски в тисненой коже. Застежки не сохранились.

Имеются записи и пометы: тем же почерком, что и текст (внизу страницы) — «Помените гр(ѣ)шнаг(в) Симейна а(х) (?) — л. 45; «Помени Г[осподи] Симейн(а) гр(ѣ)шн(а)г(в)» — л. 73 об.; «Помени Г[осподи] С'имейн(а) (так!) писавшаго сию литургию въ С[в]е[т]ѣ гбрѣ — л. 88; мельчайшим почерком, на полях, в золотой рамке: «Помѣни Симона» — л. 35 об. и «Помени Г[осподи] Симона» — л. 66 об.; позднейшими

⁴ Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. 9, СПб., 1895.

⁵ Лб. Стоянович. Живот и рад Вука Стеф. Караџића. Београд, 1924, стр. 709. В письме Вука Караджича М. П. Погодину от 22 октября 1846 г. из Вены упоминается ряд рукописных книг, которые можно отождествить с некоторыми описываемыми ниже (Погод. 128, 148, 151, 211, 370 (?), 463, 483, 1304 и др.). — «ЧОИДР», кн. 1, 1880, стр. 678.

⁶ Рукописи Погод. 37, Погод. 61 и Погод. 72 кратко описаны (Е. Э. Гранстрем. Описание русских и славянских пергаменных рукописей. Л., 1953, стр. 56, 105, 106).

⁷ Датировка В. А. Мошина. См.: В. Мошин. Палеографски албум на јужнословенскогo кирилско писмо. Скопје, 1966, № 92, стр. 90.

⁸ V. Mošin i S. Traljić. Vodení znakovi XIII. i XIV. vijeka. (I—II). Zagreb, 1957.

⁹ Датировка В. А. Мошина. См.: В. Мошин. Палеографски албум на јужнословенскогo кирилско писмо. Скопје, 1966, № 119, стр. 121.

почерками: «Сѣа литоугѣа (так!) с [вѣ]т[а]го Савы Сръб'скаго о'у пѣр(гу) — л. 88 об.; «Помени Господи писавшаго сѣю кнѣгоу л[и](т)ургѣе. Ъ» — л. 89 об.

На л. 1 пометы: «Св. гора, скит св. Троицы. Х. М. 1844 г.» «М. П. Погодину от В. Григоровича. 1848». Здесь же инициалы М. П.

Рукописи на бумаге

5. **Сборник** (преимущественно патристического содержания) (Погод. 873). Нач. XV в.; л. 1 — кон. XVI в. 300 лл., 1° (28, 5×24). Филигрانی: 1) Якорь в кругу с контрамаркой «шестилистик» на этом же полулисте (только на л. 1). 2) Типа Briquet¹⁰ 1709 (1372—1375 гг.), 3) Типа Briquet № 11681 (1386 г.), № 11678 (1379—1385 гг.), 4) Типа Briquet № 15592 (1380—1424 гг.), 5) Типа Briquet № 12080 (1398 г.), 6) Briquet № 4503 (1400 г.), 7) Типа Briquet № 4462 (1402—1403 гг.), 8) Типа Briquet № 6687 (1391—1402 гг.). 9) Туловище лошади, 10) Голова быка. Полуустав нескольких почерков. Правописание ресавское (одноеровое). Большая часть текста акцентована. Заголовки и инициалы киноварные и чернильные (выцветшие красные чернила). На л. 1 — красочная заставка и инициал. Здесь же — вязь, выполненная киноварью и зеленой краской. На л. 243 — узкая чернильно-киноварная заставка.

Рукопись реставрирована в XIX в. Переплет Публичной библиотеки, картонный с сафьяновым корешком с золотым тиснением. Без застежек.

Содержание: лл. 1—1 об. — Послание Иоанна Раифского Иоанну Синайскому.

Лл. 2—242 об. Торжественник, собрание слов на праздничные дни: Рождество Богородицы, Рождество Христово, Крещение, Благовещение и др. Названы авторы: Андрей Критский, Иоанн Дамаскин, Феофилакт архиепископ Болгарский, Тарасий архиепископ Константинопольский, Иоанн Златоуст, Афродитиан Перс, Григорий Нисский, Прокл архиепископ Константинопольский, Евсевий архиепископ Александрийский, Кирилл архиепископ Иерусалимский, Максим Ритор Оловол, Афанасий Александрийский, Мефодий Патарский, Амфилохий Иконийский, Георгий диакон («Чь(с)тв[а]го и изъчн(а)го фѣлосѡфа и учителя с[вѣ]т[а]го еу[а]н[г]елѣа Геурѣа діакона главе бесѣда...», л. 190), Епифаний Кипрский.

Лл. 243—299. Никифор, магистр Антиохийский. Житие Симеона Дивногорца.

Пометы: л. 300 — М. П. Погодина: «Отъ архимандрита Хоповскаго. 1846. Октябрь. Карловицъ». Здесь же: «Сѣа кнѣига монастыра. Хравь с[вѣ]т[а]го...» Л. 145 об. — «Лето г[о](с)[под]не **ѸЧКѸ** (1721 г.). Тог(да) би(с)[тѣ] жита **Р** ока за **Р** новаца и пинта вина за марѣа(ш).

На л. 299 об. — запись полууставом: «Сѣа панаѣерикъ (так!) дувлика ѡрѣста». Имеются пробы пера.

6. **Слова постнические Василия Великого** (Погод. 979). Начало XV в. 106 лл., 1° (27,5×24). Филигрانی: 1) Briquet № 15581 (1400—1415 гг.), 2) Типа Briquet № 15490 (1382—1389 гг.), 3) Типа Briquet № 788 (1380 г.). Полуустав. Правописание ресавское (одноеровое). Текст акцентован. Заголовки и инициалы киноварные. На л. 99 об. — заставка-полоска.

Рукопись реставрирована в XIX в. Переплет Публичной библиотеки картонный с сафьяновым корешком с золотым тиснением.

Текст без начала и конца, целиком совпадает с Острожским изданием 1594 г.

На л. 1 — помета М. П. Погодина: «(От) Вука. 1846. Вѣна. Октябрь».

Имеются записи: лл. 19—25 — «Нека се зна када ѡбновисмо церковь святаго Геурѣа. Тодорь и Велчь, и Андрия Кулумбарѣи, а барьктарь Лукета Ишковиѣи. Тогда бисть капетанъ Илия Лучиѣи ѡ(т) комунитате Рисанске, а суѣа писах я Спасое Деспиниѣи на 1813 мѣсеца и ... я. Парох иермонахъ Симешъ Ишановиѣи Де... З-е. Рукою своею грѣшноу у монастыр на Баню».

Л. 25 об. — «Сѣа кига (так!) мнастира (так!) Бане Рисна».

Лл. 70 об. — 74 об. — «Пишем я Спасое Деспотович на 1814 мѣсеца июния день 17 ис Требина. Тогда бѣхъ в Рисне при монастырѣ иже называется Баня в Риснѣ при храму святаго великомученика Геурѣа монах Стефанъ Деспотович Требиняць. 1814 мѣсеца июлия день 14».

Л. 105 об. — «Спасое Деспотовиѣи ис Требина. 188 году».

7. **Поучения Исаака Сирина** (Погод. 1029). Нач. XV в. 129 лл., 4° (21×13,5). Филигрань — Лилия (?). Мелкий полуустав. Правописание ресавское (одноеровое). Редкие акценты. Заголовки и инициалы киноварные. Переплет — доски в тисненой коже. Застежки оборваны. Текст без начала и конца.

На л. 121 об. — помета: «Великии убо поистинѣ Исакъ Сѣриянинъ».

8. **Сборник патристический** (Погод. 1044). Нач. XV в. 193 лл., 4° (19,5×12,5). Филигрань Мошн и Тралѣиц № 793; 1399 (1403) г. Небрежный полуустав. Правописание ресавское (одноеровое). Текст не акцентован. Заголовки и инициалы киноварные. Начала сочинений отмечены аккуратными матерчатými закладками, приклеенными

¹⁰ С.-М. Briquet. Les filigranes. Dictionnaire historique des marques du papier dès leur apparition vers 1282 jusqu'en 1600, t. 1—4. Genève, 1907.

к углам листов. Переплет — доски в тисненой коже (судя по тиснению, кожа снята с переплета книги большего формата); 2 застёжки.

Содержит сочинения Георгия Никомидийского, Григория Синаита, Фаласия, Нила Постника, Симеона Нового Богослова и Филофея Синайского.

9. **Сборник, содержащий мелкие выписки из сочинений отцов церкви и Пчелы** (Погод. 1394). Нач. XV в., 26 л., 4° (25,5×17,5). Филигрань — Mošin и Traljic № 793; 1399 (1403) г. Полуустав. Правописание ресавское (односрочное). Текст акцентован. Заголовки и инициалы киноварные. Некоторые инициалы разрисованы. Переплет картонный серед. XIX в. Без застёжек.

Текст носит на себе следы поздней русской правки (в словах «брѣви» и «дльзи» сверху добавлена буква О, л. 2). Подмоченная часть текста обведена другими чернилами. При переплете листы у корешка подклеены бумагой с какими-то черновыми записями на русском языке и цифровыми расчетами.

На л. 26 об. — помета: «Б[о]гъ да прѣсти(т) хтѣ понѣви сѣю кнѣгу. Амишь». Здесь же пробы пера.

На л. 11 об. — поздняя тайнопись: «**ѠВНКВѠѠЗНЦЗВ**» — Сие писа Герги.

10. **Апостол** (Погод. 211). Втор. пол. XV в. 149 л., 1°, (28×20,5); Филиграни: 1) типа Briquet № 3668 (1454—1462 гг.), 2) типа Briquet № 11656 (1438—1472 гг.). Полуустав. Правописание ресавское (односрочное). Текст не акцентован (за исключением лл. 147—148). Заголовки, колонтитулы и инициалы киноварные. На л. 2 приклеена чернильно-киноварная заставка. На подклейке верхней доски переплета и на л. 1 об. — указатели-каноны в киноварных узорчатых рамках. Переплет — доски в коже с тиснением. Застёжки не сохранились.

На л. 148 об. — запись киноварью: «Докса си ѡ тѣм(с)ѣ. Х[ристо](с) ми зачело и кон(ц). Амишь». Далее чернилами: «Здѣ писа мѣогорѣшни Оев(д)оръ ѣромона(х) Рѣхани(н). Емоу же зѣмля м[а]ти, грѣб же ѡ(т)чѣствѣ. **ѢМѠ** (1449 г.) (дата другими чернилами).

На подклейках переплета (в том числе на обороте) — скорописные пометы: «Почтованом(у) ѡтцу у Исукрарсту кир калугеру Тудру у Грахѡѡѡ какѡ брату милѡму». «Сея либрѣ иде почтѡѡѡму г[о](с)[по](д)[и]ну Туд. . . ѡ(д) Грах[о]ѡѡ брату м(и) драѡму». «На **ѢХ** и **З** (1606 г.) на **КЗ** и свебгнѣ како шлѣть поче пошь Башко играт(ена?) трапулу (?). А будужи чѡѡ да е и гул. . .» Далее строка текста замазана чернилами. «Сѣю кнѣгу ѡправи рабъ Божи Вучичъ Иванѡѡѡ и Перо бо Богачевѣѡ. Вичишь изъ Сеника Перо и[з] Самобора. Бо[г] ихъ ѡба прѡстиѡ».

11. **Октоих** (гласы 1—4) (Погод. 463). Вторая половина XV в. 257 л., 1° (26×20,5). Филиграни: 1) Briquet № 4544 (1443—1444 гг.), 2) Типа Briquet № 11882. (1457—1459 гг.), 3) Типа Briquet № 7686 (1414—1445 гг.). Полуустав. В два столбца. Правописание ресавское. Текст акцентован.

Заголовки и инициалы киноварные. Многие листы у корешка подклеены бумагой с рукописным текстом. На л. 62 об. — украшение на внешнем поле. Переплет — доски в коже с тиснением — сильно попорчен жучком. Застёжки не сохранились.

На л. 256 — часть выходной записи: «Зач[ело] Х[ристо]с и кѡп[ь](ц). Прѣстите ме писавшаго сѣю кнѣгу и ва(с) Б[о]гъ да прѣститъ . . .» Запись прерывается, т. к. оборвана нижняя часть листа.

12. **Апостол и евангелие апракос полные** (Погод. 107). Кон. XV — нач. XVI в. 298 л., 4° (18,5×13,5); Филиграни: 1) типа Briquet № 3793 (1450—1463 гг.), 2) Briquet — типы конца XV — начала XVI в., 3) типа Briquet №№ 3389, 3390 (1480—1490 гг.), 4) типа Briquet № 4508. 1475 г., 5) Рука без украшений. Небрежный устав (лл. 191 об. — 227 — полуустав. Правописание ресавское (односрочное). Редкие акценты.

Заголовки и инициалы киноварные. Часть инициалов разрисована. На л. 296 — киноварная дугообразная заставка.

Переплет — доски в коже с тиснением. При современной реставрации приделаны ременные завязки.

Записи: л. 122 об. — «Сѣю кнѣгу глими (так!) Апу(с)толь прилучи рабъ б[о]жи Вулина и Вуксанъ на Савину у храмъ Б[о]городи[цо]у за ду(ш)[у] очину и материну да имъ служи векъ и аминъ». Здесь же: «и за душу Драгину».

Пометы: л. 1 — помета М. П. Погодина: «От Вука. 1846. Вѣна. Октябрь».

Л. 171 об. — киноварью: «Ап[о](с)[то]ли и Еу[ар](г)[ел]ѣѣ сь прокимепи» (не название ли книги?).

На сохранившейся центральной части л. I, I об. — «От рож(д)а(с)та (так!) Х[ри](с)-[то]в[а]. . . цароваше слов. . . Нетр. Нека . . . Ва лето **ЗРѠ** . . . (≈ 1662 г.) земля вѣѡма. . . куле и градов. . . ва градовиех т. . . мрътаца». «[П]ошъ Ъиро».

На подклейке верхней крышки переплета — пробы пера.

13. **Евангелие тетр** (Погод. 148). Конец XV — начало XVI в. 333 л., 1° (29×21,5). Филигрань — типа Briquet № 3391 (1491—1502 гг.). Полуустав. Правописание ресавское. Текст акцентован.

Заголовки и инициалы киноварные. Предисловия, оглавления и заглавия Евангелий начинаются с вязи. На л. 2, а также перед текстом каждого Евангелия — красочные заставки и инициалы. На части листов текст испорчен: бумага разъедена чернилами. Переплет поздний — доски в тисненой коже. Имеются две застёжки.

Пометы: л. 1 — «Пи(с)[a] Петаръ Банѡвъ и Милошь Шарабаѡа и Мнѡко Матияшевь у храму с[ве]тому Лу(к)и у Которъ два гроша и рекоше да их да Петаръ и свакому доходе по четиринае(с)ть лѹ ѿ». «Писа Нико Мновъ брату Бюру два гроша у с[ве]те госпоѡе пдд. а сву и Г лу у с[ве]тога Михала (так!) дму (так!) се пое предшомъ (так!). И писа Нико оцу Мнѹ. Я лѹ ѿ. ери Анѣи Я лѹ ѿ». Здесь же пробы пера.

Л. 246 об. — «Евангелие свети стрсти (так!) ѡво кртола що (ѣ)мо немамо вина да дамо томе чоку ноѣмо се (?)».

На оборотах листов, предшествующих началам Евангелий, скорописью написаны кондаки Евангелистам (Иоанну — тропарь и кондак). Здесь же — попытки скопировать инициал.

На полях некоторых листов — пробы пера (на л. 253 — киноварью).

14. **Евангелие тетр** (Погод. 151). Конец XV—начало XVI в. 270 лл., 1° (29,5×22). Филигрань типа Briquet № 6056 (1481—1505 гг.). Полуустав. Правописанье ресавское. Текст акцентован. Заголовки, колонтитуды и часть инициалов выполнены чернилами красного цвета (чернила выцвели). Остальные инициалы текста и некоторые цифры на полях написаны зеленой краской. На л. 10 и почти перед всеми предисловиями и оглавлениями — небольшие чернильные и киноварные заставки (частично раскрашены). Перед текстами Евангелий также имеются заставки и инициалы (частью контурные, а частью раскрашены).

Переплет — доски в тисненой коже. Застежки не сохранились.

В верхней части рукопись подпорчена сыростью (особенно в начале и в конце). На первых листах — частичный распад бумаги с утратой текста.

15. **Устав иерусалимский церковный** (Погод. 272). 1577 г. 206 лл., 1° (31,5×21,5). Филигрань — Якорь в кругу с контрамарками NS и AI (?). Полуустав. Правописанье ресавское (одноеровое). Текст акцентован. Заголовки и инициалы киноварные. На лл. 1,5 — красочные заставки (на л. 5 с золотом). На л. 205 об. — выходная запись: «Повѣлѣнїе(м) вѣсѡс[ве]щениа(г)[о] митрѡ(п)[о]лита Эво(р)ничкога квр Паѣла съписá се сѡа кнїга гл[агол]ѣми Тїпї(к) црковнїй при храму пр[е]по(д)обнїе м[а]т[е]ре нáше Пе(т)кы въ по(д)крїлїе рукою грѣшнїй въ иноце(х) Рѡма(н) Рáсоде(р). Въ ле(т)[о] **ЗПЕ** (1577 г.) м[е]л[е]ца ѡ(к)[тобра] **Б** днѣ. И еще (с)[е] м[о]ли(м) чѣтуци(м) или пїшущи(м) чтѡ е(с)[ть] погрѣшено испрãвнїте а ме(н)[е] грѣшнãго не клѣнете а ва(с) Б[ог]ъ да пом[и]луеть и бл[аго]-(с)[ло]вить».

На лл. 157 об., 171, 173, 176 — указания на некоторые расхождения текста (киноварью). Например: «Изиска(х) и въ грѣ(ч)скы(х) и въ срь(б)скы(х) тишицѣ(х) и свьврãша(х) разоумнїи вѣше-иноке и старцѣ м[к]о[с] соугуба оглãшенїа и(ж)[е] іереш(м) или дїако(н)[о]мъ гл[агол]ѣма. тѣчїю на прѣж(д)ес[ве]щенио гла[гола]ти се». Или: «Въ трїѡ(д)ѣ(х) вьсѣ(х) и въ грѣ(ч)скы(х) и въ срь(б)скы(х) не пїше(т) рѣбу ѣсты, а въ тїпико(х) вьсѣ(х) пїше(т) ѣсти».

На л. 206 — помета: «На 1746-го Знати се когда... би(х) наред(ж)е(н) у Петковицу (с) дїаконо(м) Дїонїсе(м) Аввакоу(м) Ковачевїѣ іеромо(н)[а]х». Здесь же и на лл. 1, 205 — многочисленные пробы пера и пометы.

16. **Миней служебная за апрель** (Погод. 541). 1598 г. 154 лл., 1° (29,5×20,5). Филигрань типа Briquet № 567, 568 (1588—1597 гг.). Полуустав. Правописанье ресавское. Текст акцентован. Заголовки (с вязью) и инициалы выполнены красными чернилами (редко — киноварью). На полях имеются изображения рук («указующий перст»). На л. 102 об. — маленькая красочная кондовка. На л. 90 — дополнение нижней строки орнаментом завершается головой животного (с высунутым языком). На полях лл. 60 и 154 — выдавленные острым предметом рисунки дьявола и дракона. Переплет — доски в тисненой коже. Застежки не сохранились.

Текст без начала и конца.

На л. 154 — выходная запись «Слãва Б[ог]у ѡ вьсемъ н[ы]нїи и въ вѣкѣ. Аминь. Лѣто **ЗПС** (1598 г.). Грѣшнїи и смертнїи іеродїак(н) Тїмѡеи сѡа шãрави. М[е]л[е]ца марѡа **Б**ї оу Оарѣну».

На л. 5 — помета М. П. Погодина: «Отъ Вука. 1846. Вѣна. Октябрь».

Имеется пробы пера («ч[е]л[ове]къ пїсанїю вѣдокъ» — л. 92 и др.).

17. **Номоканон** (Погод. 257). XVI в. 120 лл., 8° (14×10,5). Филигрань — Кардинальская шляпа (?). Полуустав нескольких почерков. Правописанье ресавское (до л. 56 — одноеровое; с л. 56 — спорадическое употребление юсов). Текст акцентован. Заголовки и инициалы киноварные. На л. 1 — чернильно-киноварная заставка. На л. 115 текст позднее заключен в примитивную рамку. Переплет картонный в тисненой коже, без застежек.

Пометы: л. 1 — М. П. Погодина: «Отъ Вука. 1846. Вѣна. Октябрь».

На подклейке верхней крышки переплета — «Сѣло Катрга. Писа Татомиръ Истрѣцу Радовану». Здесь же еще одна неразборчивая помета.

Л. 79 об. — скорописью: «Ра(д)аче Ра(д)аче оубила (т)е м[а]тїѣ Б[о]жїа поч'то ми вьз(д)аде злѡ за добро».

Л. 106 об. — скорописью (дважды): «Д[у]хов'ниче с[ве]ты м[о]ли Б[о]га ѿ м'не гр[ѣ]шну(м)».

Л. 115 об. — «Кру(г) знаменїа». 1621 г.

Л. 116 об. — «И прѣсти и знаи за лу(ю)бѣвь: Грубо ни(с)[ах] поне(же) зѣлѣв бе(х) старѣста(н)».

На подклейке нижней крышки переплета — «Се(л) [о] Брица. . . ако қо оупита». По всей рукописи имеются пробы пера и надписи карандашом.

18. **Покаянные молитвы** (отрывок). (Погод. 992). XVI в. Филигрань — Якорь в кругу; от контрамарки просматривается только трехлистник. 4 лл., 4° (18×12). Полуустав. Правописание ресавское. Текст акцентован. Заголовки и инициалы киноварные. Листы приплетены в конце русской рукописи «Поучения Иоанна Златоуста».

На л. 1 — помета М. П. Погодина (карандашом): «От Морж[акова] 1847. Дек. 16.4».

19. **Александрия** (Погод. 1702). Первая половина XVI в. 145 лл., 4° (19×13,5). Филигрань — типа Briquet № 3404 (1481—1519 гг.). Беглый полуустав. Правописание ресавское. Текст акцентован. Заголовки и инициалы выполнены киноварью, а некоторые синей и зеленой краской (лл. 54, 86 и др.). На л. 134 — киноварный цветок. На внешнем поле л. 69 об. — изображение человеческого лица (половина обрезана). На л. 127 — рисунок-схема (круг). Имеется исконная нумерация тетрадей. Переплет картонный. Корешок кожаный. Без застежек.

Текст без начала: судя по нумерации тетрадей, нет первого листа. На л. 1 — помета М. П. Погодина: «1846. Окт., Одесса, отъ Н. Н. Мурзакев[ича]».

На нижнем защитном листе помета: «История г[оспо]дина попа Филипа Костиѣа». Здесь же: «Попъ Филипъ Костиѣа».

В издании «Александрии» АН СССР¹¹ (в серии «Литературные памятники») данный список не упоминается.

20. **Сборник** (Погод. 311). Вторая четверть XVI в. 176 лл., 4° (19,5×15). Филигрань: 1) типа Briquet № 502 (1520—1534 гг.), 2) типа Briquet № 15380 (1525—1528 гг.), 3) Рука (?). Небрежный полуустав нескольких почерков. Извод сербский (лл. 1—3, 111—113, 124—176) и смешанный сербско-болгарский. Редкие акценты.

Заголовки и инициалы киноварные. На л. 111 инициал грубо разрисован. Листы 124—176 обрезаны по внешнему полю, а по нижнему полю у корешка подклеены вержированной бумагой с восполнением текста. Переплет — доски в тисненой коже. Застежки не сохранились.

Содержание: лл. 1—110 об. Требник. Лл. 111—113 об. «Слово Ефремова ѿ прѣкраснем Ісѣѣѣ». Текст не закончен. Лл. 114—123 об. «Повѣсть о Кирике и матери его Улите». Без начала и конца. Лл. 124—176. Отрывок из Октоиха.

Пометы: На л. 1 — М. П. Погодина: «От Мурзакевича. 1846. Октябрь». На л. 1 об. — перечень праздников и святых (в том числе Петка и «св. Неделя»).

21. **Псалтирь следованная** (Погод. 336). Середина XVI в. 321 лл., 4° (20×15). Филигрань — типа Briquet № 521 (1549 г.). Полуустав. Правописание ресавское. Текст акцентован. Заголовки и инициалы киноварные. Лл. 17, 317 вклеены позднее. Переплет — доски в тисненой коже. Застежки не сохранились.

В святцах имеются памяти: Иоанну Рыльскому, Иллариону Мегленскому, Савве Сербскому, Симеону Мироточивому и Кириллу Философу.

На л. 189 — помета: «фальтирь рукопись». На л. 82 скорописью: «Симешна». Имеются также пробы пера.

22. **Патерик скитский (Лавсаик)** (Погод. 883). Середина XVI в. 229 лл., 1° (31×21). Филигрань: 1) типа Briquet № 14471 (1556 г.), 2) типа Briquet № 11912 (1515—1546 гг.), 3) типа Briquet № 3058. (1503 г.). Полуустав нескольких почерков. Часть рукописи написана в два столбца (лл. 1—75, 105—208). Правописание ресавское. Текст акцентован. Заголовки и инициалы выполнены киноварью и желтой краской (лл. 49, 53, 55 об.). Часть инициалов разрисована. На л. 1 — небольшая черпильно-киноварная заставка. На л. 55 об. на поле — рука.

Переплет — доски в тисненой коже (корешок реставрирован), на наклейке переплета — «Скитский Патерик». Застежки не сохранились. К сербскому Лавсаику приплетено (в конце лл. 209—229): «Слово Іванна митрополита Никеиского ѿбличительное на Армены. . .» (правописание русское).

На л. 63 об. — комментарий к тексту (тем же почерком): «Слыши прѣслушливы(и) мнїше и усти(д)и[с] се псьего послуханїа».

На лл. 209 об., 213 об., 214 об. — запись XIX в. о порядке чтения листов, т. к. листы вплетены неправильно («. . . ибо сей листъ среди зде ошпнкою переплечикъ (так!) вложиль»).

На внешнем поле л. 159 об. оттиснута маленькая печатка с инициалами И. Л.
23. **Триодь цветная** (Погод. 483). Вторая половина XVI в. 336 лл., 1° (30×21). Филигрань: 1) Якорь в кругу с контрамарками V, HS, HmS, PB; 2) типа Briquet № 12323, 12324 (1544—1554 гг.); 3) типа Briquet № 3417 (1540—1541 гг.); 4) типа Bri-

¹¹ Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV в. М.—Л., 1965.

quet № 8825, 8880 (1543—1575 гг.). 5) Голова быка с контрамаркой NS. Полуустав. Правописание ресавское. Текст акцентован.

Заголовки и инициалы киноварные. Часть инициалов разрисована. На л. 1 — грубая чернильно-киноварная заставка. Имеются маргинальные украшения (рыбки-указатели, цветочки).

Переплет — доски с остатками тисненой кожи. Часть верхней доски отколота. Застежки не сохранились.

Пометы: лл. 60 об., 61 — «Сиа книга Лазаревацъ. Слава Гвспѣду. Слава Гв[сно]ду Бвгу и светои матери Б[огороди]ци и свиема светиема. Аминь. Марта КЗ ѡѡЧИ (1798 г.). Рука грешна пѡпа Марка Туиквиѡа. Прѡба(м) перо и мастило какъ финъ и липо и краснѡ и прекрасно».

На подклейке верхней крышки переплета: «Судь благочастиваго цара Константина и Юстиниана. Аче кто посееть тужду ниву без упроса чия е да есть лихъ семе. . . (оборвано) и орана. ѡѡЛЗ (1737 г.)».

24. **Псалтирь следованная** (Погод. 87). Третья четверть XVI в. 310 лл., 4° (20×15). Филлиграния: 1) типа Briquet № 14474 (1567—1568 гг.); 2) Николаев¹², № 61 (1564 г.). Полуустав. Правописание ресавское (одноеровое). Текст акцентован.

Заголовки и инициалы киноварные. Многие инициалы разрисованы. На л. 2 — большая контурная чернильная плетеная заставка.

Переплет — доски в тисненой коже. На верхней доске оттиснуто название «Псалтирь» и два херувима. Имеются две застежки (петельки испорчены).

Л. 7. вставлен позднее. Текст на нем скорописный.

Углы лл. 55—61 подклеены вержированной бумагой с восполнением текста. Многие листы у корешка подклеены бумагой с фрагментами старопечатного текста.

На полях листов — поздние пробы пера (примитивная заставка, инициал, начальные фразы псалмов, отдельные слова и пр.)

На подклейке верхней крышки переплета — помета: «Да те се сие писао ва градъ Белиградъ».

На л. 309 об. — дата: «Лето 3611» (1693 г.).

25. **Номоканон и требник** (Погод. 250). Кон. XVI в. 216 лл., 8° (14,5×10,5). Филлиграния: 1) Якорь в кругу с контрамарками С(?)В и BV(?); 2) типа Briquet № 4458 (1587 г.).

Полуустав. Правописание ресавское. Текст акцентован.

Заголовки и инициалы киноварные.

Переплет — доски с остатками тисненой кожи. Имеются следы от застежек.

На л. 14 — запись 1723 г. о принадлежности книги Вуку Попову Поповиѡу из Рисна.

Пометы: л. 1 — М. П. Погодина: «Вѣна. От Вука. 1846. Сентябрь». Л. 14 об. — 1720, 1723 года о поставлении диаконом и пресвитером «рукою. . . митрополита кир(ъ) Стевана». Л. 5 — 1829—30 г.: «Писа(х) азъ грешни Симешн». Л. 214 — «. . . помилюи господи душу раба през[в]итера Симеона». По лл. 2—4 скрепа: «Сѡя книга глаголема Законикъ». На л. 15 об. — греческий текст славянскими буквами (молитва «Святый боже» и др.). На всех чистых листах (13, 14, 15, 185, 214, 215, 216) имеются пробы пера: отрывки из молитв, отдельные слова, цифровые расчеты, азбука и пр.

26. **Псалтирь следованная** (Погод. 346). Конец XVI в. 360 лл., 4° (18×13,5). Филлигрань — Николаев № 119, 128, 130 (1585—1591 гг.). Полуустав. Правописание ресавское (одноеровое). Редкие акценты. Заголовки (с вязью) и инициалы киноварные. От переплета остались лишь части двух досок. Начала и конца рукописи нет. Текст пишется с третьего псалма.

В святцах имеются памяти тем же святым, что и в рукописи Погод. 337 (см. № 33).

На подклейках крышек переплета — пробы пера.

27. **Требник** (Погод. 309) XVI—XVII в. 188 лл., 4° (18,5×13,5); Филлиграния: 1) Мошин — Пајић-Гроздановић¹³ I—A, (1629 г.), типа IX—A (1680 г.); 2) типа Briquet № 14738 (1542—1543 гг.); 3) Якорь в кругу; 4) Три полумесяца. Полуустав различных почерков. Извод сербский, болгарский и русский. Текст акцентован.

Заголовки и инициалы киноварные и чернильные. Часть инициалов разрисована. На лл. 3, 50, 64 об., 85, 89 об., 120, 148, 150 об., 157 об., 160 — красочные и чернильно-киноварные заставки. На л. 4 — чернильно-киноварный плетеный инициал. На л. 19 об. — примитивные изображения человеческого лица с рукой.

Переплет — доски в тисненой коже. Застежки не сохранились.

Рукопись составлена из частей с различными почерками и бумагой.

На л. 84 и 84 об. — записи (теми же чернилами, что и текст): «Простите мѣнѣ грешнаго гра(м)а[т]ика бан(?) пописа сие здѣ» и «Писа(х) попь Калчѡ». Здесь же другим почерком: «Сиа книга Рада Ишвова Вукшиѡа, А шнь е дарова Вуку Ишвову Вукшиѡу».

¹² В. Николаев. Водяные знаки на бумаге средневековых документов болгарских книгохранилищ, т. I. София, 1954.

¹³ В. Мошин и М. Пајић-Гроздановић. Водени знак «Круна са звездом и полумесецом» — «Библиотекар», XV, бр. 1. Београд, 1963.

На подклейке нижней крышки переплета запись (дважды): «Сиа молитвьвики (так!) повезе кѣр поп Ишника».

По лл. 8—14 — скорописная скрепа: «Сия с[вѣ]таия (так!) и божаственая книга мне с[вѣ]щеника попа Митра Вукшиѣа и купи е у Рада Вуксановиѣа зовомъ Требникъ сербски и дах му за ну грошь **ѣ. ѣѣПЕ** (1785 г.) м[е]сеца фебрара **ѣѣ**.

На лл. 2, 167 об. — скорописные хозяйственные записи: «Перво бихъ дужанъ Милошу талиеръ **ѣ** що е дах Мату Матиевиѣу и сувише динара **Р** и **П** и сувише що ме пада от . . . (?) Цанкина. А Милошь мене що ми е сномио (так!) клучъ що буде и за . . . Стоа Мачиѣа динара **Н**». «На **КД** вервара примихъ ѿ Милоша ѿбуѣе гроша **ѣ** и динара **ѣ**, а то са ѿвомъ (Јовом?) Марковиемъ заедно». «На **К** ферфара примихъ ѿ Ива Станкова талиеръ **ѣ**». «Перво дадохъ попу касно училили струменатъ талиера **Б** и талиеръ клака що самъ га до(б)иашъ клак пак Иву у Которъ талиеръ **ѣ** пак и зва ме. . .» «На **ѣѣ** марта да се зна како узехъ ис тале Божове **Б** бачве да ихъ направимъ на поли(?) и направи **ѣ** и ѿку (јоку?) Маркову да ми да талиеръ **ѣ**. Тому ѣурову направи **ѣ** да ми да динара **Р**. И бихъ дужанъ первого дуга динара **ѣГ** (?) и за Цанкина динара **ѣИ**. И са ѿвомъ (Јовом?) Марковиемъ гроша **ѣ** и динара **ѣ**».

На л. 188 об. — поминальные записи (город Ловеч, село Брацигово).

На подклейке верхней крышки переплета — пометы попа Спаса и Стояна («смерение мое Стопново куюмѣ. . .»), а также буквенная цифирь (до 10 000).

На лл. 72 и 72 об. — маленькая монастырская печать.

28. **Лествица Иоанна лествичника Синайского** (Погод. 1056). 1629 г. 246 лл., 1° (30×20,5); Филиграни: Якорь в кругу с буквой В и с контрамарками РАР, LE и Р, Корона с контрамаркой ИзС типа Мошин — Пајун-Гроздановиѣ I—A (1629—1668 гг.). Полуустав со следами ресавского правописания. Текст акцентирован.

Заголовки и инициалы киноварные. Часть инициалов разрисована. На л. 10 — заставка и инициал с золотом; здесь же — вязь (золотом без киноварного грунта). На л. 9 об. — оглавление в виде лестницы с рукой, крестом и короной наверху (зеленая краска, золото, киноварь). На л. 5—5 об. — то же оглавление в строку. На лл. 4 об., 8 об., 9, 223 — колофоны. На лл. 120 об., 220 — рука («указующий перст»).

Переплет — доски в тисненой коже. Застежки не сохранились.

Записи и пометы: л. 246 об. — выходная запись: «Въ лѣ(т)[о] **ѣРАѣ** (1629 г.)

рѣписа сѣа кнѣга гл[агол] ѣмаа Лѣствица при храму с[вѣ]та(го) чю(д)[о]творца Нѣколи въ монастири зовоме(м) Ораховица повелѣние(м)ъ и с[вѣ]тъ(м) игумена кѣ(р) Аѣѣнтиа съ все(м) бра(т)ств(м). А цѣною и настоиѣемъ даскала кѣ(р) Мисайла. Трудом же старца Спиридона. И за то велми съ велики(м) смерѣниемъ и оум[и]лѣние(м) ср(д)ца въсакому прочитаюмому въ кнѣзѣ сѣѣ, аще что обрѣщете укѣснѣто, словце(м), люббе ра(ди) Х[ри]ст[о]ви исправльте ѣ насъ смерѣнии(х) ѿ сѣмъ трудившихъ се и поставшихъ(х) бл[аго](с)[ло]житѣ. Аще и мало и худо дѣло е(с)[ть] нѣ ѿ(т)любвѣ и оусрѣдѣа творимо бысть. Помѣнае въдовицу онѣ иже двѣма цѣтамъ куиѣ ц[а]р[с]твѣе б[о]жѣе ѿ(т) видѣцаго ч[е]л[о]в[е]чѣска ср(д)ца».

Л. 223 — киноварью: «Конць кнѣгы сѣѣ гл[агол] ѣмѣ Лѣствица. Въ лѣто **ѣРАѣ** (1629 г.)», и тайнописью: «ррмдднддгаонъ» (Спиридонъ).

В конце (лл. 223 об.—224) дописано несколько слов Касиана Римлянина.

Л. 1 — М. П. Погодина: «От Архим[андрита] Хоповскаго. 1846. Октябрь. Карловиць». Здесь же дважды: «Сия с[вѣ]та и бже(с)тавна книга мона(с)тира Хопова храма с[вѣ]таго арьера (так!) и чудотворца Х[ри]стова Николае тоижде». Тем же черком: «Ва подкриели».

Л. 10 — «Сиа кнѣга мона(с)тира Хѿ(п)[о]ва хра(м) с[вѣ]таго] Нико(л)и и с[вѣ]таго] м[у]ч[еника] Х[ри]стова Ѧѿ(д)[о]ра Тѣрона. **ѣѣѣ** (1708 г.) ма(р)[та] **Б**».

Подклейка нижней крышки переплета: «Прочита(л) сиѣ книгу Алѣѣиѣ. Лето Г[о]с[под]не **ѣѣКѣ** (1728 г.). **Б** кѣль сладка словеса ѿбрѣтаѣщи се на книзе сеи. Паче меда и саата».

Л. 7 — «Здѣ прочитахъ слово с теготомъ».

Л. 246 — «И паки приѿбрѣто(го?) мно(го)ѿкаанѣиши Ансяѣѣ ѣер[о]мона(х) ѿ(т) дому с[вѣ]таго Ѧѿ(д)[о]ра Ѧирона въ хра(м)ъ с[вѣ]та(го) Николи и с[вѣ]таго Ѧѿ(д)[о]ра Ѧирона. Тог(д)а би(с)[ть] худи скитаць въ ле(т)ѿ **ѣРѣ** (1685 г.) въ велико поколенно(ш) сачки(?)».

Л. 1 — «Сава Марариевиѣ».

Подклейка верхней крышки переплета: «Елисаветъ Б[о]жи покои, За(х)[а]риа паметь Б[о]жиа».

Имеются пробы пера («Искушаемъ перце», л. 246 об. и др.).

На л. 1 — оттиск с печати.

На подклейке нижней крышки переплета — кусок засохшего красного воска (без следов печати).

29. «Грешных спасение» (Перевод книги монаха Агапия «Ἀμαρτωλῶν Σωτηρία». (Погод. 1105). 1686 г. 324 лл., 1° (30 × 21,5). Филигрань типа Гроздановић-Пајић¹⁴ X (1684 г.), VI (середина XVII в.). Полуустав. Текст акцентован.

Заголовки и инициалы киноварные и чернильные. На лл. 5, 116, 230 — заставки (на л. 230 — контурная).

Переплет — доски в тисненой коже; две застежки (одна без наконечника).

На л. 4 об. — выходная запись: «Сей д[у]шесп[а]с[и]телнои книзѣ прѣвее бы(с)[т]ь творацъ и съписатель Агапие Философъ, Критенинъ родомъ. И сыйса е по своем(у) езѣку грѣчаскому. А ѡ(т) грѣчаскаго езѣка прѣведе ю на словенскы(и) езѣкъ Самоиѣль Даскаль Русинъ родомъ. Аз же манъши ѡ(т) вьсѣ(х) йнокѣ Васиѣле йменемъ, Дробнѣкъ родомъ ѡ(т) села Загуля и съ брато(м) мои(м) по плѣти Стѣфанѡ(м) вьж(д)елѣхѡ(м) прѣвести на свой езѣкъ понже слышахѡ(м) ѡ(т) некоего брата да «(с)[т]ь велми полъзна и д[у]шесп[а]с[и]телнаа. И того ради не пошедехо(м) ѡ(т) еже ймахѡ(м) малаго нашего имѣнѣа да прѣведемъ сѣю книгу на нашъ езѣкъ да будеть мнѡгѡ(м) ч[е]л[о]вѣкѡ(м) на полъзу и сп[а]с[е]нѣа тьчѣю аще хощуть послушати йже въ ныи написана суть. Паки же мѣ даровахо(м) сѣю книгу с[в]е[т]лому архистратѣгу Михайлу и прѣчи(м) бесплѣ(т)ны(м) да би ходатайствовали къ Б[о]г[у] о сп[а]с[е]нѣи д[у]шъ наши(х) и напѣ(х) родѣтель и прѣчи(х) сьродникѣ а въ монастирь г[л]аголѣми Тушимьля йже «(с)[т]ь въ ѡ(т)чѣстви наше(м). И да не ймать никтѡ покусити се да ѡ(т)ймитъ ѡ(т) цркве с[в]е[т]ы(х) бесплѣтны(х) силъ, да не прѣимитъ вьмѣсто бл[а]г[о]с[л]овѣнѣа клѣтву. И аще братъ ѡ(т)имитъ ѡ(т) кой да буд(д)у[т]ь ему субарници вси н[е]б[е]с[н]ыи агг[е]ли тьчѣю аще изволитъ настоятель подати кому за прочитанѣе йли да прѣпшеть тѣ нѣ(с)[т]ь грѣ(х) нѣ и мѣзда ѡ(т) Б[о]г[а] д[у]шевнѣе ради полъзи и пакѣ да вьзимають ю въ монастирь.

Прѣведе се сѣа книга ѡ(т) езѣка грѣчскаго на словенскѣ въ лѣто 3944 (1686 г.) г[л]аголѣеть се по езѣку грѣчскому Амарьтолѣнъ Сотѣриа, а по нашему езѣку Грѣшнѣ(х) сп[а]с[е]нѣе, сѣрѣчь аще послушае(т) грѣшнѣ йже въ ныи писана суть сп[а]с[е]т се». Здесь же другими чернилами: «И самъ грешныхъ Василие рекаѡ то слово послати сѣю книгу оу мои монастирь паке ми бистъ нужда и дадо е попу Гигорию (так!) Б[о]г[у] вестъ не ради имени на лубве ради понже иска е. Ѡдари ме болшимъ даромъ вни Г[ос]под[у] Б[о]г[у] удариш его ва данъ внѣ раемъ. Аминъ».

На л. 228 после заглавия следует: «Малаа нѣкаа написана йже съдѣаше се въ мѣрь въ разлѣчны(х) страна(х) землѣ и съвѣкоупи и(х) въ едино Агапѣе Философѣ родомъ Кипрѣнинъ (так!) Пото(м) же прѣведена бѣше ѡ(т) езѣка грѣчскаго на словенскѣ Самоуѣлѡ(м) Даскалѡ(м), пришѣ(д)шу ему ѡ(т) Роускыи землѣ адѣ въ С[в]е[т]оу Горѣ».

В конце рукописи добавлено несколько чудес Богородицы, которых нет в книге «Спасение грешных» (лл. 316—324 об.).

На л. 1 — помета М. П. Погодина: «От Вас. Конст. Мясникова. Декабрь. 24. 1847. 808 соб. (?)».

На полях написаны переводы непонятных слов (в тексте: ѡ(т) духоты, на поле: ѡ(т) врућине, л. 215; в тексте: и адамьнтское срь(д)це, на поле: и твьрѣое, л. 217, и т. п.).

30. Святцы (Погод. 323), XVII в., 399 лл., 8° (13,5 × 9). Филигрань: Мошин и Пајић-Гроздановић IV—A (1629—1668 гг.). Беглый полуустав (почерк тот же, что и в рукописях Погод. 128 и Погод. 629). Текст не акцентован.

Заголовки и инициалы киноварные. На л. 321 — небольшая чернильно-киноварная заставка. На л. 30 об. и 41 об. — изображение явления пророку Захарии архангела Гавриила и Рождества Богородицы (оба сделаны пером).

Переплет — доски в тисненой коже, сшитой из двух частей. В нижней доске вырезано прямоугольное углубление. Застежки не сохранились.

Без начала и конца. В середине рукописи отсутствует текст с 19 октября по 9 ноября.

Имеются памяти Симеону Мироточивому, Кириллу Философу, Петке, Исидору Ростовскому и Антонию Печерскому.

Пометы: Л. 281 — «Пи(с)[а] Петаръ Никовъ Ника Марова сынъ оцу Нику по(м): и лу·а· и м[а]т[е]ри Анѣеди лу·а· и стрѣцу Марку лу·а· и брату Шенцу лу·а· и Лукки лу·а· и Нику лу· Мару Маркову лу·а·».

Л. 18 об. — «Богда(н) Поповъ Берберовъ». «Берберовић». Эта же фамилия написана на л. 85.

Л. 170 об. (неразборчиво): «... само дви рѣчи моме родителу. ...»

Имеются также пробы пера и другие пометы (на л. 190 — на итальянском языке: «а Morigno»).

31. Псалтирь следованная (Погод. 348), XVII в., 504 лл., 4° (17 × 12,5). Филигрань: 1) Круг с крестом и буквами AVG (?) внутри, 2) Корона с контрамаркой BC (?).

Мелкий полуустав нескольких почерков со следами ресавского правописания. Текст акцентован.

¹⁴ М. Гроздановић-Пајић. Водени знак «Три полумесеца» — «Библиотекар», XX, бр. 5. Београд, 1968.

Заголовки (с вязью) и инициалы киноварные. Часть инициалов разрисована. На лл. 1, 28 — красочные заставки с золотом. На лл. 1, 32, 36 об., 42 об., 47 об. — контурные плетеные инициалы (на л. 1 — с золотом). На л. 148 — чернильный орнамент на поле. На л. 80 об., 341 об. — изображения руки («указующий перст»).

Переплет — доски в тисненой коже с двумя застежками (одна с отломанным наконечником). По обрезу — тиснение. Имеется пятачная закладка, оканчивающаяся расшитым в виде цветка помпоном.

В святцах имеются памяти: князю Лазарю и святым, указанным в Погод. 337 и Погод. 346 (см. 26 и 33).

Пометы: л. IV — «**ИЦДИ** (1714 г.) — гна лета фа **Б** ноци **Б** час(ь) погрме **Г**ради века¹ (зачеркнуто) по ветру полуночьномь и тохъ лето и сего месеца подигоше немьци срьбь(к)е вое по граници Вуковар(с)ького капитана Ишана Попо(ви)на на Берькасово у Сремьски пре(д)ель и мног(ь) трудь и немирь би(с)ть народу и даше ему е сать воихъ».

Л. II — «Да се зна колико имаѣ комада книга 15 комада има и у цркви велики путирь и диско(с) и кашика сребр(н)а».

Пометы также на л. I об. и III (1726 г.). Имеются пробы пера.

32. **Минья общая** (Погод. 370). XVII в., 72 лл., 4° (19,5×15). Филигрань — Цветок (?) с контрамаркой БV. Мелкий полуустав со следами ресавского правописания. Текст акцентован. Заголовки и инициалы киноварные. Переплет картонный в тисненой коже. Без застежек.

Текст без начала. В конце — псалом «Хвалите имя Господне».

На л. 72 — скорописные пометы: «Да се зна како писа ѿ Вуко Лазароѣ (так!) моему ѿду да ми пошле що мне от преш и поздрвлам (так!) мою матер. . . » «Да се зна како писа ѿ Вуко Лазар[о]виѣ моему ѿду да ми пошле книгу попа Мезалина Марка».

Имеются также пробы пера.

33. **Псалтирь следованная** (Погод. 337). Начало XVII в., 458 лл., 4° (18×14). Филиграния: 1) Якорь в кругу с контрамаркой А, 2) Корона, 3) Три полумесяца с контрамаркой LF, 4) неясная филигрань с контрамаркой SC, 5) Корона со звездой.

Мелкий полуустав нескольких почерков со следами ресавского правописания. Текст акцентован.

Заголовки и инициалы выполнены киноварью в чередовании с голубой краской. На л. 3 — большая заставка и разрисованный инициал. На л. 439 — узкая заставка.

Переплет — доски в тисненой коже. Застежки не сохранились.

В святцах имеются памяти: Петке, Иоанну Рыльскому, Иллариону Мегленскому, архиепископу Арсению, Стефану Дечанскому, Савве Сербскому, Симеону Мироточивому, Кириллу Философу, Иоакиму Осоговскому.

На л. 382 — скорописные записи: 1) «Сіе пи(с)[а] аазъ (так!) Маѣѣмь митро(и)оли(т) Русу въ лѣто **ЗРМБ** (1637 г.) м[е](с)[е]ца ма(р)[та] а купи(х) сѣ ѡлтирѣ за хилладу и шесать. Лѣто **ЗРМЯ** (1633 г.) (часть буквы М стерта, поэтому можно прочесть **ЗРЛЯ** — 1623 г.) м[е](с)[е]ца о(к)[гобра] **К**. 2) «По(с)лѣжде (ж)[е] доиде мнѣ маншемъ Саватиѣ митрополиту Захльмском(у) и поль Херце(го)вскому, по(с)лѣжде же и Далматскому (так!). Въ лѣто **ЗГГ** (1695 г.)». Здесь же печать митрополита Саватия.

На лл. 324 об., 383, 465 об. — печать Рашского митрополита Максима. На л. 364 об. — печать Печского патриарха.

Пометы: л. II об. — М. П. Погодина: «1846. Сентябрь, чрезъ Вука Ст.».

Л. I — скорописью (обрывок): «[Г]рад Каше(л) . . . ро бли(з) Мѣ. . . ѣе (читается плохо, т. к. бумага испорчена жучком).

Л. 110 — скорописью: «Да зна(и) како е(с)[ть] чате ѡлтир. . . », далее указано в какой день недели и когда какую кафизму читать; в конце: «Тако знаи ч[е]л[ове]ч[е]».

Внутри нижней доски переплета: «Възложи(и) логѣ(н) и налогѣ(н) ѡвл[е]нїе и истину».

По лл. 3—10 — скрепа XIX в.: «Сїя с[в]я[т]ая книга ѡлтир со вослѣдованїе(м) С[в]я[т]оуспенскаго монастыря Савинѣ во церковь с[в]я[т]аго Стефана подомѣ (так!) дарована поцу Ѧому Василѣвиѣу. Наубленаѣуос».

На л. 258 — пасхалия на годы 1644—1669.

На последних двух листах — выписки из Маргарита, библейских книг, Пролога.

34. **Номоканон** (Погод. 243). Перв. пол. XVII в., 142 лл., 8° (14,5×10). Филигрань — Корона с контрамаркой АЗ типа Мошин и Паѣуѣ-Гроздановиѣ I—A (1622 г.).

Полуустав и скоропись нескольких почерков. Правописание одноеровое, со следами ресавского. Текст акцентован.

Заголовки и инициалы киноварные. На л. 15 об. — киноварно-чернильная заставка. На нижнем поле листов 19 об., 29 об., 49 — рука («указующий перст»). Иногда небольшие украшения — лл. 57, 63 об., 77 об.

Переплет склеен из листов бумаги, обтянутой тисненой кожей. Без застежек.

Рукопись без начала и конца.

На л. 1 — помета М. П. Погодина: «1846, сент. Вѣна, отъ Вука». На лл. 78—79 — греческий текст славянскими буквами («Достойно есть яко во истину»). На л. 78 об. — проба пера.

35. **Евангелие тетр (отрывки)** (Погод. 128). Вторая половина XVII в. 29 лл., 4° (21×15). Сербский текст является восполнением отсутствующих частей в болгарской рукописи конца XIV в. (л. 76, подклейки листов 137—150, лл. 151—163). **Филигрань** — Три полумесяца с контрамаркой ВВО.

Беглый полуустав (почерк тот же, что и в рукописях Погод. 323 и Погод. 629). Текст не акцентован.

Заголовки и инициалы киноварные. Приклеенные изображения Евангелистов — грубоватого рисунка (ср. Погод. 629).

Переплет — доски в тисненой коже. Застежки не сохранились.

На л. 163 об. — запись: «Сиа книга попа Ника Вуинѡвиѡа». Здесь же — кириллическая азбука.

На л. 3 об., 4 — пробы пера.

36. **Часослов** (Погод. 363). Вторая половина XVII в., 162 лл., 8° (14,5×10). **Филигрань**: 1) типа Мошин и Пајућ-Гроздановић IV—A (1635—1693 гг.); 2) Три полумесяца с буквой З под ними и контрамаркой HV (?).

Полуустав. Правописание смешанное сербско-болгарское с юсами. Текст акцентован.

Заголовки и инициалы киноварные. Часть инициалов разрисована. На лл. 2, 107 — заставки (на л. 107 — красочная).

Переплет — доски в тисненой коже. Нижняя крышка переплета отсутствует. Застежки утрачены.

На л. 1 об. — запись полууставом на русском языке о поминовении тех, «кто сиб кнйгу писалъ и чита(л), и даровалъ, и кушовалъ, и продавалъ. . . » Здесь же скорописью на польском языке: «Ta księzka jest cerkewna».

На лл. 56 об. и 57 — пометы: «Proba Piąta u kalami» и «Xто хоче нехай знае».

На л. 1 — помета на румынском языке.

37. **Минья служебная за октябрь** (Погод. 629). Вторая половина XVII в. 221 лл., 8° (15×10,5). **Филигрань**: 1) типа Мошин и Пајућ-Гроздановић VI—A (1666 г.); 2) Три полумесяца с контрамаркой GC (?).

Беглый полуустав (почерк тот же, что и в рукописях Погод. 128 и Погод. 323). Текст не акцентован.

Заголовки и инициалы киноварные. Рукопись лицевая. На лл. 4 об., 15 об., 32 об., 53 об., 58 об., 133 об., 142 об., 170 об., 173 об., 181 об. — красочные изображения святых: Дионисия Ареопагита (с отрубленной головой в руках), Сергия и Вакха, апостола Иакова Алфеева, св. Петки, Логгина Сотника (в динамичной позе: выхватывает меч), Иакова — «брата Божия», муч. Арефы, Нестора (поражает копьём «самоборителя»), архиепископа Арсения и еще раз св. Петки (в другом одеянии и в венце). На лл. 82, 86 — небольшие черпильно-киноварные заставки-плетенки.

Переплет — доски в коже с тиснением. Застежки не сохранились.

Рукопись без начала. В конце приклеен лист из полярской Минси (тот же почерк).

Имеются памяти и жития: Петки, Иллариона Мегленского, Авраамия Ростовского, архиепископа Арсения, короля Милутина. Отдельно, в конце рукописи, написано: «Житіе сръбскаго краля Милоутина и с[и]на его краля Стефана иже въ Дечанехъ» (лл. 198 об.—216) — сокращенная редакция «Жития Стефана Дечанского» Григория Цамблака.

Пометы: Л. 1 — М. П. Погодина: «Отъ Вука. 1846. Октябрь. Вѣна».

Л. 218 об. — скорописью: «Ѥе се ѡва книга щи е да се Московъ царемъ би е хри-стани се».

Л. 219 — скорописью: «Писъхъ ѡакъ Симешъ рукою своею. Б[о]гъ да проститъ. Аминъ».

Л. 221 — его же рукой: «Пом(е)ни ме г[оспо]ди д[у]ше рабъ твоихъ Симешъ кои писа рукою своєю. Здесь же: «Помени г[оспо]ди Д[а]вида и Васу кротосъ. . . » Далее лист оборван.

Л. 218 — пометы 1820, 1823 гг.

Имеются также многочисленные пробы пера (отдельные буквы, слова, алфавит и фразы).

38. **Чинovníк архиерейский** (Погод. 302) XVII—XVIII в.; 110 лл.; 4° (20×15). **Филигрань** просматриваются плохо.

Полуустав. Текст акцентован. Заголовки и инициалы киноварные, некоторые инициалы разрисованы. На л. 3 — красочная заставка и инициал, изображение Богородицы с Христом, Луны и Солнца. На л. 11 — красочная заставка с рисунком Луны и Солнца. На л. 86 — красочная заставка и изображение Христа, погруженного по пояс в чашу. На л. 98 об. — красочный орнамент с изображениями символов Евангелистов. На лл. 99—108 — месяцеслов, на полях которого нарисованы руки, Луна и Солнце. Небольшие заставки имеются также на лл. 23 об., 60, 64 об., 67 об., 71 об., 83.

Переплет картонный в коже «в сумку» с золотым тиснением.

Обрез золочепый с тиснением.

На л. 110 об. — киноварная помета: «В[о]жѣѣб мѣлостіѣ митрѣ(п)[о]лѣтѣ кѣ(р)ю кѣ(р) ѿнї». Здесь же скорописью: «Сїна херѣтѣлїна прѣвс[в]ѣщѣнїеиша(го) митрѣ(п)[о]лѣтѣ б[о]гѣспа(с)анїе ієпа(р)хїе Белѣцрѣв(с)кѣе и Нїшкїе Кѣ(р)їе кѣ(р) Іѣанїїкїа. Тѣ(г)да прѣстѣлѣ(м) Ср(б)скї(м) правѣщу. . . патрїарху кѣрїю кѣрїю кѣ(р) Мѣ(ѣ)сею. Пїса(х) же сїе ле(т)ѣ ро(ж)[д]ства Х[ри]с[т]о[ва] ѿѿсѣ (1705 г.) м[е]с[я]ца нулїна КЗ и ва тѣ врѣме бѣше воїска на латїне тур(с)ка». На лл. 1 об., 110 — скорописью многолетия (на л. 110: «Арсенїю вѣсе(х) блажен(н)їеише(му) и славеснеїше(му) оцу и г[о]с[п]о[ди]ну архенї(с)копу (так!) с[в]ѣтїеише архїєпї(с)копїе Пе(к)скїе, патрїарху же вѣсе(м) србле(м) и блгаро(м), Поморїи, Далматїи, Травунїи, Врѣтан(с)кїмѣ встроѣ(м) и ѿб по(л) Дунаѣѣ и севернї(м) страна(м) и вѣсего Іллірїка многа лета».

На л. 2 — выписка, озаглавленная: «Преподобнаго Нїла».

Имеются также пробы пера.

39. Сборник (Погод. 1304). XVIII в. 80 лл.; 8° (15,5×10); Филигрань — корона (?). Скоропись. Спорадически встречается юс малый (по русскому правописанию: до(с)тоянїе, л. 5 об.; исполнїше, л. 6; Боса(н)скаѣ зе(м)лѣ, л. 7 и др.). Редкие акценты.

Заголовки и инициалы киноварные и чернильные (на л. 1 — инициал выполнен зеленой краской). На лл. 5 об., 25 об. — чернильные заставки (на л. 1 — киноварная). На лл. 5, 46 об. — чернильные концовки.

Рукопись реставрирована в XIX в. Переплет Публичной библиотеки, картонный с сафьяновым корешком с золотым тиснением.

Текст без начала и конца (первоначальная буквенная нумерация листов начинается от числа 41).

Состав: Лл. 1—5. Толкование на Ветхий и Новый Завет.

Лл. 5 об.—25. «О начелѣ древнаго словенскаго народа». Включает в себя историю «о словене(х)», о Валахии и «ро(д)ословіе Срб(с)коє» (начинается от деспота Стефана Лазаревича — заканчивается смертью Стефана Бранковича и созданием Максимом (Джорджем) Бранковичем монастыря Крушедола).

Лл. 25 об.—30 об. «Свѣдїтелства ѿ(т) с[в]ѣтїх пїсани».

Лл. 30 об.—46 об. Выписки из правил вселенских соборов.

Лл. 47—80. Богословские выписки (о исхождении пресвятого духа; о душах святых, о рае и о небеси; о исповедании веры и т. п.).

Лл. 80—80 об. Толкование греческих слов.

На л. 1 — помета М. П. Погодина: «Отъ В. С. К. 1846. Сентябрь».

На л. 5 — помета Вука Караджича: «До здѣ препїса и преступї далѣ у листу 132 на оборо:». На л. 61 об. этими же чернилами поставлена цифра 132.

40. Часовлов (Погод. 353). Середина XVIII в. 79 лл. 8° (16×11). Филигрань — Николаев № 467 (1750 г.).

Небрежный полуустав. Правописание смешанное сербско-русское («начело полунощїца», «ѿбрещѣтъ бѣдѣца» — л. 25). Текст акцентован.

Заголовки и инициалы киноварные. Часть инициалов разрисована. Имеются чернильные и чернильно-киноварные заставки и концовки. Переплет — тонкие доски в тисненой коже, с одной застежкой (наконечник оторван).

На л. 79 — помета: «Да се знае кога са потрѣсе землѣѣ въ градъ Станболѣ. Много чудесе стана и млого страхъ стана и много чловеци от страхъ омрѣха и много ѿамїи попадоше и к . . . его падна и много кѣци са развалиха и землѣѣ са распукна. Вруци лето». Здесь же — пробы пера, цифры и дата: 1766.

На лл. 78, 78 об., 79 об. — чернильные оттиски с печатей с именами «Иѣан-Драган», «Иѣан» и др.

Имеются также пробы пера: примитивные рисунки благословляющей руки, отдельные слова, буквы, цифры с арифметическими действиями.

На л. 77 об. — примитивное (детское?) изображение судна.

Указатель шифров рукописей

Погод. 37 189 стр.	Погод. 309 194 стр.	Погод. 541 192 стр.
Погод. 61 189 стр.	Погод. 311 193 стр.	Погод. 629 198 стр.
Погод. 72 189 стр.	Погод. 323 196 стр.	Погод. 873 190 стр.
Погод. 87 194 стр.	Погод. 336 193 стр.	Погод. 883 193 стр.
Погод. 107 191 стр.	Погод. 337 197 стр.	Погод. 979 190 стр.
Погод. 128 198 стр.	Погод. 346 194 стр.	Погод. 992 193 стр.
Погод. 148 191 стр.	Погод. 348 196 стр.	Погод. 1029 190 стр.
Погод. 151 192 стр.	Погод. 353 199 стр.	Погод. 1044 190 стр.
Погод. 211 191 стр.	Погод. 363 198 стр.	Погод. 1056 195 стр.
Погод. 243 197 стр.	Погод. 370 197 стр.	Погод. 1105 196 стр.
Погод. 250 194 стр.	Погод. 463 191 стр.	Погод. 1304 199 стр.
Погод. 257 192 стр.	Погод. 463а 189 стр.	Погод. 1394 191 стр.
Погод. 272 192 стр.	Погод. 483 193 стр.	Погод. 1702 193 стр.
Погод. 302 198 стр.		

В. А. Мошин

ЮЖНОСЛАВЯНСКИЕ РУКОПИСИ В АРХИВЕ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ СССР АКАДЕМИИ НАУК СССР

В Ленинградском отделении Института истории СССР АН СССР имеется научный архив, разделяющийся на две секции — западноевропейскую и русскую. Согласно Путеводителю по Архиву, в западноевропейской секции, наряду с другими материалами, находятся 12 южнославянских рукописных книг (на сербском, болгарском и македонском языках). Среди этих рукописей имеются сербские и болгарские служебные минеи XIV—XV вв., сербский сборник евангельских и апостольских чтений XIV в., сербский хронограф и требник XV в., богословские сочинения XIII в. (сербские и македонские). Русские фонды и коллекции также содержат рукописные книги, среди которых упомянуты и 2 южнославянские: Изъяснение иконописного художества (болгарская рукопись XIX в.) и Пандекты Никона Черногорца XIV в. за подписью Тырновского патриарха Феодосия II. Большинство этих рукописей находилось в частной коллекции известного археографа Н. П. Лихачева, а меньшая часть была достоянием Русского Археологического института в Константинополе, куда их в 1898 г. привезла из Македонии научная экспедиция этого института. За время моего пребывания в Ленинграде в сентябре 1972 г. мне удалось ознакомиться с южнославянскими рукописями, определить их содержание, скопировать водяные знаки памятников, писанных на бумаге и установить более точную их датировку¹. В кратком их описании сигнатура РС перед номером рукописи означает собрание русской секции архива, сигнатура ЗЕС — западноевропейскую секцию.

1. Апостол—евангелие, апракос краткий второй половины XIII в. (ЗЕС 680). 283 листа пергамента (22×17). Письмо в один столбец по 23 строки — грубый, небрежный устав указанного периода. Сербская рецензия рашской школы, употребляется только ъ, буква і перед гласными не употребляется, знаки ударения отсутствуют. В конце слов в значении *и* употребляется перевернутое *e*, характерное для последней четверти XIII в. На л. 212 об. большая заставка в форме вертикально вытянутого трапезоида — рамки с растительными украшениями по углам и с текстом внутри. Инициалы красные, скромного типа, с шариками на стволе мачты и с завитками внизу. Переплет — грубые доски в коже без орнамента. Начало текста выполнено вязью. На л. 199 находим последование часов великого поста. В месяцеслове отсутствуют памяти сербским святым.

2. Отрывок паремийника последней трети XIII в. (ЗЕС 687—5). Рукопись сербская. I лист пергамента (20×16,5). Письмо — 35 строк — устав с формами XIII в. Сербская рецензия рашской школы с одним редуцированным ъ, с буквами *и* и *ю*; буква *і* перед гласными не употребляется; знаки ударения отсутствуют. Инициалы старшего македонского типа: П с жгутом в контуре вертикальных столбиков, В с красной краской внутри черного контура, но уже с маленьким орнаментальным треугольником внизу мачты — украшение, которое становится типичным к концу XIII в. Текст содержит начало паремийника.

3. Отрывок служебной минеи за декабрь последней трети XIII в. (ЗЕС 687—6). Рукопись сербская. Пергамен (30,5×22,3). Один лист, служивший оберткой какой-то книги. Лицевая сторона совершенно стерта. На обороте письмо в два столбца по 29 строк — устав с формами второй половины или последней трети XIII в. Сербская рецензия рашской школы. Текст содержит начало службы в неделю перед Рождеством Христовым. Сохранилась прямоугольная заставка геометрическо-растительного стиля с черно-белой косой решеткой внутри.

4. Отрывок Октоиха начала XIV в. (ЗЕС 687—4). Рукопись сербская, 2 листа пергамента (22,7×16). Письмо по 28 строк — устав XIII—XIV вв. Сербская рецензия

¹ Эту работу удалось осуществить благодаря исключительно любезному и предупредительному отношению дирекции Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР.

рашской школы, без знаков ударения, без запятых. Текст содержит отрывок службы в среду седьмого гласа.

5. **Отрывок из богослужебной книги со стихирами в честь Богородицы начала XIV в.** (ЗЕС 687—6а). Пергамен. Один лист, служивший оберткой какой-то книги. Одна сторона черно-зеленоватого цвета с совершенно стертым текстом. На другой стороне сохранилось 20 строк почти неразборчивого текста.

6. **Отрывок Постной трюды первой трети XIV в.** (ЗЕС 687—3). Рукопись македонская. Один лист пергамена (30, 3×21). Письмо в два столбца по 38 строк — мелкий устав с формами конца XIII — начала XIV в. Македонская рецензия с одним редуцированным ь, с беспорядочной меной юсов. Инициалы типичного македонского примитивного орнамента в красно-белом колорите. Текст содержит конец службы утрени в субботу второй недели Великого поста.

7. **Отрывок Остоиха середины XIV в.** (ЗЕС 687—7). Рукопись сербская. Пергамен (28,5×23,2). Один двойной лист рукописи, служивший обложкой какой-то книги. Первоначальная величина листа была больше, так как на сохранившемся отрывке отрезано нижнее поле под текстом. На лицевой стороне сохранились только две строчки (на подвернутом куске). На внутренней стороне сохранившийся текст написан в два столбца по 32 строки. Письмо — устав с формами середины XIV в. Сербская рецензия рашской школы. Текст содержит отрывок канона службы в пятницу третьего гласа.

8. **Евангелие тетр второй четверти XV в.** (ЗЕС 682). Книга плохой сохранности, конец книги утрачен, последние листы пострадали от сырости. Рукопись сербская. 283 листа пергамена, чередующегося с бумагой (22×13). Пагинация в книге отсутствует. Водяные знаки: 1) типа Briquet² № 3659—1426 г., но сетка середины XV в. 2) Briquet № 3666 — 1448 г. (табл. IV)³. Письмо — устав с формами данного периода. Среди надстрочных знаков наряду с кендемой появляются и знаки ударения; знаки препинания — точка и запятая. Заставки (зеленого колорита) сохранились перед чтениями от Матфея (плетеные круги), от Луки (неовизантийская квадратная) и от Иоанна (круги). От переплета сохранилась только кожа без досок. Текст обрывается на Ио. XXI, 13. В месяцеслове упомянуты сербские святые: Савва (14 января) и Симеон новый (13 февраля).

9. **Пандекты Никона Черногорца середины XIV в.** (PC 502) содержат слова 1—29, из них 1,2 слова сохранились не полностью⁴. На обороте л. 225 монограмматическая запись Тырновского патриарха Феодосия II⁵. Рукопись среднеболгарская. 225 листов бумаги (33,5×26). Водяной знак типа MT⁶ № 246—1348 г. и Лихачев⁷ № 304—311 — 1345 г. (табл. I). Письмо двух почерков: первый — устав, второй — полуустав с элементами третьей четверти XIV в. Правписание со знаками ударений, с запятыми⁸.

Ранее рукопись принадлежала Н. П. Лихачеву. Сравнивая монограмму-запись: *Θεωδοσιε млгѣж бѣжѣ патриархъ вѣсѣ бльга[ром]*⁹ с вкладной записью на евангелии 1348 г.¹⁰, положенным патриархом Феодосием в Зографский монастырь, Лихачев справедливо датирует настоящую рукопись временем начала правления этого патриарха, т. е. 1348—1349 гг.¹¹ Переплет новый, на корешке переплета ошибочно вытиснено «злата» цепь», тоже название повторено перед текстом «книга глаголама злата» чашь».

10. **Октоих I—IV гласа третьей четверти XIV в.** (ЗЕС 676). Рукопись сербская. 246 листов пергамена и один лист бумаги (27, 3×19). Письмо по 27 строк — прекрасный устав с формами середины XIV в. (л. 247 написан полууставом); без переплета. Рукопись со знаками ударений. Заставка геометрическо-растительного стиля в форме

² C. M. Briquet. Les filigranes. Dictionnaire historique des marques du papier dès leur apparition vers 1282. jusqu'en 1600. 4 v. Genève. 1907.

³ См. таблицы I—VII, в которых приводятся некоторые водяные знаки под номерами, соответствующими порядку расположения рукописей в данной статье.

⁴ Научный сотрудник Отдела рукописей ГБЛ Н. Б. Тихомиров установил, что вторая часть книги, содержащая слова 33—63, ныне хранится в ГБЛ, собрание Е. Е. Егорова (фонд 98), № 1 (прим. ред.)

⁵ Н. П. Лихачев. Рукопись, принадлежавшая патриарху Феодосию Тырновскому (с четырьмя снимками) — «Известия ОРЯС», т. X, 1905, кн. 4, стр. 312—319.

⁶ Здесь и далее MT — V. Mošin i S. Traljić. Vodeni szankovi XIII. i XIV. vijeka (I—II), Zagreb, 1957.

⁷ Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. ч. 1—3, СПб., 1899 г.

⁸ Палеографическое описание второго почерка см. П. А. Лазров. Палеографическое обозрение кирилловского письма. Пг., 1915, стр. 158—159; он же. Альбом снимков с югославянских рукописей болгарского и сербского письма. Пг., 1916, № 36; В. А. Мошин. Палеографски албум на јужнословјанското кирилско писмо. Скопје, 1966, № 112.

⁹ Конец записи оторван.

¹⁰ Собрание ГИМ, Барс. № 115.

¹¹ Н. П. Лихачев. Рукопись, принадлежавшая патриарху Феодосию Тырновскому, стр. 319.

буквы П с тремя крестами сверху. В книге сохранилась записка: «куплена у г. Балачева 20. III. 1901 г. за 25 лдр. Θ. Успенский».

11. **Минея праздничная («торжественник») третьей четверти XIV в.** (ЗЕС 681). Рукопись сербская. 315 листов бумаги (29×18,5). Водяной знак Briquet № 7407 — 1361 г.; МТ № 132 — 1360—1370 гг. (табл. 1). Письмо по 24 строки — устав с формами середины XIV в. Сербская рецензия рашской школы, со знаками ударения, с запятыми. На 1 л. заставка «балканского стиля» из плетеных кругов. Текст начинается службой 1 сентября, прерывается в конце декабря. Текст на первом и последних листах испорчен. Рукопись в новом переплете. В книге на 1-м защитном листе запись Ф. И. Успенского от 1902 г. о принадлежности рукописи Русскому Археографическому институту в Константинополе.

12. **Отрывок Октоиха I—IV гласа конца XIV—начала XV в.** (ЗЕС 685). Рукопись сербская, без начала и конца с утраченными листами в середине. Книга без переплета, письмо разных рук. 71 лист бумаги (21×13,5). Водяные знаки: 1) МТ № 6365—1396 и 1400 гг.; 2) МТ № 6723 последнее десятилетие XIV в.; 3) МТ № 6648 — последнее десятилетие XIV в. и типа Briquet № 9956—1405 г.; 4) типа Briquet № 3361—1392 г. (—МТ № 2397), но сетка такой же ширины, как у предшествующих знаков (табл. 1, П). Письмо по 21 и 23 строки — аккуратный полуустав с формами данного периода. Сербская рецензия рашской школы, без ъ, без знаков ударений, но с последовательным употреблением кендемы; запятая употребляется редко.

13. **Отрывок Октоиха** (ЗЕС 684). Рукопись сербская. 22 листа бумаги. Размеры бумаги и водяные знаки те же, что и в Октоихе (ЗЕС 685) (табл. I, П). Текст содержит продолжение предшествующей рукописи, начиная от службы V гласа. Последние два листа, написанные иным почерком, содержат чтения из апостола (письмо с тем же числом строк, но уставное) Сербская рецензия рашской школы, без ъ, но уже со знаками ударений, которые еще не ставятся систематически.

14. **Триодь постная**, писал дьяк Радослав Граматик около 1438 г. (ЗЕС 683). Рукопись сербская без начала и конца, без переплета, 124 листа бумаги (29×21). Водяной знак типа Briquet № 3659 — 1426 г. (табл. IV). Письмо в два столбца по 31 строке — устав с полууставными элементами. Сербская рецензия без ъ, со знаком кендемы, со знаками ударений (не систематически), с запятыми. Сохранившаяся часть текста начинается от субботы мясопустной недели до четверга пятой недели Великого поста. Полная тождественность особенностей данной рукописи (размеры, водяной знак, число строк в двухколонном тексте, одинаковость правописания и почерка писца) с отрывком Цветной Триоди (ЗЕС 687—I), сохранившей в конце текста запись писца дьяка Радослава Граматика с датой 6946, т. е. 1438 г., заставляет предполагать, что обе эти рукописи составляли первоначально одну книгу — «Постную и Цветную триодь» древнего типа (Шафариковой и Орбельской Триоди).

15. **Отрывок Триоди цветной** с записью писца дьяка Радослава Граматика от 1438 г. (ЗЕС 687—1). 103 листа бумаги (29×21). Водяной знак как в предшествующей рукописи типа Briquet № 3659 — 1426 г., два варианта (табл. IV). Текст идет от недели мироносиц до антифона на утрени в неделю всех святых после Пасхи. На последнем листе — упомянутая запись.

16. **Хронограф первой половины XV в.** (ЗЕС 678). Рукопись неполная, без начала и конца. Рукопись сербская. 363 листа бумаги (29,5×22). Водяные знаки: 1) типа Briquet № 15865 — 1427 г.; 2) типа Briquet № 3661—1438 г.; 3) типа Briquet № 4464—1437 г.; 4) типа Briquet № 11699—1432 г. (табл. III). Письмо по 26 и 28 строк — полуустав с формами XV в. Сербская рецензия, правописание без ъ, со знаками ударений. В конце текст прерывается на статье о Варде Фоке.

17. **Отрывок Апостола второй четверти XV в.** (ЗЕС 686). Рукопись неполная, без начала и конца, без переплета (21,7×14,4). Водяные знаки: 1) Briquet № 609 — 1440 г.; 2) типа Briquet № 11895 — 1434 г.; 3) Briquet № 4464 — 1437 г.; 4) типа Briquet № 15866 — 1430—1448 гг. (табл. II). Письмо по 22 строки — красивый полуустав XV в. Сербская рецензия со следами ресавского правописания, с ъ в предлогах и префиксах, со знаками ударений, с запятой. Сохранившаяся часть текста начинается текстом Деяний, а обрывается на II послании ап. Павла к коринфянам (II Кор. XI, 21).

18. **Октоих V—VIII гласа середины XV в.** (ЗЕС 687—2). Рукопись сербская, без начала и конца. 149 листов бумаги (28,5×20). Водяной знак типа Briquet № 3663 — 1445 г. (табл. IV). Письмо по 28 строк — устав с полууставными элементами, с формами XV в. Сербская рецензия, правописание главным образом с ъ, но изредка употребляется ъ; знаки ударения ставятся не систематически. Сохранившийся текст начинается «Славою» на «Господи возвах» на вечерни во вторник V гласа; прерывается в службе утрени во вторник VIII гласа — до первого тропаря пятой песни канона.

19. **Служебник с избранными евангельскими и апостольскими чтениями первой четверти XVI в.** (ЗЕС 674). Рукопись македонская без начала и конца. 134 листа бумаги (21×16). Водяной знак в двух вариантах: типа Briquet № 3471 — 1519 г. и № 3472 — 1501 г. (табл. VI). Письмо по 21 строке — полуустав с формами XV—XVI вв. Македонская рецензия без ъ, со знаками ударений.

20. **Требник первой четверти XVI в.** (ЗЕС 672). Рукопись сербская, 281 лист бумаги (20,5×14). Водяные знаки: 1) Briquet № 14523 — 1505 г.; 2) Briquet № 13885 — 1507 г. 3) типа Briquet № 8516—1511 г.; 4) типа Briquet № 3688 — 1496 г.; 5) типа Briquet № 9288 — 1501 г.; а также см. Briquet № 9267 — 1496 г. и № 9268 — 1515 г.;

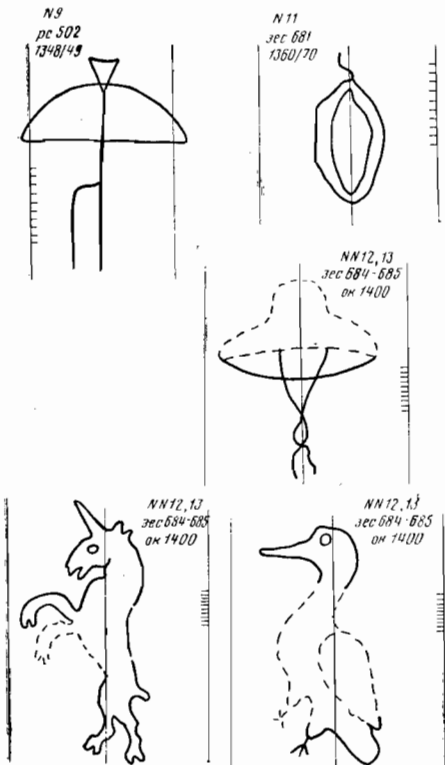

Таблица I

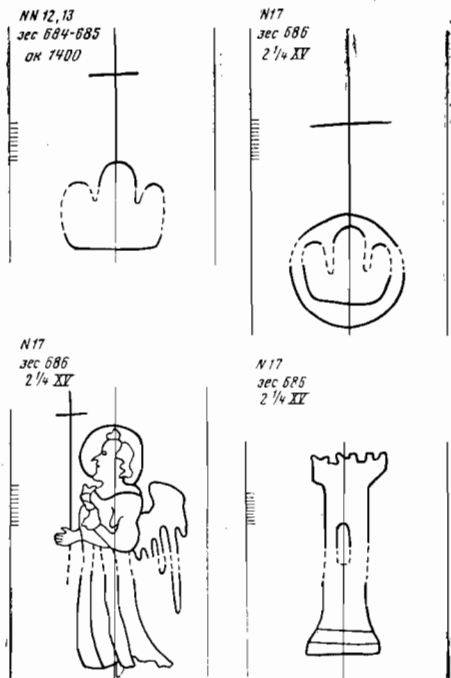

Таблица II

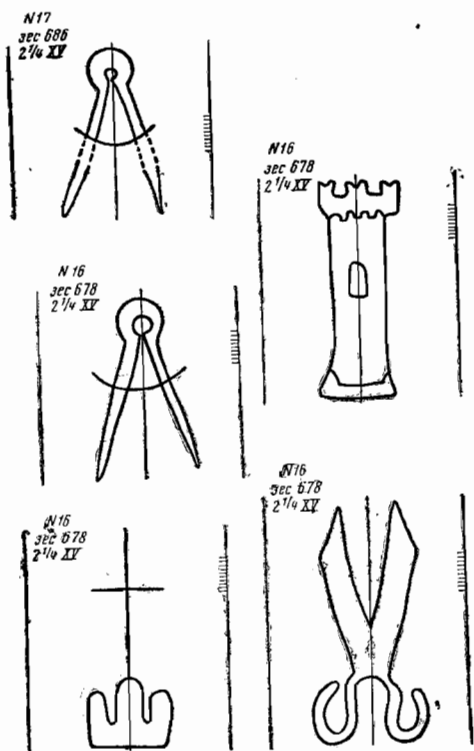

Таблица III

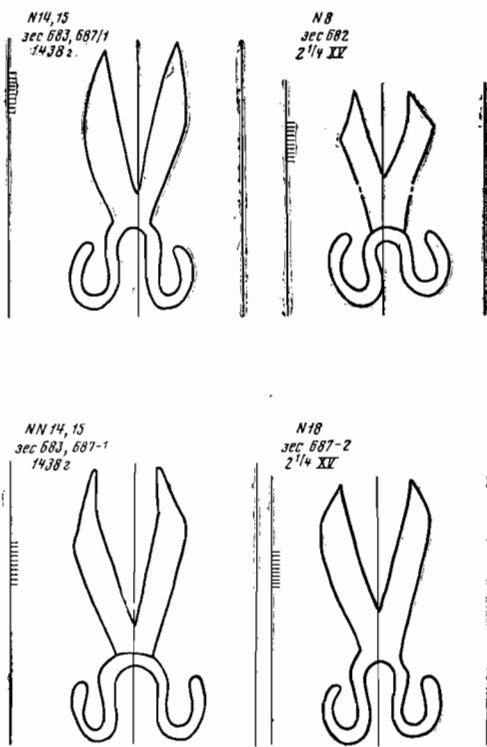

Таблица IV

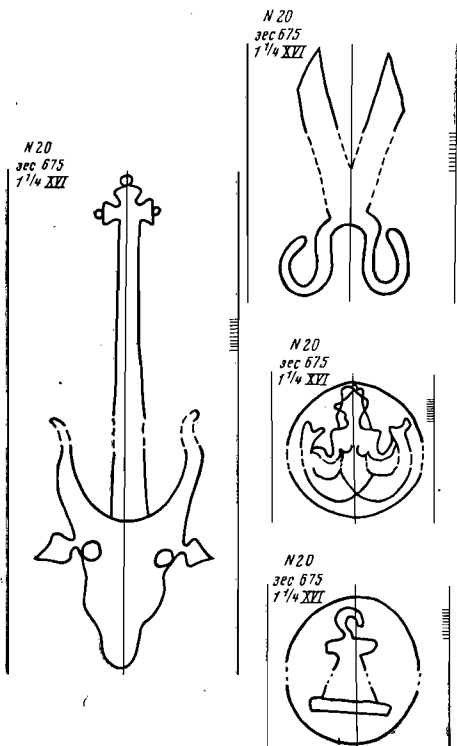

Таблица V

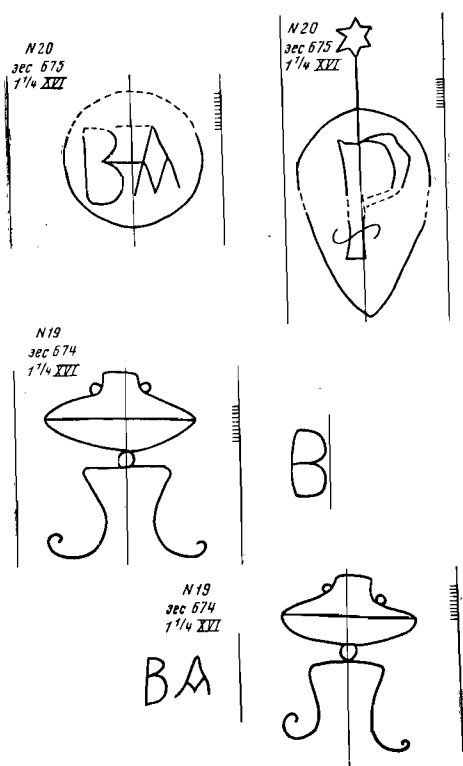

Таблица VI

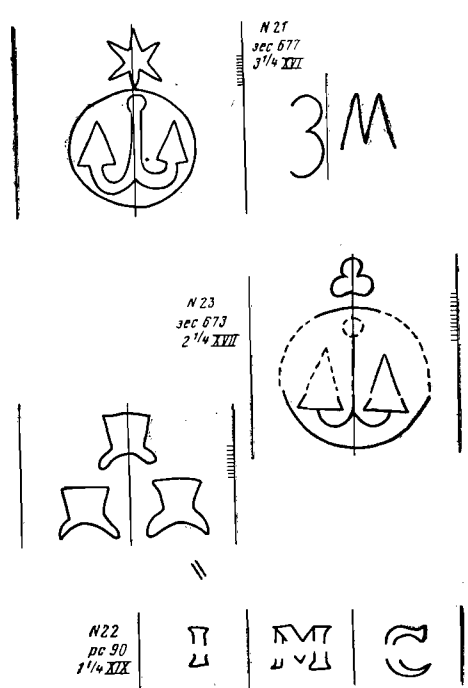

Таблица VII

6) гиря в кругу — у Briquet отсутствует (табл. V, VI). Письмо с разным числом строк — по 18, 22 и др. — разных почерков, полуустав XV—XVI вв. Сербская рецензия рашского правописания. На переплете запись: «Из Македонии 1898 г. Θ. И. Успенский, № 12».

21. **Евангелие третьей четверти XVI в.** (ЗЕС № 677). Рукопись сербская. 201 лист бумаги (28,5×21): Водяной знак типа Briquet № 513—1536—1546 гг., но в варианте, тождественном со знаком в рукописном Октоихе монастыря с. Троицы у гор. Шлевле (северная Черногория) № 117 — 1560—1580 гг. (табл. VII). Письмо по 25 и 20 строк — полуустав XVI в. Сербская рецензия со следами ресавского правописания: с ъ, со знаками ударений, с запятой. Сохранилась миниатюра евангелиста Луки. Без переплета. Сохранилась запись от 22. VI. 1900 г. о покупке книги за 5 турецких лир.

22. **Ерминия первой четверти XIX в.** (РС 90). Изъяснение иконописного хъдожества или натурального на мърите челоѡѡка, колку главы или колку мъры бѡва сячкого тѡло челоѡѡческо. Рукопись болгарская. Тетрадь в обложке из бумаги (21×15,8), 49 листов. Водяной знак: Николаев¹² № 994—1816 г.; ср. Eineder¹³ № 791 — 1815 г. (табл. VII). Письмо с разным числом строк — (29, 27 и др.) — курсив XIX в. у заглавных букв красные украшения с растительными мотивами. На стр. 6, 22 об., 38 и 38 об. малые заставки в форме вьющихся веток. Правописание со знаками ударений. На л. 49 об. текст заканчивается данными о пророках. На оборотной стороне обложки хороший рисунок царя Соломона, молодого, с бородкой, но без усов, с короной на голове; в руке доска (или книга).

23. **Требник—молитвенник Винцента Вуковича**, (Венеция 1560/?), печатный, с рукописным прибавлением второй четверти XVII в. (ЗЕС 673) (табл. VII). Рукопись сербская. Печатная часть без начала и конца. На нижнем поле обозначена фолиация кирилловскими, латинскими буквами и римскими цифрами. Текст по 21 строке. Рукописная часть (листы 281—290) содержит «Молитвы избранны». Водяной знак рукописной части второй четверти XVII в. ср. например Николаев № 176 — 1635 г., № 184 — 1641 г.

¹² В. Николаев. Водяные знаки на бумаге средневековых документов болгарских книгохранилиц, т. I. София, 1954.

¹³ G. Eineder. The ancient paper—mills of the former Austro-Hungarian empire and their watermarks. Hilversum. Holland, 1960.

А. А. Амосов

КРЕСТЬЯНСКИЙ АРХИВ XVI СТОЛЕТИЯ

Еще в XVIII и даже XIX веках во многих крестьянских семьях Севера сохранялись значительные комплексы поземельных актов более раннего периода¹. Для XVI—XVII столетий существование подобных крестьянских архивов было обычным явлением, вызванным к жизни правом свободного распоряжения землей в черносопных волостях. До нас, однако, в подавляющем большинстве случаев эти актовые собрания не дошли, и судить о их объеме и составе мы можем лишь на основании документов, попавших в свое время в архивы монастырей. При переходе того или иного земельного владения из рук в руки, новый владелец получал также, как правило, и всю совокупность документов, удостоверяющих правомерность такого перехода². Поэтому из состава монастырских фондов современных архивохранилищ можно вычленил группы документов, относящихся к определенным комплексам угодий, являющиеся по сути дела остатками прежних крестьянских архивов.

Одно из наиболее интересных подобных собраний — архив семейства пинежских крестьян Офутиных, складывавшийся на протяжении трех поколений, — сравнительно полно сохранилось в фонде Антониева-Сийского монастыря Архива ЛОИИ.

О родоначальнике Офутиных Афанасии из документов практически ничего неизвестно; можно лишь предполагать, что деятельность его протекала в конце XV — начале XVI в. Сын его Михаил Афанасьев выступил на ниву земельного стяжания во втором десятилетии XVI в. и с 1521 по 1548 г. его деятельность документирована. Михаил Афанасьев осуществил ряд сделок, в результате чего сформировалось основное ядро владений семьи. Вероятно, в конце первой половины XVI столетия Михаил умер, так как с 1551 г. акты совершались уже его сыновьями. Калина, Кирилл, Лука, Зиновий и Михаил Михайловы фигурируют в актах уже под родовой фамилией Офутиных (образованной, видимо, от имени деда). Пять братьев Офутиных, скупая земли у соседей, заметно увеличили семейные владения и некоторое время вели совместную эксплуатацию угодий, без раздела. Около середины 60-х годов Кирилл Михайлов с детьми избрал сферой деятельности Неноксу, куда и переехал на жительство. Это обстоятельство привело к разделу семейных владений, однако весь комплекс актов сохранялся пока одним из братьев по договоренности. С конца 70-х годов наступает пора упадка пинежской ветви Офутиных. Лука и Зиновий, а также их племянники, дети Калины и Михаила, в несколько приемов уступают свои владения Антониеву-Сийскому монастырю, куда по совершении последней сделки переходит и основная часть Офутинского архива, за исключением тех актов, которые оформляли сделки на земли, перешедшие по семейному разделу Кириллу и его детям. Сыновья Калины вплоть до конца XVI столетия пытаются использовать свои бывшие владения, подряжась на половине монастыря, причем сами в свою очередь сдают основную часть земель половникам, выступая, таким образом, в качестве посредников, однако уже внуки Калины Михайлова пребывают в разряде монастырских крестьян. По-видимому, не особенно удачно сложилась судьба и потомков Кирилла Михайлова, так как есть сведения о денежных затруднениях его внуков Бураша и Богдана Алексеевых детей, подвизавшихся в 90-х годах XVI столетия в Непоксе.

Сохранился интересный документ — отпись Зиновия Михайлова сына Офутина, выданная им своим племянникам в сохранении грамот на владения всего семейства³. Благодаря этой отписи, составленной в декабре 1580 г., нам известен полный состав

¹ См., в частности: В. В. Крестинин. Исторический опыт о сельском старинном домостроительстве двинского народа в Севере. СПб., 1779, стр. 51—54; А. Ефименко. Исследования народной жизни. М., 1884, стр. 185—187.

² В случае же, если акты, отражающие предыдущие сделки на данный участок, на какое-то время оставались у прежнего владельца, это обязательно оговаривалось в последнем по времени совершения акте.

³ Архив ЛОИИ, ф. 5, оп. 1, № 628.

и структура всего архива Офутиных до дробления его между пинежской и ненокской ветвями рода. Согласно отписи у Зиновия Михайлова хранились 80 актов, из которых четыре (три правые грамоты и запись) являлись документами судопроизводства, а остальные представляли собой поземельные акты частного характера. Следует отметить, что в отписи Зиновием включены лишь те акты, которые сохраняли к моменту составления отписи значение в качестве свидетельств о праве владения тем или иным участком; ряд же документов, уже утративших непосредственное практическое значение, хотя и сохранялся, однако в отписи не означен. Весь комплекс актов, хранившихся у Зиновия, поделен на две группы. Первая группа, состоявшая из 48 единиц, заключала акты на основное ядро владений: пахотные земли, дворы и дворовые земли. Согласно условиям раздела эти участки остались во владении пинежской ветви. Вторая группа — 28 актов на сенокосные угодья и рыбные ловли и непахотные земли; часть этих угодий оставалась во владении представителей ненокской ветви рода. Группировка, следовательно, была произведена по владельческой принадлежности угодий. Нетрудно однако заметить, что различным был тяглый статус земель, акты на владение которыми отнесены к разным группам: первые облагались практически всеми основными налогами, тогда как вторые — преимущественно оброком. Кирилл Михайлов, перебираясь в Неноксу, сохранил за собой часть промысловых угодий, эксплуатация которых была возможна и при значительном отдалении.

В пределах каждого из двух комплексов (акты на тяглые и на оброчные угодья) документы были сгруппированы по территориальному признаку, то есть архив в целом состоял как бы из отдельных фондов.⁴ Все акты первой группы фондов сохранились, так как были переданы в архив Антониева-Сийского монастыря после того, как монахи получили в свои руки владения пинежской ветви рода; из актов второй группы сохранилось две трети, остальные же, вероятно, оказались у представителей ненокской ветви и впоследствии были утрачены.

48 актов первой группы фиксировали сделки, заключенные на земли деревни Быльцанской и Каргина поля⁵, на деревни Горочную-Будринскую⁶ и Запольскую-Тишинскую⁷ и Катаргинские пожни⁸; все эти владения были расположены в непосредственной близости от Никольского погоста Волокопинежской волости.

Оброчные угодья Офутиных (Шуболахта⁹, Волотова гора и Шекинские пожни¹⁰, пожня Волотуха, Завражские угодья¹¹, Цывилевские чищенины¹²) были более рассредоточены. Из 19 актов второй группы лишь в четырех в качестве контрагентов выступают представители семейства Офутиных, основная же часть их отражает более ранние переходы этих угодий. Выяснить точные обстоятельства сосредоточения их в руках Офутиных поэтому невозможно.

Иная картина для основного комплекса владений. Из пяти актов 1551—1554 гг. на Катаргинские пожни четыре являются отступными грамотами прежних владельцев Калине и Кириллу Михайловым, а пятый — отпись одного из продавцов с обязательством уплаты старых разубов. Во всех отступных указана конкретная причина продажи — невозможность выплаты дани и несения мирских служб.

Несколько сложней история Запольской-Тишинской деревни. Офутины приобрели ее в три приема: в апреле и мае 1551 г. пять братьев Михайловых получили отступные грамоты на участки в деревне от Перхурьевых детей Тишина (№ 301, 307), которые унаследовали их от отца. Перхурий Тимофеев с братьями получил эти земли по отступной Терентия Григорьева Цывилева в 1517 г., а Цывилеву еще в 1495/96 г. поступил Лаврентий Родионов № 56, 30; ф. 174, № 20). Вторая половина деревни в конце XV в. принадлежала Савве Мяскову, в дальнейшем ею владели Кирилл и Василий Ильины (возможно, племянники Мяскова), которые в 1551 г. отступились Луке Васильеву Теплыгину и уже у последнего в 1553 г. по отступной грамоте этот участок приобрел Кирилл Михайлов (№ 310, 339). Любопытно, что за полустолетие стоимость этой деревни возросла более чем втрое.

В это же время Офутины начали приобретать участки и в Горочной деревне, однако полностью закрепили эту деревню за собой лишь в 1563 г., после совершения де-

⁴ Разумеется, термин «фонд» в данном случае может пониматься лишь условно; мы используем его здесь в силу отсутствия термина более точно отражающего существо дела.

⁵ Архив ЛОИИ, ф. 5, оп. 1, № 43, 60, 68, 69, 78, 149, 180, 209, 220, 222, 252, 255, 275, 289, 304, 305, 309, 398, 406. В отписи Зиновия Михайлова не включен еще один акт, имеющий отношение к Быльцанской деревне и сохранившийся до нашего времени в фонде Антониева-Сийского монастыря, — № 267.

⁶ Там же, № 52, 89, 150, 173, 272, 287, 308, 314, 337, 363а, 370—372, 377, 380, 386, 455. Сохранился еще один акт, относящийся к Будринской деревне — № 227.

⁷ Там же, ф. 174, оп. 1, № 20; ф. 5, оп. 1, № 30, 56, 301, 307, 310, 339.

⁸ Там же, № 311 (в данной единице содержатся два текста), 333, 342 (два текста).

⁹ К актам на Шуболахту можно отнести № 148, 256, 298.

¹⁰ К числу Волокопинежских и Шекинских актов можно отнести № 80, 133, 138, 226. Кроме того, сохранились две копии актов в составе судебного дела — там же, № 860, сст. 5, 6.

¹¹ Сохранившиеся Завражские акты — № 57, 66, 146, 184, 196, 233, 241.

¹² Акты на Цывилевские чищенины — № 59 и 61 (два текста).

вяти сделок. По два акта совершили Калина и Зиновий Михайловы (№ 314, 386 и 363а, 455 соответственно) и пять актов оформлено на имя Кирилла Михайлова (370—372, 377, 380). Контрагентами Офутиных в этих сделках выступали братья Будрины, которые пытались закрепить на землях этой деревни несколько ранее, в 20—40-х годах. (см. № 52, 89, 272). Предшественники Будриных отступались от земли, не имея возможностей уплачивать все подати и мирские сборы; то же обстоятельство вынуждало к продаже земель и Будриных — уже с конца 30-х годов они вынуждены были занимать деньги под заклад (см. № 150, 227).

Однако наибольшие затраты были произведены Офутиными в приобретении Быльцинской деревни и примыкавшей к ней Каргопольской земли. На эти угодья ими было заключено 41 сделок на протяжении почти сорока лет. Какое-то отношение к этим землям имел Михаил Афанасьев еще во втором десятилетии XVI в., так как первый сохранившийся документ представляет отказную грамоту Федора Калентьева упомянутому Михаилу (№ 43); грамота эта, судя по всему, явилась следствием судебного разбирательства. Не ясно, кто был в этом деле активной стороной, однако земля, от которой отказался Федор, находилась в межах с угодьями Михаила. Помог Михаилу в тяжбе Фома Гаврилов Котов, один из совладельцев Фофановской (Быльцинской) деревни. В следующие годы Михаил Афанасьев приобретает часть Каргопольской земли и половину деревни (№ 60, 68). К 1526 г. деревня Быльцинская оказывается поделенной между ним и братьями Котовыми по половинам, впрочем ненадолго, уже в 1527 г. к Михаилу переходит жеребей Захария Михайлова Котова. В последние годы жизни Михаил приобрел также и долю Демида Гаврилова Котова (см. № 78 и 252 соответственно). Довершили обезземеливание Котовых сыновья Михаила Калина, Кирилл и Зиновий (см. № 289, 304, 305, 309, 406). Не лишено интереса поведение Захария Котова: утратив свою долю, он затем дважды пытался вновь обосноваться на земле, приобретая участки у Фомы Котова и его детей (№ 255, 275). Вероятно, Фома был старшим в роде, так как он обещечивал земель для постановки дворов свояка и зятя (№ 180, 209, 222). С одним из сыновей Фомы Семеном по прозвищу Негодой было связано какое-то запутанное дело, в результате которого он по приговору властей за ябедничество был лишен участка. Весьма вероятно, что дело было инспирировано Офутиными, и сотский Михаил Леонтьев, временно владевший участком Семена—Негоды (№ 267) выступал в качестве подставного лица; еще в 20-х годах кредитом Михаила Афанасьева пользовался Матвей Леонтьев (№ 69), судя по всему брат названного выше сотского.

Рассмотрев пути складывания комплексов отдельных владений, легко заметить две встречные тенденции: с одной стороны, дробление первоначальных участков, переход их в руки новых владельцев и дальнейшее измелочение; с другой стороны, мы наблюдаем концентрацию и укрупнение некоторых владений посредством присоединения участков обедневших соседей. Сочетание этих тенденций чрезвычайно характерно для Севера XVI столетия. Здесь перед нами не просто циклический процесс смены владельцев. Сочетание таких противоположных тенденций отражает растущую имущественную дифференциацию деревни, порожденную почти ничем не ограниченной свободной мобилизацией крестьянских земель.

При достаточно широком знакомстве с актовыми источниками XVI столетия, дошедшими до нас в составе монастырских архивов, нетрудно заметить, что по способу комплектования Офутинский архив был типичным для актовых собраний двинского крестьянства. Такими же путями формировались и другие собрания частных поземельных актов. Однако здесь это видно более четко, и не только потому, что Офутинский архив сравнительно полно дошел до нашего времени, но и в силу целого ряда других причин.

Как известно, Волок Пинежский — это одна из волостей, на которые претендовал московский великий князь в спорах с Великим Новгородом¹³. В выписке из судебных дел о Двинских волостях указано, что «Волока Пенежского» наряду с другими территориями «искал» на новгородцах Лука Строганов¹⁴. После присоединения Новгорода боярщины в Двинской земле были отписаны на великого князя и перешли в разряд оброчных земель, а бывшие привилегированные владельцы в большинстве своем были переведены на положение черносопных крестьян. Некоторое время (по-видимому, вплоть до проведения на Двине описания всех владений в середине 90-х годов писцом Тимофеем Афанасьевым) статус оброчных земель оставался не вполне определенным. Не потому ли, кстати, от первых лет московского управления Двинской землей до нас дошло так немного поземельных актов? Естественно, что в условиях неопределенности и повышенного обложения оброчных земель прежние владельцы, лишенные привилегий, медленно, но верно шли к разорению; не случайны очень частые в актах первой трети XVI в. мотивировки продажи: «... што не могл есми с тое папши дань великого князя давати, ни розрубов, ни всяких пошлин платити». Отсюда, в частности, и дробление владений и условия для свободной мобилизации земель.

Как доказал А. И. Андреев, сделки купли-продажи на оброчные земли оформлялись не купчими, а отгупными грамотами¹⁵. Все акты Офутинского собрания на па-

¹³ АСЭИ, т. III, стр. 30.

¹⁴ Там же, стр. 33.

¹⁵ А. И. Андреев. Отступные грамоты (К истории крестьянского землевладения на Севере в XVI в.). — «Сборник статей, посвященных Александру Сергеевичу Лапо-

хотные земли — отступные. Купчими оформлялись лишь сделки на дворы и дворовые земли. Столь последовательное применение определенного вида актов на протяжении более чем полувека заслуживает внимания. Любопытно, однако, что переход земель Офутиных в конце 70-х — начале 80-х годов Антониеву-Сийскому монастырю оформлен данной и пятью куччи; вероятно, к этому времени в практике царевых отношений уже в значительной мере стерлись грани употребления купчих и отступных.

В деятельности братьев Офутиных по приобретению земельных владений можно выделить два периода наибольшей деловой активности. Вначале на первом плане выступал Калина Михайлов. Именно от его имени заключалось большинство сделок, прочие братья лишь упоминались, зачастую, причем, безымянно. Затем на авансцене появляется Кирилл Михайлов, а Калина отходит на задний план. Наконец, еще позднее начинает совершать сделки Зиповий (однако он выступает в качестве контрагента лишь при покупке дворов). Отход с первых ролей Калины может быть объяснен приближением преклонного возраста (судя по всему он был старшим из братьев). Кирилл же отличался деловой активностью и после того, как покинул Пинегу, был даже в 1569 г. двинским данным старостой (ЛЮИИ, ф. 174, № 298). Очень симптоматичны годы, на которые приходились периоды наибольшей активности Офутиных. Это 1550/51 г., когда Офутины в основном скупили земли Быльцynской деревни, и 1556/57 г., в течение которого братья приобрели остатки Быльцynской деревни и скупили владения братьев Будриных. Не лишне в этой связи вспомнить, что в некоторых волостях Пинеги в самом начале 1552 г. была проведена земская реформа, и надо полагать, что сведения о ее подготовке стали известны населению значительно раньше; в 1556 г. была осуществлена земская реформа в целом по Двинскому уезду. Два взлета деловой активности, синхронные двум этапам административных преобразований, — это не простое совпадение, здесь кроется более глубокая связь.

Собрание поземельных актов рода Офутиных интересно не только в плане архивоведческом. По сути дела, Офутинский архив является единственным целостным комплексом Пинежских актов, объединяемых кругом контрагентов и четко ограниченной территориальной принадлежностью. Акты объединяются также единством места составления — волостной канцелярией. Большая часть актов составлена тремя профессиональными писцами — волостными дьяками, сменявшими один другого с течением времени. Все это делает крайне желательным их специальное дипломатическое исследование, однако эта задача уже выходит за пределы данного сообщения.

Даннлевскому». Пг., 1916, стр. 155, 161, 171 и др. Построения А. И. Андреева вызвали возражения со стороны Н. Н. Покровского (*Н. Н. Покровский. Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV—начала XVI в. Новосибирск, 1973, стр. 55—60*), однако в поддержку точки зрения Андреева с привлечением новых аргументов убедительно выступил А. И. Копанев (*А. И. Копанев. Крестьянское землевладение Подвижья в XVI в. — «Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России». Л., 1974, стр. 104—111*).

Т. С. Иванова

КОЛЛЕКЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ЧАСТНЫХ АКТОВ ПОМЕСТНО-ВОТЧИННЫХ АРХИВОВ XVI—XIX ВВ.

В Центральном государственном архиве древних актов в настоящее время завершена обработка документальных материалов коллекции «Государственные и частные акты поместно-вотчинных архивов XVI—XIX вв.», которая долгое время в архиве носила название «Тверская коллекция».

Эта коллекция начала складываться во II половине XIX в. в Московском архиве Министерства юстиции и продолжала комплектоваться до наших дней в ЦГАДА.

Основным ядром коллекции является актовый материал, поступивший из частных семейных архивов и собраний в библиотеку Тверского музея во второй половине XIX в.

В рукописном отделе библиотеки Тверского музея к началу 1900-х годов насчитывалось свыше восьми тысяч государственных и частных актов, касающихся землевладения и землепользования помещиков различных уездов Тверской губернии.

Деятельность Тверского музея была тесно связана с деятельностью Тверской ученой архивной комиссии, одной из задач которой являлось собирание генеалогических данных о тверских дворянских фамилиях. Эта работа проводилась в самом тесном контакте с Московским архивом Министерства юстиции (МАМЮ) и Московским Главным архивом Министерства иностранных дел (МГАМИД), вошедшими в дальнейшем в состав ЦГАДА. Многие сотрудники МАМЮ и МГАМИД были членами Тверской ученой архивной комиссии: Н. Н. Ардашев, В. Н. Сторожев, И. Ф. Токмаков, Ф. А. Бюлер и др. Комиссия готовила к изданию писцовые и переписные книги, хранящиеся в МАМЮ.

Актовые материалы, поступившие из Твери в конце XIX в. и начале 1900-х годов в МАМЮ, затем в 1920-ые годы в ГАФКЭ (ныне ЦГАДА) образовали так называемую Тверскую коллекцию. Материалы ее преимущественно касаются частных дел. Многочисленность их и чрезвычайное разнообразие их формы и содержания представляют большую ценность в качестве исторического источника для исследования социально-экономических отношений в Русском государстве XVII—XVIII вв., истории русского права, некоторых вопросов русского языка и исторической генеалогии.

Как было отмечено, основным ядром коллекции государственных и частных актов поместно-вотчинных архивов XVI—XIX вв. являются документальные материалы библиотеки Тверского музея, которые на протяжении вышеуказанного периода дополнялись документами других коллекций. Значительная часть их поступила из коллекции столбцов Петербургского археологического института — из Архива Николаевского Коряжемского монастыря. Эти документы, в первую очередь, касаются вотчинного землевладения монастыря, в то же время имеются акты, относящиеся к определенным частным лицам. Наличие таких документов не случайно, так как светские феодалы отдавали на хранение в монастырские архивы наиболее ценные акты, в том числе духовные.

Многие документальные материалы поступили из коллекций столбцов государственных архивов Калужской, Костромской и Курской областей, а некоторые документы были доставлены Археографической комиссией, получившей их из разных губернских и уездных учреждений.

Довольно значительная часть документов, вошедшая в настоящую коллекцию, поступила из фондов Государственного литературного музея (ГЛМ) в 1920-х годах и из коллекции «Частные акты XVII—XIX вв.» Центрального государственного архива литературы и искусства (ЦГАЛИ) в 1953—1954 гг.

Отдельные документы, полученные из Музея Революции, Библиотеки Русского географического общества и из Собрания «Международная книга», были также включены в коллекцию.

В ЦГАДА в конце 1940-х годов была создана опись № 419 под названием «Разрозненные документы», в которую вносились отдельные частные акты XVI—XVIII вв., затем в 1950-х годах они влились в состав коллекции.

В 1961 г. из ф. 248 «Сенат и его учреждения» были присоединены к коллекции три единицы хранения, числившиеся по описи 58 за № 8341, 8342, 8343 за 1701, 1727, 1777, 1788 гг., — поступные, купчие и закладные крепости. Все они поступили в МАМЮ в 1895 г. из Петербургского Сенатского архива.

Некоторые документы включены в коллекцию из личных собраний, коллекций столбцов Ю. В. Арсеньева, С. И. Смирнова, И. И. Власова, из библиотек Археологического общества и Свердловского областного музея и из Центрального государственного исторического архива (ЦИА) г. Ленинграда.

В 1964 г. были приняты документы из Историко-дипломатического управления МИД СССР в объеме 10 единиц хранения, которые также присоединили к коллекции.

Таким образом, из перечисленных выше поступлений документальных материалов создана в архиве новая коллекция «Государственные и частные акты поместно-вотчинных архивов XVI—XIX вв.» (ф. № 1455).

Документальные материалы коллекции представляют архивы актовых материалов помещичьего и монастырского землевладения центральных, северо-восточных и частично западных районов страны за XVI—XIX вв. Наиболее многочисленный комплекс документов относится к XVII—XVIII вв., к XVI в. — отдельные документы и небольшая часть — к XIX и началу XX в.

Чрезвычайное многообразие источников фонда позволяет исследователю рассматривать социально-экономические отношения в Русском государстве XVII—XVIII вв. в разных аспектах. Выписи из писцовых, переписных, межевых и отказных книг дают возможность представить особенности поместного землевладения, выяснить размеры и соотношение поместных окладов и реальных дач, соотношение жилой и пустующей земли, паши, перелога, леса и сенокосов; жалованные, отказные грамоты раскрывают источники impoverения служилых людей.

Послушные грамоты, служилые и жилые кабалы раскрывают сведения по истории крестьянства и крепостнической эксплуатации в XVII в. Ценными источниками по истории помещичьего хозяйства являются духовные грамоты.

Различные записи: рядные, сговорные, полубовные, ссудные, подрядные, кортомные, сказки, грамотки (письма XVII в.) и другие представляют самый многочисленный раздел документации, интересной в историческом, бытовом, хозяйственном отношении, которая также может быть использована для изучения делопроизводства, русского права и некоторых вопросов русского языка XVII в., в частности для исследования говоров центральных и северо-восточных районов страны.

Традиционными элементами оформления документов, удостоверяющими их подлинность, являются печати. Наличие их отмечено в описательных статьях описи. Имеются печати государственные, государственных и церковных учреждений, должностных и духовных лиц и личные печати, которые в сочетании с другими видами исторических источников могут дать новые сведения исторической науке.

Коллекция содержит документальные материалы по истории монастырского землевладения и землепользования.

Общий объем документальных материалов Коллекции государственных и частных актов поместно-вотчинных архивов XVI—XIX вв. составляет 10 138 единиц хранения за период 1511—1917 гг. Описи, составленные в 1970—1972 гг., снабжены подробными оглавлениями, географическими, именными и хронологическими указателями, позволяющими быстро ориентироваться в составе и содержании документальных материалов.

Опись 1-ая содержит 5024 единицы хранения, крайние даты их 1541—1881 гг. В состав описи вошло 143 фондообразователя. Они расположены в описи в алфавитном порядке их фамилий.

Содержание описи составляет актовый материал семейных архивов помещиков различных уездов Тверского края, поступивший из коллекций столбцов Тверского музея и Исторического архива г. Твери и незначительное количество — из других коллекций.

Документальные материалы описи в пределах каждого фамильного фонда расположены по хронологическому принципу, а не по структурным разделам, вследствие того, что подавляющее большинство их одного характера, т. е. актывые документы на владения поместьями, вотчинами и крестьянами.

Последний раздел описи 144 называется «Разные акты», это разрозненные документы, относящиеся и к частным лицам и к делопроизводству местных учреждений, систематизированы они также по хронологии.

Большой интерес представляют материалы семейных архивов Григорьевых и Кафтыревых. Среди документов, например, имеется список с грамоты царя Ивана IV Васильевича 1580 г. июня 19-го в Торопец «о сыске про воровство ямчужных целовальников, дабы ямчужному (селитерному) делу мешкания и порухи не было».

Интересны деловые документы древних дворянских родов Заборовских, Нелединских, Бломбергов и других, среди которых имеется значительное число рядных и сговорных записей XVIII в., сказок, например, сказки дворянина Андрея Яковлевича Нелединского 1697 г. о его службе и жалованье.

В материалах помещиков Кашинского и Галичского уездов Текутьевых содержатся выписи из разрядных книг об участии в военных походах 1544—1551 гг., а в до-

кументах Мышенковых заслуживают внимания сведения о воеводстве Даниила Мышенкова в Талицком остроге в 1692—1695 гг.

В семейном архиве Дохтуровых хранятся документальные материалы за период с 1628 по 1813 г., значительный интерес представляют материалы о вотчинном землевладении думного дьяка, затем начальника Посольского приказа Герасима Семеновича Дохтурова.

В описи содержатся также документальные материалы по истории дворянских родов, представленные генеалогическими таблицами и родословными росписями Арцыбашевых, Благово, Вельяминовых-Зерновых, Дириных, Епилевых, Шепелевых.

Опись 2-я содержит документальные материалы за 1511—1886 гг. в объеме 2231 единицы хранения. В состав описи включены 209 фондообразователей, которые расположены в алфавитном порядке фамилий. Каждый семейный фонд систематизировался так же, как и в 1-й описи, по хронологическому принципу. При обработке материалов как 1-ой, так и 2-ой описей проводилось определение фондообразователя — дворянского рода, в состав которого включались близкие и отдаленные ветви фамилии.

Документы того или иного фондообразователя 2-ой описи, в отличие от 1-ой описи, в большинстве случаев сформированы из материалов двух, трех различных коллекций, например, Барышниковы — из столбцов архива Николаевского Коряжского монастыря и из документов Музея Революции, Берсены — из столбцов ЦГИА СССР и материалов библиотеки Смирнова. Следует, однако, отметить, что в целом значительная часть материалов описи составлена из коллекции столбцов Тверского музея и Исторического архива г. Твери.

Документы описи позволяют получить сведения о службе представителей дворянства, их земельных владениях, помещицьем хозяйстве, положении крестьян.

Представляет интерес, например, послушная грамота царя Василия Шуйского крестьянам деревни Купиновской Рязанского уезда, данным в поместье служилому человеку Даниле Бакшееву 31 марта 1610 г. К грамоте приложена печать в плетеном суровом венчике.

В опись включены документы, относящиеся к роду Еремеевых и имеющие уникальное значение: 1511 г. — родословная роспись Еремеевых-Мавриных и список грамоты вел. князя Василия Ивановича на поместье, приговор царя Ивана IV Васильевича о поместных дачах боярской тысяче 1550 г. в списке XVII в. (окончание его утрачено). Данила Иванович Еремеев был воеводой в г. Верхососенье в 1681—1683 гг., сохранились его личные письма за 1680-ые гг. о службе, охоте и росписной список г. Верхососенья 1683 г.

В 1-ой описи имеются помощики Захаровы, а во 2-ой описи — Захаров Федор Васильевич, несвязанный с ними родственными узами, подьячий Канцелярии городских дел. Материалы последнего получены из Государственного архива Тульской области.

Особый интерес представляют документы, принадлежащие думному дьяку (печатнику и начальнику Посольского приказа в 1641—1643 гг.) и думному дворянину Федору Федоровичу Лихачеву: жалованные, ввозные и послушные грамоты за 1610—1684 гг. на поместье в Костромском уезде, в том числе грамоты Дмитрия Михайловича Пожарского, скрепленные печатями Земского ополчения (№ 6 — 1612 г.) и его личными печатями и собственноручной подписью (№ 4, 5 — 1612 г.); подлинные грамоты царей Василия Шуйского (1610 г.), Михаила Федоровича и Алексея Михайловича и Ивана и Петра Алексеевичей.

Материалы Лопухиных — поместно-вотчинного характера. Имеется писцовая и межевая книга поместий Ивана Харитоновича Лопухина 1685 г. (№ 5). Но есть документы и личные: патент Моисея Лопухина, послужной список и паспорт Степана Моисеевича и патенты Дмитрия Лопухиных.

Включены в опись документы (рядные, духовные, отпускные) Протопоповых — дьяков и подьячих Книгопечатного двора и других приказов, которые состояли в родственных связях с Самойловыми и Жеребцовыми.

Материалы тверских помещиков Спечовых вошли в состав 2-ой описи и их же материалы на поместно-вотчинные владения имеются в ЦГАДА в ф. 1281 — Талызиных. В небольшом семейном фонде Соковинных сохранилась выписка из дела, вероятно Преображенского приказа, о покушении на жизнь царя Петра I окольного Алексея Соковина, думного дворянина Цыклера, стольника Ф. Пушкина в 1696—1697 гг.

Из коллекции столбцов Тверского музея дошли до нас документальные материалы рода Сумароковых, которые содержат отказные, духовные грамоты, служилые кабалы. Большой интерес представляют документы 1858 г. — это мнения генерал-адъютанта гр. Сумарокова, представленные в Государственный Совет, по различным предметам: об определении общего срока службы для производства в чины от 14 до 5 класса; о проекте нового тарифа, о цензуре и другие.

Сравнительно крупный архив, в объеме 112 единиц хранения, за период с 1695 г. по 1773 г. принадлежит роду Ширай и их родственникам Точичкам. Поступил в ЦГАДА в 1930 годах из Государственного литературного музея. Большинство материалов принадлежит стародубскому войту Спиридону Ширай и его сыновьям Федору и Стефану: купчие, заемные, челобитные, договор на обработку пеньки и другие документы, писанные украинской скорописью.

Некоторые материалы включенных в опись фондов представляют в распоряжение исследователей источники для изучения истории генеалогии дворянских родов (См. Хитрово, родословная книга, № 34 и т. д.).

Опись 3-я содержит документальные материалы за 1514—1917 гг. в объеме 2071 единицы хранения (№№ 1—2071) самого разнообразного содержания. Состоит из пяти разделов, в каждом разделе документы систематизированы по хронологическому принципу.

В I разделе описи «Кевровские акты» собраны акты документы (купчие, поступные, меновные), поступившие в МАМЮ во второй половине XIX в. из собрания благочинного протоиерея Мезенского Богоявленского собора Гавриила Попова. Документы представляют чрезвычайный интерес тем, что в целом относятся к одному крестьянскому роду деревни Мокшанской, «что на Труфанове горе» Перемской волости Кевровского уезда. Общее число документов — 26, за 1517—1669 гг., из них 11 — за 1517—1596 гг.

II раздел описи составляет коллекция частных актов Государственного архива Курской области в объеме 38 единиц хранения за 1622—1838 гг., принятая в ЦГАДА в 1966 г.

III раздел — «Сенатские частные акты» — 3 единицы хранения за 1701—1788 гг. переданы в коллекцию из ф. 248 — Сената в 1961 г.

IV раздел — «Соликамские акты», поступили в ЦГАДА в 1950 г. из Государственного архива Свердловской области в количестве 43 единиц хранения за 1580—1706 гг. Большую часть документов составляют деловые раздельные записи, купчие, закладные, заемные, духовные московских посадских людей гостиной сотни Анофреевых на движимые и недвижимые имущества в Соликамском уезде; купчие соликамских посадских людей Ждановых, Турчаниновых, Александра Васильевича Ростовщикова на деревни, дворы, «варнишные места» на р. Усолке и в Соликамском уезде.

V раздел — «Государственные и частные акты (разные)», самый большой и разнообразный по содержанию, составляет 1961 единицу хранения за 1514—1917 гг. Более 90% данного раздела состоит из документов коллекций столбцов Библиотеки Тверского музея, остальные — из коллекций Петербургского археологического института, Архива Коряжемского монастыря, Государственного литературного музея, ЦГАЛИ, Музея Революции СССР, частных собраний и отдельные акты из ЦГАДА (быв. сборной описи № 419).

Самые древние документы написаны на пергамене русско-литовской скорописью: № 111, 1514 г. — Грамота польского короля Жигмонта. — Из архива Николаевского Коряжемского монастыря; № 112, 1528 г. — Купчая крепость братьев Мартиновичей Петковичей на «невольного» человека — из собрания бумаг А. Соболевского (в ЦГАДА была передана из ГЛМ). Очень интересен по содержанию приговор тиунов о торговой казни «Откатки и Кирыянки» за кражу воска и свечей из Никольской часовни. К приговору приложены две отворчатые печати белого воска. Документ относится к 1 половине XVI в. (Из оп. 419, ЦГАДА).

В этом же разделе имеются выписи из писцовых, переписных и межевых книг, жалованные и ввозные грамоты на поместья и вотчины, с вислыми печатями красного воска и царским титулом, писанным золотом; много документов частного характера, касающихся лиц разного служебного положения и социального происхождения. Так, например, председатель Тверской ученой архивной комиссии А. К. Жизневский получил из фамильного архива Огаревых запись сведений о роде Огаревых (№ 1825). За № 1465 в опись включена «Ведомость с перечислением пунктов обвинения кн. А. Д. Меншикова», а под № 113 — зафиксирована «Выпись из Разрядной походной книги 1544 г. о взятии Казани и прочих походах царя Ивана Васильевича».

Имеются рескрипты Екатерины II с ее автографами (№ 1702, 1717 и др.), формулярные списки (№ 2049, 2057 и др.), дипломы (№ 2053, 2055 и др.), грамотки XVII в. и письма XVIII—XIX вв. (№ 1725 — письмо П. И. Панина известному масону О. А. Поздеву о покупке борзых собак 21 декабря 1776 г.).

Кроме того, в состав описи вошли документы, совершенно отличные от вышеуказанных, примером могут служить № 2068, 2071. Первый представляет опись древних рукописей, найденных Археографической комиссией в Выдубицком монастыре (из коллекции рукописей и бумаг, собранных А. Н. Поповым). Материалы, перечисленные в описи, хранятся в Киеве. Второй — содержит образцы французских гобленов.

Опись 4-я содержит монастырские и церковные акты в объеме 610 единиц хранения за 1534—1842 гг., состоит из 3 разделов:

I — «Архиерейские дома» расположены по алфавиту названий, внутри каждого подраздела документы систематизированы по хронологии, поступили в ЦГАДА из коллекций Библиотеки Тверского музея, Архива Коряжемского монастыря и из Государственного архива Тамбовской области в количестве 35 единиц хранения за 1664—1742 гг.

II — раздел включает документальные материалы монастырей за 1534—1761 гг., объемом 428 единиц хранения. Монастыри расположены в алфавитном порядке по их общепринятым наименованиям. Основная часть документов была получена из коллекции столбцов Тверского музея, меньшая — из Архива Коряжемского монастыря и Государственного архива Калужской области.

Материалы некоторых монастырей данной описи имеются также в составе самостоятельных монастырских фондов ЦГАДА.

III — раздел описи представляет «Монастырские и церковные акты (разные)» за 1627—1842 гг. в объеме 147 единиц хранения, расположенных по хронологии.

Документы архиерейских домов и отдельные монастырские и церковные акты, хотя и сохранившиеся в незначительном объеме, ценны тем, что помогают в той или иной степени восстановлению патриаршего архива. В опись включены грамоты московских патриархов Иоасафа и Иоакима, письма архиепископа холмогорского и важского Афанасия.

Заслуживают также внимания некоторые документы монастырей, особенно относящиеся к XVI в. (см. Антониев Николаевской монастырь, 1545/46 г. — выкупная запись Серко Федорова Олсофьева с братьями игумену монастыря на деревню Медведеву; Кирилло-Белозерский монастырь, июля 6 1534 г. — Грамота великого князя Ивана Васильевича посельскому Белозерского уезда Облязу Иванову Жеребцову о рассмотрении спорного земельного дела между Кирилло-Белозерским монастырем и крестьянами Карачевских деревень). Весьма интересна опись имущества, икон, печатных книг, грамот и других документов XVII в. Николаевского Чернеева монастыря, составленная в 1742 г.

Основную документацию описи составляют выписи из писцовых и межевых книг, грамоты, памяти, вкладные, подрядные записи, отписи, квитанции, покормежные паспорта.

Наиболее полно сохранились документы Николаевского Коряжемского монастыря, Ниловой Столбенской пустыни, Юхнова Казанского монастыря, Вознесенского женского монастыря в Москве и Воскресенского Новоторжского женского монастыря в г. Торжке.

Опись 5 включает материалы Сольвычегодской земской избы в объеме 54 единиц хранения за 1634—1705 гг. Все документы получены из коллекции Тверского музея.

В заключение следует отметить, что все описи имеют титульные листы и подробные оглавления, снабжены географическими, именными и хронологическими указателями.

При использовании документальных материалов коллекции рекомендуется обращать внимание на внешнее оформление документа, особенно на оборотную сторону его, так как на обороте указаны различные номера, пометы, сделаны записи, поставлены штампы и печати, подклеены заголовки, составленные в конце XIX в. и начале 1900—1910-х годов, указывающие на то, в каких собраниях и архивах хранился тот или другой документ до поступления в ЦГАДА. Это может служить указанием для дальнейшего поиска необходимых для исследователя документов.

В приложениях указано на наличие аналогичных материалов в фондах ЦГАДА. Кроме того, материалы идентичные материалам коллекции, т. е. поместно-вотчинные фонды (фонды помещиков), фонды монастырей, архиерейских домов и Сольвычегодской земской избы имеются в Архиве Ленинградского отделения Института истории АН СССР.

Приложение 1

Перечень семейных архивов, включенных в первую опись

Аладовы 1759—1811 гг., 50 д; Алалыкины 1620—1713 гг., 75 д; Аристовы 1635—1801 гг., 31 д; Архаровы 1621—1701 гг., 14 д; Арцыбашевы 1644—1774 гг., 10 д; Афремовы 1779—1848 гг., 33 д; Ахматовы 1623—1703 гг., 9 д; Ашушкины 1617—1696 гг., 29 д; Байдиковы 1678—1702 гг., 6 д; Баклановские 1541—1723 гг., 29 д; Беденевы 1653—1768 гг., 8 д; Бедовы 1675—1706 гг., 21 д; Берновы 1626—1705 гг., 36 д; Бестужевы 1644—1726 гг., 25 д; Благово 1646—1740 гг., 31 д; Бломберги 1642—1731 гг., 130 д; Бобарыкины 1571—середины XVIII в., 26 д; Богдановы 1665—1688 гг., 7 д; Варахеевы 1680—1695 гг., 4 д; Вельяминовы-Зерновы, 1635—первой половины XIX в., 156 д; Веснины 1683—1741 гг., 9 д; Витофтовы 1618—первой половины XVIII в., 27 д; Вышеславцевы 1668—1723 гг., 24 д; Горняковские 1649—1771 гг., 9 д; Городецкие 1686—1713 гг., 17 д; Грамотины 1655—1699 гг., 17 д; Григорьевы 1642—1742 гг., 48 д; Грязановы 1680—1718 гг., 13 д; Гурьевы 1662—1700 гг., 9 д; Давыдовы 1622—1710 гг., 20 д; Дашковы 1684—1721 гг., 11 д; Дирины 1649—второй половины XIX в., 54 д; Досадины 1710—1731 гг., 8 д; Доктуровы 1628—1813 гг., 75 д; Епишевы 1614—второй половины XVIII в., 70 д; Ермолаевы 1670—1723 гг., 23 д; Жадовские 1674—первой половины XIX в., 71 д; Жеребцовы 1599—1755 гг., 68 д; Жуковы 1679—конец XVII в., 14 д; Жураковские 1614—конец XVII в., 8 д; Заборовские 1647—1827 гг., 146 д; Заворовы 1669—1699 гг., 5 д; Заворотковы 1652—1702 гг., 6 д; Загорские 1647—1709 гг., 8 д; Загряжские 1637—1764 гг., 57 д; Захаровы 1623—1776 гг., 40 д; Зеленины 1626—1745 гг., 208 д; Зиновьевы 1639—1741 гг., 18 д; Зиновьевы 1655—1802 гг., 4 д; Змеевы 1641—1717 гг., 6 д; Золотиловы 1629—1770 гг., 42 д; Зыковы 1666—1775 гг., 5 д; Зюзины 1691—1702 гг., 8 д; Карауловы 1634—1692 гг., 4 д; Кафтыревы 1580—1766 гг., 73 д; Качаловы 1678—

1724 г., 30 д.; Квашнины-Самарины 1626—1761 г., 155 д.; Клишковы 1678—1709 г., 18 д.; Козловские 1635—середина XVIII в., 14 д.; Коковцевы не позднее 1645—1721 г., 30 д.; Кошелевы не ранее 1676—1697 г., 14 д.; Кропоткины 1646—1706 г., 14 д.; Кузьмины 1617—1734 г., 79 д.; Кукарины 1657—конец XVII в.; Куломзины не ранее 1630—1762 г., 49 д.; Купелевы 1627—последняя четверть XVIII в., 47 д.; Левашевы 1674—1757 г., 11 д.; Линева 1639—конец XVII в., 8 д.; Лобковы 1550—1758 г., 26 д.; Лодыгины 1699—1896 г., 16 д.; Луневские 1659—1710 г., 19 д.; Лутовшиновы 1621—1701 г., 8 д.; Луцевины 1736—1756 г., 3 д.; Любовниковы 1639—1693 г., 5 д.; Милоковы [1581]—1742 г., 242 д.; Мономаховы 1667—конец XVIII в., 29 д.; Мордвиновы 1636—1770 г., 20 д.; Мышенковы 1632—1705 г., 18 д.; Мясоедовы 1627—1709 г., 45 д.; Наумовы 1635—середина XVIII в., 60 д.; Неклюдовы 1653—начала XVIII в., 200 д.; Нелединские 1568—1772 г., 111 д.; Никифоровы 1701—начало XVIII в., 32 д.; Обарины (Абарины) 1634—1736 г., 86 д.; Одоевские 1650—1692 г., 58 д.; Окуловы 1628—вторая половина XVIII в., 57 д.; Пасынковы 1636—1737 г., 18 д.; Поликарповы 1649—конец XVIII в., 42 д.; Полозовы 1623—1733 г., 25 д.; Полтевы 1612—1716 г., 68 д.; Протасовы 1620—1804 г., 119 д.; Ратковы 1649—1712 г., 10 д.; Ратмановы 1660—1747 г., 28 д.; Редриковы 1658—1720 г., 13 д.; Реткины 1613—1702 г., 14, д.; Ржевские 1659—1708 г., 3 д.; Родичевы 1621—1747 г., 20 д.; Ростопчины 1704—1724 г., 33 д.; Сафоновы 1726—1780 г., 9 д.; Селивачевы 1668—1709 г., 6 д.; Семеновы 1619—1726 г., 46 д.; Симановские 1673—1696 г., 19 д.; Симанские 20-е годы XVII в.—1738 г., 31 д.; Сипягины 1652—1701 г., 15 д.; Собакины 1701—1812 г., 20 д.; Спешневые не ранее 1696—1740 г., 7 д.; Суворовы 1664—1695 г., 8 д.; Суворовы 1668—1726 г., 19 д.; Талутины 1627—1728 г., 83 д.; Текутьевы 1635—1711 г., 26 д.; Телегины 1670—1729 г., 27 д.; Телешевы 1671—1701 г., 23 д.; Тетерины 30-е годы XVII в.—1726 г., 39 д.; Тихменевы 1682—1873 г., 43 д.; Толбугин П. А. 1763—1780 г., 89 д.; Тошильские 1665—1876 г., 53 д.; Тормосовы 1651—1705 г., 17 д.; Травины 1646—1742 г., 25 д.; Трубниковы 1616—1713 г., 48 д.; Тулубевы 1635—XVIII в., 9 д.; Тыртовы 1615—1785 г., 28 д.; Ушаковы [1629]—1732 г., 17 д.; Ушаков И. А. 1698—1701 г., 5 д.; Фамендины февраль—май 1705 г., 2 д.; Федоровы 1646—1685 г., 3 д.; Философов М. И. 1753—1754 г., 4 д.; Френевы 1700—1704 г., 5 д.; Хворостинины 1651—1664 г., 10 д.; Хвостовы 1664—1881 г., 44 д.; Хилковы 1683—1731 г., 4 д.; Хрипуновы 1716—1720 г., 3 д.; Чагины 1644—1699 г., 13 д.; Чашниковы не ранее 1629—не ранее 1726 г., 7 д.; Челлищевы 1628—1866 г., 101 д.; Череповы 1650—1753 г., 42 д.; Чириковы 1656—1697 г., 10 д.; Чичаговы 1656—1700 г., 7 д.; Чоглоковы 1597—XVIII в., 8 д.; Чулковы 1686—1817 г., 14 д.; Чуфаровы 1681—1686 г., 3 д.; Шепелевы 1644—1720 г., 31 д.; Шестицкие 1613—1721 г., 21 д.; Эверлаковы 1697—1723 г., 36 д.; Разные акты 1620—XVIII в., 86 д.

Приложение 2

Перечень семейных архивов, включенных во вторую опись

Аничковы 1684—1812 г., 10 д.; Анисимовы 1642—конец XVII в., 6 д.; Апухтин Алексей Захарович, капитан, служил в г. Керенске 1759—1786 г., 5 д.; Арачьевы 1719—1745 г., 3 д.; Арбеневы, Иван Васильевич, дьяк Печатного и Патриаршего дворов 1688—1697 г., 3 д.; Асоргин 1772—1796 г., 3 д.; Бабины 1653—второй половины XVIII в., 56 д.; Бакунины 1731—1884 г., 36 д.; Бакшеевы 1610—1719 г., 5 д.; Балабановы 1684—1692 г., 4 д.; Бартеновы 1686—1777 г., 6 д.; Барышниковы 1673—конец XVII в., 8 д.; Батюшковы 1675—1721 г., 9 д.; Безобразовы 1666—конец XVII в., 15 д.; Беклемишевы 1637—1732 г., 6 д.; Берсены 1723—1760 г., 55 д.; Бибиковы 1649—1715 г., 56 д.; Бизюкины 1613—1653 г., 12 д.; Бологовские 1638—1693 г., 4 д.; Бунаков Иван Петрович 1708—1712 г., 14 д.; Бутурлины 1649—1704 г., 6 д. (ЦГАДА, ф. 1365, оп. 1, 2); Вадбольские 1729—1772 г., 4 д.; Веселых 1635—1689 г., 6 д.; Воейковы 1693—1821 г., 19 д.; Волконские 1619—1699 г., 10 д. (ЦГАДА, ф. 1366, оп. 1); Волынские 1628—1697 г., 5 д. (ЦГАДА, ф. 1368, оп. 1); Вындомские 1653—1699 г., 3 д.; Глебовы 1678—1692 г., 3 д.; Голенищевы-Кутузовы 1652—1785 г., 19 д.; Голицыны 1683—1808 г., 22 д. (ЦГАДА, ф. 1263, оп. 2, 3); Головкины 1638—1676 г., 3 д.; Головцыны 1694—1724 г., 5 д.; Голохвастов Иев Демидович, думный дворянин 1657—1682 г., 4 д. (ЦГАДА, ф. 1264, оп. 1); Гольские 1682—1699 г., 3 д.; Гупин Андрей Семенович, малорославецкий купец 1769—1770 г., 2 д.; Долгоруковы 1693—1773 г., 12 д. (ЦГАДА, ф. 1373, оп. 1, 2); Дурново (помещики Малоаярославского у.) 1650—1712 г., 15 д.; Дурново (помещики Дедиловского уезда — 3 поколения одной семьи) 1766—1780 г., 10 д.; Евские 1701—1711 г., 5 д.; Елагины 1701—1755 г., 5 д.; Еналевы 1687—1755 г., 5 д.; Еремеевы 1511—XVII в., 1793 г., 11 д.; Есиповы 1641—конец XVII в., 6 д.; Жабины 1686—1717 г., 8 д.; Жемайловы 1670—1695 г., 3 д.; Зайцевы 1656—1693 г., 4 д.; Зарины (Зорины) 1656—1693 г., 45 д.; Захаровы, подьячие 1705—1781 г., 5 д.; Захарьины 1778—1800 г., 17 д.; Зыбины 1676—1858 г., 9 д.; Извековы 1636—1677 г., 3 д.; Изгоковы (Изгаковы) 1638—1694 г.,

7 д.; Изъединовы 1672—[1700] гг., 5 д.; Ильины 1593—1775 гг., 9 д.; Исаковы 1628—1776 гг., 49 д.; Каблукеры 1686—1739 гг., 6 д.; Казимировы 1753—1817 гг., 3 д.; Казначеевы 1652—1690 гг., 3 д.; Кашкаровы 1674—1692 гг., 3 д.; Кильдеяровы, кн. 1625—1692 гг., 3 д.; Киев Никифор Петрович (помещик Бежецкого уезда) 1690—1692 гг., 3 д.; Квяжичины 1677—1723 гг., 4 д.; Кобылины 1616—1715 гг., 46 д.; Ковалев Иван Григорьевич, бельский рейтар 1692—1696 гг., 3 д.; Козловы 1636—1796 гг., 6 д.; Колгашевы, жители г. Петровска, Никита Антонович — купец 1825—1854 гг., 4 д.; Колтовские 1741—1765 гг., 1 д.; Колычевы 1640—[1680-е гг.], 11 д.; Коншины, серпуховские посадские люди 1647—1882 гг., 25 д.; Коржавины 1635—1757 гг., 11 д.; Корины 1647—1782 гг., 31 д.; Корсаковы 1629—1694 гг., 5 д.; Кутайсовы, графы 1800—1801 гг., 4 д.; Кутумовы, князя 1672—1698 гг., 4 д.; Лабоденские 1673—[90-е годы XVII в.], 4 д.; Ларионовы 1661—1770 гг., 5 д.; Леонтьевы 1680—1685 гг., 3 д.; Лецкие первая четверть XVIII в. — 1784 г., 3 д.; Лихачев Михаил Тимофеевич, стряпчий с ключом, окольный с 1686 г., 1685—1723 гг., 1 д.; Лихачев Федор Федорович, думный дьяк, печатник 1610—1684 гг., 19 д.; Лопухины 1679—1908 гг., 17 д.; Лужины 1679 — конец XVII в., 3 д.; Лукьянов Петр, комнатный истопник 1657—1715 гг., 3 д.; Львовы 1660—1817 гг., 23 д.; Маврин Семен Филиппович, сенатор 1836 г., 5 д.; Малыгины 1668—1798 гг., 43 д.; Маметевы 1669—1694 гг., 4 д.; Мамышевы 1685—1688 гг., 3 д.; Манзеи 1799—1846 гг., 13 д.; Манкошевы 1751—1856 гг., 6 д.; Марков Иван Иванович, стремянной конюх 1697—1699 гг., 3 д.; Масловы-Нелединские 1654—1800 гг., 31 д.; Мельнички 1626—1737 гг., 8 д.; Мещерские, князя 1670—1690-ые годы, 5 д. (ЦГАДА, ф. 1378, 1379); Милославские 1658—1707 гг., 5 д.; Мичурины 1638—1696 гг., 3 д.; Мищенко (Мищенковы) 1794—1846 гг., 18 д.; Молотеины 1682—1713 гг., 3 д.; Монастыревы 1673—1699 гг., 6 д.; Муравьевы 1671—1677 гг., 3 д.; Музины-Пушкины 1673—1745 гг., 8 д. (ЦГАДА, ф. 1270, оп. 1, ч. 1, VIII, оп. 2); Мустофины 1617 — [90-е годы XVII в.], 17 д.; Мыщечки, князя 1626 — второй половины XVIII в., 45 д.; Мякинины-Челищевы 1657—1698 гг., 6 д.; Мячковы-Вельяшевы 1671—1712 гг., 9 д.; Нарышкины 1701—1784 гг., 19 д. (ЦГАДА, ф. 1272, оп. 1—2); Нащокины 1649—1757 гг., 11 д.; Недовесковы (родственники их Дербышевы) 1653—1718 гг., 7 д.; Нееловы 1656—1779 гг., 13 д.; Нелидовы 1648—1685 гг., 7 д.; Непейцыны 1642—1706 гг., 12 д.; Неплюевы 1652—1672 гг., 3 д.; Новосильцевы 1676—1767 гг., 4 д.; Ножневы 1694—1752 гг., 6 д.; Ноздрачевы 1686—1732 гг., 15 д.; Норовлевы 1679—1714 гг., 17 д.; Оберщибесовы 1667—1682 гг., 4 д.; Оболенские, кн. 1688—1753 гг., 3 д.; Обошесовы 1667—1751 гг., 41 д.; Обольмасовы 1670—1698 гг., 9 д.; Овцины 1652—1752 гг., 6 д.; Озеровы [начало XVIII в.] — 1795 г., 8 д.; Олсуфьевы 1719—1792 гг., 11 д.; Опачинины (Опочинины) 1680—1782 гг. 5 д.; Остафьевы (Астафьевы, Евстафьев П. М., думный дьяк) 1673—1693 гг., 21 д.; Остреневы 1660—1692 гг., 3 д.; Островские 1681—1689 гг., 4 д.; Панафидины 1698—1780 гг., 4 д.; Панины 1692—1727 гг., 3 д. (ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, ч. 1); Плещевы 1657—1682 гг., 3 д.; Полу бояриновы 1731—1817 гг., 12 д.; Полянке 1687—1803 гг., 9 д. (ЦГАДА, ф. 1276, оп. 1); Посевы 1675—1696 гг., 4 д.; Постельниковы 1651—1779 гг., 4 д.; Протопоповы (Самойловы и Жеребцовы — их родственники) 1647—1739 гг., 31 д.; Путиловы 1701—1768 гг., 7 д.; Путятины, князя 1631 — 1734 гг., 10 д.; Пыжовы 1668—1766 гг., 9 д.; Пятавы 1658—1716 гг., 35 д.; Раковские, тверского архиепископа дети боярские 1661—1703 гг., 3 д.; Ремезов Николай Тимофеевич, московский купец 1814—1816 гг., 5 д.; Ренины 1778—1832 гг., 4 д.; Рельевы 1663—[конец XVII в.], 3 д.; Римские-Корсаковы 1717—1833 гг., 12 д.; Рожновы 1673—[конец XVII в.], 5 д.; Рузановы 1649—1686 гг., 3 д.; Румянцевы 1649—1701 гг., 8 д.; Рыкачевы 1686—1692 гг., 3 д.; Рюмины 1717—1718 гг., 6 д.; Салтыковы 1640—1819 гг., 10 д. (ЦГАДА, ф. 1386, оп. 1); Секирины 1680—1783 гг., 4 д.; Скобеевы 1674—1716 гг., 4 д.; Скобельцыны 1668—1697 гг., 6 д.; Скрипицыны 1647—1701 гг., 4 д.; Соковины 1694—1711 гг., 7 д.; Спечовы 1637—1691 гг., 9 д.; Стоговы 1677—1693 гг., 3 д.; Стрешневы-Жолобовы 1636—1848 гг., 51 д.; Строевы 1640—1726 гг., 8 д.; Стромилы 1727—1818 гг., 28 д.; Субочевы 1691—1696 гг., 3 д.; Сукины 1693—1706 гг., 3 д.; Суковы 1654—1687 гг., 4 д.; Сумароковы 1650—1858 гг., 11 д.; Сухотины-Шелешанские 1674—1851 гг., 17 д.; Сытины 1616—1715 гг., 7 д.; Талызины 1693—1744 гг., 5 д. (ЦГАДА, ф. 1281, оп. 1, 2); Таракановы 1620—1691 гг., 7 д.; Тарбеевы 1669—1747 гг., 6 д.; Тетериновы 1744—1788 гг., 3 д.; Титовы 1585—1776 гг., 18 д.; Тишков Михаил Александрович 1752—1786 гг., 2 д.; Толбузины 1649—1720 гг., 4 д.; Трегубовы 1672—1717 гг., 4 д.; Третьяков Владимир Николаевич, московский купец 1814—1819 гг., 4 д.; Унковские 1662—1720 гг., 38 д.; Фишер 1819—1824 гг., 3 д.; Френевы 1701—1710 гг., 2 д.; Хитрово 1653—1793 гг., 34 д.; Хлоповы 1657—1666 гг., 3 д.; Хомутовы 1651—1679 гг., 3 д.; Храпачевы 1804—1859 гг., 47 д.; Чалпины 1644—1688 гг., 10 д.; Чарторыжские 1726—1764 гг., 4 д.; Черевины 1648—1738 гг., 4 д.; Шамшевы-Белявцевы (родственники Апостол) 1684—1861 гг., 22 д.; Шаховские, князя 1635—1802 гг., 18 д.; Шевелевы 1628—1770 гг., 4 д.; Шелешанские, князя 1639—1863 гг., 20 д.; Шеншины 1677 — 1697 гг., 3 д. (ЦГАДА, ф. 1394, оп. 1); Шереметевы 1619—1735 гг., 17 д. (ЦГАДА, ф. 1287, оп. I, ч. V, оп. 2, ч. II, IV); Шестаковы 1645—1737 гг., 8 д.; Шеталовы 1673—1688 гг., 4 д.; Шигорины 1666—(конец XVII в.), 1770 гг., 5 д.; Шиловы 1618—1691 гг., 5 д.; Ширан (Ширай) 1695—1773 гг., 112 д.; Шишкины 1668—1698 гг., 3 д.; Шишковы 1679—1777 гг., 14 д.; Шубинский Иван Прокофьевич, стряпчий Сытного дворца 1683—1696 гг., 3 д.; Щербатовы, князя 1654—1679, 1735 гг., 7 д. (ЦГАДА, ф. 1289, оп. 1, ч. IV); Щербачевы конец XVII в. —

1774 г., 5 д. (ЦГАДА, ф. 1371, оп. 1); Юреневы 1628—1729 гг., 15 д.; Юсуповы, князья 1654—1699, 1746, 1753 гг., 36 д. (ЦГАДА, ф. 1290, оп. 1, оп. 2, ч. 1); Языковы 1633—1777 гг., 14 д.; Ярылковы 1641—1779 гг., 12 д.

Приложение 3

Список коллекций, включенных в третью опись

Кеврольские акты 1517—1699 гг., 26 д. Из собрания благочинного протоиерея Мезенского Богоявленского собора Гавриила Попова, поступили во второй половине XIX в. в МАМЮ.

Коллекция частных актов Государственного архива Курской области 1622—1838 гг., 38 д., поступили в ЦГАДА в 1966 г.

Сенатские частные акты 1701—1788 гг., 3 д.. Из ф. 248, д. 8341—8343, поступили в МАМЮ из Петербургского сенатского архива в 1895 г.

Соликамские акты 1589—1706 гг., 43 д. Из библиотеки Свердловского областного музея, поступили в ЦГАДА в 1950 г. из Госархива Свердловской области (ф. 66).

Государственные и частные акты (разные) 1514—1917 гг., 1961 д. Более 90% документов из коллекции Тверского музея, остальные — из коллекции Петербургского Археологического института (архива Коряжемского монастыря), ГЛМ, ЦГАЛИ, Музея Революции, частных собраний и отдельные акты из б. сборной описи 419 ЦГАДА.

Приложение 4

Список монастырских учреждений, монастырские и церковные акты, включенные в четвертую опись

I. Архиерейские дома

Вологодский Софийский дом (Вологодская епархия) 1664—1688 гг., 2 д.; из коллекции Тверского музея.

Документы архиепископа Холмогорского и Важского Афанасия 1682—1691 гг., 30 д.; из коллекции архива Коряжемского монастыря.

Духовный приказ архиепископа Рязанского и Муромского 1742 г. 1 д.; из Тамбовского областного архива (в ЦГАДА числилось в ф. 453/1 Шацкая провинция, д. 743).

Новгородский архиерейский дом 1670—1677 гг., 2 д.; из коллекции Тверского музея.

II. Монастыри

Алекسانдро-Свирский монастырь 1689 г., 1 д.

Антониев (Антонов) Николаевский монастырь. (От Краснохолма в 3 верстах Бежецкого Верха Тверской епархии) 1545/46, 1603—1699 гг., 7 д.; из коллекции Тверского музея.

Архангельский монастырь в г. Устюге 1682 г., 1 д.

Богословский монастырь 1719 г., 1 д.

Борисоглебский монастырь в г. Торжке 1693 г., 1 д.; из коллекции Тверского музея.

Вознесенский женский монастырь в Москве в Кремле 1642—1732 гг., 43 д.; из коллекции Тверского музея (в ЦГАДА ф. 1185, оп. 1, 181 д.).

Воскресенский Новоторжский женский монастырь в г. Торжке 1630—1697 гг., 61 д.; из коллекции Тверского музея.

Воскресенский патриарший (домовой) монастырь в г. Череповце 1663—1702 гг., 3 д.; из коллекции Тверского музея.

Гдовский Николаевский монастырь 1701 г., 1 д.; из коллекции Тверского музея.

Голутвин монастырь в Коломне 1619—1692 гг., 1 д.; из местных учреждений ЦГАДА.

Дмитровский Кашинский монастырь 1670—1682 гг., 3 д.; из коллекции Тверского музея.

Зеленецкий Троицкий монастырь в Тихвинском уезде 1680 г., 1 д.; из коллекции Тверского музея.

Иванопредтечев монастырь б/д., 1 д.

Ивонинский монастырь Тверского уезда 1719 г., 1 д.; из коллекции Тверского музея.

Ильинский Вяземский монастырь (Смоленская епархия) 1735 г., 1 д.; из коллекции Тверского музея.

Исетский Успенский монастырь (Пермская епархия) 1674—1679 гг., 2 д.

Казанский Спасо-Преображенский монастырь 1638 г., 1 д.; поступило в XIX в., в МАМЮ.

Кирилло-Белозерский монастырь 1534, 1701 гг., 3 д.; из коллекции Тверского музея (в ЦГАДА, ф. 1441, оп. 1, 2).

Макарьев Троицкий Калязин монастырь 1695—1710 гг., 2 д.; из коллекции Тверского музея (в ЦГАДА, ф. 1193, оп. 1).

Николаевский Коряжемский монастырь Сольвычегодского уезда 1583—1760 гг., 106 д.; из коллекции Петербургского археологического института «Архив Коряжемского монастыря».

Нилова Столбенская (Столобенская) пустынь (монастырь). (Тверская епархия. Осташковский уезд) 1590—1755 гг., 93 д.; из коллекции Тверского музея.

Новодевичий (Московский) монастырь XVII в., 1 д.; из коллекции Тверского музея.

Новоспасский монастырь в Москве 1694—1701 гг., 3 д.; из коллекции Тверского музея (в ЦГАДА; ф. 1197, оп. 1, 2, за XVIII в. с 1747 г.).

Отмицкий Покровский монастырь 1685 г., 1 д.; из коллекции Тверского музея.

Рождественский монастырь в Москве 1679—1702 гг., 2 д.

Соликамский Троице-Сергиев монастырь 1632—1640 гг., 6 д. Соликамские акты, возможно, из библиотеки Свердловского музея.

Спасо-Прилуцкий монастырь 1589, 1611—1679 гг., 11 д.; из коллекции Тверского музея (в ЦГАДА, ф. 1429, оп. 1, 43 д.).

Спасский монастырь в г. Старая Русса 1689/90 г., 1 д.; из коллекции Тверского музея.

Сученгский монастырь (Вологодская епархия) 1621—1634 гг., 4 д.; возможно, из Устюжского архиерейского дома.

Тверской Богородицкий монастырь 1700 г., 1 д. Из ЦГИА СССР.

Тверской Никитский (Марфин) монастырь XVII в., 2 д.; из коллекции Тверского музея.

Тверской Трехсвятицкий монастырь 1628/29 гг., 1 д.; из коллекции Тверского музея.

Троице-Сергиевский монастырь (Московская епархия, с 1744 г. — лавра) 1649—1682 гг., 7 д.; из коллекции Тверского музея (д. 1—5, 7) и ЦГИА СССР (д. 6) (в ЦГАДА, ф. 1204, оп. 1, ч. 15, XVII в.).

Троицкий Холохолинский монастырь Старицкого уезда 1672 г., 1 д., из коллекции Тверского музея.

Угличский Алексеевский монастырь (Ярославская епархия) 1640—1711 гг., 11 д.; из коллекции Тверского музея.

Хутынь Спасо-Варлаамиев монастырь Новгородского уезда 1675 г., 1 д.; из коллекции Тверского музея.

Юхнов Казанский монастырь (Смоленская епархия), б/д, 41 д.; из Госархива Калужской области.

III. Монастырские и церковные акты 1627—1842 гг., 147 д.; из коллекции Тверского музея, кроме д. 19 и 48, — из ГЛМ и ЦГАЛИ.

МАТЕРИАЛЫ ПЕРЕПИСКИ ГУСТАВА ЭВЕРСА

Эпистолярное наследие одного из крупнейших историков первой трети XIX в. Иоганна Филиппа Густава Эверса (1781—1830) редко привлекало внимание исследователей. Достаточно упомянуть, что автор наиболее подробной биографии этого ученого М. А. Дьяконов использовал лишь некоторые сведения из переписки Эверса и К. А. Ливена, которая сохранилась в отделе рукописей библиотеки Тартуского университета¹.

Часть писем Эверса была впервые опубликована А. Л. Шлецером. Разгневанный критикой норманской теории в сочинении Эверса «О происхождении Русского государства»², Шлецер написал добавление к пятому тому своего «Нестора», ядовито-озаглавленное «Der Chasagen—Dichter, ein Selbst—Vertrauer seltner Art» («Выдумщик хазар, в высшей степени самонадеянный»). Чтобы вызвать антипатию читателя к личности Эверса, Шлецер издал здесь несколько его частных писем, снабдив их саркастическими комментариями³.

Некоторые письма Эверса, адресованные непременно секретарю Петербургской Академии наук Н. И. Фуссу (1755—1826), были опубликованы Вильгельмом Штидой⁴. Отдельные сведения из переписки Эверса с попечителем Дерптского университета К. А. Ливеном встречаем в работе профессора истории церкви и теологической литературы Фридриха Буша (1789—1877)⁵; часть этой переписки была подготовлена к печати профессором Фрейбургского университета Фридрихом Бинеманном⁶.

Неопубликованные письма Эверса содержат немало важных фактов, знание которых поможет установить отдельные интересные моменты научной работы этого исследователя, определить его отношение к русской истории и русским ученым.

Наиболее ценные из этих писем сохранились в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина⁷ и Архиве Академии наук СССР (Ленинградское отделение)⁸.

В отделе рукописей ГПБ находятся 2 письма Эверса, датированные 9 ноября и 21 декабря 1808 г.; адресованы они фрау фон Рихтер из Ваймеля⁹, в доме которой

¹ М. А. Дьяконов. Густав Эверс. См.: Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Юрьевского, бывшего Дерптского, университета за 100 лет его существования (1802—1902), т. II. Юрьев, 1903, стр. 510—535.

² Joh. Ph. G. Ewers. Vom Ursprunge des russischen Staats. Ein Versuch die Geschichte desselben aus den Quellen zu erforschen. Riga u. Leipzig, 1808.

³ A. L. Schlözer Nestor. Russische Annalen in ihrer Slavonischen Grundsprache ... 5-ter Teil. Göttingen, 1809, S. XVI—XXXV.

⁴ W. Stieda. Alt-Dorpat. Briefe aus den ersten Jahrzehnten der Hochschule. In: «Abhandlungen der Akademie». Bd. XXXVII, Nr. 2. Leipzig, 1926.

⁵ F. Busch. Der Fürst Karl Lieven und die Kaiserliche Universität Dorpat unter seiner Oberleitung. Dorpat u. Leipzig, 1846.

⁶ Fr. Binemann. Briefe des Fürsten Karl Lieven. In: «Baltische Monatsschrift», 42, Bd. I, Reval, 1895, S. 191—204; 265—280; 422—438.

⁷ См. ф. 124. (Собр. П. Л. Вакселя), ф. 595 (В. А. и Д. В. Поленовы), ф. 731 (М. М. Сперанский).

⁸ См. ф. 1 (Протоколы Петербургской Академии наук), ф. 88 (Густав Эверс. Письма его к Ф. И. Кругу 1813—1830. Дерпт); ф. 89 (Письма к Ф. И. Аделунгу); ф. 149 (Август Христиан Лерберг) и др.

⁹ Впервые в исторической литературе об этих письмах напомнил С. Н. Валк (Русская Правда в изданиях и изучениях 20—40-х годов XIX в. «Археографический ежегодник за 1959 г.» М., 1960, стр. 196, примечание 6). Сообщение С. Н. Валка следует несколько дополнить: приписку к письму Эверса сделал Оттон Рихтер, сын фрау Рихтер.

Эверс состоял в качестве домашнего учителя. В это время Эверс был в Москве, куда привез своих воспитанников для знакомства с достопримечательностями города. Отрывок из первого письма раскрывает отношение Эверса к Н. М. Карамзину.

«Mit Karamsin befreundete ich mich immer mehr. Er scheint fast eine persönliche Zuneigung zu mir zu gewinnen, welches mich doppelt freut, da ich mich eines solchen Glückes nun selten rühmen kann, und bin im gänzlichen Mangel der Eigenschaften, die dazu berechtigen, auf nicht hoffen dar. Wir sprechen in unseren Zusammenkünften über mancherlei Dinge, die nicht zur Historie gehören, und über die meisten sind wir einverstanden. Immer lerne ich von ihm in unserem Fache, kein Mensch weiß so viel von der russischen Geschichte, als er und keiner ist bereitwilliger mich zu unterrichten. «Für Sie tue ich alles», wiederholte er neulich, als ich. . . um etwas bat»¹⁰.

«С Карамзиным подружился я еще больше. Он, кажется, приобрел почти личную симпатию ко мне, что меня вдвойне радует, ибо я редко могу похвалиться таким счастьем, имея полный недостаток тех качеств, которые служат для этого основанием. Мы говорили во время наших встреч о всевозможных вещах, которые относятся не только к истории, и в большинстве случаев мы сдинодушны. Всегда учусь я у него нашей профессии, ни один человек не знает так много о русской истории, как он, и ни один не станет охотнее учить меня. «Для Вас я сделаю все», — повторил он недавно, когда я. . . о чем-то его попросил»¹¹.

Известно, что Карамзин содействовал избранию Эверса в члены Московского Общества истории и древностей российских, помог ему установить знакомство с некоторыми русскими историками. Не без помощи историографа Эверсу удалось снять копию «со старого код[екса] Правды, который более всех других заслуживает капонического признания»¹².

В отделе рукописей ГПБ находится также письмо Эверса к М. М. Сперанскому, содержание которого убеждает нас в повышенном интересе его автора к изучению истории древнерусского права.

Г. Эверс М. М. Сперанскому.

«Eine schriftstellerische Arbeit über «das älteste Recht der Russen» muß seinem Gegenstande nach für Ew. Exellenz von hoher Interesse sein, und wer es magt, solche an's Licht zu stellen, verpflichtet sich herbei ein Exemplar meines, unter jenem Titel so eben erschienenen Buchs. Dasselbe beabsichtigt, außer dem Zwecke, in der heimischen Literatur eine nichtigere Kritik der Pravda einzuleiten, tüchtige Mitarbeiter unter den Gelehrten des Auslandes zu gewinnen, indem ich darauf aufmerksam mache, welche eine Wichtigkeit das Studium der ältesten russischen Geschichte in Hinsicht auf die noch so dunkle Lehre von den ältesten Principien des Rechts und der allmählichen Entwicklung desselben behauptet, da Rußland dem Forscher zwei eigenthümliche Vorzüge darbietet: 1) eine glaubwürdige Chronik, die in so früher Zeit nach der Gründung des Staates abgefaßt ist, wie wir sie von keinem anderen Lande haben; 2) ein ursprüngliches Gesetz, welches die Spuren des höchsten Alterthums an sich trägt, und wahrscheinlich das erste geschriebene Gesetz nach Gründung des Staates ist.

Möchten Ew. Ex. doch finden, daß ich des wichtigen Gegenstandes nicht ganz unwürdig gearbeitet habe!

Genehmigen Sie, . . . den wahren Ausdruck hoher Verehrung, in welcher ich beharre.

Dorpat, 30 Mai 1826. G. Ewers»¹³

«Авторский труд о «древнейшем праве руссов» должен представить по своему предмету большой интерес для Вашего превосходительства, и если мне удалось осветить подобный предмет, то это обязывает предложить Вам экземпляр моей недавно опубликованной под таким же названием книги¹⁴.

Помышляя о том и, кроме того, имея намерение начать в отечественной литературе незначительную критику Правды, привлечь к этому делу способных сотрудников из иностранных ученых, при этом я обращаю внимание на тех, которые отстаивают важность изучения древнерусской истории в отношении до сих пор еще неизвестного учения о древнейших принципах права и постепенном их развитии, причем Россия представляет исследователю собственно два преимущества: 1) достоверную хронику, составленную в скором времени после основания государства, какую мы не имеем ни в одной другой стране; 2) первоначальный закон, который содержит в себе следы глубочайшей древности и, возможно, является первым письменным законом после основания государства.

Желает ли Ваше прев. признать, что моя работа не совсем была недостойна этого важного предмета!

¹⁰ Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (далее — ГПБ), РО, собр. Вакселя, ф. 124, д. 4993, лл. 1 об., 2.

¹¹ Здесь и далее перевод автора статьи.

¹² *Joh. Ph. G. Ewers. Unangenehme Erinnerung an August Ludwig Schlözer.* Dorpat, 1840, S. 6. Эверс имел в виду Синодальный список Русской Правды, находившийся в то время у Карамзина.

¹³ ГПБ, РО, ф. 734, д. 2203, лл. 1—1 об.

¹⁴ Здесь Эверс имел в виду свою работу «Das älteste Recht der Russen in seiner geschichtlichen Entwicklung» (Dorpat—Hamburg, 1826).

Примите искреннее выражение высочайшего почтения к Вам, в котором я постоянно пребываю.

Дерпт, 30 мая 1826 г.

Г. Эверс»

Аналогичное письмо было написано Эверсом в тот же день министру просвещения А. С. Шишкову. Отмечая значение Русской Правды, «памятника, которому ни одна другая страна ничего подобного противопоставить не может», Эверс подчеркивал: «Daß dieses bisher übersehen wurde, ist Schuld der russischen Historiker, die ich theile, und nun durch das vorliegende Werk gern gut gemacht haben möchte»¹⁵. («Что он до сих пор был не замечен, в этом вина русских историков, к которым я причисляю и себя, и только с помощью предлагаемого труда хотелось бы это восполнить»). Вместе с письмом Эверс пересылал 2 экземпляра «Древнейшего права руссов», один из них предназначался для Николая I.

Густав Эверс поддерживал постоянную связь с Петербургской Академией наук. В протоколах Конференции Академии довольно часто встречаются указания на получение книг и рукописей Эверса, краткое содержание отзывов академиков Ф. И. Круга и А. Х. Лерберга о ранних его сочинениях. В отдельных протоколах частично отражена переписка, которую вел Эверс с Академией наук. В письме на имя президента Академии Н. Н. Новосильцова (попало в протокол 1 июня 1808 г.) молодой исследователь делился своими научными планами и просил о поддержке.

«Hier überreiche ich Ew. Exc., als Präsidenten der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, eine Reihe von Untersuchungen über die älteste Historie der Russischen Reiches. Den Gegenstand darf ich nicht erst Ihrer Aufmerksamkeit empfehlen, aber wenn er in meiner Bearbeitung derselben nicht unwert geworden ist; so mag mir eine Bitte vergönnt sein, die nur dadurch gerechtfertigt werden kann: «Geben Sie mir, sehr verehrter Herr geheimer Rat, Gelegenheit, der ältesten Geschichte Rußlands größere Dienste zu leisten; versetzen Sie mich in eine Lage, die Muße und Hilfsmittel gewährt, der Wissenschaft mit Ruhm und Nutzen ein tätiges Leben zu weihen.

Ich wage es nicht, mein Gesuch und den Plan künftiger Arbeiten ausführlicher vorzulegen, bis mir in einer geneigten Antwort die besondere Erlaubniß dazu erteilt ist».

Waimel, bei Dorpat.

Am 16. Dec. [1807]

Gustav Ewers¹⁶

(Здесь преподношу я Вам, В[аше] прев[осходительство], как президенту императорской Академии наук, ряд исследований по древнейшей истории Русского государства. Я не впервые предлагаю Вашему вниманию данный предмет, и если он в моей разработке не потерял ценность, мне суждено обратиться с просьбой, которая только благодаря следующему может быть удовлетворена:

«Дайте мне, глубокоуважаемый господин тайный советник, возможность оказать величайшую услугу древнейшей русской истории; переведите меня в условия, предоставив досуг и пособие, чтобы посвятить свою деятельность с пользой и славой науке.

Я не осмеливаюсь подробнее излагать мое прошение и план будущих работ, пока мне на это в благосклонном ответе не было дано особое разрешение».

Ваймель, возле Дерпта.

16 декабря [1807].

Густав Эверс.

Неизвестно, насколько благожелательным было ответное письмо президента и было ли оно вообще. Но в протоколах Конференции сохранилось второе письмо Эверса, датированное 20 июня 1808 г. (доложено Конференции 6 июля 1808 г.). Этим письмом Эверс извещал о пересылке в Академию наук своего сочинения «Vom Ursprunge des russischen Staats», выражал твердую уверенность в том, что «Русская история может быть создана только в России и особенно древнейшая, где есть источники, которые дают пищу и вызывают чрезвычайное усердие».

«Mehrere müssen sich teilen in das ungeheure Gebiet zu lange vernachlässigten Wissenschaft, wenn sie endlich so bearbeiten werden soll, wie unser Zeitalter in die Ehre eines großen Volkes erheischt. Es sind nicht allein mannigfaltige Dokumente und Denkmähler kritisch zu untersuchen, sondern aus den Chroniken mehrere orientalische und alle europäische Völker bald, zu ergänzen, bald zu berichtigen, darum können und mögen so wenige sich an das Unternehmung wagen.

Lust und Liebe dazu bringe ich, ob auch Talente? — Darüber richte die Akademie.

Ich bin kein geborener Russe, aber die beigelegte Schrift wird zum wenigsten beweisen, daß ich strebe, mich der Nation anzueignen, im deren Mitte ich aufgenommen zu werden wünsche. Meine künftige Arbeiten sollen sich immer zunächst auf sie und ihren Nutzen beziehen, wenn sie Muße und Hilfsmittel gerührt, die einem solchen Zwecke entsprechen»¹⁷.

(«Многие должны принять участие в огромной области с давних пор запущенной науки, которая должна быть разработана так, как этого требует наш век к чести

¹⁵ Центральный Государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 735, оп. 1, д. 174, л. 1 об.

¹⁶ ЛЮААН, ф. 1, оп. 3, д. 75, § 201, лл. 301, 301 об.

¹⁷ ЛЮААН, ф. 1, оп. 3, д. 75, лл. 319 об.—320.

великого народа. Это значит не только критически исследовать одни разнообразие документы и памятники, но скорее дополнить, исправить их за счет хроник многих восточных и всех европейских народов, при этом немногие могут и хотят отважиться на подобную попытку.

К этому имею я желание и любовь, возможно талант? — Об этом решит Академия.

Я не русский по рождению, но прилагаемое сочинение в какой-то мере докажет, что я стремился освоиться с нацией, в среде которой желал бы найти пристанище. Мои будущие работы должны касаться ее и ее нужд, если она предоставит мне свободное время и пособие, которые будут отвечать подобной цели».

Эверс вел оживленную переписку с русскими академиками Ф. И. Кругом¹⁸, Х. Д. Френом¹⁹, А. Х. Лербергом²⁰ и Ф. П. Аделунгом²¹. Лучшее всего сохранилась его переписка с Кругом: кроме 52 писем Эверса Кругу, имеются еще и черновики к ответным 34 письмам Круга²². Эта переписка, несомненно, имеет большое значение для выяснения некоторых важных моментов творческой деятельности обоих ученых.

Эверс подробно извещал Круга о своих научных планах и ходе исследовательской работы, нередко обращался к нему за помощью (прежде всего по поводу пересылки почтой тех или иных источников), жаловался на загруженность административными делами, что препятствовало осуществлению его творческих замыслов.

Круг связывал Эверса с Петербургской Академией наук, с отдельными русскими учеными. Довольно часто он выступал в качестве наставника Эверса. Характерен в этом отношении отрывок из письма Круга Эверсу от 21 марта 1813 г., в котором шла речь о необходимости установления контактов с канцлером Н. П. Румянцевым.

«Schreiben Sie dem Kanzler mit dem Post, . . . französisch, sagen Sie ihm, seine Liebe zu den Wissenschaften, sein Eifer für die Verbreitung nützlicher Kenntnisse und neuer Wahrheiten, besonders im Fache der vaterländischen Geschichte, von der er so ein großer Kenner sein, wären so allgemein bekannt, daß Sie u. s. w. Sie bäten um Erlaubnis Monseigneur die Schrift eignen und in die Vorrede sagen zu dürfen, daß Sie auf seine Kosten gedruckt . . .» «Lassen Sie es an Weihrauch in den Briefen nicht fehlen (was Sie in der Vorrede sagen, kann schon etwas kälter abgefasst sein) und ich bin gewiß, er greift mit beiden Händen zu, und Sie haben sich noch außerdem an ihm ein großer Gönner erworben»²³.

(«Напишите канцлеру по почте . . . по-французски, скажите ему, что его любовь к наукам, его усердие к распространению необходимых знаний и новых истин особенно в области отечественной истории, в которой он является таким большим знатоком, стали повсюду известны, что Вы и т. д. Вы просили бы разрешения преподнести монсеюну сочинение и хотели бы высказать в предисловии, что оно печаталось на его счет. . .») «Не скупитесь на фимиам в письмах (то, что Вы выскажете в предисловии, окажется уже несколько холоднее), и я уверен, он схватится за это обеими руками, а Вы приобретете, кроме всего прочего, величайшего покровителя в его лице»).

Вероятно, советы Круга оказались не напрасными: письмом от 15 января 1815 г. он извещал Эверса о доброжелательном отношении к нему Румянцева.

«Dienstag abend kam der Kanzler an, Mittwoch lud er mich zu Tische und sagte mir, er habe schon ein Teil Ihres Buches durchgelesen und werde Ihnen selbst darüber schreiben»²⁴.

(«Во вторник прибыл канцлер, в среду пригласил меня к столу и сказал, что он уже прочитал часть Вашей работы и сам об этом Вам напишет»).

К сожалению, ответное письмо Н. П. Румянцева пока не обнаружено. Известно только, что работа Эверса «История руссов» была напечатана на средства Румянцева.

Приведенные материалы с достаточной убедительностью свидетельствуют о складывании научных воззрений Эверса, о раннем пробуждении его повышенного интереса к занятиям русской историей. Формирование Эверса как ученого проходило под непосредственным влиянием не только немецкой исторической науки, но и русской историографии. Значительную роль в этом сыграло благотворное сотрудничество Эверса с Петербургской Академией наук, Н. М. Карамзиным, русскими академиками Х. Д. Френом, А. Х. Лербергом, Ф. И. Кругом и др.

Именно в работах Густава Эверса (прежде всего — в «Истории руссов» и «Древнейшем праве руссов») нашло явное отражение своеобразное сочетание теоретических определений и обобщений, являющихся достоянием немецкой историографии, с одной стороны, и целого ряда различных тенденций, идей и принципов, составляющих достижения русской исторической науки, с другой. Вот почему изучение творческого наследия Эверса может способствовать в определенных пределах освещению некоторых вопросов истории русско-немецких культурных и историографических связей начала прошлого столетия.

¹⁸ ЛО ААН, ф. 88, оп. 2, д. 106.

¹⁹ Там же, ф. 778, оп. 2, д. 382.

²⁰ Там же, ф. 149, оп. 1, д. 36.

²¹ Там же, ф. 89, оп. 2, д. 136.

²² Там же, ф. 88, оп. 1, д. 138.

²³ Там же, л. 32.

²⁴ Там же, л. 37 об.

В. П. Козлов

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ПИСЬМА К. Ф. КАЛАЙДОВИЧА К Н. П. РУМЯНЦЕВУ

Русского историка Константина Федоровича Калайдовича (1792—1832 гг.) можно с одинаковым основанием назвать археологом, палеографом, нумизматом, источниковедом и каждое из этих определений достаточно полно отражает характер его научной деятельности. Большой вклад сделан им в развитие отечественной археологии — широко известны его издания древнерусских источников: Русской Правды¹, Сборника Кириши Данилова², Судебников 1497 и 1550 гг.³, ряда памятников древнерусской и древнеславянской литературы и письменности⁴.

Деятельность этого исследователя была высоко оценена современниками, но еще больше привлекла внимание ученых после его смерти. Биограф Калайдовича П. И. Бессонов, широко использовав в своей работе сохранившийся архив историка, подчеркнул большой научный интерес хранившихся там материалов, особенно писем. Он же опубликовал в своей работе⁵ часть переписки Калайдовича. Следует отметить, что обращение к эпистолярному наследию этого исследователя все же носило случайный, эпизодический характер. А между тем письма историка являются не только важным биографическим источником. Калайдович был в числе тех, чьи письма выходили далеко за рамки бытовых описаний: в них ставятся, решаются многие научные проблемы, волновавшие исследователей того времени. Свои наблюдения, мысли он не всегда делал известными широкому читателю, и поэтому письма Калайдовича значительно расширяют наши представления о его научной деятельности, интересах. Они служат интересным источником по истории археологии, источниковедения, палеографии, наконец, дополняют известные сведения о представлениях исследователей того времени на отдельные события русской истории.

Видное место среди корреспондентов Калайдовича занимал граф Н. П. Румянцев. Часть их ранней переписки опубликована⁶. Тридцать пять неизданных писем Калайдовича к Румянцеву за 1822—1825 гг. хранятся в ЦГАДА⁷. Они переплетены с перебивкой листов в твердый картонный переплет вместе с черновиками (часто не законченными) ответов Румянцева. Все письма — автографы. Здесь же находятся копии двух писем Калайдовича к И. И. Григоровичу, снятые для Румянцева, об издании «Белорусского архива древних грамот»⁸.

Что же привело к связи скромного «любителя российских древностей» с крупным русским сановником? Румянцев, одно время занимавший пост государственного канцлера, после 1812 г. оказался в стороне от активной политической деятельности. Человек просвещенный, он еще в пору своей молодости заинтересовался русской историей, занимаясь ставшим модным в то время коллекционированием исторических источников. Граф разработал программу изучения прошлого России и для ее выполнения привлекал людей, снискавших авторитет своими знаниями. В их числе оказался и Ка-

¹ «Русские достопамятности, издаваемые Обществом истории и древностей российских», ч. I. М., 1815.

² «Древние российские стихотворения, изданные Киришю Даниловым». М., 1818.

³ «Законы великого князя Иоанна Васильевича и Судебник царя и великого князя Иоанна Васильевича с дополнительными указами, изданные Константином Калайдовичем и Павлом Строевым». М., 1819.

⁴ «Памятники российской словесности XII века». М., 1822; «Иоанн ексарх Болгарский. Исследование, объясняющее историю славянского языка и литературы», М., 1925.

⁵ П. Бессонов. Материалы для жизнеописания К. Ф. Калайдовича. — «Чтения ОИДР», кн. 2. М., 1862.

⁶ П. Бессонов. Указ. соч., стр. 143—200; «Переписка митрополита Евгения с Н. П. Румянцевым», вып. 1—3. Воронеж, 1868—1871, стр. 14, 29, 152—154.

⁷ ЦГАДА, Госархив, Разряд XVII, ед. хр. 50 доп.

⁸ Там же, лл. 181—184 об., 205—206 об.

Калайдович. С 1816 г. он начал работать в организованной при Московском архиве Коллегии иностранных дел Комиссии печатания государственных грамот и договоров сначала контр-корректором, а затем главным смотрителем и с тех пор стал основным помощником Румянцева в отыскании, изучении и издании исторических памятников. Было бы слишком просто видеть во взаимоотношениях Калайдовича и Румянцева только материальную сторону (почти все издания и исследования историка финансировались графом). Человек фанатично преданный своему делу, со сложным и подчас неприятным для окружающих характером, Калайдович видел в Румянцеве не скупающего сановника, а знающего, внимательного слушателя и читателя, с пониманием (хотя и по-своему) относящегося к задачам русской исторической науки.

Рассматриваемые письма значительно дополняют ранее известные материалы о взаимоотношениях Калайдовича и Румянцева. 1822—1825 гг. в жизни Калайдовича были временем наиболее активной научной деятельности. Он издает «Памятники российской словесности XII века», свое первое археологическое исследование⁹, редактирует исследования и публикации своих коллег: П. И. Кепшена¹⁰, Д. Н. Бантыша-Каменского¹¹, Р. Ф. Тимковского¹², И. И. Григоровича¹³, много путешествует по стране в поисках исторических памятников, готовит описание одной из известных московских библиотек графа Ф. А. Толстова, наконец, приступает к основному труду своей жизни — исследованию творчества болгарского писателя X века Иоанна екзарха.

Поскольку большинство этих начинаний финансировал Румянцев, Калайдович подробно информирует графа о своих научных занятиях, например о работе над «Иоанном екзархом Болгарским»¹⁴, «Белорусским архивом»¹⁵. Еще в 1814 г. историк предложил Румянцеву описать рукописи Синодальной библиотеки. В России подобное мероприятие предпринималось впервые, но только в 1825 г. между Калайдовичем и Румянцевым был заключен договор, который так и не был осуществлен до конца из-за последовавшей вскоре смерти графа. Но о том, насколько серьезно подошел Калайдович к своей работе по описанию Синодальной библиотеки, свидетельствует его письмо от 22 апреля 1825 г. «Принимая с лестнейшим для меня удовольствием милостивое внимание Вашего сиятельства к началу труда моего при описании рукописей Синодальной, или Патриаршей, библиотеки, почту себя несказанно счастливым, если могу оправдать ожидания Ваши в открытии какого-либо древнейшего памятника нашей истории или словесности. Впрочем, описание производится с такою осмотрительностью, что не только статья историческая, ниже ни одна из мелких духовного содержания под особым заглавием не пропускаются в моем каталоге. Я сохраняю в точности послесловия писцов и разного рода приписки, заслуживающие внимание по каким-либо отношениям»¹⁶.

Калайдович внимательно следил за новой исторической литературой, сообщая свои мнения Румянцеву. В большинстве случаев они были на уровне научных представлений того времени, но часто свидетельствуют о гораздо большем знании рассматриваемых современниками предметов, критическом подходе к выводам того или иного автора. Так, долгое время занимаясь изучением «Слова о полку Игореве», Калайдович 1 октября 1822 г. в качестве «литературной новости» говорит Румянцеву о появлении работы Н. Ф. Грамматина «Критическое рассуждение о «Слове о полку Игореве», считая, что в ней «многое делает честь разыскателю»¹⁷, хотя тот «излишне вдается в словопроизводство и неумерен в отзывах о тех лицах, которые и ему проложили путь к объяснению»¹⁸. Еще интересное письмо от 19 февраля 1825 г., где по просьбе Румянцева Калайдович рассматривает недавно появившуюся книгу «Опыт в старинной русской дипломатике, или способ узнавать на бумаге время, в которое писаны старинные рукописи, с приложением рисунков вологодского купца Ивана Лаптева» (СПб., 1824). Серьезность суждений в рецензии на труд Лаптева — результат огромного опыта историка в исследовании вопроса, свидетельство определенных теоретических обобщений, хотя и ограниченных знаниями своего времени. «Г. Лаптев, — считает Калайдович, — представляет в своем труде только легкое начало к тому способу распознавать старинные рукописи, который принимается в уважение, когда настоящее сви-

⁹ К. Ф. Калайдович. Письма... к Алексею Федоровичу Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии, с рисунками найденных там в 1822 году древностей. М., 1823.

¹⁰ «Список русским памятникам, служащим к объяснению словесности и художеств, собранный Петром Кепшеном». М., 1822.

¹¹ «История Малой России, сочинение Д. Н. Бантыша-Каменского», М., 1822.

¹² «Летопись Несторова по древнейшему списку мниха Лаврентия». М., 1824.

¹³ «Белорусский архив древних грамот», М., 1824.

¹⁴ ЦГАДА, Госархив, Разряд XVII, ед. хр. 50 доп., лл. 96—96 об., 205—206 об.

¹⁵ Там же, лл. 205—206. Находящиеся здесь же копии писем Калайдовича к Григоровичу достаточно подробно раскрывают его работу как редактора «Белорусского архива», и, следовательно, недавно высказанное мнение о его непричастности к этому изданию следует признать ошибочным (см. Н. Н. Улащик. Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода. М., 1973, стр. 21).

¹⁶ Там же, л. 82.

¹⁷ Там же, л. 206 об.

¹⁸ Там же, л. 216 об.

детельство времени — почерк, приводит палеографа в недоумение, умалчивая о том, что такого рода примета обнимает только рукописи не свыше XVI столетия-времени, в которое появилась бумага. Замечу, что в собрании Лаптева, включающем бумажные знаки с 1439 г. по 1700 гг., пропущены некоторые уже известные (из письма Оленина к Мусину-Пушкину, Судебника, Софийского временника и Екзарха), что сии знаки не известны и не описаны: не разыскано, из какого города или, по крайней мере, государства была ввозима к нам бумага (например, со знаком бычачьей головы из Бамберга XV и начала XVI в.) и, наконец, вовсе умолчено, из каких рукописей оные клейма заимствованы. Для дополнения книжки Лаптева необходимы пособия иностранные, ибо до времен Петра Великого мы едва ли имели свою бумагу. При сем государе заведена была близ Петербурга первая, сколько известно, бумажная Дудоровская фабрика. Я храню у себя листок, на коем сквозной знак изображает два лица, стоящие по бокам креста со словами: «Иоанн Мазепа, гетман». Может быть, это один из первых образцов бумаги, деланной в Малороссии. Обращаясь к труду Лаптева, замечу, что оный достоин уважения по благонамеренности, по новостям у нас сего предмета и по желанию сочинителя пополнить и исправить ошибки и недостатки, если первый опыт будет принят благосклонно»¹⁹.

В письме от 22 апреля 1825 г. Калайдович рассматривает исследование С. Русова о дочерях Ярослава, весьма скептически относясь к основному выводу исследователя. «Автор старается доказать, — пишет он, — вопреки существовавшему мнению, что Анна, супруга французского короля Генриха I, была не из нашего отечества, но из Руссии Аквитанской. Мнение важное и любопытное, но чего-то нет в доказательствах или яснее: они не сведены к надлежащему концу. Ученый француз, сведущий в древностях своего отечества, мог бы нам раскрыть сие обстоятельство. Между тем, в одно и то же время во второй части трудов исторического общества (имеются в виду «Записки и труды ОИДР». — В. К.) появилась догадка г. Бекетова, (у коего богатый милиц-кабинет) совершенно противная предположениям Русова. Первый полагает, что известное серебро Ярославле есть медаль, выбитая по случаю брачного союза Анны Ярославны с Генрихом I и что изображенные на оной медали по краям буквы «АМН» означают год—1048, тот самый, в котором последовало бракосочетание»²⁰.

Румянцев был обладателем одного из ценнейших исторических собраний, насчитывавшего до 28 тыс. книг, 200 рукописей, множество монет и медалей. Новые письма значительно расширяют наши представления о роли Калайдовича в комплектовании Румянцева собрания. В 1822 г. историк предпринял путешествие по Подмосквовью. Приобретениям, сделанным им для Румянцева, посвящено его письмо от 18 сентября 1822 г., в котором он сообщает как о «важнейшей» из своих находок — медной гривне «представляющей воина с поднятым над головою мечом или палицею»²¹. Покупки, сделанные для графа на Макарьевской ярмарке, Калайдович подробно перечисляет в своем письме от 1 октября 1822 г. В их числе оказались два печатных евангелия (по предположению Калайдовича, одно из них относилось к началу XVI в., второе — изданное в 1591 году в Вильно Л. Мамоничем) и медная медаль следующего вида: «С одной стороны представлен, кажется, всадник; конь его топчет нечто ногами, на обороте видна бегущая собака. Медаль должна быть стара и довольно любопытна»²².

Тесные связи с известными в то время торговцами древностями — купцами Аверинным, Шульгиным, Царским помогли Калайдовичу узнавать о появившихся рукописи, книги, монеты, а так как личные средства не всегда позволяли историку покупать все это для себя, то о каждой интересной находке он спешит уведомить Румянцева. Так, 26 октября 1822 г. Калайдович сообщает графу о продающемся евангелии: «Во время пребывания Вашего сиятельства в Москве, я имел честь, между прочим, представить Вам списанное послесловие одного достопримечательного евангелия, напечатанного в Вильно 1575 г. товарищем первого нашего типографщика Петром Тимофеевым Мстиславцем. Тогда Ваше сиятельство изъявили желание приобрести сию редкую книгу. Теперь найден хорошо сбереженный экземпляр оной, отпечатанный с отличным искусством, форматом в лист, которых содержит 406, с четырьмя гравированными изображениями евангелистов. Евангелие сие напечатано на белой голландской бумаге, прекрасного шрифта, продолговатыми буквами с фигурными заставками; надписи книг и зачал изображены киноварью. Из препинательных знаков употреблены запятые и точки и часто не у места, и нередко слова набраны сплошь, без расстановки одного от другого. В конце строк нет знака переносного и преречий в конце страниц. Щет листов, инде неверный, означен внизу под правым углом страницы. . . В продаваемом экземпляре по листам находится следующая надпись: «Сие евангелие дано его до церкви Успения пречистой богородицы в монастырь. Лете, в року от рождества Христова 1698, июня 1 дня рабы божей Евфистии, называемой Зофеи Федоровни по лозовни Езефовое Будиловое, лежащее в той церкви в приделе святого духа»²³. Из письма Калайдовича от 16 ноября 1822 г. становится известно, что владелец книги, недовольный предложенной Румянцевым ценой, забрал ее. С горечью историк писал,

¹⁹ Там же, лл. 96—96 об.

²⁰ Там же, л. 82 об.

²¹ Там же, лл. 205—205 об.

²² Там же, лл. 201—202.

²³ Там же, лл. 20—20 об.

что «Шульгин и подобные продавцы требуют непомерные цены за свои редкости, часто из третьих рук им доставшиеся, но не имея возможности сам собою приобрести оные, [я] должен по необходимости донести Вашему сиятельству о том, что уже попало к людям желающим большими пользоваться выгодами»²⁴.

Сообщения о других виденных или купленных Калайдовичем для Румянцева рукописях и книгах находятся в его письмах от 23 ноября 1822 г. (о евангелии учительном, изданном Ходкевичем)²⁵, 29 декабря 1824 г. (о «литовской полууставной рукописи XVI века» и пергаменном «Октоихе»)²⁶, 23 января 1825 г. (о пергаменном евангелии 1270 г.)²⁷, 15 июля 1825 г. (о рукописном евангелии 1544 г.)²⁸, 31 августа 1825 г. (о четырех пергаменных евангелиях XIII—XIV вв.)²⁹, 12 и 29 октября 1825 г. (о пергаменном евангелии 1401 г.)³⁰, 2 ноября 1825 г. (о рукописном сборнике XVII в., содержащем духовные статьи и Уложение 1649 г.)³¹, 16 ноября 1825 г. (о шести «древних рукописях», купленных для Румянцева у купца Мельникова)³², 7 декабря 1825 г. (о покупке рукописей Свиньины)³³.

Как видно из писем, немалую роль сыграл Калайдович и в комплектовании монетной коллекции Румянцева. К 1825 г. историк имел свое богатое нумизматическое собрание³⁴, вошедшее потом в коллекцию Общества истории и древностей российских³⁵. О приобретении и поисках им для Румянцева монет и медалей свидетельствуют письма Калайдовича от 26 октября и 16 ноября 1822 г. (о нумизматических коллекциях купца Свешникова и калужского дворянина Луполя)³⁶, 23 ноября 1822 г. (о «татарских серебряных деньгах»)³⁷, 21 июня 1824 г. (о «старинных монетах, из коих многие довольно важны»)³⁸, 28 июня и 15 июля 1825 г. (о медной монете «принадлежащей к пулам»)³⁹, 9 ноября 1825 г. Калайдович поздравлял Румянцева «с приобретением действительно важным: двух тверских пул, золотой и медной, на коей изображена бычачья голова», отмечая в то же время, что «ревностное желание купить для Вашего сиятельства пулу рязанскую и медную полтину царя Алексея Михайловича осталось тщетным по корыстолюбию продавцов»⁴⁰. Письма от 5 августа 1824 г.⁴¹ и 31 августа 1825 г.⁴² свидетельствуют о попытках историка собрать сведения о кожаных деньгах, найденных якобы недалеко от Москвы и кладе серебряных монет, выкопанном в районе Перевитска. Наконец, покупки серебряной монеты «с изображением петуха и русскою неясственною надписью, а на обороте татарскою. . .» касается письмо Калайдовича от 7 декабря 1825 г.⁴³ В ряде писем сохранились зарисовки купленных или виденных монет и медалей, а также подробные описания приобретенных рукописей.

Интересны замечания историка о присланных ему Румянцевым для определения научной, а иногда и денежной ценности рукописей и книгах. Иногда они настолько обширны, что по существу становятся целыми исследованиями, где видна эрудиция ученого, тщательность источниковеда и палеографа. Таковы письма историка от 23 ноября 1822 г. о евангелии учительном, изданном Ходкевичем⁴⁴, 5 февраля 1823 г. о библии 1499 г.⁴⁵, 13 декабря 1823 г. о Триоди цветной Феоля⁴⁶, 21 июня 1824 г. об изданном в 1595 г. в Остроге «Маргарите» Иоанна Златоуста⁴⁷. Рассмотрению трех присланных от графа книг: печатного «Креколяя», списков конца XVII в., «Риторики» Софрония Лихуды и «Десидерия» посвящено письмо историка от 24 июня 1824 г. В нем же он анализирует рукопись «по времени письма не старше первой половины XVI века», отмечая, что в ней «слова и обороты совсем не древние и нет ни одной из той примет, которые известны Вашему сиятельству. Скороспичная приписка, на конце помещенная, подозрительна тем, что кажется написана для каких-либо причин гораздо позже того времени, когда начертана вся книга, именно в XVII в., и носит признак

²⁴ ЦГАДА, Госархив, Разряд XVII, д. 50 доп., лл. 192—192 об.

²⁵ Там же, лл. 186—187.

²⁶ Там же, лл. 106—107.

²⁷ Там же, лл. 103—105.

²⁸ Там же, лл. 68—68 об.

²⁹ Там же, лл. 65—66 об.

³⁰ Там же, лл. 17—17 об.; 22—23.

³¹ Там же, лл. 7—7 об.

³² Там же, л. 13.

³³ Там же, лл. 132—133.

³⁴ П. Бессонов. Указ. соч., стр. 19.

³⁵ ГБЛ, ф. 203, «ОИДР», кн. 4, лл. 155—156.

³⁶ Там же, лл. 195 об.—196; 192 об.

³⁷ Там же, л. 186.

³⁸ Там же, л. 169 об.

³⁹ Там же, лл. 72—72 об.; л. 68.

⁴⁰ Там же, л. 11.

⁴¹ Там же, л. 155.

⁴² Там же, л. 66 об.

⁴³ Там же, л. 132.

⁴⁴ Там же, л. 187.

⁴⁵ Там же, лл. 215 об.—216.

⁴⁶ Там же, л. 263.

⁴⁷ Там же, л. 167.

явного подлога, хотя и старого по означению 5605 г., в котором будто бы она написана. Впрочем, может быть, сей год должно относить ко времени введения в употребление евангелия, чего на сей раз не могу припомнить»⁴⁸. Письмо от 26 июня 1824 г. подробно анализирует содержание сборника житий святых с указанием тех из них, «которые почему-либо относятся к нашей истории и литературе»⁴⁹. Рассмотрению четвертной рукописи житий святых посвящено и письмо историка от 12 июля 1824 г. По мнению Калайдовича, она вместе с евангелием, изданным «прежде 1660 года», «достойны занять место в библиотеке Вашего сиятельства; первая по тому уважению, что жития российских святых не чужды гражданской истории, для коей нередко служат пособием, а в этом сборнике находится много любопытного; вторая замечательна по своей редкости картинками (памятниками младенствующего искусства) и по особенно чистому сбережению»⁵⁰.

Таковы в основном те вопросы, которые затрагивались в письмах Калайдовича к Румянцеву. Являясь важным источником по истории создания одной из крупнейших частных библиотек России XIX в., они существенно дополняют представления и об их авторе — Калайдовиче как одном из скромных тружеников науки, со страстью занимавшегося сбором и изучением древних памятников.

⁴⁸ Там же, лл. 161—161 об.

⁴⁹ Там же, лл. 158—160.

⁵⁰ Там же, лл. 173—174.

М. А. Робинсон

ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ АКАДЕМИКА А. А. ШАХМАТОВА

Переписка выдающихся ученых нередко содержит важные данные для изучения их научной деятельности и общественных взглядов. Введение в оборот их рукописного наследия является важнейшей задачей историографии. Одной из плодотворных форм этой работы должна стать публикация обзоров личных фондов историков.¹

Эпистолярное наследие академика А. А. Шахматова (1864—1920) весьма обширно и еще мало изучено². В числе многочисленных адресатов и корреспондентов Шахматова были крупнейшие русские ученые: историки, археографы, этнографы, искусствоведы, литературоведы, языковеды, ученые самой различной специализации (слависты, востоковеды, филологи-классики и др.); известные юристы, медики, писатели и другие деятели русской культуры, а также видные зарубежные ученые.

В настоящей статье вниманию читателя предлагаются списки адресатов и корреспондентов Шахматова, составленные по материалам ленинградских хранилищ. Общая картина размещения эпистолярного наследия ученого следующая: наибольший комплекс писем Шахматова как по числу адресатов, так и по количеству писем, хранится, так же как и его собственный фонд (134), в Ленинградском отделении Архива АН СССР (ЛЮ ААН СССР), где насчитывается более 50 фондов, содержащих эти письма. Затем следует Центральный государственный архив литературы и искусства СССР (Москва) — более 30 фондов, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР — 19 фондов, Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград) — 14 фондов, Государственный исторический музей (Москва) — более 10 фондов, Архив АН СССР (ААН СССР) (Москва) — 4 фонда, архив Ленинградского отделения института истории СССР АН СССР — 1 фонд³.

¹ См.: С. О. Шмидт. О методике выявления и изучения материалов по истории советской исторической науки. — «Труды МГИАИ», т. 22. М., 1965, стр. 38.

² Отдельные письма Шахматова и некоторых его корреспондентов привлекали внимание ученых, они публиковались, см.: «Из истории языкознания. Из переписки А. А. Шахматова с Ф. Ф. Фортунатовым.» — «Вопросы языкознания», 1958, № 3, стр. 60—75; «К биографии А. А. Шахматова» [Сообщила Э. И. Коротаева]. — «Научные доклады высшей школы. Филологические науки», 1965, № 2 (30), стр. 163—171; С. В. Чирков. Письмо А. Е. Преснякова А. А. Шахматову (К характеристике преподавательской деятельности А. Е. Преснякова). — «Материалы научной студенческой конференции», вып. II. Московский государственный историко-архивный институт. М., 1970, стр. 48—54; М. А. Робинсон. Документы из архива А. А. Шахматова (А. А. Шахматов и В. В. Виноградов). — Там же, стр. 54—59; С. О. Шмидт. «Справка» В. Д. Бонч-Бруевича о деятельности академика А. А. Шахматова. — «Археографический ежегодник за 1970 год». М., 1971, стр. 375—377. Письма также использовались в научных исследованиях, см.: А. Дерман. Академический инцидент (История ухода из Академии наук В. Г. Короленко и А. П. Чехова в связи с «разъяснением» Горького). Симферополь, 1923; Г. А. Князев. Максим Горький и царское правительство. К 30-летию избрания М. Горького в почетные академики. — «Вестник АН СССР», 1932, № 2, стр. 24—44; Н. Козмин. Максим Горький и императорская Академия наук (По неофициальным документам). — «Историк-марксист», 1938, кн. 4, стр. 53—74; А. В. Кольцов. В начале великой эпохи (По материалам Архива Академии наук СССР). — «Вестник АН СССР», 1967, № 8, стр. 69—75; М. А. Робинсон. А. А. Шахматов и студенческие волнения в Петербургском университете в 1911 году. — «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», 1971, т. XXX, вып. 2, стр. 151—157; С. В. Чирков. А. А. Шахматов и А. Е. Пресняков (По материалам архива А. Е. Преснякова). — «Исторические записки», т. 88, М., 1971, стр. 384—395.

³ Ряд фондов с письмами Шахматова имеется также в Отделе рукописей в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина.

Предварительно следует заметить, что писем самого Шахматова в его фонде в ЛО ААН СССР почти нет, так как он, по-видимому, не оставлял их копии; все же обнаруженные в других фондах письма являются автографами. Немногие копии и черновики писем и других документов из фонда Шахматова особенно ценны в тех случаях, когда подлинники не сохранились, они проливают свет на сложные и острые проблемы общественной деятельности ученого. Например, черновик заявления Общего собрания Академии наук от 27 октября 1905 г. с требованием удалить полицию и войска из двора здания Академии наук⁴ был составлен Шахматовым, и заявление с незначительными изменениями было принято собранием⁵. Интерес представляют также копия заявления Шахматова в Совет Петербургского университета в 1911 г. с отказом от чтения лекций и требованием удалить из университета полицию, черновики его писем университетской администрации по этому же поводу⁶. Основная часть переписки Шахматова посвящена научным и научно-организационным проблемам. Специального изучения со стороны языковедов требует переписка с академиками Ф. Ф. Фортунатовым и Ф. Е. Коршем⁷. Она содержит обширные материалы по различным вопросам языкознания (с привлечением огромного количества языковых примеров)⁸, в частности по вопросам собирания и изучения диалектологических данных. Многие корреспонденты Шахматова сообщали ему интересовавшие его сведения.

Особый интерес, на наш взгляд, представляют письма Шахматова, в которых отражаются, во-первых, общая проблематика и тематика его научной деятельности, планы исследовательских работ, и, во-вторых, некоторые его общественно-политические взгляды, связанные с современными ему событиями.

В переписке отражены отдельные общие вопросы, занимавшие одно из главных мест в творчестве Шахматова при изучении истории русского языка. В качестве примера может служить его подлинно научное отношение к заказу из энциклопедии: «Я согласился написать статью «Русский язык» для Энцикл[опедического] словаря Ефрона и по поводу этого пришлось пересмотреть главные и основные вопросы истории нашего языка»⁹. Эта работа получила дальнейшее развитие: «Этим летом (а оно, быть может, начнется для меня рано, так как выезжаю 12-го мая) хочу рискнуть на очень смелое предприятие: дать очерк (быть может, пока краткий) истории русского языка во всем его объеме. Разумеется летом я окончу только в черновом виде самый остов. Потребуется еще года два—три на его обработку»¹⁰. И далее: «Я пишу о двух звуковых явлениях русского языка, между прочим о втором полногласии»¹¹. Исследования в этой области в дальнейшем нашли университетское применение: «С увлечением читаю теперь курс истории русского языка и рад, что вернулся к лингвистическим занятиям, сильно мною заброшенным. Приятно, что студенты работают и интересуются»¹².

Занятия историей русского языка в целом связывались у Шахматова с глубоким интересом к строго лингвистическому исследованию текстов отдельных памятников, а также к вопросам текстологии и истории древнерусской литературы. Эти задачи вызвали его критические замечания в письме А. В. Михайлову от 28 ноября 1904 г.: «Я отношусь отрицательно к исследованиям языка того или другого памятника в целях литературных. Большая часть памятников подверглась значительным наслоениям и из-за них не всегда возможно восстановить даже лексический состав протографа. Но если б это даже удалось, послужит ли это твердым основанием для дальнейших заключений. Оно докажет, быть может, сходство с другим памятником, но это сходство будет ли свидетельствовать непременно о хронологической или топографической связи обоих памятников? Думаю, что нет, ибо всегда возможно предположение о существовании школы, традиции, путем которых передавались особенности стиля и лексики»¹³.

Исследование истории русского языка и других славянских языков всегда сочеталось у Шахматова с изучением их живых диалектов и подкреплялось рассмотрением важных вопросов этногенеза и истории славян. Еще в 1898 г. он писал: «В наст[оящее] вр[емя] занят вопросом об образовании русских наречий»¹⁴. В другом письме читаем: «На днях сдал в редакцию Журнала м[инистерства] н[ародного] п[росвещения] статью

⁴ ЛО ААН СССР, ф. 134, оп. 1, д. 414, л. 3.

⁵ Там же, л. 2.

⁶ См. подробнее: М. А. Робинсон. А. А. Шахматов и студенческие волнения в Петербургском университете. . ., стр. 151—157.

⁷ По сообщению С. Г. Бархударова, «основная часть переписки А. А. Шахматова с Ф. Ф. Фортунатовым и Ф. Е. Коршем, в количестве около 600 писем, охватывающих хронологические рамки с 1885 по 1913 г., подготовлена к печати сотрудниками Архива АН СССР» («Из истории языкознания». — «Вопросы языкознания», 1958, № 3, стр. 60). Однако указанный труд пока не издан.

⁸ ЛО ААН СССР, ф. 90, оп. 3, д. 98, 99; ААН СССР, ф. 558, оп. 4, д. 365.

⁹ ЛО ААН СССР, ф. 752, оп. 2, д. 348, лл. 22, 22 об., письмо Б. М. Ляпунову от 10 ноября 1898 г.

¹⁰ Там же, лл. 35, 35 об., письмо от 1 мая 1901 г.

¹¹ Там же, л. 37, письмо от 6 октября 1901 г.

¹² Там же, л. 56, письмо от 15 февраля 1909 г.

¹³ ЛО ААН СССР, ф. 171, оп. 2, д. 104, лл. 10—10 об.

¹⁴ ЛО ААН СССР, ф. 752, оп. 2, д. 348, лл. 22—22 об., письмо Ляпунову от 10 ноября 1898 г.

о происхождении русских наречий и народностей»¹⁶. Экспедиционную работу Шахматов считал обязательной: «В декабре собираюсь в Архангельск для изучения местной старины и говоров»¹⁶, «На рождество ездил в Минскую губернию, провел некоторое время в деревнях среди белорус[с]ов. Мечтаю о новых поездках, об исследовании диалектол[огических] границ, но боюсь, что это останется в области мечтаний»¹⁷.

Шахматова интересовали и диалектные особенности зарубежных славянских языков: «Я очень увлекаюсь теперь слов[енской] диалектологией, но ограничу свои занятия уже написанною для Форт[унатовского] сборника статей. Спасибо словенцам: их язык разъясняет, как мне кажется, наше акание и вообще белор[усское] и южно-великор[усское] произношение»¹⁸. В другом письме Шахматов писал: «Фонетика этих последних (западных славян. — М. Р.) меня особенно занимает и, если бы были силы и время, я посвятил бы им ряд монографий»¹⁹.

Изучение живых восточнославянских языков было связано для Шахматова с острыми в условиях Российской империи вопросами государственной языковой политики, направленной на угнетение наций, и вызванной этим борьбой за равноправие языков, за свободу их школьного преподавания. В 1901 г. (письмо от 13 мая) Шахматов писал Д. Н. Овсяннику-Куликовскому: «Очень порадовался, узнав из Вашего письма о том добром деле, которое задумало Харьковское общество грамотности. Порадовался я не только потому, что разделяю точку зрения, требующую для малорусского языка гражданской (разумеется, не политической) равноправности с языком великорусским, но и потому, что правильное разрешение вопроса о введении малорусского языка в начальной школе облегчит в значительной степени труд учащихся в местностях малорусских: теперь, при обучении грамоте, приходится сразу переходить на чуждое детям наречие и вследствие этого в школе затрачивается совершенно непроизводительно много труда и времени»²⁰.

Широта и разнообразие лингвистических интересов Шахматова проявлялись в частности в его отношении к вопросам синтаксиса русского языка. В одном из ранних писем он писал Д. Н. Овсяннику-Куликовскому: «Меня сильно заинтересовал Ваш труд по синтаксису. Мысль Ваша дать извлечение из него для школьного преподавания представляется весьма целесообразною»²¹.

О постоянном стремлении ученого к популяризации научных исследований в целях обогащения университетского и школьного преподавания свидетельствуют следующие строки (тому же адресату): «Очень Вам благодарен за присланные листы синтаксиса. Прочел их с удовольствием и неослабавшим до конца интересом. Вы проложили надежный путь для научной и школьной обработки нашего синтаксиса»²².

Интересны впечатления Шахматова о собственном курсе по синтаксису: «Читаю в ун[иверсите]те в этом году синтаксис и все время думаю о Филиппе Федоровиче (Фортунатове — М. Р.). Мне очень трудно разбираться в новом для меня предмете; его помощь была бы мне так драгоценна»²³. Из года в год он совершенствовал все свои университетские курсы, обогащая их новейшими результатами собственных исследований. Это относилось и к уже упомянутому курсу: «Я усиленно работаю над синтаксисом. Читал в прошлом учебном году, буду читать и в следующем курсе по синтаксису, но не исторический. Для исторического освещения набрал много материалов, но пока они лежат у меня в неразработанном виде»²⁴.

Хорошо известно, какое громадное место в научной деятельности Шахматова занимало изучение русского летописания. Приведем некоторые имеющиеся в письмах Шахматова замечания, связанные с этой работой. О ее начальной стадии Шахматов писал в 1897 г.: «... немало напряжения требуют мои занятия по летописям, которые увлекают меня все дальше»²⁵. В одном из последующих писем Ляпунову (23 августа 1900 г.) говорилось: «последнее время я был усиленно занят вопросом о происхождении и взаимных отношениях различных редакций Новгородской 1-ой летописи и хотел непременно сообщить Вам главные результаты»²⁶. Даты писем показывают, что Шахматов одновременно занимался изучением разных летописей; в письме М. Н. Сперанскому от 29 ноября 1900 г. он отметил: «На очереди много работ. Между прочим, вероятно, мне придется издавать Ипатьевскую летопись в Археографической Комиссии»²⁷.

¹⁵ ЛО ААН СССР, ф. 752, оп. 2, д. 348, л. 24, письмо Ляпунову от 22 февраля 1899 г.

¹⁶ Там же, ф. 172, оп. 1, д. 262, л. 12 об., письмо М. Н. Сперанскому от 29 ноября 1900 г.

¹⁷ Там же, ф. 752, оп. 2, д. 348, лл. 56—56 об., письмо Ляпунову от 15 февраля 1909 г.

¹⁸ Там же, л. 38, письмо Ляпунову от 28 ноября 1901 г.

¹⁹ Там же, письмо от 1 мая 1901 г.

²⁰ ИРЛИ ф. 211, оп. 1, д. 250, л. 4.

²¹ Там же, л. 2, письмо от 2 октября 1901 г.

²² Там же, л. 7, письмо Овсяннику-Куликовскому от 5 апреля 1902 г.

²³ ЛО ААН СССР, ф. 752, оп. 2, д. 348, лл. 86—86 об., письмо Ляпунову от 20 октября 1919 г., см.: А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, вып. I. Л., 1925; вып. II. Л., 1927.

²⁴ ЛО ААН СССР, ф. 752, оп. 2, д. 348, л. 89, письмо Ляпунову от 11 июня 1919 г.

²⁵ Там же, л. 17 об., письмо от 17 июня 1897 г.

²⁶ Там же, л. 30.

²⁷ Там же, ф. 172, оп. 1, д. 262, л. 12 об.

Работа Шахматова над реконструкцией древнейшего памятника летописания опиралась на его глубокие филологические познания. При этом в ряде случаев на первый план он выдвигал принципы исторического толкования летописных текстов. Так, в ответ на критическое замечание Ляпунова о желательности более тщательной орфографической передачи древних текстов²⁸ Шахматов заметил: «Упреки Ваши совершенно справедливы; мое оправдание в том, что в данной работе восстановление форм языка было для меня делом второстепенным; я имел в виду исключительно смысл, содержание фраз»²⁹.

Свои летописные разыскания Шахматов стремился связать, во-первых, с более широким кругом древнерусских исторических источников. 7 февраля 1898 г. он писал М. Н. Сперанскому: «Теперь занимаюсь хронографом, т. е. вопросом об отношении его к русским источникам. Не работали ли Вы когда-нибудь над Степенной книгой? Мне надо разобраться в редакциях ее, и не знаю даже как взяться. Кажется, ничего о ней не написано»³⁰.

Во-вторых, Шахматов интересовался историей французского летописания. Обращаясь к Е. В. Аничкову, он писал: «Сообщите мне, пожалуйста, какие лучшие работы по вопросам о происхождении и взаимных отношениях французских средневековых летописей и нет ли труда, объединяющего все исследования, сделанные в этой области»³¹. И далее: «Очень Вам благодарен за сделанные Вами указания. Был бы Вам признателен, если бы Вы дополнили их указанием на труды о латинских хрониках древней Франции»³².

Филологам и историкам хорошо известны научные результаты исследований Шахматова по его многочисленным печатным трудам. Изучение материалов помогает проследить процесс научной работы Шахматова: возникавшие перед ним те или иные вопросы и сомнения, что и вызывало необходимость в обмене мнениями или в советах с выдающимися учеными-современниками.

Особенный интерес представляют эти материалы для выявления критических и самокритических суждений Шахматова по поводу возникновения новых научных замыслов, трудностей в работе, отношения к проблематике и методике собственных трудов. Приведем в качестве иллюстрации фрагмент из письма Ляпунову от 28 ноября 1909 г.: «Вы правы в своей критике, я не умею излагать с достаточною обстоятельностью те или другие научные положения; это зависит от лени; мне скучно справляться относительно того, что я раньше говорил и что говорили другие, я излагаю обыкновенно только свои последние мнения. Когда я писал о Северянах, я хорошо помнил, что до последнего времени я стоял совершенно о д и н о к со своим мнением о восточнорусском происхождении Северян, а потому не считал нужным, изменив свое мнение, полемизировать с собой»³³.

Выраженная здесь самооценка Шахматова особенно показательна в связи с тем, что он, как известно, обладал исключительными творческими возможностями, не останавливаясь на достигнутом, выдвигал новые теории и гипотезы, которые нередко меняли результаты предшествующих его работ.

Рано сложившиеся широкие научные интересы ученого продолжали глубоко волновать его вплоть до последних лет жизни. В письме к Н. А. Бобровникову от 1 апреля 1919 г. он писал: «Конечно, меня поразило и тронуло все то, что Вы сообщили мне о вояках — поразило, конечно, Ваше внимание ко мне и Ваше участие. Ах, если бы были силы, я бы половину их отдал изучению финского Поволжья. Но силы мои слабы. Вижу, что их надо экономизировать. Пока я еще не совсем угас, работаю усиленно над русским синтаксисом, и надеюсь в мае приготовить две статьи, посвященные синтаксическим вопросам. Затем хотелось бы окончить свою работу по выяснению литературного состава нашего летописания вообще. Нам улыбнулось теперь весеннее солнце; это сократило мои домашние заботы по колке дров и топке печей; у меня стало больше времени»³⁴.

Так Шахматов предполагал развить проблемы этнографии, диалектологии, синтаксических исследований, изучение русского летописания с широким комплексным охватом, как это было свойственно в пору расцвета его научной деятельности.

Архивные материалы свидетельствуют также о том отклике, который находили у Шахматова важнейшие события его времени.

Шахматов был чужд каких-либо национальных предрассудков и, как уже отмечалось, выступал за развитие национальной культуры не только русского народа, но и других народов, входивших в состав Российской империи. Будучи славистом, он, естественно, уделял наибольшее внимание вопросам культуры славянских наций — украинской и белорусской. За подобные взгляды он подвергался резким нападкам черносотен-

²⁸ Письмо Ляпунова от 21 декабря 1908 г., где речь идет о работе Шахматова «Разыскания о древнейших русских летописных сводах». СПб., 1908 (ЛЮ ААН СССР, ф. 134, оп. 3, д. 883, лл. 120—121 об.).

²⁹ Там же, ф. 752, оп. 2, д. 348, л. 56, письмо от 15 февраля 1909 г.

³⁰ Там же, ф. 172, оп. 1, д. 262, лл. 10, 10 об.

³¹ ИРЛИ, ф. 123, оп. 2, д. 6, л. 1, письмо от 8 апреля 1907 г.

³² Там же, письмо от 13 апреля 1907 г.

³³ ЛО ААН СССР, ф. 752, оп. 2, д. 348, л. 59.

³⁴ ИРЛИ, ф. 141, д. 80, л. 1.

ной прессы³⁵. Шахматов проявлял интерес и к национально-освободительному движению за пределами России. Обращает на себя внимание его письмо академику А. Н. Пыпину 9 июля 1900 г. о боксерском восстании 1899—1901 гг. Шахматов писал: «... элементарное беспристрастие заставляет признать китайскую смуту законным национальным движением, вызванным Европой и находящейся у нее на буксире Россией»³⁶. Любопытно, что оно было написано в том же году, когда появилась известная статья В. И. Ленина «Китайская война», опубликованная в «Искре» в декабре 1900 г.³⁷

Оставаясь патриотом, Шахматов критически относился к действиям российского самодержавия.

Об этом же свидетельствуют и высказывания Шахматова о русско-японской войне в трех его письмах 1904 г.; будучи огорчен поражениями России, он пессимистически смотрел и на исход войны, и на деятельность аппарата царской власти. 11 июня Шахматов писал академику Александру Николаевичу Веселовскому: «Вы кончаете Ваше письмо замечанием, что в обстоятельствах нынешнего года нельзя быть или стать веселым. Действительно, что-то мучительное испытываешь при чтении известий с Востока и чувствуешь, что ничто, решительно ничто не может изменить тяжелого чувства. Победа! А за победой новые усилия, новые жертвы, новые осложнения. Словом испытываешь то же, что при известии о тяжкой, с непременно прискорбным исходом, болезни близкого человека»³⁸. Ему же в письме 6 августа: «Какое страшное время мы переживаем! Ужас охватывает меня всякий раз, как оторвавшись от своих занятий, я возьмусь за газету. С какой ясностью выступает весь обман, которым мы так долго живем. Дело представляется мне совершенно непоправимым. Нас ожидает поражение и разорение»³⁹. В письме Ф. Е. Коршу от 31 декабря читаем: «Надеяться на осуществление спасительных реформ нельзя, а без внутреннего переворота будет, конечно, все хуже и хуже. Более чем сомнительно, чтобы настоящее правительство было способно довести войну до благополучного конца»⁴⁰.

Заслуживает внимания исследование отношения Шахматова к Думе и Государственному Совету, членом которого он непродолжительное время состоял (апрель — начало июня 1906 г.). В связи с этим он высказывался по поводу революционных событий 1905 г., писал об общественно-политической обстановке в стране после подавления первой русской революции. Письма этого периода полны различных мнений, подчас весьма противоречивых; с одной стороны, это конституционные иллюзии и надежды, с другой — недоверие к действиям царского правительства, Думы, пессимистическое отношение к Государственному Совету и к своей деятельности в нем.

В основном переписка по этим вопросам охватывает март—август 1906 г. Выделяется одно несколько более раннее письмо. В период подавления царизмом декабрьского вооруженного восстания в Москве Шахматов писал Коршу в Москву (31 декабря 1905 г.): «Какие вы пережили ужасы! Но, кажется, нас ждут еще новые ужасы, ввиду того, что наветы крайних партий оправдываются: манифесту 17 октября верить нельзя, правительство не признает его конституционным актом»⁴¹. Эти мысли Шахматов развивал в письмах, относящихся к началу периода реакции (1906 г.). 10 марта он писал Ляпунову: «Меня угнетает мысль о торжествующей реакции и об успехах консервативных партий, которые, конечно, завладеют и Думой и Советом. Откуда ждать спасения России? На Думу надежды нет. Пожалуй, она будет еще более усовершенствованным, чем бюрократия, орудием репрессий»⁴². В письме от 19 марта Ляпунову читаем: «Слишком ясно сознается именно теперь теснейшая связь просвещения с политическим строем. Надо бросить мечты славянофилов о возможности согласовать свободу печати, свободу преподавания, свободу науки с абсолютизмом. И кому дороги эти свободы, тот должен понимать всю законность и всю целесообразность борьбы с абсолютизмом, борьбу за гражданские права, за конституцию». Далее Шахматов выражал опасения, что на выборах могут победить «справые, желающие спасти Россию огнем и мечом и залившие ее уже кровью»⁴³.

16 апреля 1906 г. Шахматов писал профессору В. М. Истрину: «Я не испытываю того чувства, что Вы: не боюсь, что избрание в Госуд[арственный] Совет отвлекает нас, членов, от университетов и академии, от науки, так как уверен в том, что пребывание наше в Совете будет весьма и весьма непродолжительным»⁴⁴. 14 мая он отмечал в письме Коршу: «Вы правы — положение наше в Госуд[арственном] Совете ложно. А все-таки, какие мы ни на есть (среди нас нет талантов!), по-моему, лучше, что университеты представлены нами, а не реакционерами, на которых так охотно опирались бы прочие члены Госуд[арственного] Совета в своих реакционных стремлениях. Впечатление от Госуд[арственного] Совета я вынес удручающее... Если Думу закроют, наша группа тот-

³⁵ См.: «Московские ведомости», 8 (21) мая 1915.

³⁶ ГПБ, ф. 621, д. 972, лл. 1 об. — 2.

³⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 382—383.

³⁸ ИРЛИ ф. 45, оп. 3, д. 817, л. 19 об.

³⁹ ЛО ААН СССР, ф. 134, оп. 4, д. 7, лл. 8—8 об.

⁴⁰ ААН СССР, ф. 558, оп. 4, д. 365, л. 228 об.

⁴¹ Там же, л. 258.

⁴² ЛО ААН СССР, ф. 752, оп. 2, д. 348, лл. 46—46 об.

⁴³ Там же, лл. 27 об., 48.

⁴⁴ Там же, ф. 332, оп. 2, л. 181, л. 13.

час же выйдет из Госуд[арственного] Совета»⁴⁵. 19 мая он писал Фортунатову: «Госуд[арственный] Совет не собирается совсем. Конечно, я этому рад, но тяжело чувствовать себя окончательно выбитым из колеи. Заниматься не удается. Гнетет меня мысль, что ровно никакой пользы мое пребывание в [Государственном] [Совете] не принесет. К сожалению, в нашей группе нет ораторов и полемических талантов. Оппозиция наша будет бледная и беспечная»⁴⁶. 26 мая — Истрину: «Лето придется просидеть в [Петербур]ге из-за Госуд[арственного] Совета, в котором пока дела никакого»⁴⁷. 1 июня — вновь Фортунатову: «Напряжение очень серьезное. Думаю, что оно разразится весьма скоро, пожалуй, в июле и разразится, конечно, очень печально — распушением Думы и диктатурой»⁴⁸. Ему же — 8 июня: «Очень бы мне хотелось отказаться от [Государственного] [Совета]. Чувствую себя совсем непригодным деятелем, в особенности вследствие неумения говорить, но также и вследствие исключительных условий, в которые поставлен [Государственный] [Совет]. . . В Думу и в заседания комитетов не хожу. Как-то тяжело принимать участие в деле, в котором с трудом разбираешься. Не знаешь в сущности, чего именно желать»⁴⁹. Ему же — 24 июня: «Вероятно, Вы много думаете о переживаемых нами событиях. Я чувствую себя совершенно подавленным и как бы оплеванным. Из Госуд[арственного] Совета я вышел»⁵⁰. 5 августа он писал академику А. С. Лапшо-Данилевскому: «О выходе из [Государственного] [Совета] я заявил председателю заказным письмом, отосланным 15-го июля. Прочтя в „Речи“ Ваше заявление, я тотчас же сообщил редакции просьбу свою о том, чтобы она напечатала о присоединении моем к этому заявлению, но „Речь“ вскоре прекратила»⁵¹.

Приведенные материалы показывают, что эпистолярное наследие Шахматова представляет собой еще мало исследованный источник для изучения ряда научных проблем и общественно-политических воззрений академических кругов русской интеллигенции начала XX в. Для этой работы важно выявить в разных архивах и систематизировать сведения об адресатах Шахматова, а также выделить имена наиболее видных и интереснейших его корреспондентов. Среди адресатов и корреспондентов Шахматова были крупнейшие отечественные ученые: И. А. Бодуэн-де-Куртене, К. З. Залеман, Е. Ф. Карский, Ф. Е. Корш, А. С. Лапшо-Данилевский, С. Ф. Ольденбург, В. Н. Перетц, Ф. Ф. Фортунатов и др., выдающиеся иностранные ученые: В. Ягич (Австро-Венгрия), О. Брок (Норвегия), в том числе исследователи, получившие впоследствии мировую известность — А. Белич (Сербия), А. Мазон (Франция) и др. Лучшие представители научной молодежи начала XX в. прославили впоследствии советскую науку: В. П. Адрианова-Перетц, С. М. Бонди, В. В. Виноградов, Н. К. Гудзий, С. П. Обнорский, М. Д. Приселков, А. М. Селищев, Л. В. Щерба и многие другие. Среди адресатов и корреспондентов Шахматова были представители искусства и литературы, например, русский писатель И. А. Бунин, украинский — Иван Франко, польский — Генрик Сенкевич, русские поэты И. Ф. Анненский и В. Я. Брюсов, художник И. Е. Репин.

Нами составлено два списка: адресатов Шахматова и его корреспондентов, письма которых хранятся в его фонде. Из общего числа корреспондентов (1804) мы сочли необходимым в первую очередь выделить 118. Это наиболее известные ученые (академики, члены-корреспонденты, профессора и некоторые молодые ученые, впоследствии получившие известность) — филологи, историки, представители других отраслей наук, а также деятели культуры.

* * *

В числе адресатов Шахматова, архивные фонды которых хранятся в ЛО ААН СССР, ИРЛИ, ГПБ и ЛОИИ СССР АН СССР, были следующие лица: Аверьянов М. В. — ИРЛИ, ф. 428, 2 письма (1906, 1914); Аничков Е. В. — ИРЛИ, ф. 123, 2 письма (1907); Арсеньев К. К. — ИРЛИ, ф. 359, 9 писем (1903—1918); Безродная Ю. И. — ИРЛИ, ф. 123, 1 письмо (1907); Бенешевич В. Н. — ЛО ААН СССР, ф. 192, 6 писем (1914—1916); Бертенсон С. Л. — ИРЛИ, ф. 468, 7 писем (1908—1916); Бобрищев-Пушкин А. М. — ИРЛИ, ф. Р. I, 1 письмо (1902); Бобровников Н. А. — ИРЛИ, ф. 141, 1 письмо (1919); Богораз (Тан) В. Г. — ЛО ААН СССР, ф. 250, 1 письмо (1905); Буренин В. П. — ИРЛИ, ф. 136, 1 письмо (1911); Бычков А. Ф. — ЛО ААН СССР, ф. 764, 28 писем (1894—1898); Бычков И. А. — ЛО ААН СССР, ф. 764, 4 письма (1902), ГПБ, ф. 120, 1 письмо (1905); Введенский А. И. — ИРЛИ, ф. 123, 1 письмо (1906); Вейнберг П. И. — ИРЛИ, ф. 62, 22 письма (1905—1908); Вейнберг Б. П. — ИРЛИ, ф. 62, 1 письмо (1908); Веселовская А. А. — ИРЛИ, ф. 45, 3 письма (1906);

⁴⁵ ААН СССР, ф. 558, оп. 4, д. 366, лл. 264—264 об.

⁴⁶ ЛО ААН СССР, ф. 90, оп. 3, д. 99, л. 31.

⁴⁷ Там же, ф. 332, оп. 2, д. 181, л. 15.

⁴⁸ Там же, ф. 90, оп. 3, д. 99, лл. 34—34 об.

⁴⁹ Там же, ф. 90, оп. 3, д. 99, лл. 36—37.

⁵⁰ Там же, л. 40.

⁵¹ Там же, ф. 113, оп. 2, д. 328, лл. 8—8 об. В газете «Речь» (№ 27, 15 (28) июля 1906 г.) появилось «Заявление пяти членов Государственного совета», в том числе А. С. Лапшо-Данилевского и В. И. Вернадского, об их несогласии с роспуском Государственной Думы и выходе из состава членов Государственного Совета.

Веселовский А. А. — ИРЛИ, ф. 45, 8 писем (1906—1907); Веселовский А. Н. — ИРЛИ, ф. 45, 30 писем (1897—1906); Веселовский К. С. — ЛО ААН СССР, ф. 24, 1 письмо (1899); Военский К. А. — ГПБ, архив К. А. Военского, 4 письма (1905); Вольтер Э. А. — ЛО ААН СССР, ф. 178, 11 писем (1898—1917); Гинцбург Д. Г. — ГПБ, архив Д. Г. Гинцбурга, 4 письма (1907—1908); Грот К. Я. — ЛО ААН СССР, ф. 281, 34 письма (1889—1913); Державин Н. С. — ЛО ААН СССР, ф. 827, 3 письма (1904, 1907, 1918); Дружинин В. Г. — ЛО ААН СССР, ф. 133, 66 писем (1904—1916); Дьяконов М. А. — ГПБ, ф. 270, 1 письмо (1906); Евсеев И. Е. — ЛО ААН СССР, ф. 109, 1 письмо (1920); Егоров И. В. — ГПБ, ф. 273, 6 писем (1912—1918); Ериштедт В. К. — ЛО ААН СССР, ф. 733, 1 письмо (1901); Залеман К. Г. — ЛО ААН СССР, ф. 87, 11 писем (1906—1915); Зеленин Д. К. — ЛО ААН СССР, ф. 849, 12 писем (1910—1920); Измайлов А. А. — ИРЛИ, ф. 115, 1 письмо (1915); Истрин В. М. — ЛО ААН СССР, ф. 332, 29 писем (1904—1918); Каррик В. В. — ИРЛИ, ф. 266, 1 письмо (1918); Карский Е. Ф. — ЛО ААН СССР, ф. 292, 27 писем (1893—1919); Кобеко Д. Ф. — ГПБ, архив Д. Ф. Кобеко, 3 письма (1909—1910); Ковалевский М. М. — ЛО ААН СССР, ф. 103, 1 письмо (1908); Кокочев П. К. — ЛО ААН СССР, ф. 779, 25 писем (1904—1917); Кондаков Н. П. — ЛО ААН СССР, ф. 115, 23 письма (1902—1917); Кони А. Ф. — ИРЛИ, ф. 134, 136 писем (1894—1920); Лавров П. А. — ЛО ААН СССР, ф. 284, 23 письма (1900—1916); Ламанский В. И. — ЛО ААН СССР, ф. 35, 59 писем (1897—1912); Лапо-Данилевский А. С. — ЛО ААН СССР, ф. 113, 9 писем (1900—1909); Латышев В. В. — ЛО ААН СССР, ф. 110, 2 письма (1900, 1914); Лернер Н. О. — ГПБ, ф. 430, 2 письма (1911—1912); ф. 124, собрание П. Л. Вакселя, 1 письмо (1909); Литвинов Д. И. — ЛО ААН СССР, ф. 70, 4 письма (1904—1917); Лихачев Н. П. — ЛО ААН СССР, ф. 246, 1 письмо (1902); Лопарев Х. М. — ЛО ААН СССР, ф. 107, 1 письмо (1908); Ляпунов Б. М. — ЛО ААН СССР, ф. 752, 78 писем (1890—1919); Ляцкая (урожденная Пышина) В. А. — ИРЛИ, ф. 163, 3 письма (1905—1906); Ляцкий Е. А. — ИРЛИ, ф. 163, 15 писем (1900—1916); Лященко А. И. — ЛО ААН СССР, ф. 27, 17 писем (1899—1917); Майков В. В. — ЛО ААН СССР, ф. 738, письма (1899—1919); Михайлов А. В. — ЛО ААН СССР, ф. 171, 31 письмо (1895—1919); Никитин П. В. — ЛО ААН СССР, ф. 36, 3 письма (1906, 1907, 1914); Никольский Н. К. — ЛО ААН СССР, ф. 247, 123 письма (1898—1919); Овсяннико-Куликовский Д. Н. — ИРЛИ, ф. 211, 9 писем (1901—1919); Ольденбург С. Ф. — ЛО ААН СССР, ф. 208, 262 письма (1902—1920); Орлов А. С. — ЛО ААН СССР, ф. 763, 4 письма (1908, 1910, 1917, 1918); Павлов-Сильванский Н. П. — ИРЛИ, р. III, 1 письмо (1907); Пальмов И. С. — ГПБ, ф. 558, 2 письма (1915, 1917); Пекарский Э. К. — ЛО ААН СССР, ф. 202, 2 письма (1913—1918); Петровская Ю. В. — ИРЛИ, ф. 266, 6 писем (1916—1918); Платонов С. Ф. — ГПБ, архив С. Ф. Платонова, 51 письмо (1898—1920); Позняков Н. И. — ИРЛИ, ф. 551, 2 письма (1900, 1901); Пресняков А. Е. — ЛО ААН СССР, ф. 193, 26 писем (1901—1920); Пышин А. Н. — ЛО ААН СССР, ф. 111, 3 письма (1900—1901), ГПБ, ф. 621, 97 писем и две телеграммы (1889—1904); Радлов В. В. — ЛО ААН СССР, ф. 177, 1 письмо (1912); Радлов Э. Л. — ИРЛИ, ф. 62, 1 письмо (1904), ф. 123, 1 письмо (1906); Ремизов А. М. — ИРЛИ, р. III, 1 письмо (1913), ф. 256, 1 письмо (1914); Ровинский П. А. — ЛО ААН СССР, ф. 123, 7 писем (1899—1905); Рыкачев М. А. — ЛО ААН СССР, ф. 38, 1 письмо (1913); Самойлович А. Н. — ЛО ААН СССР, ф. 782, 9 писем (1909—1918); Семенов-Тяг-Шанский А. П. — ЛО ААН СССР, ф. 722, 4 письма (1912—1920); Семетовский Р. И. — ИРЛИ, ф. 446, 2 письма (1902); Смионы П. К. — ГПБ, ф. 696, 2 письма (1911, 1912); Смирнов А. В. — ИРЛИ, ф. 286, 2 письма (1913, 1914); Соболевский А. И. — ЛО ААН СССР, ф. 176, 28 писем (1894—1912); Сперанский М. Н. — ЛО ААН СССР, ф. 172, 38 писем (1895—1919); Сухомлинов М. И. — ЛО ААН СССР, ф. 101, 21 письмо (1896—1900); Толстой И. И. — ГПБ, ф. 781, 2 письма (1907—1909); Флоринский Т. Д. — ГПБ, ф. 818, 1 письмо (1907); Фортунатов Ф. Ф. — ЛО ААН СССР, ф. 90, 245 писем (1881—1913); Шейн П. В. — ЛО ААН СССР, ф. 104, 23 письма (1895—1900); Шлякин И. А. — ГПБ, ф. 865, 1 письмо (1914); Штернберг Л. Я. — ЛО ААН СССР, ф. 282, 3 письма (1914); Щерба Л. В. — ЛО ААН СССР, ф. 770, 3 письма (1905—1912); Янжул И. И. — ЛО ААН СССР, ф. 45, 9 писем (1900—1908).

Среди корреспондентов Шахматова, материалы которых хранятся в его фонде 134 ЛО ААН СССР, могут быть указаны следующие лица: Адрианова-Перетц В. П. — 3 письма (без даты); Абрамович Д. И. — 96 писем (1897—1919); Айналов Д. В. — 15 писем (1907—1916); Анненский И. Ф. — 1 письмо (1903); Арсеньев К. К. — 38 писем (1901—1908); Барсков Я. Л. — 14 писем (1903—1916); Батюшков Ф. Д. — 16 писем (1907—1916); Бедяч А. — 48 писем (1899—1917); Бельчиков Н. Ф. — 2 письма (без даты); Бенешевич В. Н. — 40 писем (1902—1920); Бернштейн С. И. — 1 письмо (1917); Бодуэн-де-Куртене И. А. — 73 письма (1896—1918); Богораз-Тан В. Г. — 3 письма (1899—1905); Бонди С. М. — 2 письма (1918); Бонч-Бруевич В. Д. — 22 письма (1901—1916); Бородин И. П. — 3 письма (1912—1918); Браун Ф. А. — 75 писем (1897—1920); Брок О. — 183 письма (1889—1916); Брюсов В. Я. — 1 письмо (1919); Бубрих Д. В. — 18 писем (1913—1920); Бугославский С. А. — 11 писем (1912—1916); Будде Е. Ф. — 160 писем (1890—1920); Булаховский Л. А. — 2 письма (1913—1914); Бунин И. А. — 3 письма (1913—1915); Бычков А. Ф. — 4 письма (1894—1896); Бычков И. А. — 10 писем (1899—1914); Веселовский А. Н. — 9 писем (1906—1910); Веселовский К. С. — 4 письма (1898—1899); Виноградов В. В. — 3 письма (без даты); Вольтер Э. А. — 129 писем (1900—1919); Гинцбург Д. Г. — 3 письма (1907—1910); Гримм Д. Д. — 2 письма

(1915, 1916); Гримм Э. Д. — 13 писем (1911—1915); Грот К. Я. — 57 писем (1901—1916); Гудзий Н. К. — 5 писем (1911—1916); Державин Н. С. — 55 писем (1901—1918); Дружинин В. Г. — 97 писем (1907—1919); Дурново Н. Н. — 75 писем (1900—1913); Евсеев И. Е. — 39 писем (1899—1920); Залеман К. Г. — 23 письма (1899—1916); Зеленин Д. К. — 91 письмо (1903—1920); Истрин В. М. — 124 письма (1895—1919); Истрина Е. С. — 30 писем (1911—1919); Кареев Н. И. — 9 писем (1906—1919); Каринский Н. М. — 29 писем (1901—1920); Каршинский А. П. — 3 письма (1904—1910); Карский Е. Ф. — 31 письмо (1895—1919); Коковцев П. К. — 26 писем (1904—1917); Кондаков Н. П. — 32 письма (1903—1914); Кони А. Ф. — 373 письма (1900—1919); Корш Ф. Е. — 309 писем (1885—1914); Котляревский Н. А. — 32 письма (1904—1914); Лавров П. А. — 81 письмо (1895—1918); Ламанский В. И. — 26 писем (1899—1911); Лаппо-Данилевский А. С. — 57 писем (1900—1919); Латышев В. В. — 13 писем (1895—1919); Лернер Н. О. — 24 письма (1905—1920); Лесгафт П. Ф. — 2 письма (1904, 1905); Литвинов Д. И. — 6 писем (1906—1917); Лихачев Н. П. — 9 писем (1899—1905); Ляпунов Б. М. — 86 писем (1895—1920); Лященко А. И. — 18 писем (1899—1917); Мазон Андре — 3 письма (1909—1910); Майков В. В. — 14 писем (1899—1916); Марков А. В. — 53 письма (1908—1917); Марр Н. Я. — 1 письмо (1914); Маслов С. И. — 4 письма (1910—1916); Миллер В. Ф. — 19 писем (1897—1913); Михайлов А. В. — 47 писем (1895—1919); Модзалевский Б. Л. — 57 писем (1896—1920); Назаревский А. А. — 10 писем (1911—1912); Нейман Б. В. — 2 письма (1913, 1914); Никитин П. В. — 17 писем (1901—1915); Никольский Н. К. — 98 писем (1894—1919); Ольденбург С. Ф. — 98 писем (1904—1919); Пекарский Э. К. — 21 письмо (1914—1916); Перетц В. Н. — 268 писем (1898—1920); Пешковский А. М. — 18 писем (1914—1917); Пиксанов Н. К. — 11 писем (1911—1920); Платонов С. Ф. — 35 писем (1897—1919); Покровский М. М. — 9 писем (1896—1909); Пресняков А. Е. — 56 писем (1902—1920); Приселков М. Д. — 36 писем (1906—1920); Пыпин А. Н. — 47 писем (1898—1904); Радлов В. В. — 2 письма (1907—1913); Репин И. Е. — 1 письмо (1907); Ржига В. Ф. — 10 писем (1908—1918); Ровинский П. А. — 42 письма (1896—1914); Рыкачев М. А. — 4 письма (1905—1915); Сакулин П. Н. — 21 письмо (1904—1918); Самойлович А. Н. — 19 писем (1909—1919); Селищев А. М. — 2 письма (1916—1918); Семенов-Тянь-Шанский А. П. — 9 писем (1912—1920); Сенкевич Генрик — 1 письмо (1908); Симоли П. К. — 390 писем (1894—1920); Сиповский В. В. — 70 писем (1895—1920); Соболевский А. И. — 56 писем (1884—1920); Соколов Б. М. — 13 писем (1910—1919); Сперанский М. Н. — 54 письма (1897—1919); Сухомлинов М. И. — 42 письма (1896—1901); Тиандер К. Ф. — 2 письма (1915); Тимченко Е. К. — 18 писем (1909—1917); Толстой И. И. — 1 письмо (1909); Ушаков Д. Н. — 71 письмо (1903—1920); Фаминцын А. С. — 17 писем (1902—1915); Фасмер М. Р. — 52 письма (1906—1920); Фортунатов Ф. Ф. — 153 письма (1891—1911); Франко И. Я. — 1 письмо (1913); Чернышев В. И. — 55 писем (1897—1917); Шамбинаго С. К. — 9 писем (1900—1907); Шевченко С. Ф. — 3 письма (1912—1915); Шипшмарев В. Ф. — 8 писем (1909—1916); Шлякин И. А. — 16 писем (1900—1917); Щерба Л. В. — 41 письмо (1905—1917); Ягич Ватрослав — 452 письма (1881—1918); Якобсон Р. О. — 3 письма (без даты); Янжул И. И. — 3 письма (1903—1908); Яцимирский А. И. — 49 писем (1899—1920).

В. В. Галахов

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ В ФОНДАХ АКАДЕМИКА Ю. В. ГОТЬЕ¹

Академик Юрий Владимирович Готье (1873—1943) на протяжении всей своей творческой деятельности проявлял интерес к проблемам историографии. Им были написаны статьи о Н. М. Карамзине, В. О. Ключевском, А. А. Шахматове², а также обзоры исторической литературы³ и рецензии⁴. Самым тщательным образом разработана историография и в собственно исторических сочинениях Готье. Однако его вклад в развитие историографии мало изучен. Между тем, сохранившиеся материалы, опубликованные и неизданные, позволяют проследить историографическое направление в творчестве ученого полно и детально.

Настоящее сообщение имеет целью привлечь внимание исследователей к двум историографическим работам Ю. В. Готье.

Первая из них хранится в Отделе рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина и представляет собою рабочие тетради 1896—1900 гг., которые велись во время подготовки к экзамену на звание магистра⁵. В них содержатся конспекты источников и литературы по следующим, предложенным В. О. Ключевским, темам: Русские летописные своды, Киевская Русь, Русская правда, история Новгорода, система управления в России в XVI в., история Малороссии, польско-шведская интервенция начала XVII в., административная реформа Петра I, деятельность Уложенной комиссии 1767 г., высшие государственные учреждения первой четверти XIX в., крестьянский вопрос в первой половине XIX в. Суждения историков по тому или иному вопросу, а также попытки обоснования собственной точки зрения отражались затем в специальной «теоретической» тетради.

В тетрадях немало места уделено русской историографии XVIII—XIX вв. Но основное внимание Готье привлекали работы новейших исследователей. Так, в частности, изучая русское летописание, он широко пользовался работами А. А. Шахматова. В характеристике взглядов историков о реформах Петра I Готье выделяет особенности мнения В. О. Ключевского и П. Н. Миллюкова. Резюмируя их выводы, он пишет: «Ключевский. Лекции. Реформы развивались в том порядке, как их вызывала война. Все меры предпринимались с целью усиления доходов. 5. Миллюков исходит от мнения Ключевского, но идет гораздо далее. Общий вывод — развенчание Петра I как реформатора». Далее следует отношение самого Готье к этим концепциям: «Эти исследования не оценивали всех реформ в совокупности — отсюда умаление Петра в каждой из отдельных отраслей»⁶. Таким образом, уже рукописи конца XIX в. позволяют проследить процесс складывания историографических представлений Готье.

Другая, тесно связанная с тетрадями рукопись хранится в Архиве АН СССР. Она представляет собою курс русской историографии, который был подготовлен для студентов Московского университета в 1917—1919 гг.⁷ Тексту курса предшествует

¹ См. также: *В. В. Галахов. Историографические материалы в фондах Ю. В. Готье.* — «Московский государственный историко-архивный институт. Материалы научной студенческой конференции. Май 1970. Источниковедение историографии», вып. II. М., 1970, стр. 44—47 [ротапринт].

² См.: «Юрий Владимирович Готье». Материалы к библиографии трудов ученых СССР. М., 1941, № 36, 68, 79.

³ Там же, № 49, 51, 58, 65, 71.

⁴ Там же, № 10, 13, 14, 18, 19, 22, 23, 48, 53 и др.

⁵ ГБЛ (Государственная библиотека имени В. И. Ленина. Отдел рукописей), ф. 83, оп. 9, д. 1—8. Б. Б. Кафенгауз, работая над архивом Готье, кратко аннотировал содержание каждой тетради (см. Архив АН СССР, ф. 1580, оп. 1, д. 283 (врем.) д. л. 14—18).

⁶ ГБЛ, ф. 83, оп. 9, д. 7, л. 13.

⁷ Архив АН СССР, ф. 491, оп. 1, д. 7, л. 1.

план и библиография. Первоначальный набросок библиографии Готье уточнялся и дополнялся названиями новейших исследований. Претерпела изменения и основная его часть (так, карандашные пометы, судя по ряду палеографических признаков, относятся примерно к 1920 году).

План курса включает в себя два раздела. Первый из них не вошел в курс. Видимо, Готье отказался от первоначального замысла охарактеризовать не только проблемы русского летописания и исторические сочинения XVI в., но и проанализировать акты государственного делопроизводства, духовные, жалованные грамоты, сборные постановления и др.

Курс историографии открывается лекцией, посвященной трудам предшественников в этой области. Остановившись на работах М. О. Кояловича, А. Старчевского, В. С. Иконникова и других, Готье особо выделяет исследование П. Н. Милокова «Главные течения русской исторической мысли». В следующей лекции Готье кратко формулирует понимание задач историографии и ее предмета. Здесь он солидаризируется с принципами изучения историографических явлений, выдвинутыми Милоковым в теоретической вводной главе его книги.

Изложение основной части курса Готье начинает с обзора исторических памятников, относящихся к XVII в.: хронографа, степенной книги, Синописа Гизеля, хроники Сафоновича. Из исторических произведений эпохи Петра I Готье выделяет «Ядро Российской истории» Манкиева. Крупным историком последующего периода он считает В. Н. Татищева. Готье дает его биографию, характеризует общеисторические воззрения, анализирует содержание конкретно-исторических работ.

Особенно подробно освещается в курсе жизнь и творчество И. Н. Болтина. Само название главы о Болтине — «Первая критическая история»⁸ — говорит о том, как высоко ценит Готье работу этого автора.

Критически отнесся Ю. В. Готье к научной деятельности Н. М. Карамзина. Рассмотрев главный труд историка, он пришел к выводу, что Н. М. Карамзин более крупная величина в литературе, чем в истории⁹. Далее в курсе дается характеристика скептической школы: М. Т. Каченовского и его наиболее талантливых учеников С. М. Строева и Н. В. Станкевича.

Важным критерием выделения последующих исторических течений Готье считает отношение ученых к норманскому вопросу. Исходя из этого он делит историков XIX века на две группы, относя к норманистам Лерберга, Круга, Френа, Куника, а к противоположному лагерю Эверса, Гедеонова, Забелина, Иловайского.

В курсе широко освещаются основные направления общественно-политической мысли второй четверти XIX века: славянофильское, западничское, «радикальное» (такой термин применяется по отношению к революционно-демократическому направлению). В плане указана лекция о С. М. Соловьеве¹⁰. Но Готье не осуществил своего замысла и ограничился несколькими строчками вступления, где пишет о С. М. Соловьеве, как о величайшем представителе русской исторической науки и родоначальнике главных ее течений¹¹.

В курсе рассматривалась также «государственная школа» (К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин). Особо выделяет Ю. В. Готье научную деятельность К. Н. Бестужева-Рюмина.

На широком историографическом фоне рассматривается творчество В. О. Ключевского. Готье дает подробную биографию знаменитого историка, обстоятельно раскрывает содержание почти всех его работ.

Говоря о современном ему состоянии исторической науки, Готье характеризует несколько школ историков. «Петербургскую» во главе с С. Ф. Платоновым, «Киевскую» с М. В. Довнар-Запольским, пишет о младшем поколении учеников Ключевского.

Ранее других Готье остановился на марксистском направлении в русской историографии. К этому, на его взгляд, обособленно стоящему течению относятся Н. А. Рожков и М. Н. Покровский. Готье негативно оценивает этих историков, считая что Рожков и Покровский «... в своей самостоятельной деятельности далеко уклонились (особенно второй) от того объективного исследования, которому отвечает Московская школа»¹². Курс свидетельствует о том, что Готье в это время был еще далек от понимания марксизма и его огромного методологического значения для исторической науки. В заключение хотелось бы отметить, что изучение историографического курса, сопоставление его с тетрадами представляет несомненный интерес не только для исследования исторических взглядов Ю. В. Готье, но и для изучения развития русской историографии как специальной исторической дисциплины.

⁸ Там же, л. 28.

⁹ Там же, л. 35.

¹⁰ Там же, л. 1.

¹¹ Там же, л. 76.

¹² Там же, л. 118.

А. И. Рогов

ЗАБЫТЫЙ ИСТОРИК СУЗДАЛЬСКОЙ ЗЕМЛИ (Научное наследство И. М. Стаховского)

Едва ли нужно доказывать, что для достижения полноты освещения исторического процесса во всем его многообразии немаловажную роль играют исследования регионального порядка. Только учтя специфику развития отдельных областей, поняв, как конкретно преломлялись в них общие закономерности развития и какие в этом отношении имелись особенности, можно гарантировать себя от схематизации и простой примитивизации исторической картины. Сказанное самым непосредственным образом относится к отечественной истории. Работы в этом отношении непочтатый край. Если по истории таких крупных княжеств, как Галицко-Волынское, Полоцкое и Рязанское, Новгородской и Псковской земель имеются и отдельные монографии и более обобщающие работы, то знаменитая Владимиро-Суздальская земля приковывает к себе внимание только в период своего блестящего расцвета во второй половине XII—начале XIII в., в последующее же время она выпадает из поля внимания исследователей. К истории Суздальской земли после начала XIII в. и Суздальско-Нижегородского княжества они обращаются случайно, в связи с решением других вопросов. Суздальской земле не повезло и в другом отношении: до сих пор не издано, даже и за домонгольский период, обобщающего труда, в котором бы освещались все стороны политической, экономической и культурной жизни. А между тем Суздальская земля сыграла значительную роль не только в истории домонгольской Руси, но и в период складывания единого Российского государства, т. е. в XIV—XV вв., а в истории русской культуры пр должала в известной мере сохранять свое значение и в последующие два века.

Восполнением этого существенного изъяна являются труды И. М. Стаховского, посвятившего большую часть своей жизни комплексному изучению истории Суздальской земли. Скрупулезнейшим и всесторонним образом им собраны и проанализированы самые разнообразные источники, взвешены и критически выверены существующие точки зрения по тому или иному вопросу. В результате было создано поразительное по своей широте полотно, охватывающее историю Суздальской земли как в исторической перспективе, так и многосторонности обзора. К величайшему сожалению, читатель до сих пор не имеет в своих руках этого труда. Он остается не только не изданным, но и практически неизвестным сколько-нибудь широкому кругу историков. Незаслуженно мало известен и творческий облик И. М. Стаховского вообще. Вот почему прежде чем переходить к более подробному изложению содержания труда покойного историка и его оценке имеет смысл в двух словах наметить его творческий путь.

Иван Михайлович Стаховский родился 30 мая 1892 года в г. Суздале. Его отец был учителем и одновременно заведующим городской библиотекой. С самых юных лет будущий историк всей душой полюбил Суздальскую землю, где так бесконечно много говорит об истории. От отца он мог получить и первые познания в ней. Закончив в 1911 г. Владимирскую гимназию, он без колебаний поступает на историко-филологический факультет Петербургского университета. Выпускное сочинение И. М. Стаховского, первый его научный труд был написан в 1915 году. Это было исследование на тему «Борьба Рима и Византии за южных славян в IX в.» в размере 10 а. л. Оно было удостоено серебряной медали. К сожалению, текст этого труда не удалось разыскать. Однако тематика его не вызывает сомнений с точки зрения ее важности и до сих пор все еще слабой разработанности и в то же время тех неизбежных источниковедческих трудностей, которые неизменны при решении вопросов истории славян в столь ранний период. Можно думать, что уже здесь И. М. Стаховский приобрел тот интерес и внимание к источниковедению, который был присущ впоследствии не только его специальным источниковедческим этюдам, но и вообще любым историческим работам.

Первая мировая война не позволила И. М. Стаховскому сдать государственные экзамены в Университете. Он был призван в армию и только после освобождения от службы по состоянию здоровья в сессию 1917/1918 г. закончил Университет.

Дальнейший творческий путь И. М. Стаховского связан уже целиком с отечественной историей. Этому во многом способствовала и его педагогическая деятельность — вначале преподавание в средних школах и техникумах, а потом чтение курсов по истории СССР в различных вузах.

Начинает свою педагогическую деятельность И. М. Стаховский в родном Суздале. В 1921 году он назначается членом Научно-методического областного отдела народного образования и одновременно преподает в нескольких техникумах г. Иванова. С сентября 1922 г. И. М. Стаховский — в Москве. Здесь он преподает в средних школах, Дорожно-строительном техникуме (с 1931 по 1935 г.), Институте Наркомтяжпрома, в Высшей финансовой школе. В эти годы И. М. Стаховский трудится над своей кандидатской диссертацией на тему «Суздаль и его прошлое». Защита ее состоялась уже во время войны в 1943 г. в Среднеазиатском Университете в Ташкенте. Тогда И. М. Стаховский преподавал историю СССР в Кокандском учительском институте, а в 1943—1944 годах он доцент кафедры истории СССР Пензенского Государственного Педагогического Института. Затем, вплоть до своей кончины (в 1952 г.), И. М. Стаховский продолжает педагогическую работу с 1948 г. в качестве доцента Коломенского областного учительского института также на кафедре истории СССР, а с 1947 г. он назначен заведующим кафедрой истории Вышневолоцкого государственного учительского института.

Особого внимания заслуживает кандидатская диссертация историка. В ней он подвел итог многолетних трудов по истории своего родного края, хотя в последующие годы не переставал еще более углубленно разрабатывать отдельные важнейшие аспекты истории Суздальской земли. Так, в 1945 г. им были написаны статьи, связанные с источниковедческими вопросами: об Анании Федорове и его «Историческом собрании», по проблемам суздальской агриграфии. В 1947 г. — «Родословная Суздальских князей в связи с историей их землевладения». Глубокое знания истории Владимиро-Суздальской земли, превосходное владение всеми видами источников по ее истории, в том числе и древностей, помимо научных трудов, были приложены в деятельности И. М. Стаховского в Суздальском музее. И. М. Стаховский с 1941 г. и до последних своих дней был деятельнейшим его научным сотрудником.

Труды И. М. Стаховского по истории Суздальской земли правильнее всего рассматривать, несмотря на все разнообразие затронутых в них проблем, как единое целое, как главы одного гигапского исследования. Сам И. М. Стаховский, подготавливая свой сводный труд, следующим образом обозначил эти главы:

I. Князья суздальские и суздальско-нижегородские (родословная в связи с историей княжеств). II. Суздальские архиереи. III. История Суздальской епископской кафедры (Историко-библиографическая). IV. История Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря. V. Суздальский Покровский монастырь (Землевладение, политическая ссылка в XVI—XVII веках. Краткая летопись монастырской жизни). VI. Классовая борьба в Суздале.

Название этих глав далеко не всегда отвечает объему их содержания. Это содержание несравнимо шире и глубже. Причиной такого несоответствия послужило, конечно, не неумение автора найти адекватные содержанию глав названия, а его исключительная скромность.

В самом деле, уже в главе I в действительности мы находим исследование, весьма далеко выходящее за рамки генеалогических штудий. И. М. Стаховский дает в этой главе блестящий историко-географический очерк Суздальско-Нижегородской земли, выясняя множество темных вопросов и спорных суждений по истории ее роста, внешних и внутренних границ, административного устройства. Неизменным при этом остается строгий учет экономического и социального развития. Особого внимания заслуживает синтез при изучении экономических и этнических процессов, столь важный при решении вопросов колонизации Заволжья, тем более, что она шла двумя потоками: из-за Оки и из Новгородской земли.

Особое внимание И. М. Стаховский уделяет первому потоку, мало изученному и в свое время удивлявшему В. О. Ключевского. Важным источником для И. М. Стаховского являются данные топонимики, — нередко даже единственным источником. В этом отношении характерны для ряда речек и сел Заволжья названия тождественные с теми, которые мы находим в Суздальщине (вплоть до реки Суздаль).

С немалыми трудностями источниковедческого порядка сталкивается исследователь и при изучении административного устройства и княжеских земельных владений Суздальско-Нижегородской земли в ранний период. И. М. Стаховский прибегнул здесь к ретроспективному анализу более поздних источников XV и даже иногда XVIII в. Так например, по документам о состоянии дворцовых волостей в XVII в. с достаточным учетом всех возможных изменений и вытекающих отсюда необходимых коррективов, реконструируется картина княжеских владений в XIV в. К иным как бы обратным приемам исторической реконструкции И. М. Стаховский прибегает, когда он рассматривает нормы отношений между московским и суздальским князьями в 40-ые годы XV в., т. е. в период, когда Шемяка восстанавливает власть суздальских князей. В этом случае исследователь опирается на лучше прослеживаемые по источникам сведения о взаимоотношениях между Дмитрием Донским и суздальским князем Дмитрием Константиновичем в последней четверти XIV в.

С источниковедческой точки зрения необходимо особенно подчеркнуть, что И. М. Стаховский использует неизвестные или малоизвестные сведения из соборных и монастырских владимирских и суздальских синодиков, по существу впервые вводя их в научный оборот. Еще шире источники этого типа использованы в главах, специально посвященных истории суздальских монастырей, — Спасо-Евфимиева и Покровского. Истории этих крупнейших монастырей был посвящен целый ряд книг, изданных в XIX — начале XX в.¹ Но исследование И. М. Стаховского, подводя итог изучению истории этих крупнейших экономических и культурных центров, сыгравших столь заметную роль и в политической жизни России, одновременно затрагивает многие новые исторические проблемы, связанные с этими монастырями. В частности, привлекает внимание стремление автора определить реальные исторические условия, в которых возникал тот или иной монастырь, и при этом соотнести с этими условиями критически рассмотренные данные агиографической литературы и различных преданий. Именно таким образом устанавливается наиболее вероятное время основания Спасо-Евфимиева монастыря (1362—1365 гг.).

С важнейшими вопросами внутриполитической борьбы в России был связан Суздальский Покровский монастырь. И. М. Стаховский справедливо изучает его историю именно на этом фоне, не боясь поэтому пространных экскурсов в историю борьбы с последними уделами и внутрисемейной великокняжеской борьбы. Таков, например, по существу самостоятельный очерк о судьбе Шемячичей. Вопросы генеалогии вообще привлекают к себе внимание исследователя. Важным источником при этом для него являются надгробия в Покровском монастыре, как сохранившиеся так и исчезнувшие. О последних И. М. Стаховский пишет, черпая сведения из их реестра, составленного Михаилом Троицким на основе более ранней описи. Это сочинение М. Троицкого, хранящееся среди рукописей фонда Румянцева в Отделе рукописей ГБЛ, ученый впервые вводит в научный оборот. Сочинение Троицкого позволяет внести ряд поправок в существующие до сих пор мнения о принадлежности некоторых надгробий. В частности, оказывается, что породившее столько романтических легенд детское захоронение в подклете Покровского собора принадлежит не сыну постриженной первой жены Василия III Соломонида Сабуровой Георгию, а Анастасии — дочери Василия Шуйского.

Каждый историк не может не оценить колоссальный справочный материал, систематизированный И. М. Стаховским. Им пополнены и в значительной мере уточнены давшие П. В. Строева о настоятелях монастырей и о суздальских архиереях. Всем хорошо известно как необходимы для самых разнообразных аспектов исследования, и прежде всего для датировок, такие данные.

Суздальским архиереям И. М. Стаховский уделяет особую главу. Она по своему содержанию далеко не ограничивается биографическими данными, хотя и они имеют бесспорную самостоятельную ценность. Дело в том, что изыскания И. М. Стаховского являются результатом большой предварительной источниковедческой работы. Им детально анализируются не только степень достоверности того или иного источника, но и причины появления недостоверных преданий (например о Федоре Суздальском, якобы жившем в X в.). Этим самым это предание не просто опровергается, но становится важным источником для изучения общественно-политической мысли эпохи, пусть и более поздней, чем те события, о которых в этом памятнике повествуется (например, по отношению к Федору Суздальскому — XIV в.).

Источниковедческий аспект в труде И. М. Стаховского неизменно сочетается с историко-культурным и, собственно, едва ли может быть от него отделен. Предыдущий пример убедительно свидетельствует об этом. Необходимо сказать также, что И. М. Стаховский всегда приводит сведения о летописных, литературных и юридических памятниках, созданных по идее, заказу или в связи с деятельностью того исторического лица, о котором им сообщаются сведения. Несомненный интерес в этом отношении представляет выделение из «Пчелы» слова «О иноках властолюбцах» в связи с деятельностью Дионисия Суздальского и исследование вопроса о складывании Лаврентьевской летописи, относящееся к тому же времени.

Среди других историко-культурных аспектов исследования бесспорный интерес представляют сведения по истории суздальских школ и просвещения в Суздале. Они рассматриваются как в связи с историей русской культуры, так и с учетом местных особенностей жизни в Суздальской земле.

Исследуя суздальские монастыри И. М. Стаховский самым внимательным образом на основании документов прослеживает историю создания в них тех или иных зданий и перестроек. Для реставраторов собранный им материал драгоценен.

Выше уже говорилось, что И. М. Стаховский уделяет в своих изысканиях большое внимание социально-экономической истории. Богатые сведения о земледелии, землевладении, крепостных крестьянах, их занятиях и положении мы найдем в главах, посвященных суздальским монастырям и архиерейской суздальской кафедре. Кроме того, проблемы социально-экономической истории, естественно, занимают большое

¹ См., например: Л. Сахаров. Историческое описание Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря, изд. 3-е. М., 1905; И. Токмаков. Историческое и археологическое описание Покровского девичьего монастыря в городе Суздале. Владимир, 1913.

место в главе, посвященной классовой борьбе в Суздале в XVI—XVII вв. Здесь подробно исследуется вопрос о размещении архиерейских и монастырских владений, о белых слободах и их взаимоотношениях с посадским тягловым населением, о захватах запустевших земель архиереями и реакции на это посада. Чрезвычайно интересны наблюдения исследователя по вопросу о реализации в Суздале постановлений Соборного Уложения 1649 г., в особенности относительно белых слобод и возвращений дворов их прежним владельцам. Опираясь на царские жалованные грамоты, суздальские монастыри и кафедра фактически саботировали Уложение. Так, только в 1686 г. посаду удалось вернуть земли, оказавшиеся у архиереев. Монастырские же владения и после 1686 г. оставались не тронутыми. Однако жители посада никогда не примирялись с таким положением. Они не только писали челобитные (множество их рассмотрено в исследовании), но и занимали свои земли явочным порядком. И. М. Стаховский справедливо усматривает в этом своеобразную форму классовой борьбы и поэтому уделяет этим захватам особое внимание в своей работе.

И. М. Стаховский сделал завершающей главой историко-библиографическую. По сути дела, она представляет собой большой, самостоятельный по значению, источниковедческий и историографический очерк по истории Суздальской земли. Особую ценность представляет собой разбор «Исторического собрания Анапия Федорова» и «Истории Российской иерархии» архиепископа Амвросия. Исследователем детально прослежены источники этих сочинений, проанализированы оригинальные или уникальные сведения, которые они содержат, и, что особенно интересно, объясняются пропуски и сознательные замалчивания (особенно у Анапия Федорова). Интересны историографические очерки о малоизвестных трудах местных краеведов XIX в. М. Я. Диева, Иосифа Гапонова, М. М. Ранга и других.

Перед нами поистине энциклопедия Суздальской земли со всеми самыми разнообразными сторонами ее жизни. Конечно, за время, прошедшее со времени создания труда И. М. Стаховского, были обнаружены и изданы новые источники, историческая наука обогатилась трудами, которые, быть может, побудили бы исследователя к внесению в свой труд поправок и дополнений. Подлинный исследователь никогда не обойдется без этого. Но что неоспоримо — это вклад в науку, плод исключительного трудолюбия и любви. Не обращаться к нему историк Владимиро-Суздальской земли не может. Не подлежит сомнению, что опубликование этого труда целиком или хотя бы в отдельных частях, с благодарностью к памяти его автора, будет воспринято всеми, кому дорого прошлое нашей Родины.

Архив И. М. Стаховского содержит некоторые не включенные им в основной труд исследования по истории Суздаля («Церковный раскол в Суздале в XVII веке», «Образование и школа в Суздале в XVIII—XIX вв.» и др.), а также множество подготовительных материалов к его большой работе. Среди его рукописей можно найти и интересные наброски к подготовлявшейся ученым докторской диссертации на тему «Соперники Москвы в XIV—XV веках»². Смерть И. М. Стаховского (1952) помешала ему завершить этот труд.

² В настоящее время архив И. М. Стаховского передается в Отдел рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина.

В. Д. Алпатова

**ОБЗОР ФОНДОВ УЧЕНЫХ-ИСТОРИКОВ,
ПОГИБШИХ ВО ВРЕМЯ БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА
(По материалам Архива ЛОИИ СССР АН СССР)**

Архив ЛОИИ СССР АН СССР, известный богатейшим собранием материалов в основном по периоду феодализма, недавно пополнился личными фондами ученых-историков, сотрудников ЛОИИ, погибших в дни блокады Ленинграда в 1941—1943 гг. Многие из них были связаны с блестящей плеядой русских историков начала XX в., были учениками С. Ф. Платонова, А. Е. Преснякова, А. И. Андреева и Б. Д. Грекова.

Материалы этих ученых образовали 9 фондов, составляющих 384 единицы хранения. В архиве имеются подробные описи фондов, к ним приложены биографические справки о фондообразователях (с краткой характеристикой рукописей) и списки их печатных работ. Публикуемый обзор и библиографические сведения — дань памяти ленинградским историкам, творческое наследие которых, несомненно, должно привлечь внимание наших современников — историков и историков науки.

* * *

Фонд (№ 268) выдающегося палеографа-латиниста Сергея Александровича Аннинского¹ содержит всего 14 ед. хр. Основная часть его большого личного архива погибла во время блокады Ленинграда, когда квартира ученого была разрушена вражеской бомбой. Однако сохранившиеся материалы представляют значительный интерес, среди них наряду с машинописными копиями опубликованных работ «Акты Кремены X—XIII вв. в собрании АН СССР», «Диплом Оттона I (969 г.) в коллекции АН СССР», «Императорский диплом IX в. в собрании АН СССР»² находятся неопубликованные рукописи. Первое место по объему и значимости занимает подготовленная к печати хроника X в. «Титмар Мерзебургский»³. Публикация состоит из четырех частей. Введение С. А. Аннинского имеет два раздела: в первый входят биографические данные об авторе, сведения о времени написания хроники, ее составе и источниках; во втором анализируется мировоззрение Титмара как историка и писателя и определяется научное значение его труда (машинопись, 92 лл.). Далее следует перевод текста хроники (машинопись, 347 лл.), затем обзор ее содержания (машинопись, 56 лл.) и комментарий (машинопись, 113 лл.). Работа, по свидетельству В. И. Рутенбурга, была начата в 1930 г. и завершена в 1936 г.⁴ Перевод, как сообщается во введении, сделан по изд. Ф. Курце («Regum Germanicarum scriptores in usum scholarum». Hannover, 1889), хотя использованы также издание Р. Гольдманна (1935 г.) и ряд предшествующих.

Подготовлена к публикации рукопись «Уставы Казимира (Вислицкий статут)»⁵ — перевод известных законов польского короля Казимира III (1333—1370). С каких текстов сделан перевод, установить не удалось⁶.

Сохранились главы из утерянной работы, посвященной истории выхода России к морю, от Ивана Калиты до Петра I⁷, с анализом памфлета «Truth is but truth, when

¹ Характеристику его научной деятельности и биографо-библиографические сведения см. в статье: В. Т. Пашуто. Советский археограф С. А. Аннинский. — «Археографический ежегодник за 1969 год». М., 1971, стр. 179—183.

² ЛОИИ СССР, ф. 268, оп. 1, д. 2, 3, 6.

³ Там же, д. 1.

⁴ Нами приводятся только бесспорные даты рукописей, многие из которых пока не удалось точно датировать.

⁵ ЛОИИ СССР, ф. 268, оп. 1, д. 4.

⁶ В литературе известен перевод, напечатанный в «Актах, относящихся к истории Западной России» (т. I. СПб., 1846, № 2, 27). Второй перевод, по сведениям И. И. Первольфа, до 1827 г. хранился в Супрасльском монастыре, дальнейшая судьба его неизвестна («Труды VI Археологического съезда в Одессе», т. I. Одесса, 1886, стр. 307—309).

⁷ ЛОИИ СССР, ф. 268, оп. 1, д. 7.

it timed: or, our Ministry's present measures against the Muscovite vindicated ets, ets. Humbly dedicated to the House of C[ommons]. London, 1719» («Истина есть истина, когда она раскрывается вовремя, или Защита нынешних мероприятий нашего министерства против москвитов и т. д. и т. д. Скромно посвящается палате общин. Лондон. 1719») (машинопись, 33 л.). Имеется рукописная тетрадь с незаконченным переводом записок неизвестного автора о России эпохи Василия III⁸ (автограф, 23 л.).

Большой интерес представляют письма О. А. Добиаш-Рождественской к С. А. Аннинскому за 1931—1937 гг.⁹ (автографы, 57 л.). Основная часть их относится к 1934—1937 гг. и посвящена изданию «Актов Кремены». Здесь же редакторские исправления и замечания О. А. Добиаш-Рождественской (автографы, 32 л.) с рукописными заметками С. А. Аннинского. В фонде хранятся также зарисовки щитов Ордена кармелитов и др.¹⁰ (автографы, 14 л.).

Среди материалов фонда имеются три неопубликованные статьи Н. Лихачева об итальянских библиотеках и болгарском археологе и нумизмате Н. Мупшове¹¹ (автограф и машинопись, 20 л.) и статья Р. В. Бахтина «Scriptura carolina», снабженная примечаниями на латинском языке¹² (автограф, 20 л., 7 л.).

* * *

Надежда Григорьевна Богданова¹³ родилась в 1892 г. в Могилеве, в 1909 г. поступила на историко-филологическое отделение Высших женских (Бестужевских) курсов в Петербурге. После их окончания в 1917 г. Н. Г. работала в Пушкинском Доме, где под руководством Н. К. Пиксанова участвовала в составлении указателя напечатанных писем И. С. Тургенева. В результате архивных изысканий ею были опубликованы письма И. С. Тургенева к А. Р. Дрентельну, материалы переписки М. А. Фонвизина с Е. П. Оболенским, письма М. П. Бестужева-Рюмина к А. И. Чернышеву и др. Одновременно Н. Г. являлась библиографом Книжной палаты.

В 1920 г. Н. Г. начала свою деятельность в Рукописном отделе БАН СССР — библиокарем, позже ученым хранителем и научным сотрудником I разряда. В 1931 г. она стала сотрудником Историко-археографической комиссии. История завоевания Кавказа, колониальная политика царизма в Закавказье — таковы основные темы ее научной работы, связанной с обследованием многочисленных архивов, итогом которой была диссертация «Феодальные отношения ногайцев в конце XVII—нач. XIX в.» (утрачена во время войны).

Близкими к теме диссертации являются опубликованные статьи: «Аграрные отношения в Азербайджане в 1870—1917 гг.» и «К вопросу о феодальной эксплуатации кочевников в Закавказском крае в первой трети XIX в.» Максимум добросовестности и исторического чутья Н. Г. проявила в подготовке сборника материалов по истории Азербайджана. Вышли в свет две части сборника. В третьей, составленной Н. Г. (под ред. И. П. Петрушевского), были собраны документы по истории народного движения, в четвертой (под ред. Б. М. Кочакова) — материалы по истории торговли и промышленности. Много времени и сил отдала Н. Г. выявлению документов по истории крестьянской промышленности, которые после войны были изданы отдельным сборником. Н. Г. умерла в блокадном Ленинграде в 1941 г. Ее фонд (№ 266) состоит из 108 ед. хр., в основном — фрагментов неопубликованных частей вышеназванного сборника, копий документов, которые были исключены редактором из его состава, либо готовились, по-видимому, для последующих публикаций. Копии снимались Н. Г. в хранилищах Москвы и Ленинграда в 1931—1937 гг. Это материалы о крестьянских «бунтах» против помещиков, восстаниях горцев, об уровне развития шелководства, виноградарства, нефтепромышленности, торговли, а также о законах и обычаях горцев, налоговой политике царизма и многочисленных проектах управления землями Кавказа за 1870—1917 гг.¹⁴

В фонде хранятся подробная библиография по истории освоения Кавказа (1937 г., машинопись, 14 л.) и вводная статья Н. Г. к 4-й части сборника документов по истории Азербайджана (машинопись с правкой, 55 л.)¹⁵. Значительное место занимают копии документов из Астраханского фонда Архива ЛОИИ, главным образом о взаимоотношениях России с Персией¹⁶.

Среди неизданных, но подготовленных к печати работ: очерк «История освоения Москвой берегов Каспийского моря» (1936 г., автограф, 76 л. с прил.), рецензия на кн.: «Крепостная мануфактура в России», ч. II. Олонецкие медные и железные заводы (Л., 1931) (автограф, 69 л.); публикация «Письма декабриста С. П. Трубецкого к И. Н. Толстому» (вступ. ст. 10 л., письма — 107 л., послесловие В. Гес-

⁸ Там же, д. 12.

⁹ Там же, д. 14.

¹⁰ Там же, д. 10.

¹¹ Там же, д. 9, 11, 13.

¹² Там же, д. 8.

¹³ Биографические сведения даны по материалам Ленинградского отделения Архива АН СССР (далее — ЛО ААН СССР), ф. 133, оп. 1, д. 1575.

¹⁴ ЛОИИ СССР, ф. 266, оп. 1, д. 68—79, 93.

¹⁵ Там же, д. 107, 17.

¹⁶ Там же, д. 1—8.

сена — 3 лл.); статья «Партизанская борьба Белоруссии во время немецкой оккупации в 1918 г.» (1941 г., машинопись, 16 лл.)¹⁷.

Список печатных работ Н. Г. Богдановой

- Два интимных письма И. С. Тургеневу. — «Тургеневский сборник». Пг., изд-во «Огни», 1915, стр. 49—54.
- О роговой музыке. — «Бирюч Петроградских государственных театров», 1918, № 6, стр. 62—63.
- Письма И. С. Тургенева к А. Р. Дрендельну. — «Литературно-библиологический сборник». Пг., 1918, стр. 40—46.
- Книжные богатства Строгановых в 1578 г. — Сб. «Sertum bibliologicum в честь... А. И. Малеина». Пг., 1922, стр. 277—284.
- Из переписки М. А. Фонвизина с Е. П. Оболенским. — «Памяти декабристов. Сб. материалов», вып. I, Л., 1926, стр. 104—123.
- Письмо М. П. Бестужева-Рюмина к А. И. Чернышеву. — «Памяти декабристов. Сб. материалов», вып. 2, Л., 1926, стр. 88—94.
- Бальзак в России в 1848 г. — «Красная панорама», № 20, 1928, стр. 15.
- Как работал Л. Н. Толстой. — «Красная панорама», № 36, 1928, стр. 18—19.
- Сост., подгот. к печ.: «Крепостная мануфактура в России», ч. I. Тульские и Каширские железные заводы (1645—1690). Л., 1930, 503 стр. (совместно с П. А. Садиковым, Н. С. Чаевым).
- Сост.: «Материалы для указателя источников по крепостному хозяйству», III. Источники по горной промышленности в XVII в.» [библиография]. — «Крепостная Россия. Сб. статей», Л., изд-во «Прибой», 1930, стр. 251—253.
- Стихи XVIII в. о рудокопном деле в России. — «Труды Комиссии по древнерусской литературе», т. I, Л., 1932, стр. 231—246.
- Выявление документов: «Материалы по истории крестьянской промышленности», т. I. М.—Л., 1935, 427 стр. (совместно с И. В. Мешалиным, Я. М. Притыкиным) («Труды Историко-археологического института АН СССР», т. XV).
- Выявление документов, сост., подгот. к печ.: «Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20—60-х гг. XIX в.», ч. 1. М.—Л., изд-во АН СССР, 1936, 460 стр. (совместно с Я. М. Притыкиным).
- Сост., подгот. к печ.: «Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20—60-х гг. XIX в.», ч. 2. М.—Л., изд-во АН СССР, 1937, 474 стр.
- Подгот. к печ.: «Материалы по истории волнений на крепостных мануфактурах в XVIII в.» М.—Л., изд-во АН СССР, 1937, 468 стр. (совместно с И. В. Мешалиным, Р. Б. Мюллер, Н. С. Чаевым).
- К вопросу о феодальной эксплуатации кочевников в Закавказском крае в первой трети XIX в. — «Исторический архив», № 2. М.—Л., 1939, стр. 221—238.
- Аграрные отношения в Азербайджане в 1870—1917 гг. — «Исторические записки», т. 12, 1941, стр. 200—227.
- Выявление документов: «Материалы по истории крестьянской промышленности», т. II. Текстильная промышленность Московской губернии в XVIII и начале XIX вв. М.—Л., изд-во АН СССР, 1950, 562 стр. (совместно с И. В. Мешалиным).

* * *

Аркадий Иванович Васильев¹⁸, заведующий Архивом ЛОИИ в 1940—1941 гг., родился 9 января 1891 г. в г. Солицы Псковской губ. После окончания реального училища в Пскове он поступил в Василеостровскую коммерческую школу Петербурга, оттуда вскоре перевелся на курсы преподавателей при школе глухонемых в д. Мурзинка Петроградской губ. В 1914 г. Аркадий Иванович был призван в царскую армию, в 1918 г. возвратился в Петроград и продолжил преподавание глухонемым в Отофонетическом институте. С 1919 г. А. И. находился в рядах Красной Армии, работал в школьном отделе Петроградского губвоенкомата, затем перешел к преподавательской деятельности в Красной Армии. С 1931 г. он регулярно посещал ученые собрания Историко-археологической комиссии и впервые заинтересовался историей как наукой, главным образом историей родного Псковского края. В 1934 г. А. И. оставил преподавательскую работу и стал сотрудником Историко-археологического института АН СССР. 8 сентября 1940 г. А. И. был назначен заведующим Архивом ЛОИИ и в этой должности оставался до своей кончины от голода в начале 1942 г.

За время работы в ЛОИИ им опубликован ряд очерков по истории Пскова и других городов и населенных пунктов Северо-Запада России. А. И. был известным популяризатором истории героической борьбы русского народа, главным образом Пскова и Новгорода XVI—начала XVII в. В 1939—1941 гг. он написал свыше 50 статей в местные газеты Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Вырезки из газет хранятся в фонде (№ 265, 30 ед. хр.), подшитые в отдельные тетради¹⁹.

¹⁷ ЛОИИ СССР, ф. 266, оп. 1, д. 101, 97, 100, 104.

¹⁸ Биографические сведения даны по материалам: ЛО ААН СССР, ф. 133, оп. 3, д. 26.

¹⁹ ЛОИИ СССР, ф. 265, оп. 1, д. 19.

В фонде находится значительное число выписок из летописей, писцовых книг и печатных изданий — «Губернских ведомостей», «Псковских епархиальных ведомостей», «Псковского городского листка» по истории Псковщины (в том числе о строительстве псковских церквей²⁰) (автограф, 206 лл.), а также из документов собраний Александро-Свирского и Иверского монастырей, из летописей о строительстве Кирилло-Белозерского и других монастырей²¹. Эти материалы собирались для написания статей и не публиковались.

Неопубликованными являются монография «Антирелигиознику о псковских святых» (машинопись, 124 лл.), написанная на фольклорном материале, и статья «Хлебный бунт 1656 г.»²² (машинопись, 5 лл.).

Список печатных работ А. И. Васильева

- Городок Кобыла и Кобылинский уезд. Псков, 1929, 11 стр. (отт. из сб. «Познай свой край», вып. 4. Псков, 1929).
Древний Псков. Л., 1929, 137 стр. (совместно с А. К. Янсоном).
Документ о восстании 1650 г. в Пскове. — «Исторический архив», № 1. М.—Л., 1936, стр. 67—71.
Знать прошлое своего района. — «Районная и фабрично-заводская печать», 1940, № 1, стр. 34—36.
Рец. на кн.: И. Н. Ларионов «Псков Древний» (Псков, 1939). — «Новгородский исторический сборник», вып. 7. Новгород, 1940, стр. 122—124.
Сост.: «Отечественная война 1812 г. Сб. документов и материалов». Л.—М., изд-во АН СССР, 1941, 199 стр.+2 карты (совместно с А. В. Предтеченским и Б. Б. Фраткиным).

Статьи в районных газетах:

- Из псковских легенд. — «Псковский набат», 23 сентября 1928 г.
Когда и кем основан Псков. — «Псковский колхозник», 14 сентября 1939 г.
Ледовое побоище. — «На страже Родины», 21 апреля 1939 г.
Оборона Тихвина от шведских войск (1613 г.). — «Социалистическая стройка», 11 мая 1939 г.
Порхов в годы борьбы русского народа со шведской интервенцией. — «Порховская правда», 20 июня, 22 июня, 23 июня 1939 г.
Прошлое города Гдова. — «Псковский колхозник», 10, 11 августа 1939 г.; «Гдовский колхозник», 15, 16, 17, 18 августа 1939 г.
Разгром немецких рыцарей на льду Чудского озера. — «Псковский колхозник», 12 апреля 1939 г.
Тихвин — центр борьбы русского народа со шведской интервенцией (1613—1616 гг.). — «Социалистическая стройка», 8 июня 1939 г.
Далькое прошлое Валдая (до конца XVI в.). — «Валдайский колхозник», 13 октября 1940 г.
Далькое прошлое Валдая (начало XVII в.). — «Валдайский колхозник», 15 декабря 1940 г.
Далькое прошлое г. Сольцы. — «Солецкий ударник», 25 февраля 1940 г.
230 лет назад. — «Коммунар» (Кякисалми), 9 октября 1940 г.
230 лет назад. — «Ленинское знамя» (Петрозаводск), 25 августа 1940 г.
Из прошлого нашего города [Кингисеппа]. — «Колхозник», 29 марта, 10 апреля 1940 г.
Из прошлого Тихвинского края. — «Социалистическая стройка», 25 сентября 1940 г.
Историк-тихвинец Я. И. Бередников. (К 85 летию со дня его смерти). — «Социалистическая стройка», 11 января 1940 г.
Оборона Кириллова от шведских войск (1612—1613 гг.). — «Ленинское знамя» (Вологда), 22 мая 1940 г.
Оборона Пскова от польско-литовских войск (1581—1582 гг.). — «Псковский колхозник», 15 февраля 1940 г.
Оборона Пскова от шведских войск в 1615 г. (К предстоящей 325 годовщине). — «Псковский колхозник», 10 июля 1940 г.
Прошлое Копорья — «Вперед» (Ораниенбаум). — 27 апреля, 24 мая, 30 мая, 16 июня, 1 октября 1940 г.
Псков — пригород Новгорода. — «Псковский колхозник», 27 декабря 1940 г.
Славная годовщина (325 лет назад). — «Псковская правда», 19 октября 1940 г.
Старая Русса в годы борьбы русского народа со шведской интервенцией. — «Трибуна», 14 февраля 1940 г.
Тихвин 150 лет назад. — «Социалистическая стройка», 6 ноября 1940 г.
Шелонская битва 1471 г. — «Солецкий ударник», 13 ноября 1940 г.
Иван Грозный в Пскове. — «Псковский колхозник», 10 января 1941 г.
Крепость Котельна. — «Колхозный путь», 13 марта 1941 г.
Ореховый остров. — «Авангард» (Шлиссельбург), 1 февраля 1941 г.

²⁰ Там же, д. 1—7, 8.

²¹ Там же, д. 9, 10, 12, 15.

²² Там же, д. 11, 27.

Орешек в 1500 г. — «Авангард», 1 марта 1941 г.
Пленение шведского флота. — «Псковский колхозник», 4 мая 1941 г.
Страницы героического прошлого. — «Гдовский колхозник», 4 марта 1941 г.

* * *

Николай Федорович Лавров²³ родился 7 декабря 1891 г. в г. Череповце, в семье преподавателя географии и истории. В 1909 г., закончив Череповецкое реальное училище, Н. Ф. поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. Там он постоянно участвовал в семинарах профессоров С. Ф. Платонова и А. Е. Преснякова, приобрел навыки исследовательской работы над источниками, в частности, летописями. После окончания Университета в 1916 г., по предложению А. Е. Преснякова, Н. Ф. был оставлен при Университете на два года для подготовки к профессорской деятельности. В 1921 г. работал в Москве, в Централхиве, а в 1924 г. перешел в его Ленинградское отделение, где последовательно занимал должности архивиста, инспектора, научного сотрудника, редактора.

16 октября 1934 г. Н. Ф. был принят в Историко-археографический институт, где в 1935 г. ему без защиты диссертации присвоили степень кандидата исторических наук. В работе по изданию Русской Правды он стал одним из активных и бесценных членов авторского коллектива, в котором вместе с ним под руководством Б. Д. Грекова сотрудничали Б. В. Александров, Г. Л. Гейерманс, В. Г. Гейман, Г. Е. Кочин, В. П. Любимов, Б. А. Романов, М. Н. Тихомиров. Тщательность в работе, широкий диапазон знаний в истории древнерусского законодательства позволили ему заниматься сличением текстов, составлять примечания, писать комментарии. Итогом этого большого совместного труда явилось комментированное издание Правды Русской. При жизни Н. Ф. из печати вышел лишь I том этого издания. В предисловии к нему Б. Д. Греков писал: «Считаю своим долгом подчеркнуть во всех процессах подготовки этой книги исключительную роль Н. Ф. Лаврова и В. П. Любимова. . .»²⁴.

Н. Ф. подготовил следующие списки Правды Русской: Археографический I, Синодальный I, Новгородско-Софийский, Рогожский I (Лаптевский) и Археографический вид, а также дал важнейшие варианты всех сводных текстов в упрощенной транскрипции. Выпуск II тома, состоящего из комментариев к текстам I тома, был задержан из-за начала войны, и лишь в 1947 г., когда Н. Ф. уже не было в живых, этот том увидел свет. Первая редакция комментариев принадлежала Н. Ф. (после войны ее завершал Б. А. Романов), на долю которого также приходится и значительная часть комментария ко II тому.

В 1940 г. почти одновременно было издано учебное пособие «Правда Русская», которое полностью подготовил к печати и отредактировал Н. Ф. «под наблюдением Б. Д. Грекова», как отмечено в предисловии.

Другим важным направлением в научной деятельности Н. Ф. явилось изучение русского летописания. Любовь к летописным памятникам, пронесенная через всю жизнь с университетских семинаров, выразилась в кропотливой работе по сличению и изучению текстов летописей. К сожалению, была напечатана только одна статья «Заметки о Никоновской летописи». Все остальные работы и большая, готовая к печати монография «Московские летописные своды конца XV в.» погибли в Ленинграде в квартире, разбомбленной вражеским снарядом²⁵. Умер Н. Ф. в 1942 г. от голода в Ленинграде.

Материалы его фонда (№ 269, 26 ед. хр.) состоят в основном из копий различных списков Русской Правды, вошедших в издания. Ко многим из них имеются примечания и комментарии Н. Ф. и В. П. Любимова. Сохранилось несколько вариантов опубликованной работы по истории церкви.

В числе ненапечатанных работ Н. Ф. — отрывок из статьи «О классификации списков Правды Русской» (машинопись, 113 л.), статья «Русское летописание в трудах М. Д. Приселкова» (машинопись, 28 л.), статья «Киевский летописный свод XII в.» (1935 г., черновой автограф, 125 л.)²⁶.

Значительный интерес для исследователей летописания могут представить короткие заметки В. П. Любимова о методике издания Русской Правды: «О нумерации списков», «О транскрипции», «О таблицах» и др. (машинопись, 37 л.)²⁷.

Список печатных работ Н. Ф. Лаврова

Александр III о Лье Толстом. — «Красный архив», т. I, 1922, стр. 417.
К истории 9 января 1905 г. — «Красный архив», т. IV—V (XI—XII), 1925, стр. 444—448.
К истории освобождения крестьян декабристом И. Д. Якушкиным. — «Красный архив», т. VI (XIII), 1925, стр. 250—257.

²³ Биографические сведения даны по материалам ЛО ААН СССР, ф. 133, оп. 1, д. 1575; ф. 133, оп. 1, д. 43.

²⁴ «Правда Русская». Под ред. Б. Д. Грекова, т. I. Тексты. М—Л., 1940, стр. 10.

²⁵ Сведения даны К. Н. Сербиной.

²⁶ ЛОИИ СССР, ф. 269, оп. 1, д. 2, 19, 17.

²⁷ Там же, д. 16.

Крестьянские настроения весной 1905 г. — «Красная летопись», т. III, 1925, стр. 26—48.

Выявление документов, сост.: «Декабристы. Отрывки из источников». М.—Л., Госиздат, 1926, 483 стр. (совместно с Ю. Г. Оксманом и Б. Л. Модзалевским)

Диктатор 14 декабря (декабрист кн. С. П. Трубецкой). — «Бунт декабристов». Юбил. сборник, 1825—1925. Под ред. Ю. Г. Оксмана и П. Е. Щеголева. Л., изд-во «Былое», 1926, стр. 129—222.

Заметки о Никоновской летописи. — «Летопись занятий Археографической комиссии», вып. 34. Л., 1927, стр. 55—90.

Выявление списков, подгот. к печ.: «Правда Русская». Под ред. Б. Д. Грекова, т. I. Тексты. М.—Л., изд-во АН СССР, 1940, 506 стр. (совместно с В. П. Любимовым, М. Н. Тихомировым, Г. Л. Гейермансом, Г. Е. Кочиним).

Ред., сост., подбор текстов: «Правда Русская». Уч. пособие. Под ред. Б. Д. Грекова. М.—Л., 1940, 112 стр.

Вступит. статьи к публ.: «А. А. Шахматов. 1864—1920. Сб. статей и материалов». М.—Л., 1947, стр. 105—108, 117—118.

Сост.: «Правда Русская», т. II. Комментарии. М.—Л., изд-во АН СССР, 1947, 862 стр. (совместно с Б. В. Александровым, В. Г. Гейманом, Г. Е. Кочиним и Б. А. Романовым).

Религия и церковь. — «История культуры древней Руси», т. II. М.—Л., изд-во АН СССР, 1951, стр. 61—113 (глава 3).

* * *

Иван Васильевич Мешалин²⁸ родился в октябре 1901 г. в г. Нерехте Костромской губ. в семье служащего. В 1920 г., после окончания гимназии, И. В. поступил в числе первых студентов во вновь организованный Костромской университет. В 1923 г. после его закрытия И. В. перевелся в Петроград на последний курс Педагогического института им. Герцена. В 1925 г. он окончил историческое отделение общественно-экономического факультета этого института и два последующих года провел в архивах г. Костромы и г. Нерехты. Тогда же он работал в Костромском статистическом бюро. В 1927 г. И. В. возвратился в Ленинград в качестве аспиранта Педагогического института по специальности «краеведение и экономическая география». В план его научной работы была включена тема по изучению прошлого г. Нерехты. В 1928—1931 гг. И. В. занимал должность ассистента по кафедре экономической географии в Педагогическом институте и Институте коммунального строительства.

С марта 1931 г. по 1941 г. И. В. — сотрудник Историко-археографической комиссии, затем одноименного института и ЛОИИ АН СССР. Уже после начала Великой Отечественной войны, в конце октября 1941 г. И. В. защитил диссертацию «Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII в. и первой половине XIX в.» на степень кандидата исторических наук. Эта работа увидела свет лишь в 1950 г. Ее автор умер от голода в Ленинграде в январе 1942 г.

Его фонд (№ 264, 38 ед. хр.) содержит копии различных архивных документов по истории российских мануфактур и промышленности XVII—XIX вв., по истории г. Нерехты XV—XVIII вв. и библиографию по этим темам.

В фонде имеются и неопубликованные работы: монография «Промышленность Петербурга в 1725—1800 гг. (казенные предприятия, дворцовые предприятия, частные предприятия), (1941 г., автограф, 181 лл. с дополн.)²⁹; статьи «Петроградская промышленность в обороне города в 1919 г.» (черновой автограф, 11 лл.), «Из истории хлопчатобумажной промышленности России в конце XVIII в.» (автограф и машинопись, 99 лл.); «Значение крестьянства в развитии текстильной промышленности Московской губернии во второй половине XVIII в.» (машинопись, 81 лл.); «Из истории промышленности Новгородско-Псковского края в XVIII в.» (черновой автограф, 48 лл.); «Из истории усадьбы института им. Герцена на Мойке в XVII в.» (машинопись, 30 лл. с планом); «Биография нерехтского историка и этнографа Михаила Яковлевича Диева» (1929 г., машинопись, 20 лл.); «Село Иваново и его район в первой половине XIX в.» (машинопись, 57 лл.)³⁰.

Список печатных работ И. В. Мешалина

Экономическое описание Нерехтского уезда Костромской губернии, вып. I. Нерехта, 1927, 289 стр.

Выявление документов, сост. библиографии: «Материалы по истории крестьянской промышленности», т. I. М.—Л., 1935, 427 стр. (совместно с Н. Г. Богдановой и Я. М. Притыкиным) («Труды Историко-археографического института АН СССР», т. XV).

²⁸ Биографические сведения даны на основании материалов ЛО ААН СССР, ф. 133, оп. 3, д. 100.

²⁹ ЛОИИ СССР, ф. 264, оп. 1, д. 19.

³⁰ Там же, д. 2, 4, 3, 9, 8, 11, 38.

- Подгот. к печ.:* «Материалы по истории волнений на крепостных мануфактурах в XVIII в.» М.—Л., изд-во АН СССР, 1937, 468 стр. (совместно с Н. Г. Богдановой, Р. Б. Мюллер, Н. С. Чаевым).
- Добыча и обработка железной руды крестьянами в XVIII в. — «Горьковская область», 1940, № 9, стр. 72—73.
- Промышленность г. Новгорода в XVIII в. — «Новгородский исторический сборник», вып. 7. Новгород, 1940, стр. 39—47.
- Промышленность России в первой четверти XVIII в. и ее территориальное размещение. — «Известия Всесоюзного географического общества», № 72, вып. 3, М.—Л., 1940, стр. 354—363.
- Солеварение в Балахне в XVIII в. — «Горьковская область», 1940, № 8, стр. 73—75.
- Промышленность России во второй половине XVIII в. и ее территориальное размещение. — «Известия Всесоюзного географического общества», № 73, вып. 2, М.—Л., 1941, стр. 259—268.
- Сост., подгот. к печ.:* «Материалы по истории крестьянской промышленности», т. II. Текстильная промышленность Московской губернии в XVIII в. и начале XIX в., М.—Л., изд-во АН СССР, 1950, 562 стр. (выявление документов совместно с Н. Г. Богдановой); *коммент., словарь терминов, схемы карт, план* — там же, стр. 403—436, 441—460; *указатели* — там же, стр. 461—562 (при участии Б. Б. Фраткина).
- Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII в.—первой половине XIX в. М.—Л., изд-во АН СССР, 1950, 260 стр.

* * *

Петр Алексеевич Садиков ³¹ родился в 1890 г. в Пензе. После окончания гимназии в Саратове он поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. В 1916 г. с дипломом I степени был оставлен при Университете для подготовки к профессорскому званию. С 1919 г. он приступил к педагогической деятельности в вечернем политехникуме, которую продолжал до 1929 г.; с октября 1925 г. по октябрь 1928 г. по совместительству являлся также доцентом ЛГУ по кафедре русской истории.

В 1929 г. П. А. начал сотрудничать в Историко-археографической комиссии АН СССР. В 1933 г. он прервал свою деятельность в Комиссии и по особому заданию занимался историей Беломорско-Балтийского канала. По этой теме им написаны и опубликованы ряд статей. С 1935 г. П. А. работал в ЛОИИ и одновременно в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) и Институте языка и мышления.

В связи с началом Великой Отечественной войны П. А. в июле 1941 г. был эвакуирован из Ленинграда в г. Сокол Вологодской области, где работал учителем истории. 27 мая 1942 г. скончался от тифа.

П. А. был крупнейшим знатоком опричнины и автором ряда печатных работ, лучшие из которых объединены в «Очерках по истории опричнины» (1950 г.). Много времени уделял П. А. публикации материалов писателей и государственных деятелей России начала и середины XIX в. При его участии в свет вышли публикации, посвященные А. С. Пушкину и И. С. Тургеневу.

Главную часть фонда П. А. (ф. 263,69 ед. хр.) составляют рукописи напечатанных работ по теме «Иван Грозный и его правление», а также многочисленные выписки из писцовых и посольских книг XVI—XVII вв., копии архивных документов из разных хранилищ.

Значительное место занимают подготовленные к печати копии писем (подлинники которых хранятся в Пушкинском Доме) Н. В. Басаргина, О. И. Вахтена, И. В. Сабанеева и др. П. Д. Киселеву ³² (автограф, 149 лл.). В них нашли отражения события, связанные с декабристским движением. Интересны и публикации «Переписка И. С. Тургенева с Полиной Виардо и др.» (машинопись, 256 лл.), «Переписка членов семьи А. М. Муравьева» (автограф, 169 лл., на русс. и франц. яз.), «Письма В. Г. Короленко к А. И. Иванчину-Писареву» (автограф, 200 лл.) ³³ и др.

Сохранились и неопубликованные статьи, по-видимому, 30-х годов: «Детство Ивана Грозного» (сравнение текстов летописных сводов о времени его детства и юности) (автограф и машинопись, 145 лл.), «Явки» (автограф, 108 лл.), «К вопросу о происхождении Приказа Большого прихода и земской реформы Ивана IV» (автограф, 27 лл.), генеалогическая справка «Последние Шемячичи» (автограф, 22 лл.), доклад «Сельская община XVII в. в связи с земской реформой Грозного» (автограф, 45 лл.) ³⁴.

Имеются ненапечатанные рецензии (например, на кн.: Д. И. Савва. В Посольском приказе в XVI в., вып. 1. Пг., 1917), а также работа А. И. Гегелло «О планировке и архитектуре Петербурга в XVIII и XIX вв.» (машинопись, 300 лл.) ³⁵.

³¹ Биографические данные приводятся на основании материалов ЛОИИ СССР, ф. 263, оп. 1, д. 67.

³² Там же, д. 23, 24, 26, 27, 28.

³³ Там же, д. 41, 29, 60.

³⁴ Там же, д. 61—63, 7—9, 5.

³⁵ Там же, д. 53, 65.

Список печатных работ П. А. Садикова

- Несколько материалов для истории мер правительства императора Павла I против проникновения в Россию идей Великой французской революции. — «Дела и дни», кн. I. Пг., 1920, стр. 391—397.
- Из истории опричнины царя Ивана Грозного. I. К истории управления в опричнине. II. Опричные государевы богомольцы. — «Дела и дни», кн. 2. Пг., 1921, стр. 1—29.
- К вопросу о рекрутском наборе дворовых и деловых людей 1703 г. — «Архив истории труда в России», кн. 4, ч. 2. Пг., 1922, стр. 45—49.
- «Кормленые дьяки» и вопрос о происхождении приказов — четей в Московском государстве XVI в. — «Сб. статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову». Пг., 1922, стр. 153—180.
- «Разных художеств мастеровые люди». — «Архив истории труда в России», кн. 3. Пг., 1922, стр. 127—129.
- Царь и опричник. (Иван Грозный, В. Гр. Грязной и их переписка, 1574—1576 гг.). — Сб. «Века», вып. I. Пг., 1924, стр. 36—78.
- Карательная экспедиция в Прибалтике в 1905 г. (Отряд графа Граббо). — «Красная летопись», т. II, 1925, стр. 107—133.
- Русская деревня в прошлом и настоящем. Л., изд-во «Прибой», 1925, 250 стр. (совместно с А. П. Чулошниковым).
- К истории последних дней царского режима в 1917 г. — «Красный архив», т. I (XIV), 1926, стр. 227—249.
- Столыпин и смертная казнь в 1908 г. — «Красный архив», т. VI (XIX), 1926, стр. 215—221.
- «Общество «Священной дружины». — «Красный архив», т. II (XXI), 1927, стр. 200—217.
- Французский агент о русском правительстве в 1802—1803 гг. — «Красный архив», т. I (XX), 1927, стр. 232—237.
- К истории освобождения Н. Г. Чернышевского. — «Красный архив», т. VI (XXXI), 1928, стр. 214—216.
- «Земская печать» и Нижегородское ополчение 1612—1613 гг. — «Летопись занятий Археографической комиссии», вып. 35. Л., 1929, стр. 1—10.
- Сост., подгот. к печ.:* «Крепостная мануфактура в России», ч. I. Тульские и Каширские железные заводы (1645—1690). Л., 1930, 503 стр. (совместно с Н. Г. Богдановой, Н. С. Чаевым).
- Ред., вступит. ст., примеч.:* А. М. Муравьев. Мой журнал (Моя Journal). — «Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов», т. I. М., 1931, стр. 89—158.
- Сост., подгот. к печ.:* «Крепостная мануфактура в России», ч. II. Олонекские медные и железные заводы. Л., 1931, 247 стр. (совместно с Н. С. Чаевым).
- Прошлое Беломорско-Балтийского водного пути. — «Карело-Мурманский край», 1933, № 5—6, стр. 34—37.
- Подгот. к печ.:* Послание А. С. Пушкина Ф. Ф. Юрьеву, 1820 г. — «Временник Пушкинской комиссии АН СССР», т. II. М.—Л., 1936, стр. 266—274.
- Коммент.* [к письмам А. С. Пушкина за 1815—1837 гг.]. — «Сочинения А. С. Пушкина», т. VI. М.—Л., Academia, 1938, стр. 457—603 (совместно с Л. Б. Модзалевским и Н. В. Измайловым).
- Из истории опричнины XVI в. — «Исторический архив», т. III. М.—Л., 1940, стр. 113—303.
- Вступит. статья и коммент.:* «Письма И. С. Тургенева к М. Н. Каткову». — «И. С. Тургенев. Сб.», М., изд. ГБЛ, 1940, стр. 20—65.
- И. П. Липранди в Бессарабии 1820 г. — «Временник Пушкинской комиссии АН СССР», т. VI, М.—Л., 1941, стр. 266—295.
- Московские приказы — «четверти» во времена опричнины (1565—1584 гг.). — «Исторические записки», т. X, 1941, стр. 117—166.
- Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. — «Исторические записки», т. 22. М., 1947, стр. 132—166.
- Очерки по истории опричнины. М.—Л., изд-во АН СССР, 1950, 594 стр.
- Подгот. к печ.:* В. Ф. Раевский. Воспоминания. — «Литературное наследство», т. 60. М., 1956, стр. 64—65 (о И. П. Липранди).

* * *

Мария Ивановна Стеблин-Каменская³⁶ родилась 9 июля 1894 г. в Петербурге в семье служащего. В 1913 г. поступила на историко-филологическое отделение Бестужевских курсов. Однако в начале первой мировой войны она стала медицинской сестрой, работала в Петрограде, а затем на Украине. Закончить образование ей удалось в Университете в 1921 г., одновременно работая в карантинно-распределительном детском пункте. Затем М. И. направляется в Крым заведующей экскурсионной

³⁶ Биографические сведения даны на основании материалов ЛО ААН СССР, ф. 133, оп. 1, д. 1689; оп. 3, д. 51.

базой в Никитском ботаническом саду; с 1924 по 1933 г. она вновь работает воспитателем в различных детских учреждениях Ленинграда.

В 1934 г. М. И. приступила к работе по своей основной специальности в Историко-археографическом институте АН СССР, где вместе с М. П. Вяткиным занималась историей Казахстана. Одновременно она готовила диссертацию по теме «Младшая Казахская орда во второй трети XIX в.», которой посвящена опубликованная статья по истории восстания Кенесары Касымова.

Во время блокады Ленинграда М. И. не прекращала работы: в июле 1942 г., когда основная часть сотрудников ЛОИИ эвакуировалась, она была назначена уполномоченным ЛОИИ в Ленинграде. В этой должности она занималась охраной архива ЛОИИ, перепиской с различными учреждениями и многими организационными вопросами, возникшими в связи с военным и блокадным положением. Скончалась 20 марта 1943 г.

Материалы научного архива М. И. являются частью ф. 267 (Материалы по истории Казахстана) и составляют 26 ед. хр. (от № 76 по № 101 вкл.). В основном это подготовленные к печати статьи по различным вопросам истории Казахстана: «Хозяйство казахов» (автограф и машинопись, 119 лл.), «Кибиточный сбор» (автограф и машинопись, 25 лл.), «К истории политического подчинения Младшей орды в 20—60-х годах XIX в.» (машинопись с правкой, 44 лл.), «История социальных отношений в Казахстане в середине XIX в.» (автограф, 94 лл.), «О военном наступлении царизма на Казахстан в 20—60-х годах XIX в.» (автограф, 84 лл.) и др.³⁷ Имеются планы ненаписанных статей, выписки, рабочие тетради.

Список печатных работ М. И. Стеблин-Каменской

К истории восстания султана Кенесары Касымова. — «Исторические записки», т. 13, 1942, стр. 234—255.

Подгот. к печ. [выявление документов — совместно с Н. В. Устюговым; археографическое оформление, карта]: «Материалы по истории Казахской ССР (1785—1828 гг.)», т. IV. М.—Л., изд-во АН СССР, 1940, 543 стр.; *примеч.* — там же, стр. 480—500 (совместно с М. П. Вяткиным); *указатели* — там же, стр. 517—531 (совместно с З. Н. Тимофеевой).

* * *

Николай Сергеевич Чаев³⁸ родился 20 июня 1897 г. в Петербурге. Отец его был кассиром банка «Лионский кредит», он умер в 1911 г., и уже тогда Н. С. начал работать посыльным в этом же банке. В 1916—1921 гг. Н. С. служил на электростанции и в передвижном театре им. П. П. Гайдебурова — актером и помощником режиссера (от службы в армии в связи с болезнью сердца он был освобожден). В 1921 г. Н. С. поступил на отделение археологии и истории факультета общественных наук Петроградского университета, которое и окончил в 1924 г., затем работал в ЛОЦИА в качестве архивиста. В 1923—1924 гг. он являлся активным участником семинара по византиноведению под руководством Ф. И. Успенского.

С 1927 г. Н. С. работал в Историко-археографической комиссии АН СССР, впоследствии в ЛОИИ, где в 1937—1938 гг. он был заведующим архивом, а в 1940 г. — ученым секретарем ЛОИИ. В 1935 г. ему была присуждена ученая степень кандидата исторических наук без защиты диссертации. С этого же года, наряду с работой в ЛОИИ, он преподавал палеографию в ЛИФЛИ, ЛГУ, Институте народов Севера, а также работал в ГАИМК'е. В период блокады Ленинграда он не оставлял научно-исследовательской работы. Скончался от голода 27 февраля 1942 г.

Еще в годы обучения в университете внимание Н. С. привлекли вспомогательные исторические дисциплины, теоретическое изучение которых в семинаре А. И. Андреева углубило и расширило знания Н. С. и впоследствии способствовало высокому научному уровню подготовки им к изданию Ядринских актов, Двинской таможенной грамоты 1560 г., Северных грамот XV в. Длительное время ученый занимался проблемой крестьянских восстаний в России XVII—XVIII вв.; в свет вышли несколько работ о Булавинском восстании и восстании Степана Разина. В 1932 г. Н. С. по поручению Всесоюзного института растениеводства в бригаде под руководством Б. Д. Грекова работал над изучением вопроса о посевах пшеницы в северных областях России в дореволюционное время, написал исследование на эту тему, основная часть которого была напечатана.

Последние годы своей жизни Н. С. посвятил истории русского государства XV—XVII вв., проблемам взаимоотношений церкви с государством и культуры древней Руси.

Материалы Н. С. (ф. 275, 34 ед. хр.) представлены копиями опубликованных работ (например, о Булавинском восстании), а также разнообразными выписками и

³⁷ ЛОИИ СССР, ф. 267, оп. 1, д. 76, 78, 81, 83, 86.

³⁸ Биографические сведения даны на основании материалов ЛО ААН СССР, ф. 133, оп. 1, д. 1433.

набросками статей по отечественному источниковедению XV—XVII вв., средневековой истории Византии и другим темам.

Собранные воедино материалы для предполагаемых статей дают нам возможность судить о широком диапазоне интересов ученого. Таковы набросок «Из истории Антониева-Сийского монастыря. Промыслы московского гостя Кобелева и монастыря» (автограф, 7 лл.), «Записки о религии» (1919 г., автограф, тетрадь 40 лл., без конца), статьи: «Жилые записи» (1925 г., автограф, 15 лл., 2 экз.), «Византийские грамоты» (1925 г., автограф, 9 лл. с прил.), «Обзор археографической литературы» (машинопись, 37 лл.); «Из истории плавания русских в водах Ледовитого океана в XVII в.» (машинопись, 22 лл.; по материалам якутских актов³⁹ и др.). Представляют интерес доклад «Данные воеводские», читанный 4 февраля 1924 г. в семинаре А. И. Андреева по русской дипломатике (автограф, 47 лл.), и реферат «Юлиан — отступник», читанный в семинаре Ф. И. Успенского (1923 г., автограф, 9 лл., 3 варианта⁴⁰). Сохранились в фонде редкое литографированное издание лекций Н. П. Лихачева по дипломатике, читанных в Санкт-Петербургском Археологическом институте в 1898 г., стенографический отчет I ленинградской конференции архивных работников 1929 г. (с докладами А. И. Андреева и В. Г. Геймана) и правила издания исторических документов⁴¹.

Список печатных работ Н. С. Чаева

- Двинская уставная таможенная откупная грамота 1560 г. — «Летопись занятий Археографической комиссии», вып. 34. Л., 1927, стр. 199—203.
- Северные грамоты XV в., — «Летопись занятий Археографической комиссии», вып. 35. Л., 1929, стр. 121—164.
- Сост., подгот. к печ.:* «Крепостная мануфактура в России», ч. I. Тульские и Каширские железные заводы (1645—1690). Л., 1930, 503 стр. (совместно с Н. Г. Богдановой, П. А. Садиковым).
- Сост., подгот. к печ.:* «Крепостная мануфактура в России», ч. II. Олонечские медные и железные заводы. Л., 1931, 247 стр. (совместно с П. А. Садиковым).
- Из деятельности Историко-археографического института АН СССР [хроника]. — «Вестник АН СССР», 1932, № 8, стр. 79—86.
- К вопросу о подделках исторических документов в XIX в. — «Известия АН СССР», 7 серия, отд. обществ. наук, 1933, № 6—7, стр. 485—502.
- К истории разиновщины. — «Вестник АН СССР», 1933, № 4, стр. 29—40.
- Научные ценности Архива Историко-археографического института АН СССР. — «Вестник АН СССР», 1933, № 7, стр. 31—36.
- Обзор архива Историко-археографического института АН СССР. — «Историк-марксист», № 6 (34), 1933, стр. 163—166.
- Ядринские акты как источник по истории чувашей. — «Проблемы источниковедения», сб. I. М.—Л., 1933, стр. 70—84.
- Булавинское восстание (1707—1708). М., Изд. об-ва политкаторжан, 1934, 136 стр.
- Булавинское восстание (1707—1708). — «Вестник АН СССР», 1934, № 6, стр. 21—28.
- Подгот. к печ.:* «Материалы по истории крестьянских движений», вып. I. Разгром Разиновщины. Л., 1934, 294 стр. («Труды Историко-археографического института АН СССР», т. X).
- Труды Историко-археографического института в 1934 г. — «Историк-марксист», 1934, № 5, стр. 117—120.
- Подгот. к печ.:* «Булавинское восстание». Сб. документов. Л., 1935, 527 стр. («Труды Историко-археографического института», т. XII); *вступ. статья:* «Взаимоотношения Москвы и Дона накануне Булавинского восстания» — там же, стр. 1—32 (совместно с К. М. Бибиковой).
- Из истории крестьянской борьбы за землю в вотчинах Антониева-Сийского монастыря в XVII в. — «Исторический архив», № 1. М.—Л., 1936, стр. 25—65.
- Правила издания документов XVI—XVII вв. — «Проблемы источниковедения», сб. II. М.—Л., 1936, стр. 315—331 (совместно с Б. Д. Грековым, К. Н. Сербиной, В. Г. Гейманом, Р. Б. Мюллер).
- Подгот. к печ.:* «Материалы по истории волнений на крепостных мануфактурах в XVIII в.» М.—Л., изд-во АН СССР, 1937, 468 стр. (совместно с Н. Г. Богдановой, И. В. Мешалиным, Р. Б. Мюллер).
- Несколько заметок к истории пенцев (самоедов) в XVII в. — «Ученые записки ЛГУ», 1939, № 48, серия ист. наук, вып. 5, стр. 46—52.
- К вопросу о сыске и прикреплении крестьян в Московском государстве в конце XVI в. — «Исторические записки», т. 6, 1940, стр. 149—166.
- Из истории вотчинной политики крупного духовного феодала Поморья в XVII в. — «Ученые записки ЛГУ», 1941, № 73, вып. 8, стр. 105—142.
- «Москва — третий Рим» в политической практике Московского государства XVI в. — «Исторические записки», т. 17, 1945, стр. 3—23.
- Русская палеография. М., 1946, 215 стр. (совместно с Л. В. Черешниным).

³⁹ ЛОИИ СССР, ф. 275, оп. 1, д. 6, 8, 9, 11, 17, 27.

⁴⁰ Там же, д. 10, 33.

⁴¹ Там же, д. 18, 14, 15.

Просвещение. — «История культуры древней Руси», т. II. М.—Л., изд-во АН СССР, 1951, стр. 216—244 (глава 7).

Очерки: Донское казачество (гл. 2, § 5); Крестьянская война под предводительством С. Т. Разина (гл. 2, § 7; совместно с А. А. Новосельским); Церковный раскол и Соловецкое восстание 1668—1676 гг. (гл. 2, § 8); Царская власть и Боярская дума (гл. 3, § 2; совместно с К. В. Базилиевичем, С. К. Богоявленским) — «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.» М., изд-во АН СССР, 1955, стр. 264—271; 277—312; 312—325; 344—360.

Русская церковь в XVII в. — «Русское государство в XVII в.» М., изд-во АН СССР, 1961, стр. 295—330 (совместно с Н. В. Устюговым).

* * *

Александр Петрович Чулошников ⁴² родился 8 августа 1894 г. в местечке Черный Остров Подольской губ. в семье военного. В 1911—1916 гг. учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета, в 1918 г. начал научную деятельность по кафедре русской истории. В 1919 г. выехал в Оренбург, где преподавал в Казахском университете. В 1921 г. А. П. возвратился в Петроград и был зачислен в Университет на должность преподавателя отечественной истории; эту деятельность продолжал до 1931 г.

В 1930 г. началась работа А. П. в качестве сверхштатного сотрудника Историко-археографического института. В 1935 г. ему по совокупности работ была присвоена ученая степень кандидата исторических наук. В 1936 г. А. П. стал старшим научным сотрудником ЛОИИ; в этой должности его застала Великая Отечественная война. В конце 1941 г. он умер от голода.

Наряду с преподаванием А. П. много занимался научной работой. Начиная с 1923 г. в печати появляются его труды по истории казахов и киргизов, о Пугачеве, восставших в Башкирии, торговле Российского государства со Средней Азией в XVI—XVII вв. и др. А. П. принимал активное участие в издании материалов по истории Казахстана. В 1934—1936 гг. он готовил к публикации документы по истории Башкирской АССР, I том этого (впоследствии 5-томного) издания под его редакцией вышел в 1936 г.; в 1940 г. им был подготовлен к печати и II том, посвященный башкирскому восстанию 1755 г. В начале 1941 г. он был сдан в печать. Но в связи с войной публикация прекратилась до 1949 г., когда она возобновилась по другому плану. Издание было закончено в 1960 г.

Архив А. П. (ф. 262, 39 ед. хр.) до 1946 г. состоял в основном из материалов по истории Башкирии, подготовленных для многотомной публикации. Значительная часть их (10 папок) 9 сентября 1946 г. была отобрана Н. В. Устюговым для издания «Материалы по истории Башкирской АССР». Сейчас в фонде имеется 4 ед. хр. с документами по истории Башкирии ⁴³.

Не опубликованы сохранившиеся в фонде А. П. «Очерки по истории Башкирии» (машинопись, 237 лл.), статьи «Восстание башкирского народа против колониализма в 50—70-х годах XVIII в.» (машинопись, 74 лл.); «Народное образование и политика паризма в области просвещения в Башкирии в первой половине XIX в.» (машинопись, 34 лл.) ⁴⁴; «Казахское ханство и среднеазиатская политика царской России первой четверти XVIII в.» (машинопись, 40 лл.); «Казахское ханство и его сношения с Московским государством и Россией (с XV в. до 1730 г.)» (машинопись, 94 лл.); «Киргизская степь и революция 1905—1907 гг.» (автограф, 41 л.) ⁴⁵, введение к публикации «Новые данные к биографии декабриста П. И. Пестеля» (1925 г., автограф, 19 лл.); вводная статья к сборнику документов «Русские военнопленные в Германии и Австро-Венгрии» (1926 г., машинопись, 11 лл.), а также историко-бытовой очерк «Нет-ство и нетчики в служилом классе Московского государства XVI—XVII вв.» (1917 г., автограф, 275 лл.) и статья «Панский приказ как предшественник Иноземного (1610—1630)» (1931 г., автограф, 16 лл.) ⁴⁶.

Интересны сохранившиеся в фонде исследования А. П. по истории Индии, Китая, Кореи ⁴⁷.

Список печатных работ А. П. Чулошникова

Казнь Пугачева и его сообщников 10 января 1775 г. — «Русское прошлое». Пг.—М., 1923, № 3, стр. 144—149.

Кочевые инородцы на работе в Поволжье и Зауралье в начале XIX в. — «Труд в России», № 1, Л. 1924, стр. 215—219.

⁴² Биографические сведения даны на основании материалов ЛО ААН СССР, ф. 133, оп. 3, д. 117.

⁴³ ЛОИИ СССР, ф. 262, оп. 1, д. 2, 4, 14, 15.

⁴⁴ Там же, д. 1, 36, 37.

⁴⁵ Там же, д. 7, 16, 34.

⁴⁶ Там же, д. 23, 19, 28, 35.

⁴⁷ Там же, д. 26, 27, 38.

- Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен, ч. 1. Оренбург, 1924, 292 стр.
- Русская деревня в прошлом и настоящем. Л., изд-во «Прибой», 1925, 250 стр. (совместно с П. А. Садиковым).
- К истории восстания киргиз в 1916 г. — «Красный архив», т. III (XVI), 1926, стр. 53—75.
- К истории манифеста 6 августа 1905 г. — «Красный архив», т. I (XIV), 1926, стр. 262—270.
- Ленские события 4 апреля 1912 г. (в освещении монархиста). — «Красная летопись», № 2 (17), 1926, стр. 145—161.
- Л. Н. Толстой и Н. М. Романов. — «Красный архив», т. II (XXI), 1927, стр. 231—241.
- Аграрная реформа и земельная собственность в 1917 г. — «Красная летопись», № 6, 1929, стр. 73—90.
- Казак-киргизские кочевые орды и пугачевщина (1773—1774). — «Новый Восток», т. 25. М., 1929, стр. 201—215.
- Историко-археографический институт на службе у народов Союза. — «Вестник АН СССР», 1932, № 2, стр. 17—22.
- Торговля Московского государства со Средней Азией в XVI—XVII вв. — «Материалы по истории народов СССР», вып. 3. Л., 1932, стр. 61—88 («Труды Историко-археографического института АН СССР», т. VI).
- К истории феодальных отношений в Казахстане в XVII—XVIII вв. — «Известия АН СССР», отд. обществ. наук, 1936, № 3, стр. 497—524.
- Казахский союз и Московское государство в конце XVII в. (материалы). — «Известия АН СССР», отд. обществ. наук, 1936, № 3; стр. 525—529.
- Подгот. к печ., ред.:* «Материалы по истории Башкирской АССР», т. I. М.—Л., изд-во АН СССР, 1936, 631 стр.; *вступ. статья* «Феодальные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII в.» — там же, стр. 3—64.
- Восстание 1755 г. в Башкирии. М.—Л., изд-во АН СССР, 1940, 111 стр.
- Консультант:* «Материалы по истории Казахской ССР (1785—1828 гг.)», т. IV. М.—Л., изд-во АН СССР, 1940, 543 стр.

* * *

Историкам известно имя палеографа и археографа, заведующего Архивом ЛОИИ в 1932—1934 гг. Николая Васильевича Тимофеева. Его рукописи, к сожалению, не сохранились, но в Архиве живы заложенные им традиции скрупулезного описания, тщательной подготовки материалов к изданию.

Николай Васильевич Тимофеев⁴⁸ родился в 1869 г. в сельце Стояньево Московской губернии. 16 лет он поступил рабочим на склад изданий Общества любителей древней письменности и искусства и стал затем заведующим личным архивом председателя этого Общества — С. Д. Шереметьева, исполняя обязанности библиотекаря, занимался приобретением и описанием рукописей и участвовал в подготовке их к изданию. Одновременно он учился и уже в зрелые годы получил диплом об окончании Петербургской VI гимназии. Н. В. проработал в Обществе 32 года. Как выдающийся палеограф и редкий знаток древнерусских документов, 14 января 1916 г. он был избран сотрудником Археографической комиссии Академии наук, а в 1930 г. единогласно — ее членом-корреспондентом.

В период гражданской войны Н. В. работал секретарем в стояньевском сельсовете. В 1922 г. он возвратился в Петроград и приступил к работе в Рукописном отделе БАН СССР, где трудился бок о бок с известными исследователями древнерусских текстов В. И. Срезневским и Ф. И. Покровским. Используя свой опыт, Н. В. приобрел ряд ценных рукописей для БАН и собрал небольшую личную коллекцию, которая в 1948 г. заняла свое место в Отделе рукописей и редких книг.

В 1929 г. Н. В. стал сотрудничать в Историко-археографической комиссии, где занимался подготовкой к изданию материалов по истории Якутии. Эта работа под редакцией Б. Д. Грекова была завершена в 1936 г.

С июня 1932 г. по ноябрь 1934 г. Н. В. заведовал Архивом ЛОИИ, где в своей практической деятельности тесно соприкасался с Б. Д. Грековым, В. Г. Гейманом и Н. С. Чаевым, являясь их помощником. В то же время Н. В. обучал русской палеографии аспирантов и младших научных сотрудников ЛОИИ. В 1940 г. он ушел на пенсию, но это не оторвало его от любимой работы; он принимал активное участие в описании наиболее древних фондов Архива, в частности Астраханского. Скончался Н. В. 1 апреля 1942 г. от дистрофии.

Список печатных работ Н. В. Тимофеева

Описание: «Иконы семейные графа С. Д. и графини Е. П. Шереметьевых». СПб., 1899, 50 стр.
«Описание рукописей кн. Павла Петровича Вяземского». СПб., 1902, 572 стр. [описано 197 рукописей].

⁴⁸ Биографические сведения даны на основании материалов ЛО ААН СССР, ф. 133, оп. 3, д. 74.

- Сост., подгот. к печ.:* «Сочинения И. Ф. Горбунова», т. I. СПб., 1904, 383 стр.; т. II. СПб., 1904, 362 стр.; т. III, ч. 1—4. СПб., 1907, 589 стр.; т. III, ч. 5. СПб., 1910, 158 стр. (совместно с другими «членами комитета, состоящего под покровительством Общества любителей древней письменности»).
- Сост.:* «Издания графа С. Д. Шереметьева». СПб., 1909, 58 стр.
То же, дополнение. СПб., 1913, 62 стр.
- Сост.* [хронологии]: «Материалы по истории крестьянских движений», вып. 1. Разгром Разинщины. Л., изд-во АН СССР, 1934, стр. 290—294 («Труды Историко-археографического института», т. X).
- Сост., подгот. к печ.:* «Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в. Сб. архивных документов». Л., 1936, 280 стр. (при участии Р. Б. Мюллер, А. В. Пруссак, К. Н. Сербиной).
- Крестьянские выходы конца XVI в. — «Исторический архив», т. II. М.—Л., 1939, стр. 61—91.

Н. Н. Чижова-Ореус

ОБЗОР ЛИЧНОГО АРХИВА А. В. ПРЕДТЕЧЕНСКОГО

Научное наследие доктора исторических наук, профессора А. В. Предтеченского (1893—1966) представляет несомненный интерес для историков, занимающихся проблемами общественно-политического развития России XVIII—XIX вв. и историков культуры.

А. В. Предтеченский родился 8 ноября 1893 г. в г. Конске (бывшая Радомская губ.) в семье военного врача. С 1908 г., после смерти отца, он жил в Петербурге, где в 1911 г. поступил на историко-филологический факультет университета. Образование, прерванное войной и семейными обстоятельствами, он завершил в 1924 г. Занимаясь в семинаре А. Е. Преснякова, А. В. Предтеченский увлекся изучением декабристов и их времени. Затем он участвовал в работе секции по изучению декабристов при Обществе политкаторжан и ссыльнопоселенцев, опубликовал свои первые труды по этой тематике.

С 1939 по 1953 г. он работал в Ленинградском отделении Института истории АН СССР (ранее носившем название Историко-археографического института), а затем в Ленинградском отделении Института истории естествознания и техники АН СССР, где возглавлял сектор истории Академии наук СССР. Результатом этой деятельности была фундаментальная «История Академии наук СССР» (тт. I и II, 1958, 1964). Одновременно он преподавал на историческом и филологическом факультетах Ленинградского университета и в других высших учебных заведениях. В последние годы жизни (А. В. Предтеченский скончался 29 апреля 1966 г.) он готовил к изданию III том «Истории Академии наук СССР», писал работу по истории русской культуры, собирал материал для монографии по истории военных поселений в России.

Архив ученого хранится у его вдовы, Л. М. Предтеченской. Рукописи научных работ, в значительном большинстве готовые к печати, можно сгруппировать по нескольким тематическим разделам.

К истории декабристов относится статья «А. Н. Суттоф. Заметки на полях книги Корфа» (1933 г., автограф, 27 лл.), в которой замечания Суттофа рассматриваются как одна из ранних попыток разоблачения официальных историков восстания декабристов. В «Обзоре литературы о декабристах в послеюбилейные годы» (1934 г., автограф, 44 лл.) дается краткий анализ работ С. В. Вознесенского, Н. К. Пиксапова, Н. М. Дружинина, Ю. Г. Оксмана и др., характеризуются состояние современного декабристоведения и стоящие перед ним проблемы. Сохранился полный текст доклада «Социально-политическая программа декабристов» (1950 г., машинопись, 29 лл.), сделанного на сессии Академии наук, посвященной 125-летию со дня восстания. В статье «Проблема „Пушкин и декабристы“ в литературе 1950—1954 гг.» (1955 г., машинопись, 21 лл.) предлагается изучать взаимовлияние и связи Пушкина и декабристов путем сочетания литературоведческого и исторического анализа. Небольшая работа «Пушкин и Чаадаев» (1935 г., рукопись, 10 лл.) написана в том же плане.

В архиве А. В. Предтеченского имеются труды по истории общественно-политической мысли в России, рисующие обстановку формирования мировоззрения декабристов, роль их предшественников и идейно близких им кругов. В «Очерках по истории русской журналистики в XVIII и первой половине XIX в.» (1933 г., машинопись, 92 лл.) подробно характеризуется официальная печать: «С.-Петербургские ведомости», «Московские ведомости», «Северная почта», экономические журналы, прогрессивные литературные журналы («Полярная звезда» и др.), показана борьба общественных направлений.

К этой работе примыкает большой труд «Литературно-общественные и политические организации 1812—1825 гг. Академические круги и Ученый комитет при Главном правлении училищ» (1949 г., рукопись, 246 лл.), в котором показано развитие общественно-политической мысли в России после 1812 г. Написанный ярким и точным языком, он содержит много нового материала, оригинальных суждений и выводов. В нем рассказывается о попытке Н. И. Тургенева основать литературный журнал,

подробно рассматривается деятельность литературно-общественных кружков и обществ: «Арзамас», Вольное общество любителей российской словесности, «Зеленая лампа», Общество любознатолюбителей, Казанское общество любителей отечественной словесности, Общество лицейских друзей полезного, «Беседа любителей русского слова», Общество российской словесности при Московском университете, Библиейское общество, литературные кружки Раича, Оленина и др., тайные общества «променистов», «филаретов» и др., исследуются общественно-политические взгляды и выступления преподавателей лицей и университета: А. П. Куницына, А. И. Галича, К. Ф. Германа, К. И. Арсеньева, Э. Раушаха, М. Г. Плисова, разбирается «дело о профессорах».

Большинство работ по внешней политике России было подготовлено для коллективного труда ЛОИИ «Очерки по истории СССР». Это вполне законченные главы: «Очерки по истории СССР в первой четверти XIX в.» (1938 г., машинопись, 200 лл.), «Внешняя политика Александра I до 1812 г.» (1941 г., машинопись, 96 лл.). Имеются стенограммы лекций (прочитанных в Ленинградском институте усовершенствования учителей и Обществе по распространению научных и политических знаний): «Внешняя политика царизма во второй половине XIX в.» (1940 г., машинопись, 36 лл.) и «Русские дипломаты XVIII—XIX вв.» (1948 г., машинопись, 25 лл.), где охарактеризована дипломатическая деятельность Петра I, А. А. Безбородко, М. М. Сперанского, А. М. Горчакова. Последнему как дипломату и государственному деятелю посвящена статья «А. М. Горчаков» (1949—1950 гг., машинопись, 28 лл.).

Сохранилась начатая ученым «История русской дипломатии в XIX в.» (время написания не установлено, машинопись, 83 лл.)—две главы, охватывающие время царствования Александра I. Возможно, этот труд был прерван в связи с многолетней, трудоемкой работой по подготовке «Дипломатического словаря». В архиве имеются многочисленные оригиналы статей (А. В. Предтеченского и других авторов) по разделу истории дипломатии XIX в., редактором которого он был, со следами его правки, а зачастую и коренной переработки.

Внутриполитической и экономической истории России XIX в. посвящена подготовленная А. В. Предтеченским в 1949 г. монография «Очерки общественно-политической мысли в России в начале XIX в.», которая была уже сверстана, но не увидела света; сигнальный экземпляр ее хранится в архиве (312 стр.). В 1956 г. ученый продолжил работу над ней, расширил хронологические рамки. Сохранилась стенограмма заседания Ученого совета ЛОИИ от 23 апреля 1956 г., где содержатся отзывы Б. М. Кочакова, Н. Г. Сладкевича, С. Н. Валка (имеются также тексты выступлений Б. С. Мейлаха, Б. А. Романова и самого А. В. Предтеченского). Ими была отмечена ценность книги как первой сводной работы по истории внутренней политики России начала XIX в., основанной на большом фактическом материале и содержащей много архивных находок. При обсуждении подчеркивалось, что в монографии дается наиболее полная сводка и характеристика крестьянского законодательства, по-новому трактуется правительственная политика 1815—1825 гг., прослеживается процесс разложения феодально-крепостнического строя в России. Книга была оценена как первое марксистское монографическое исследование по истории внутренней политики русского правительства с конца XVIII в. по 1825 г. и одобрена Ученым советом (вышла в свет в 1957 г.).

В качестве продолжения этой работы А. В. Предтеченский готовил большой труд по истории военных поселений (он успел напечатать в 1964 г. две статьи по этому вопросу). Создание военных поселений, по его мысли, было вызвано, наряду с другими причинами, своеобразной попыткой царского правительства решить назревший крестьянский вопрос. Представляет интерес собранный ученым материал: исчерпывающая библиография (2624 карточки); выписки из дел Центрального государственного военно-исторического архива СССР, Военно-ученого архива Главного штаба и Отдела рукописей ГПБ им. Салтыкова-Щедрина (325 лл.); выписки из различных печатных исследований, документов, журнальных статей, мемуаров и других источников (572 лл.).

Часть материала (выписки из архивных и печатных источников) систематизирована и снабжена заметками, позволяющими судить о замысле автора, о направлении дальнейших поисков и разработок. Систематизация проведена по следующим разделам. I — первая мысль о военных поселениях; общие задачи военных поселений (повторение одних и тех же мотивов в разных указах); общие вопросы организации военных поселений 1817—1819 гг.; вопрос о земле. II — начало военных поселений и первые опыты их введения; первоначальные меры по управлению Высоцкой вол. (с августа до конца 1816 г.); поселение кавалерии; законодательство о военных поселениях; административные распоряжения. III — организация военных поселений (структура аппарата); организация работ; учреждения, ведавшие военными поселениями; категории крестьян и военных поселенцев; медицинская помощь, ссуды и т. п.; офицеры; внешний вид военных поселений и внешний распорядок в них; школы (обучение в военных поселениях); строительство (здания, архитекторы и т. п.). IV — финансирование военных поселений и уплата помещикам денег за землю для военных поселений; хозяйственное положение; заемный капитал для ссуд; натуральное снабжение государством; Экономический комитет; капиталы военных поселений. V — тяжелое положение в военных поселениях, жалобы; причины восстаний; добровольцы; восстания; борьба против военных поселений. VI — отчеты Аракчеева и письма.

VII — Аракчеев (его биография, личность); Аракчеев как помещик; Аракчеев — военный министр, его влияние; Аракчеев и артиллерия; Аракчеев о военных поселениях; помощники Аракчеева; оценка Аракчеева; современники об Аракчееве и военных поселениях. VIII — Александр I о военных поселениях. IX — участие военных поселений в войнах. X — военные поселения при Николае I. XI — современники о военных поселениях. XII — историки о военных поселениях. XIII — причины провала военных поселений.

Один из крупнейших специалистов по истории русской культуры XIX в., А. В. Предтеченский постоянно и неустанно изучал и популяризировал искусство. По воспоминаниям, композитора Д. Б. Кабалевского, он был одним из интереснейших людей, поражал «широтой своих интересов, безграничным богатством знаний, необыкновенной живостью ума, по-юношески радостным восприятием жизни», в нем сочетались строгое научное мышление «со страстной влюбленностью в искусство, с чутким его пониманием»¹.

В архиве А. В. Предтеченского хранятся работы: «Пушкин в музыке» (1929 г., машинопись, 15 л.), «Русская культура в первой половине XIX в.» (1938 г., машинопись, 55 л.), «Очерк истории русской культуры второй половины XIX века» (1946 г., машинопись, 59 л.). В них рассматриваются литература, театр, музыка, архитектура, живопись и скульптура, наука и просвещение. В статье «Петр I в современной ему поэзии южных славян» (1946 г., машинопись, 14 л.) прослеживаются исторические связи русского и южнославянских народов. Своему любимому композитору С. В. Рахманинову ученый посвятил статью (1947 г., машинопись, 15 л.) и подготовил к печати шесть его неизданных писем.

А. В. Предтеченский создал своеобразный труд «Пятьдесят лет концертной жизни Ленинграда (по личным воспоминаниям)», из которого напечатаны лишь фрагменты (1960 г., машинопись, 140 л.), где дана картина музыкальной жизни города за период с 1908 по 1960 г. Основой для книги послужила собранная им уникальная коллекция концертных и театральных программ, также находящаяся в архиве ученого; она включает концертные программы с 10 января 1909 по 19 февраля 1957 г., отдельные программы 1957—1960 гг. (8 переплетенных томов) и театральные программы 18 ленинградских театров и 15 театров страны за 1947—1957 гг. (4 переплетенных тома).

Материалы архива отражают интерес А. В. Предтеченского к нуждам высшей школы. В 1956 г. им была написана статья «О том, что нас волнует» в газету «Ленинградская правда» (два варианта: авторский — машинопись, 7 л. и редакционный — типографский набор в гранках). Сохранилась стенограмма совещания ученых, проведенного по инициативе редактора газеты М. С. Куртыгина 3 декабря 1956 г. для обсуждения поднятых в статье проблем. В нем участвовали М. П. Алексеев, Б. С. Мейлах, Г. П. Бердников, В. М. Бернадский и др., которые говорили о причинах отставания гуманитарных наук по сравнению с точными и путях его преодоления.

О педагогическом мастерстве ученого свидетельствуют хранящиеся в архиве тщательно составленные конспекты лекций, спецкурсов и семинаров, прочитанных и проведенных им в университете (лекций по истории СССР с конца XVIII до начала XX в. — рукопись, 203 л.); спецкурсов по истории русской культуры первой половины XIX в. и второй половины XIX в. — рукопись, 55 и 59 л.).

Интересны сохранные А. В. Предтеченским адресованные ему записки студентов с выражением признательности за лекции, благодарности за пробуждение любви к науке и труду (более 40 записок, телеграмм и др.).

Из его многочисленных учеников можно назвать докторов наук В. В. Пугачева, Ю. М. Лотмана, Ш. В. Мегрелидзе и др. Свидетельством признательности и дружбы учеников служат дарственные надписи на книгах и отисках статей — их несколько сот.

Среди документов имеются 4 папки (396 л.) официальной переписки ученого за 1934—1965 гг. с министерствами просвещения и высшего образования СССР и РСФСР, учреждениями Академии наук СССР, различными институтами, университетами, издательствами, музеями и др. Это — документы об издании его трудов, участии в защите диссертаций, приглашения.

Мемориальный материал включает поздравления по случаю 60-летия и 70-летия ученого, полученные им от учреждений АН СССР и ряда союзных республик, многих университетов, Государственного Эрмитажа, библиотек, музеев, архивов; персонально — от вице-президента АН СССР К. В. Островитянова, академиков М. П. Алексеева, Н. М. Дружинина, М. В. Нечкиной, В. В. Струве и др. (всего 89 адресов, писем и телеграмм). В архиве находятся удостоверения о награждении А. В. Предтеченского медалями, грамоты за культурно-шефскую, агитационно-массовую, лекционную, военно-шефскую и профсоюзную работу в 1940-х—1950-х годах, некрологи и другие памятные материалы.

Сохранились личные дневники А. В. Предтеченского: юношеские дневники с 9 июня 1909 г. по 30 марта 1912 г. (рукопись, 109 л.) и дневниковые записи с 31 июля 1955 г. по октябрь 1958 г. (рукопись, 399 л.). Они написаны прекрасным поэтическим языком, содержат интересные мысли, отражают глубокие, яркие чувства, обладают бесспорными литературно-художественными достоинствами.

¹ Д. М. Кабалевский. Предисл. к ст. А. В. Предтеченского «Перелистывая концертные программы». — «Советская музыка», 1969, № 12, стр. 79.

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ А. В. ПРЕДТЕЧЕНСКОГО

В основу настоящего списка положен перечень, составленный А. В. Предтеченским в 1965 г. Он дополнен при просмотре личной библиотеки ученого и проверен по каталогам и фондам Библиотеки Академии наук СССР. К сожалению, осталась невыявленной авторская деятельность А. В. Предтеченского в издании «Дипломатического словаря» (известно лишь, что в каждом томе перу его принадлежит несколько десятков статей).

Труды перечислены в хронологическом порядке; в рамках каждого года даны сначала монографии, очерки и статьи, затем рецензии, работы редакционного характера, популярные издания и газетные статьи; отмечена составительская работа и редакционная в сочетании с авторской.

Н. Н. Чижова-Ореус

1927

О перлюстрации писем в начале XIX в. (Секретная переписка О. П. Козодавлева с Д. П. Руничем). [Публ. и вступит. статья]. — «Красный архив», 1927, т. 6 (25), стр. 201—209.

1928

Сост. (совм. с А. А. Введенским): «Рабочая книга по истории». Ч. I—II. М.—Л., ГИЗ, 1928, 260 стр.; 267 стр. [Изд. 2, 3, 4 — 1929 г.].

1929

Ред. (совм. с С. Я. Гессеном): «Воспоминания Полины Анненковой». М., 1929, 312 стр.; *вступит. статья* — там же, стр. 9—35; *примеч.* — там же, стр. 305—338. [Изд. 2 — 1932 г.].

1930

Ред. (совм. с С. Я. Гессеном): «Маркиз де Кюстин. Николаевская Россия». Пер. с франц. М., 1930, 320 стр.; *вступит. статья* «Маркиз де Кюстин и его мемуары» — там же, стр. 5—33; *примеч.* — там же, стр. 285—315.

1931

Декабрист П. И. Фаленберг. — В кн.: «Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов», т. I. М., 1931, стр. 205—222.

Защитники древа свободы «Российской империи». — «Каторга и ссылка», кн. 11 (84), стр. 112—116.

К вопросу о влиянии континентальной блокады на состояние торговли и промышленности в России. — «Изв. АН СССР», отд. обществ. наук, 1931, № 8, стр. 893—920.

1932

Летопись Петропавловской крепости. М., 1932, 120 стр.

История основания Мануфактурного совета. — «Изв. АН СССР», отд. обществ. наук, 1932, № 5, стр. 375—393.

1933

О. В. Горский и его записка. — В кн.: «Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов», т. II. М., 1933, стр. 165—193.

1934

Волнения рабочих в крепостную эпоху. М., 1934, 116 стр.

К вопросу о техническом оборудовании русских фабрик и заводов в начале XIX в. — «Исторический сборник», № 2. М.—Л., 1934, стр. 183—188.

Рец. на сб.: «Декабристы и их время», т. II (М., 1932). — «Исторический сборник», № 1. М.—Л., 1934, стр. 340—343.

Рец. на кн.: Н. А. Бестужев. Статьи и письма (М.—Л., 1933). — «Исторический сборник», № 2. М.—Л., 1934, стр. 254—256.

Полное собрание стихов Рылеева. Рец. на кн.: «Полное собрание сочинений К. Ф. Рылеева» (М.—Л., «Academia», 1934, 908 стр.). — «Литературный Ленинград», 14 сентября 1934 г.

1936

Исторические воззрения Добролюбова. — «Известия АН СССР», отд. обществ. наук, 1936, № 1—2, стр. 93—116.

Суконные фабрики под ведомством приказов общественного призрения. — «Исторический сборник», № 5. М.—Л., 1936, стр. 275—292.

Эпоха Николая I. — В кн.: «О „Ревизоре“». Сб. статей к постановке комедии Н. В. Гоголя „Ревизор“. Л., изд. Театра юных зрителей, 1936, стр. 37—74.

М. И. Шемановский. Студенческие годы Добролюбова. [Публ. и примеч.]. — Альманах «Год девятнадцатый». М., ГИХЛ, 1936, стр. 390—425; *послесловие* — там же, стр. 425—435.

Примеч. — В кн.: «Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений в шести томах». Т. 3. Критика и публицистика. Статьи и рецензии 1856—1859 гг. М., ГИХЛ, 1936, стр. 539—594, 596—599, 604—605, 605—613, 615—616, 618, 621—623, 625—626, 629, 640—643.

1937

Кружок Добролюбова в Главном педагогическом институте и издание газеты «Слухи». — В кн.: Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений в шести томах. Т. 4. Критика и публицистика. Статьи и рецензии 1859—1860 гг. М., ГИХЛ, 1937, стр. 545—553; *примеч.* — там же, стр. 488—489, 496—499, 541, 542—545, 553—554.
Предисл. — В кн.: «Материалы по истории волнений на крепостных мануфактурах в XVIII в.» М.—Л., изд-во АН СССР, 1937, стр. XIII—XXIV.

1938

Бородинский бой и русская общественность. — «Ученые записки ЛГУ», 1938, № 19, стр. 101—110.

Бородино. — «На страже родины», 20 апреля 1938 г.

Рец. на кн.: Е. В. Тарле. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год (ОГИЗ, 1938). — «Историк-марксист», 1938, кн. 6 (70), стр. 178—181.

1939

Борьба протекционистов с фритредерами. — «Ученые записки ЛГУ», сер. истор. наук, 1939, вып. 5, стр. 143—156.

Предисл. — В кн.: Е. Н. Водовозова. История одного детства. М.—Л., Детгиз, 1939, стр. 3—10.

1940

Восстание Пугачева [Вступит. очерк]. — В кн.: И. В. Луковский. Емельян Пугачев. Историческая драма в 4 актах. Л., изд. Театра юных зрителей, 1940, стр. 5—30.

Полтавский бой в освещении современников-иностранцев. — «Ученые записки Ленинградского гос. пед. ин-та», ист. фак-т, 1940, т. 5, вып. 1, стр. 55—63.

То же на укр. яз. — В кн.: «Полтавська битва. Труды наукової сесії Інституту історії України, присвяченої 230-літтю Полтавської битви (1709—1939)». Київ, 1940, стр. 145—155.

1941

Великое народное ополчение (совм. с Б. Кочаковым и Ш. Левиным). Л.—М., ОГИЗ—Госполитиздат, 1941, 23 стр.

Сост. (совм. с А. И. Васильевым и Б. Б. Фраткиным); *ред.* (совм. с Е. В. Тарле, Е. И. Бочкаревой): «Отечественная война 1812 г. Сб. документов и материалов». М.—Л., изд-во АН СССР, 1941, 200 стр.; *вступит. статья* — там же, стр. VII—XXIV.

1942

В Институте истории Академии наук СССР (Ташкент). [Хроника]. — «Исторический журнал», 1942, № 10, стр. 137—139.

1943

Суворовские традиции в русской армии. Ташкент, Госиздат Узб.ССР, 1943, 52 стр.

1945

Кутузов — великий русский полководец (к 200-летию со дня рождения). — «Ленинградский университет», 14 сентября 1945 г.

1947

«Адмирал Нахимов» [отзыв о кинофильме]. — «Ленинградская правда», 14 января 1947 г.

1948

Ред.: «Петербург Петровского времени». Л., 1948, 159 стр.; *очерки*: «Основание Петербурга», «Население и быт Петербурга» — там же, стр. 5—48; 125—156.

Ред.: (совм. с С. В. Бахрушиным, А. Я. Вышинским и др.): «Дипломатический словарь», т. I. М., ОГИЗ — Госполитиздат, 1948, 855 стр.

Город русской славы [к 245-летию Ленинграда]. — «Ленинградская правда», 27 мая 1948 г.

Город русской славы [к 245-летию Ленинграда]. — «На страже родины», 27 мая 1948 г.

1949

Рец. на кн.: А. С. Нифонтов. Россия в 1848 г. (М., Учпедгиз, 1949). — «Вопросы истории», 1949, № 9, стр. 116—118.

1950

Вопросы периодизации истории СССР. — «Вопросы истории», 1950, № 12, стр. 100—109.

Отражение войн 1812—1814 гг. в сознании современников. — «Исторические записки», т. 31, 1950, стр. 222—244.

Ред. (совместно с Е. А. Коровиным, В. И. Лебедевым и др.): «Дипломатический словарь», 2. Л.—М., Госполитиздат, 1950, 995 стр.

Ред.: «Декабристы. Фотовыставка к 125-летию со дня восстания декабристов». [Альбом]. Ленфотохудожник, 1950, 36 лл.

1951

Вопросы истории в произведениях Пушкина. — В кн.: «Пушкин. Материалы юбилейных торжеств. 1799—1949». М.—Л., изд-во АН СССР, 1951, стр. 237—247.

Записка Т. Г. Бока [Публ. и вступит. статья]. — В кн.: «Декабристы и их время. Материалы и сообщения». М.—Л., изд-во АН СССР, 1951, стр. 189—203.

Выдающийся русский мыслитель-патриот (к 225-летию со дня смерти И. Т. Посошкова). — «Вечерний Ленинград», 12 февраля 1951 г.

1952

Конституционный проект Т. Г. Бока (1818 г.). — «Известия АН ЭССР», т. I, 1952, № 4, стр. 42—54 (на эст. яз.).

1953

Современник декабристов — Т. Г. Бок. Таллин, Эст. гос. изд-во, 1953, 94 стр. Основание Петербурга. — «Вестник Ленинградского ун-та», серия обществ. наук, 1953, № 6, вып. 2, стр. 95—106.

Рец. (совм. с Н. Казаковой и Г. Лукиным) на кн.: «История Эстонской ССР» (Таллин, 1952). — «Rahva Hääl», 15 апреля 1953 г. (на эст. яз.).

Книга об истории Москвы [Рец. на кн.: «История Москвы», т. II. М., 1953]. — «Литературная газета», 22 декабря 1953 г.

1954

Сочинения Гоголя как исторический источник. — В кн.: «Гоголь». Л., изд-во ЛГУ, 1954, стр. 86—99.

1955

Очерки: «Основание Петербурга. Политическая и общественная жизнь города в 1703—1725 гг.»; «Культурная жизнь Петербурга до 60-х годов XVIII в. Театр» (совместно с М. П. Троянским); «Общественная и политическая жизнь Петербурга в 60—90-х годах XVIII в.»; «Культурная жизнь Петербурга в 60—90-х годах XVIII в. Театр» (совместно с М. П. Троянским); «Общественная жизнь Петербурга в первой четверти XIX в. Восстание декабристов»; «Политическая и общественная жизнь Петербурга 30—50-х годов XIX в.»; «Литературная и художественная жизнь Петербурга от конца XVIII в. до 1861 г.» — В кн.: «Очерки истории Ленинграда». Т. I. Период феодализма (1703—1861 гг.). М.—Л., изд-во АН СССР, 1955, стр. 28—51; 235—243; 380—409; 428—440; 630—675; 676—714; 715—768.

Очерки: «Исторические взгляды декабристов»; «Исторические взгляды А. С. Пушкина»; «Официальное направление в русской историографии»; «Славянофилы»; «Буржуазное направление». — В кн.: «Очерки истории исторической науки». Т. I. М., изд-во АН СССР, 1955, стр. 288—304; 304—310; 317—325; 325—331; 331—338.

Из истории Академии наук в период революции 1905—1907 гг. — «Вестник АН СССР», 1955, № 3, стр. 82—89.

Общественное движение в России в 1840—1850-х годах. — В кн.: «История русской литературы», т. VII. М.—Л., изд-во АН СССР, 1955, стр. 7—34.

Величие и мировое значение русской культуры. Л., изд. Об-ва по распростр. лит. и научн. знаний, 1956, 32 стр.

Рец. (совм. с В. В. Мавродиным, С. Л. Пештичем, Н. М. Волькинским) на кн.: «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I» (М., 1954). — «Вопросы истории», 1955, № 3, стр. 149—155.

Нужный спектакль [Рец. на пьесу С. Михалкова «Охотник» в Театре им. Ленсовета]. — «Ленинградская правда», 29 июня 1955 г.

1956

Литературная жизнь Петербурга в 1895—1917 гг. — В кн.: «Очерки истории Ленинграда». Т. 3. Период империализма и буржуазно-демократических революций 1895—1917 гг. М.—Л., изд-во АН СССР, 1956, стр. 659—695.

Полезная библиографическая работа [Рец. на кн.: «Описание изданий гражданской печати 1708—январь 1725 г.» М.—Л., изд-во АН СССР, 1955]. — «Вестник АН СССР», 1956, № 8, стр. 133—134.

1957

Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. М.—Л., изд-во АН СССР, 1957, 456 стр.

Ред.: С. П. Лушков. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М.—Л., изд-во АН СССР, 1957, 190 стр.

Ред. (совм. с М. П. Алексеевым и др.): «Ленинград. Энциклопедический справочник». Изд-во БСЭ, 1957, 808 стр.

Ред. (совм. с Л. Н. Беловой, В. В. Мавродиным и др.): «Путеводитель по Ленинграду». Лениздат, 1957, 912 стр.

Подвиг русского народа [к 250-летию Ленинграда]. — «Ленинградская правда», 22 июня 1957 г.

1958

Ред. (совм. с К. В. Островитяновым и др.): «История Академии наук СССР». Т. I (1724—1803). М.—Л., изд-во АН СССР, 1958, 484 стр.; *очерки*: «Наука и просвещение в первой четверти XVIII в.»; «Основание Академии наук» (совместно с И. И. Любименко); «Академия наук с 1725 по 1741 г. Вводный очерк»; «Историческая наука в Академии наук в 1725—1741 гг.»; «Академия наук с 1742 по 1765 г. Вводный очерк»; «Историческая наука в Академии наук в 1742—1765 гг.»; «Академия наук с 1766 по 1802 г. Вводный очерк». — Там же, стр. 20—29; 30—36; 39—56; 124—128; 151—177, 278—284; 309—334.

История Академии наук в трудах советских ученых (совместно с А. В. Кольцовым). — «Вопросы истории естествознания и техники», 1958, вып. 6, стр. 151—159.

Ред.: М. И. Радовский. Вениамин Франклин и его связи с Россией. М.—Л., изд-во АН СССР, 1958, 76 стр.

1959

Колыбель русской науки. Исторический очерк о научных учреждениях Стрелки Васильевского острова в Ленинграде (совм. с В. Голантом). Лениздат, 1959, 256 стр.

Ред.: М. И. Радовский. Антиох Кантемир и Петербургская Академия наук. М.—Л., изд-во АН СССР, 1959, 116 стр.

Книги о городах нашей области. — «Ленинградская правда», 6 июня 1959 г.

Пушкин и советская культура. — «Ленинградская правда», 16 июля 1959 г.

1960

Ред.: «Вопросы истории и теории журналистики. Сб. статей». («Ученые записки Ленинградского гос. ун-та», № 284, серия филол. наук, вып. 47), 1960, 154 стр.

Ред.: «Вопросы журналистики. Межвузовский сборник статей», вып. 2, кн. 2. Изд. Ленинградского ун-та, 1960, 128 стр.

Ред. (совм. с А. А. Арзуманяном, И. Н. Земсковым и др.): «Дипломатический словарь». Т. I. М., Госполитиздат, 1960, 579 стр.

Ред.: А. В. Кольцов. Культурное строительство в РСФСР в годы первой пятилетки (1928—1932). М.—Л., изд-во АН СССР, 1960, 208 стр.

Ред.: Р. А. Сомина. Ленинград в названиях улиц. Изд. Об-ва по распротр. полт. и научн. знаний РСФСР. Л., 1960, 50 стр.

1961

Дневник Пушкина 1833—1835 гг. — В кн.: «Пушкин. Исследования и материалы». Т. IV. М.—Л., изд-во АН СССР, 1962, стр. 278—286.

М. В. Ломоносов и Академия наук. — «Вестник высшей школы», 1961, № 11, стр. 77—80.

Общественно-политические взгляды Н. М. Карамзина в 1790-х годах. — В кн.: «Проблемы русского просвещения в литературе XVIII в.» М.—Л., изд-во АН СССР, 1961, стр. 63—78.

Предисл. [при участии А. В. Предтеченского]. — В кн. «Крестьянское движение в России в 1796—1825 гг. Сб. документов». Под ред. С. Н. Валка. М., Соцэкгиз, 1961, стр. 9—30.

Ред.: «Крестьянское движение в России в 1826—1849 гг. Сб. документов». М., Соцэкгиз, 1961, 984 стр.; *предисловие* — там же, стр. 5—28.

Ред. (совм. с А. А. Арзуманяном, И. Н. Земсковым и др.): «Дипломатический словарь», т. 2. М., Госполитиздат, 1961, 615 стр.

Ред.: М. И. Радовский. Из истории англо-русских научных связей. М.—Л., изд-во АН СССР, 1961, 215 стр.

Ред.: М. И. Радовский. М. В. Ломоносов и Петербургская Академия наук. М.—Л., изд-во АН СССР, 1961, 336 стр.

1962

Ред.: А. В. Кольцов. Ученые Ленинграда в годы блокады (1941—1943). Л., изд-во АН СССР, 1962, 143 стр.

Ред.: Е. С. Кулябко. М. В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской Академии наук. М.—Л., изд-во АН СССР, 1962, 216 стр.

1963

Основные проблемы истории русской культуры XVIII—XIX вв. — «Ученые записки Горьковского гос. ун-та», серия ист.-филол., вып. 58, 1963, стр. 226—244.

1964

Брошюра М. М. Сперанского «О военных поселениях». — «Исследования по отечественному источниковедению. Сб. статей, посвященных 75-летию проф. С. Н. Валка». М.—Л., изд-во «Наука», 1964, стр. 263—270 («Труды ЛОИИ», вып. 7).

Декабристы и военные поселения. — «Ученые записки Горьковского гос. ун-та», серия ист.-филол., вып. 72, 1964, стр. 135—153.

Ред. (совм. с К. В. Островитяновым, А. В. Кольцовым и др.): «История Академии наук СССР». Т. II (1803—1917). М.—Л., изд-во «Наука», 1964, 772 стр.; *очерки*: «Академия наук с 1803 г. по 1860-е годы. Вводный очерк»; «Литературоведение»;

«История»; «Академия наук с 1860-х по 1890-е годы. Вводный очерк»; «Литературоведение»; «История» — там же, стр. 11—33; 183—186; 186—197; 265—285; 417—427; 427—445.

Основание Петербурга. — В кн.: «Ленинград. Краткий исторический очерк». Лениздат, 1964, стр. 17—34.

Художественная литература как исторический источник. — «Вестник Ленинградского ун-та», серия ист., яз. и лит-ры, 1964, № 14, вып. 3, стр. 76—85.

Ред. (совм. с А. А. Арзуманяном, И. Н. Земсковым и др.): «Дипломатический словарь», т. 3. М., Госполитиздат, 1964, 560 стр.

1965

Исторические этюды [Рец. на кн.: Н. Задонский. Тайны времен минувших. Воронеж, 1964, 108 стр.]. — «Нева», 1965, № 4, стр. 186—187.

1966

Ред.: В. Голант. Укрощение строптивой. Л., Гидрометеиздат, 1966, 192 стр.

1967

XVIII век. — В кн.: «Краткий очерк истории русской культуры с древнейших времен до 1917 г.». Л., изд-во «Наука», 1967, стр. 175—236 (гл. 5).

1969

Перелистывая концертные программы. (Предисл. Д. Б. Кабалевского). — «Советская музыка», 1969, № 12, стр. 79—91.

Н. В. Бржостовская

ТРУДЫ Ю. Ф. КОНОНОВА ПО ИСТОРИИ АРХИВНОГО ДЕЛА

Одним из важных достижений советского архивоведения и исторической науки является разработка истории архивного дела в СССР и дореволюционной России. Заметный вклад в изучение этих вопросов внес Юрий Федорович Кононов (1917—1970).

Работая в составе кафедры истории и организации архивного дела Московского государственного историко-архивного института, куда он поступил в аспирантуру в 1946 г. после демобилизации из армии, Ю. Ф. Кононов вырос в крупного специалиста и пользовавшегося большим авторитетом преподавателя.

Его кандидатская диссертация¹ принадлежит к числу наиболее интересных исследований по истории архивов дореволюционной России. Документальные материалы бывшего Государственного архива Российской империи в составе современного Центрального государственного архива древних актов СССР представляют собой чрезвычайно сложный по происхождению и организации комплекс важнейших материалов по политической истории России конца XVII — первой половины XIX в. Ю. Ф. Кононов поставил перед собой задачу проследить процесс комплектования этого архива и определить происхождение основных групп его документальных материалов. Тщательный анализ документов и дел, сдаточных описей и других источников позволил автору выполнить эту задачу.

В исследовании воспроизведена история создания секретного хранилища документов особого политического значения на основе уже существовавшего недипломатического отдела архива Министерства иностранных дел, прослеживается поступление в него документов, извлеченных из различных хранилищ (архива Сената, Петербургского государственного архива старых дел, кабинета е. и. в., личных архивов государственных и военных деятелей). При этом автор не ограничивался констатацией факта передачи в архив той или иной группы документов и характеристикой их содержания, а выяснял процесс формирования или распыления фонда или коллекции. Так, им воссоздана история архивов кабинета Петра I, Екатерины II, государственных секретарей А. Макарова, А. А. Безбородко, С. М. Кузьмина и многих других. Эти страницы диссертации впервые раскрывают многие интересные стороны истории архивного дела России.

В процессе исследования Ю. Ф. Кононов установил 300 фондообразователей, материалы которых вошли в состав Государственного архива. Эти материалы были расчленены и перемешаны еще в период комплектования архива, а затем окончательно при их систематизации, осуществленной в 40—70-е годы П. Пекарским и Н. Гиббенетом, распределенными документами по 30 тематическим разрядам. Распределение было искусственным и часто случайным.

Критикуя такую систематизацию, Ю. Ф. Кононов стремился выяснить, чем руководствовались Пекарский и Гиббенет, создавая тот или иной разряд. В отдельных случаях эта группировка была продиктована стремлением зашифровать документы острого политического звучания. Именно такая цель преследовалась, когда материалы Тайной экспедиции Сената были распределены по трем разрядам с разными названиями, а дело знаменитого русского просветителя Н. И. Новикова объединено с делами об исправительном заведении для уличных женщин и зашифровано под общим названием «Дел о преступлениях против нравственности». Распределение материалов б. Государственного архива по разрядам затрудняет их использование. Однако Ю. Ф. Кононов считает, что восстановление прежних фондов теперь уже едва ли возможно и по многим причинам неудобно, и предлагает воссоздать их в виде специального справочного аппарата. Заключительная часть работы посвящена использованию материалов

¹ Ю. Ф. Кононов. Из истории бывшего Государственного архива (Российской империи) (1801—1917 гг.). Автореферат канд. дисс. М., 1949.

6. Государственного архива в дореволюционной России под строгим контролем верховной власти и Министерства иностранных дел.

В работе над диссертацией ярко проявились исследовательский талант и навыки тщательной обработки источников, которые характеризуют научную деятельность Ю. Ф. Кононова. К сожалению, эта интересная монография не увидела света. Были опубликованы лишь извлечения из нее ².

Будучи доцентом, а затем заведующим кафедрой истории и организации архивного дела МГИАИ, Ю. Ф. Кононов читал курс лекций по истории архивного дела в дореволюционной России, в который он внес много нового, и ряд спецкурсов: по истории органов тайного политического розыска в XVIII в., по истории рукописных собраний библиотек и частных коллекций. Он принимал активное участие во всех коллективных работах кафедры. При подготовке второго, переработанного и дополненного посмертного издания учебного пособия И. Л. Маяковского по истории архивов в дореволюционной России ³ Ю. Ф. Кононов внес в пособие ценные дополнения, много сделал для уточнения и расширения научно-справочного аппарата к нему. Он участвовал в создании «Сборника руководящих материалов по архивному делу» ⁴ и учебного пособия «Архивное строительство и государственные архивы союзных республик СССР» ⁵, для которого им был написан очерк об архивах Азербайджанской ССР.

В соавторстве с Г. А. Дрёминой и З. В. Крайской им было написано учебное пособие по истории образования, составу материалов и деятельности ЦГАДА ⁶.

Много сил вложил Ю. Ф. Кононов в подготовку издания трудов своего учителя и предшественника по должности заведующего кафедрой В. В. Максаква: «История и организация архивного дела в СССР» ⁷, «Организация архивов КПСС» ⁸.

Основной центр тяжести научных интересов Ю. Ф. Кононова лежал в области, еще очень мало затронутой в советской архивоведческой литературе, — истории личных архивов и коллекционирования документальных материалов. К этой теме он подошел уже в процессе работы над диссертацией, когда ему пришлось изучать судьбы личных фондов государственных деятелей России. Интерес к истории коллекционирования документальных материалов укрепился у него в период деятельности в качестве сотрудника НИИ музейной и краеведческой работы, где он особенно много занимался вопросами организации мемориальных музеев. Этим музеям им было посвящено большое неопубликованное исследование в соавторстве с В. К. Гардановым и А. А. Лебедевой, а также несколько отдельных работ ⁹.

Все более увлекаясь проблемами коллекционирования документальных материалов, формирования личных фондов и персональных собраний, создания рукописных отделов библиотек и музеев, Ю. Ф. Кононов задумал большой труд, посвященный их истории в дореволюционной России и СССР, рассчитывая позднее обратиться к еще одной группе архивов — архивам частновладельческих предприятий. Эта тема имеет существенное значение, так как в советской литературе по истории архивного дела до сих пор освещалось в основном развитие официальных, правительственных архивов и лишь в очень общей форме характеризовалось положение частных архивов и коллекций. В определенной степени исследование Ю. Ф. Кононова продолжает труд В. С. Иконникова, давшего в своем «Опыте русской историографии» свод сведений и библиографию по известным в его время частным архивам и коллекциям. Однако у Иконникова этот раздел носит в основном справочный характер, сообщая данные о составе и происхождении собраний, но не ставя перед собой задачу осветить явление в целом. Ю. Ф. Кононов в задуманной им монографии стремился рассмотреть процесс формирования личных фондов и коллекций в историческом развитии, в связи с меняющимися социально-экономическими, политическими и историко-культурными условиями, установить его специфические закономерности и проанализировать результаты. Для изучения проблемы привлекался обширный фактический материал из архивных и печатных источников.

² Ю. Ф. Кононов. Из истории организации и комплектования 6. Государственного архива Российской империи. — «Труды МГИАИ», т. VIII. М., 1957.

³ И. Л. Маяковский. Очерки по истории архивного дела в СССР. М., 1960.

⁴ «Сборник руководящих материалов по архивному делу в СССР (1917—1941)». М., 1961.

⁵ «Архивное строительство и государственные архивы союзных республик СССР». Учебное пособие. М., 1971.

⁶ Г. А. Дрёмина, З. В. Крайская, Ю. Ф. Кононов. Центральный государственный архив древних актов. — В кн.: «Государственные архивы СССР». Учебное пособие. М., 1960.

⁷ В. В. Максаква. История и организация архивного дела в СССР (1917—1945). М., 1969.

⁸ В. В. Максаква. Организация архивов КПСС. Учебное пособие. М., 1968.

⁹ Ю. Ф. Кононов. Современные частные коллекции документов. — «Вопросы архивоведения», 1962, № 2; он же. Организация хранения личных фондов в архивах СССР. — «Труды научной конференции по вопросам архивного дела в СССР», т. I. М., 1965; Ю. Ф. Кононов, В. М. Хевролина. Мемориальные музеи, посвященные деятелям науки и культуры СССР (1917—1956 гг.). — «Очерки истории музейного дела в СССР», вып. 5. М., 1963.

Монография¹⁰ открывается главой, характеризующей общее положение и судьбы личных архивов в дореволюционной России, их значительно меньшую стабильность по сравнению с правительственными хранилищами. Приводятся многочисленные примеры распыления семейных и личных архивов и гибели их от стихийных бедствий, небрежного хранения, умышленного уничтожения бумаг владельцами и их наследниками. В главе, посвященной составу и содержанию личных фондов, прослеживаются процесс и результаты складывания различных типов личных архивов — архивов литераторов, ученых, артистов, государственных и военных деятелей. Последняя группа личных архивов в особенности привлекала внимание Ю. Ф. Кононова, поскольку она значительно менее изучалась, чем архивы литераторов или ученых. Исследователя особенно интересовала связь между личными архивами государственных деятелей и правительственными архивами, между которыми, по его наблюдениям, происходил постоянно своеобразный «обмен» — крупные чиновники всегда стремились держать в своем домашнем архиве документы, связанные с областью их деятельности, и, пользуясь служебным положением, имели у себя не только копии, но и подлинные документы, изъятые из канцелярий государственных учреждений. В свою очередь и правительство после отставки и особенно смерти государственного деятеля стремилось изъять его личный архив и включить полностью или частично в свои хранилища (что не исключало порой новое изъятие бумаг этого фонда уже другим лицом из высшего чиновничества или царской семьи). С другой стороны, история фамильных и личных фондов порой очень тесно переплетается с историей коллекционирования документальных материалов. Многие фамильные и личные архивы представляют собой как бы переходный тип между этими двумя видами собраний. Так, если государственный чиновник, пользуясь служебным положением, собирает у себя не только бумаги, непосредственно связанные с его деятельностью, но широкий круг материалов по интересующей его области управления или по определенному вопросу, то его архив незаметно перерастает в коллекцию. В качестве примера можно взять архивы государственных секретарей XVIII в., ряда крупных чиновников XIX—начала XX в., даже некоторых чиновников средней руки, в частности А. И. Карасевского, работавшего в следственной комиссии по делу декабристов, и, несмотря на строжайший контроль, тайком собравшего у себя большую подборку копий и даже подлинных документов из дел, проходивших через его руки. Известны семейные архивы лиц, связанных с литературным миром, включающие настоящие коллекции рукописей и автографов писателей, или редакторов, у которых скапливались рукописи литературных, критических и научных произведений, копии или даже подлинники исторических документов, переданных для опубликования; такой архив-коллекция сложился у М. И. Семевского, редактора «Русской старины». Вопросы истории личных фондов и коллекций связаны еще и тем, что личные и фамильные фонды являлись одним из основных источников, откуда добывали свой материал коллекционеры, специально занимавшиеся собирательством, независимо от своей служебной и профессиональной деятельности. Значительная часть материалов личного происхождения оказалась впоследствии в разного рода частных и государственных коллекциях.

Переходя к вопросу о коллекционировании письменных памятников в собственном смысле слова, Ю. Ф. Кононов стремится найти характеристику коллекционирования как своего рода общественного явления; ставит вопрос о том, какие исторические условия, культурные традиции, научные и иные интересы, психологические моменты вызывали к жизни эту форму деятельности, перераставшую у некоторых коллекционеров во всепоглощающую страсть, приводившую порой к разорению или толкавшую на неблагоприятные поступки. На страницах исследования возникают портреты разного типа коллекционеров: богатый вельможа А. М. Мусин-Пушкин, могущественный меценат Н. П. Румянцев, рассматривавший формирование своего собрания как патриотический долг, коллекционеры из купцов И. А. Вахрамеев или П. И. Щукин, историк М. П. Погодин, создавший свое знаменитое «Древлехранилище» отчасти «на костях» разорившихся коллекционеров, у которых он скупал рукописи по дешевке, любитель-чужак Ф. Ф. Мазурин, по ночам в обществе кошек, заменивших ему семью, извлекавший из сундуков заветные рукописи и грамоты, чтобы любоваться ими в одиночестве, и многие другие.

Получают характеристику и методы пополнения коллекций: археографические экспедиции и поездки (в том числе официальные, в ходе которых нередко пополнялись и личные коллекции участников), посещение ярмарок, аукционов, букинистических лавок и книжных «развалов», связи с обедневшими дворянскими семьями и т. д. Не обошел автор и такие отрицательные моменты, как незаконное изъятие документов из церковно-монастырских и государственных хранилищ.

Специальную главу Ю. Ф. Кононов посвящает рассмотрению состава частных коллекций, разбив их по эпохам и типам коллекций. Начав с кратких сведений, которые дают источники, о собирании письменных ценностей на Руси в XI—XVI вв., он рисует более развернутую картину частного коллекционирования рукописей в XVII в., а затем переходит к подробной характеристике этого вида собирательства в XVIII и XIX вв. В XVIII в. наибольший интерес коллекционеров вызывают прежде всего

¹⁰ Рукопись монографии была любезно предоставлена автору статьи Н. С. Кононовой.

памятники русской древности: летописи, царские грамоты, старинные книги религиозного содержания; меньше — актовый материал. Рядом с ними стоят документы эпохи Петра I, среди которых особенно ценятся автографы. В меньшей степени привлекали внимание документы середины и конца XVIII в., но и они уже включались в коллекции. В некоторых собраниях встречались подборки материалов по истории народных движений, в первую очередь крестьянской войны 1773—1775 гг. Сравнительно мало были представлены в коллекциях того времени материалы по истории культуры. Автор отмечает коллекции, посвященные истории отдельных областей России, а также содержащие картографические материалы, старинные периодические издания, документы иностранного происхождения. В качестве примеров характеризуется содержание многих из известных тогда 170 крупных собраний.

В коллекциях XIX в. также главное место занимают древнерусские памятники. Многие коллекции содержали документы и периодику XVIII в. Из документов, относящихся к политическим событиям XIX столетия, особенной популярностью пользовались источники по истории Отечественной войны 1812 г. и связанные с восстанием декабристов. Отмечается увеличение удельного веса актового материала, а к концу XIX в. стремление приобретать не отдельные документы, а целые комплексы, например архивы дворянских семей, что характерно, в частности, для собрания П. И. Щукина. Характерно для коллекционирования XIX в. резкое возрастание интереса к памятникам по истории культуры, особенно историко-литературным, а также растущая специализация коллекций.

В работе рассматриваются и такие побочные явления коллекционирования, как проникновение в него капиталистического духа, превращение исторических источников в выгодный товар и организация торговли ими. Приводятся данные о росте числа коллекционеров, о наблюдающейся демократизации их социального состава. Но демократические тенденции в деле коллекционирования письменных памятников проявились не столько в изменении социального состава коллекционеров, который в принципе неизбежно ограничивался кругом состоятельных людей, сколько в том, что постепенно рядом с частными собраниями все большее место занимают коллекции, созданные научными учреждениями и обществами и носящие публичный характер, хотя бы в узких рамках. Публичный характер приобретают и некоторые собрания, возникшие ранее, как Румянцевский музей. Эволюционирует в сторону публичной библиотеки и дворцовое собрание в Эрмитаже.

Особенно важен факт, что крупные публичные собрания, благодаря своей растущей популярности, связям с научной общественностью и некоторой материальной базой (которая в условиях царской России всегда была крайне недостаточной), постепенно в результате покупки или дарения втягивают в свой состав многие мелкие и крупные частные коллекции, которые благодаря этому прочно входят в научный оборот и приобретают большую стабильность. Это было наиболее позитивное завершение цикла движения документов по этапам: личный фонд — частная коллекция — собрание научного учреждения. Последняя глава в исследовании Ю. Ф. Кононова и была посвящена истории формирования в России рукописных собраний библиотек и музеев, особенно завершая изложение поставленной проблемы.

Фрагменты будущей работы Ю. Ф. Кононова были размножены в качестве учебных пособий для студентов МГИАИ, но очень малыми тиражами — по 100—200 экземпляров¹¹. Раздел «Частное коллекционирование рукописных материалов в дореволюционной России как общественное явление» послужил основой доклада на заседании Археографической комиссии АН СССР в 1968 г.¹² К сожалению, этот ценный труд остался незаконченным. В частности, автор не успел осветить вопрос о коллекциях документальных материалов в Советском Союзе. Но уже написанные разделы работы составляют связную серию очерков по истории формирования рукописных коллекций и личных архивов в дореволюционной России. Эта часть литературного наследия Ю. Ф. Кононова представляет несомненный интерес для широких кругов архивистов и музейных работников и заслуживает опубликования в полном объеме.

¹¹ Ю. Ф. Кононов. Частные коллекции рукописных материалов в России до XIX века. Учебное пособие. М., 1961; *он же*. Комплектование рукописных отделов библиотек и музеев в дореволюционной России. Учебное пособие. М., 1961; *он же*. История личных фондов государственных деятелей России XVIII—первой половины XIX в. Учебное пособие. М., 1964.

¹² Изложение доклада и его обсуждение см.: «Археографический ежегодник за 1968 год». М., 1970, стр. 437—439.

III. ПУБЛИКАЦИИ

КРАТЧАЙШАЯ РЕДАКЦИЯ «ЖИТИЯ» ПРОТОПОПА АВВАКУМА

В рукописном собрании Е. В. Барсова Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина хранится сборник (№ 983.1)¹, в котором содержатся сочинения дьякона Федора, протопопа Аввакума, инока Авраамия, среди них кратчайшие редакции «Житий» Аввакума и Епифания. Рукопись² в 8° (17×11,5) второй половины XVIII века, писана одним почерком (поздний полуустав) на бумаге с филигранью: л. 6 — горн под короною с литерами ERLEY, л. 7 — часть короны (бумажный знак близок к Churchill³ типа 319, 321; 1732—1740 гг.). Ряд статей (лл. 1—12 об.) имеет заголовки киноварью (сурик)⁴, во всем тексте многочисленные киноварные буквы. В рукописи 40 лл. Переплет бумажный, поздний.

На лл. 13—29 «Житие» протопопа Аввакума. Без заглавия. Перед текстом (лл. 12 об.—13) выписки из беседы Аввакума «Об Аврааме»⁵ под киноварным заголовком: «Выписано из книги протосингела Аввакума». На лл. 29—31 об. «Житие» старца Епифания, за ним (лл. 31 об.—32 об.) помещены эпизоды из жизни Аввакума (о затмении солнца и расстрижении в Москве, о рождении и искушении девицею). «Житие» Аввакума, по-видимому, называется здесь повестью, так как заключительные строки гласят: «А другия повести ниже положены будут». Следует отметить единую структуру и целостность повествования, в котором события излагаются взаимосвязанно⁶.

В сравнении с авторскими редакциями «Жития»⁷ в кратчайшей отсутствуют богословско-дидактическое вступление и поучительные рассказы в конце, за исключением рассказа об «исцелении» Аввакумом «бесноватого» брата на родине. Опущено сообщение о вторичной «казни» в Пустозерске дьякона Федора, в то время как сообщается о «казни» попа Лазаря и старца Епифания. Однако фраза, относящаяся к дьякону Федору, осталась механически: «Ему же и руку поперек ладони отсекли» (л. 26 об.). Кроме того, ничего не говорится о посылке в Москву от Аввакума и «всей братии» сочинения Федора «Ответ православных», хотя сообщается о двух посланиях Аввакума к царю и посланиях Лазаря к царю и патриарху (л. 25 об.). Дьякон Федор упоминается только в связи с его проклятием и расстрижением в Москве (л. 22 об.). Обращает на себя внимание явная тенденциозность умалчивания. Редактор-составитель

¹ Неизвестен в литературе, обнаружен И. М. Кудрявцевым. Приношу ему благодарность за советы и помощь в работе.

² Старообрядческий сборник (ИРЛИ, Собр. И. А. Смирнова, № 6), начало XIX в., в 4°, 305 лл., копирует, по нашему мнению, Барсовский сборник (№ 983. 1). Кратко описан. — В. И. Малышев. Сочинения протопопа Аввакума в собрании Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР. — «Труды Отдела древнерусской литературы» (далее — ТОДРЛ), т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 585.

³ W. A. Churchill. Watermarks in Paper in Holland, England, France etc. in the XVII and XVIII Centuries and Their Interconnection. Amsterdam, 1935.

⁴ В первой части рукописи (лл. 1—12) киноварью на полях выполнены ссылки на тексты Священного писания, в том числе лл. 1 и 4 на поле справа: «страдал[ь]да протопопа Аввакум. . .» (нижний угол оборван) и «страдал. Аввакум протопоп»; лл. 4 об. и 7 об. на поле слева: «страдалец дьякон Феодор» и «страд. дьякон Феод.».

⁵ В них кратко приводятся суждения Аввакума по догматическим вопросам (о существовании троицы, первом и втором пришествии Христа и сошествии в ад), которые были предметом его полемики с дьяконом Федором.

⁶ Нами замечено два случая нарушения порядка изложения (см. лл. 16 об. и 23).

⁷ В литературе известны три авторские редакции «Жития» Аввакума: две в автографах — полная (по Я. Л. Барскову — «А») и пространная («В»); краткая («Б») дошла в списках («Памятники истории старообрядчества XVII в.», кн. 1, вып. 1. — «Русская историческая библиотека» (далее — РИБ), т. 39. Л., 1927, стб. 1—240; А. Н. Робинсон. Жизнеописания Аввакума и Епифания. Исследование и тексты. М., 1963).

не мог это сделать намеренно, так как в составе сборника имеются сочинения Федора, который именуется «страдальцем» (первая часть). Объяснить это можно тем, что вторая часть сборника (лл. 12 об.—40), в том числе «Житие» Аввакума, прошла через более ранний этап редактирования. Если учесть целенаправленный (против дьякона Федора) характер выписок из беседы «Об Аврааме» и связать это с умолчением о нем при описании событий в Пустозерске, когда разгорелись жаркие споры между Аввакумом и Федором по догматическим вопросам, то можно предположить, что первоначальным редактором являлось лицо, хорошо об этом осведомленное и придерживавшееся аввакумовской стороны⁸.

В кратчайшей редакции «Жития» встречаем сообщение о взятии под стражу Аввакума⁹ «от всенощного. . . из церкви» (л. 15 об.), перекликающееся с версией Симеона Денисова о том, что протопоп был взят «в церкви пресвятыя богородицы Казанскаго образа на площади», где он служил «всенощное бдение»¹⁰. Связывать происхождение сборника с Выгом как будто нет оснований¹¹, но могла существовать рукопись с текстом «Жития» Аввакума, известная на Выге и послужившая источником для нашего сборника¹². Редактор ее мог сознательно интерпретировать вышеупомянутое событие с целью защитить Аввакума, обвинявшегося противниками во главе с дьяконом Федором в отступлении от богословских догм и устава православной церкви. Не случайно, конечно, сам Аввакум умалчивает во всех редакциях «Жития» об обстоятельствах своего ареста.

Сличение текста кратчайшей редакции с автографами «Жития» позволяет сказать, что признаки непосредственной связи между ними обнаружить нельзя. Однако сразу же бросается в глаза близость нашего текста к краткой редакции «Жития»¹³. Хронологические грани кратчайшей редакции совпадают только с краткой: самые поздние сведения относятся к весне 1672 г. — упоминание о смерти сына боярыни Ф. П. Морозовой (л. 23) и сообщение о том, что у Лазаря «по двух летех «казни» 14 апреля 1670 г. — В. Р.) паки язык вырос совершенной» (л. 26). Встает вопрос, каково отношение нашего текста к краткой редакции, является ли последняя его первоисточником или наоборот.

Кратчайшая редакция имеет особенности, с которыми нельзя не считаться. Текст ее значительно короче: в нем отсутствуют богословско-учительные сентенции, право-учительные концовки, цитаты из «писания» и целый ряд житейских эпизодов, не связанных с борьбой за «благочестие», например нет рассказа о том, как Аввакум заступился за сиротину, нет описания жизни в Тобольске и столкновения со Струной и т. д. Осмысление излагаемых событий также отличается от краткой редакции. В последней первопричиной житейских невзгод Аввакума выступают чаще всего козни и происки дьявола (в автографах богословско-мистическая форма зла еще более усилена). В крат-

⁸ Догматические споры отразились в сочинениях Аввакума и Федора. В конце XVII — начале XVIII в. на Керженце разгорелись споры между их последователями («Сказания о расприх, происходивших на Керженце из-за Аввакумовых догматических писем». — «Материалы для истории раскола за первое время его существования» (далее — «Материалы. . .»), т. VIII. М., 1887, стр. 204—353). Здесь жил любимый ученик Аввакума старец Сергей (он же — Симеон), на протяжении многих лет поддерживавший с ним связь. Известны послания Аввакума Симеону (Сергию), в том числе ему была адресована «Книга обличений, или «евангелие вечное», написанная против дьякона Федора. Симеон, по-видимому, навещал Аввакума в Пустозерске (РИБ, т. 39, стб. 835).

⁹ В письме Аввакума к И. Неронову (14 сентября 1653 г.) сообщается, что его взяли под стражу Б. Нелединский со стрельцами в «сушле» на дворе Неронова, где он служил всенощную со своими сторонниками, после того как его лишили «первенства» в чтении поучений в Казанском соборе. — «Материалы. . .», т. I. М., 1875, стр. 21—22.

¹⁰ «Виноград российский, или описание пострадавших в России за древлеперковное благочестие, написанный Симеоном Дионисиевичем». М., 1906, лл. 17 об. — 18. Денисов отрицал реальность догматических споров в Пустозерске (там же, л. 21 об.).

¹¹ Составитель-редактор сборника плохо осведомлен о лицах и событиях начального периода раскола: Епифаний именуется Авраамием (лл. 29, 29 об.), неверны сведения о месте казни (сожжения) Авраамия и Исаяи (л. 6), в числе гонимых Никоном и преданных «безвестной смерти» называются Стефан Вицифантьев и Иван Неронов (л. 5 об.).

¹² Эту мысль высказал А. И. Рогов.

¹³ Краткая редакция «Жития» создана Аввакумом в первой половине 1672 г. (Н. С. Демкова. Творческая история Жития протопопа Аввакума. — ТОДРЛ, т. XXV. М.—Л., 1970, стр. 207; В. С. Румянцева. О датировке краткой редакции «Жития» протопопа Аввакума. — «Вестник Московского университета». Серия IX «Исторические науки», 1969, № 6, стр. 56—70). Краткая редакция опубликована (РИБ, т. 39, стб. 83—150) по списку митрополита Макария (местопребывание списка неизвестно). Из 17 известных нам списков краткой редакции наиболее исправным является Егоровский список (ГБЛ, Собр. Е. Е. Егорова, № 1898, лл. 190 об. — 253 об.) в 4°, первая треть XIX в. Все ссылки даются нами по этой рукописи.

чайшей редакции эта тенденция выражена слабо: все беды и «бури» происходят от конкретных причин — «началников», «злых человек», «волка» Никона, «лютаго» Пашкова, наконец от властей, которых он обличал.

Кратчайшая редакция

«Вторая на меня буря была. Пришли в село мое скоморохи. . .» (л. 13 об.).

«И в Юрьевце был я 8 недель добро. Таже собралися попы, мужики и бабы. . .» (л. 14).

«Четыре недели мене с чепью в церковь волочили, б[ь]ют. . . и плюют на меня» (л. 16).

«Бояре все до нас были добры» (л. 22 об.).

Краткая редакция

«А дьявол и паки воздвиг на мя бурю, приидоша в село мое скоморохи. . .» (л. 199 об.).

«И тут пожил немного, только осмь недель. Дьявол научил попов и мужиков и баб. . .» (л. 201 об.).

«. . . и в глаза плюют. Бог их простит, не их то дело, но дьяволе. Сидел тут 4 недели» (лл. 204 об.—205).

«И все бояре те до нас добры, да дьявол лих» (л. 229).

В нашей редакции меньше чудес по сравнению с краткой — нет видения с кораблем, чуда с рубашкой Логина, эпизода про черненькую курочку и «исцеление» кур воеводской снохи и т. д. Таким характерным особенностям повествования соответствует конспективно-деловая манера изложения в отличие от картинно-изобразительного стиля краткой редакции, где те же самые факты превращаются в яркие жанровые сценки с нравоучительными концовками и поучениями от «писания».

Кратчайшая редакция

«И бог ево так за немилость в понедельник на светой наказал, что вмале не умер был. Исповедовали и причащали. А я не ведаю сего. Во вторник прииош ко мне благодарить мене: ты де мене, пришед в светлых ризах, кадил и за руку взял, и от болезни свободил. И прощения просил в немилости своей. Мне он сказывает, что я приходил, и я дивлюся и не ведаю» (л. 23—23 об.).

Краткая редакция

«То было в понедельник светлой. И против вторника в ноци прииде к нему мужь во образе моем с кадилом в ризах светлых блестящихся, по[к]адил ево и, за руку взял, воздвигнул и бысть здрав. И претече ко мне с келейником ночью в темницу, идучи, говорит: «Блаженна обитель и темница, таковых в себе имеет страдальцов! Блаженны и юзы!» И пал предо мною, ухватился за чепь¹⁴, говорит: «Прости, господа ради! Согрешил пред богом и пред тобою; оскорбил тебя, — и за сие наказал меня бог». И я говорю: «Как наказал, повеждь ми?» Он паки: ты де сам, приходя и покадя, меня пожаловал, поднял, что де запираешься» (л. 230—230 об.).

В первом варианте просто рассказывается о происшествии, во втором — перед нами драматичная сцена, стиль изложения патетичный, налицо литературная риторическая обработка. Даже принимая во внимание наличие позднейших сокращений, текст кратчайшей редакции литературно и идейно менее отредактирован (ср. тексты: лл. 15 об.—204; 17—208, 18 об.—214; 28 об.—251 об. и т. д.). Язык ее ближе к просторечию. Это можно проследить на примерах.

Кратчайшая редакция

«Две бабы ево дворовыя обесновалися зело лихо» (л. 19).

«. . . А не говорю, государь, пощади, — так он пуцае на меня ярится» (л. 17 об.).

«Пашков велми лют до меня был» (л. 17 об.).

Краткая редакция

«Две вдовы . . . сennyя ево любленицы . . . одержимы духом нечистым. . .» (л. 214 об.).

«Так ему горько, что не говорю пощади» (л. 210).

И грех ради моих, суров и безчеловечен человек» (л. 208 об.).

Теперь рассмотрим фактические данные. События, изложенные в кратчайшей редакции, известны. Однако в ней встречаются такие подробности, мотивы и переживания автора, которых нет ни в одной из авторских редакций «Жития». Именно они придают всему повествованию большую конкретность и непосредственность. Только в кратчайшей редакции указана причина избиения Аввакума и изгнания из села: «Службу я певал по уставу, единогласно¹⁵ на старине, за то мене боярин Иван Роди-

¹⁴ В рукописи печь.

¹⁵ Свидетельство о том, что Аввакум исполнял службу единогласно на родине в Лопатицах содержится в его письме к попу Стефану (начало 1670 г.): «И единогласно шел лет двадцать и ныне пою. . . единогласно» (РИБ, т. 39, стб. 910).

вонов бил и у руки моей отгрез перст» (л. 13). В краткой редакции дано картинное описание нападения на Аввакума «начальника» и только в заключении сказано: «Сердитовал на меня за церковную службу, ему хочется скоро, а я пою по уставу — не борзо, так ему было досадно» (л. 199). В автографах этот эпизод представлен как одна из «бурь», воздвигнутых на него дьяволом, а конкретная причина опущена. Отличается от краткой редакции рассказ о нападении на Аввакума другого «начальника».

Кратчайшая редакция

«. . . и в ночь ту в болезнь впал. По меня боярыня прислала и просила, чтобы помолился об нем и простил» (л. 13 об.).

Краткая редакция

«Таже в ночь ту прибежали от него и зовут меня к нему с великими слезами: «Батюшко государь! Евфимей Стефанович при кончине и кричит неудобно, бьет себя и охает, а сам говорит: „Дайте мне батька Аввакума! За него меня бог накажет“» (л. 200—200 об.).

В первом варианте эпизод краток и житейски прост: в нем фигурирует «боярыня», которая посылает за Аввакумом. Во втором — нарисована сцена наказания «начальника» за то, что он, воспользовавшись своею силою и властью, напал на Аввакума, в сущности беззащитного («приехал с людьми ко двору моему и стрелял из луков и ис пицалей с приступом, а аз в то время, запершись, молился с воплем ко владыке»). В краткой редакции текст несет ярко выраженную учительско-назидательную цель, в кратчайшей же — эта линия почти не проводится.

По-иному освещается в кратчайшей редакции встреча Аввакума с царем Алексеем Михайловичем после изгнания его из Юрьевца Повольского.

Кратчайшая редакция

«Тут меня у духовника в доме государь меня видел и пенял, что я город оставил. А я умолчал о своем изгнании» (л. 14).

Краткая редакция

«Царь пришел ночью к духовнику благословится, — меня увидел, — тут опять кручина: на што де город покинул» (л. 202).

То, что Аввакум скрыл от царя причину своего изгнания из соборной церкви в Юрьевце, куда он был назначен протопопом, узнаем из нашего текста, — ни в одном из известных его сочинений об этом не говорится. Вряд ли осмелился бы поздний редактор сделать такую приписку. Рассказ о сидении на цепи в Андроньевом монастыре близок к краткой редакции, но только в нем имеется конкретная деталь: «Четыре недели мене с чепью в церковь волочили» (л. 16)¹⁶. В кратчайшей редакции указывается, что Аввакум исполнял в Юрьевце Повольском обязанности судьи по духовным делам (л. 14).

В краткой редакции «Жития» (и в автографах) сообщается: «Десять лет он меня мучил, или я ево — не знаю» (л. 222), в кратчайшей: «Десят лет он мене мучил, а всего 20 лет волокиты было» (л. 21). Эту приписку нельзя, по нашему мнению, относить позднему редактору, плохо сведущему о лицах и событиях раннего раскола. Но ее вполне могло допустить лицо, близко стоявшее к Аввакуму. Рассказ в Барсовском списке ведется с воспоминания о «старине» 1649—1650 гг., последнее событие, связанное с «мучительством» властей, — «казни» в Пустозерске (апрель 1670 г.), на этом основании можно предположить, что счет ведется с 1649/50 по 1670 г. Возможен и другой вариант: поскольку в нашем тексте есть сведения о том, что прошло два года после «казней», то счет мог вестись со времени вступления Никона на патриаршество (июнь 1652) до весны 1672 г.

В кратчайшей и краткой редакциях «Жития» дается сдержанная, но положительная характеристика митрополиту («архиепископу Резанскому») Илариону, в то время как в автографах пространной и полной редакций¹⁷ он называется «мучителем христианским». Правда, в кратчайшей редакции есть дополнительные сведения об Иларионе, восходящие, несомненно, к самому Аввакуму, либо к близкому его окружению: «Он тогда к нам добренек был и жил подвижно» (л. 28 об.). Аввакум знал Илариона с юности,

¹⁶ Это сообщение подтверждается дополнительными сведениями. В письме к Неронову (от 14 сентября 1653 г.) он извещает: «Четвертую неделю ношу на шею чепь с стулом» («Материалы. . .», т. I, стр. 20). 15 сентября Аввакум был взят в Сибирский приказ, вскоре после этого сослан в Сибирь (В. К. Никольский. Сибирская ссылка протопопа Аввакума. — «Ученые записки Института истории». РАНИОН, т. II. М., 1927, стр. 159—160).

¹⁷ Относительно датировки пространной и полной редакций в литературе существуют разногласия. Я. Л. Барсков считает, что полная редакция написана раньше пространной, время их создания июль 1672—апрель 1673 г. (РИБ, т. 39, стр. VIII, X); Н. С. Демкова придерживается такого же соотношения, только временем создания полной считает первую половину 1673 г., а пространной — 1675 г. (ТОДРЛ, т. XXV, стр. 219). Нами предложена другая классификация: пространная редакция — конец 1672—начало 1673 г. и полная — лето 1673 г. (В. С. Румянцева. «Житие» протопопа Аввакума как исторический источник. Автореферат канд. дисс. МГУ, 1971, стр. 14, 20—21).

когда тот был простым священником в селе Лысково в Нижегородском уезде. С 1649 г. Иларион становится игуменом Макарьева Желтоводского монастыря, а с 1657 г. — Иларион, архиепископ Рязанский и Муромский¹⁸, в числе близких сподвижников патриарха Никона. Он зарекомендовал себя наиболее жестоким гонителем первых раскольников. Несмотря на это Аввакум долгое время сохранял к нему дружеское отношение («древняя ради любви»). Однако после казни руководителя московских последователей Аввакума инока Авраамия (весной 1672 г.) он круто меняет свое отношение к Илариону. В беседе «Об Аврааме» (кон. 1672 — нач. 1673 г.), резко осуждая его («столько христиан прижег и пригубил злым царю наговором»), вспоминает прошлое: «Недостойн суть век твой весь Макарьевского монастыря единыя нощи. Помнишь, как на комарах — тех стояно на молитве? Явно ослепил тебя дявол! Где ты ум — от дел? Столко добра и трудов погубил!»¹⁹

В Баровском списке можно найти следы устной речи в различных проявлениях.

На приводимых ниже примерах видно, как на бумагу перенесена разговорная форма названия мест, понятная и близкая «слышателю», современнику автора, живущему или часто бывавшему в Москве в XVII в.

Кратчайшая редакция

«И посадил у Спаса на Новом, в тюрьму» (л. 15 об.).
«Остригши, на Угрешу к Николе свезли не дорогоу, но болотами от народу» (л. 22 об.).
«Жаловали меня в протопопы к Спасу вверх» (л. 15).

Краткая редакция

«И посадил в монастыре у Спаса на Новом» (л. 203 об.).
«Све[з]ли на Угрешу в монастырь к Николе. Везли не дорогоу, но болотами и грязью, чтоб люди не видали» (л. 228).
«И к месту говорили на дворец ко Спасу после Силы протопопа» (л. 203).

Беглость речи запечатлена не только в краткости изложения, но и в кажущейся небрежности и пропусках.

Кратчайшая редакция

«Фиял бог излил за церковной раскол» (л. 17).

Краткая редакция

«Излил бог фиял гнева своего за церковной раскол» (л. 208).

Учитывая все наблюдения над текстом, содержанием, стилем и языком, можно высказать мнение: краткая редакция «Жития», несмотря на временную близость, не является первоисточником нашей, кратчайшей, редакции. Мы не ставим сейчас перед собой задачу выяснения происхождения редакции «Жития», дошедшей до нас в переработанном, подновленном виде. Хотелось лишь высказать некоторые соображения на основе сделанных наблюдений.

Кратчайшая редакция

«Никон по Стефанову с товарищи совету в патриархи поставлен» (л. 14—14 об.).
«До патриаршества пред ними, как лица, обходился лукаво» (л. 14 об.).
«А как получил патриаршество, так Стефана и товарищи ево и в Крестовую не велел пущать» (л. 14 об.).

Краткая редакция

Нет.
«Егда же приехал, с нами яко лис. . .» (л. 202 об.).
«Егда поставили патриархом, так друзей не стал и в Крестовую пущать» (л. 202 об.).

Поскольку все повествование ведется от лица Аввакума, в этих местах чувствуется не аввакумовское отношение к излагаемым событиям, которых он был непосредственным участником. Подобное редактирование могло допустить лицо, близко знавшее Аввакума и обстоятельства его жизни.

Во второй половине XVIII в., вероятно, был подновлен текст; сглажены некоторые острые выпады в адрес властей и царя, осовременены кое-какие выражения, смягчен резкий обличительный тон. Разграничить же первоначальное редактирование и авторский текст, лежащий в основе кратчайшей редакции, в настоящее время невозможно. Мы ограничились лишь тем, что привели примеры, в которых это прослеживается.

Текст публикуется по общепринятым правилам. Орфография рукописи сохраняется, буквы, вышедшие из употребления (ять, кси, фита, омега, в и «десятиричное»), и буквенное обозначение цифр заменяются буквами современного алфавита и соответствующими цифрами, ь опускается в конце слов, за исключением особо оговоренных случаев. Титла раскрываются, надстрочные буквы вносятся в строку. В квадратные скобки заключается в после выносных, а также прочтения текста, принадлежащие издателю. Употребление в тексте «и» и «й» соответствует рукописи. Пунктуация и абзацы даются по современным правилам. Там, где возможно прочтение как прямой, так и косвенной речи (с частицей «де»), ставится косвенная. Заглавные киноварные буквы выделены жирным шрифтом.

В. С. Румянцева.

¹⁸ П. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877, стр. 613, 416.

¹⁹ РИБ, т. 39, стб. 336.

**«Житие» протопопа Аввакума
по Барсовскому списку (№ 983.1)**

л. 13 Службу я певал по уставу единогласно на старине¹, за то мене боярин Иван Родивонов бил и у руки моей отгряз перст, а в дороге, наехав на меня, дважды из двух пищалей стрелял, иво ни едина, бог запретил, не выстрелила, и двор от меня отнял, и всего ограбил. Так я пошел к Москве к духовнику государеву Стефану, протопопу да к Неронову Ивану — они оба обо мне государю известили. С тех пор государь знать меня стал.

л. 13 Об. Опят[ь] меня || они з грамотою на старину отпустили.

Вторая на меня буря была. Пришли в село мое скоморохи с медведями и з гудками, и я, ревнуя по бозе, гудки их изломал и медведеи распустил из рук их. И за сие мене воевода в Казани приказал посадит[ь] в Волгу, и от сего бог помиловал. Опять на старине напал на меня начальник, приехав в дом ко мне, стрелял из пищалей, а я, запершись, молитву ко господу приносил и сей, божим духом гоним, в дом свой побеже, и в ночь ту в болезнь впал. По меня боярыня прислала и просила, чтобы помолился об нем и простил. И я исповедал его, и маслом помазал, и бысть здрав.

л. 14 Также паки изгнали меня из старины; и я паки к Москве побрел. И тут велел мене государь в Юрьевец поставит[ь] || в протопопы. И в Юрьевце был я 8 недель добро. Также собралися попы, мужики и бабы, пришли к патриаршу двору, и где я судиею был и, вытоща меня, били били*, не знаю, ни ведаю за что, как бы не воевода со служивыми прибежал и отнял, то до смерти хотели убить. А ножно те то попы и бабы били, которых я унимал, чтоб не блудили. Также нощию я ушел паки к Москве и явился к духовнику Стефану. Тут меня у духовника в доме государь меня видел и пенял, что я город оставил; а я умолчал о своем изгнании.

л. 14 Об. Государь в патриархи хотел поставить духовника своего протопопа Стефана, и Стефан не похотел, указал государю на Никона, митрополита. Никон по Стефанову с товарищи совету, в патриархи || поставлен. До патриаршества пред ними, как лисица, обходился лукаво, а как получил патриаршество, так Стефана и товарищей ево и в Крестовую не велел пущать. Вскоре и открылся в злобе. В пост великий Неронову, протопопу Ивану, прислал память, яко не подобает** метание в церкви творить, чтоб в пояс кланялися, еще же чтобы крестилися трема персты.

Мы, увидевше сие, в страх пришли; видим, что зима хочет быти. Тогда Неронов скрылся в Чюдов — в полатки един молился всю седмицу, — и быст[ь] ему глас от образа Спасителя во время молитвы, глаголяй: «Время приспе страдания. Подобает вам неослабно страдати». Сам он мне о сем сказал и плакал горко. || Также сказал Павлу, епископу Коломенскому, котораго послежде сожег Никон и Даниилу, костромскому протопопу, сказал и братии всей. Мы же з Даниилом, написавше из книг о сложении перст и о поклонах, и подали государю, и он не веть***, где их дел, звать, что Никону отдал. А я у Неронова жил, когда он куды отлучитца, то я в церкви служил у Казанской. Тогда в церковь народу много приходило, для тово что я безпрестанно поучения в церкви читал. Жаловали меня в протопопы к Спасу вверх, да я не похотел.

л. 15 Об. Также абие изымал Никон протопопа Даниила, при государе главу остриг и содрали с него и однорятку, и сослал ево во Астрахань, возлож на н[ь] тернов венец. Там в земленой || тюрьме уморили. Также другова Даниила, протопопа темьнинскова****, взял и посадил у Спаса на Новом в тюрьму*****. Также с Неронова в церкви снял скуфью и сослал в Колской остров*****². Посем меня взяли от всенощнаго, а со мною взято из церкви

* Так в рукописи.

** В рукописи буква б исправлена из д.

*** Так в рукописи.

**** Так в рукописи, правильно темниковского.

*****-***** В рукописи против этой строки на поле слева помета зри.

3рн
Вторгѣ оуморили. Также днѣ
гова данила протопопи тем
не воста взы посадиа оуспѣ
наномомъ втюрмѣ. Также
внеронова вцркви еналъ сѣхъ
фль. и сослааъ веголскои
Острогъ. Посемъ меня вѣ
ли шъ всемоуцнато. а сомноу
взато и зъ цркви члнъ сѣхъ
тѣхъ вѣтхъ втюрмѣ посади
ли. а мене на патриарше дго
рѣ начепѣ. Повторъ вбачро
евъ митирь начепи втемь
нью полаткѣ посадили. втѣ
нотѣ три дни ни пилаъ ни елаъ.
молиаа втемнотѣ. втре
тии днѣ ввечеръ вцрквиности.
приае ко мнѣ. ни чагѣ ни ви
аггаъ. вѣлаъ меня зарѣкѣ
и прижеаъ клавки. и накорми
меня хачѣо иштами. а на
кормѣ вышелъ. двери нешъ
воралнса такъ же кагѣ и бо
шолъ. Гугъ меня вугобаре
влаъ архимандри збратіею.

«Житие» Аввакума по Барсовскому списку
(983.1), л. 15 об.

человек с 60, — тех всех в тюрьму посадили, а мене на Патриаршем дворе на цеп. Поутру во Андрон[ъ]ев монастырь на чеши в темную полатку посадили, — в темноте три дни ни пила, ни ела, молился в темноте. В третии день к вечеру в темноте прииде ко мне ни вим* — человек; ни вим — а[н]гел, взял меня за руку и привел к лавки, и накормил меня хлебом и штями, а накормя, вышел, двери не отворялися, так же как и вошел. Тут меня уговаревал архимандрит з братиею, || чтобъ я Никону покорился. л. 16
Четыре недели мене с чепью в церковь волочили, бют** топками*** и руками, и плюют на меня.

Таже взяли Логина, протопопа муромскаго. В соборной церкви при государе остриг во время обедни, в самой перенос снял патриарх у архидиякона дискос и поставил на престол, — а в то самое время стригли Логина. Однорядку и кафтан с него содрали, он же разжегся огнем божия ревности, обличая Никона, чрез порог во олтарь в глаза ему плевал, таже распоясался, скинул съ себя рубашку, во олтарь к Никону в глаза бро-

* Так в рукописи, слово над строкой.

** Так в рукописи.

*** Так в рукописи.

сил. И абие потащили Логина, чепь наложа, били метлами и шелепами до Богоявленскаго монастыря; тут нагова в полатку кинули. Ему же ||
4. 16 об. в той ноци невидимо шубу новую бог дал да шапку; и Никону о сем ска-
зали, он разсмеявся, рек: знаю де я пустосвятов тех.

В Никитин день ход был со кресты и меня взяли паки из монастыря,
и везли на телеги против крестов, и привезли к соборной церкви стрич[ь]
мене, и держали на пороге долго в обедню. Государь с места своего сошел
и приступил к патриарху, и упросил у него, кланяючися, чтоб не стригли.
И отвезли мене, не стригши, в Сибирской приказ. * Саватей, старец,
на Новом сидит в земляной тюрьме *. Из Сибирскаго приказу послали
4. 17 мене з женою и з детьми до Тобольска три тысящи верст, в пути многа
зла претерпели. В Тобольске мене архиепископ и к || церкви быть **
устроил, был я тут полтора года. Тут многа зла претерпел от злых
человек.

Таже пришол указ с Москвы сослать меня на Лену вдаль, для того
что я от писания укоряю Никонову новую веру. А в то время мор был
в Москве. Два брата у меня родныя в Москве умерли и з женами, и з детьми.
Фиял бог излиял за церковной раскол ***. Неронов прорек прежде мора
царю три пагубы: мор, мечь, разделение ***. Тако и быст[ь]. Таже другою
указ пришол с Москвы вести мене в Дауры в сылку двадесят тысящ далее.
И отдали мене воеводе Афанасию Пашкову, а Никон приказал ему меня
всяким образом мучить. Поехали из Енисейска судном. Тут потоп великой
претепели ****. ||

4. 17 об. Пашков велми лют до меня был. Я ево поучал от правил святых много.
Две вдовы ехали постритца в монастырь чужия, а он их хотел отдать
замуж, и я ево о сем поучил от писания. За сие мене перво сам бил по
щекам, збил с ног, таже чеканом по спине. А потом, разболочши, семде-
сят ударов³ кнутом полачь бил по той же спине. А я все молитву
творю ***** и прошу помощи от Христа [в] терпении *****, а не говорю,
государь, пощади, — так он пуцае на меня ярится. Таже я воскричал
на нево: «За что ты меня биеш? Ведаеш ли и сам?!» И он велел бить по бо-
кам, и пустили меня, я и упал, и велел меня в казенной дощеник отто-
щить. Привезли меня под порог Падуны реки. А сверху дощь и снег,
4. 18 а на мне на плечах накинуто кафта || нишко одно, льет по спине и по
брюху дождь, а из лотки высадили, по камению волокли скована, — нужно
было гораздо.

Привезли во Братской острог и посадили в тюрьму, соломки дали и
сидел в студеной башни, — бог грел и без платья! Мышей много, а я их
скуфьею бил, толко и оружья у меня было, — а то и баташка не дадут!
Таже превел меня в теплую избу, так я с оманатами да с сабаками зимо-
вал. А жена з детми верст 20 от меня была в пустом месте сослана. Сын
Иван прибрел ко мне от матери побывать, Пашков посадил в студеную
тюрьму, в тюрьме быть ***** измерз и отпустил ево паки к матери. По
Хилке реке заставил меня лямку тянут[ь]. Целое лето ход ею был. Тут на
4. 18 об. Хилке в третий я тонул. Барку оторвало от берегу, || мене с кормщиком и
понесло. А жена з детми на берегу остались.

Четвертой год уже изс Тоболска плавание наше. Платье, которое
было, от водяных потопов погнило, осталась однорядка у Маркавной,
не згнила, за нее 4 мешка ржи взяли, с травою едали и тем года з два
тянули. На Нерче реке з голоду много померло. Немногия с нами оста-

- Фраза осталась при изъятии текста о дьяке Сибирского приказа Третьяке Башмаке, впоследствии — старце Савватии, стороннике Аввакума.

** Так в рукописи.

- В рукописи против этой строки на поле справа тем же почерком зри.

**** Так в рукописи.

*****-***** В рукописи фраза написана на поле слева тем же почерком.

***** Так в рукописи.

лись, — едали траву, корения копали, кобылятину и волков мертвых, и прочих звероядину ели, и лисиц. И я сам, грешен, кобылятину и мертвечину всякую ел. Там у меня два сына з голоду умерли. Мне много помогала воеводьская жена да сноха его: присыловали, таино от воеводы, иное мучки, иное кусок мяса, а иное овсеца, иное колобок печеной, — ани мне духовныя дочери были. Сей нужи шест[ь] лет было. ||

Нужда до меня воеводе случися — две бабы ево дворовыя обосновались зело лихо. Чрез волхвов хотел их от бесов свободить, ино и пуще им стало. Призвал меня и просил, чтоб я об них порадел. Взял их я к себе. А у меня сие дело о бесноватых во искусе многажды бывало на Руси. Пост на них наложил и сам постился, молебен пел и маслом помазал и проч[ая] действовал над ними, и бабы божиею помощию целомудрены * стали. Я их исповедал и причастил, бабы и домов ** нейдут. Сведал воевода, что они у меня исповедовались, разсердитовал на меня: ты де мои тайны выведоваеш, хотел меня жжечь, а баб домой взял. И бабы у него пуще перваго бесноваты стали. Так он к ним призвал || чорнава попа, — так они по нем с печи поленьем бросают. Жаль мне их, а не знаю, что делать. Тайно послал к ним святыя воды, велел им умытца и испить; и их, бедных, Христос исцелил. Ко мне прибрели, и я их маслом помазал во имя Христово, паки стали здравы. Своеводьскою женою ⁴ съсору диявол сотворил. Занеможет сын у нея. Она кольдуна призвала, так ему и злее от колдуна стало, ногу и руку правую свело. Ко мне присылает, и я осердился на нея, отсылаю их: коли баба лиха, живи же одна с кольдунами. А младенец уже к смерти. Прислала ко мне младенца, прощения прося, что волхва призывала, и я ево покадя, маслом помазал и крестом благословил и, бог милостив, младенец здрав стал. ||

Пашков гнев имея на меня. Посылает он сына с казаками в Мунггалы воевать и заставил колдуна колдовать, что будет ли удача. Колдун взял борана, учал волфовать над бораном: стал ево вертет[ь], вертел ево и голову отвертел борану, и бросил на зем. Начал скакать и бесов призывать, много кричал. Таже ударило ево о зем и беси ево давили, и он выпрашивал у бесов, что удасться ли поход. И беси сказали, что с великою победою и добычею возвратятся. Пошли за добычею, — и ни един возвратился назадъ, — все побиты казаки. Толко один сын воеводской ранен ушол, лесами брел, иноземец вел ево. В пути были, заблудили, — сам сказывал воеводской сын, — тут де мне протосиггел Аввакум явился, благословил || мене и на путь вывел. А я о нем молился богу, чтобы бог ево помиловал в походе. Он до меня добр был и отцу своему многажды говаревал, чтобы мне скорби не чинил и кнутом не бил бы. И хотел ево отец за меня застрелить ис пищали, — многажды поднимал курок, да не выстрелила. А казакам я говорил, как пошли в Мулгалы ***, что вы все погибнете, и просил я господа бога, чтоб волфовское пророчество не збылося. А Пашков хотел меня пытать.

Много ево бог за меня наказывал, да не познался. В ворота на Шамском пороге ⁵ 40 дощеников все здорово прошли, а ево дощеник бросило на камень; 600 человек промышляли, а не могли вывести, — всех в воду сволокло. Он на берегу стоит, а жена в дощенике, а вода чрез дощеник бьет. Сын стал || говорить: «Батюшко, бог нас наказует за протопопа, что ты кнутом ево занапрасно бил». Он же рыкнув на Иерея сына, аки лев. Таже как Пашков в печали своей изрек, на стуле седя при реке, что я прогневал бога, занапрасно бил протопопа, а сам, плачючи, говорить сия. Абие дощеник сам въсплыл с камени, потянули, он и взошел на тихое место. Десят лет он мене мучил, — а всего 20 лет волокиты было. Указ пришел с Москвы — перемена ему. Он поехал к Москве, а меня с собою

* Так в рукописи, у Аввакума целоумны.

** Так в рукописи.

*** Так в рукописи.

по указу не взял. И я, спустя месяц после Пашкова, поехал с женою и з детьми. Едучи к Москве по градом, везде слово божие проповедовал, обличал никониян. Из Даур три года ехал, а в Дауры 5 лет.

л. 21
об. А к Москве || приехал, у государя в руке * был и от государя слова милостивыя были ко мне, и поставил меня в Кремле на подворье Новодевичье, и в духовники мене звали. А все сие творили, чтобы с ними в вере соединился. Мне в Tobолску в тонце сне глас бысть страшен: «Блюдиися от мене да не болма ** от мене растерзан будеши!» Я вскочил во ужасе и пал пред иконою, моляся. Был я в заутрени в соборной церкви в Tobолске на именины царевной со воеводами, а к обедни не пошел и проч[ая].

л. 22 А. Приказал государь Родиону Стрешневу мене уговаривать, чтоб я со вселенскими соединился и умолчал, а я ему челобитную подал о старом благочестии, чтобы взыскал. Оттоле государь на меня стал гневен и власти, что я не молчу, обличаю. И послали мене паки в сылку || на Мезень с женою и с детьми. А я, едучи по городам, людей божиих учил, а их обличал.

л. 22
об. Полтора года прошло, паки взяли мене к Москве, два сына со мною съехали. Привезли к Москве и стязание многое было у мене с Павлом Крутицким. Таже послали мене с Москвы в Пахнутьев монастырь под начал. Власти жалилися государю, что протопоп церкви запустошил. Мне о том выговор был от государя: слушав моих поучении и обличении на них, мнози в церковь ходить перестали божии раби. В Боровске на чепь посадили меня: соединиися де с нами. Тут я написал скаску и послал к Москве с великою укоризною и бранию; 6 недель ⁶ сидел, паки взяли к Москве. В Крестовом *** власти стязалися со мною. || Таже ввели мене в соборную церковь и стригли нас с Феодором дьяконом пред народом и проклинали, а я их проклинал и дьякон такоже; по переносе мене стригли и бороду обрезали.

л. 23 А. Остригши, на Угрешу к Николе свезли не дорогою, но болотами от народу. Тут меня держали 17 недель и присещение божие тут ко мне было. И государь приходил, — около моей темницы походил и постонал, и с монастыря пошел, — жаль ему мене было. А в то время как меня стригли, у государя с царицею сверху неладно было, — она за меня стояла, а потом и от казни отговорила. И Воритынской князь Иван мене посетил, поплакал, на темницу взирая, а ко мне не впустили в темницу.

л. 23
об. Бояре все до нас были добры. Хованскаго князя || Ивана и батажьем били за благочестие, а Салтыкова сына сожгли ?. Боярыню Феодосию разорили и сына ея Ивана уморили, а сестру ея Евдокию, меншую, от мужа и от детей разлучили.

л. 23
об. **** У Газьскаго митрополита табаку 60 пуд выняли да дому, и другия вещи зазорныя монастырския, у них ети были игратели и тютюнники первыя любимыя законоучители ****. В Пахнутьеве монастыре блиско году в тюрьме держали скована. У келаря просил я на светои недели, чтоб для праздника двери в темницы приказал отворить, а я бы на пороге посидел — не учинил милости. И бог ево так за немилость в понедельник на святой наказал, что вмале не умер был ***** — исповедовали и причащали.

л. 23
об. А я не ведаю сего. Во вторник пришел ко мне благодарить мене: || ты де мене, пришед в светлых ризах, кадил и за руку взял, и от болезни свободил. И прощения просил в немилости своей. Мне он сказывает, что я приходил, и я дивлюся и не ведаю. А келейник сказал келарской: «Я тебя, батюшка, ис кельи и под руку вел». Посем спрашевал у меня келарь той:

* Так в рукописи.

** Так в рукописи.

*** Так в рукописи.

****-**** Фраза относится к келарю Пафнутаева монастыря, о котором речь идет ниже; может быть, в протографе она была на поле.

***** В рукописи слово написано над строкой.

или де мне, батюшко, покинуть все и в пустыню пойти. И я ему не велел келарства покидат[ь], но втайне держат[ь] предание отеческое.

Ис Пафнутьева по указу паки к Москве в Чюдов привезли. Тут пред вселенскими от писания много разговоров было. Сказали мне вселенския: «Почто ты упрям? Наша вся Палестина — сербы, албанасы, волохи, римляне и ляхи — трема персты крестятся. || И я им отвечал: «Вселень-^{л. 24} стии учителяе! Рим давно отпал и ляхи с ними, враги быша христианом. А и у вас православие стало пестро от насилия турскаго, — да и дивит[ь] на вас нелзя — немощни стали. Да и впред[ь] приежжаєте к нам учитца. У нас государь благочестивой и православие чисто и непорочно. Никон, волк, предал трема персты креститися». Тут я писание привел отцев святых Феодорита, Мелетия, Петра Дамаскина, Максима Грека и московской собор, на нем святягы были, имена их положил знаменосиця, и соловецких, и Филиппа. — Они так нам предали креститися двема персты.

И патриарьхи вселенския задумалися. А наши и почали власти отцов святых укорять: наши де отцы глупы были, грамоте не умели, || чему де им верить. И мне о сем горко стало, побранил их сколько мог и рек им последнее слово: «Чист есмь аз и прах прилепшии от ног моих оттрясаю пред вами». Так на меня закричали: «Возми, возми, всех нас обезчестил!» Бить меня стали, — и патриархи сами бросилися, — человек 40 били меня. И я закричал: «Не бейте!» — И они отскочили. — Так я стал патриархом чрез толмоча говорить: «Тако ли патриархом подобает творит? Как апостол пишет?» — Так они сели. А я отшед ко дверем да на бак * повалился, а сам говорю: «Вы посидите, а я полежу!» — Так они смеются: дурак де протопоп и патриархов не почитает. И пришли власти, почали ко мне говорить обь аллилуии, и я Дионисием Ареопагитом || посрамил ту римскую ложь, и посадили меня на чепь.^{л. 24 об.}

Таже государь прислал полуполковника и повезли меня на Воробьевы горы, тут же Лазаря, романовскаго попа, старца Епифания соловецкаго, остриженных и обруганых. А дале нас перевели к Николе на Угрешу. Тут государь ко мне присыдал полковъника благословения ради. Потом в Москву паки брали нас и взяли у нас о правоверии скаски. Потом присы-^{л. 25} ланы были от государя комнатныя люди ко мне, говорили государевым словом: ведаю де я твое непорочное житие и богоподржателное, прошу благословения и молитвы о нас, кланяючися, от государя посланныя выговаривали. Просил государь мене: пожалуй де, послушай, соединися со вселенскими, || хотя в малом чем. И я сказал им: «Аще и умрети ми, со от-^{л. 25 об.} ступниками не соединюся! Они, латыши, потеряли своего царя да сюды приехали тебе проглотить. Ты мой государь, а им до тебя какое дело?» Последнее слово государь приказал: где де ты ни будеш, не забывай нас в молитвах своих.

Потом сослали нас в Пустоозерие. И я ис Пустоозерия государю два послания послал кое о чем и богознамения некая, показанная мне в Пустоозерской темнице; и от Лазаря попа государю послано два послания: одно государю, а другое патриарху. И за вся сия присланы к нам на Мезень гостинцы. — На Мезени в дому моем двух человек повесили Феодора юродиваго да Луку Лаврентевича, детей моих Ивана с Прокофьем хотели || повесить; и они, бедныя, испужав **, покорилися.^{л. 26}

Тогда у нас присланой полуголова стрелецкой скаску взял, что мы предание святых отец держим, а Паисея, патриарха, с товарищи еретическое соборище проклинаем. Абие привели нас к плахи, наказ вычли и прочет, мене отвели, не казня, в темницу. Лазарю, попу, вырезали язык из горла, он в то время без языка и говорить стал. А дале *** на плахе правую руку по запястие отсекли, — тая рука отсеченная на земли знамение по преданию

* Так в рукописи, у Авакума бок.

** Так в рукописи.

*** В рукописи на поле справа вместо этого слова другим почерком потом.

святых показывает, за что страждет. На Москве у него резали язык и тогда немного языка остаток был, а ныне в другой весь без остатку вырезан, а говорить чисто, а по двух летех паки язык выросл совершенной, какой а. 26
об. отроду был у него. Потом || у Епифания, старца пустынного, язык вырезали весь, а руки отсекли 4 перста. Перво говорил гугниво, таже молил пресвятую богородицу и показаны ему быша на воздухе два языка, он же един язык взял и в рот себе вложил, и абие чисто и ясно говорит[ь] стал. * Ему же и руку поперек ладони отсекли, и рука стала здорова *. Таже посадили нас во острог, окопали землею струб и паки другой струб около окопали также землею, за четырма замками нас стражие стрѣжаху.

Простите, аз неучка, неучен риторики и философии, а разум Христов в себе имам. Еще вам о себе повем, за что мой дом наказан бысть. Духовник а. 27
царев Стефан Вонифантиевичь благословил мене образом || Филиппа, митрополита, да книгою Ефрема Сирина, а велел мне ползовать себе и люди. А я презрел отеческое повеление, ту книгу брату на лошадь променил. У мене в доме брат родной во дъчьках — лошадь кормил и поил, — Ефимом звали — и об лошади так прилежал, что многожды и правила презирал. И виде бог, яко мы з братом не по истине ходим, и отцеву заповед[ь] преступили, — беси по ночам стали мучить, всегда мокра лошад[ь]. Думаю я: «Чего ради так?» В неделю в заутрени брат мой говорил «Блажени непорочнии кафисму» и абие вдруг обесновался, кричит, — бес ево стал мучить жестоко, что не могут его люди удержатъ, о землю бьется. Плачут все о нем домашния. Аз же помощию божиею не смутихся, испытую вину:

а. 27
об. «Коея ради вины || над братом сие бысть?» И аз начал молитвы Василиевы читат[ь], и пришла речь: «Аз ти о имени господни повелеваю, душе немьи и глухий, изыиди!» Бес не слушает, я паки ту же речь, бес не слушает. А дале покадил образы святых, также и беснова, а сам пал на лавку, со слезами и с рыданияем просить стал господа и почал в третие чести ту же молитву Василиеву «Изыиди от создания сего». И абие бес брата в колцо согнув, изышел из брата и сел на окошке. А брат мне указывает на беса, так я тут водою святою покроплю, и бес вскочил в жерновный угол, а брат указывает, а я и там покропил, бес на печь пошел, а брат показывает, я и там покропил, бес пот печь пошел, брат указывает, я уже под печь не пошел

а. 28
об. за ним. Напоил брата водою святою, брат оздравел, рече || ко мне: «Спаси бог тебе, батюшка, что меня отнял у царевича и двух князей бесовских, будет тебе бить челом брат Аввакум за твою добродетел[ь]. Мене беси водили подле реки Сундуви ** и били, а сами говорят: «Нам ты отдан за то, что брат твой на лошадь променил книгу, а ты лошадь любишь, чтобы брат твой книгу назадъ взял». И я говорю брату своему: «Я брат твой Аввакум». Он отвеща мне: «Какой ты мне брат? Ты мой батька, ты мене от двух князей бесовских избавил, а брат мой живет на Лапатицах, станет тебе бить челом». Таже пошел я в церковь заутреню петь и без мене паки на брата беси напали, толко полегче перваго; и я пришел из церкви, маслом его посвятил, и паки беси от него от[ъ]идоша. Дондеже я книгу || назадъ взял, дотоле беси труд чинили брату. Ездил я к другу своему Иларрону, что кой ныне архиепископ Резанской, — он просфиру вынял за брата. Он тогда к нам добренек был и жил подвижно. И другим духовным бил челом о брате, чтоб помолилися.

Прежде как я на старыне был, пошел я нощию в церковь за книгою. Пришел на паперть, тут столик малинкой стоял, — я иду, а он скачет. Я приступя, не спужался, крестом осенил, столик стал по старому. В церковь вошел, — в церкви мертвец принесен, в гробу непогребен начевал. Накрышка вдруг з гроба сскочила, саван на мертвце шевелится. Я не спужался, познал, что бесовское действо, приступил ко гробу а. 29 и осенил крестом мертваго, и бысть по-прежнему. Я во олтарь || вошел, по-

- Фраза осталась при изъятии текста о «казни» дьякона Федора.

** Так в рукописи.

целовал престол, глежю — ризы и стихари с места на место летают. Я их осенил крестом, пощупал рукою, — они по старому на своем месте висят.

А другия повести ниже положены будут.

В нашей России во 162-м году за месяц перед мором Волгою рекою Сибирской архиепископ Симеон плыл. В полудни тма стояла часа с три перед Петровым днем, за две недели, солдце* померче, — от запада луна подтекла. Архиепископ, у берега стоя, зря затмение солнца, плакал. В то время пременили веру и законы церковныя, того ради бог || излилял фиял на Русскую землю, — zelo мор велик был. Потом минуло 14 годов, солнце затмилося в Петров пост, в пяток, в 6-м часу дня, — луна от запада подтекла. В то время стригли с протчими протосингела и на Угрешу бросили в темницу.

** Родом из Нижегородских стран **, в селе Григориеве, попов сын; мать меня учила страху божию. А когда в попех был, а потом и в протопопах, не почивая, в церквах и в домех, и в путех, по градом, и селом, и в царствующем граде, и в сибирских странах учил и проповедал слово божие, лет с полътрет[ь]ятцать сему. Некогда пришла ко мне девица на исповедь, многими грехми отягчена блудными и малакиєю; подробну, плачючи, мне сказывала в церкви пред евангелием. Аз же, окаянный, слыша сия, || сам разжегся внутрь огнем блудным и горко мне стало. В той час зажег три свечи и прилепил к налою, и возложил правую руку на пламя, и держал, дондеже во мне угасло разжение и, отпустя девицу, в дом пришедши, плакал горко пред образом господним, и просил господя, чтобы меня свободил бог от детей духовных, понеже бремя тяжко не могу носить ***.

Примечания: ¹ В сельце Лопатицах Нижегородского уезда Закудемского стана в вотчине стольника П. В. Шереметева (ЦГАДА, ф. 1209, 1649 г., кн. 296, л. 471). ² Дано верное указание места ссылки протопопа И. Неронова — Кандаляжский монастырь на Кольском полуострове («Записка о жизни протопопа Ивана Неронова с 1653 по 1659 гг.» — «Материалы. . .», т. I, стр. 136). В краткой редакции «Жития» (и в автографах полной и пространной) Аввакум ошибочно называет «Колской острог» (РИБ, т. 39, стб. 16, 97, 169), расположенный в г. Кола. ³ В трех редакциях «Жития» и в первой челобитной царю Алексею Михайловичу — «семьдесят два удара» (РИБ, т. 39, стб. 23, 104, 177, 726). В челобитной царю Сибирского архиепископа Симеона (1658 г.), написанной по получении письма от Аввакума, — «ударов с шездесят» (А. К. Бороздин. Протопоп Аввакум. Очерк из истории умственной жизни русского общества в XVII веке. СПб., 1900, Приложения, стр. 117). ⁴ В редакциях «Жития» говорится, что ссора произошла у Аввакума не с женою воеводы А. Ф. Пашкова, а с его снохою Евдокией Кирилловной (РИБ, т. 39, стб. 33, 112, 186). ⁵ Этот случай имел место не на «Шамском пороге» (современное название этого порога р. Ангары — Шаманский), а на Падуне-пороге (РИБ, т. 39, стб. 36, 115, 189). ⁶ Во всех редакциях «Жития» — «десеть недель» (РИБ, т. 39, стб. 51, 122, 198). ⁷ Известно, что сожгли приверженца Аввакума в Москве Исайю, дворового человека боярина Салтыкова (РИБ, т. 39, стб. 55; 249).

* Так в рукописи.

*** В рукописи на поле справа против этих слов киноварью Аввак[ум].

*** В рукописи тексты на лл. 31 об.—32 об. помещены после «Жития» Епифания.

ОПИСЬ НОВИКОВСКОГО СЕЛА АВДОТЬИНА

В 1792 г.

Опись с. Авдотьи́на, имения выдающегося русского просветителя Н. И. Новикова, находившегося в Бронницком уезде Московской губернии (примерно в 80 верстах от Москвы), была составлена после того как он по приказу Екатерины II был арестован, а затем без суда брошен на 15 лет в каземат Шлиссельбургской крепости. Одновременно с арестом были конфискованы его типография, книжная лавка и склад, где находились десятки тысяч изданных им книг. Искусственно был создан огромный долг, который каждый месяц возрастал за счет процентов. Создав его, Екатерина распорядилась в целях погашения взять под опеку все недвижимое и движимое имущество Новикова, а доходы с с. Авдотьи́на использовать на уплату процентов. Опекунами были назначены брат Новикова Алексей, совладелец имения, и советник московского уголовного суда полковник Д. А. Олсуфьев, осуществлявший в апреле 1792 г. обыск в Авдотьи́не и арест Новикова.

Цели составления описи предопределили ее характер и содержание. Описывалось все, что представляло какую-то материальную ценность, начиная от земли и крестьян и кончая цветочным горшком и дверной ручкой. Составителей описи интересовала только материальная ценность, поэтому в ней не нашло отражение многое из того, что представляло бы для нас первостепенный интерес. Так, например, из описи следует, что комнаты новиковского дома были расписаны, но что это за роспись, каковы ее сюжеты, кто ее выполнял — не известно. В доме было огромное количество портретов, эстампов, силуэтов, но опись зафиксировала лишь их число да характер рам (золоченые, бронзовые, простые деревянные, наличие стекла), а также наличие значительного числа рабочего скота, сельскохозяйственных орудий, значительных хлебных «магазинов» (складов) в хозяйстве Новикова, но вынудила ограничиться догадками и гипотезами относительно того, что из себя представлял способ получения ренты в этом хозяйстве, на каком труде осуществлялось его ведение и по целому ряду не менее важных вопросов.

Но несмотря на недостатки, обусловленные целями составления описи, она представляет собой документ исключительной важности и интереса. Благодаря описи мы получили возможность отчетливо представить себе Авдотьи́но XVIII в., в котором почти 40 лет прожил, умер и похоронен Н. И. Новиков. Полтора века спустя после смерти Новикова мы воочию можем представить себе его усадьбу, дом, обстановку дома, уклад авдотьи́нской жизни. Несмотря на односторонность хозяйственных сведений, они отчетливо свидетельствуют о попытках Новикова осуществить определенную рационализацию сельского хозяйства, ввести усовершенствованные орудия труда, наладить обработку сельскохозяйственного сырья. Наконец, данные описи убедительно показывают, что накануне ареста Новиков осуществлял в Авдотьи́не большое строительство, что тогда же строились знаменитые «каменные избы» Новикова — каменные дома для всех авдотьи́нских крестьян, причем каждая семья получала помещение около 150 кв. метров с печью, остекленными окнами, подсобными помещениями. В этих «каменных избах» и сегодня живет большая часть потомков новиковских крестьян. Опись впервые сообщила нам чрезвычайно важную деталь о постройке этих «каменных изб»: оказывается, к моменту ареста построено было лишь 4 избы, следовательно, остальные были построены Новиковым уже тогда, когда он вернулся из крепости, когда он был больным и разоренным человеком, которому каждую минуту грозила продажа его имущества с торгов. Это добавляет новые важные черты в благородной деятельности Новикова. О попытках Н. И. Новикова практически воплотить в жизнь свои просветительские идеи в Авдотьи́не позволяет говорить невиданное количество скота у авдотьи́нских крестьян, его деятельность в голодные 80-е годы, когда он буквально спас от смерти не только авдотьи́нских, но и тысячи других крестьян Подмоскovie.

Опись Авдотьи́на обнаружена В. П. Гурьяновым в Государственном историческом архиве города Москвы в фонде Приказа общественного призрения. Она занимает

24 листа, исписанных с двух сторон. Разные части описи составлялись разными писцами. Она скреплена по листам и подписана по доверенности Олсуфьева коллежским секретарем П. А. Алексеевым, по доверенности А. И. Новикова лекарем Р. Г. Градовским, а также секретарем Никитского уездного суда П. Я. Протопоповым и «благородными дворянскими свидетелями» — прапорщиком московских гусарских лейб-гвардии эскадронов И. Соколовым и провинциальным секретарем А. Медведевым.

При публикации опущен раздел «Разные книги» (лл. 116—120 об.), требующий специального изучения, так как этот раздел составлен наиболее неквалифицированно: как правило, отсутствует фамилия автора, не указывается место и год издания, очень неточно передано название книги. К тому же нам неизвестно, какая часть книг, находившихся в Авдотьино, была конфискована во время ареста Новикова. Первоначальное ознакомление с этим разделом описи позволяет сделать вывод, что в отличие от огромной библиотеки Новикова, находившейся в его московском доме, авдотьинская имела чисто практическое вспомогательное назначение. Из имевшихся в ней книг (262 названия, 608 томов) почти половину (93 названия, 290 томов) составляли справочники, словари, наставления, учебники, литература по сельскому хозяйству и доводству. В библиотеке была разнообразная историческая, политическая и юридическая литература (39 названий — 102 тома), художественная (52 названия — 68 томов), книги религиозно-нравственного содержания (37 названий — 83 тома) и, наконец, разнообразные книги на латинском, немецком и французском языках (45 названий — 70 томов), главным образом по медицине, химии и естествознанию.

При публикации все количественные данные даются цифрами (в описи в этом отношении единый принцип отсутствует).

Опись публикуется по «Правилам издания исторических документов в СССР» (М., 1969).

М. Т. Беляевский.

Опись селу Тихвинскому, Авдотьино тож, и всему в ней имеющемуся

Опись, учиненная имению порутчика Николая Иванова сына Новикова, состоящему Никитской округи в селе Тихвинском, Авдотьино тож, определенными опекунами полковником и Московской палаты уголовного суда советником Алсуфьевым и надворным советником Новиковым при секретаре Никитского уездного суда и при благородных дворянских свидетелях как недвижимому, так и движимому имению. Декабря 17 дня 1792 года.

Церковь каменная во имя Тихвинской богородицы с двумя пределами: 1—Алексея митрополита, 2—Василия Парисского, приходская.

1. Господской дом деревянной на каменном фундаменте и с каменными с обеих сторон крыльцами, обштукатурен снаружи и внутри и расписан, крыт тесом и выкрашен зеленою краскою. Длинною на 18 сажнях, поперешнику 3 сажени. В нем: покоев 14; буфетов 2, сеней 3, чуланов 2, еще на чердаке 3, печей израсчатых белых с синими цветами 4, каминов таких же 2, дверей столярных 15, простых 19, у дверей замков медных с ключами 7, да без ключей 6, железных замков с ключами 4, да без ключей 6, задвижек медных пар 12, железных 1, гардин затрапезных к окнам 9.

2. Другой дом деревянной же в 2 этажа на каменном фундаменте, обитой тесом, в нутре оклеян бумажками, покрыт тесом. Длинною на 9 сажнях, поперешнику 4 сажени. В нем: в низу покоев 6, буфет 1, сеней 2, да еще для зимы пристроены из тесу 1, дверей столярных 4, простых 7, замков медных с задвижками 4, железных 3, печей израсчатых белых с синими цветками 4, гардин затрапезных к окнам 9. В том же корпусе в верху покоев 3, сени с коридором 2, печей израсчатых белых с синими цветками 3, балконов 2, дверей столярных со стеклами 3, без стекол 4, простых 2, замков медных с задвижками 3, железных 3.

3. Тепличка каменная длиною 6 сажен, шириною 3 сажени, покрыта тесом и выкрашена зеленою краскою. В ней один простенок и 1 сени, дверей 3, печь кирпичная старая 1.

4. Скотной двор каменной длиною 45, шириною 40 сажен. На четырех углах в низу по 2 избы людския и по 2 сеней, в верху по 1 избе и 1 сеням, в каждых сенях по 1 деревянному чулану, да еще в низу по средине,

по обеим сторонам ворот по 1 избе, и того изб 14 и 3 ворот в него. Покрыт тесом и выкрашена крышка краскою. В оном же дворе: конюшня на 29 стойлов; каретной сарай, анбар для упряжки, ледник, молочник, погреб для кипятков, кладовая — всего 6; денников для скотины больших 11, малых 6 — всего 17; чуланов для людей каменных 20.

5. Рига каменная длиною $15\frac{1}{2}$ саж., шириною $8\frac{1}{3}$ саж., с обеих краев по каменному овину, каждой оvin длиною 6, шириною 4 сажени. У каждого овина по 2 двери створчетых железных с засовами, а в нутри по 2 кирпичныя печи, покрыта вся рига тесом, который и выкрашен краскою. Ворот у риги створчетых 10.

6. Мельница лошадиная испорчена, деревянная из горбылей. В ней 2 постава и 2 камня. Длиною 7 саж., шириною 4 саж. Покрыта тесом.

7. Магазин для хлеба деревянной длиною 30 саж., шириною 5 саж., в нем закровов больших и малых 71, ящиков 39. Покрыт тесом, который и выкрашен краскою.

8. Анбар деревянной старой о пяти стенах длиною 5 саж. и 2 арш., шириною 3 сажени, крыт дранью.

9. Сарай деревянной для сена длиною на 25, шириною на 5 сажених, в нем 8 дверей, крыт тесом и выкрашена крыша краскою.

10. Людская связь деревянная на каменном фундаменте длиною 14 саж., шириною 4 саж. и 2 аршина, в ней покоев 4, сеней 2, чуланов 2, крыт тесом и выкрашена краскою.

11. Другая связь деревянная ж и на каменном фундаменте длиною 7, шириною 3 сажени. В ней: кухня, приспешня, сени, чулан и голубятня на верху. Крыта тесом и крашена краскою.

12. Кирпичной завод в нем 2 печи. При нем изба на 4 сажених, квадратная, крыта дранью. Кирпича: обожженного столбового до 20 тысяч, обыкновенного 60 тысяч, сырцу 100 тысяч, плиток обожженных 30 тысяч.

13. Крестьянских каменных связей в 1 этаж 9. Каждая связь длиною на 16, шириною на $4\frac{1}{2}$ сажених, в каждой связи по 2 избы с перегородками и по 2 чулана в сенях. Из сих 4 связи отделаны совсем, а прочие как с наружи, так и внутри не отделаны еще и печей нет. Еще 1 корпус глаголем длиною на 13, шириною на 4 саж. В глаголе длины 6 сажени, ширины 4 сажени, в 2 этажа. В низу сени, 4 избы и погреб, наверху 1 изба с перегородкою и сени.

В господских покоех: образ Спасителей, на доске писанной, венец и поля серебряные и вызолочены; другой — на стекле в золоченых рамках; третий — овалной живописной в резных золоченых рамках; распятие Иисуса Христа за стеклом в золоченых рамках; богоматери, писанной на полотне, в золоченых рамках; св. Нилы Столбенского, писаной на доске;

эстампов разных в деревянных золоченых рамках за стеклами 8, в листах без стекол 48, сидетов разных в бронзовых рамочках за стеклами 9, в простых рамках 59;

портреты алебастровые круглые с бронзовыми рамками: 1. е. и. в., 2. е. в. великого князя наследника, великой княгини и обеих великих князей, всего 5; живописные великого князя и великой княгини в деревянных золоченых рамках 2; живописные портреты же разных господ в золоченых рамках 5; портретов миниатюрных в бронзовых рамочках 2; часы стенные в корпусе красного дерева и с бронзою 1, столовые с четвертьми корпус красного дерева с бронзою 1, другия без четвертей, футляр красного дерева сверху медная скоба 1, солнечные надворные медные 1;

барометр, термометр и гидрометр все в одном корпусе красного дерева 1, другой барометр на доске красного дерева 1, термометров надворных 2, горничных в футлярах красного дерева 2, дорожной в кожаном футляре 1; зеркал двухаршинных, из двух стекол составленных, в деревянных

золоченых рамах 4, овальных аршинных в деревянных же золоченых рамах 2, зеркало туалетное, у коего рама деревянная обложена тонким серебром, старое 1;

бюро красного дерева с тремя выдвижными столами, оклеенными сукном 1, с одним выдвижным столом с бронзою 1, малинькое с откидной полою, оклеенное сукном, 1, с откидным столиком, оклеенным сукном и с бронзою, 1; комоды обыкновенные о четырех ящиках с замками и скобками 2, шкатулка с замком нутреным и скобками 1;

столов круглых с полами 2, малиньких с полами же 3, для письма с винтом, оклеен сукном зеленым 1, ломберных 2, еще для письма складных с ящиками 2; фортопиано 1, канапе, обитое зеленою бомбою с 5 подушками той же материи, 1, обитое черным козлом с 4 подушками, 1, из простаго дерева, обитое зеленою бомбою с 2 подушками, 1, еще из простаго же дерева, обитых бомбою же зеленою, 2; кресел, обитых зеленою бомбою, 4, стульев, тою же бомбою обитых, 24, обитых лиловою бомбою 6, красною бомбою 12; канапе, обитое черною кожею, ветхое 1, обитых козлом черным 2; большие креслы обиты красным козлом 1; стульев, обитых черною кожею, 17, красною кожею 4; столов маленьких простых 3, штук столовых 5; кроватей двуспальных и односпальных 9, детских 4.

В гардеробе. Кафтанов суконных с стальными и тумпаковыми пуговицами 8, летних мухояровых 2, камзолов бархатных зимних 8, летних шелковых 7, канифасовых 3, исподняго платья шелкового черного 3, гаруснаго разноцветнаго 3.

Белья: сорочек полотняных 27, манжет разных 17, галстуков батистовых 18, кисейных 2, итого 20; платков носовых красных 13, белых 18, шолковых саржевых 4, зеленой тафтяной 1; чулков шелковых разных 24 пары, сапожных шелковых 7 пар, бумажных 7 пар, нитяных 7 пар, пеньковых 1 пара; полотенец полотняных 7, простынь полотняных же 5, наволочек полотняных 12; одеял аглицкаго стеганья 2, байковое 1, халатов из стеганья 2, занавес с кровати полуситцовой 1; батисту тонкаго штука пробита в трех местах 1, полотна галланскаго 3 штуки, канифасу бумажнаго 30 аршин без 2 вершков.

Белья столоваго: скатертей 12-арш. 1, 5-арш. 2, 8-арш. 1, старых 6-арш. 3, 4-арш. 2, всего 9; салфеток новых 72, старых расхожих 47, десертных гарусных зеленых с белым 2, голубых с белым 1, красная с белым 1, всего 4; белых тонких 7; пуховик двуспальной и под него матрац, другой пуховик односпальной [всего] 2; подушек пуховых 7, одеяло двуспальное тафтяное старое 1; мужских пуховых шляп 2 старые, дамския со стальною пряжкой 1 старая; трости с золотыми набалдашниками 2, с медным набалдашником и внутри удочка 1, палочка черного дерева с костяным набалдашником 1; 3 шолковых кошелька, 2 серебром и золотом вязаные, а третий простой; книжек записных софьяновых 2, по соломе шитых 2, по атласу 1, итого 5; запанки золотыя двойчатки с финифтью 1, лорнетов в черепаховой, а другой в перломутровой с серебром оправе 2, печать овальная в золоте 1, шпору серебряные 1; ножик аглицкой садовой 1, складной, черен перламутровой в футляре 1, перочинных 4, ножниц больших и малых 5, пряжек шлифных серебряных 1 пара, стальных 5 пар; свечных щипцов с серебряною насечкою стальных 2, таких же без насечки 9, орехи давить 2; безмен выдвижной стальной новой 1, аршин складной 1, костяной 1; сапогов аглицких смазных 1 пара.

Серебра: ложек разливных 8, соусных 16, столовых 60, десертных 26, чайных 36, ситечек чайных 2. Весу в них 24 фунта.

Аплике: чайник 1, кофейник 1, молочник худой 1, чайниц 2, сахарница 1, чашка полоскательная 1, стопочка для сахару с синим внутри стеклом 1, подсвечников двойных 2, одинаких 4, обыкновенных круглых и прочих всего 29 штук, чернильница с синим стеклом 1, весочки с фарфоровыми чашечками 1.

Хрустальной посуды: графинов для воды с гранеными пробками 41, водочных с медною золоченою оправою 2, куфшинчика 2, один зеленого, а другой синяго стекла, стаканов с резною каемкой 79, с серебряными краями 5, обыкновенных столовых 170, резных 3, на ножках с крышкою старинной 1, кружечка на ножках 1, рюмок разного сорта и величины 220, бакальчиков разных 17, чайник 1, формочек для желе 11, маслениц, сделанных из стекла с позолоченными краешками 2, горшочков с подонками для цветов 2, малинькие полуштофа росписные 2.

Столовой посуды фаянсовой: чаш суповых с крышками больших, средних и малых 6, для холодного с крышками ж 4, лимонатников 2, соусников 12, блюд разных сортов 14, латков 12, салатников 8, судочков для подливок 4, маслениц с крышками и подонками 4, соусниц 4, вазок для льду 6, корзинок на манер плетеных 6, солонок 10, тарелок глубоких и мелких 213, на манер плетеных 12, чайников росписных 4, молочников 5, чашек полоскательных 5, горшков под цветы 3, других с позолотою 2, горшков новых 6, чайников из красной глины 4.

Ножей столовых, черенки костяные с серебряною оправою 35 пар, к ним того ж сорта разбивных 2 пары, таких же без оправы 24 пары, к ним разбивных 1 пара, десертных того ж сорта 1 дюжина, с деревянными череньями полторы дюжины, к ним разбивных 1 пара; десертных того же сорту 12, с деревянными череньями 18; к ним разбивных 1 пара; подносов жестяных лакированных росписных 5, цветочников лакированных же под луковицы 6, кувшин под лаком 1, корзинка 1, ящичков для щипцов 4, простых жестяных чайников для воды 2, для чаю 5, шоколадников 3, кофейников 3, канфорок 2, кастрюлечек 2, сахарница 1, терка 1, ночников 5, фонарей со стеклами стенных 12. Оловянных блюд 2, тарелок 6, ложек 10, солонка 1, оловянная кружка 1, стакан 1, трубка клистирная 1, горшок весом в 6 фунтов, а всего 40 фунтов.

Медной посуды: кофейник 1, поднос 1, шандалов 21, тазов 11, кастрюличка для варенья, весы с медными чашами 3, к ним разновес разбивных медных $10\frac{1}{2}$ фунтов, чайников черных 2, самовар 1, кулган водяной, куб винной в 4 пуда, к нему труба, в ней 2 пуда, куб водочной, в нем 1 пуд 28 фунтов, другой весом в 15 фунтов, третий в $14\frac{1}{2}$ фунтов, к ним 2 медные трубы весом в 7 фунтов, а третья оловянная в $3\frac{1}{2}$ фунта, кострюлька для сливок, турецкая чашка, ведро винное в 8 фунтов, 4 крана от бани, труб медных от ванны 3, в них весу 28 фунтов, колокольчик 1, замков дверных 13, задвижек долгих 5, а средних и малых 25, полумедных больших, средних и малых 17 задвижек.

Поваренной посуды: кастрюль больших и меньших медных 15, блюд медных 2, котлов с крышками 2, да 1 без крышки, форма для мороженого оловянная, да для студни медная, трубка для узлов жестяная, чумичек медных 2, шумовка медная, секачек 2, скаварод железных 7, кочережка железная 1, листов для пирожного 3, таганов 2, полос железных для ставления котлов 2, вертель, ступа мраморная, котлов железных больших 3, из листового железа средних 3 же котла, котел чугунной вмазанной.

Разного железа: железа ломаного 18 пудов 30 фунтов, дверей и ставней старых железных 29 штук, дверь 1 прорезная чугунная, вьюшек чугунных с крышками 7, заслонок к вьюшкам 19, столбиков для укрепления балконов 10, втулок в колеса 10, рваней 42, коромыслов к весам с досками 2, гирь чугунных двупудовых 24, пудовых 4, полупудовых 10, десятифунтовых 10, пятифунтовых 3, тройников 2, двойников 2, фунтовых 2, полуосминник железной 1, четвериков железных 6, полу-четвериков 1, четвертка 1, гарец 1, листов железных кровельных 120.

Экипаж: коляска на ресорах, внутри обита белым сукном, так же и подушка, при ней 2 сундука с замками и ключ для колес, другая городовая малинькая на ресорах же, внутри она и подушка обита белым сукном, линейка большая на ресорах с дышлом, обита и подушка зеленым сукном, старая. Дрожки малинькие беговые на ресорах с кожаным

тюфяком, другия двуместные на ресорах же с тремя подушками кожаными, двуместные детские маленькие, кибитка большая старая, другая поменьше с окованными колесами. Возок зимний большой старый, сани розвальни с кибиткою. Телег с окованными колесами старых 6, тележных ящиков необитых 6, роспусков с неокowanыми колесами 4, да без колес 3, колес задних окованных старых 6, пошевной старых 10, дровней старых 5, да запасных колес новых 94, ободов колесных 700, колес маленьких к тележкам 25, спиц колесных 500.

Конская упряж: шор наборных старых 1 пара, хомутов парадных наборных 6 и 6 узд к ним, хомутов с медными на крыжках угольниками 6, хомутов у них клещи все старья 15, хомути новых 10, а прочие старые, подкладок новых 6, шлей новых 5, а прочие старые, к ним узд новых 5, хомутов с уздами старых 38, станков связанных, у коих клещи старые, хомутини все новые, подкладки все новые, гужи новые, крышек новых 8, а прочие старые, без шлей 12, узд выводных белых 24, в том числе 3 худых, трокров 16, недоуздов 2, седелок новых 13, старых 10, железных 5, к ним подпруг 15, чересседельников 25, седел замшевых старых 3, чепраков 1 зеленой плисовой, седел фореиторских 4, запасных стремян 5, хомути 15, удел 12, дуг старых и новых 40, попон порусиновых 26, кощун с кордою, скребиц и щеток конюшенных 5, пожницы конюшенные.

Разныя инструменты. Хлебопашенные: плугов аглинских 2, косуль однолемешных с лемехами и отрезами 36, двулемешных с лемехами и отрезами 11, станков косульных новых 4, баронов с железными зубьями 18, еще без зубьев 6, простых русских 18, кос сенокосных 43, молотков и бабок для отбивания кос 5, запасных к косулям лемехов одинаких 5 двойных 7 пар, отрезков к косулям длинных 7, с трубками коротких 6, сошников на русские сохи старых 11, на ярославские сохи новых 27, палиц железных старых 4, чугунных старых 14, серпов аглинских 40.

Садовые: лопаток железных старых 34, деревянных 5, заступов одних железок 9; граблей: одни железные, а у других только железные зубья 2, деревянных 5; каток чугунной 1, пилок для отпиливания сучков 2, борозников железных 3, вил железных тройчатых 3, грохот проволочной для сеяния земли 1, леек деревянных 6, рамок на парники, все ветхия и большая часть стекол разбито 150.

Колесные: лопатень роздвижной 1, большой простой 1, малой, край выломлен, 1, проходник 1, струг 1, скобель 1, пил в станках 2, разводков для точения ступиц 4.

Плотничные: топоров новых 10, пил продольных тес пилить 2, поперечных белых 5, черных 11, подпилков для точения пил 5, тесли большие 2.

Слесарные маленькие: тиски малинькие привертные 1, ручные 1, тиски 1, циркулей 2, вострогубцов 2, молотков разных 3, отверток 2, буравчиков разных 10, напилков разных 22.

Кузнечные: наковальня большая без носу 1, мехов 2, точило большое в кузнице 1, молот большой в 12 фунтов 1, досок винтовальных 2, метчиков 4, бородков 5, резец для расчистки лошадей 1, ножницы для резания листов 1.

Свечарные: трубок оловянных со шляпами новых 50, старых 98 [всего] 148, жестяных разных 300, решето проволочное для цедения сала 1.

Ткацкие полотняные: станов полотняных со всем прибором 3, к ним бордов двенатцатисотных 2, одиннатцатисотных 2, осмисотных 2, узких 4, медное одиннатцатисотное 1, а всех 11; редков, у одних зубья костяные, а у других дубовые 2, челноков 4, сновальня 1, шпулятник 1, колесо, на коем шпули мотают, а другое, что цевки мотают, шпуль 60, щетей, чем основу шлихтуют, 1 пара, самопрялок тульских 13, простых обыкновенных 18, машина, на которой тальян мотают, еще биорд серпяночных 2.

Ткацкие суконные: стан новой со всем прибором 1, к нему биорд железных 3, челноков пара, шкриоб 5 пар, маленьких 5 же пар, колес пре-

дильных с веретенами 9, маленькое шпули мотать 1, сновальня 1, шпулятник с 18-ю шпулями 1, станков, на коем шерсть чешут, 2, редки с деревянными зубьями 1, запасной к оному стану весь железной новой прибор.

Пожарные: труба пожарная малинькая из листового железа старая 1, багор 1, крюк 1, ухват 1, всего 3 штуки.

Разные инструменты: станок для резания сечки аглинской, выкрашен зеленою краскою 1, станок русских простых с резцами, худые 2, машина подсевать хлеб 1, веять хлеб попорчеая 1, выдергивать пни с двумя подъемами, у коих концы железные с крючьями, да еще цепей 2 и 2 шворня, 1, цепь землемерная 1, молотов или кулаков больших 6, ломов 3, пешен 10, лопаток железных глину долбить 4, большая кочерга на обе стороны 1, кочерг печных 2, блок чугуной большой с железною петлею 1, деревянной с такою же петлею 1, домкрат для поднимания карет 1, точило большое на железном крюке 1, машина для битья коровьего масла 1, баба чугуная для колочения свай 1.

Разные вещи: ковров разноцветных 4, попонных простых 4, ширмы росписные холстиные простые 4, гардин к окнам затрапезных 2, иготь серпентинная с пестиком 1, балконных зонтиков парусинных, выкрашенных зеленою краскою, 21, стекол оконных 10-вершковых 80, замков железных дверных новых 4, да 1 без ключа старой, всего 5, к ним задвижек железных больших, средних и малых 52.

Кожи деланные и неделанные: кож юфтовых коровьих выделанных 5, опойковых черных 4, белых 2, итого 6, козлов казанских 10, ягнячьих 76.

Посуды деревянной: чанов дубовых для солонины 2, средних 2, пивных сосновых 2 [из них] 1 худой, кадучек дубовых больших, средних и малых 54, бочек с железными обручами 7, с деревянными обручами 60, ушатов 10, бадей с железными обручами 2, ванна из досок столярной работы, внутри обита жестью, ящиков 2, внутри обиты жестью, в кладовой ларей с крышками 2, сундуков, обитых железом, старых 2, каретных обитых кожею 2, простой, выкрашенной синею краскою, с нутряным замком; шкапов разных старых 4.

Лесу, заготовленного для столярной работы: тесу владимирского 10-аршинного 200, обыкновенного 300, досок дубовых 3-аршинных 400, сосновых полковых и полуполковых 6-аршинных 100, липовых 3-аршинных 100.

Полотен белых тонких длиною по 25 аршин, шириною в 5 четвертей самопрядочных 2 холста, такой же ширины и меры из оброчной пряжи 3, потонее, 5 поровнее, еще равнее 2, всего 10 холстов; длиною по 26 аршин, шириною в аршин 2 холста, суровых, длиною по 24¹/₂ аршина, шириною 5 четвертей из оброчной пряжи 2 холста.

Шерсти мытой старой с кулем 20 пудов, поярку с кулем 15 пудов, шерсти, не совершенно высохшей, 15 пуд.

Пчолы: роздано крестьянам из полу господских пчол 32 улья.

Разнаго скота. Конюшенные лошади. Жеребцы: 1) гнедой, грива налево аглицкой 10 лет, 2) бурой, проточина во весь лоб, левые обе ноги по щотку белые 10 лет. Мерены: 3) чалой, грива на лево 8 лет, 4) караковой, во лбу звезда, грива на право 7 лет, 5) караковой, грива на право толстой 7 лет, 6) темнубуланой, во лбу проточина, грива на лево 7 лет, 7) вороной без примет, грива на лево 7 лет, 8) гнедой во лбу звезда, правая задняя нога по щотку бела, грива на лево 8 лет, 9) гнедой, новочистой во лбу звездочка, задняя нога левая по щотку бела, грива на право, 5 лет, 10) вороной без примет, грива на право, косматой 8 лет, 11) буланой, во лбу маленькая звездочка, все 4 ноги белые, грива на право 10 лет, 12) буланой, во лбу маленькая звездочка, грива на лево 10 лет, 13) буланой, ухо резано, на правой бедре тавро «Ф», грива на право 10 лет, 14) светлогнедой, во лбу маленькая звездочка, на правой стороне возле гривы подпарина, грива на лево, 8 лет; 15) серой с яблоками, грива на право,

7 лет; 16) вороной, новочистой, без примет, грива на лево, 5 лет; 17) рыжий, проточина во весь лоб, грива на право, 10 лет; 18) бурой, во лбу звездочка, грива на лево, 10 лет.

Рабочие лошади. Мерены: 1) рыжей, во лбу маленькая звездочка, с сединой, левое ухо порото, 10 лет; 2) игрений, морда посветлее, грива на право, 10 лет; 3) гнедой, грива на лево, 10 лет; 4) рыжий, во лбу звезда, на гриве и на холке бело, 10 лет; 5) бурой, проточина во весь лоб, на левой бедре клеймо Г, 10 лет; 6) гнедой, задние ноги по щотку белы, грива на лево, 10 лет; 7) саврасой с подпаринной, грива на лево, 9 лет; 8) вороной, правое ухо порото, на носу маленькое седое пятнушко, грива на лево, 7 лет; 9) рыжей, на верхней губе пятно белое, на холке седина, грива на лево, 8 лет; 10) вороной, во лбу звезда, на правой бедре клеймо А. С, грива на лево, 8 лет; 11) карей, грива на лево, 10 лет; 12) карей, правое ухо порото, а левое вырезано, во лбу и на груди звездочка, грива на право, касой, 9 лет; 13) карей, правое ухо порото, а левое закорючилось, на левом плече клеймо S, грива на лево, 9 лет; 14) серой, грива на право, 10 лет; 15) рыжий, правое ухо порото, на холке седина, грива на лево, 10 лет; 16) сворасой, задняя левая нога повыше щотки белая, грива на лево, 10 лет; 17) рыжий, с подпаринной, на шее и под хвостом седина, грива на лево, 10 лет; 18) рыжей, во лбу звездочка, лопоухой, грива на лево, 10 лет; 19) сварасой, во лбу звездочка, правое ухо порото, грива на лево, 10 лет; 20) серой, малинкой, грива на право, 10 лет; 21) гнедой, правое ухо порото, на спине подпарина большая, грива на право, 10 лет; 22) бурой; правое ухо вырезано, грива на обе стороны, 10 лет; 23) рыжей во лбу звездочка, грива на лево, 10 лет; 24) серой, грива на лево, 10 лет; 25) вороной, новочистой, грива на обе стороны, 4 года; 26) карей, с буланью, во лбу звезда, грива на право, 4 года; 27) серой слепой, 10 лет.

Кобылы: 1) бурая, во лбу звезда, на левой бедре клеймо XIII, 10 лет; 2) бурая, грива на право, 9 лет; 3) гнедая, на брюхе пятнушки белые, грива на право, 8 лет; 4) караковая, на правой бедре клеймо ПВ, 9 лет; 5) бурая, на левом глазу бельмо, во лбу звезда, грива на лево, 10 лет; 6) игренняя, во весь лоб проточина, грива на обе стороны, 8 лет; 7) вороная, на груди шишка, грива на обе стороны, 10 лет; 8) вороная, дочь № 7, грива на обе стороны, 9 лет; 9) буланая, на правой бедре клеймо, грива на право, 8 лет; 10) вороная, во лбу звезда, передние ноги по щотку белы, грива на обе стороны, 8 лет; 11) вороная, на левой бедре клеймо Н. С., 10 лет; 12) темносерая, грива на право, 10 лет; 13) белая, грива на обе стороны, 9 лет; 14) гнедая, во лбу звезда, задняя левая нога по щотку белая, на левой бедре X, 10 лет; 15) гнедая, грива на лево, на левой бедре клеймо Т, 8 лет; 16) карая, во весь лоб проточина, правая ноздря белая, грива на лево, 10 лет; 17) вороная, во лбу звезда, грива на обе стороны, 10 лет; 18) белая, морда пегая, правое ухо порото, грива на лево, 7 лет; 19) серая, грива на право, 10 лет; 20) сварасая, со обеих сторон подпарина, грива на лево, 10 лет; 21) вороная, грива на право, 10 лет; 22) сивожелезая, на левой бедре клеймо Л, 6 лет.

Жеребята. Жеребчики: 1) светлогнедой, грива на право с отметом, 4 года; 2) вороной, во лбу звезда, грива на обе стороны, 4 года; 3) темногнедой, проточина во весь лоб, задние ноги по выше щотки белы, грива на право, 3 года; 4) темногнедой, во лбу самая маленькая седая звездочка, грива на лево, 3 года; 5) темногнедой, правая задняя нога по щотку бела, грива на лево, 3 года; 6) караковой, левая задняя нога под щоткою бела, грива на обе стороны, 3 года; 7) бурой, во лбу звезда большая, грива на лево, 2 года; 8) чалой, хвост с репицы белой, обе задние ноги и правая передняя по щотку белы, грива на лево 3 года.

Кобылки: 9) бурая, проточина во весь лоб с перехватом, у щоток задние ноги с сединами, грива на право с отметом, 4 года; 10) караковая, грива на лево с отметом, 4 года; 11) карая, грива на лево, 4 года; 12) карая, во лбу звезда, грива на право, 3 года; 13) гнедая, грива на лево, 3 года;

14) буланая, задняя правая нога по щотку бела, грива на право с отменом, 3 года;) 15) гнедая, грива на лево, 2 года; 16) белая, грива на лево, 2 года.

Рогатый скот. Быки не кладеные: 1) черноседой, доморосченой из голландских, 5 лет; 2) рыжей из голландских, 3 года; 3) темноседой, голова пестрая, 2 года; 4) рыжей из холмогорских, 2 года.

Бычки кладеные: 1) рыжей, пестроголовой и пестроногой, 3 года; 2) чернопегой, голова вся белая, 2 года; 3) черной весь, 2 года; 4) желтопегой, глаза желтые, на морде 5 черных пятнушек, 2 года; 5) черной, белоголовой, под брюхом бело, 1 год; 6) русской чернопегой, голова бела, уши черные, морда мясо черное, 2 года.

Коровы от голланских: 1) рыжая без примет, 6 лет; 2) черная пестроголовая и пестробрюхая, кончик леваго рогу отломан, 9 лет; 3) рыжая, пестроголовая, правой рог сшиблен, 7 лет; 4) рыжая, белоголовая, глаза и морда желтые, 5 лет; 5) рыжая белоголовая, один глаз желтой, 5 лет; 6) рыжая без примет, 4 года; 7) рыжая белоголовая, брюхо, спина и хвост белые, 4 года; 8) пестрая, пестрины черные, 3 года; 9) черная, во лбу звездочка, 3 года; 10) рыжепестрая, 3 года; 11) черная без примет, 3 года; 12) рыжая, пестрлобая и пестробрюхая, 7 лет.

От черкасских: 1) белая, черноголовая, кончики у рог пилены, 6 лет; 2) белая, голова желтая и по ней яблоки желтые, 5 лет; 3) белая, пестроголовая, пестрины черные, 6 лет; 4) белая, с черными малинькими пятнами, рога пилены, 6 лет; 5) бурая, белопалая, 6 лет; 6) белая с черными яблоками или чубарая, 4 года; 7) бурая, 6 лет.

Коровы русские: 1) черная белоголовая, конец хвоста бел, 4 года; 2) белая, по всей пятны рыжие, уши рыжие, морда и глаза рыжие, 4 года; 3) черная без примет, 4 года.

Телицы из голланских: 1) черная, белоголовая, оба глаза черные, 2 года; 2) рыжая, пестроголовая, брюхо белое, 2 года; 3) рыжая, пестроголовая, под брюхом бело, уши рыжие, 1 год; 4) черная без примет, 1 год; 5) черная, белоголовая, уши черные, глаза черные, грудь белая, задние ноги по выше бабки белы и конец хвоста бел, 1 год; 6) черная, белоголовая, оба глаза черные, передние ноги выше бабки, а задние гораздо по выше белы и конец хвоста бел, 1 год; 7) серая, от вымя до половины брюха бело.

Телицы черкасские и русские: 1) черкаская белая, пятна по всей и уши рыжие, 1 год; 2) черная, белоголовая, под брюхом бело, задние ноги по щотку белы, 1 год; 3) чернопестрая, голова белая, морда желтая, глаза черные 1 год; 4) рыжепестрая, уши рыжие, 1 год; 5) русская, черная, голова белая, глаза черные, под брюхом бело, конец хвоста бел, 3 года.

Телята нынешняго году. Бычки: 1) рыжей, грудь меж ног бела; 2) черной, пестробоккой, на лбу звезда, левая бровь бела; 3) черной, около пошня бело; 4) черной без примет; 5) черной другой, без примет же.

Телички: 6) теличка рыжая, пестроголовая; 7) голландская рыжая, на лбу три белых пятнышка; 8) черная без примет; 9) рыжая, пестроголовая и конец хвоста бел; 10) черная, голова пестрая, под левым плечом белой рубчик; 11) бычок русской рыжей; 12) теличка черная без примет; 13) белая, по ней пятны черные и рыжие, глаза черные, уши и морда рыжие; 14) черкаская теличка бурая, конец хвоста черной.

Баран старой белой 1, молодой 1, овец старых 25, молодых ярок 5, итого 30, козлов 2, коз 1 и того 3.

Кур: гилианских разных цветов 15, шпанских черных и белых 12, каруктанов 5, русских 5. Гусей: гусиков 5, гусынь 10. Индеек 5, петухов индейских 2.

Наличнаго хлеба в магазине: пшеницы озимой 24 четверти, яровой обоионской 4 четверти, ягипетской 4 четверти 5 четвериков, простой 50 четвертей, ржи 15 четвертей 4 четверика, ячменю голаго 30 четвертей, русского 24 четверти, овса 78 четвертей, гороху крупнаго и мелкаго

8 четвертей, семя конопляного 12 четвертей, ольняного 6 четвертей, муки оржаной 91 пуд. Не молоченаго: пшеницы озимой 2 скирда 140 копен, яровой 3 скирда 165 копен, овса 2 скирда 109 копен, ярицы 59 копен, ржи 4 скирда 255 копен, льну мятаго 30 пуд, поскопи 25 пуд, пеньки 50 пуд. Посеянного на 1793 год озимаго хлеба: пшеницы 4 четверти 7 четвериков, ржи 133 четверти.

В селе Авдотьино и принадлежащих к оному земель: пашенной, сенокосной и под усадьбою 483 десятины 970 саж., лесу строеваго и дровянаго 176 десятин 1600 саж., в пустоши Соколовой земли 90 десятин 982 саж.

В селе Тихвинском, Авдотьине тож, крестьяне мужеск и женск пол по наличности с показанием их лет и с имуществом.

1. Андрей Титов 60 лет, у него жена Матрена Афонасьева 50 лет, у них дети: сыновья — Аникей 26 лет, у него жена Агафья Митрофанова 20 лет; Трофим 12 лет; дочери: Марфа 16 лет, Агафья 9 лет, Хавронья 6 лет. У них скота: лошадей 3, коров 1, овец 9, кур 19.

2. Карп Ильин 53 года, у него жена Лукерья Кандратьева 45 лет, у них дети: сыновья — Владимир 20 лет, у него жена Ирина Карпова 25 лет; Тимофей 6 лет; Ефим 5 лет; дочери — Пелагея 13 лет, Марья 11 лет, Авдотья 3 года. У них скота: лошадей 4, коров 2, овец 4, кур 18.

3. Селиван Власов 42 года, у него жена Матрена Антонова 40 лет, у них дети: сыновья — Илья 21 год, у него жена Прасковья Андреева 20 лет; Дорофей 13 лет; дочери — Катерина 15 лет, Татьяна 1 год. У них скота: лошадей 3, коров 2, овец 6, кур 18.

4. Яков Марков 60 лет, у него жена Авдотья Иванова 40 лет, у них дети: сыновья — Степан 22 года, у него жена Дарья Яковлева; Дмитрей 16 лет, у него жена Авдотья Карпова 16 лет. Брат ево Захар Марков 55 лет, у него жена Анна Евстигнеева 45 лет, у них дети: сыновья — Иван 19 лет, у него жена Авдотья Сидорова 19 лет; Никифор 8 лет; дочь Авдотья 12 лет. У них скота: лошадей 7, коров 4, овец 13, кур 25, пчел 10.

5. Федот Григорьев 45 лет, у него жена Анна Григорьева 50 лет, у них дети: сыновья — Денис 16 лет, у него жена Марфа Захарова 16 лет; Яков 7 лет; дочери — Домна 13 лет, Акулина 4 года. У него теща Настасья Матвеева 70 лет, у него ж брат Андрей Григорьев 30 лет, у него жена Анна Андреева 17 лет. У них скота: лошадей 4, коров 2, овец 6, кур 20.

6. Андрей Осипов 60 лет, у него жена Хавронья Федотова 50 лет, у них дети: сыновья — Степан 30 лет, у него жена Авдотья Игнатова 24 года; Трофим 25 лет, у него жена Катерина Андреева 20 лет; Василий 11 лет, Григорей 8 лет; дочь Марина 12 лет. У Степана сын Иван 10 лет. У них скота: лошадей 4, коров 2, овец 8, кур 19.

7. Сидор Семенов 65 лет, у него жена Марья Григорьева 55 лет, у них дети: сын Антон 24 года, у него жена Авдотья Егорова 26 лет; дочь Анна 14 лет. У Антона дети: сын Архип 4 года, дочери — Ненила 6 лет, Дарья 1 год. У них скота: лошадей 5, коров 3, овец 11, кур 27.

8. Антон Давыдов 62 года, у него жена Настасья Федорова 65 лет, у них сын Яков 22 года, у него жена Мавра Григорьева 23 года. У Якова дочь Дарья 1 год. У Антона зять Карп Егоров 40 лет, у него жена Катерина Антонова 42 года, у них дочь Пелагея 15 лет. У них скота: лошадей 4, коров 1, овец 8, кур 16.

9. Петр Кандратов 35 лет, у него жена Авдотья Сергеева 25 лет, у них дети: сын Симон 6 лет, дочь Варвара 4 года. У него невеска Афимья Максимова 25 лет, у ней дети: сын Алексей 9 лет, дочь Анна 12 лет. У них скота: лошадей 5, коров 3, овец 8, кур 15.

10. Илья Григорьев 45 лет, у него жена Ирина Власова 40 лет. У него брат Сергей Григорьев 30 лет, у него жена Степанида Антонова 25 лет, у них дети: сын Емельян 8 лет, дочь Аграфена 5 лет. У них скота: лошадей 5, коров 2, овец 8, кур 12.

11. Егор Осипов 75 лет, у него дети: сыновья — Прокофей 45 лет, у него жена Аграфена Спиридонова 25 лет; Влас 35 лет, у него жена Ма-

рина Егорова 40 лет. У Прокофья дети: сыновья — Андрей 11 лет, Михайла 7 лет, Петр 2 года, дочь Степанида 5 лет. У Власа сын Данила 14 лет. У них скота: лошадей 8, коров 5, овец 12, свиней 1, кур 20.

12. Максим Ильин 55 лет, у него жена Афимья Андреева 30 лет. У него брат Митрофан Ильин 40 лет, у него жена Авдотья Григорьева 35 лет, у них дети: сын Василей 10 лет, дочь Настасья 12 лет. У них скота: лошадей 4, коров 3, овец 7, кур 20.

13. Федор Семенов 53 года, у него жена Наталья Осипова, у них племянники: Михайло Никитин 35 лет; у него жена Марфа Антонова 35 лет; Никифор Спиридонов 30 лет, у него жена Василиса Никитина 27 лет; Никита Никитин 27 лет, у него жена Анна Максимова 22 года; Елисей Спиридонов 13 лет. У Михайлы дети: сыновья — Иван 13 лет, Ефрем 7 лет, дочь Настасья 2 года. У Никиты сын Артем 4 года. У них скота: лошадей 7, коров 4, овец 10, свиней 1, кур 30, пчел 5.

14. Сергей Кандратьев 80 лет, у него жена Наталья Осипова 70 лет, у них сын Николай 40 лет, у него жена Марина Артамонова 40 лет. Племянник Веденикт Меркулов 55 лет, у него жена Катерина Федорова 53 года. У Николая дети: сыновья — Роман 12 лет, Никита 1 год; дочери — Дарья 16 лет, Анна 3 года. У них скота: лошадей 3, коров 2, овец 8, кур 19.

15. Федор Петров 59 лет, у него жена Матрена Егорова 50 лет, у них дети: сыновья — Василей 25 лет, у него жена Ирина Сергеева 25 лет; Иван 22 года, у него жена Анна Иванова 20 лет; Антон 10 лет, Иван 5 лет; дочь Анна 13 лет. У Ивана дочь Аксиныя 1 год. У них скота: лошадей 5, коров 3, овец 9, кур 20.

16. Иван Трофимов 45 лет, у него жена Акулина Сергеева 50 лет, у них дети: сыновья — Яков 14 лет, Мосей 13 лет; дочь Анна 1 год; племянник Семион Исаев 40 лет, у него жена Василиса Егорова 40 лет, у них дети: сын Василей 2 года, дочери — Аксиныя 13 лет, Катерина 9 лет, Авдотья 6 лет. У них скота: лошадей 3, коров 2, овец 8, кур 14.

17. Никита Федоров 80 лет, у него жена Авдотья Андреева 50 лет, у них дети: сыновья — Иван 46 лет, у него жена Аграфена Васильева; Сергей 32 лет, у него жена Аграфена Сергеева 27 лет; Фрол 20 лет, у него жена Ирина Федотова 20 лет; Федор 12 лет; дочери Акулина 6, Дарья 4 года. У Ивана сын Никифор 4 года. У Сергея дочь Федосья 3 года. У них скота: лошадей 7, коров 3, овец 10, кур 20, пчел 5.

Всего в селе Тихвинском, Авдотьино тож, крестьян мужеск пола 77, женск 81. У них лошадей 78, коров 44, овец 145, свиней 2, кур 332, пчел 20.

Дворовые люди: 1. Вдова Авдотья Осипова 77 лет, от оброку уволена. У нее дети: сыновья — Александр Тимофеев 39 лет, дворецкий в московском доме, у него жена Анисья Степанова 42 года, надзирательницею на прядильне; Тимофей Тимофеев 42 года, казначей в Москве. У Александра дети: сын Дмитрий 12 лет, дочери Федосья 16 лет, Лисафета 14 лет, все в Москве. У них скота: лошадь 1, коров 2, овец 17.

2. Вдова Матрена Степанова 59 лет, просвирница. У нее дети: сыновья — Никифор Федоров 29 лет, казначей, у него жена Матрена Игнатовна 26 лет, при господском белье; Петр Федоров 24 года, коновал. У Никифора дочь Марья 1 год. У него тесть Игнат Захаров 62 года, клюшник а у него дочь Анна 14-летна. У них скота: лошадь 1, коров 2, овец 15.

3. Петр Ильин 95 лет, от должности уволен. У него дети: сын Афонасей 26 лет, лакей, у него жена Пелагея Яковлева 35 лет, оброк прядет; дочь Акулина 36 лет, оброк прядет. У Афонася сын Филип 4 года. У них скота: лошадь 1, овец 10.

4. Кузьма Петров 50 лет, староста, у него жена Наталья Акимовна 51 год, у них дочери: Степанида 17 лет, нянкою при Вере Николаевне, Прасковья 14-летна. У них скота: лошадь 1, коров 2, овец 20.

5. Андрей Тимофеев 24 года дятка при Иване Николаевиче.

6. Иван Васильев, 51 год, повар, у него жена Анна Николаева 51 год — на оброке прядет. У них дети: сыновья — Андрей 17 лет, в Москве в сло-

волитной, Федор 13 лет; дочери — Домна 19 лет, при Варваре Николавне, Федосья 7 лет. У него ж сестра Марфа Васильева 46 лет, на прядильне. У них скота: лошадь 1, овец 17.

7. Алексей Ферапонов 26 лет, повар в Москве, у него жена Ульяна Иванова 24 года. У них дети: сыновья — Николай 3 года, Михайла 1 год; дочь Пелагея 4 года. Все в Москве.

8. Вдова Авдотья Данилова 50 лет, в Москве кухаркою. У нее сын Василий Ферапонов 16 лет, казначейской помощник.

9. Вдова Устинья Яковлева 42 года, в Москве прачкою, у нее сын Матвей Емельянов 13 лет, обучается чистому письму.

10. Иван Ларионов 31 год, в Москве третной, у него жена Анна Дмитриева 23 года. У них сын Иван 4 года, дочь Марья 2 года. Все в Москве.

11. Потап Иванов 50 лет, ткач, у него жена Агафья Никитина 42 года, оброк прядет половиной и ходит за скотиною. У них дети: сыновья — Николай 13 лет, афищант, Игнатей 11 лет; дочери — Авдотья 9 лет, Алена 5 лет, Прасковья 2 года. У них скота: лошадь 1, овец 7.

12. Вдова Марфа Семенова 75 лет, за старостию уволена. У нее сын Прокофей Яковлев 35 лет, ткач, у него жена Марфа Сергеева 32 года, оброк прядет. У Прокофья дети: сын Семион 4 года, дочь Афросинья 7 лет. У них скота: лошадь 1, корова 1, овец 10.

13. Семен Петров 25 лет, ткач, у него жена Авдотья Андреева 26 лет, половиной оброк прядет и ходит за скотиною. У них скота: лошадь 1, корова 1, овец 5.

14. Степан Евдокимов 50 лет, у него сын Герасим 28 лет, сапожники. У них скота 4 овцы.

15. Ефим Евдокимов 75 лет, конюх, у него жена Софья Петрова 70 лет, половиной оброк прядет и за птицей ходит, у них сын Агап 19 лет. У них скота: лошадь 1, корова 1, овец 10.

16. Петр Степанов 43 года, конюх, у него жена Софья Артамонова 25 лет, оброк прядет. У них дочери Марфа 5 лет, Лукерья 1 год. У Петра тесть Артамон Харлампиев 70 лет, на кирпичном заводе сторожем, у него жена Афимья Кандратьева 70 лет, оброк прядет. У них скота: лошадь 1, овец 14.

17. Василий Егоров 29 лет, конюх, у него жена Анисья Васильева 32 года, половиной оброк прядет и ходит за скотиною. У них скота: лошадь 1, овец 8.

18. Пелагея Сергеева 40 лет, оброк прядет, у нее дети: сыновья — Степан 14 лет, Алексей 9 лет, дочь — Аксиныя 2 года — Борисовы. У них скота: лошадь 1, овец 8.

19. Вдова Анна Иванова 55 лет, оброк прядет, у нее дети: дочери Лукерья Ильина 19 лет, нянкою при Варваре Николавне, Степанида Сергеева, 25 лет, при прядильне. У нее скота: лошадь 1, корова 1, овец 5.

20. Вдова Татьяна Макарова, 70 лет, за старостию уволена.

21. Вдова Авдотья Трофимова 70 лет, оброк прядет, у нее внук Алексей Антонов 3 года. У них скота: лошадь 1, овец 5.

22. Никифор Егоров 40 лет, домовый работник, у него жена Марья Никифорова 44 года, оброк прядет половиной и ходит за птицами, у них дети: сыновья — Яков 15 лет, словолитец в Москве, Егор 12 лет на суконной фабрике; дочери — Катерина 18 лет, на прядильне, Агафья 9 лет. У него ж сестры: Анна 26 лет, на прядильне, Афимья 29 лет, прачка в Москве. У Афимьи дочь Прасковья 1 год в Москве. У них скота: лошадь 1, овец 6.

23. Кандрат Раманов 55 лет, дворовой работник, у него жена Авдотья Тиханова 35 лет, кухаркою. У них дети, дочери Агафья 14 лет, Авдотья 12 лет, обе на прядильне. У Кандрата брат Леон Раманов 63 года, лесник, у него дети: сын Антон 13 лет, дочери — Аксиныя 15 лет, на прядильне, Федосья 9 лет. У них скота: овец 2.

24. Василей Иванов 55 лет, скотник, у него жена Авдотья Сергеева 38 лет, половинной оброк прядет и ходит за скотиною. У них дети: сын Прохор 13 лет, на суконной фабрике, дочери — Авдотья 11 лет, Пелагея 7 лет, Акулина 2 года. У них скота: лошадь 1, корова 1, овец 5,

25. Емельян Никифоров 62 года, скотник, у него жена Маланья Евсеева 65 лет, половинной оброк прядет и ходит за скотиною. У них внуки: Павел Иванов 10 лет, Елена Иванова 4 года. У них скота: лошадь 1, корова 1, овец 7.

26. Евтей Иванов 60 лет, скотник, у него дети: сыновья — Леон 40 лет, кузнец, у него жена Анна Авдулова 40 лет, оброк прядет. У них дети: сыновья — Емельян 14 лет, на суконной фабрике, Денис 9 лет; дочь Наталья 2 года; Игнат 36 лет, в Московском доме дворником, у него жена Афимья Иванова 33 года, оброк прядет. У них дети: сыновья — Афонасей 12 лет, на суконной фабрике, Иван 12, в ткацкой полотняной обучают; дочь Прасковья 5 лет; Ананей 20 лет, сапожник, у него жена Марфа Сергеева 17 лет, оброк прядет. У них скота: лошадей 2, овец 10.

27. Ефим Васильев 37 лет, словолитец в Москве, у него жена Настасья Андреева 27 лет, у них дочь Наталья 3 года. У Ефима теща Арина Самойлова 52 года, Патрикей Барисов 14 лет. Все в Москве.

У оных крестьян деревянных старых дворов, назначенных в сломку, но еще не сломанных 11 дворов.

Сверх того фарфоровой посуды*: блюд белых росписных 2, тарелок глубоких того ж сорту 24, мелких 36, малиньких глубоких 6, мелких 6, китайских мелких синих с золотыми цветами 6, белых росписных с золотом 5, разноколиберных одного ж манера больших 3, малиньких 3, чашек шаколадных с крышкою синяя живописная с золотом 1, брусничного цвету с крышкою живописная ж 1, с крышками белых росписных сининькими цветочками с золотом 24, чайных того ж сорту 24, старых 10, полоскательная того ж разбору 1, чайник того ж манеру, как и шаколадные, 1, кофейник такой же 1, малочник такой же 1, сахарница такая же 1, масленица синяя обыкновенная 1, блюдечек китайских разноколиберных 11, чернилица и песочница росписные 2.

Государственный исторический архив города Москвы, ф. 56, оп. 5, д. 4, лл. 104—115 об., 121—127.

* Очевидно, при переписке описи лист с перечнем фарфоровой посуды был пропущен и поэтому внесен дополнительно в конце описи.

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ А. А. ШАХМАТОВА

Выдающийся исследователь русского летописания академик А. А. Шахматов внес значительный вклад в дело публикации летописных источников. Вклад этот высоко оценен советской наукой¹, но обстоятельного изучения деятельности ученого в «наиболее авторитетном до революции археографическом учреждении» России² — Петербургской Археографической комиссии (с 1900 г.) — еще не проводилось. Сотрудничая в комиссии, А. А. Шахматов не только дал образцы научной публикации летописей, но и разрабатывал некоторые проблемы описания и издания летописных памятников.

Еще в начале работы своей в комиссии Шахматов выдвинул задачу ввести в состав «Полного собрания русских летописей» «путем полных изданий или только извлечений, описаний все памятники нашего летописания»³. Представленный им комиссии проект описания рукописей, содержащих летописные тексты, предусматривал выяснение всего рукописного фонда летописных источников (на первом этапе — в хранилищах Петербурга). Проект этот был оглашен на заседании 18 ноября 1903 г.⁴, но остался неопубликованным. Помимо ценности его для понимания направлений деятельности Археографической комиссии в начале XX в., проект содержит любопытные данные о том, какие летописные материалы находились в это время в научном обороте.

Необходимость пересмотра устаревших правил издания летописных текстов являлась причиной обращения к этой проблеме Шахматова как наиболее авторитетного и эрудированного редактора ПСРЛ. 21 января 1905 г. Шахматову было поручено составление проекта правил, который он представил 1 марта (как видно, в неоконченном виде) на заседание «редакционного совещания»⁵. Проект был размножен для ознакомления с ним членов комиссии, но остался неизданным. Сохранились сведения, что он лег в основу последующей работы над правилами издания летописей⁶. Хотя далее составления проектов правил комиссия не пошла⁷, публикуемый проект немало дает как для изучения истории археографии, так и для понимания эдиционных принципов и археографических требований самого А. А. Шахматова.

Автографы двух проектов А. А. Шахматова сохранились в приложениях к протоколам Археографической комиссии и публикуются в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1969).

С. В. Чирков

Записка об описании рукописей, содержащих летописные тексты

[Не позднее 18 ноября 1903 г.]

В декабре 1902 г. в довольно многочисленном кружке лиц, интересующихся русскою историею и русскими древностями, возникла мысль о необходимости приступить к систематическому описанию летописных

¹ Д. С. Лихачев. Текстология. На материале древнерусской литературы X—XVII вв. М.—Л., 1962, стр. 472, 483, 522, 523 и др.

² С. Н. Валк. Советская археография. М.—Л., 1948, стр. 41.

³ «Летопись занятий Археографической комиссии за 1900 г.» (далее — ЛЗАК), вып. 13. СПб., 1901, стр. 34.

⁴ ЛЗАК за 1903 г., вып. 16. СПб., 1905, стр. 22—23.

⁵ ЛЗАК за 1905 г., вып. 18. СПб., 1907, стр. 5, 17.

⁶ А. И. Андреев. О правилах издания исторических текстов. — «Архивное дело», 1926, вып. V—VI, стр. 94.

⁷ С. Н. Валк. Указ. соч., стр. 41—42.

сборников, весьма недостаточно в большинстве случаев исследованных. Такое описание обогатило бы новыми данными наши сведения исторические и, кроме того, содействовало бы выяснению литературной истории русского летописания⁸; критический же⁹ анализ источников несомненно отразится на¹⁰ оценке дошедших до нас письменных данных о древней Руси. Совместное обсуждение вопроса об организации¹¹ сложной работы, возможной только при¹² дружных усилиях многих ученых, привело к необходимости предпринять ряд подготовительных работ по приведению в известность летописных сборников, хранящихся в наших¹³ библиотеках, причем целесообразным признано было остановиться сначала на С.-Петербургских¹⁴ книгохранилищах¹⁵. Подготовительные работы эти выяснили в самых общих чертах состав большей части намеченных летописей и летописных сборников. Но отсюда до описания их очень далеко.

Комиссия, выбранная упомянутым кружком, ознакомившись по доставленным ей кратким описаниям с подлежащим исследованию материалом, остановилась прежде всего на¹⁶ трудностях, предстоящих каждому¹⁷, кто примется за подробное и по возможности исчерпывающее описание летописных сборников. Так как прежде всего при такой работе надо иметь в виду необходимость обнаружения важного материала, лежащего до сих пор под спудом, то, естественно, на первый план выдвигался вопрос об отношении описывателя и исследователя к¹⁸ напечатанным летописям. Комиссия признала целесообразным отправляться¹⁹ при описании от обнаруженных уже текстов, т. е.²⁰ вводить в описание сравнительные рукописного текста с тем или другим²¹ известным печатным текстом. Но такое сравнение далеко не всегда возможно, главным образом вследствие недостаточного количества изданных текстов. Сам собою возник вопрос о необходимости новых изданий, но, разумеется, комиссия могла лишь ограничиться пожеланиями, чтобы такие издания были приняты нашими учеными учреждениями в возможно широких размерах²².

Принятие комиссией того положения, что в основание описаний должны быть положены существующие издания, повело к следующему заключению: на первую очередь должно поставить описание тех летописей, летописных сборников, которые сходствуют с печатными изданиями, которые могут быть поэтому описаны с желательной полнотой в смысле указания на их отличия от напечатанных текстов.

Ряд таких летописей был отмечен членами комиссии. Сюда относятся:

Никаноровская летопись ИАН (шифра 16.17.1), сходная с Софийской 1-й до XV в., с Воскресенской в XV в.

Вологодско-Пермская ИАН (шифра 16.18.15), сходная с Никаноровской, с весьма важными дополнениями против Воскресенской во второй половине XV в.

Погод[инская] № 1403, сходная с Софийской 1-й и Новгородской 4-й, с любопытными дополнениями во второй половине XVI в.

⁸ Далее зачеркнуто 4—5 неразобранных слов.

⁹ Слово вставлено над строкой.

¹⁰ Далее зачеркнуто 2 неразобранных слова.

¹¹ Далее зачеркнуто такой.

¹² Далее зачеркнуто совокупных.

¹³ Слово вставлено над строкой.

¹⁴ Далее зачеркнуто библиотеках.

¹⁵ Далее зачеркнуто Теперь же.

¹⁶ Следуют 2 зачеркнутых неразобранных слова.

¹⁷ Слово вставлено над зачеркнутым исследователю.

¹⁸ Далее зачеркнуто печатным.

¹⁹ Слово вставлено над зачеркнутым исходить.

²⁰ Далее зачеркнуто вести описание.

²¹ Следует зачеркнутое неразобранное слово.

²² Далее зачеркнуто Вот почему.

Толст[овская] I № 145, сходная с ²³ Соф[ийской] и ²³ Тверской, но распространенная любопытными вставками.

Толст[овская] I № 189, сходная с Супрасльскою, изд[анною] кн. Оболенским.

Толст[овская] I № 188, сходная с Новгородской 4-й, Львовской и Тверской, содержащая весьма важные дополнения в рассказе о событиях XV в.

Публ[ичной] библ[иотеки] F.IV.238 (б[ывшая] Дубровского), сходная с Новгородской 4-й, отрывками Воскр[есенской] по[Новоиерус[алимскому] списку[и Ростовской].

Погод[инские] № 1402, 1404а ²⁴ и Акад[емии наук] № 991 (3) и Акад[емии наук] 31.4.22 ²⁴, представляющие особый извод Новгородской 4-й в соединении с Псковской 1-й.

Публ[ичной] библ[иотеки] F.IV.603 (б[ывшая] Карамз[инская]), представляющая две выборки из древнейшей редакции Новгородской 4-й.

Погод[инские] № 1409 и 2036, представляющие сокращенное изложение Соф[ийской] ²⁵.

СПб. Духовной ак[адемии] № 299, предс[тавляющая] ряд выписок из Хроногр[афа] и из Новгор[одской] 3-й.

СПб. Дух[овной] ак[адемии] № 302, предс[тавляющая] выписки из Родосл[овца] и Хроногр[афа].

Толст[овская] II № 52, отрывок Новгор[одской] 4-й.

Погод[инская] № 1414, весьма любопытная переработка Тверского сб[орника].

Акад[емии наук] 16.13.2, Едомский летописец, сходный с Хроногр[афом] Кубасова.

Акад[емии наук] 1.4.12, Двинской летописец, сходный с изд[анным] Титовым.

Акад[емии наук] 1.2.7, сильно сбита рукопись, сходная с Львовской печатной.

Акад[емии наук] 16.8.15, сходная с Соф[ийской] 1-ю лет[описью].

Публ[ичной] библиотеки F.IV.239, список Воскр[есенской] летописи (с I главой).

Публ[ичной] библиотеки F.IV.144, сходная с Львовской.

Публ[ичной] библиотеки F.IV.585 и F.IV.601, список Воскресенской, довед[енный] до 1506 г.

Толст[овская] I № 191, доведенная до 1496 г.

Все названные летописи могут быть описаны более или менее систематически, так как можно указать их отношение к печатным текстам. Конечно, при описании нет необходимости отмечать ²⁶ все сокращения, произведенные в основном тексте, еще менее необходимо приводить ²⁷ несходные чтения: те и другие указания должны быть включены в общей сравнительной ²⁸ характеристике исследуемого памятника. Но все лишнее против сравниваемого текста должно быть указано, причем эти дополнения могут быть или описаны при помощи ссылок на другие изданные летописи, или приведены целиком, какие бы значительные иной раз выписки ни приходилось при этом делать.

Обсудив ²⁹ вопрос о способе осуществления предположенного описания, комиссия нашла наиболее удобным просить импер[аторскую] Археогр[афи-

²³⁻²³ Вставлено карандашом вместо зачеркнутого Воскресенской.

²⁴⁻²⁴ Вставлено над строкой.

²⁵ Далее зачеркнуто чернилами Погод[инская] № 2035; зачеркнуто карандашом Новгор[одская] — Соф[ийская] № 1464, сходная или то же с изданной при путешествии Игнатия Смолнянина летописью.

²⁶ Слово вставлено над зачеркнутым указывать на.

²⁷ Далее зачеркнуто все.

²⁸ Слово вставлено над строкой.

²⁹ Слово написано вместо зачеркнутого При обсуждении.

ческую] комиссию взять на себя руководство этим делом и признать возможным печатать описания летописных сборников в³⁰ одном из изданий³⁰ комиссии .

ЛО Архива АН СССР, ф. 133, оп. 1а, д. 21, лл. 156, 157, 160. Автограф.

Правила издания русских летописей

[21 января—1 марта 1905 г.]

1. В основание издания кладется определенный список, который передается с возможною точностью.

2. При наличии нескольких списков в основание кладется тот из них, который представляет более исправный и полный текст. Лишь в некоторых случаях предпочтение отдается списку древнейшему, хотя бы и менее³¹ полному и менее³¹ исправному.

³² Остальные списки или, если их несколько, то часть остальных списков, издается в виде вариантов к основному тексту³².

3. Текст печатается в³³ один столбец.

4. Под текстом помещаются две³⁴ колонны примечаний: в первой, озаглавленной *варианты*, приводятся разночтения из других списков; во второй, озаглавленной *примечания*, даются указания на палеографические особенности текста (помарки, поправки), а также необходимые исправления ошибочных его написаний.

5.³⁵ В качестве вариантов к основному тексту приводятся лишь те чтения, которые представляют отличия в замене одного слова другим³⁶, одной формы слова другою, или в перестановке слов.

6.³⁷ Как основной, так и вспомогательные списки обозначаются издателем сокращенно в виде одной или нескольких букв. Если варианты приводятся по нескольким спискам, при каждом обозначается список, откуда он взят. Вариант не отделяется от названия списка каким бы то ни было знаком препинания (т. е. ни точкой, ни двоеточием).

7. Варианты печатаются курсивом, а текст³⁸, сопровождающий варианты объяснениями, равно как текст примечаний — прямым шрифтом. Написания основного списка, приведенные в колонне примечаний, набираются курсивом.

8.³⁹ Варианты приводятся под цифрами, а примечания под буквами русского алфавита.

9⁴⁰. При значительном различии текстов основного и вспомогательного списков⁴¹ летописи текст на изв[естном] протяжении может печататься в два⁴² или даже в три столбца⁴⁰.

10⁴³. На верхнем поле каждого листа печатается название⁴⁴ печатаемой летописи, а в скобках за ним указывается соответствующий тексту год⁴⁵ (или года)⁴⁵ от сотворения мира. Наверху крайнего поля обозначается соответствующий год⁴⁶ от Р. Х.⁴⁶

³⁰⁻³⁰ Вставлено вместо зачеркнутого карандашом Летописи занятий.

³¹⁻³¹ Слово вставлено над зачеркнутым не.

³²⁻³² Вставлено на поле листа с пометой 2.

³³ Далее зачеркнуто одну или две колонки.

³⁴ Следует зачеркнутое неразобранное слово.

³⁵ Далее зачеркнуто Варианты у.

³⁶ Далее зачеркнуто или в перестановке слов или.

³⁷ Далее зачеркнуто Как вариант.

³⁸ Далее зачеркнуто и.

³⁹ Далее зачеркнуто Все варианты лет 8. Все.

⁴⁰⁻⁴⁰ Вставлено между строками, частью на поле.

⁴¹ Далее зачеркнуто тексты последних.

⁴² Далее зачеркнуто столбца.

⁴³ Цифра исправлена из 9.

⁴⁴ Далее зачеркнуто (полностью).

⁴⁵⁻⁴⁵ Вставлено над строкой.

⁴⁶⁻⁴⁶ Приписано карандашом.

11⁴⁷. В пределах статьи, относящейся к одному году, абзацы по возможности избегаются.

Правописание⁴⁸

1. Текст летописных списков до XV века включительно передается с соблюдением палеографических особенностей письма, т. е. букв, не имеющих в гражданском алфавите, сокращенных написаний под титлами и под каморами. Впрочем, точки и псилы над гласными буквами опускаются⁴⁹. Явные ошибки оговариваются в примечаниях.

2. Текст позднейших списков⁵⁰ воспроизводится не⁵⁰ с палеографической точностью: буквы церковные заменяются гражданскими, сокращенные написания передаются⁵¹ полностью, причем при раскрытии титл и других сокращений издатель руководится правилами современного правописания⁵² (признанные им необходимыми отступления оговариваются в предисловии)⁵³.⁵⁴ Паерки опускаются, а в конце слов передаются через Ъ.⁵⁴ Других уклонений от точной передачи подлинника не допускается. Описки и ошибки текста исправляются в примечаниях.

3. Киноварные написания подлинника отмечаются или жирным шрифтом, или разрядкой.

4. [...].

ЛО Архива АН СССР, ф. 133, оп. 1а, д. 22, л. 63—63 об. Автограф.

⁴⁷ Цифра исправлена из 10.

⁴⁸ Заголовок написан карандашом.

⁴⁹ Далее зачеркнуто Они.

⁵⁰⁻⁵⁰ Вставлено над 2—3 зачеркнутыми неразобранными словами.

⁵¹ Вставлено над зачеркнутым приводятся.

⁵² Далее зачеркнуто отсту. . .

⁵³ Далее зачеркнуто Впрочем,

⁵⁴⁻⁵⁴ Вставлено над строкой.

МАТЕРИАЛЫ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М. Н. ТИХОМИРОВА В ОБЩЕСТВЕ ИЗУЧЕНИЯ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Настоящая публикация предлагает вниманию читателей часть документов о деятельности М. Н. Тихомирова в Обществе изучения Московской губернии (области)¹, обнаруженных в фонде Московского областного бюро краеведения (включающего и материалы Общества), хранящемся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина².

Многообразие работ этой краеведческой организации, существовавшей в 1925—1930 гг., нашло отражение в «Трудах» Общества и бюллетенях «Московский краевед»³, а также в материалах делопроизводственного и научного характера, отложившихся в фонде.

Среди них для истории советской исторической науки особое значение имеют документы Культурно-исторической секции Общества, в работе которой принимали участие А. В. Арциховский, С. В. Бахрушин, С. К. Богоявленский, В. Н. Бочкарев, Ю. В. Готье, Е. А. Звягинцев, Б. Б. Кафенгауз, М. К. Любавский, И. И. Полосин, К. В. Сивков, М. Н. Тихомиров, Л. В. Черешнин и другие видные историки.

Комплекс сохранившихся архивных материалов состоит из автографов и машинописных копий некоторых трудов, рецензий, отзывов, резюме, планов работ Секции и ее отчетов, протоколов заседаний Секции (на которых обсуждались доклады по различным проблемам краевой истории, археологии, этнографии, исторической географии, источниковедения, архивоведения, искусствоведения и т. д.) и ее Президиума, докладных записок, переписки, анкет членов. Эти документы существенно дополняют наши представления о творческой биографии ряда историков, являются ценными источниками по истории советского исторического краеведения, свидетельствуют о взаимосвязи и взаимовлиянии региональных конкретно-исторических исследований и историографии в целом.

Публикуемая «Анкета краеведа Московской губернии», заполненная М. Н. Тихомировым, интересна сведениями автобиографического характера о начальном периоде его краеведческой деятельности.

План экспедиционного исторического обследования селений Московского края, составленный М. Н. Тихомировым, и «Отчет» о его реализации раскрывают взгляды автора на задачи таких историко-краеведческих исследований и свидетельствуют о применявшихся историком методах изучения.

В записке «Об архиве Волоколамского монастыря» М. Н. Тихомиров формулирует свои выводы о научном значении как всего комплекса сохранившихся материалов архива, так и отдельных видов его документов.

В замечаниях М. Н. Тихомирова о географическом словаре Московской области отразились представления ученого о назначении и способах осуществления этого труда, о месте в нем тематики по истории города и его современному состоянию.

Последние публикуемые документы — «План атласа и рабочей тетради по географии Московской области» и «Объяснительная записка» к нему — являются источниками как по истории советского краеведения, так и педагогики, они обнаруживают попытку М. Н. Тихомирова привнести современный краеведческий материал, научные методы познания — в практику школьного преподавания.

¹ Перечень всех обнаруженных документов М. Н. Тихомирова см.: «Рукописное наследие академика М. Н. Тихомирова в Архиве АН СССР». Составитель И. П. Староверова. М., 1974.

² ГБЛ, ф. 177.

³ «Труды Общества изучения Московской губернии», вып. 1—8. М., 1928—1930; «Московский краевед», вып. 1—5 (13). М., 1927—1930.

Были выявлены также (но не вошли в публикацию) следующие документы историка: «Анкета члена Общества изучения Московской области», заполненная М. Н. Тихомировым 2 августа 1930 г. (автограф)⁴; последняя, приблизительно 1/4 часть работы «Села и деревни Дмитровского края в XV—XVI веках» (автограф)⁵; «Отзыв о работе Н. Ф. Маргорина «Историко-географический очерк Рузского уезда до начала 17 века», [1929 г.] (автограф)⁶; рецензия М. Н. Тихомирова на работы Н. И. Власьева «Верея. Краткий исторический очерк», «Город Руза и его прошлое (Краткий исторический очерк)», 1928 г. (машинопись)⁷. Копии всех названных документов передали в архивный фонд М. Н. Тихомирова. Заголовки документов, набранные курсивом, даны мною.

С. Б. Филимонов

Анкета краеведа, заполненная М. Н. Тихомировым¹

Карточка №

КРАЕВЕДЫ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

1. Фамилия Тихомиров л. 1
Имя, Отчество Михаил Николаевич
2. Год и место рождения (число, месяц). Москва, 19 мая 1893 года.
3. Национальность, религия. Русский, православный.
4. Кто были родители. Служащий конторы Саввы Морозова, мещанин.
5. Краткие данные по истории рода (указать выдающихся деятелей, работников в какой-либо области). Нет.
6. Где получил воспитание и образование.
В СИБ Императорском Коммерческом училище, на историческом отделении историко-филологического факультета Московского Университета.
7. Начало вашей краеведческой деятельности. Кто имел на вас влияние, при каких обстоятельствах.
Начал работу в Дмитрове, работал над созданием в Дмитрове Музея родного края с октября 1917 г. по май 1918 года, работать тогда по краеведению не умел и работу вел плохо, наибольшее влияние на меня имел Дмитровский краевед Алексей Иванович Байдин².
8. Основные моменты Вашей жизни и деятельности.
После Дмитрова работал в Богородском уезде в Ильинском погосте, как библиотекарь (с июня 1918 г. по декабрь 1918 г.). С февраля 1919 г. переехал в Самару и здесь работал в Горьком и Уездном отделе Народного Образования, как инструктор по библиотекам (с февраля 1919 г. по ноябрь 1920 г.). В ноябре переехал на службу Самарского Общества Археологии, Истории и Этнографии³ на должность библиотекаря. В феврале 1921 г. был выбран преподавателем Самарского Государственного Университета, и затем приглашен сотрудником Губархива и Губмузея. Оставался в этих должностях до сентября 1923 г., после чего обратно уехал в Москву.//
9. Ваше современное общественное положение. л. 1
об.
Научный сотрудник Российского Исторического Музея, преподаватель средней школы, секретарь исторического отделения Общества изучения Московской губернии.
10. Основная отрасль Вашей краеведческой деятельности. История.
11. Список Ваших научных трудов по краеведению (сочинений печатных и находящихся в рукописях), исследований и проч., с обозначением:
а) Если говорится про книгу — год и место издания, формат, число страниц. б) Если про журнальную статью — год, номер и название периодического издания, в котором статья была помещена.

⁴ ГБЛ, ф. 177, к. 10, ед. хр. 10.

⁵ Там же, к. 53, ед. хр. 20.

⁶ Там же, к. 45, ед. хр. 37. Отзыв М. Н. Тихомирова приложен к машинописной копии рецензируемой работы Н. Ф. Маргорина.

⁷ Там же, к. 50, ед. хр. 58.

1. Город Дмитров. От основания города до пол. XVII века. Дм[итров], 1925.
2. К истории колонизации Самарской губ[ернии]. Известия Самар[ского] Госуд[арственного] Университета. Вып. V, 16 стр.
В рукописи:
 1. Самара в пол. XVII века.
 2. Население Дмитрова в XVII и нач[але] XVIII века.
 3. Села и деревни Дмитр[овского] края в XV—XVI вв.*
12. Список известных Вам рецензий и обзоров с упоминанием о Вашей работе с указанием названия, года и номера периодического издания. Не знаю.
13. Были ли напечатаны о Вас биографические сведения и где именно. [прочерк]
14. Постоянное местожительство и адрес. Москва, Б. Никитская, д. 46, кв. 5.
15. В работе каких краеведческих организаций Вы участвуете. В О[бществе] изучения Москов[ской] губ[ернии]; в Самарском Об[ществе] Ист[ории], Арх[еологии] и Этнографии.

М. Тихомиров

ГБЛ, ф. 177, к. 5, ед. хр. 11, л. 1—1 об. Автограф.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Анкета заполнена М. Н. Тихомировым в период между 20 октября 1926 г. и 10 февраля 1928 г., когда он являлся секретарем Культурно-исторической секции Общества изучения Московской губернии (Отчеты о работе Культурно-исторической секции за 1926—1927, 1928 гг. — ГБЛ, ф. 177, к. 15, ед. хр. 4).

² А. И. Байдн — земский служащий (агроном), в августе—октябре 1917 г. — гражданский комиссар Дмитровского уезда. Содействовал организации музея в г. Дмитрове, передал сюда библиотеку справочного характера, познакомил М. Н. Тихомирова с некоторыми материалами по истории г. Дмитрова.

³ О деятельности М. Н. Тихомирова в этом Обществе см.: «Краеведение», 1923, № 2, стр. 169—173.

План экспедиционного исторического обследования селений Московского края¹

Изучение исторического прошлого отдельных селений Московского края, несомненно, является очередной задачей всех краеведческих организаций Московской губернии. Между тем по этому вопросу еще почти ничего не сделано. Не только не собрана печатная и рукописная литература по истории селений, но даже не производилось никаких попыток к изучению отдельных селений на местах. Предлагаемое мною выборочное обследование селений Дмитровского края и должно преследовать цель пополнить наши сведения об отдельных селениях Дмитровского края, а также дать возможность на месте проверить некоторые методические вопросы, относящиеся к изучению отдельных селений.

Дмитровский уезд я предлагаю для обследования, как уезд наиболее изученный, где таким образом уже проведена необходимая предварительная проработка исторической литературы.

Обследование селений я предлагаю по следующей схеме:

1) **Название селений.**** Чрезвычайно важным представляется вопрос о названиях селения, а также их смене и происхождении названий. В большинстве случаев эти вопросы можно разрешить только непосредственно на месте. Между тем разрешение вопроса о происхождении названий от-

* Слева вдоль поля между пунктами «1» и «3» рукой М. Н. Тихомирова написано: Указываю только краеведческие работы.

** Подчеркнуто автором.

дельных селений может дать ценный методический материал вообще к вопросу о номенклатуре урочищ Московского края.

2) **Местоположение селения.** Уже в географических работах, относящихся к Дмитровскому уезду, указываются характерные особенности расположения селений в низменной и возвышенной частях уезда. Интересным является вопрос и о перемене селением местоположения.

3) **Исторические данные о селении.** Сюда относятся сведения о владельцах, которым принадлежало селение. В связи с этим стоит вопрос о местоположении в селениях барских усадеб, монастырского двора, церковных погостов.

4) **Взаимоотношения села и деревни.** В большинстве случаев современные церковные приходы восходят к очень давнему времени. Интересен вопрос об изменениях границ отдельных приходов и причины этих изменений.

5) **Исчезнувшие села и деревни.** Некоторые из селений исчезли на глазах, о других остались воспоминания. Интересны причины исчезновения селений.

6) **Памятники старины, сохранившиеся еще на местах** (архивы, церкви, усадьбы и пр.). ||

Так как охватить все селения Дмитровского края в течение одного года невозможно, то я предложил бы произвести обследование следующих уголков уезда *:

1) Село Ольявидово — старинная вотчина Троицкого монастыря, а также прежняя вотчина старинной дмитровской фамилии Вельяминовых.

2) Село Костино ** с прилегающей округой — чрезвычайно интересный район старинного вотчинного землевладения, следы которого восходят еще к XV веку. ***Центр старинного стеклянного производства ***.

3) Село Ермолино, Спас-Каменка, Ртищево — центр старинных вотчин служилых людей, а также старинная митрополичья волость — с. Игнатово. Для этих мест важно проследить старинную водораздельную границу между Московским и Дмитровским уездом.

*** Центр земледелия Дмитр[овского] уезда ***.

4) Село Гульнево и с. Удино — старинные дворцовые села.

5) Село Рогачево ** типичный центр монастырского землевладения *** и богатейшее торговое село и кустарный центр ***.

6) Село Раменье — монастырское землевладение в пределах густых лесов Раменского лесничества.

7) Район селений по р. Дубне — пример заселения в болотистых местах уезда.

***8) Село Орудьево — старинные кустарные промыслы (тесьма, бахромы и пр.) ***.

Общая стоимость таких обследований обошлась бы не больше 15 руб. на каждое обследование, общая стоимость которых измеряется с другими расходами в 100 рублей. Обследование возможно было бы провести в течение июня—июля.

Обследование можно было бы согласовать с местными краеведческими организациями, а также, быть может, связать с таким же этнографическим обследованием. В последнем случае стоимость обследования соответственно должна была бы увеличиться.

М. Тихомиров

ГБЛ, ф. 177, к. 50, ед. хр. 24, л. 1—1 об.
Машинопись с рукописными пометами карандашом.

* Слева вдоль поля против последнего абзаца оставлено карандашом 8 районов.

** Подчеркнуто карандашом.

- Вставлено карандашом.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Этот план М. Н. Тихомирова был доложен на заседании Правления Общества изучения Московской губернии 14 мая 1928 г. (Протокол № 5 заседания Правления Общества изучения Московской губернии от 14 мая 1928 г. — ГБЛ, ф. 177, к. 6, ед. хр. 21). А еще 23 апреля 1928 г. М. Н. Тихомиров с проектом этого плана ознакомил Президиум Культурно-исторической секции Общества (Протокол заседания Президиума секции. — Там же, к. 14, ед. хр. 69). Карандашные пометы и вставки сделаны М. Н. Тихомировым, видимо, после завершения экспедиции.

Отчет о летней экспедиции для изучения исторического прошлого сел и деревень Дмитровского края, проведенной в июне—июле 1928 г.¹

Целью моей поездки являлось изучение истории сел и деревень Дмитровского края. Согласно первоначальной записки, поданной мной в президиум культурно-исторической секции, я предполагал в течение лета провести изучение 7 важнейших пунктов Дмитровского уезда. В процессе работы, однако, первоначальный план пришлось значительно видоизменить и за недостатком времени, а отчасти и средств, пришлось ограничиться обследованием лишь 5 пунктов северной части уезда: 1) села Ольявидова с деревнями, 2) сел Кикина и Новенького, 3) Песношского монастыря, 4) села Рогачева и Медведевой пустыни и 5) села Чернеева. Для всех этих районов поставлены были особые цели изучения.

1) Главной целью изучения Ольявидовщины являлось изучение урочищ этого района. Ольявидовщина представляет собой особый замкнутый район, расположенный в излучине двух рек — Дубны и ее притока Вели. В XVI веке Ольявидовщина находилась во владении старинной боярской фамилии Вельяминовых. К концу XVI века Ольявидовщина перешла уже в руки Троицкого монастыря, во владении которого и оставалась до перехода в половине XVIII века в ведомство Коллегии Экономии. Переходя из рук в руки, Ольявидовщина тем не менее оставалась нераздробленной вотчиной, вследствие чего в ее и без того географически замкнутых пределах сложился своеобразный быт. Крестьяне Ольявидовщины до сих пор еще помнят о своей принадлежности к общей «вотчине». Ольявидовщина вдвойне интересна и потому, что история этой вотчины может быть довольно полно прослежена по письменным источникам с конца XVI века. Наблюдение над названиями урочищ позволило составить карту селений и урочищ конца XVI века и таким образом дать полную топографическую картину боярской и монастырской вотчины XVI века. Вместе с тем удалось установить поистине удивительную живучесть в народной памяти преданий о существовании уже исчезнувших селений, а также отчасти и причины исчезновения отдельных селений. Материалы, собранные в Ольявидовщине, будут мною представлены в виде доклада в культурно-исторической секции².

2) Кроме изучения урочищ Ольявидовщины, в пределах этого первого района мною было проведено обследование места известной битвы 1180 года. Результаты этого обследования будут мной сообщены в докладе культурно-исторической секции³.

3) Третьим пунктом изучения во время летней работы явился Песношский монастырь. Этот монастырь, достоверная история которого восходит уже к XIV веку, в XV—XVI веке считался одним из самых крупных землевладельцев Дмитровского княжества. История монастыря за эти века имеет и тот интерес, что Песношский монастырь в это время находился в близких связях с осифлянами. Изучение монастыря на месте позволило установить, что современный Песношский монастырь до сих пор сохраняет несколько замечательных памятников XVI века, в том

числе замечательную столпообразную колокольню, одностолпную палату и каменные службы того же времени. История Песношского монастыря за XIV—XVI век также послужит материалом для доклада ⁴.

4) Изучение села Рогачева и Медведевой пустыни ставило своей задачей знакомство с водным торговым путем по реке Сестре и Дубне до Рогачева, вернее до села Устье-Пристань. Личные наблюдения над водным путем до Устья-Пристани, а также расспросы местных старожилов дали возможность ясно представить себе все значение таких водных дорог, как реки Дубна и Сестра. Движение барж по этому водному пути прекратилось лишь перед самой войной, причем бывшие владельцы барж сообщали интересные сведения о ходе этих барж, их нагрузке, перевозимых товарах и т. д. Все эти наблюдения дали очень ценный материал для реконструкции истории торговых отношений Рогачева и Дмитрова с севером Руси.

5) Последний пункт, который я посетил, с. Чернеево, дал лишь незначительный археологический материал. Впрочем, один из памятников села Чернеева — икона конца XVI века, с записью половины XVII века заслуживает, несомненно, особого доклада.

Всего на посещение указанных пунктов затрачено было около 3-х недель. Вся работа была проведена совместно с Дмитровским Музеем родного края. В частности, во всех отмеченных пунктах производились самостоятельные работы по изучению этнографии края — К. А. Соловьевым, а в Ольявидовском районе — М. С. Померанцевым ⁵, представленными Музея Дмитровского края * и О[бществ]а изучения края *.

М. Тихомиров

ГБЛ, ф. 177, к. 50, ед. хр. 26, л. 1.

Машинопись с рукописной правкой чернилами и карандашом.

Подписано М. Н. Тихомировым.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Отчет составлен М. Н. Тихомировым между июлем и 1 октября 1928 г. (Отчет Общества изучения Московской губернии о работе с 1 января по 1 октября 1928 г. — ГБЛ, ф. 177, к. 7, ед. хр. 15).

² Доклад М. Н. Тихомирова «Топография Ольявидовской вотчины» был заслушан на заседании Культурно-исторической секции Общества изучения Московской губернии 18 января 1929 г. (Протокол заседания. — ГБЛ, ф. 177, к. 14, хр. ед. 72).

³ Доклад М. Н. Тихомирова «Место битвы при р. Веле 1181 г.» был заслушан на заседании Культурно-исторической секции Общества изучения Московской губернии 9 ноября 1928 г. (Протокол заседания. — ГБЛ, ф. 177, к. 14, ед. хр. 70).

⁴ В обследованном фонде нет сведений о докладе на эту тему.

⁵ О научной деятельности К. А. Соловьева и М. С. Померанцева см.: Р. Ф. Хохлов. Личные фонды краеведов-историков в архивном собрании Дмитровского музея. — «Археографический ежегодник за 1970 год». М., 1971, стр. 315—317.

Об архиве Волоколамского монастыря ¹

Представляя смету на описание и разработку архива Волоколамского монастыря, считаю необходимым дать следующие краткие замечания о составе и значении архива:

1. Архив Волоколамского монастыря включает в себе множество хозяйственных документов и книг XVI—XVIII века. Среди других материалов в первую очередь следует выделить приходо-расходные книги монастыря, начиная с 1573 года, которые дают колоссальный и первостепенной важности материал по истории цен и хозяйства **. Такое же исклю-

- Добавлено карандашом.

** Далее зачеркнуто В особенности следует выделить приходо-расходные книги XVI века, как материал исключительной ценности.

чительное значение имеют и книги XVI века об ужине и умолите хлебов в монастырских вотчинах, а также записи выдачи денежных оброков.

2. Архив Волоколамского монастыря является в особенности ценным потому, что этот архив в значительной своей части сохранился в полном и неповрежденном виде с конца XVI века и таким образом дает представление об эволюции монастырского хозяйства на протяжении XVI—XVIII веков. Так как архив до сих пор фактически не описан, следует произвести описание архива.

3. Необходимо подготовить материалы для издания наиболее интересных документов и книг, в первую очередь редчайшие хозяйственные документы XVI века. Для издания материалов архива вступить в сношения с Постоянной Археографической Комиссией, как наиболее авторитетным учреждением в области издания исторических источников. Сделать копии наиболее редких хозяйств[енных] книг XVI века.

4. Проведение указанных мероприятий поручить 2-м или 3-м членам Общест[ва] по выбору Президиума Культурно-исторической секции.

5. Для описания и подготовки материалов архива к изданию испрашивается следующая смета (ориентировочно).

[Далее приводится смета и указываются рукописи, которые целесообразно копировать в первую очередь: книга оброков XVI в., книга ужина и умолата, приходо-расходные книги 1573, 1579, 1580 гг.].

М. Тихомиров

23 сентября 1929 года.

ГБЛ, ф. 177, к. 15, ед. хр. 5, л. 1—1 об. Автограф.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ План разработки архива и издания сборника его актов был доложен М. Н. Тихомировым на заседании Президиума Культурно-исторической секции Общества изучения Московской губернии 23 сентября 1929 г. (Протокол заседания. — ГБЛ, ф. 177, к. 14, ед. хр. 69). Это же заседание постановило командировать в архив Волоколамского монастыря Л. В. Черепнина для ознакомления с актовым материалом (см. там же). План был разработан М. Н. Тихомировым в результате проведенной им летом 1929 г. экспедиции в Волоколамский монастырь для обследования архива (Протокол № 1 заседания Президиума Культурно-исторической секции Общества изучения Московской губернии от 16 сентября 1929 г. — Там же). Как свидетельствуют источники, экспедиция была не первым знакомством М. Н. Тихомирова с составом документов архива — летом 1927 г. М. Н. Тихомиров также командировался в Волоколамск для ознакомления с историческими памятниками (Протокол заседания Президиума Культурно-исторической секции Общества изучения Московской губернии от 10 июня 1927 г. — Там же, к. 14, ед. хр. 67; Отчет о работе Культурно-исторической секции Общества изучения Московской губернии с октября 1926 г. по декабрь 1927 г. — Там же, к. 15, ед. хр. 4).

*Замечания М. Н. Тихомирова о географическом словаре Московской области*¹

В Президиум Общест[ва] Изучения Москов[ской] губернии*.

В Президиум Культурно-исторической секции.

О географическом словаре Московской области (дополнения к записке Я. С. Артюхова)².

Вполне соглашаясь с основными положениями записки Я. С. Артюхова, считал бы необходимым внести следующие дополнения:

К § 1. Географический словарь Московской области должен иметь не только научный, но и практический характер. Словарь должен включать в себя такие материалы, которые могут быть использованы как пособие при реализации пятилетки.

* Справа против заголовка рукой М. Н. Тихомирова написано: Снять 6 копий на разреза[ной] бумаге.

К § 2. Работа по составлению словаря должна быть проведена при помощи местных краеведческих организаций. Для объединения краеведов следует собрать совещание представителей краеведных организаций и отдельных краеведов, предполагающих принять участие в работе словарной комиссии.

К § 4. В программе описания каждого города и поселения городского типа можно выделить следующие темы, которые могли бы быть разработаны под руководством и при помощи культурно-исторической секции (номера тем указаны по записке Я. С. Артюхова):

2. историческое прошлое города,
6. культурный облик города,
7. благоустройство города,
8. культурное влияние города на близлежащий район,
9. революционные события в городе,
10. выдающиеся уроженцы города.

В теме «историческое прошлое города» необходимо особо выделить следующие стороны исторического прошлого города*: 1) время основания и возможные причины возникновения города; 2) происхождение названия города**; 3) политическая и административная история города; 4) движение городского населения; 5) экономическая история города; 6) современная и историческая топография города; 6) культурное прошлое города.//

В теме «культурный облик города» особенно выделить вопросы народного образования и научные учреждения. Особо следует отметить все памятники искусства и старины, имеющиеся в городе. л. 1
об.

К § 11. Для организационной работы в состав редакционного комитета, кроме 3 представителей социально-экономической секции и 2 представителей культурно-исторической секции, включить 1 представителя от естественно-исторической секции.

Представляя настоящие дополнения к записке Я. С. Артюхова, считаю необходимым просить Правление Общества о созыве секционных совещаний местных краеведов. Подготовка такого совещания уже проводится по культурно-исторической секции. Предполагается созвать краеведов, работающих в области исторической географии, по 1 представителю от уезда. Созыв совещания предполагается на октябрь. На проведение этого совещания испрашивается ориентировочно 70 рублей (оплата железнодорожного проезда 17 представителей уездов, в среднем по 4 рубля на каждого человека).

По организации редакционного комитета и утверждения его Правлением необходимо собрать широкое совещание краеведческих организаций Области, предполагающих принять участие в составлении словаря. Сроки этого совещания должны быть выяснены редакционным комитетом.

ГБЛ, ф. 177, к. 15, ед. хр. 10, л. 1—1 об. Автограф.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ С этими дополнениями М. Н. Тихомиров, являвшийся тогда председателем Президиума Историко-географической комиссии Культурно-исторической секции Общества изучения Московской области (Отчет о работе Культурно-исторической секции с 1 сентября 1929 г. по 1 июля 1930 г. — ГБЛ, ф. 177, к. 15, ед. хр. 4), ознакомил Президиум Культурно-исторической секции 23 сентября 1929 г. (Протокол заседания. — Там же, к. 14, ед. хр. 69), когда докладывал о постановке работ по составлению Географического словаря Московской области.

² Согласно анкете члена Общества изучения Московской области, заполненной Я. С. Артюховым (ГБЛ, ф. 177, к. 10, ед. хр. 11), он, будучи экономистом по образованию, преподавал статистику и экономическую географию в московских вузах, являлся действительным членом Экономической секции Общества. Записки Я. С. Артюхова о географическом словаре Московской области в обследованном фонде не обнаружено.

* Далее зачеркнуто 1) современную и историческую топографию города.

** Далее зачеркнуто 3) экономическая.

План атласа и рабочей тетради по географии Московской области ¹

1 ^{1а}. Природные возможности области ²

1. Границы и административное деление области:
 - а) Карта Европ[ейской] части СССР, на которой показана Моск[овская] пром[ышленная] область; б) Карта МПО с показанием границ округов и (пунктиром) прежнего деления на губернии и уезды; в) Схема административного управления округов МПО; г) 10 карт отдельных округов. В объяснительном тексте должны быть указаны основные черты районирования области и сведения об областных³, окружных и районных административных учреждениях.
2. Рельеф МПО: а) гипсометрическая красочная карта области с показанием цифрами наибольших высот области; б) карта горизонталями какой-нибудь возвышенной части области; в) виды типичного холмистого и равнинного ландшафта области; г) ⁴ профиль высот области (наиболее низкого и наиболее высокого места над уровнем моря); В объяснит[ельном] тексте говорится об общем рельефе области, подчеркивая его локальные черты.
3. Климат области: а) карта годовых изотерм области и СССР; б) июльские и январские изотермы области; в) карта распределения годовых осадков в области; г) цифры годовых осадков по округам с указанием различий по месяцам; д) вид метеорологической станции в области; е) сведения о снежном покрове области и его продолжительности по округам; ж) таблица ⁵ важнейших наблюдений над природой области. В объяснит[ельном] тексте следует дать сведения о важнейших климатических особенностях области и ⁶ отличие их по округам.
4. Реки и озера области: а) карта ⁷ бассейна верхней Волги и Оки; б) карта рек области (судоходных и сплавных, с указанием важнейших пристаней) и озер; в) виды на реках области в местах погрузок; г) диаграмма движения товаров по Москве-реке; д) фотографии типичных судов в пределах области; е) карта замерзания рек и наступления половодья в области; ж) виды реки Москвы, Волги или Оки в половодье и в межень ⁸//
- ^{4. 1}
^{об.} 5. Почвы и растительный покров: а) карта почв МПО по округам; б) карта растительного покрова МПО по округам; в) карта лесных массивов; г) таблицы главнейших древесных пород области и представителей дикого животного мира. Виды растительных сообществ, ландшафтов и т. д. в области.

II. Экономическая и культурная жизнь области ²

- А. Население области: а) диаграмма численности населения МПО и др. областей СССР; б) карта плотности населения области по округам; в) диаграмма городского и сельского населения области; г) планы важнейших городов области (Москвы, Тулы, Рязани, Твери, Калуги, Орехово-Зуева); д) виды ⁹ важнейших городов области; е) диаграммы профессионального, социального и полового состава населения области; ж) диаграмма классового состава области.
- Б. Промышленность области:
 1. Энергетические ресурсы: а) карта подмосковного каменноугольного района; б) виды и разрезы¹⁰ шахт в подмосковном районе; в) диа-

^{1а} Далее зачеркнуто Атлас.

² Подчеркнуто в рукописи.

³ Далее зачеркнуто админ.

⁴ Далее зачеркнуто сравнительная.

⁵ Над с тройкой написано таблица.

⁶ Далее зачеркнуто связи.

⁷ Далее зачеркнуто рек.

⁸ Далее зачеркнуто В объяснит. тексте.

⁹ Далее зачеркнуто пр.

¹⁰ Над строкой написано и разрезы.

грамма каменноугольных запасов МПО по сравнению с другими областями СССР, г) карта торфяных разработок области; д) вид ¹¹ и чертежи машин, употребляемых на торфоразработках; е) виды торфяных разработок области; ж) картограмма подвоза недостающего в МПО топлива (кам[енного] угля, нефти, дров); з) карта электрофикации области с показанием существующих и предполагаемых станций и сети их; и) виды электростанций.

2. Сырьевые промышленные ресурсы МПО: карта¹² ископаемых МПО. Виды разработок.

3. Обрабатывающая промышленность области: а) диаграмма количеств[енного] участия ¹³ МПО в промышл[енной] ¹⁴ продукции СССР; б) диаграмма количества промышл[енных] рабочих в МПО по отношению к СССР; в) карта типичных промышленных районов области; г) карта текстильной промышленности МПО с указанием числа фабрик, современных и по 5-летке; д) вид и план ¹⁵ какой-нибудь большой фабрики; е) производственные процессы на текст[ильной] фабрике в чертежах и фотографиях; ж) диаграмма продукции текстильной промышл[енности], современной и по 5-ке МПО; з) картограмма подвоза недостающих для промышленности текстильных материалов; и) карта металлической промышленности МПО с указанием важнейших заводов; к) таблицы наиболее характерных для МПО изделий металлопромышленности; л) виды важнейших заводов области и производств[енных] процессов в них; м) карта подвоза недостающих для ¹⁶ металл[ической] промышленности МПО металлических материалов; н) диаграмма продукции металл[ической] промышленности МПО современной и по 5-ке; о) карта остальных видов производства// в области с указанием фарфоровых, химических и др. предприятий; л. 2 п) виды отдельных производств области; р) диаграммы их продукции, современной и по 5-ке; с) карта промышленной 5-ки области; т) картограмма кустарных районов МПО; у) виды отдельных кустарных производств МПО.

В. Сельское хозяйство МПО: а) карта сельскохозяйственных угодий области; б) карта распространения культурных растений по округам; в) таблицы важнейших культ[урных] растений, возделываемых в МПО; г) диаграммы производства хлебов и других растений МПО; д) карта производящих и потребляющих районов области с указанием недостатков и излишков по округам; е) диаграмма подвоза недостающих с[ельско]хоз[яйственных] продуктов в МПО; ж) карта совхозов области; з) карта колхозного строит[ельства] области; и) виды наиболее выдающихся совхозов или колхозов МПО; к) карта какого-нибудь ¹⁷ района сплошной коллективизации в МПО.

Г. Транспорт и средства связи: а) карта железнодорожных путей Москвы и СССР; б) карта железнодорожных путей области; в) виды железн[одорожных] путей и складов; г) диаграмма грузов МПО; д) карта важнейших и грунтовых дорог МПО; е) виды различных типов шоссейных дорог в области; ж) карта почты, телеграфа и радио; з) виды важнейших из учреждений средств связи.

Д. Торговля области: а) карта важнейших торговых центров области; б) карта товаропроводящей сети кооперации и госторговли; в) схема кооперативного строительства МПО; г) фотографии некоторых учреждений торгового характера (универмаги, склады и т. д.).

Е. Культурное состояние области: а) карта школьной сети по округам;

¹¹ Далее зачеркнуто ма.

¹² Далее зачеркнуто сырьевых.

¹³ Над строкой написано участия.

¹⁴ Над строкой написано промышл.

¹⁵ План написано над зачеркнутым чертежи.

¹⁶ Далее зачеркнуто МПО.

¹⁷ Над строкой написано какого-нибудь.

б) диаграмма грамотности населения МПО; в) список вузов МПО; г) карта политико-просветительской сети МПО по округам; в) карта и список¹⁸ наиболее интересных музеев области; г) карта центров¹⁹ памятников старины и культуры; д) виды старинных памятников области; е) карта мест МПО, связанных с революционным прошлым; 4) виды местностей, связанных с революционным прошлым.

М. Тихомиров//

л. 3

**Объяснительная записка к плану
«Атласа и рабочей тетради Московской области»
(для школ II ступени)**

Программы Гус'а уделяют большое внимание вопросам краеведения. Краеведческие мотивы, можно сказать, пронизывают программы Гус'а для групп I ступени и в значительной мере определяют и отделы целого ряда предметов в программах II ступени. К сожалению, практически краеведению не всегда отдается должное внимание в школьной практике, и даже такие чисто краеведческие моменты, как курс физической географии (V группы) нередко проводятся вне всякой связи с окружающей природой и прорабатываются²⁰ на основе лишь общих представлений о физических явлениях. Причиной такого игнорирования краеведения в школьной практике, помимо других условий, является и отсутствие школьно-краеведческих пособий. В продаже имеются, правда, ряд серьезных пособий для изучения Московской области, но в большинстве случаев, несмотря на свою научную²¹ ценность, эти пособия неприменимы в школе и недоступны не только для учащихся, но и для рядового педагогического персонала, тем более что и составлены они большей частью не педагогами, а людьми, очень далекими от школьной практики.

«Атлас и рабочая тетрадь», по нашей мысли, и должна пополнить заметный недостаток в пособии по школьному краеведению. А что этот недостаток ощущается действительно остро, можно доказать тем, что попытки составления таких рабочих тетрадей проводятся уже по отдельным областям нашего Союза, в частности в Средне-Волжской области.

«Атлас и рабочая тетрадь», как нам кажется, должны отвечать двум основным требованиям: 1) соответствовать программам; 2) быть методически выдержанным пособием. С этих двух сторон и попробуем осветить план, нами представляемый.

В программном отношении «Атлас и рабочая тетрадь» отвечают давно назревшей потребности в пособии для географии и обществоведения. В частности, 1 выпуск атласа «Природные возможности области» целиком соответствует программе по географии в V-х группах, где проходится довольно полно курс физической географии. Обычно в школах этот курс носит несколько отвлеченный характер, тогда как прохождение физической географии, несомненно, должно // быть тесно связано с изучением окружающей природы, основываться целиком на краеведении, за исключением тех отделов, которые не могут быть изучены на местном материале. Каждый педагог знает, какой горячий отклик встречает в учащихся попытка связать проходимый по курсу материал с материалом краеведческим²², нам близким и знакомым²³. Таким образом, 1-й²⁴ выпуск «Атласа и рабочей тетради»²⁵ ответит необходимой и остро чувствуемой

¹⁸ Над строкой написано И список.

¹⁹ Далее зачеркнуто старинных.

²⁰ Над строкой написано и прорабатываются.

²¹ Над строкой написано научную.

²² Над строкой написано С материалом краеведческим.

²³ Далее зачеркнуто начинаются безчисленные вопросы и рассказы о виденном. Вы.

²⁴ Над строкой написано 1-ый.

²⁵ Атласа и рабочей тетради написано вместо зачеркнутого природных возможностей лишь.

потребности и будет безусловно нужен при ²⁶прохождении курса географии в V-х группах ²⁶.

Что касается 2-го выпуска «Экономическая и культурная жизнь области», то полного соответствия между ²⁷планом этого выпуска и программами II ступени мы не найдем. Тем не менее громадный обществоведческий материал, ²⁸который должен войти в состав ²⁸этого выпуска, совершенно необходим для целого ряда отделов программы ²⁹обществоведения во II ²⁹ступени ³⁰. Такие вопросы, как колхозное строительство, кооперация, районирование, использование экономических богатств, удобнее всего ³¹проработать на краеведческом материале ³¹, который к тому же можно осветить ³²соответствующими экскурсиями. Наконец, следует отметить, что 2-й выпуск необходим и для курса географии в VII группе. Обычно отдел «Московско-Промышленной области» (в учебниках до сих пор еще, впрочем, говорится о Центр[альной] Промышленной области) проходит и в московских школах очень кратко, можно сказать бегло. В существующих учебниках (Соколов и Уваров, Иванов, Баранский) МПО также отводится лишь небольшое количество материала. Это и вполне понятно для общего учебника географии СССР. Между тем было бы правильно ³³в школах нашей области географию ³³МПО проходить ³⁴более углубленно, соответственно перераспределив ³⁵в VII группах ³⁵и программный материал по географии ³⁶. В этом случае 2-й выпуск даст, несомненно, громадный материал как для педагога, так и для учащегося, не говоря уже о том, что «Атлас и рабочая тетрадь» могут быть использованы и для курса экономической географии на спецкурсах.

С методической стороны «Атлас и рабочая тетрадь» должны соответствовать современным методам преподавания, т. е. заключать в себе материал, удобный для активной проработки в школе. Поэтому, как мне кажется, всю работу следует разделить на две части — на атлас и на рабочую тетрадь. Под атласом я понимаю материал в виде карт, диаграмм и таблиц ³⁷, дающий руководящие указания и задания ³⁸.// Всю же ³⁹не- л. 4 посредственную работу ⁴⁰над картами следовало бы ⁴⁰перенести на «рабочую тетрадь». Эта тетрадь ⁴¹должна заключать в себе бланковые карты и контуры диаграмм, которые должны быть выполнены учащимися. Такое деление на текст и тетрадь принято, например, в некоторых немецких школьных изданиях. Оправдывается это деление и тем, что атлас, как руководящий текст, может иметь в некоторых случаях и самостоятельное значение, без последующей проработки в тетрадях.

Материал, входящий в атлас, можно подразделить на две большие группы: 1) карты, планы и диаграммы; 2) таблицы и фотографии. Само выполнение карт нам ⁴²представляется ⁴³не вполне по обычному методу. В этом отношении существующие школьные рабочие тетради (Иванов-

²⁶⁻²⁶ Дописано между строк.

²⁷ Между написано над строкой.

²⁸⁻²⁸ Написано вместо зачеркнутого наполняющий.

²⁹⁻²⁹ Написано над строкой.

³⁰ Далее зачеркнуто Так, вопросы строительства области, можно сказать, пронизывают программы II ступени.

³¹⁻³¹ Написано вместо зачеркнутого использовать на примере области, связав с материалом, знакомым для ребят.

³² Осветить написано над строкой вместо зачеркнутого связать с.

³³⁻³³ Написано над строкой.

³⁴ Далее зачеркнуто в пределах нашей области.

³⁵⁻³⁵ Написано над строкой.

³⁶ Далее зачеркнуто в VII группах.

³⁷ Далее зачеркнуто заключающей в себе.

³⁸ Далее зачеркнуто и проработку д пр некоторых примерных заданий.

³⁹ Же написано над строкой.

⁴⁰⁻⁴⁰ Написано вместо зачеркнутого я думаю.

⁴¹ Эта тетрадь написано над зачеркнутым которая.

⁴² Нам написано над зачеркнутым мне.

⁴³ Далее зачеркнуто следует выполнить.

Нечаев, Ефимов) едва ли могут служить хорошим образцом. Главным их недостатком является недостаточная целеустремленность и однообразное применение масштабов. Давая однообразные⁴⁴ по выполнению карты для всех областей Союза, авторы упомянутых тетрадей принуждены были давать карты в сравнительно крупных масштабах и в то же время не достаточно выразительно, не освещающая в полной⁴⁵ мере характерные особенности каждой области.⁴⁶ Поэтому при выполнении нашего атласа⁴⁶ можно было бы также воспользоваться германскими⁴⁷ способами выполнения школьных⁴⁸ карт, т. е. давать вместо больших карт ряд небольших целеустремленных карт, с нанесением на них только тех объектов, ради которых и составляется сама карта⁴⁹ (например, карта⁵⁰ подмосковного каменноугольного бассейна, тульского промышленного района и т. д.). При таком способе⁵¹ выигрывается значительное место в печати, и в то же время будут⁵² выделены при помощи особых карт наиболее характерные стороны жизни МПО.

Текст атласа должен быть снабжен достаточным количеством диаграмм, таблиц и фотографий. Весь этот материал не следует⁵³ оставлять мертвым грузом, а надо⁵⁴ снабдить соответствующими заданиями и вопросами. Как мне кажется, и самый текст удобнее будет всего составить таким образом, чтобы связать его⁵⁵ целиком с заданиями и вопросами. Непосредственное же выполнение⁵⁶ заданий учащимися⁵⁷ должно быть перенесено на рабочую⁵⁸ тетрадь.

Размеры «Атласа и рабочей тетради Московской области» можно установить приблизительно в 9—10 печ.⁵⁹ листов. Из них на долю I выпуска (первая ступень)^{60 61} падает 3 $\frac{1}{2}$ листа и на вторую ступень — 8 листов, из которых 2 листа — рабочая тетрадь⁶¹.

М. Тихомиров//

л. 4
об.

В. Ф. Михальченкин
С. И. Попов
К. В. Сивков
П. Н. Счастнев
М. Н. Тихомиров
А. С. Барков

Авторы

Ответ. лицо
М. Н. Тихомиров

ГБЛ, ф. 177, к. 50, ед. хр. 27, лл. 1—4 об. Автограф.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Как свидетельствует отпуск сопроводительного к этим документам письма Президиума Общества изучения Московской области в Союз МОНО от 13 марта 1930 г. с просьбой о включении указанных пособий для учащихся I и II ступени в издательский план МОНО, составление означенных работ проводилось Школьно-краеведческой секцией Общества совместно с Кабинетом краеведения МОНО. Здесь же перечислены авторы: А. С. Барков, В. Ф. Михальченкин, С. И. Попов, К. В. Сивков, П. Н. Счастнев, П. Н. Степанов, М. Н. Тихомиров; названо ответственное лицо — М. Н. Тихомиров; указан срок исполнения — 1 октября 1930 г. (ГБЛ, ф. 177, к. 16, ед. хр. 60).

⁴⁴ Далее зачеркнуто карты.

⁴⁵ Полной написано над зачеркнутым достаточной.

⁴⁶⁻⁴⁶ Написано над зачеркнутым В данном случае.

⁴⁷ Далее зачеркнуто и американскими.

⁴⁸ Школьных написано над зачеркнутым отдельных.

⁴⁹ Далее зачеркнуто но с применением всех возможных подробностей.

⁵⁰ Далее зачеркнуто московского.

⁵¹ При таком способе написано вместо зачеркнутого в этом случае.

⁵² Будут написано вместо зачеркнутого выделяются.

⁵³ Следует написано над зачеркнутым должен.

⁵⁴ Надо написано вместо зачеркнутого должен быть.

⁵⁵ Его написано над строкой.

⁵⁶ Выполнение написано над зачеркнутым работа над.

⁵⁷ Учащимися написано над строкой.

⁵⁸ Рабочую написано над строкой.

⁵⁹ 9—10 печ. написано вместо зачеркнутого 7.

⁶⁰ (первая ступень) написано над строкой.

⁶¹⁻⁶¹ Написано вместо зачеркнутого 2 $\frac{1}{2}$ листа атласа и 1 $\frac{1}{2}$ листа — тетради, на 2 выпуск — $\frac{2}{3}$ листа атласа и на тетрадь 1 лист тетради.

IV. ХРОНИКА

СОСТАВ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ АН СССР *

Бюро Археографической комиссии

Шмидт Сигурд Оттович — д. и. н.
(Институт истории СССР АН СССР) —
председатель.

Черных Вадим Алексеевич — к. и. н. —
ученый секретарь.

Александров Вадим Александрович —
д. и. н.

(Институт этнографии АН СССР).

Белявский Михаил Тимофеевич — д. и. н.
(Московский государственный универси-
тет).

Бескровный Любомир Григорьевич —
д. и. н.

(Институт истории СССР АН СССР).

Долгих Филипп Иванович — к. филос. н.
(Главное архивное управление при Со-
вете Министров СССР).

Дорошенко Василий Васильевич —
чл.-корр. АН Латв. ССР
(г. Рига).

Дьяков Владимир Анатольевич — д. и. н.
(Институт славяноведения и балкани-
стики АН СССР).

Жуковская Лидия Петровна — д. ф. н.
(Институт русского языка АН СССР).

Ковальченко Иван Дмитриевич —
член-корр. АН СССР.

Левшин Борис Венедиктович — к. и. н.,
(Архив АН СССР).

Лихачев Дмитрий Сергеевич — академик
(Ленинград).

Люблинская Александра Дмитриевна —
д. и. н.
(ЛОИИ СССР АН СССР).

Носов Николай Евгеньевич — д. и. н.
(ЛОИИ СССР АН СССР) — зам. пред-
седателя Ленинградского отделения Ар-
хеографической комиссии.

Покровский Николай Николаевич —
к. и. н.
(СО АН СССР) — зам. председателя Си-
бирского отделения Археографической
комиссии.

Удальцова Зинаида Владимировна —
д. и. н.
(Институт всеобщей истории АН СССР).

Чистякова Елена Викторовна — д. и. н.
(Университет дружбы народов им. П. Лу-
мумбы).

Янин Валентин Лаврентьевич — член-
корр. АН СССР.

Члены Археографической комиссии

Автокротова Мария Игоревна
(ЦГАДА).

Андроников Ираклий Луарсабович —
д. ф. н.

(Союз писателей СССР).

Буганов Виктор Иванович — д. и. н.
(Институт истории СССР АН СССР).

Валк Сигизмунд Натанович — д. и. н.
председатель Ленинградского отделения
Археографической комиссии.

Волкова Наталья Борисовна — к. ф. н.
(ЦГАЛИ)

Гафуров Бободжан Гафурович — акаде-
мик.

Далин Виктор Моисеевич — д. и. н.
(Институт всеобщей истории АН СССР).

Данилов Александр Иванович — дей-
ствительный член Академии педагоги-
ческих наук СССР.

Димитриев Василий Дмитриевич —
д. и. н.

(Чувашский НИИ языка, литературы,
истории и экономики).

Дружинин Николай Михайлович — ака-
демик.

Елпатьевский Андрей Валерьянович —
к. и. н.

(ВНИИДАД).

Житомирская Сарра Владимировна —
к. и. н.

(ГБЛ)

Зимин Александр Александрович —
д. и. н.

(Институт истории СССР АН СССР).

Иванов Николай Иванович —
(Главное архивное управление при Со-
вете Министров РСФСР).

* Утвержден Бюро Отделения истории АН СССР 29 ноября 1973 г., Президиумом АН СССР 26 февраля 1974 г.

- Капцугевич Игорь Севастьянович** — к. и. н. (Пермский гос. университет) председатель Уральского отделения Археографической комиссии.
- Каштанов Сергей Михайлович** — д. и. н. (Институт истории СССР АН СССР).
- Келдыш Юрий Всеволодович** — д. иск. н. (Институт истории искусств).
- Колесников Петр Андреевич** — д. и. н. (Вологодский пед. институт) — председатель Северного отделения Археографической комиссии.
- Корецкий Вадим Иванович** — к. и. н. (Институт истории СССР АН СССР)
- Кривоногов Василий Яковлевич** — д. и. н. (Уральский гос. университет) — зам. председателя Уральского отделения Археографической комиссии.
- Кузеев Раиль Гумерович** — д. и. н. (Башкирский филиал АН СССР) — председатель Южноуральского отделения Археографической комиссии.
- Курантов Александр Павлович** — к. филос. наук (ВНИИДАД).
- Литвак Борис Григорьевич** — д. и. н. (Институт истории СССР АН СССР).
- Луцкий Евгений Алексеевич** — д. и. н. (МГИАИ).
- Маркушевич Алексей Иванович** — действительный член Академии педагогических наук СССР.
- Метревели Елена Павловна** — чл.-корр. АН Груз. ССР.
- Митюков Александр Георгиевич** — к. и. н. (Главное архивное управление при Совете Министров УССР) — зам. председателя Археографической комиссии АН Украинской ССР.
- Мухамедьяров Шамиль Фатыхович** — к. и. н. (Институт истории СССР АН СССР).
- Набиев Рашид Набиевич** — член-корр. АН Узб. ССР (г. Ташкент).
- Нарочницкий Алексей Леопольдович** — академик.
- Никифоров Леонид Алексеевич** — д. и. н. (Институт истории СССР АН СССР).
- Окладников Алексей Павлович** — академик (г. Новосибирск) — председатель Сибирского отделения Археографической комиссии.
- Пашуто Владимир Терентьевич** — д. и. н. (Институт истории СССР АН СССР).
- Подобедова Ольга Ильинична** — д. иск. н. (Институт истории искусств).
- Поздеева Ирина Васильевна** — к. и. н. (Московский гос. университет).
- Пронштейн Александр Павлович** — д. и. н. (Ростовский гос. университет).
- Пугачев Владимир Владимирович** — д. и. н. (Саратовский гос. университет).
- Рогов Александр Иванович** — к. и. н. (Институт славяноведения и балканистики АН СССР).
- Рудельсон Клавдия Ивановна** — д. и. н. (ВНИИДАД).
- Рыбаков Борис Александрович** — академик.
- Самсонов Александр Михайлович** — чл.-корр. АН СССР.
- Сикорский Николай Михайлович** — д. ф. н. (ГБЛ).
- Соловьев Александр Арсентьевич** — к. и. н. (ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС).
- Стриганов Василий Михайлович** (Министерство культуры РСФСР).
- Тихомиров Николай Борисович** (ГБЛ).
- Тихонов Юрий Александрович** — к. и. н. (Отделение истории АН СССР).
- Улащик Николай Николаевич** — д. и. н. (Институт истории СССР АН СССР).
- Усанов Миркасым Абдулахатович** — к. и. н. (Казанский гос. университет).
- Хачикян Левон Степанович** — академик АН Арм. ССР
- Хорошилов Георгий Трифонович** — к. и. н. (Институт военной истории).
- Черепнин Лев Владимирович** — академик.
- Шабуня Константин Иванович** — член-корр. АН БССР
- Шерстобитов Виктор Павлович** — д. и. н. (Институт истории СССР АН СССР).
- Щелкина Марфа Вячеславна** — д. и. н. (ГИМ).

Ленинградское отделение Археографической комиссии

- Валк Сигизмунд Натанович** — д. и. н. — председатель (ЛОИИ).
- Ананьич Борис Васильевич** — д. и. н. (ЛОИИ).
- Бакланова Ирина Алексеевна** — к. и. н. (ЛОИИ).
- Бернадская Елена Владимировна** — к. и. н. (ГПБ).
- Богданова Александра Андреевна** (ЛО Архива АН СССР).
- Воронова Тамара Павловна** — к. и. н. (ГПБ).
- Ганелин Рафаил Шоломович** — д. и. н. (ЛОИИ).
- Горфункель Александр Хаимович** — к. и. н. (ЛГУ).

Гранстрем Евгения Эдуардовна — д. ф. н. (ГПБ).

Дейч Генрих Маркович — д. и. н. (ЛГПИ им. А. И. Герцена).

Демкова Наталья Сергеевна — к. ф. н. (ЛГУ).

Дмитриев Лев Александрович — д. ф. н. (ИРЛИ).

Ирошников Михаил Павлович — к. и. н. (ЛОИИ).

Киселева Людмила Ильинична — к. и. н. (БАН).

Колесов Владимир Викторович — д. ф. н. (ЛГУ).

Копанев Александр Ильич — к. и. н. (ЛОИИ).

Кукушкина Маргарита Владимировна — к. и. н. (БАН).

Курбатова Ирина Николаевна — к. и. н. (ГПБ).

Лебедева Ирина Николаевна — к. ф. н. (БАН).

Лихачев Дмитрий Сергеевич — академик.

Лурье Яков Соломонович — д. ф. н. (ИРЛИ).

Люблинская Александра Дмитриевна — д. и. н. (ЛОИИ).

Малышев Владимир Иванович — д. ф. н. (ИРЛИ).

Маньков Аркадий Георгиевич — д. и. н. (ЛОИИ).

Мещерский Никита Александрович — д. ф. н. (ЛГУ).

Муратова Ксения Дмитриевна — д. ф. н. (ИРЛИ).

Мыльников Александр Сергеевич — д. и. н. (Ленинградское отделение Института славяноведения и балканистики АН СССР).

Носов Николай Евгеньевич — д. и. н. (ЛОИИ) — зам. председателя.

Петровская Ирина Федоровна — к. и. н. (Институт театра, музыки и кинематографии).

Покровская Вера Федоровна — к. и. н.

Рейсер Соломон Абрамович — д. ф. н. (Ленинградский институт культуры).

Розов Николай Николаевич — к. ф. н. (ГПБ).

Рутенбург Виктор Иванович — д. и. н. (ЛОИИ) — зам. председателя.

Сербина Ксения Николаевна — д. и. н. (ЛОИИ).

Скрябинская Елена Чеславна — д. и. н.

Скрынников Руслан Григорьевич — д. и. н. (ЛГУ).

Соловьев Иван Николаевич — к. и. н. (ЦГАВМФ СССР).

Старцев Виталий Иванович — к. и. н. (ЛОИИ).

Стецкевич Мирра Яковлевна — к. и. н. (ГПБ).

Творогов Олег Викторович — к. ф. н. (ИРЛИ).

Фирсов Игорь Николаевич — к. и. н. (ЦГИА).

Шапиро Александр Львович — д. и. н. (ЛГУ).

Шепелев Леонид Ефимович — к. и. н. (ЛОИИ).

А. А. Курнос

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ В 1973 г.

Научные заседания

25 апреля 1973 г. кандидат исторических наук Ю. П. Шарапов выступил с докладом на тему «Маргиналии и дарственные надписи на книгах личной библиотеки В. И. Ленина в Кремле как исторический источник». В докладе была дана классификация маргиналий и дарственных надписей, показано их значение для выяснения и обоснования фактов биографии В. И. Ленина, биографических данных о лицах, связанных с ним. Одним из центральных тезисов доклада была констатация на ряде конкретных примеров недооценки историками советского периода этого вида исторических источников. В докладе был поставлен вопрос о включении данного вида источников в общий комплекс источниковедения периода 20-х годов. Доклад Ю. П. Шарапова вызвал живой интерес у аудитории. В ответах на многочисленные вопросы докладчик привел дополнительные данные о маргиналиях библиотеки В. И. Ленина. По общему мнению присутствующих, продолжение детальнейшей работы в этом направлении является насущной необходимостью.

18 октября 1973 г. на заседании Археографической комиссии был заслушан доклад С. В. Чиркова «Переписка Н. П. Павлова-Сильванского и А. Е. Преснякова о проблемах феодализма в России»¹.

Докладчик показал значение переписки 1901—1908 гг. (сохранившейся в архивах Ленинграда) как источника по истории исторической науки. Письма ученых содержат главным образом мнения о разрабатывавшейся Павловым-Сильванским теории феодализма в России и позволяют выяснить взаимоотношения ученых, близость научных интересов которых уже отмечалась в литературе. Эти источники в определенной степени свидетельствуют об эволюции взглядов Павлова-Сильванского и, одновременно, говорят об усвоении Пресняковым его представлений уже в первые годы XX в. Влияние концепции Павлова-Сильванского не проявилось в творчестве Преснякова непосредственно. Однако появление его работ о феодализме в 20-е годы не может быть понято, если не учитывать такое влияние.

С другой стороны, воздействие мнений Преснякова о недостаточности «социологического», формально-юридического сравнения феодальных институтов в определенной мере сказалось на расширении и обогащении воззрений Павлова-Сильванского, побудило его перейти к поискам социологической закономерности эволюции феодальных отношений.

Письма отразили также характерные черты индивидуальной психологии этих историков, их научно-этические принципы.

Доклад С. В. Чиркова вызвал у участников обсуждения живой интерес.

В. Б. Павлов-Сильванский (Археографическая комиссия) сказал, что известный историком архив Н. П. Павлова-Сильванского невелик. Поэтому публикация писем и предпосланное ей обстоятельное введение не может не вызвать чувства живейшей признательности в адрес С. В. Чиркова. Многие вопросы, связанные с разработкой ученых проблем феодализма в России, зачастую приходится решать на основании опубликованных трудов. Отсюда — значение переписки. Ее содержание не совсем обычно. Оно относится к одной большой теме. Авторы делятся друг с другом взглядами на ее важнейшие аспекты, сомнениями, высказывают предположения о возможных направлениях развития ряда положений и нередко формулируют их, учитывая при этом бурную подчас реакцию научной общественности на труд Н. П. Павлова-Сильванского. Фактически речь идет о фиксации какой-то части процесса творчества двух крупных ученых. В переписке отразилась и огромная поддержка, которую оказывал Павлову-Сильванскому в трудные для него времена самый близкий его друг А. Е. Пресняков.

¹ См. публикацию в «Археографическом ежегоднике за 1972 г.»

А. А. Курнов (Археографическая комиссия) выразил мнение, что переписку Преснякова и Павлова-Сильванского в ходе дальнейшей разработки проблемы было бы интересно включить в более широкую источниковедческую ситуацию путем, например, ее сопоставления с завершенными историческими трудами тех же авторов.

Специфика переписки, своеобразие ее функциональной и юридической характеристики позволяет ей зафиксировать процесс эволюции идей во всей его конкретности и сложности. Благодаря этому появляется возможность соединить далеко отстоящие друг от друга «штрихи пунктира» — опубликованные труды, избегая при этом спрямления линии развития, упрощения.

Полезно было бы также показать место исследуемой переписки в русской эпистолярной традиции.

А. Г. Черешня (МГИАИ) поставил вопрос о возможности более интенсивного использования переписки для выяснения индивидуальных качеств ученых, их взаимоотношений друг с другом.

Л. Н. Растопчина (Археографическая комиссия) подчеркнула, что высказанные в прениях общие соображения об учете историографической и источниковедческой ситуации того времени должны быть осмыслены автором под углом зрения принятых им ограничительных посылок. В докладе в центре внимания находится Пресняков, — во-первых, а переписка рассматривается не как источник вообще, но как источник для изучения эволюции теории феодализма, — во-вторых. Разумеется при этом переписка может рассматриваться только на широком историографическом фоне того времени в рамках поставленной проблемы.

Заключая обсуждение доклада, председатель Археографической комиссии С. О. Шмидт отметил, что проблема поставлена на стыке историографии и источниковедения. Жанр научной переписки и вообще очень интересен. Тем в большей степени это относится к данной группе источников, что корреспонденты думали как бы «на одной волне», их взаимопонимание было глубоким и полным. Благодаря этому их письма зафиксировали нечто большее, чем только обмен суждениями о научной проблеме, а именно психологию творчества, этические нормы, личные особенности ученых, сыгравших исключительную роль в развитии исторической науки.

12 декабря 1973 г. состоялось совместное заседание Научного совета Центрального государственного архива литературы и искусства СССР и Археографической комиссии Академии наук СССР, посвященное научной и архивной деятельности Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича.

Открывая заседание, директор ЦГАЛИ Н. Б. Волкова рассказала о многогранной деятельности В. Д. Бонч-Бруевича. Выдающийся революционер и государственный деятель, талантливый и широкообразованный ученый, литератор и пропагандист, Бонч-Бруевич оставил глубокий след в истории советской культуры. Задолго до революции он, озабоченный сохранением материалов по истории революционного движения, организовал в Женеве библиотеку и архив ЦК РСДРП.

Уже в первые дни революции Владимир Дмитриевич развернул интенсивную работу по спасению и сохранению культурных ценностей, прежде всего — архивов. И в дальнейшем собирание материалов по истории русской и мировой культуры оставалось важным, а потом — с основанием Литературного музея — главнейшим делом его жизни.

И. С. Зильберштейн (Институт мировой литературы АН СССР) поделился воспоминаниями о В. Д. Бонч-Бруевиче, с которым он много лет сотрудничал как в издательской работе, так и в поисках документов по истории литературы.

Обе эти линии тесно переплетались в деятельности Бонч-Бруевича: издания давали Литературному музею средства для приобретения архивов, а полученные материалы, в свою очередь, становились базой для новых и новых публикаций.

В первые же годы после основания Литературного музея были получены замечательные фонды из Ленинграда: более трех тысяч «номеров» о творчестве и жизни Блока (в том числе двести писем Белого и Блока, опубликованных в одном из лучших томов «Литературного наследства»), фонды Сомова, Кузмина, Аничковой.

Из Бахрушинского музея в обмен на материалы по истории русского театра поступил архив опеки Пушкина, альбом Пономаревой с автографами Пушкина, Дельвига, Тургенева. Из Павловского дворца были переданы многочисленные письма французского писателя Глен де Сен-Мора императрице Марии Федоровне о культурной жизни Франции. Многие были приобретены и за границей.

Многообразна была и издательская деятельность, развернутая Бонч-Бруевичем. Тома «Звеньев», «Летописей» Литературного музея, альбомы, открытки с портретами и рисунками русских писателей, их сочинения и документальные публикации вышли в свет по его инициативе.

Деятельности В. Д. Бонч-Бруевича по получению материалов из-за рубежа было посвящено сообщение В. А. Черных (Археографическая комиссия) ².

Ю. А. Красовский (ЦГАЛИ) сосредоточил внимание на тех принципах, которыми В. Д. Бонч-Бруевич руководствовался в своей работе по комплектованию архива.

Работать с ним было и трудно и легко. Трудно потому, что Владимир Дмитриевич знал, на что человек способен. И умел добиться, чтобы было сделано все, на что он

² Статья В. А. Черных публикуется в этом же томе «Археографического ежегодника».

способен. Легко же — из-за его одержимости, увлеченности работой. И главным его увлечением было собирание памятников культуры. Тем самым он умел создать атмосферу постоянной заинтересованности в работе.

Владимир Дмитриевич очень энергично собирал материалы советского времени. Своих сотрудников он предупреждал: «Не будьте пророками. Кто знает, что выявится через сто лет».

Бонч-Бруевич настаивал на отказе от личных вкусов и привязанностей, требовал объективности в отношении к материалам и людям. И сам следовал этому требованию, что проявилось, в частности, в его отношении к собиранию материалов Маяковского. Критерием для него служила серьезность данного явления культуры, а признаком серьезности — убежденность.

С сообщением о переписке В. Д. Бонч-Бруевича как источнике по истории собирания материалов личного происхождения выступила *К. Г. Межова* (МГИАИ).

В. Д. Бонч-Бруевич оставил богатейшую переписку. Как правило, она отражает первоначальные этапы собирательской деятельности (выявление корреспондентов и владельцев документов, установление связей с ними, ход переговоров и т. п.).

В 1933—1935 гг. им были разосланы тысячи писем о создании музея, в том числе — множество личных. Таким путем, в частности, создавалась сеть корреспондентов.

Большая группа писем адресована потомкам и наследникам деятелей культуры, писателей, а также коллекционерам. Оживленная переписка связывала Бонч-Бруевича и с современными писателями: А. М. Горьким, А. Н. Толстым, Андреем Белым и многими другими. Обеспокоенный вероятной утратой или распылением их архивов, Владимир Дмитриевич вел с ними переговоры о прижизненной передаче этих материалов музею.

Переписка отразила не только деловые отношения с корреспондентами, но и глубокую человечность Бонч-Бруевича. Он любил и собирал рукописи, но еще больше любил людей. Вниманием к ним проникнуты многие из писем. В них отразилась действительная, практическая забота об их нуждах.

На заседаниях выступили с воспоминаниями сотрудники Бонч-Бруевича.

В. Д. Дувакин (МГУ) рассказал о постоянной поддержке со стороны В. Д. Бонч-Бруевича, которую оказывал он группе, собиравшей материалы Маяковского. Будучи сам человеком одержимым, он чувствовал и ценил одержимость в своих сотрудниках. На этой основе и сложились их отношения. При помощи Владимира Дмитриевича группе удалось получить интереснейшие материалы Маяковского — рукопись «150 000 000», «Окна РОСТА» и многие другие.

К. М. Виноградова посвятила свои воспоминания истории создания Литературного музея, отношениям, которые сложились в его коллективе — в очень большой степени — благодаря Бонч-Бруевичу, его пониманию и умению ценить людей, уважению их творческой индивидуальности. Вследствие этого сам он оказался в окружении не просто слушающих, но энтузиастов музея.

К. М. Виноградова рассказала об организованных Литературным музеем выставках, способствовавших популяризации сохраненного им культурного наследия. 10 лет работы В. Д. Бонч-Бруевича в музее стали огромным вкладом в советскую литературно-музейную культуру.

Н. П. Пахомов рассказал о тех, вполне естественных для Бонч-Бруевича формах установления не только деловых, но и человеческих отношений с владельцами интересных для Литературного музея материалов. «Корреспонденты» привязывались к музею не только личностью его руководителя, но и всей атмосферой, сложившейся в коллективе. Эта обстановка и возможность повседневного общения с Бонч-Бруевичем вместе с тем способствовали формированию плеяды блестящих знатоков истории культуры.

Председатель Археографической комиссии *С. О. Шмидт* отметил, что В. Д. Бонч-Бруевич принадлежал к числу окружавших Ленина высокообразованных интеллигентов, сконцентрировавших и передавших последующим поколениям громадный запас культуры.

Естественным поэтому было глубокое понимание им значения архивов и иных культурных ценностей: музейных собраний, архитектурных памятников и др. Работа по их сохранению — одно из главных дел его жизни — с революционного времени и до конца жизни. В современной деятельности Главархива и архивных органов продолжена эта намеченная Владимиром Дмитриевичем традиция.

С. О. Шмидт высказал мнение о необходимости увековечения памяти В. Д. Бонч-Бруевича в специальных сборниках, публикациях и иными способами.

Закрывая заседание, *Н. Б. Волкова* выразила мнение, что выполнена главная его цель — мобилизация опыта Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича.

Участниками заседания были приняты соответствующие рекомендации.

24 декабря 1973 г. состоялось совместное заседание Археографической комиссии при Отделении истории АН СССР и Группы по изданию «Полного собрания русских летописей» Института истории СССР АН СССР, посвященное 75-летию со дня рождения Арсения Николаевича Насонова (1898—1965).

Открывая заседание, академик *Б. А. Рыбаков* охарактеризовал А. Н. Насонова как человека многогранного. Широта кругозора у него сочеталась с необычайной скромностью. Он никогда не торопился, хотя работал напряженно, быстро, много. Но он никогда не позволял себе оставить что-то незавершенным, недоделанным. Он все отшли-

фовывал и только после этого двинулся дальше. Поэтому даже раннюю его работу «Монголы и Русь» необходимо сейчас переиздать. Это работа безупречная. И несмотря на появление новых теорий и гипотез, открытие новых источников — письменных и вещественных, давным давно написанная Арсением Николаевичем книга и сейчас актуальна, и сейчас показывает действительное положение вещей в истории монгольского завоевания. И важная причина непреходящей ее ценности состоит в том, что Насонов смотрел на вещи исторически, без каких бы то ни было спекуляций и увлечений. Книга эта — прекрасный пример исторических исследований, где источниковедение неразрывно связано с историческими выводами.

В этом вообще главная особенность и главное достоинство работ А. Н. Насонова. Он и источниковед и историк. У него это слито воедино. Посвятив очень много лет источниковедению, Насонов всегда, на любом этапе своей работы был историком.

Огромное значение имеют историко-географические работы А. Н. Насонова. Сколько людей бралось за систематизацию летописных сведений, разрозненных и разных по своему достоинству. И все-таки настоящей системы до Арсения Николаевича не было.

Б. А. Рыбаков вспоминает, что когда Насонов сдавал в печать свою книгу «Русская земля», он работал над той же темой, но не во всем ее объеме, а только над начальным периодом. Оказалось, что результаты обеих работ почти совпали. Насоновская работа оказалась, таким образом, эталоном для проверки других исследований.

Очень жаль, что Арсению Николаевичу не удалось довести до конца работу по выявлению и изучению летописных сводов. Он успел сделать чрезвычайно много по географии летописных списков. Эта работа титаническая, которую можно сравнить только с работой Шахматова по сумме знаний, которые нужно было применить в ней. Насонов не успел завершить эту работу, но сделанное им представляет для нас большой интерес. Это как всегда блестяще отшлифовано, содержит множество интересных наблюдений, протянуты связи от одного источника к другому. История летописания по-новому зазвучала под пером Арсения Николаевича. Он был обаятельным человеком, простым, скромным, каким-то очень чистым внутренне. Очень жаль, что смерть так рано оборвала его творческий путь. Но все, что оставил Насонов после себя, — все это входит в очень прочный фундамент нашей исторической работы.

С докладами на заседаниях выступили: *В. И. Бузинов* (Институт истории СССР АН СССР), рассказавший о работах А. Н. Насонова как исследователя русского летописания; *В. А. Кучкин* (Институт истории СССР АН СССР), рассмотревший труды ученого в области археографии; *А. Л. Станиславский* (Архив АН СССР), охарактеризовавший фонд Насонова в Архиве АН СССР³.

На заседании была прочитана телеграмма академика Д. С. Лихачева: «Арсений Николаевич Насонов был настоящим ученым, отдавшим себя целиком только науке, ответственным за каждый свой вывод, за каждое сказанное и написанное слово, за каждую букву опубликованных им текстов. В изданных им летописях я не встретил опечаток. В его обобщениях нет сделанных, вопреки совести, в угоду предвзятым взглядам или, того хуже, отдельным ученым, даже самым влиятельным. Благодаря этому работы Арсения Николаевича лишены суетности и останутся живыми навсегда».

С воспоминаниями об Арсении Николаевиче Насонове выступили его товарищи по работе.

Е. Н. Кушева впервые увидела Насонова на семинаре А. И. Заозерского и на лекциях М. Д. Приселкова в Петрограде зимой 1922—1923 гг. Впечатление от тогдашнего облика его осталось такое: молодой человек, очень оживленный и активный, даже веселый, увлеченный исследовательской работой, уверенный в том, что путь в науку для него открыт, уверенный в своих силах.

Уже тогда М. Д. Приселков отмечал Арсения Николаевича, чувствовал в нем будущего историка русского летописания. Следующая встреча с Насоновым произошла уже в 1935 г., в Москве. Е. Н. Кушева увидела его уже иным: это был сложившийся ученый, имеющий авторитет как специалист, очень серьезный и сосредоточенный, исключительно целеустремленный в осуществлении своих творческих планов, несколько замкнутый. Эту замкнутость он в известной степени потом преодолел, когда стал работать в Секторе источниковедения Института истории у А. А. Новосельского.

Е. П. Подъяпольская рассказала о работе А. Н. Насонова в редколлегии «Проблем источниковедения». Он с необычайным вниманием относился к работам по самой разнообразной тематике — от самых древних времен до XX столетия включительно. И в редколлегии, и в секторе Арсений Николаевич был самым активным и деятельным помощником А. А. Новосельского. Поразительно скромный человек, он никогда не давал почувствовать громадную разницу между собой и только еще начинающими молодыми учеными, к которым относился с особым вниманием.

О. И. Подобедова (Институт истории искусств АН СССР) свое выступление посвятила тому, что сделано А. Н. Насоновым в области изучения художественной культуры Руси. В самом начале работы над многотомной «Историей русского искусства» Арсений Николаевич обратил внимание на необходимость изучения культуры Твери. В результате была открыта большая и очень значительная область русской художественной

³ Тексты этих докладов будут напечатаны в «Археографическом ежегоднике за 1974 год».

культуры мало изученной поры. Раскрылись сложные процессы сохранения и развития традиции, которая соединила в какой-то мере Киевскую Русь, Владимиро-Суздальскую землю в домонгольский период с ранней московской культурой. Таким образом, благодаря удивительной взрывчатости и научной строгости А. Н. Насонова как историка летописания, прозорливости в периодизации материала, его выводы нашли подтверждение в совершенно другой области исследований русской культуры.

С. М. Голицын (Союз советских писателей СССР) рассказал о том, как А. Н. Насонов консультировал его в ходе работы над произведениями по исторической тематике, советуя войти в прошлое прежде всего через источники — летописи, предметы быта, памятники старины.

Председатель Археографической комиссии *С. О. Шмидт*, заключая заседание, сказал, что Арсений Николаевич Насонов вошел очень прочно в историю исторической науки. Ему присуще было редкое сочетание первооткрывателя рукописей, археографа, тончайшего источниковеда и всегда — историка-исследователя, ощущавшего историю как часть культуры. Работы Насонова свидетельствуют об особом видении мира, умении сочетать в нечто целое не только письменные, но и изобразительные, и вещественные источники. В Арсении Николаевиче поражала совершенно естественная интеллигентность и во внешнем благородном облике, и в уважении к людям и их трудам — независимо от того, написаны ли они академиком или впервые выступившим в научном обществе человеком, в особенно уважительном отношении к памяти ушедших. Все это сочеталось с редким трудолюбием.

Список книг Насонова невелик, но несколько весома каждая из них! Большое уважение к своему труду сделало их такими. Среди его работ нет проходных.

В биографиях лишь немногих ученых есть труды, ставшие вехой в изучении данной темы. О трудах А. Н. Насонова это может быть сказано.

Издания Археографической комиссии

М. Н. Тихомиров. Российское государство XV—XVII веков. М., 1973, 424 стр. (АН СССР, Отделение истории, Археографическая комиссия, Архив АН СССР). Редакция. Отв. редактор С. О. Шмидт.

Сборник трудов академика М. Н. Тихомирова посвящен вопросам истории России XV—XVII вв. и включает работы, разбросанные в изданиях 20—60-х годов, а также неопубликованные сочинения. В книгу включены статьи, в которых исследуется происхождение названия «Россия», общее положение страны в XVI в., история сословно-представительных учреждений, присоединение народов Поволжья к России, вопросы внешней политики. Несколько работ имеют историко-краеведческий характер. Выделяется не опубликованный ранее специальный курс «Приказное делопроизводство в XVII веке».

Русское население Поморья и Сибири (период феодализма). Сборник статей памяти члена-корреспондента АН СССР Виктора Ивановича Шункова. М., 1973, 447 стр. (АН СССР, Отделение истории, Археографическая комиссия, Сибирское отделение, Архив АН СССР). Редакция. Председатель академик А. П. Окладников.

В статьях А. П. Окладникова, В. А. Александрова, З. Я. Бояршиновой освещается творческий путь В. И. Шункова, значение его работ для советской исторической науки, особенно сибиреведения. Последующие статьи, принадлежащие перу ученых Москвы, Ленинграда, Новосибирска и ряда других городов, посвящены проблемам изучения демографии, хозяйственного освоения, сословного состава, классовой борьбы в Сибири и Приморье.

Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, вып. I. М., 1973, 388 стр. (ротапринт). (Археографическая комиссия, Институт славяноведения и балканистики АН СССР, Главное архивное управление при Совете Министров СССР) ⁴.

⁴ Методическое пособие аннотируется в настоящем выпуске «Археографического ежегодника», стр. 321.

В ОТДЕЛЕНИЯХ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

Ленинградское

Утвержден новый состав Ленинградского отделения Археографической комиссии (см. выше, стр. 312—313).

Вышел в свет сборник «Вспомогательные исторические дисциплины», вып. V. Л., 1973, 331 стр. (редколлегия, отв. редактор С. Н. Валк).

В первом разделе сборника опубликованы статьи, посвященные источниковедческому анализу ряда работ В. И. Ленина и документов периода Великой Октябрьской социалистической революции. Второй раздел содержит работы по хронологии, топонимике, дипломатике, метрологии, нумизматике, истории государственных учреждений, исторической географии России. Третий раздел посвящен изучению русских летописей в историческом и источниковедческом плане. В четвертом разделе помещены статьи по источниковедению и дипломатике Византии и Западной Европы в Средние века.

Северное

Вышли в свет «Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник», вып. III. Вологда, 1973, 464 стр. (Северное отделение Археографической комиссии АН СССР, Вологодский государственный педагогический институт). Редколлегия. Отв. редактор П. А. Колесников.

В сборнике публикуются протоколы и постановления Съездов Советов Архангельской, Вологодской, Северо-Двинской и Череповецкой губерний; материалы об экономических и культурных преобразованиях в первые годы Советской власти; статьи о И. В. Бабушкине, А. В. Луначарском, о народнических кружках в Вологодской губернии; материалы по аграрной истории дооктябрьского периода, истории культуры. В разделе хроники помещены материалы о 50-летию Вологодского областного музея и о заводских музеях. В основу большинства статей и публикаций положены доклады и сообщения на Научной сессии, посвященной 50-летию образования СССР и 100-летию со дня рождения И. В. Бабушкина (Вологда, декабрь 1972 г.).

Сибирское

В 1973 г. деятельность Сибирского отделения Археографической комиссии была направлена на координацию усилий научных учреждений, высших учебных заведений, библиотек и музеев с целью выявления, приобретения и научного описания памятников древней письменности и печати, находящихся на территории Сибири.

Сдан в издательство сборник «Археография и источниковедение Сибири» (20 п. л.), содержащий, в частности, описания собраний рукописей Тобольска (Е. И. Дергачева-Скоп и Е. К. Ромодановская) и Тюмени (Н. Н. Покровский). А. С. Соболева проверила и дополнила описание старопечатных книг, поступивших в Институт истории, филологии и философии СО АН СССР в 1970 и 1971 гг.

Вышел в свет сборник Государственной публичной научно-технической библиотеки СО АН СССР «Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока», вып. 14. Новосибирск, 1973 (12 п. л.), посвященный проблемам археографии и книговедения.

Уральское

Уральское отделение Археографической комиссии, созданное в 1970 г., объединяет энтузиастов — ученых, партийных работников, сотрудников архивов, библиотек, музеев, учителей, работников культуры, краеведов, студентов с целью выявления, сбора и передачи на государственное хранение, а также научного использования рукописных и печатных источников по истории Урала.

Секции Уральского отделения действуют в Пермской, Свердловской, Челябинской, Кировской областях и Удмуртской АССР, ими проводится работа по изучению условий хранения документальных материалов в государственных и ведомственных архивах; намечены меры по оказанию помощи в учете и описании документальных собраний.

Начато комплексное археографическое изучение Пермской области силами совместной экспедиции Московского и Пермского государственных университетов под руководством ст. научного сотрудника исторического факультета МГУ И. В. Поздеевой.

В течение двух лет ведется работа по систематизации и описанию документальных материалов Чердынского краеведческого музея — одного из старейших на Урале.

Подготовлены к изданию 2-й и 3-й выпуски «Уральского археографического ежегодника».

В ноябре в Перми состоялось пленарное заседание Уральского отделения Археографической комиссии, на котором были обсуждены итоги археографических экспедиций 1973 года и скоординированы планы дальнейшей работы.

* * *

В связи с копчиной доктора исторических наук Ф. С. Горového Отделение истории АН СССР утвердило председателем Уральского отделения Археографической комиссии кандидата исторических наук И. С. Капцуговича.

Южноуральское

В соответствии с постановлениями Бюро Отделения истории АН СССР от 20 февраля 1973 г. и Президиума Башкирского филиала АН СССР от 24 мая 1973 г. организовано Южноуральское отделение Археографической комиссии с центром в г. Уфе под председательством доктора исторических наук Р. Г. Кузеева. Заместителями председателя утверждены доктор исторических наук В. И. Ананьев (Оренбург) и кандидат исторических наук В. П. Чемерис (Уфа). Ученый секретарь отделения — И. М. Гвоздикова.

Отделением подготовлен и издан первый выпуск «Южноуральского археографического сборника» (Уфа, 1973. 25 п. л. Отв. редактор Р. Г. Кузеев). В его основу легли доклады и сообщения, прочитанные на Южноуральской конференции по источниковедению, археографии и архивоведению, состоявшейся в Уфе в феврале 1972 г. По преимуществу это источниковедческие исследования и обзоры документальных материалов по истории революционного движения, промышленного и аграрного развития Южного Урала, строительства коммунистического общества. В ряде обзоров рассматриваются источники на старотюркском языке, имеющие большое значение для изучения отдельных периодов истории башкирского, татарского и других народов Южного Урала.

Археографическая экспедиция под руководством Г. Б. Хусаинова обследовала 7 районов БАССР и собрала около 200 рукописных и старопечатных книг, 12 башкирских шежере и другие источники.

31 октября 1973 г. в г. Уфе состоялось пленарное заседание отделения, посвященное обсуждению итогов и перспектив развития работы в области специальных исторических дисциплин на Южном Урале. На заседании рассмотрен и одобрен план исследовательских и организационных мероприятий на 1974—1975 гг.

М. Н. Воробьев

СОВЕЩАНИЕ ПО ВОПРОСАМ ОПИСАНИЯ ДРЕВНЕСЛАВЯНСКИХ РУКОПИСЕЙ

19—23 марта 1973 г. в Ленинграде состоялось совместное заседание Археографической комиссии, Института славяноведения и балканистики АН СССР и Библиотеки АН СССР, посвященное вопросам описания славяно-русских рукописей.

В совещании приняли участие специалисты по изучению и описанию рукописей — представители крупнейших хранилищ страны (Библиотеки Академии наук СССР, Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Государственного исторического музея, Центрального государственного архива древних актов, Центрального государственного исторического архива СССР) и других научных учреждений — Института истории СССР АН СССР (и его Ленинградского отделения), Института русского языка АН СССР, Института языкознания АН СССР, Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом), Сибирского филиала АН СССР, Центральной Библиотеки АН Литовской ССР, Московского и Ленинградского университетов, Института истории искусств Министерства культуры СССР, Института живописи, скульптуры и архитектуры им. Репина Академии художеств СССР (Ленинград) и др.

Основной задачей совещания явилось определение конкретных путей составления Сводного каталога славяно-русских рукописей, подготовка которого начата была по инициативе и под руководством академика М. Н. Тихомирова. Тематика совещания не ограничилась практическими задачами подготовки каталога и охватила широкий круг проблем истории рукописной книги, ее исследования и описания. В течение четырех дней было заслушано и обсуждено 25 докладов и сообщений.

Археографической комиссией были подготовлены к совещанию материалы: «Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР», вып. I. (М., 1973) [Редакционная коллегия: Л. П. Жуковская (ответственный редактор), Л. И. Панин, Н. Б. Тихомиров, Н. Б. Шеламанова, С. О. Шмидт] и проект «Инструкции по описанию славяно-русских рукописей XI—XV вв. для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР».

Методическое пособие представляет собой сборник статей по вопросам описания и изучения славяно-русских рукописей, сборник разделен на три части (по тематическому принципу).

I. Общие вопросы описания.

Л. П. Жуковская. Рекомендации для определения языка (извода) древних славянских рукописей. В. А. Мошин. Палеографическо-орфографические нормы южнославянских рукописей. Р. В. Булатова. Надстрочные знаки в южнославянских рукописях XI—XIV вв. В. В. Колесов. Знаки ударения и надстрочные знаки в русских рукописях XIV—XV вв. М. В. Бражников. Краткие методические указания и схемы по описанию древнерусских певческих рукописей. Ю. А. Неволин. Описание украшений южнославянских и древнерусских иллюминированных рукописей по XIV в. включительно. Т. В. Дианова. Методическое пособие по датированию рукописей с помощью водяных знаков (филиграней) бумаги. Р. А. Симонов. Об особенностях цифровой системы, употреблявшейся в кириллических рукописях X—XV вв.

II. Сборники.

Л. М. Костюхина, В. Ф. Покровская, Н. Н. Розов, Н. Б. Тихомиров, М. В. Щепкина. Описание сборников.

III. Памятники письменности

О. В. Творогов. Описание хроник, хронографов и хронографических компиляций. Я. Н. Шапов. Некоторые юридические и канонические памятники в славянской письменности XII—XV вв. Н. Ю. Бубнов. Славяно-русские прологи. А. И. Рогов. Минеи (справка). Н. Б. Тихомиров. Ирмологий (ненотный). Н. А. Мещерский. Памятники ветхозаветной письменности в древней славяно-русской рукописной традиции. Л. П. Жуковская. Славяно-русские евангелия XI—XIV вв.

Совещание открыл директор Библиотеки Академии наук *Д. В. Тер-Ованесян*; председатель Археографической комиссии *С. О. Шмидт* в своем выступлении рассказал об основных этапах работы по составлению Сводного каталога и сформулировал основную задачу совещания — определение конкретных путей составления славяно-русского выпуска Сводного каталога рукописей.

О. И. Подобедова (Институт истории искусств Министерства культуры СССР) говорила об особенностях описания древнейших уникальных русских рукописей, поставила вопрос о комплексном изучении русской книги как синтезе изобразительного и словесного искусства, отметив, что в каталог следует вводить элементы исследования. Рукопись в художественном отношении, по мнению *О. И. Подобедовой*, — единое целое, и неверно деление на украшенные рукописи и рукописи без украшений. *О. И. Подобедова* высказалась за издание каталога иллюстрированных рукописей.

Т. В. Дианова (ГИМ) в сообщении о состоянии филигранологии дала оценку существующему положению вещей. Говоря о методе использования филиграней, она отметила, что филигранные даты точность в пределах приблизительно 14 лет, что вполне достаточно для рукописей, датируемых по совокупности палеографических признаков. *Т. В. Дианова* высказала убеждение в необходимости переиздания альбома филиграней *Н. П. Лихачева*.

Ю. А. Неволлин (ГБЛ) рассказал о составлении иллюстрированного каталога иллюминированных рукописей в ГБЛ и методах работы, которые сложились в процессе изучения иллюминированных рукописей. Основной момент в работе — стремление к максимальной подробности и вычленение отдельных элементов украшения — миниатюр, заставок, орнаментированных инициалов. Для того чтобы исследователь мог получить наиболее точное и исчерпывающее представление об украшениях рукописи, *Ю. А. Неволлин* предложил некоторые формальные приемы обработки рукописей: составление карточки по отдельным элементам оформления, вычленение отдельных деталей в орнаменте, отдельных инициалов, заставок и частей их; он указал на необходимость фотодублирования и снятия копий, что позволит увеличить объем информации. Выступление сопровождалось показом диапозитивов, на которых были продемонстрированы приемы работы при составлении описаний и каталогов украшений рукописей.

В прениях выступил академик *Д. С. Лихачев*. Отметив огромную работу, проделанную *Ю. А. Неволлиным*, *Д. С. Лихачев* высказал мнение о некоторой неправомерности выделения отдельных элементов оформления рукописи; рукопись представляет собой единое целое, и деление, например, иллюстраций на связанные и несвязанные с текстом очень условно.

О. И. Подобедова и *Л. А. Дмитриев* (Институт русской литературы АН СССР) отметили большое значение работы, проделанной *Ю. А. Неволлиным*.

Н. Б. Тиломиров (ГБЛ) выступил против введения в каталог элементов исследований, так как каталог — краткое, но всестороннее описание, которое служит базой разнообразных исследований.

Н. Н. Розов (ГПБ) отметил неудовлетворительную изученность связей иллюстрации и текста рукописей в настоящее время в науке.

С. О. Шмидт отметил, что в прослушанных выступлениях видны две задачи, которые стоят перед учеными, — описание, изучение, систематизация, а также охрана памятников.

В программе совещания отражена первая задача; каталог есть одна из форм описания и программа-минимум, которая вызывает столь большой интерес, что хотелось бы расширить возможности исследователей. *С. О. Шмидт* указал также на важное значение переиздания альбома филиграней *Н. П. Лихачева*.

А. А. Турилов (МГУ) в сообщении о ярославской школе письменности показал развитие местной литературы в рамках традиционных жанров — житий и сказаний. Отметив слабую изученность вопроса, он остановился на повестях об иконах — Толгской, Казанской в Тетюшах, Смоленской из Успенского собора. Изучение вопроса о времени и редакции сказаний и повестей позволяет сделать вывод о популярности этих произведений в течение длительного времени вплоть до XVIII в. Тем самым намечается параллель с подобными же явлениями в области монументальной живописи.

О. А. Князевская (Археографическая комиссия) выступила с сообщением о рукописи Толковый Апостол 1220 г., хранящейся в ГИМе. Коснувшись истории изучения рукописи, она остановилась на вопросе о месте ее создания; палеография и некоторые лингвистические данные подтверждают происхождение рукописи из Ростовской рукописной мастерской.

В. М. Загребин (ГПБ), исходя из опыта работы в ГПБ, изложил проект схемы описания южнославянских рукописей, целью которой является наиболее полное раскрытие отдельных пунктов, так чтобы это могло служить ориентиром для исследований.

Р. В. Булатова (Институт славяноведения и балканистики АН СССР) выступила по вопросу об акцентуации в южнославянских рукописях, упомянув употреблявшиеся надстрочные знаки и терминологию (греческого, латинского и славянского происхождения). *Р. В. Булатова* выделила те необходимые моменты, которые должны иметь место при описании надстрочных знаков: перечисление всех употреблявшихся в рукописи знаков, приведение примеров с каждым из знаков, описание употребления знаков и их функций.

В сообщении о второй редакции славянского перевода Псалтыри *Е. В. Чешко* (Институт славяноведения и балканистики АН СССР), отметив, что работа по выявлению редакций Псалтырей для Сводного каталога только начала, обратила внимание на вопрос о чисто языковой редакции Псалтыри. Это представляет большой интерес, так как во второй половине XIII и первой половине XIV в. в Болгарии живой язык очень далеко отошел от письменного языка и писцы, как определил Ягич, сознательно правили тексты.

Р. П. Дмитриева (Институт русской литературы АН СССР) выступила по вопросу описания четырех сборников XV—XVI вв. В основу сообщения были положены наблюдения над рукописями собраний — Троице-Сергиевой лавры, Волоколамского и Кирилло-Белозерского монастырей. Тип сборника из числа так называемых четырех сборников можно условно назвать «энциклопедическим». Главным признаком выделения такой разновидности четырех сборников является разнообразие их содержания; к общим признакам относятся: принадлежность частным владельцам, постепенное составление, отсутствие заранее продуманного плана состава сборника, наличие большого числа мелких статей и отрывков из произведений, значительных по объему. Цель сборников — чтение на досуге (отсюда наличие церковно-богословских текстов, исторической, географической и другой литературы), а также справочно-практическое пособие (индексы отреченных книг, словарь «Толкование неудобь познаваемым речем», пасхальные таблицы, молитвы-заговоры, рецепты и др.). Этот тип сборников не был порождением какого-либо конкретного литературного центра, они были широко распространены на территории Русского государства.

М. В. Рождественская (Институт русской литературы АН СССР) сделала сообщение «Основные вопросы полного постатейного описания сборников Кирилло-Белозерского собрания» (подготовлено археографической группой в составе М. Ф. Антоновой, М. Д. Каган, М. В. Рождественской, Н. В. Поньрко). Работа по описанию собрания была начата со сборников, описание ориентируется на литературоведов и историков. Вопрос о языковом описании рукописей остался открытым. При постатейном описании стремятся наиболее полно отразить содержание сборника, то есть отмечают абсолютно все, даже мелкие статьи рукописи. При работе используется опыт старых абсолютных, таких, как описание Новгородской Софийской библиотеки Д. И. Абрамовича, описание Строевских сборников Публичной библиотеки, А. Ф. Бычкова и др. В описание входит библиография не только списка, но и памятника, включая последние отечественные и иностранные работы.

М. В. Кукушкина (БАН) посвятила выступление вопросу «Об определении устава и полуустава при описании рукописей», отметив, что определения типов письма, данные современниками, расходятся с привычными для нас определениями позднейших известных исследователей — Соболевского, Шляпкина, Карского, Щепкина, Каринского и Черепнина. Однако в трудах перечисленных авторов четкости в определении уставных почерков также нет. Тип письма отнюдь не являясь решающим элементом при датировке рукописей, и хронологические рамки как устава, так и полуустава могут быть значительно раздвинуты. Эта работа в известной степени была сделана Е. Э. Гранстрем (ТОДРЛ, X, стр. 431), которая на основании изучения сокращений в древнейших славяно-русских рукописях пришла к выводу о тенденции развития полууставного письма с XI в. Эти выводы содержатся и в других работах. Сведения, полученные при исследовании приходо-расходных книг Антониево-Сийского монастыря XVII в., позволяют сделать выводы о бытовании в XVI—XVII вв. среди книжников двух понятий о типах письма — скорописи и устава (в конце XVII в. был введен термин полуустав). Для определения устава и полуустава — типов письма, М. В. Кукушкина предложила формальный признак — величину букв: до 4 мм — полуустав, свыше 5 мм — уставка, между 4 и 5 мм — переходное письмо; следует для уточнения дополнять характеристику письма соответствующими эпитетами: крупное, прямое, косое, квадратное, продолговатое; М. В. Кукушкина выразила мнение, что различие типов письма с XI в. на устав и полуустав по внешним признакам внесет унификацию в описание рукописей.

Н. Ю. Бубнов (БАН) сообщил об опыте описания славяно-русских рукописей в РО БАН, осветив кодикологический и источниковедческий аспекты работы. Одной из важных проблем является восстановление разрозненных кодексов, хранящихся в разных хранилищах. Изучение всех южнославянских отрывков и сопоставление их между собой непременно приведет к новым находкам. Другим важным вопросом является работа по восстановлению комплексов рукописей единого содержания (Прологи, Октоихи, Паадекты Никола Черногольца, служебные минеи). Особенно важно исследовать вопрос о древнерусских библиотеках. Здесь, выходя за рамки кодикологии, исследователи зачастую подходят к истокам русской книжности. Многие могут дать и исторический подход к изучению памятников древнерусской книжности. Н. Ю. Бубнов выразил пожелание, чтобы при обставлении Сводного каталога одновременно велась работа по объединению разрозненных кодексов, выявлению книжных комплексов, восстановлению древнерусских библиотек и территориальной «привязки» отдельных рукописей и групп рукописей. Н. Ю. Бубнов поставил вопрос о подготовке к изданию Сводного палеографического альбома образцов почерков писцов всех рукописей, вошедших в Сводный каталог XI—XV вв.

Г. В. Маркелов (Институт русской литературы АН СССР) обратил внимание на

значение приписок, записей и помет на рукописях; изучение этого материала дает возможность судить о важных аспектах истории рукописной книги. На основании изучения общей массы приписок, записей и помет, проводившегося в древлехранилище Пушкинского дома, сформировалась особая тема, связанная с изучением писцовых записей. Это особенно важно, так как писцовая запись представляет собой не только определенный вид текста, но и факт древнерусской традиции, обладающий характерной этико-философской природой. При составлении научного описания древнерусских рукописей целесообразно обратить большее внимание на характер писцовых записей, отмечать их особенности (степень пространности, моменты, в которых выражается личность писца, и др.). В этой связи докладчик подчеркнул необходимость разработки универсальной устойчивой терминологии.

Е. И. Демина (Институт славяноведения и балканистики АН СССР) посвятила выступление вопросу об изучении сборников устойчивого состава. Используя в качестве примера свою работу по изучению дамаскинов, она рассказала о методах выявления редакции, перевода, формального описания. *Е. И. Демина* предложила использовать метод кодирования, что дает возможность создавать модель; особенный интерес представляет создание сводных таблиц, так как это способствует более быстрой и точной обработке сборников устойчивого состава.

Г. А. Алексеева (Институт русского языка АН СССР) выступила с сообщением о сочинениях Кирилла Туровского в сборниках устойчивого состава. Были выявлены сборники, содержащие сочинения Кирилла Туровского и совпадающие друг с другом основными частями. Эти сборники, не имеющие часто определенных названий, представляют собой, видимо, разросшийся за счет большого количества включенных статей Златоуст. Это дает возможность полагать, что в Древней Руси бытовали сборники устойчивого состава.

О. П. Лихачева (БАН) в сообщении «Об опыте описания памятников традиционного содержания» обратила внимание на нестабильность новозаветных текстов. При описании рукописей, следовательно, должны отмечаться определяющие признаки, позволяющие судить о типе текста; имеет также смысл привлекать для типологического анализа старопечатные издания. В заключение *О. П. Лихачева* поставила вопрос о необходимости новых исследований по типологии, таких, как работа *Л. П. Жуковской*.

И. В. Поздеева (МГУ) отметила, что Археографическая группа Исторического факультета МГУ в своей работе по описанию коллекций из Волоколамского монастыря пришла к тем же выводам, что и *О. П. Лихачева*: возможность использования старопечатных книг в качестве эталона для сверки.

Т. А. Сумникова (Институт русского языка АН СССР) сказала, что она не согласна с рекомендациями *Е. И. Деминой*, так как в ее сообщении смешаны разные жанры — исследование памятника, описание конкретных собраний и жанр Сводного каталога. *Т. А. Сумникова* считает, что невозможно учитывать требования всех трех жанров в подготовке каталога.

Е. В. Чешко высказала пожелание, чтобы при описании указывались разные типы псалтырей, их отличия — состав предисловий, деление на кафизмы, название псалмов, наличие тропарей и молитв. Необходимо также отмечать сборники избранных псалмов. *Е. В. Чешко* выразила уверенность, что для сборников устойчивого состава можно было бы ввести цифровое обозначение, код для статей.

О. В. Творогов (Институт русской литературы АН СССР) посвятил выступление вопросу описания сборников. Началом такой работы должна быть разработка методики. Необходимо нацеливать новые кадры (аспирантов) на разработку памятников и создание методических пособий по ним. Эти пособия помогут сделать предварительные описания, которые затем надо посылать на отзыв специалистам по данным памятникам. Так получится, с одной стороны, каталог, с другой стороны, — описание подробное, постапейное.

Я. Н. Шапов (Институт истории СССР АН СССР) отметил, что Сводный каталог имеет определенную цель — не замешать каталоги фондовые, а дать точную, но краткую информацию о том, что существует. В Сводном каталоге нужны краткость и точность, но не излишняя подробность.

Л. А. Дмитриев отметил, что каталог должен кратко объединить те сведения, которые имеются в печатных описаниях и картотеках рукописных собраний; предложенная *Е. И. Деминой* методика очень ценна при углубленном описании сборников устойчивого состава.

О. А. Князевская выразила сомнение в целесообразности системы, предложенной *М. В. Кукушкиной*, так как тип письма определяется по совокупности датирующих примет, а не по размеру букв.

С. О. Шмидт указал, что вопрос об описании сборников возник не случайно; сборники должны быть описаны как сборники определенного типа. Однако в работе над Сводным каталогом не следует идти по пути более подробного описания одних сборников и менее подробного других. *С. О. Шмидт* отметил необходимость ссылки на литературу. Отмечая, что большую важность приобрел вопрос о форме описания, *С. О. Шмидт* отметил, что каталог сам по себе подтолкнул к более широкой постановке вопроса. Следует учесть, что существуют научно-исследовательское описание (подобное тому, какое проводится группой академика *Д. С. Лихачева*) и научно-справочное; Сводный каталог относится ко второму типу, но он должен быть по возможности ем-

ким. С. О. Шмидт отметил также, что необходимо найти форму доступности при описывании церковных памятников.

Я. Н. Шапов остановился на вопросах текстологического анализа памятников древнеславянской письменности. На примерах памятников права Я. Н. Шапов показал взаимосвязь таких понятий, как редакции, извод и вид, отметив, что в памятниках права понятие извод следует понимать как извод текстологический, а не языковой.

Л. С. Ковтун (Ленинградское отделение Института языкознания АН СССР) в выступлении о «Составлении описаний по тематическому принципу (о каталоге языковедческих рукописей страны)» рассмотрела вопрос о значении каталога, куда войдут языковедческие рукописи страны — не только азбучники и грамматики, а и другие памятники рукописных хранилищ. В создании такого каталога могут принять участие лингвисты, которые заняты историей литературного языка. Помощь лингвистам в создании каталога должны оказывать работники рукописных отделов.

Л. И. Киселева (БАН) информировала совещание о работе над латинским выпуском Сводного каталога. Этот каталог будет включать в себя все памятники латинского алфавита до конца XIX в., хранящиеся в СССР. Первый выпуск составят рукописи до конца XV века. Одной из первых задач является выявление всех рукописей в фондах СССР. Крупнейшие собрания — ГПБ, ГБЛ — насчитывают в общей сложности приблизительно до 1000 рукописей до конца XV в. Другая задача, — выработка принципов описания. При этой важной работе исследователи старались учесть и опыт прошлого и опыт современных — ученых СССР, а также зарубежных коллег. Западно-европейская группа, возглавляемая А. Д. Люблинской, ставит задачу дать как можно больше информации. Описание предполагается издавать выпусками — до XV в. и до XIX в.; оно будет состоять из нескольких томов, в каждый из которых будут включены рукописи по разным хранилищам. Предполагается, что первый том составят рукописи БАН, описание которых будет закончено к концу 1974 года. Составитель — Л. И. Киселева, редактор — А. Д. Люблинская.

А. Д. Люблинская (Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР) отметила, что Сводный каталог латинских рукописей должен выполнять обе функции — давать информацию о наличии фонде и детальную информацию о фондах каждого из учреждений. Вследствие повышения требований к каталогу осуществление его рассчитано на длительный срок. А. Д. Люблинская указала на трудности, возникшие при работе с фондами ГПБ, особые сложности представляет собой важная работа по учету и исследованию фрагментов рукописей. Необычайная трудоемкость издания каталога латинских рукописей обусловила разбивку работы по томам и годам.

И. Н. Лебедева (БАН) в сообщении о значении опыта описания греческих рукописей для работы над славянскими рукописями остановилась на двух вопросах: о работе над Сводным каталогом и о проблемах описания рукописей вообще. Отметив разнообразие систем, по которым составляются описания, И. Н. Лебедева указала на то, что каталоги несут на себе печать индивидуальности их составителей. Она специально выделила вопрос о типе разлиновки пергамента, отметив большую важность системы разлиновки для датировки и локализации пергаментных рукописей. Для определения и уточнения содержания рукописей следует использовать печатные издания, как предложила О. П. Лихачева.

В. Д. Лихачева (Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. Репина) рассказала о работе над каталогом иллюстрированных византийских рукописей. В СССР находится одно из самых больших собраний византийских иллюстрированных рукописей, датируемых IX—XV вв. Излагая принципы, которые должны лежать в основе каталога иллюминированных рукописей, В. Д. Лихачева, уточняя термин «иллюминированная рукопись», отметила, что в каталог следует вносить только те рукописи, над созданием которых работал художник-миниатюрист. Византийская рукопись представляет собой единое целое, в котором все части связаны между собой. После кратких сведений о рукописи и ее содержании следует характеристика оформления листа. В композиции листа имеет значение взаимосвязь полей и текста, высота строк, а также колорит. Особое внимание следует уделять миниатюрам (если они есть). Описывая миниатюры, необходимо учитывать их связь с иконографией. Затем следует переходить к заставкам и инициалам. В. Д. Лихачева подчеркнула, что при работе с рукописями нельзя пользоваться методом кальки, так как это вредит рукописи. Докладчик отметила, что система составления данного каталога учитывает достижения и западноевропейской практики.

Е. Э. Гранстрем (ГПБ) посвятила выступление методическим вопросам в связи с составлением Сводного каталога. Е. Э. Гранстрем отметила, что Сводный каталог является частью сведений о мировом фонде рукописей, цель которой — дать первичную информацию о наличии рукописей в фондах страны. Сводный каталог нельзя смешивать с тематическими каталогами. От Сводного каталога нельзя требовать специальных сведений, так как его задача — учет и краткая информация о рукописях. Сводный каталог — как бы библиография второй степени, и он должен информировать о числе рукописей, об их характере и степени изученности. Е. Э. Гранстрем отметила, что в «Методическом пособии» недостаточно отработана система сокращений и ссылок. Для этой цели было бы полезно воспользоваться правилами библиографов и библиотечарей. Касаясь вопроса о хранении рукописей, Е. Э. Гранстрем указала на расхождения в правилах, которыми пользуются различные хранилища, и выразила пожелание упо-

рядочить существующее положение вещей. Е. Э. Гранстрем высказала также пожелание улучшить практику микрофильмирования и снятия копий как в интересах специалистов, так и для лучшей сохранности рукописей.

Л. П. Жуковская (Институт русского языка АН СССР) рассказала о масштабе и ходе работы по выпуску «Методического пособия» и сообщила о подготовке 2-го выпуска Методического пособия.

С сообщением о проекте инструкции по описанию славянорусских рукописей XI—XV вв. выступила *Н. Б. Шеламанова* (Археографическая комиссия). Отметив, что инструкция составлена на основе учета практики работы в области описания славяно-русских рукописей в БАН, ГПБ, ГИМ, ГБЛ, *Н. Б. Шеламанова* указала на то, что широко использовался опыт специалистов, а также опыт составления «Предварительного списка славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР». Инструкция основана на тех принципах, которые были приняты в начале работы: каталог краткий, но содержащий необходимую информацию для специалистов разных профилей. Цель Сводного каталога — введение в научный оборот рукописного богатства, а также обеспечение сохранности рукописей. Вопрос об объеме сведений сложен, вследствие разного уровня достигнутых результатов в описании рукописей в хранилищах, в изучении отдельных видов памятников, а также из-за разного уровня подготовки описателей. Не удалось достичь единообразия в сведениях, которые предлагают включить в инструкцию специалисты — исследователи и описатели. Так, определенные сложности возникли при определении даты рукописи и редакции. *Н. Б. Шеламанова* остановилась на рекомендациях в отношении описания потных рукописей, изводов и украшений. Остался нерешенным вопрос о наименованиях рукописей. Не достигнуто единого решения в принципах датировки рукописей по филиграммам.

В прениях были подняты вопросы об исполнителях и сроках исполнения работы по составлению каталога. *Н. Б. Шеламанова* сообщила, что количество хранилищ, в которых есть рукописи XI—XIV вв., — 36, и что в основном рукописи будут описываться силами сотрудников тех хранилищ, где рукописи находятся.

Р. В. Ясас (Центральная Библиотека АН Литовской ССР, Вильнюс) отметил, что хранилища Вильнюса окажут содействие в создании каталогов славянских и латинских рукописей, но указал на отсутствие в Вильнюсе специалистов, которые могли бы провести описание этих рукописей.

В. И. Алексеев (ГПНТБ СО АН, Новосибирск) отметил необходимость наряду с описанием рукописей для Сводного каталога продолжения работы по подробному описанию рукописей в хранилищах.

Н. Б. Тихомиров указал на необходимость включения в Сводный каталог разно-сторонних сведений, так как Каталог должен давать ответы кратко, но по возможности всем специалистам. *Н. Б. Тихомиров* указал также на обязательное включение в Инструкцию примеров, которые бы подкрепили положение инструкции. Он высказал мнение, что для рукописей XV в. следует составить отдельную инструкцию.

С. В. Нефедова (ЦГАДА), отметив значение работ по составлению тематических каталогов, высказала пожелание сосредоточить внимание на создании Сводного каталога всех тех групп, которые выделены для работы с рукописями в Москве и Ленинграде. *С. В. Нефедова* выразила также мнение об излишней подробности требований в инструкции к описанию надстрочных и потных знаков. Касаясь вопроса об охране рукописей, *С. В. Нефедова* призвала исследователей более широко использовать микрофильмирование.

А. Д. Люблинская, отметив полноту сведений, содержащихся в проекте инструкции, обратила внимание на вопросы терминологии, которые должны быть разработаны особенно тщательно. Это тем более важно, что в настоящее время Международный комитет по палеографии при Институте изучения и разысканий текстов в Париже занят выработкой терминологического словаря на всех европейских языках. Нам уже сейчас надо озаботиться тем, чтобы термины международной практики были адекватны русским терминам, которые употребляются при описании славяно-русских рукописей. В этой связи *А. Д. Люблинская* отметила неточность определения в инструкции понятий «сборщик» и «конволют», а также «точно» и «неточно датированные» рукописи. Следует также уточнить понятия уникальных памятников древней письменности.

А. И. Рогов (Институт славяноведения и балканистики АН СССР) отметил, что в проект инструкции не вошел вопрос о переплете (так же как и в Методическое пособие); *А. И. Рогов* указал на большое значение поездок на места специалистов — знатоков рукописей, так как только это будет способствовать быстрому росту навыков работы с рукописями у сотрудников хранилищ.

Л. П. Жуковская указала на первоочередность работы над Сводным каталогом, на необходимость подключения к этой работе штатных сотрудников группы по описанию рукописей в Институте русской литературы АН СССР и Археографической комиссии.

Н. Н. Розов, сообщив о том, как нормируется время на описание рукописей в ГПБ, отметил, что работники Библиотеки не смогут выполнить всего, что от них требуют исследователи. Поэтому Сводный каталог должен быть кратким. *Н. Н. Розов* высказал пожелание включать в последующие выпуски Методического пособия большее количество конкретного материала об отдельных видах произведений и рукописях.

Л. В. Тиганова (ГБЛ) указала на трудности, которые стоят перед сотрудниками рукописных отделов: это вопрос кадров и составления больших справочников, она также отметила острую нехватку новейшей литературы по филигранологии в хранилищах страны.

Н. А. Дворецкая (ГПБ) отметила в своем выступлении, что в составлении Сводного каталога должны участвовать только специалисты, указав, что сотрудники рукописных отделов перегружены плановой работой.

А. М. Тур (Псковский музей-заповедник) высказал просьбу чаще посылать на места методические издания и пособия по вопросам хранения, консервации и описания рукописей, а также чаще предпринимать выезды на места.

Л. В. Тиганова высказала мнение о необходимости указывать редакцию, оговаривая, по чьей классификации определяется редакция.

Н. Н. Розов (ГПБ) сообщил о результатах обследования некоторых периферийных хранилищ рукописных и старопечатных книг. Обследование проводилось в 1969—1971 гг. сотрудниками Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Районы для археографического обследования были выявлены в ходе библиографических развсканий и переписки с местными хранилищами. Были просмотрены собрания Пермской областной библиотеки им. М. Горького, а также некоторых районных краеведческих музеев Пермской области — в Чердыни, Соликамске, Березниках. Также были просмотрены рукописи, хранящиеся в Пермской картинной галерее. В конце 1972 г. была предпринята поездка в г. Киров. Комплекс рукописных и старопечатных книг Кировской областной библиотеки им. А. И. Герцена возник на базе библиотеки Вятской духовной семинарии, основанной в первой половине XVIII в. выходцем с Украины епископом Лаврентием Горкой — автором курса шитики и школьной драмы о библейском патриархе Иосифе. Отсюда обилие латинских и старопечатных славянских книг, преимущественно украинских типографий. Среди рукописных книг есть списки памятников русской литературы (Александрии, Житий русских святых). Также было просмотрено собрание рукописных и старопечатных книг в Ульяновской областной библиотеке — Дворце книги им. В. И. Ленина.

Н. Н. Розов сообщил также о поездках сотрудников ГПБ *Н. А. Дворецкой* и *В. М. Загребина* во Владимир, Вязники, Муром, Юрьев-Польской, Горький и о поездке в Смоленск, где он просмотрел рукописи местного музея; в ходе просмотра были обнаружены рукописи, не вошедшие в описание. *Н. Н. Розов* информировал о поездке заведующего Отделом рукописей и редких книг ГПБ *А. С. Мыльникова* в музей Кандакши, Подпорожья и Лодейного поля. Работа по инспектированию местных хранилищ, проводимая научными сотрудниками ГПБ, имеет большое значение и в связи с деятельностью Археографической комиссии по подготовке публикации «Предварительного списка славяно-русских рукописей XV в., хранящихся в СССР». Кроме этого, в ходе обследования были уточнены вопросы о количестве единиц хранения, методах консервации книг, а также проведены консультации для сотрудников хранилищ. Следует отметить, что в некоторых хранилищах условия хранения книг вызывают определенную тревогу (Юрьев-Польской).

Несомненно, что работа по координации и планированию археографических обследований периферийных древлехранилищ будет способствовать делу сохранения и изучения рукописных и старопечатных книг на территории СССР.

Большое место в работе совещания заняло обсуждение вопроса о сохранности рукописей.

Д. С. Лихачев указал на необходимость выработки строгих правил работы с рукописями, с целью обеспечить их сохранность и приоритет Советского Союза в издании рукописей. В эти правила должны войти пункты о разрешении на работу с рукописью и на право публикации. Необходимо наладить регистрацию лиц, занимающихся той или иной рукописью, чтобы несколько человек не занимались одновременно одним памятником. Академик *Д. С. Лихачев* указал также на необходимость применения дисциплинарных мер в отношении тех лиц, которые нарушили взятое при получении рукописи обязательство о соблюдении правил пользования.

Т. П. Воронова (ГПБ), указав на мировую известность собрания рукописей ГПБ, отметила, что не всегда справочный аппарат находится на современном уровне, в большинстве случаев ученые знают об интересующих их рукописях из старых печатных каталогов и инвентарей. *Т. П. Воронова* высказала мнение, что первый долг сотрудников рукописного отдела ГПБ — составить учетный список рукописей с V по XVI в., в который войдут все рукописи собрания.

Н. П. Визирь (ЦБ АН УССР, Киев) сообщил о положении дел с изучением и реставрацией рукописей в ЦБ АН УССР. Он также дал высокую оценку работе *Ю. А. Неволдина* по описанию украшений рукописей и выразил благодарность авторам Методического пособия.

Т. В. Дианова (ГИМ) указала на опасности, которые угрожают рукописям не только от времени, вредителей, но и от чрезмерного использования без особой необходимости лицами, не имеющими отношения к науке. Рассказав о мерах, которые принимают в ГИМе для улучшения сохранности рукописей, она призвала создать единое охранное руководство, где рукописные памятники классифицировались бы по степени ценности и в связи с этим определялись бы возможности пользования ими.

С. О. Шмидт предложил внести в рекомендации совещания пункт о составлении каталога иллюминированных рукописей ГБЛ. Остановившись на вопросах хранения рукописей, *С. О. Шмидт* высказался в пользу увеличения списка рукописей, которые подлежат особым условиям хранения и особым условиям выдачи. Круг лиц, которым выдаются ценные рукописи, следует ограничить, но разумно. *С. О. Шмидт* сказал, что нет необходимости использовать уникальные рукописи в экспозициях. *С. О. Шмидт* также отметил, что нужно, вероятно, договориться с Главным архивным управлением при Совете Министров СССР о выработке системы хранения и выдачи материалов.

С. В. Нефедова информировала совещание о работе, которая ведется в ГАУ по выработке нового положения о Государственном архивном фонде. В этом положении будет записан пункт о необходимости получения визы на издание памятников, хранящихся в том или ином хранилище.

В заключение *С. О. Шмидт* выразил благодарность всем, принявшим участие в совещании, подчеркнув заслуги *Е. Э. Гранстрем*, *Л. П. Жуковской* и *А. Д. Люблинской*, которые, несмотря на крайнюю занятость, нашли возможность возглавить работу по подготовке Сводного каталога. Совещание будет, несомненно, стимулировать появление новых тем, разработка которых явится чрезвычайно полезной для археографической науки.

С. О. Шмидт выразил благодарность БАН, ее директору *Д. В. Тер-Ованесяну*, руководителю Отдела *М. В. Кукушкиной*.

Совещание послало приветственные телеграммы *В. И. Малышеву*, *И. М. Кудрявцеву*, *М. В. Щелкиной*.

М. Ф. Антонова

СОВЕЩАНИЕ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

15—16 мая 1973 г. в Институте русской литературы состоялось совещание, посвященное 85-летию члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц, в котором приняли участие ученые Ленинграда, Москвы, Новосибирска.

Во вступительном слове академик *Д. С. Лихачев* сказал о большом значении работ В. П. Адриановой-Перетц для филологической науки: «Варвара Павловна соединила в себе лучшие достижения старой русской академической филологии с широким подходом советского литературоведения. . . Ее громадной заслугой было то, что она была историком литературы, создателем историко-литературных концепций, умевшим конкретно представлять себе историко-литературные изменения в реальной исторической обстановке, обобщать историю литературы как часть общего исторического процесса, увязывать историко-литературные изменения с изменениями в других искусствах и в фольклоре».

Большинство докладов, прочитанных на утреннем заседании 15 мая, были посвящены «Слову о полку Игореве». *Л. А. Дмитриев* (ИРЛИ) в своем докладе охарактеризовал труды В. П. Адриановой-Перетц, посвященные «Слову». В. П. Адрианова-Перетц изучала «Слово» с разных сторон: ею была создана библиография, найдено методологически новое решение вопроса о связи «Слова» с фольклором. Рассмотрев соотношение «Слова» и «Задонщины», В. П. Адрианова-Перетц доказала, что «Задонщина» восходит к «Слову». В основной ее работе по «Слову» — книге «Слово о полку Игореве» убедительно показана закономерность появления «Слова» в ряду литературных явлений XI—XII вв., схожесть его языковых средств с языком той эпохи. Весь цикл работ В. П. Адриановой-Перетц, сказал в заключение докладчик, с полным основанием может быть назван блестящей страницей русской филологической науки.

Н. С. Демкова (ЛГУ) предложила новую датировку «Слова» — 1194—1195 гг. Датировка основывается на анализе конкретной исторической обстановки конца XII в., — борьбы за киевский стол. В содержании памятника Н. С. Демкова обнаружила местные черниговские политические тенденции — это обстоятельство может объяснить малую распространенность «Слова» в древнерусской рукописной традиции.

А. Н. Робинсон (ИМЛИ) в докладе «Русско-половецкая символика в «Слове о полку Игореве» рассмотрел «Слово» как произведение устного военного эпоса дружинно-поэтической традиции, опиравшейся на традиции архаичного эпоса половцев. Ряд символов «Слова» является результатом влияния половецких тотемистических представлений.

Л. И. Сазонова (ИРЛИ) рассказала о неопубликованной статье В. П. Адриановой-Перетц «К вопросу о рифме в старинном русском поэтическом языке», написанной в 1935 г. В статье содержится систематическое исследование так называемой «эмбриональной» рифмы в древнерусской переводной и оригинальной письменности и дается классификация рифм с точки зрения морфологических образований. В отличие от многих работ своих предшественников, в которых рифма рассматривалась главным образом в связи с появлением силлабического стиха, В. П. Адрианова-Перетц поставила вопрос о рифме в древнейшей прозе.

Я. С. Лурье (ИРЛИ) в докладе «Русская литература XV—XVI вв. в трудах В. П. Адриановой-Перетц» указал на то, что В. П. Адрианова-Перетц расширила круг произведений, подлежащих литературоведческому изучению: она ввела в историю русской литературы произведения, стоящие на грани литературы и деловой письменности. В. П. Адрианова-Перетц впервые поставила в литературный ряд «Хождение за три моря» Афанасия Никитина. Сопоставив «Хождение» Афанасия Никитина с другими «хожениями», она выделила индивидуальные стилистические особенности памятника и отметила значительную роль личного начала в произведении.

А. С. Елеонская (ИМЛИ) остановилась на значении работ В. П. Адриановой-Перетц в изучении русского школьного театра конца XVII—начала XVIII в. В. П. Адрианова-Перетц расширила географию театрального дела, доказав, что театр суще-

ствовал не только в столице, но и в провинции. Она выявила репертуар ряда театров, в частности школьных театров Твери, Астрахани, Троице-Сергиевой лавры, и установила наличие творческих связей между театрами. В. П. Адрианова-Перетц воссоздала облик школьного театра, ввела в научный оборот новые тексты, пополнившие представление о характере русской драматургии. Труды В. П. Адриановой-Перетц явились важным вкладом в изучение русского школьного театра и ранней драматургии.

С обзором архивных материалов и воспоминаниями о В. П. Адриановой-Перетц выступили О. А. Державина, Н. Ф. Дробленкова, С. О. Шмидт, доктор филол. наук Г. А. Бялый. О. А. Державина (ИМЛИ) говорила о большой роли В. П. Адриановой-Перетц в воспитании ученых, занимающихся древнерусской литературой. Н. Ф. Дробленкова (ИРЛИ) охарактеризовала архивные материалы В. П. Адриановой-Перетц и остановилась на ее письмах к Н. К. Гудзию, в которых отразились, в частности, особенности ее редакторской и авторской работы над первыми томами академической истории русской литературы. С. О. Шмидт (Археографическая комиссия) ознакомил слушателей с материалами фонда академика М. Н. Тихомирова (в Архиве АН СССР), который работал вместе с В. Н. Перетцем и В. П. Адриановой-Перетц в Самаре. Особенно интересны данные переписки 1940—1960-х годов. В письмах В. П. Адрианова-Перетц высказывает соображения об изданиях сектора древнерусской литературы, коллективных трудов, публикациях источников. С. О. Шмидт поделился сведениями, почерпнутыми из материалов его личного архива, и воспоминаниями о беседах с Варварой Павловной, которая всегда была для тех, кто ее знал, человеком великой душевной щедрости, человеком с чувством ответственности за развитие нашей культуры. Г. А. Бялый (ИРЛИ) рассказал о деятельности В. П. Адриановой-Перетц в качестве профессора в семинарии В. Н. Перетца. После докладов состоялся просмотр любительских кинофильмов о В. П. Адриановой-Перетц.

Д. С. Лихачев выступил с докладом «Стиль как поведение (к вопросу об особенностях стиля произведений Ивана Грозного)». Литературные произведения Грозного могут рассматриваться как часть его жизненного поведения. С этой точки зрения индивидуальный стиль Грозного является отражением его индивидуального поведения. Например, в челобитной Симеону Бекбулатовичу Грозный употребляет самоуничижительные формулы, обычные для челобитных. Для поведения Грозного характерно притворное самоуничижение. Д. С. Лихачев отметил, что некоторые особенности стиля Грозного восходят не к литературной традиции, а к скроморешеству.

Тема доклада С. О. Шмидта — состав «Истории о великом князе московском» А. М. Курбского. С. О. Шмидт полагает, что сочинение в дошедшем до нас виде было в основном закончено к 1573 г., но затем в него вносились добавления и поновления. Основное внимание уделено составу «Истории» и ее архитектонике. Ряд наблюдений дает основание докладчику предполагать, что в «Историю» оказались включенными листы недошедшего варианта пространного послания Курбского царю, составленного в ответ на Первое послание Ивана IV.

Доклад Г. М. Прохорова (ИРЛИ) посвящен «Повести о Нило-Сорском ските». Докладчик исследовал рукописный сборник ГИМ, Щукинское собр., № 212, содержащий «Повесть о Нило-Сорском ските», «кормовую» и «келарскую» книги Кирилло-Белозерского монастыря. Анализ содержания повести привел Г. М. Прохорова к выводу, что автором повести и составителем сборника был «дьячек Иван Иванов сын Плешков» — лицо, ведавшее хозяйственными делами в Кирилло-Белозерском монастыре.

В докладе Е. И. Дергачевой-Скоп (Новосибирский государственный университет) рассмотрен состав сборника с именем Семена Шаховского середины XVII в. (ГИМ, Синодальное собр. 865—327). Сборник содержит произведения С. Шаховского и две Переписки Ивана Грозного с турецким султаном. Первая Переписка является списком Переписки Ивана Грозного с турецким султаном, изданной М. Д. Каган, вторая введена в научный оборот докладчиком. Е. И. Дергачева-Скоп связывает вторую Переписку с событиями середины XVI в., особенно с борьбой Ивана IV с Польшей за признание царского титула, и датирует памятник 60—80-ми годами XVI в.

Е. К. Ромодановская (ИИФиФ СО АН) сообщила о беллетристической обработке Есиповской летописи, использующей элементы фольклора. Эта обработка сохранилась в так называемой Забелинской редакции, относящейся к последней трети XVII в. Е. К. Ромодановская отметила фольклорные мотивы в рассказе о пленении трех знатных татар, читающемся в забелинской редакции, и предположила, что основой рассказа было местное устное предание.

В докладе А. М. Панченко (ИРЛИ) предложен новый аспект рассмотрения юродства. Юродство анализируется как зрелище. Юродство являлось определенным общественным институтом в Древней Руси, выполнявшим функцию обличения пороков. Для юродивых характерен особый тип поведения: обличение общественных пороков, сочетающееся с самоуничижением и эпатированием толпы. Корпоративным признаком юродивых является костюм-рубаха юродивого, юродивым также присущ особый язык, в котором основную коммуникативную роль играли жесты.

О. В. Творогов (ИРЛИ) в докладе «Эпитеты в «Житии Феодосия Печерского» дал общую характеристику эпитетов памятника и раскрыл особенности словоупотребления автора жития — Нестора. В заключение доклада О. В. Творогов указал, что

изучение фразеологии древнерусского литературного языка — важная и нужная задача для истории языка и исторической стилистики.

Доклад *Р. П. Дмитриевой* (ИРЛИ) посвящен «Повести о Петре и Февронии». Р. П. Дмитриева раскрыла соотношение сказочных и житийных элементов в повести: сопоставление повести и волшебной сказки показало, что автор не просто заимствовал мотивы волшебной сказки, а творчески переработал их.

В своем докладе *Ю. К. Бегунов* (ИРЛИ) обратился к описаниям весны у Григория Назианзина, Кирилла Туровского, Льва Аникиты Филолога. Докладчик отметил, что все авторы дают символическую картину весны и функциональная роль описаний весны связана с правилами построения ораторских произведений.

А. С. Демин (ИРЛИ) в докладе «Представление о переменчивости жизни в русской литературе» указал на то, что представление о переменчивости жизни — главная тема писателей 1670-х годов. А. С. Демин обратил внимание на ярко проявившееся в драматургии стремление к изобразительности, на необычайную динамику внутреннего мира литературного произведения.

На заключительном заседании *С. О. Шмидт* еще раз отметил заслуги В. П. Адриановой-Перетц как выдающегося знатока, исследователя, первооткрывателя памятников культуры и поблагодарил руководителей Пушкинского дома, сектора древнерусской литературы Д. С. Лихачева, О. А. Белоброву, Н. Ф. Дробленкову за организацию совещания. В ходе совещания были внесены предложения: 1) издать сборник воспоминаний о В. П. Адриановой-Перетц; 2) собрать письма В. П. Адриановой-Перетц или их копии в секторе древнерусской литературы ИРЛИ.

С. М. Каштанов

IV МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ПО ДИПЛОМАТИКЕ

1—6 октября 1973 г. в Будапеште состоялся IV Международный конгресс по дипломатике. Дипломатика — специальная (или вспомогательная) историческая дисциплина, изучающая акты, документы правового характера. Первый конгресс по дипломатике был созван в Брно в 1968 г.; темой его являлись общие проблемы дипломатики как науки. Второй конгресс имел место во Фрибурге (Швейцария) в 1969 г.; там обсуждались вопросы истории частного акта. Третий, Римский конгресс 1971 г. занимался рассмотрением проблем дипломатики папских актов. Тема только что прошедшего, четвертого конгресса — происхождение канцелярий средневековых светских государей.

Инициатива созыва первого конгресса исходила от социалистической страны (Чехословакия) и принадлежала одному из тех специалистов, кто стремится поставить дипломатику на службу социально-экономическим исследованиям (проф. И. Шебанек), опираясь при этом, в частности, и на опыт советских историков (Б. Д. Грекова и др.). Венгрия стала второй социалистической страной, выступившей в качестве организатора конгресса по дипломатике.

В конгрессе приняли участие ученые 21 страны: Австрии, Англии, Бельгии, Ватикана, Венгрии, ГДР, Греции, Дании, Израиля, Испании, Италии, Польши, Португалии, Румынии, СССР, Франции, ФРГ, Чехословакии, Швейцарии, Швеции, Югославии. СССР был представлен на Международном конгрессе по дипломатике впервые.

Общее количество делегатов, внесенных в предварительный список, равнялось 141. На деле число участников было несколько меньше.

В последнем, типографски изданном варианте программы, фигурировавшем как официальный документ конгресса, числилось 55 научных выступлений (не считая приветствий при открытии и закрытии конгресса), из них 21 доклад, 25 сообщений и 9 выступлений без объявленного статуса.

Наибольшее количество докладов на страну представила ФРГ (6), за ней идут Франция (2) и Англия (2). Наибольшее число сообщений и выступлений без объявленного статуса (в расчете на одну страну) дали Венгрия (8), Франция (6) и Испания (4). Сочетание одного доклада и двух сообщений было характерно для выступлений делегаций Италии, Чехословакии и Югославии. Один доклад и одно сообщение представила Австрия. По одному докладу дали Греция, Дания, Португалия, Швеция, а из социалистических стран — Польша и СССР. Только сообщениями были представлены Бельгия (2), Израиль (1), Румыния (1). Не выступали представители ГДР, Ватикана и Швейцарии.

Конгресс проходил без прений и без деления на секции. После каждого доклада или сообщения председательствующий давал краткую оценку выступлению, поясняя его научное значение (председательствующие менялись в зависимости от тематики и языка докладов).

Официальными языками конгресса были французский, немецкий, английский, итальянский и испанский. Представители стран с другими национальными языками излагали свои доклады и сообщения по-французски или по-немецки.

Доклады и сообщения на конгрессе были разделены организаторами на 11 регионально-хронологических групп: 1) Позднеримские и византийские канцелярии; 2) Княжеские канцелярии Руси и Молдавии; 3) Канцелярии раннего западного средневековья; 4) Имперская (германская) канцелярия; 5) Французская королевская канцелярия; 6) Латинский Восток¹; 7) Королевские канцелярии Англии и Шотландии; 8) Королевские канцелярии Скандинавии; 9) Канцелярии пиренейских королевств; 10) Княжеские и королевские канцелярии Италии; 11) Канцелярии Центральной Европы. Вне этих групп стояли три доклада на общие темы, произнесенные на всту-

¹ В ходе конгресса эта тема обсуждалась после тем № 7—8.

пительном и заключительном заседаниях, а три других доклада, зачитанных на вступительном и заключительном заседаниях, относились по существу к тематике 11-й региональной группы, так как касались вопросов венгерской дипломатики.

Позднеримские и византийские канцелярии

Эта тема была представлена двумя докладами: Петера Классена (ФРГ) и Иоанна Караяннопулоса (Греция). Классен (Peter Classen) затронул проблему позднеримской основы средневековых канцелярий. Вопрос о преемственности канцелярских традиций Рима в период раннего средневековья весьма важен для понимания форм развития средневековых актов. Караяннопулос (Ibannis Karayannopoulos) в историографической части своего доклада подчеркнул, что византийская дипломатика как специальная отрасль знания насчитывает не более 40 лет. Основные успехи византийской дипломатики он связал с трудами Ф. Дэльгера и новейшими публикациями (прежде всего французскими), позволившими приступить не только к детальному анализу формуляра византийских актов, но и к сравнению их с западными актами и актами тех стран, которые испытали влияние Византии. Иллюстрируя свой доклад диапозитивами, автор рассмотрел некоторые канцелярские формулы византийских актов и способы их удостоверения. Он коснулся при этом вопросов палеографии (писчий материал, чернила, почерк подписей и т. п.), а также сфрагистики (печати).

Княжеские канцелярии Руси и Молдавии

Руси были посвящены доклад С. М. Каштанова (СССР) и сообщение Владимира Водова (Франция).

Каштанов показал развитие древнерусских княжеских актов начиная с византино-русских договоров X в. и кончая княжескими договорными и духовными грамотами XIV в. (до 1380 г.). Опираясь на результаты исследований советских ученых (Л. В. Черепнина, А. А. Зимина, В. Л. Янина, Я. Н. Шапова и др.), автор предложил свою, строго дипломатическую методику изучения актов, до сих пор в этой области в полной мере не применявшуюся. Большое внимание в докладе было уделено установлению связи формуляра с удостоверением актов печатями. Объяснение эволюции формы актов закономерностями социально-политического развития и изменениями в идеологии входит в задачу марксистского исследования. Автор на имевшемся материале пытался эту задачу выполнить.

Водов (Vladimir Vodoff) остановился на вопросе о количестве московских княжеских актов XIV—начала XV в. и характере московской великокняжеской канцелярии этого времени.

Используя данные более поздних документов, упоминающих несохранившиеся грамоты, он сделал вывод, что до нас дошла лишь незначительная часть некогда выданных актов. Автор считает невозможным говорить применительно к московскому делопроизводству о «канцелярии» в западном смысле слова, ибо составление актов не было поручено какому-то одному, строго определенному учреждению, а к этому делу привлекались различные лица из окружения князя, как светские, так и духовные. Водов выступает против существующего в литературе отождествления «печатника» с «канцлером», ибо последний термин употреблялся иностранцами, посещавшими Россию, для обозначения лица, ведавшего внешними сношениями. Печатник, по мнению автора, не имел права *jussio*, т. е. распоряжения о выдаче документа, хотя этим правом обладали некоторые бояре. Подпись дьяка автор рассматривает в качестве *recognitio* (признание, удостоверение юридической силы) документа.

О публикации и исследовании валашко-молдавских актов говорилось в сообщении Дамаскина Миока (Румыния). Миок (Damaschin Mioc) отметил роль акад. И. Богдана в изучении и издании актов. Различая документы прежде всего по языку (латинские акты Трансильвании, славянские и славяно-румынские акты других областей), он особое внимание уделит терминологии, служившей для обозначения дателей, писцов и разновидностей грамот. Кроме того, автор кратко охарактеризовал структуру формуляра документов.

Канцелярии раннего западного средневековья

Тема разработана в докладах Карлрихарда Брюля (ФРГ), Робера-Анри Ботье (Франция), Теодора Шиффера (ФРГ) и в сообщениях Жана Дюфура (Франция) и Гервига Вольфрама (Австрия).

Брюль (Carlrichard Brühl) рассмотрел особенности актов лангобардских королей VI—VIII вв. Он подробно проанализировал дипломатический состав лангобардских королевских актов (титуляция, аренда и т. д.), сравнивая их с меровингскими дипломами. Особо остановился докладчик на вопросе о референдариях и нотариатах, ведавших выдачей актов.

Ботье (Robert-Henri Bautier) в своем обширном докладе осветил историю каролингских канцелярий VIII—X вв. Он показал клерикализацию королевской канце-

лярии после падения Меровингов. Должность архиканцлера в IX в. соединялась с постом архиепископа, вследствие чего функцию реального главы канцелярии исполнял канцлер. Однако в X в. в Германии и Италии произошло также слияние канцлерства и епископата, а в Западной Франции королевская канцелярия пришла в полный упадок. Многие акты составлялись самими получателями и представлялись в канцелярию лишь для удостоверения (иногда лишь для приложения печати). Остановившись на механизме выдачи грамот, Ботье заметил, что часто они возникали по инициативе заинтересованных лиц, действовавших через влиятельных персон, и далеко не всегда приказ о написании грамоты отдавался самим королем (вместо него нередко распоряжались архиканцлер, архикапеллан, королева или вельможи, имевшие силу при дворе). Автор разделил королевские акты на две большие группы, вышедшие 1) из королевской канцелярии (дипломы, указы, уведомительные письма); 2) не из королевской канцелярии (судебные постановления, с IX в. оформлявшиеся как дипломы; указы о расследовании каких-либо дел; королевские письма частного характера). Существенной вехой в истории каролингских канцелярий Ботье считает время Людовика I Благочестивого (814—840 гг.), когда канцелярия стала независимой от капеллы, удостоверение — «признание» (*recognitio*) актов было передано из рук архиканцлера в руки нотариев, изменился стиль королевских дипломов. В дипломах Карла Великого, особенно выданных после его императорской коронации (800 г.), наблюдаются признаки византийского влияния, проявившегося в применении инвокации с указанием Троицы, употреблении императорского титула и т. д. В дипломах Карла Лысого (843—877 гг.) византийское влияние нашло выражение в заимствовании формулы «*Legimus*», писавшейся большими красными буквами. Другие важные изменения (переход на летосчисление от Рождества Христова, внедрение денежной санкции и т. д.) Ботье относит к периоду после 870 г. Несмотря на разные пути развития каролингских канцелярий во Франции, Германии и Италии, именно каролингская канцелярия была, по мнению автора, родоначальницей всех королевских канцелярий средневековой Западной Европы.

Дюфур (Jean Dufour) коснулся проблемы составления дипломов в эпоху упадка королевской канцелярии во Франции X в. Он остановился на актах времени царствования вклинившихся между Каролингами королей из дома Робертинов — Роберта I (922—923 гг.) и Рауля (923—936 гг.). 8 королевских актов из 20 сохранившихся, т. е. 40%, были составлены самими получателями — духовными учреждениями. Автор считает такое соотношение исключительным. Среди рассмотренных им 8 грамот, большинство которых написано в соответствии с формуляром публичных актов, есть документ, построенный по образцу частного акта.

Шиффер (Theodor Schiffer) привел сведения о различном составе грамот бургундских Рудольфингеров за 888—1132 гг. Он указал имена канцлеров, нотариев и диктаторов актов. Акты Рудольфингеров, с точки зрения их дипломатического состава, имели, как полагает автор, все атрибуты каролингских дипломов.

Вольфрам (Herwig Wolfram) избрал в качестве объекта исследования интитуляцию королевских и императорских дипломов. Он проследил влияние титула Карла Великого на формирование позднейших титулов местных королей, соотношение титулов «*Rex Francorum*» во Франкском государстве и «*Rex Romanorum*» в Центральной Европе. Кроме того, в связи с вопросом о титуле, автор затронул проблему инвокации и формулы «*Dei gratia*»².

Имперская (германская) канцелярия

Тема представлена докладами Петера Ахта (ФРГ), Генриха Аппельта (Австрия) и сообщением Жоржа Деспи (Бельгия). Ахт (Peter Acht) изучил акты имперской канцелярии времени Оттонов и Салье (X—начало XII в.). Он показал их связь с актами предшествующего, каролингского периода, подробно остановился на роли эрцканцлера (главы канцелярии). Аппельт (Heinrich Appelt) рассмотрел акты имперской канцелярии периода царствования первых Штауфенов (1138—1197 гг.). Он коснулся историографии вопроса, начиная со Штенгеля и кончая современными диссертациями, посвященными актам Фридриха Барбароссы. Автор проанализировал структуру дипломов, которые императоры выдавали епископам. Не обошел он и проблему диктата актов. Цель доклада сводилась к тому, чтобы в сравнительном плане проследить изменения в построении грамот и характере деятельности императорской канцелярии, учитывая внешние влияния (французское и итальянское) и внутренние изменения в недрах культуры. Деспи (Georges Despy) исследовал императорские дипломы X—XI вв. для Нижней Лотарингии и сравнил их с дипломами для Италии и др.

Французская королевская канцелярия

История этой канцелярии получила освещение в докладе Жака Буссара (Франция) и в сообщениях Франсуазы Гаспарри (Франция) и Арие Грабоиса (Израиль).

² Сообщение Вольфрама вследствие отсутствия автора на конгрессе было зачитано генеральным секретарем Международной комиссии по дипломатике Р.-А. Ботье.

Буссар (Jacques Bussard) наметил 4 этапа в дипломатике первых Капетингов: 1) 987—1005 гг. (относительное соблюдение традиций каролингской канцелярии); 2) 1005—1112/1113 гг. (постепенный упадок канцелярии, особенно при Генрихе I; частое составление актов самими получателями; начало выдачи указных грамот — *mandements*); 3) 1112/1113—1190 гг. (возрождение королевской канцелярии; устойчивые правила оформления документов; появление нового типа грамот — *lettres patentes*); 4) 1190—1223 гг. (изживание дипломов, вытеснение их другими грамотами). На протяжении всего доклада Буссар касался вопросов дипломатической структуры актов (он отметил, например, позднее проникновение «его» в интитуляцию, рассмотрел инвокацию, аренгу, наррацию и т. д.). Большое внимание автор уделил подписям, печатам, стилям датировки документов. В сообщении Гаспарри (*Françoise Gasparri*) речь шла о королевских актах XII в., в том числе и составленных самими получателями, характеризовался почерк документов, определялась принадлежность актов тем или иным писцам³. Личный состав королевской канцелярии в XII в., при Людовике VI и Людовике VII, формировался, по наблюдениям Грабоиса (*Aryeh Grabois*), из церковнослужителей, происходивших из мелких дворянских фамилий королевского домена, и из представителей городских слоев, особенно парижских. Привлечение прелатов к канцелярской деятельности и соединение канцлерства с епископатом в это время почти совсем не практиковалось.

Латинский Восток

Тема раскрыта в докладе Рудольфа Хиштанда (ФРГ) и в сообщении Вальтера Превенье (Бельгия). Хиштанд (*Rudolf Hiestand*) описал основные особенности актов и канцелярий латинского Иерусалимского королевства XII в. Превенье (*Walther Prevenier*) показал смесь западных и византийских традиций в канцелярии Латинской империи в Константинополе в 1204—1206 гг., при Бодуэне I.

Королевские канцелярии Англии и Шотландии

Английской канцелярии были посвящены доклад Пьера Шапле (Англия) и сообщение Роя Фрэнка Ханнисета (Англия). Шапле (*Pierre Charlais*) изложил историю королевских канцелярий с англосаксонских времен до периода царствования короля Джона. Он рассмотрел такие вопросы, как язык и дипломатический состав актов, особенности почерков и печатей, составление документов самими получателями, которые могли поручать написание акта какому угодно писцу. Ханнисет (*Roy Frank Hunnisett*) сделал попытку установить количественное соотношение сохранившихся и несохранившихся актов. По форме организации материала он различает свитки и дела.

История шотландской канцелярии подверглась исследованию в докладе Джоффрия Бэрроу (Англия) и в сообщении Гранта Симпсона (Англия). Бэрроу (*Geoffrey W. S. Barrow*) в рамках изучаемого им периода (конец XI—начало XIII в.), включающего в себя время царствования шести шотландских королей, от Дункана II до Вильяма I, наблюдает появление канцлера лишь с 1120 г. В промежутке между 1120 и 1226 гг. сменилось 12 канцлеров, из которых 6 были избраны в епископы по окончании канцлерства, а два во время канцлерства. Выясняя историю канцелярии по почеркам писцов дошедших оригиналов королевских актов, Бэрроу пришел к выводу о заметном количественном преобладании во второй половине XII—начале XIII в. документов, составленных в королевской канцелярии (70—80%), по сравнению с грамотами, написанными по заказу самих получателей посторонними писцами. Сочетание палеографического метода с изучением карьеры канцлеров позволило автору связать между собой два любопытных обстоятельства: сходство почерков шотландских и английских королевских актов времени Дэвида I (1124—1153 гг.) и тот факт, что канцлер Дэвида в 1136—1141 гг. Вильям Камин первоначально служил клерком у епископа, который сам был прежде клерком и канцлером английского короля Генриха I. Сравнение с английскими документами входит и в содержащуюся в докладе характеристику 4-х разновидностей шотландских королевских актов («англо-норманские» дипломы; грамоты-указы; указы (*brieve*); послания). Бэрроу показывает позднее (после 1195 г.) появление дат в шотландских актах. Для сравнительной сфратистики полезно отметить, что шотландская королевская печать уже со времен Дункана II (1094 г.) несла изображение всадника. Принятый при Александре I (1107—1124 гг.) тип легенды на печати с указанием королевского титула («... deo rectore rex Scotorum») сохранился до второй четверти XIV в. Автор рассмотрел также способы прикрепления печатей.

³ Сообщение Ф. Гаспарри вследствие отсутствия автора на конгрессе было зачитано генеральным секретарем Международной комиссии по дипломатике Р.-А. Ботье. Вскоре после окончания конгресса в свет вышла книга Ф. Гаспарри, на материалах которой основано ее сообщение: *Françoise Gasparri. L'écriture des actes de Louis VI, Louis VII et Philippe Auguste. Genève—Paris, 1973.*

Симпсон (Grant Simpson) описал особую печать, употреблявшуюся во времена малолетства Александра III (1249—1286 гг.), когда в Шотландии разгорелись распри баронов. Эта печать не отождествляется с малой королевской печатью, а представляет собой уникальную по типу маленькую печать, созданную специально в целях управления от имени малолетнего короля.

Королевские канцелярии Скандинавии

Шведской канцелярии был посвящен доклад Яна Эберга, а датской — доклад Херлуфа Нильсена. Эберг (Jan Öberg) показал неразвитость шведской королевской канцелярии до середины XIII в., связав этот факт с поздним принятием христианства (XI в.). Наиболее ранние из сохранившихся актов — это десяток жалованных грамот короля Канута (1167—1195 гг.). Первым шведским канцлером был епископ Линкёпингский (ок. 1220 г.), позднее пост канцлера стал государственной должностью. Автор раскрыл палеографическую сторону актов, коснувшись вопроса о писчем материале (пергамен) и почерке. Из собственно дипломатических сюжетов он затронул проблему индивидуального и стереотипного в актах, рассмотрел интитуляцию, способы датировки и удостоверения актов, фальшивые акты. Эберг констатировал принадлежность печатей при королевских актах к типу вислых. Нильсен (Herluf Nielsen) отметил, что подлинных датских грамот от времени до 1200 г. дошло очень мало, большее количество как подлинников, так и копий относится к 1200—1250 гг., и хотя данные, касающиеся организации канцелярии, весьма скудны, можно указать лиц, занимавшихся диктатом актов.

Канцелярии пиренейских королевств

Испанская тематика была представлена в докладе и сообщении Анхела Канеллас Лопеса, в выступлении Сантоса Гарсиа-Ларрагеты, в сообщении Антонио М. Араго и Хосе Тренчс Одены и в сообщении Франсискано Севиллано Колом (все — делегаты Испании).

Канеллас Лопес (Angel Canellas Lopez) ознакомил слушателей с ходом работ в области изучения истории вестготской канцелярии и канцелярий Астурии и Леона. Фрагменты пяти оригиналов вестготских актов середины VII в. дошли в форме палимпсестов, из которых один недавно издан проф. Милларесом (Millares), а все в целом они исследованы в неопубликованной диссертации проф. Мундо (Mundo). В печати находится юридически-дипломатическое исследование проф. Канелласа о вестготских документах. В этой книге публикуется также подборка 235 текстов за 505—718 гг. Канцелярии Астурии и Леона развивались в условиях мусульманской оккупации Пиренейского полуострова (с VIII в.). Автор указал имена современных исследователей этих канцелярий — Виллада (García Villada), Милларес и др. Специально канцеляриям Астурии, Леона и Кастилии был посвящен доклад проф. Саеса (Emilio Sáez), но он отсутствовал на конгрессе и доклад его не зачитывался. Канеллас Лопес в отдельном сообщении остановился на арагонской канцелярии 1035—1134 гг. От этой сотни лет, обнимающей царствования первых пяти арагонских королей, дошло около 300 подлинных королевских актов, а также много копий и подделок. Автор отмечает следование арагонской канцелярии традициям канцелярии наваррской, что естественно, ибо до 1035 г. Арагон представлял собой зависимое от Наварры графство. В составе персонала канцелярии Канеллас различает нотариев и собственно писцов. Почерк документов он характеризует как переходный от докарolingского вестготского письма к каролингскому письму. Среди разновидностей документов в сообщении упоминаются привилегии, указы, акты управления и акты вассалитета. Автор касается также дипломатической структуры актов и способов их удостоверения.

Гарсиа-Ларрагета (Santos García-Larragueta) исследует особенности наваррской (памплонской) канцелярии XI в., прослеживая продолжение некоторых ее традиций в XII в. Так, к XI в. относится начало употребления в титуле памплонских королей формулы «Dei gratia», сохраняющейся и позже, когда стал применяться титул «Rex Navarrae» (после 1158 г.). Из XI в XII в. перешел обычай удостоверения документа т. н. «королевской подписью», ставившейся писцом. Это наблюдение представляет интерес для специалистов по русским актам, где подпись княжеского или царского имени также делалась не самим монархом, а писцом. Изучение наваррских актов ведется сейчас главным образом в университетах Сарагоссы, Валенсии и Памплоны.

Араго (Antonio Ma. Aragó) и Тренчс Одена (Jose Trenchs Odena) рассмотрели эволюцию делопроизводства каталано-арагонской канцелярии с 1160 по 1230 г. При Рамоне Беренгере IV, графе Барселонском, соперничали два стиля делопроизводства, восходящие, с одной стороны, к арагонским обычаям, с другой — к традициям графской каталонской канцелярии. Однако тогда существовала единая канцелярия, и графский нотариус был ответствен за удостоверение документов подписью монарха. Начиная с Альфонса II канцелярия, как и королевская курия, подразделяется на арагонскую и каталонскую. Кроме королевского нотариуса, имелись писцы трех категорий: королевские, местные и прикомандированные к нотарию. В последующее царствование Педро II Католика происходит дальнейшее размежевание функций нота-

риев и писцов, а королевская подпись ставится на документах, исходящих не только от короля, но и от его наместников. В период малолетства Хайме I наблюдается стирание границ курии и двора. На протяжении царствования Хайме I из королевской курии постепенно выделяются королевский совет, верховный суд и канцелярия. В это время появляется канцлер и заводится систематическая регистрация документов.

Севиляно Колом (Francisco Sevillano Colom), изучающий историю канцелярии королевства Майорки в период его независимости от Арагона (1276—1343 гг.), поставил вопрос об источниках «Дворцовых законов» («Leges Palatinae») короля Хайме III (1337 г.) и о степени их применения на практике. Автор приходит к выводу, что эти законы были навеяны арагонским законодательством, хотя сами вскоре послужили прямым источником ордонансов арагонского короля Педро IV (1343 г.). Майорка оказалась первым государством, получившим кодекс постановлений, регулировавших деятельность всех дворцовых учреждений. В их числе фигурирует и канцелярия, представляющая в развитой форме (наличие канцлера, вице-канцлера, писцов, печатников, королевских секретарей и т. д.). В то же время характер составления конкретных документов не во всем соответствует установкам, изложенным в законодательстве. Автор указал архивы, где хранятся документы, происходящие из канцелярии королевства Майорки.

Истории португальской канцелярии был посвящен доклад Авелино де Жезуса да Коста. Да Коста (Avelino de Jesus Da Costa) проследил развитие королевской канцелярии в Португалии до середины XIII в.

Княжеские и королевские канцелярии Италии

Эта тема получила разработку в двух докладах — Алессандро Пратези (Италия) и Хорста Энценсбергера (ФРГ) — и в трех сообщениях: Серми, Франческо Чезаре Казулы и Эджидио Россини (все — делегаты Италии). Пратези (Alessandro Pratesi) изучил историю канцелярии лангобардских князей южной Италии. Энценсбергер (Horst Enzensberger) показал, что на дипломатику норманских королей Сицилии в XII в. влияли традиции папской и южноитальянской канцелярий. Автор попытался выяснить роль королевской канцелярии в управлении, особенно судебном. Он подчеркнул распространенность выдачи указов-мандатов, адресованных местным властям. С их помощью, например, оформлялась передача духовным учреждениям части королевских прав на определенные доходы, жалуемые вместо земельных дарений. Серми (Sermi) охарактеризовал деятельность канцелярии венецианских дождей. Казула (Francesco Cesare Casula) рассмотрел этапы истории судебного делопроизводства в Сардинии, где примерно с IX в. существовало 4 отдельных государства. Сначала сардинские канцелярии сохраняли римско-византийский стиль деятельности, но в XII—начале XIV в. испытали сильное влияние канцелярских традиций Пизы и Генуи, а с 1323 г. — Арагонского королевства. Смена этих влияний стоит в связи с политической историей Средиземноморья. Россини (Egidio Rossini) установил, что диплом императора Людовика II, выданный в 873 г. монастырю св. Зиновия в Вероне, дошел в подражательной копии конца XI—начала XII в., в которой часть текста интерполирована. Появление интерполяции автор объясняет тем, что веронская церковь боялась наступления на ее права со стороны возникшей городской коммуны в условиях, когда власть графов сошла на нет.

Канцелярии Центральной Европы

История польской княжеской канцелярии до 1300 г. рассмотрена в докладе Марии Белиньской (Польша), а в планировавшемся, но не состоявшемся сообщении Александра Гейштора (Alexander Gieysztor) должны были характеризоваться способы удостоверения польских княжеских актов до середины XIII в. Белиньска (Maria Biełńska) отметила, что польская историография конца XIX—XX вв. уделяла значительное внимание проблеме происхождения канцелярии Пястов, однако ее развитие в эпоху феодальной раздробленности изучено недостаточно, особенно в сравнительном плане. В XI—XII вв. акты служили главным образом для оформления внешних сношений, а канцелярия как место написания княжеских актов и утверждения актов, составленных получателями, возникает в XII в. Сравнение документов Малой Польши, Великой Польши, Силезии и Мазовии показывает, что в XIII в. наибольшей развитостью отличалась великопольская канцелярия, где применялись диктат актов, формула «confirmatus» нотариия и др. «Частные» feudals редко обладали собственной канцелярией, хотя монастырские и церковные скриптории существовали. Специальный вопрос — персонал канцелярий и его функции. В Польше имелись канцлеры, подканцлеры, нотариы и писцы. Языком княжеских и королевских актов была латынь. Разновидности документов в основном соответствовали составу западных актов: диплом, указы. Дипломатическая структура документов характеризуется наличием инвокации, интитуляции и других компонентов. Белиньска сравнила канцелярские обычаи средневековой Польши с французскими, немецкими, чешскими и венгерскими, указав, в частности, на близость польских способов удостоверения актов к французским. Докладчица поставила также принципиально важные вопросы общего характера:

роль акта в формировании польского права, роль княжеских канцелярий в формировании польской культуры XIII в.

Чешской канцелярии были посвящены доклады Индржиха Шебанека и сообщения Саши Душкоковой и Ивана Главачека (все — делегаты Чехословакии). Шебанек (Jindřich Šebánek) изучил историю канцелярии Пржемысловичей — династии, прекратившейся в 1306 г. Начало чешского акта автор относит к 70-м годам XI в. В XII в. канцелярия находилась в Пласах. В первой половине XIII в. «специальной капеллой» — канцелярией — становится церковь в Вышеграде. Расширение владений чешских королей во второй половине XIII — начале XIV в. приводит к разделению единой канцелярии и созданию особых канцелярий для Чехии, Альпийской области, Польши и Венгрии. Персонал канцелярий составляли нотариусы, протонотариусы и др., практиковался диктант актов. Консолидация королевских канцелярий сопровождалась уменьшением числа актов, составляемых самими получателями. Во второй половине XIII в., согласно наблюдениям автора, увеличивается количество простых по форме грамот. Душкокова (Sáša Dušková) рассмотрела вопрос о составлении и использовании формуляриков (т. е. сборников образцовых документов) в канцелярии Пржемысловичей. До 60-х годов XIII в. в чешской канцелярии преобладали сборники иностранных формуляров, хотя выбор формул зависел от усмотрения нотариусов. Во второй половине XIII в. протонотариус Петр скомпоновал не дошедший до нас формулярник из документов, выданных им самим, и затем, при составлении новых грамот, заимствовал оттуда целые куски текстов. Другой протонотариус, Генрих, тоже сформировал сборник образцовых документов, включив в него не только иностранные формуляры, но и значительное число документов, которые составил он сам. Последующие нотариусы использовали этот сборник, сохраняя, впрочем, свободу выбора из него стандартных оборотов и выражений. Изучение формулярников, подчеркивает Душкокова, чрезвычайно важно при исследовании проблемы индивидуального и стереотипного в актах, что является одной из насущных задач современной дипломатики. Главачек (Iván Hlaváček) поставил составление актов в связь с системой административного управления в средневековой Чехии.

История хорватской канцелярии нашла освещение в докладе Анте Мариновича и в сообщениях Якова Стипишича и Мирослава Курелаца (все — делегаты Югославии). Маринович (Ante Marinović), отметив, что хорватские акты появились уже при Трпимире и Мутимире (IX в.), указал количественный состав и распределение документов по их принадлежности отдельным князьям и королям династии Трпимировичей, прекратившейся в 1102 г. Многие акты составляли сами получатели, представлявшие изготовленные тексты на утверждение публичной власти. Канцелярия долгое время не имела определенного штата и строго зафиксированного места в составе государственного аппарата, слабо оформленного в целом. Автор считает возможным говорить о канцелярии в собственном смысле слова лишь с 1069 г., когда впервые упоминается в качестве королевского канцлера епископ Анастасий. Тесная связь или даже слияние канцелярии с придворной капеллой и руководящая роль в ней духовенства ставят, по мнению автора, хорватскую канцелярию в один ряд с другими западноевропейскими канцеляриями. Близость или идентичность обычаев хорватской и других западноевропейских канцелярий Маринович объясняет географическим положением Хорватии, которая, единственная среди славянских стран, находилась в непосредственном соприкосновении с романской цивилизацией, и нормы, зафиксированные в хорватских актах, являлись выражением римских правовых взглядов, смешанных с национальными хорватскими воззрениями и юридическими представлениями, характерными для соседней Италии. Стипишич (Jakov Stipišić) рассмотрел некоторые стороны развития хорватской канцелярии в тот же период (до 1102 г.), а Курелач (Miroslav Kurelac) специально остановился на документах хорватской канцелярии, написанных на хорватском языке, дав интерпретацию глаголического текста.

Истории венгерской королевской канцелярии касались два сообщения: Дьёрдя Дьёрфи и Андраша Кубиньи. Кроме того, венгерской дипломатике были посвящены выступление Иштвана Шинковича на вступительном заседании конгресса, выступление Дьёрдя Бониша и Йозефа Герича на первом заседании и выступление Л. Берната Куморовица на заключительном заседании конгресса (все — делегаты Венгрии). Шинкович (István Sinkovics) охарактеризовал развитие венгерской дипломатии как науки в XVIII—XX вв. Он выделил несколько этапов в рамках капиталистического периода и показал современное состояние дипломатических исследований. Автор рассматривал историю не только изучения и публикации актов, но и преподавания дипломатики в Венгрии. Дьёрфи (György Györgffy) проследил зарождение венгерской королевской канцелярии в XI в., Кубиньи (András Kubinyi) — ее дальнейшую эволюцию в середине XII в. Герич (József Gerics) затронул проблему самосознания венгерских легистов XIII в. Акт дарения придворному легисту Павлу был оформлен в дипломе короля Ласло IV 1275 г., имеющем торжественную преамбулу, в которой текстуральные заимствования из законов Юстиниана (VI в.) и постановлений папы Гонория III (1219 г.) служили цели восхваления придворных легистов. Эта тенденция не могла исходить от короля, ибо ему было в то время всего 13 лет, и, следовательно, идеи, выраженные в преамбуле диплома, надо расценивать как проявление самосознания самих легистов королевской канцелярии, подчеркивавших свое большое значение при дворе. Получение ими епископских и кардинальских кафедр в конце XIII в. свидетельствует

о том, что и королевская власть признавала их выдающуюся роль в политической жизни общества. Бониш (György Bónis) исследовал социальное происхождение и имущественное положение персонала королевской канцелярии, формирование кадров дипломатистов. До Бели III (1172—1186 гг.) королевская канцелярия не выделилась из капеллы, затем капелла стала формой тайной канцелярии. Она являлась хорошей школой для дипломатистов. Если тематика выступлений Дьёрфи, Кубиньи, Геряча и Бониша хронологически ограничивалась рамками эпохи Арпадов (до начала XIV в.), то Куморовиц (L. Bernát Kumorovitz) избрал для исследования «новую фазу» развития королевской канцелярии, а именно историю тайной королевской канцелярии и ее штатов в XIV—XV вв.

Особо стояла тема: Канцелярия как факт культуры. В общих чертах она была разработана в выступлении Ласло Мезеи (Венгрия), и некоторые аспекты ее затронул также Бониш в уже упоминавшемся выступлении. Мезеи (László Mezey) отметил, что канцелярия является фактом культуры прежде всего в самом широком смысле. За ней стоит система образования, вся цивилизация в целом. Автор уделил внимание проблеме преемственности канцелярских систем раннего средневековья от традиций поздней античности, императорского Рима. Бониш подчеркнул различие социальных источников формирования кадров канцеляристов-интеллектуалов в Западной Европе (дворянство и горожане) и в Венгрии (дворянство).

Еще один вопрос общего характера был поднят в не предусмотренном программой выступлении Ива Метмана (Франция) на вступительном заседании конгресса. Метман (Yves Metman) говорил о необходимости теснейшей связи между дипломатикой и сфрагистикой. Он усомнился в полезности полной автономии сфрагистики от дипломатики.

Доклады и сообщения, зачитанные в ходе конгресса, в совокупности своей естественно подвели к постановке вопроса о сходстве и различиях в путях развития раннесредневековых канцелярий отдельных стран и регионов в пределах Европы. Доклад на эту тему планировался и значился в программе. С ним выступил на заключительном заседании конгресса генеральный секретарь бюро Международной комиссии по дипломатике Робер-Анри Ботье (Франция). Ботье сказал, что заключать и сравнивать весьма трудно вследствие широты хронологических и территориальных рамок, в которых рассматривалась история канцелярий на конгрессе. Он отметил новизну самого термина «канцелярия» и смешение в ряде выступлений понятий «канцелярия» и «бюро» для написания актов. Автор предложил уточнить содержание термина «канцелярия», считая необходимым признаком последней функцию удостоверения подлинности документов (приложение подписей, печатей и т. п.). Ботье указал на неравномерность количественного распределения материала по странам и регионам и асинхронность возникновения актов на Западе и Востоке Европы. Он обратил особое внимание на время, к которому относятся наиболее ранние подлинники актов в разных странах. Автор выделил несколько зон со специфическими особенностями канцелярий. Говоря о влиянии одних национальных канцелярий на другие, Ботье отметил, например, влияние английской канцелярии на шотландскую, южнофранцузской на испанскую и т. д. К числу специальных вопросов, требующих рассмотрения, автор отнес проблему связи канцелярии с капеллой или архиепископией и проблему составления актов самими получателями.

На наш взгляд, конгресс продемонстрировал высокий профессионализм работ по дипломатике, плодотворность дипломатического анализа как инструмента сравнительно-исторического метода, эффективность взаимосвязи дипломатики, с одной стороны, палеографии и сфрагистики — с другой. Дипломатисты проявили стремление к точности в характеристике своей источниковой базы. Во многих докладах и сообщениях приводились сведения о числе дошедших документов, о количестве подлинников и копий. Это нельзя считать признаком «статистического метода». Подсчеты документов стали обязательной чертой дипломатики как науки вследствие самой специфики работы над материалом (подлинники позволяют сделать наиболее полные выводы относительно развития канцелярий, в то время как копии дают на этот счет ограниченные и не всегда достоверные сведения).

Конгресс показал, что дипломатика таит в себе огромные возможности для постановки исследования общего и особенного в истории не только канцелярий и актов как таковых, но и в истории самих социально-политических отношений и культуры, породивших определенные формы делопроизводства.

Сравнение явлений без предварительного сравнения источников, из которых эти явления узнаются, всегда будет нести в себе опасность сомнительных и произвольных сближений. Только через сравнительно-источниковедческий метод открывается дорога к сравнительно-историческому методу. И в настоящее время дипломатика занимает ведущее место в разработке сравнительного источниковедения. Правда, она еще ограничивается формальными рубежами, однако в работах дипломатистов марксистского направления главное внимание уделяется социальной функции акта, и при целенаправленной дипломатике на сравнительный анализ это неизбежно приведет к сравнению социальных функций систем, создающих канцелярии.

Взаимный обмен опытом ученых различных национальных школ в дипломатике имеет большое положительное значение. Важность участия СССР в конгрессе и постановки на нем проблем русской дипломатики (в советском докладе) и во французском

сообщении) было отмечено в приветственных и заключительных выступлениях организаторов конгресса — Бела Кёпечи (Béla Kőpenci)⁴, Джулио Бателли (Giulio Battelli)⁵ и др., — когда шла речь о широте охвата материала разных регионов («от Шотландии до Великого Новгорода») и представительности данного конгресса. В обобщающем докладе Р.-А. Ботье материалы русской дипломатики использовались для характеристики главных особенностей эволюции княжеско-королевских актов и канцелярий.

Интересные результаты палеографического исследования западноевропейских актов и традиционная для западной дипломатики постановка вопроса о составлении актов самими получателями побуждают специалистов по русской дипломатике уделить больше внимания этим существенным сторонам исследования. Грамоты у нас еще не классифицированы по почеркам писцов, и эта задача должна решаться как сама по себе, так и параллельно с изданием корпуса актов XVI в. Мы не знаем, в какой мере можно говорить о составлении княжеских актов на Руси (до XVII в.) не в княжеской канцелярии, а заинтересованными лицами. Эта проблема пока не обсуждалась (ее нельзя смешивать с проблемой изучения подложных актов). Откроют ли палеографические исследования факты составления княжеских актов вне княжеских канцелярий, неясно, но можно не сомневаться, что анализ почерков будет способствовать всестороннему изучению истории канцелярий и происхождения конкретных грамот и групп грамот.

Акты настоящего конгресса предусмотрено издать примерно в конце 1974 г. Следующий, V Международный конгресс по дипломатике намечено провести в Париже в 1976 г. Тема конгресса — акты и канцелярии государей XIII—XIV вв. До этого (в 1974 г.) планируется созыв небольшого коллоквиума (в Барселоне или Париже) для обсуждения принципов издания латинских актов.

⁴ Бела Кёпечи — генеральный секретарь Венгерской Академии наук.

⁵ Джулио Бателли — президент бюро Международной комиссии по дипломатике.

В. Л. Соскин, Т. Н. Осташко

ИЗ ОПЫТА СОБИРАНИЯ ВОСПОМИНАНИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СОВЕТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ СИБИРИ

Отдел истории советского общества Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР обратился к детальному изучению социальной структуры населения Сибири. История советской интеллигенции Сибири стала одной из основных тем исследований образованного в Институте сектора истории культурного строительства. Но прежде всего необходимо было расширить документальную базу исследования.

Одна из трудностей состоит в том, что во многих архивных материалах данные об интеллигенции как особом социальном слое не вычленены ни количественно, ни качественно. Многие официальные источники весьма скупо характеризуют внутренний мир специалистов.

Дополнить и оживить материалы официального происхождения могли бы воспоминания участников социалистического строительства. К сожалению, опубликованные воспоминания, которые помогли бы проследить процесс создания и развития советской интеллигенции в Сибири, насчитываются единицами. Нами были просмотрены личные фонды представителей интеллигенции советского периода, как правило научной, в Алтайском и Красноярском краевых, а также в областных архивах Новосибирска, Томска, Кемерово и Иркутска. Воспоминания в материалах этих фондов почти отсутствуют. Комплектование госархивов документальными материалами личного происхождения осуществляется недостаточно настойчиво и систематически, а личных фондов советских людей, не проявивших себя выдающимся участием в общественной жизни, в архивах вообще нет. Между тем для создания истории интеллигенции в целом и отдельных ее групп ценность документов, в том числе воспоминаний рядовых людей, исключительно велика.

Учитывая эти обстоятельства, сотрудники сектора решили широко развернуть работу по сбору воспоминаний работников умственного труда — учителей, врачей, инженеров, ученых, преподавателей вузов, партийных работников и т. п. С самого начала решено было ограничиться сбором воспоминаний о периоде революции и 20—30-х годах. Во-первых, малочисленный коллектив (непосредственно сбором воспоминаний занято 2 человека) не в состоянии охватить весь советский период без риска «завязнуть» в материале и не обеспечить его научную обработку. Во-вторых, необходимо успеть собрать мемуары тех, чей возраст оставляет все меньше времени для отсрочки.

Серьезным препятствием оказалось недостаточное освещение в литературе вопроса об организации и методике сбора воспоминаний. В качестве методического руководства мы использовали описание опыта по собиранию воспоминаний рабочих, инженеров и техников анкетно-биографической комиссии, созданной при Институте истории Комкадемии в 1929 г.¹, а также описание опыта советских архивистов по комплектованию личных фондов².

¹ Б. Горев. Автобиографические материалы как источник изучения истории пролетариата СССР. — «История пролетариата СССР», вып. 1. М., 1930; О. Чаадаева. О первом опыте по собиранию автобиографий рабочих. — Там же, вып. 2, 1930; «Автобиографии рабочих-ударников». — Там же, вып. 6, 1931; И. Рабинович. О записи воспоминаний. — «История заводов», вып. 3. М., 1932; М. Рожкова. Как записывать воспоминания. — Там же.

² А. А. Новикова. О комплектовании госархивов фондами личного происхождения. — «Вопросы архивоведения», 1959, № 2; Л. А. Ефремова. О комплектовании областного архива документами личного происхождения. — Там же, 1961, № 1; Л. Г. Сырченко. К истории комплектования госархивов СССР документальными материалами деятелей литературы (1918—1941). — «Труды МГИАИ», т. 15. М., 1962; З. А. Журавлева. Собирание документов личного происхождения — задача каждого архива. — «Вопросы архивоведения», 1963, № 2; А. А. Новикова, А. Г. Федоров. Личные архивы и ведомства. — «Советские архивы», 1970, № 3; и др.

Методика сбора воспоминаний разрабатывается, совершенствуется и сегодня в процессе деятельности коллектива. Различные приемы выявления людей, уточнения адресов, способы привлечения внимания общественности апробируются в процессе работы. Мы обратились к самым широким кругам интеллигенции, представители которой либо учились, либо начинали или продолжали трудовую деятельность в качестве специалистов в период с 1917 по 1941 г., с просьбой написать воспоминания о прожитой жизни. Чтобы помочь пишущим сориентироваться и выделить основные вопросы для работы над воспоминаниями, была разработана и распространена анкета-вопросник, включившая вопросы о семье, школе, учебе в вузе и трудовой деятельности автора в 20—30-х годах.

Вопросы анкеты делятся на четыре тематические группы. В первую группу «Семья и школа» включены вопросы о времени и месте рождения, социальном происхождении, условиях воспитания. Особо поставлен и выделен вопрос о школе первых лет Советской власти. Авторам воспоминаний предлагается описать характер учебного процесса, школьные программы, учебники, дать характеристику профессиональной и политической подготовки учителей, рассказать о содержании общественной работы в школе. Раздел «Учеба на рабфаке, в вузе» состоит из наибольшего числа вопросов, предполагающих описание постановки учебной работы в вузе, рассказ о преподавателях, их взглядах и настроениях, научной квалификации и т. д. Эта же группа включает в себя вопросы о деятельности общественных организаций и научных кружков, а также условиях жизни студентов. Основная цель вопросов третьей группы «Трудовая деятельность» — получить данные о производственной роли интеллигенции. Название четвертой группы «Друзья и коллеги» можно считать условным, так как вопросы ее охватывают также область идеологии и социальной психологии. Вопросы о материальном положении, использовании свободного времени, круге чтения и т. д. помогают выявить особенности труда и быта интеллигенции. Таким образом, анкета предполагает подробный рассказ о всей прожитой жизни с акцентом на описании 20—30-х годов.

Распространением вопросника группа занимается с осени 1969 г. Выявление нужных людей ведется по разным каналам. Практика показала, что Облono и Облздравотделы, как правило, не имеют специально собранных сведений о старейших учителях, врачах. Зато такими сведениями нередко располагают отдельные старейшие работники этих учреждений. Большую помощь в поисках ветеранов народного образования и здравоохранения оказывают институты усовершенствования учителей и врачей, при которых нередко имеются так называемые «Советы ветеранов». В ряде сибирских краеведческих музеев составлена и регулярно пополняется картотека старейших партийных работников, учителей, медиков, инженеров и т. д. Через местные отделения творческих союзов и художественные музеи есть возможность получить сведения о художниках, музыкантах и писателях. На кафедрах сибирских вузов, возникших в 20—30-х годах, продолжают работать преподаватели, которые могут рассказать о становлении высшего образования в Сибири. О многих именах стало известно в результате частных бесед с отдельными представителями интеллигенции.

Большое внимание постоянно уделяется информации о проводимой работе. Во всех областных и краевых газетах Сибири было опубликовано развернутое обращение к представителям старшего поколения сибирской интеллигенции с просьбой написать свои воспоминания, а затем дана информация о ходе работы. С лекцией по истории советской интеллигенции и рассказом о работе сектора по Новосибирскому радио и телевидению выступал руководитель сектора д. и. н., проф. В. И. Соскин. Сотрудники группы побывали в Омске, Барнауле, Томске, Красноярске, Кемерове, Новокузнецке. В результате этих поездок картотека пополнилась десятками новых имен.

В настоящее время поиски представителей старшего поколения сибирской интеллигенции продолжаются. Для активизации работы нам представляется необходимым создать в старых культурных центрах Сибири постоянные группы людей, заинтересованных в сборе воспоминаний. Создание такого актива в различных городах Сибири и привлечение его к собиранию воспоминаний требует кропотливой и трудоемкой работы. В актив могут войти историки, сотрудники музеев, аспиранты, студенты. Теперь уже ясно, что создание фонда воспоминаний — сложный и длительный процесс. На 1 октября 1973 г. картотека сектора истории культурного строительства насчитывала более 800 карточек с именами и адресами людей, которым вручены анкеты для работы над воспоминаниями. Примерно 500 анкет роздано и разослано по различным организациям для распространения.

В течение двух лет получено более 150 текстов воспоминаний. Как показывает опыт, действительно работают и присылают их примерно 15—20% от общего числа людей, получивших анкеты. Полученные материалы позволяют провести их предварительную историко-критическую критику, которая включает в себя установление повода и причин возникновения воспоминаний, определение времени и формы их написания и т. д.

По причинам создания воспоминания можно разделить на написанные по просьбе сотрудников нашей группы (подавляющее большинство) и на созданные по инициативе авторов. Некоторые прислали свои подробные автобиографии, написанные до того, как авторы узнали о работе сектора истории культурного строительства. Среди полученных материалов автобиографии преобладают. Это естественно, так как ответы на вопросы анкеты определяют тематику и форму (жизнеописание) большинства воспо-

минаний, несмотря на то, что пишущие строго не придерживаются всех пунктов вопроса. Автобиографии различны по размеру. В них, как правило, охватывается широкий круг вопросов, которые освещаются с разной степенью подробности. Часть наших авторов, стремясь к максимальной достоверности изложения, использовали материалы архивов, периодической печати. В большинстве воспоминаний содержится много известных фактов, имен и т. д. Гораздо более важными — и в этом особое значение именно воспоминаний — были бы личные оценки упоминаемых событий и лиц, так сказать, взгляд изнутри, комментарии по поводу описываемых явлений, т. е. то, что могло бы прояснить настроение автора в тот или иной момент, его взгляды, мировоззрение и т. д. К сожалению, этих-то материалов и недостает. С целью получить дополнительные сведения продолжается переписка с авторами, которые, как нам кажется, могут удовлетворить наш интерес.

Воспоминания, которыми располагает сектор, написаны людьми разных профессий, уровней образования и т. д. Именно поэтому они чрезвычайно разнообразны и по форме, и по содержанию. Это обстоятельство предполагает индивидуальный подход к каждой рукописи, усложняет источниковедческую критику. Нами предпринята первая попытка обработать поступившие материалы, часть их отобрать для публикации. В первую очередь, были выделены воспоминания, характеризующие состояние советской школы и педагогики в 20—30-е годы. В эту группу вошли не только рассказы учителей о трудностях и успехах первых лет школьного строительства в нашей стране. Многие советские специалисты находились в рядах первых выпускников новой школы, и в своих воспоминаниях они отвели не одну страницу описанию школьных лет. Таким образом, мы получили возможность познакомиться не только с мнением учителей о школе 20—30-х годов, но и увидеть, с известными поправками, школу того времени глазами учеников.

Сопоставить те и другие данные было чрезвычайно интересно. Подавляющее число авторов воспоминаний о школе всю свою жизнь проработали учителями, поэтому в оценку событий полувековой давности они невольно вложили свой последующий педагогический опыт. Среди них учителя, получившие педагогическое образование до Октябрьской социалистической революции, и педагоги, подготовленные для новой школы Советской властью. Интересно отметить, что некоторые наши авторы активно сотрудничали, а частью продолжают сотрудничать с различными педагогическими изданиями, тем самым проявляя свою глубокую заинтересованность в развитии советской школы и педагогики.

Каждое повествование несет на себе отпечаток индивидуальности автора, степени его осведомленности, просто способности увидеть и отразить события. Но при всем этом есть темы, которые с большей или меньшей полнотой раскрываются почти в каждом тексте. К ним относятся, например, тема материального обеспечения школ и учительства на первых порах культурного строительства, характеристика системы переподготовки педагогических кадров, реорганизации учебного процесса, которая выразилась, прежде всего, в изменении учебных планов и программ, и ряд других.

Из лучших, на наш взгляд, описаний нами составлен сборник воспоминаний о сибирской школе 20—30-х годов. Материалы этого сборника передают будничные события, которые, сплетаясь, образуют живую ткань эпохи и создают у читателя впечатляющую картину времени.

В будущем мы планируем подобным образом подготовить к изданию материалы по истории вузов Сибири, развития науки, здравоохранения и т. п.

В настоящее время изучение отдельных воспоминаний продолжается, отрабатывается методика источниковедческого анализа. Полученные материалы различны по объему и по глубине характеристики событий, но все они являются уникальными человеческими документами, в которых отразилась неповторимость первых лет социалистического строительства. Сегодня можно сказать, что положено начало созданию фонда воспоминаний, которые явятся впоследствии незаменимым источником по истории первого поколения советской интеллигенции Сибири.

О. С. Еганян

РОСТ ФОНДА АРМЯНСКИХ РУКОПИСЕЙ МАТЕНАДАРАНА В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1945—1973)

Институт древних рукописей при Совете Министров Армянской ССР — Матенадаран им. М. Маштоца является самым старым и самым богатым в мире хранилищем армянских рукописей, где хранятся и изучаются более 13 тыс. памятников средневековой армянской оригинальной и переводной литературы.

За 29 послевоенных лет собрание армянских рукописей Матенадарана пополнилось 1385 манускриптами; 894 из них собраны в городах Советской Армении и некоторых братских республик, а 491 получены в дар из-за рубежа¹. Из общего числа рукописей 464 — куплены, 638 подарены, остальные 283 переданы из фондов других учебно-культурных заведений. Среди наиболее значительных даров можно отметить коллекцию армянского дома культуры г. Бухареста — 34 рукописи, коллекции филолога Тороса Азатяна (Константинополь) — 94 рукописи, Рафаэла Маркосяна (Франция) — 37 рукописей и Арутюна Азаряна (США) — 29 рукописей. Последний подарил Матенадарану также 300 рукописей на арабском, персидском, турецком, эфиопском и других восточных языках.

В хронологическом отношении рукописи относятся: 2 — IX в., 3 — X в., 3 — XI в., 4 — XII в., 15 — XIII в., 43 — XIV в., 102 — XV в., 83 — XVI в., 389 — XVII в., 306 — XVIII в., 426 — XIX в. Почти для 800 рукописей известны точное время и место их написания, а также имена переписчиков и заказчиков. Среди них имеются рукописи, созданные в Ване, Муше, Эрзеруме, Харберте, Эчмиадзине, Ереване, Татеве, за пределами средневековой Армении — в Новой Джульфе, Константинополе, Крыму, Иерусалиме и др.

По содержанию рукописи можно разделить на две группы — религиозные (860 единиц) и светские (525)². Первую группу составляют книги священного писания — 236 (библии — 3, евангелия — 192, псалтыри — 40, коран — 1); теологические сочинения — 244 (богословские труды — 75, толкования библии — 48, книги проповедей — 121); богослужебные книги — 304 (часословы — 27, служебники — 36, типиконы — 88, молитвенники — 65, лекционари — 14, книги церковных песнопений — 74); агиографическая литература — 57 (жития святых — 28, четьи-миней — 29);

¹ 1945 г. — 10 (Инв. № 9241—9250); 1946 г. — 24 (№ 9251—9274); 1947 г. — 12 (№ 9275—9286); 1948 г. — 24 (9287—9310); 1949 г. — 30 (№ 9311—9337, 9339—9341); 1950 г. — 68 (№ 2899, 2923, 3053, 3054, 3356, 3607, 3746, 3755, 3834, 4197, 4199, 4229, 4381, 4498, 4535, 4537, 4555, 4574, 4575, 4589—4594, 4641, 4643, 7560, 7683, 7821, 8070, 8071, 8247, 8603, 8634, 8648, 8676, 8748, 8750, 8796, 8836, 8907, 8908, 9342—9350, 9352—9367); 1951 г. — 21 (№ 9368—9372, 9374, 9378, 9380, 9381, 9384, 9386—9389, 9394, 9396—9401); 1952 г. — 40 (№ 9402—9421, 9423—9429, 9431—9443); 1953 г. — 35 (№ 9444—9478); 1954 г. — 58 (№ 6745, 7624, 7678, 8086, 9479—9532); 1955 г. — 36 (№ 2423, 9533—9567); 1956 г. — 101 (№ 9568—9668); 1957 г. — 22 (№ 9669—9690); 1958 г. — 85 (№ 2832, 7938, 9691—9773); 1959 г. — 83 (№ 9774—9796, 9798—9857); 1960 г. — 99 (№ 4821, 9375, 9858—9890, 9893, 9894, 9896, 9897, 9901—9915, 9918, 9920, 9927, 9929, 9934, 9935, 9937, 9938, 9950, 9953, 9954, 9957, 9959, 9960, 9963, 9964, 9973, 9974, 9977, 9983, 9986—10010); 1961 г. — 94 (№ 10011—10104); 1962 г. — 71 (№ 3267, 3579, 4530, 4664, 10105—10171); 1963 г. — 40 (№ 10172—10211); 1964 г. — 33 (№ 10212—10244); 1965 г. — 34 (№ 9215, 9373, 10245—10276); 1966 г. — 36 (№ 10277—10312); 1967 г. — 30 (№ 10313—10342); 1968 г. — 66 (10343—10408); 1969 г. — 51 (№ 9127, 9379, 10409—10457); 1970 г. — 37 (№ 10458—10494); 1971 г. — 23 (№ 10495—10499, 10501—10518); 1972 г. — 49 (№ 10500, 10519—10566); 1973 г. — 73 (№ 10567—10639).

² Классификация сделана нами по основным признакам рукописей и далека от полного раскрытия их содержания (в особенности это касается сборников).

каноническая литература — 19 (книги канонов — 11, канонические постановления — 8). Тематика и виды светских рукописей разнообразны: общественные науки — 185 (история 55, география — 16, философия — 31, грамматика — 32, судебники — 7, словари — 44); точные науки — 147 (лечебники — 72, календари — 45, сочинения по ботанике — 3, математике — 8, астрономии — 10, химии — 8, физике — 1); художественная литература — 147 (сборники басен — 16, книги сказов — 21, песенники — 95, письмовники — 15). Кроме того, имеются рукописи различного содержания — 46 (поваренная книга — 1, книга печатей — 1, толкования суеврий — 43).

Вновь поступившие рукописи содержат ряд произведений известных во многих списках. Это труды историков Мовсеса Хоренаци (V в.), Фомы Арпуни (IX в.), Месропа Вайоц-Дзореци (X в.), Кирикоса Гапдзакеци (XIII в.), Степаноса Орбеляна (XIII—XIV вв.), Фомы Мецопеци (XIV—XV вв.), Самуэла Анеци (XII в.), философов — Давида Непобедимого (V—VI вв.), Иоанна Воротнеци (XIV в.), Григора Татеваци (XIV—XV вв.), географа Вардана Арвелци (XIII в.), врачей Мхитара Гераци (XII в.), Амирдовлата Амасиаци (XV в.), астрономов и составителей календаря — Анании Ширакаци (VII в.), Ованнеса Ерзынкаци (XIII—XIV вв.), Акопа Крымци (XIV—XV вв.), грамматика Симеона Джугаеци (XVII в.), лексикографов — Ереми Мегреци (XVI—XVII вв.) и Георга Палатаци (XVIII в.), баснописца Вардана Айгекци (XII—XIII вв.), правоведа Мхитара Гоша (XII—XIII вв.), поэтов — Григора Нарекаци (X в.), Нерсеса Шнорали (XII в.), Ованнеса Тылкуранци (XIV в.), Аракеда Багишеци (XIV—XV вв.), Григора Ахтамарци (XVI в.) и мн. др.

Изучение новых списков часто дает интересный материал как для уточнения авторской принадлежности текстов, так и для их истории. Так, например, среди новых историографических произведений можно выделить хронологию Степаноса и Нерсеса Мецопеци (№ 9832), первая из которых посвящена нашествием Тамерлана на Иран и Закавказье, а вторая — важным политическим событиям 1392—1443 гг. Оба эти произведения, исходя из исследований Л. С. Хачикяна, явились источниками для «Истории» Фомы Мецопеци. Следует отметить и неизвестную до сих пор «Грамматику древнеармянского языка» XVII в. Егии (№ 10630). Новые сведения обнаруживаются и в средневековых армянских песенниках. Так, рукопись № 10208 (XVIII в.) содержит, по предположению знатока средневековой армянской поэзии Ас. Мнацаканяна, новый цикл народных песен — айренов. Несомненную ценность представляют лечебники, книги сказов и «лисы книги» (первые содержат, наряду с известными, и новые рецепты, в книга сказов находим новые притчи и сказы или же их новые варианты).

Неизвестные до сих пор средневековые математические задачи Мхитара Ерзынкаци (XIV в.) и других авторов обнаружены в рукописи (№ 10381), написанной в 1636 г. в Евдокии (Тохате).

С точки зрения палеографии особого внимания заслуживают древнейшие рукописи IX в. (№ 10100, 10110), X в. (№ 10099, 10517, 10567), XI в. (№ 9650, 10434, 10554) и XII в. (№ 9226, 9838, 10360, 10480). Выдающийся интерес представляет евангелие, скопированное в 1069 г. в монастыре Нарек (№ 10434), первоначальный оригинал которого, согласно памятной записи, был написан рукой создателя армянской письменности Месропа Маштоца (V в.).

Велико число иллюстрированных рукописей (250). Здесь можно видеть произведения представителей различных школ и направлений миниатюрной живописи средневековой Армении. Особенно интересны миниатюры ранних рукописей, для которых характерны ясность композиционных построений и монументальность. Среди миниатюр более позднего времени следует выделить произведения художника Мкртыча Джахынкала «Вход Христа в Иерусалим» и «Тайная вечеря», рукописи 1661 г. (№ 10365), жившего и творившего в Евдокии в XVII в. Они отмечены простотой и ясностью, умением передавать душевные переживания персонажей.

Многие переплеты рукописей — роскошные кожаные с тиснением, или оклады из серебра, часто позолоченные. Большинство их исполнено в Евдокии и в Константинополе в XVII—XVIII вв. и свидетельствует о высоком развитии ювелирного дела.

Важное историческое значение имеют памятные записи, а также всевозможные приписки, оставленные на полях рукописей (таких рукописей около 800) писцами, миниатюристами, заказчиками, а нередко и их поздними владельцами. В них содержатся такие свидетельства очевидцев, которые не всегда можно найти в специальных исторических трудах. Армянскими историками и филологами изданы памятные записи армянских рукописей V—XIII вв., XIV—XV вв.; ведется работа по подготовке к изданию памятных записей армянских рукописей более поздних эпох.

В послевоенные годы увеличились фонды иноязычных рукописей Матенадарана: к имевшимся 1233 прибавились еще 898 манускриптов и фрагментов на арабском, персидском, турецком, эфиопском, греческом, древнееврейском, славянских и других языках.

А. С. Мыльников

О КАРТОТЕКЕ И. М. КАУФМАНА

Имя выдающегося советского книговеда И. М. Кауфмана хорошо известно всем, кому приходилось обращаться к поискам библиографических сведений о деятелях отечественной науки и культуры. Составленный им справочник «Русские биографические и библиографические словари» (изд. 1—2. М., 1950—1955) приобрел широкую международную известность и стал одним из классических трудов советской библиографии. Не меньшую ценность представляют фундаментальные справочные труды И. М. Кауфмана «Русские энциклопедии» (М., 1960), «Терминологические словари» (М., 1961), «Географические словари» (М., 1964). Он принимал активное участие в редактировании пяти томов «Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII в.» (М., 1962—1967) и подготовке к печати двух томов описания библиотеки Н. П. Смирнова-Сокольского¹.

Почти 70 лет жизни отдал Исаак Михайлович Кауфман благородному делу служения книге — сперва «мальчиком» в одном из книжных магазинов Гомеля, затем библиографом и руководителем информационного отдела Госиздата, наконец, главным библиографом Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. До последних дней жизни, уже находясь на пенсии, И. М. Кауфман, сохранивший юношескую свежесть восприятия и завидную работоспособность, трудился над сбором материалов для библиографического словаря «Деятели книжного дела СССР». По замыслу автора, словарь должен был дать обширный свод материалов о книговедах, библиографах, издателях, книгопродавцах, библиотечных работниках, иллюстраторах книги в дореволюционной России и СССР. К сожалению, этому замыслу не суждено было осуществиться — 18 декабря 1971 г. И. М. Кауфмана не стало. Весь его архив поступил в Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, а подготовительная картотека к словарю «Деятели книжного дела в СССР» находится у его наследника и душеприказчика ленинградского инженера-электрика М. Е. Аршанского. Эта картотека и позволяет судить о характере, задачах и информационной ценности незавершенного труда И. М. Кауфмана.

Прежде всего поражает широта замысла: в картотеке собраны сведения почти о 5 тысячах книговедов и ученых различных специальностей, так или иначе соприкасавшихся в своей деятельности с книжным делом. (Заметим, что в готовящейся к изданию «Энциклопедии книговедения» количество подобных материалов в десять раз меньше.) Важен и другой аспект работы — преимущественное внимание в ней уделено книжникам советского времени. Не имея возможности опираться на печатные источники, в большинстве случаев попросту отсутствующие, И. М. Кауфман собрал обильную информацию посредством переписки с отдельными лицами и учреждениями, которая сама по себе представляет значительный интерес. О каждом лице, внесенном в картотеку, сообщаются следующие сведения: фамилия, имя и отчество; даты жизни; профессия; список работ в области книговедения и литература о нем.

Если бы И. М. Кауфману удалось полностью завершить и опубликовать свой труд, не только книговеды, но и ученые многих других специальностей, прежде всего историки, филологи, археографы, кодикологи, источниковеды и др., нашли бы в нем многие необходимые сведения. Так, в картотеке содержатся справочные материалы об ученых, внесших вклад в палеографию и археографию (И. С. Беляев, А. А. Герасимов, Е. Ф. Карский, П. К. Симоны, А. И. Соболевский, И. И. Срезневский, А. А. Шахматов, И. В. Ягич, А. И. Яцимирский), в полиграфию и шрифтоведение (В. Я. Адарюков, А. А. Бахтиаров, Г. Г. Гильо, М. М. Чаушанский, А. И. Петров, С. Н. Решетов, А. К. Шульц), в библиографию (В. М. Андерсон, С. А. Белокуров, С. К. Булич, Д. К. Зеленин, В. С. Иконников, бр. Ламбины, В. И. Сайтов, А. Е. Яновский). Немало важных сведений собрал И. М. Кауфман об ученых и общественных деятелях, внесших

¹ *Ник. Смирнов-Сокольский. Моя библиотека. Библиографическое описание, т. I—II. М., 1969.*

вклад в библиофилию. Среди них А. П. Бахрушин и Л. И. Жевержеев, Феофан Прокопович и П. И. Щукин.

Если бы. . . Но случилось иначе, и долгие годы кропотливого труда И. М. Кауфмана запечатлены лишь на листках картотеки, практически недоступной для тех, о чьих интересах думал составитель, предпринимая работу. Допустимо ли, чтобы потенциальные читатели справочника затрачивали дорогое для всякого ученого время на поиски того, что уже нашел и обработал библиограф? Правомерно ли, чтобы огромный запас информации, сосредоточенный в картотеке, бесполезно пылился? Справочники — это необходимый инструмент исследователя и одновременно показатель культуры научной организации его труда. Тем более что речь идет о справочнике широкого профиля и, следовательно, не менее широкого читательского спроса, каким и является словарь «Деятели книжного дела СССР». Его подготовка к печати и издание — важное и полезное дело.

Е. Э. Гранстрем, В. И. Лукьяненко

«РУКОПИСНАЯ И ПЕЧАТНАЯ КНИГА В ФОНДАХ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА»

Сборник под этим названием, подготовленный Научной библиотекой им. А. М. Горького МГУ и археографической группой при кафедре источниковедения исторического факультета МГУ (вып. 1. М., 1973, 128 стр., с таблицами и рисунками), состоит из семи статей о рукописных и печатных материалах и отдельных коллекциях из фондов библиотеки.

Первые две статьи посвящены древним рукописям. Лингвистом и палеографом О. А. Князевской выполнено тщательное исследование о языке евангелия первой половины XIII в. ростовского происхождения. В заключение автор приводит сведения о древнейших рукописях, «созданных в пределах Ростово-Суздальской земли» в указанный период. Сводка эта важна, поскольку, как справедливо отмечает О. А. Князевская, «вопрос о писцовых школах на Руси, о развитии книгописных и переводческих мастерских до сих пор остается недостаточно ясным» (стр. 17). Вторая статья посвящена убранству лицевого евангелия. Ее автор Г. В. Попов, вопреки имеющейся в евангелии записи о написании его в 1514 г., убедительно доказывает, что рукопись должна быть отнесена к числу московских памятников, датировемых 1470-ми годами.

Работа И. В. Поздеевой и И. Д. Кашкаровой интересна не только как отчет о результатах археографических экспедиций библиотеки МГУ в 1966—1968 гг.¹, но и благодаря сведениям о вновь найденных экземплярах старопечатных кириллических книг. В ней содержится подробное библиографическое описание ранних московских изданий, выполненное на уровне лучшей современной методики. Для большинства изданий, удовлетворительно раскрытых предшествующей библиографией, характеристика ограничена необходимыми краткими данными и ссылками на основные справочники. Дополнения и уточнения приводятся в подстрочных примечаниях и свидетельствуют о том, что все исследования, необходимые для определения старопечатных кириллических изданий, проделаны авторами в должном объеме, благодаря чему этот небольшой каталог из 86 описаний приобретает самостоятельное значение. Для полного его завершения следовало бы лишь отвести несколько больше места изданиям, до сих пор неизвестным в библиографии. Так, под № 82 отражены два московских часовника, объединенных в конволюте и представленных неполными экземплярами без выходных данных. Уместны были бы самостоятельные аннотированные описания с включением сведений, позволяющих судить о времени выхода каждого из этих изданий.

Большое внимание уделяется палеографической характеристике изданий. Приемы и терминология, выработанные русской палеографией для описания рукописных книг, их почерка, бумаги, переплета и т. п., нигде так тесно не смыкаются с методами библиографии, как при описании редких, особенно старопечатных, изданий. Предельная сжатость, обеспеченная в каталоге путем точных специальных определений, достигнута в результате профессионального использования методики двух родственных книговедческих дисциплин.

Представленные таким образом И. В. Поздеевой и И. Д. Кашкаровой результаты собрания и обработки ранних русских изданий не только пропагандируют значение подобных ценных памятников, но и способствуют повышению уровня работы с ними.

В трех статьях сборника характеризуются личные книжные собрания, переданные в разное время в Библиотеку МГУ. В соответствии с общественным и научным значением Университета в него стекались книжные собрания преподавателей, выдающихся ученых, писателей и общественных деятелей конца XVIII, XIX и первой половины XX в. В отличие от многих крупных хранилищ, где книги, поступившие в составе частных библиотек, нередко разъединяются, смешиваются с другими фондами, Би-

¹ Краткие сведения о находках 1966—1967 гг. см. в статье: *И. В. Поздеева*. Археографические экспедиции Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки имени А. М. Горького МГУ в 1966—1967 гг. — «Археографический ежегодник за 1968 г.» М., 1970, стр. 254—261.

библиотека МГУ хранит в неприкосновенности около 50 замечательных собраний, большая часть которых (41 коллекция) находится в Отделе редких книг и рукописей. Их краткий суммарный обзор дается в содержательной статье Н. И. Сафоновой, где ставится вопрос о научном значении библиотек, собранных выдающимися представителями науки и культуры.

Более конкретным сторонам изучения этих собраний посвящены статья Т. Г. Анохиной и работа, написанная Т. А. Петуховой в соавторстве с Г. В. Самойловой. В первой рассматриваются дарственные записи на книгах, принадлежавших семье русского писателя и государственного деятеля И. И. Дмитриева, во второй — автографы на книгах крупнейшего филолога и искусствоведа Ф. И. Буслаева.

Значение статей по данной теме вполне понятно в связи с актуальностью вопроса о судьбе книжных собраний. В условиях современной крупной библиотеки они подвергаются опасности распыления и, следовательно, утраты своего единства. Разумеется, авторам удалось охватить только отдельные аспекты проблемы, ожидающей широкой постановки и удовлетворительного решения.

Дробление книжных коллекций в крупной библиотеке далеко не всегда обусловлено недооценкой их значения, гораздо чаще оно вызвано принятой в библиотеке системой организации и хранения фондов, а также отсутствием опыта работы с данным видом материала. Поэтому, наряду с выявлением состава и значения личных книжных собраний в Библиотеке МГУ, не меньший интерес представляют вопросы организации их хранения, методов обработки, информации о них, составления справочного аппарата. Обширный опыт, накопленный несколькими поколениями библиотекарей МГУ, весьма полезен многим другим книгохранилищам и библиотекарям.

Последняя статья сборника также имеет научно-информационное значение, раскрывая содержание неопубликованных и неисследованных до сих пор писем известного русского ученого и философа Г. Н. Вырубова. Автором И. В. Поздеевой впервые введен в научный оборот материал, представляющий значительный интерес для истории отечественной науки за рубежом во второй половине прошлого века.

Отметим некоторые недочеты этого в целом полезного и интересного сборника. Перед обзорами дарственных надписей и автографов на книгах из личных библиотек желательно поместить сведения о предшествующих работах на ту же тему и подчеркнуть, что именно нового выявлено в данной статье, упомянуть об отношении данной работы к выявлению описываемого материала. Есть ошибки в чтении записей на книгах. В статье Г. В. Попова (стр. 21) слово, написанное в рукописи сокращенно «бгoдх-ною», раскрыто как «богодуховною», тогда как это сокращение означает «богодуховенною», т. е. «книга, вдохновленная богом». На стр. 114 во французской надписи на книге из коллекции Ф. И. Буслаева сокращение «mг» прочтено как «mister», правильное же чтение — «monsieur».

В целом статьи рецензируемого сборника отличаются своей четкой целенаправленностью и законченностью. Задачи научной информации и популяризации изучаемого материала, красной нитью проходящие через весь сборник, решены при помощи разных методов, но одинаково наглядно и убедительно. Эти задачи побуждают и обратить внимание на особую важность библиографирования подобных археографических изданий.

Ю. А. Лимонов

ИЗДАНИЕ НОВГОРОДСКОЙ ПЕРВОЙ ЛЕТОПИСИ В ГЕРМАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Русские летописи являются уникальным историческим памятником народов Восточной Европы. В настоящее время посвященные им исследования и публикации появились не только в европейских странах, но и в Японии, Канаде, Австралии и в США. Тем не менее любая работа привлекает внимание советских ученых, и в особенности такая, в которой помещен и полный текст оригинала, и его перевод на иностранный язык. Вот почему лейпцигское издание Новгородской первой летописи (*Die Erste Novgoroder Chronik nach ihrer ältesten Redaktion (Synodalhandschrift) 1016—1333/1352. Edition des altrussischen Textes und Faksimile der Handschrift im Nachdruck. In deutscher Übersetzung herausgegeben und mit einer Einleitung versehen von Joachim Dietze. Leipzig, 1971*) вызывает исключительный интерес.

Издание открывается весьма содержательным и эрудированным предисловием, которое состоит из нескольких разделов. Автор и переводчик — Иоахим Дитц, совершенно справедливо подчеркивает, что публикация Новгородской первой летописи по Синодальному списку важна не только для изучения истории Новгорода, крупнейшего центра Восточной Европы, но и для исследования древнейших памятников русского летописания. Первый раздел «Средневековый Новгород» содержит краткий очерк истории города, образования Новгородской республики, ее социальной структуры, политического строя, феодальных отношений. Отмечено значение Новгорода в русской торговле, его роль оборонительного форпоста в борьбе против наступления на Русь шведских и немецких феодалов в XIII в. В следующих разделах — «Структура и происхождение старшего извода первой Новгородской летописи (Синодальный список)», «Происхождение позднейшего извода первой Новгородской летописи» рассматривается история и характерные особенности текста новгородских летописных памятников. И. Дитц указывает на специфические черты летописей Новгорода: определенный демократизм, местный «патриотизм», свойственные политической направленности памятников; конкретность и лаконизм в манере изложения. В разделах кратко, но весьма четко прослежена история новгородского летописания от зарождения до первой половины XIV в., рассмотрено создание летописных сводов, их соотношение, привлечение разнообразных источников. Обращает на себя внимание хорошее знание автором предисловия историографии вопроса. Свои положения И. Дитц обосновывает на исследованиях Д. И. Прозоровского, Б. М. Ляпунова, А. А. Шахматова, Д. С. Лихачева, А. Н. Насонова.

Вслед за предисловием помещены тексты памятника. Первый текст — перевод на немецкий язык Синодального списка Новгородской первой летописи. За ним следует перепечатка этого памятника на русском языке с издания «Новгородская первая летопись старшего и младшего извода», вышедшего в 1950 г. И, наконец, завершается издание текстом памятника, который дан в светотипическом воспроизведении, и является повторением отечественных публикаций 1875 и 1964 гг. Издание снабжено именным и географическим указателями.

Превосходно выполненное, в красочной суперобложке, снабженное компетентным исследованием И. Дитца и содержащее лучшие археографические образцы публикаций русской летописи, настоящее издание, осуществленное известным лейпцигским издательством, не только представляет интерес для зарубежных историков, филологов и лингвистов, но и является крупным вкладом в современную славистику.

ДМИТРИЙ АГЕЕВИЧ ЧУГАЕВ

(1899—1973)

Д. А. Чугаев прошел путь сознательного и активного участника строительства Советского государства. Октябрьскую революцию Д. А. Чугаев встретил в момент своего совершеннолетия. Вместе с солдатами, прибывшими с фронта, юноша агитировал на выборах в Учредительное собрание в 1917 г. за большевиков и одновременно участвовал в создании Советов в Глазовском уезде Вятской губернии. 11 февраля 1918 г. Чугаева избирают членом исполнительного комитета волостного Совета. Эта созидательная государственная работа будущего историка сменилась уже летом того же года участием в вооруженной защите Советов. В тот момент, когда для борьбы с кулацким мятежом приходилось, скрываясь в лесу, создавать отряды партизан, Чугаев вступил в РКП(б). В годы гражданской войны Дмитрий Агеевич участвовал в борьбе с колчаковцами на Восточном фронте. После окончания гражданской войны Чугаев вновь на советской работе. Он восстанавливал Советы в местностях, освобожденных от Колчака. Работа эта продолжалась до 1922 г., когда был образован Союз Советских Социалистических Республик. Таким образом, интерес к истории Советского государства сложился у Д. А. Чугаева на собственном жизненном опыте. Этот опыт был обогащен упорным и многолетним трудом над историческими документами, размышлениями над фактами, взятыми из документов и из жизни. В этом состоит особая ценность трудов Д. А. Чугаева по истории Советского государства.

Дмитрий Агеевич был замечательным руководителем-учителем. Педагогическая, пропагандистская деятельность составляет вторую важную сторону жизни Д. А. Чугаева. С 1923 г. Дмитрий Агеевич учился в Ленинградском комвузе, по окончании его — руководил по поручению ЦК партии пропагандой в национальных районах страны. Эта работа позволила ему написать в 1930 г. свой первый труд «Диктатура пролетариата и оживление Советов», имевший важное практическое и политическое значение, ибо как раз тогда буржуазные идеологи на Западе писали об отмирании Советов. В это же время Чугаев написал свои первые статьи по истории национального вопроса. Они отличались глубоким осмыслением проблемы. В Институте красной профессуры истории, который Д. А. Чугаев окончил в 1936 г., он получил большую теоретическую подготовку и был направлен в аппарат ЦК партии.

В годы Отечественной войны Дмитрий Агеевич был снова на политической работе в действующей армии. Когда война окончилась, он защитил кандидатскую диссертацию, а затем работал в партийном издательстве и в Институте Маркса, Энгельса, Ленина, был главным редактором Издательства политической литературы. Одновременно он вел педагогическую работу в Академии общественных наук и в педагогическом институте.

Следующий этап жизни и творческой деятельности Д. А. Чугаева был связан с работой в Институте истории Академии наук СССР, где он много сделал для развития археографии и источниковедения истории Советского общества. Фундаментальная се-

рийная публикация документов по истории Великой Октябрьской социалистической революции¹ — в основном заслуга покойного.

Его деятельность в области археографии началась еще до Великой Отечественной войны. В 1939—1940 гг. вышли в свет его первые научные публикации — двухтомник листовок петербургских большевиков, аналогичная книга с листовками московских большевиков, три тематические публикации — о всеобщей стачке на Юге России, о первомайских демонстрациях в России, о деятельности большевиков в годы империалистической войны². Как видим, все это было посвящено предпосылкам социалистической революции. Работа Д. А. Чугаева в области археографии истории досоветского периода была необходимым этапом развертывания им монографических исследований по истории Советского общества.

В 1957—1969 гг. Д. А. Чугаев активно работал в Археографической комиссии. Основатель Комиссии академик М. Н. Тихомиров постоянно обращался к нему за советами и помощью по вопросам археографии истории Советского периода. В 1961 г. были подведены итоги большой археографической работы между XX и XXII съездами КПСС, когда при участии и под руководством Д. А. Чугаева в центре и на местах были изданы десятки томов документов и на основе этого опыта были разработаны новые «Правила издания исторических документов в СССР». Ценные статьи и доклады Д. А. Чугаева по археографии и источниковедению изданы отдельным сборником³.

В 1969 г. Д. А. Чугаеву исполнилось 70 лет⁴. Вскоре он ушел на пенсию. Но переход этот не был закатом в творческой биографии ученого, доктора исторических наук профессора Чугаева: он завершил и издал главное, над чем работал всю жизнь. В год юбилея Советского Союза он выпустил в свет большую монографию, посвященную истории образования СССР в 1922 г.⁵ Вторым изданием вышла коллективная монография о национально-государственном строительстве в СССР. Последняя была отредактирована и в значительной части написана Д. А. Чугаевым⁶. В этот же исключительно продуктивный период жизни Д. А. Чугаев начал работу над большим трудом о социалистических нациях.

Да, это был человек позднего цветения! 50-летний юбилей Советского государства открыл для него на большие свершения, наполнил оптимизмом, несмотря на явные недуги. Последние несколько не поколебали его волю к творчеству. Он рвался к работе до последнего момента жизни. Смерть наступила внезапно. Он не был равнодушным человеком, был исключительно отзывчивым, искренним, добрым и, вместе с тем, строгим, принципиальным. Люди любили его. «Великое единение» — так называется последняя научно-популярная книга Д. А. Чугаева. На обложке ее — высоко поднятые в небо флаги советских союзных республик. Во имя великого единения народов нашей страны жил, боролся и творил Дмитрий Агеевич Чугаев.

Д. В. Ознобишин

¹ См. «Революционное движение в России после свержения самодержавия». М., 1957; «Революционное движение в России в апреле 1917 г. Апрельский кризис». М., 1958; «Революционное движение в России в мае—июне 1917 г. Июньская демонстрация». М., 1959; «Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис». М., 1959; «Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа». М., 1959; «Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общенациональный кризис». М., 1961; «Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания». М., 1962; «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». М., 1957; «Триумфальное шествие Советской власти». М., 1963.

² «Листовки Петербургских большевиков», т. I. М., 1939; т. II. М., 1940; «Листовки московских большевиков». М., 1940; «Первое мая в России». М., 1939; «Большевики в годы империалистической войны». М., 1939.

³ См. «В Отделении исторических наук АН СССР и научных советах. Общее собрание Археографической комиссии». — «Вопросы истории», 1961, № 12, стр. 121—123; Д. А. Чугаев. Археография и источниковедение. Сборник статей и докладов (1957—1967 гг.). М., 1969.

⁴ См. «Археографический ежегодник за 1969 г.» М., 1971, стр. 340.

⁵ Д. А. Чугаев. Коммунистическая партия — организатор Союза Советских Социалистических Республик. М., 1972, стр. 414.

⁶ «История национально-государственного строительства в СССР», т. I. М., 1972, 516 стр.; т. II. М., 1972, 326 стр.

ФЕДОР СЕМЕНОВИЧ ГОРОВОЙ

(1916—1973)

8 июня 1973 г. безвременно ушел из жизни известный советский историк, заслуженный деятель науки РСФСР, доктор исторических наук, профессор, коммунист Федор Семенович Горовой.

Ф. С. Горовой родился в 1916 г., получил образование в Одесском педагогическом институте, исторический факультет которого окончил в 1937 г. Многие годы он отдал преподавательской работе в школе.

Федор Семенович — участник Великой Отечественной войны, награжденный за боевые заслуги орденом «Красной Звезды», «Отечественной войны» II степени и медалями.

Его научная и педагогическая деятельность началась в 1945 г. на историческом факультете Пермского государственного университета. В 1946 г. Ф. С. Горовой успешно написал кандидатскую диссертацию, позднее, в 1954 г., под руководством профессора В. К. Яцунского он защитил докторскую диссертацию на тему: «Отмена крепостного права на Урале».

Ведущей темой научных изысканий Ф. С. Горового была история падения крепостного права на Урале. В его работах поставлены и в значительной степени разрешены важные вопросы истории кризиса крепостной системы хозяйства на Урале, раскрыты экономические предпосылки отмены крепостного права. Монографические исследования Ф. С. Горового посвящены классовой борьбе на Урале в 50—60-х годах XIX в.

Глубокому изучению Ф. С. Горовой подверг крестьянское движение в период реформы, волнения уральских рабочих, раскрыл их характер и специфические особенности, революционно-демократическое движение на Урале.

Фундаментальные исследования Ф. С. Горового посвящены непосредственно подготовке и проведению реформы 1861 г. на Урале. Крупным вкладом в советскую историографию реформы 1861 г. явилась книга Ф. С. Горового «Падение крепостного права на горных заводах Урала». Впервые была подвергнута исследованию история освобождения от крепостной зависимости горнозаводского населения Урала. В последние годы жизни он работал над монографией, посвященной ликвидации крепостнических отношений на заводах и фабриках России.

Перу Ф. С. Горового принадлежат также труды по истории буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг. и Октябрьской социалистической революции.

В том числе монографии «Очерки революции 1905—1907 гг. на Урале» и «Урал в огне революции (пролетарская революция в Пермской губернии)».

В круг научных интересов Федора Семеновича входили вопросы истории гражданской войны на Урале, коллективизации уральской деревни, истории Пермской партийной организации и многие другие.

Ф. С. Горовой был крупным организатором исторической науки на Урале. Многие годы он возглавлял научную работу больших коллективов историков. Под руководством Ф. С. Горового и при его непосредственном участии были подготовлены и изданы такие капитальные исследования, как двухтомная «История Урала» и «Очерки истории Пермской областной партийной организации», многочисленные сборники статей, «Ученые записки» исторического факультета Пермского университета.

Ф. С. Горовой подготовил много кандидатов и докторов наук, его ученики работают на многих участках партийной и советской работы, возглавляют кафедры высших учебных заведений.

Федор Семенович большое внимание уделял археографии. Под его редакцией вышли сборники документов, вошедшие в число лучших документальных изданий советской исторической науки, такие, как «Революция 1905—1907 гг. в Прикамье», «Борьба за победу Великой Октябрьской социалистической революции в Пермской губернии», «Упрочение Советской власти в Пермской губернии». При его активном участии было создано Уральское отделение Археографической комиссии, первым председателем которого он являлся. Под его редакцией вышли первые выпуски «Уральского археографического ежегодника». Много сил Ф. С. Горовой отдавал организации комплексного археографического изучения Урала.

Большую педагогическую и общественную работу Ф. С. Горовой сочетал с административной деятельностью: около 10 лет он был ректором Пермского университета, являлся членом Научного совета по истории городов и сел при Президиуме АН СССР, научно-методического совета Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР и других научных центров и организаций.

Многообразная исследовательская, научно-организаторская и редакторская деятельность Ф. С. Горового принесла ему заслуженный авторитет одного из ведущих историков Урала.

За большие заслуги перед советской наукой Ф. С. Горовой был удостоен высокого звания заслуженного деятеля науки РСФСР.

В памяти многочисленных учеников, товарищей по работе, всех, кто близко знал Федора Семеновича, он останется образцом высокой принципиальности, трудолюбия, беспредельной преданности своему делу, заботливым наставником молодого поколения историков.

И. С. Капцугович

АННА СТЕПАНОВНА ТВЕРИТИНОВА

(1910—1973)

19 октября 1973 г. ушла из жизни Анна Степановна Тверитинова, видный ученый-востоковед, заведующая сектором памятников тюрко-монгольской письменности Института востоковедения АН СССР, член Археографической комиссии АН СССР.

Анна Степановна Тверитинова родилась 14 июля 1910 г. в деревне Кунцево Московской области, в семье крестьянина-бедняка. Она рано лишилась отца, и воспитывал ее старший брат, с 1918 г. — боец, а затем командир Красной Армии (он погиб в 1943 г. в боях с фашистскими захватчиками). Несколько лет, после окончания Гражданской войны, она прожила с братом в Закавказье; здесь, в г. Баку, окончила школу и здесь же, в те отроческие годы, когда формируются, закладываются основы человеческой личности, узнала и полюбила Восток, изучению которого потом отдала всю свою жизнь. В 1928 г. А. С. Тверитинова стала студенткой Восточного отделения Историко-филологического факультета Ленинградского университета, по окончании которого в 1932 г., получив специальность историка-турколога, была зачислена («научным сотрудником II разряда») в штат Института востоковедения АН СССР. В этом Институте Анна Степановна и работала затем всю свою жизнь — свыше 40 лет!

Свою научную деятельность А. С. Тверитинова начала тогда же, в 1932 г., с работы по описанию турецких фондов в библиотеках Москвы и Ленинграда. (Тогда же, в 1932 г., в первом номере «Библиографии Востока» вышла в свет ее первая печатная работа.) Вскоре ею был составлен сводный каталог этих фондов, частично опубликованный в Ленинграде в 1937 г. в десятом номере «Библиографии Востока».

Научную работу А. С. Тверитинова совмещала с учебой в заочной аспирантуре ЛГУ и большой общественной работой. В 1939 г. она стала членом Коммунистической партии. В 1939 г. успешно защитила кандидатскую диссертацию (об истории восстания Кара-Языджи-Дели Хасана в Турции в 1599—1603 гг.; в 1946 г. эта диссертация была опубликована в виде отдельной монографии).

Когда началась Великая Отечественная война, А. С. Тверитинова осталась в осажденном Ленинграде. Она пережила тяжелую блокадную зиму 1941/42 г.: потеряла мать, ребенка и мужа, погибшего в боях под Ленинградом. В 1942 г., в тяжелом состоянии, А. С. Тверитинова была эвакуирована из Ленинграда в Ташкент; в Ленинград она вернулась уже после окончания Отечественной войны.

В Ташкенте (куда была эвакуирована часть Института востоковедения АН СССР) А. С. Тверитинова продолжала начатую ею в Ленинграде источниковедческую работу.

В 1944 г. ею было опубликовано исследование о турецкой рукописи «Сефарет-наме-и Русья» (в «Рабочей хронике» ИВ АН СССР), а в 1945 г. — описание Средней Азии в «Джихан-нума» Кятиба Челеби (в «Бюллетене АН Узб. ССР»). Одновременно она работала и в Институте по изучению восточных рукописей АН Узбекской ССР (результатом этой работы стало, опубликованное в 1952 г., описание турецких рукописей, хранящихся в АН Узбекской ССР).

С 1951 г., после того как Институт востоковедения АН СССР был переведен в Москву, А. С. Тверитинова жила и работала в этом городе.

Анна Степановна Тверитинова была ученым-востоковедом широкого профиля. Она много и плодотворно работала над исследованием проблем средневековой истории Турции, внося большой вклад в изучение особенностей государственного устройства, финансовой и административной системы, а также аграрного строя Османской империи. Важной областью ее научного творчества были проблемы археологии и источниковедения (прежде всего, источниковедения истории Турции и стран Юго-Восточной Европы). Этим проблемам посвящена значительная часть из опубликованных ею 66 научных работ, среди других: «Второй трактат Кочибея» (в «Ученых записках ИВ АН СССР», т. VI, 1953); «О турецкой рукописи Ходжа Хюсейна» (в сборнике «Исследование истории культуры народов Востока», 1960); «Книга путешествий» Эвлия Челеби (1961); документы и материалы по аграрному строю Османской империи (1963), «Книга законов султана Селима I» (1972) и многие другие. В 1961 г. увидело свет двухтомное издание одного из наиболее интересных источников по средневековой истории Ближнего Востока «Беда'и ул-века'и» (т. е. «Удивительные события») Хюсейна, подготовленное ею совместно с Ю. А. Петросяном.

Анна Степановна Тверитинова, приняв в 1960 г. эстафету от проф. Б. Н. Заходера, долгие годы была руководителем и ответственным редактором серии «Восточные источники по истории народов Юго-Восточной Европы», издаваемой советскими историками, по плану международного сотрудничества, совместно с их коллегами из стран Восточной Европы (первый выпуск увидел свет в 1964 г., второй в 1969 г.). Она возглавляла редколлекцию ежегодника «Письменные памятники Востока» и была членом редколлекции обширной серии «Памятники письменности Востока» (в которой при ее активном участии было опубликовано 23 книги).

Анна Степановна Тверитинова достойно представляла советскую науку на многих международных научных форумах, среди других — на 24 и 25 Международных конгрессах востоковедов (Мюнхен, 1957 и Москва, 1960); на Международном коллоквиуме по Балканским цивилизациям (Бухарест, 1962); на Международном конгрессе по балканистике (София, 1966); на XII Международном конгрессе по алтаистике (Берлин, 1969); на Конгрессе турецкого исторического общества (Стамбул, 1970) и др.

Свидетельством широкого международного признания научных заслуг Анны Степановны Тверитиновой явилось избрание ее членом Международного комитета по доосманским и османским исследованиям и Советско-венгерской комиссии историков.

Много времени и сил отдавала А. С. Тверитинова подготовке и воспитанию молодых историков и работая преподавателем Восточного факультета ЛГУ в 1946—1951 гг., и как руководитель группы и сектора в ИВ АН СССР, как научный руководитель многих аспирантов, и, наконец, как организатор и, в течение многих лет, бессменный руководитель Методологического семинара по проблемам феодализма.

Советское правительство высоко оценило безупречную трудовую деятельность и научные заслуги А. С. Тверитиновой, наградив ее орденом «Знак почета» и многими медалями.

Много времени и сил отдавала Анна Степановна Тверитинова и работе в Археологической комиссии АН СССР. А. С. Тверитинова, как истинный ученый, понимавший ценность рукописного наследия народов Востока, отдала много сил, своей неутомимой энергии делу выявления, спасения, описания и изучения рукописей. По ее инициативе и под непосредственным руководством и при самом горячем участии начато обследование архивов, музеев, библиотек и других хранилищ восточных рукописей на всей территории нашей страны. Анна Степановна принимала участие во всех всесоюзных совещаниях, посвященных описанию рукописей, и не только восточных, проводимых Археологической комиссией: в Ереване — в 1957 г., в Ташкенте — в 1962 г., в Тбилиси — в 1969 г. Анна Степановна оказала большую помощь Археологической комиссии своими консультациями при выработке принципов описания рукописей для «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР».

Анна Степановна Тверитинова была пытливым, талантливым и трудолюбивым исследователем, человеком высокой культуры и разносторонних интересов, хорошим товарищем, заботливым воспитателем молодых ученых. Она всегда была готова помочь делом и советом всем, кто обращался к ней за помощью. Такой ее всегда будут помнить все, кто с ней работал, все, кто ее знал.

Ю. В. Ганковский

СОДЕРЖАНИЕ

I. Статьи и сообщения

<i>Митюков А. Г.</i> (Киев). Архивные материалы в издании «История городов и сел Украинской ССР»	3
<i>Кабанов В. В.</i> Документальные публикации по аграрной истории советского общества (1917—1972 гг.)	8
<i>Лизачева В. Д.</i> (Ленинград). Задачи каталога иллюминированных византийских рукописей собраний Советского Союза	23

* * *

<i>Казакова Н. А.</i> (Ленинград). Грамота Ивана III папе Александру VI	26
<i>Каптанов С. М.</i> Монастырские документы о политической борьбе середины XVI в.	29
<i>Флоря Б. Н.</i> Несколько замечаний о «Дворовой тетради» как историческом источнике	43
<i>Рафиевко Л. С.</i> Инструкция сибирскому губернатору 1741 г.	58
<i>Перпёр М. И.</i> Письмо Н. П. Огарева и А. И. Герцена с выскобленными буквами (Опыт текстологического анализа)	68
<i>Левина С. С.</i> Новые данные о публикации речи Петра Алексея (По материалам «Сводного каталога русской нелегальной и запрещенной печати XIX в. Листовки»)	81
<i>Саралиева З. Х.</i> (Горький). Источники о роли библиотек в распространении экономического учения марксизма в рабочем движении России (1895—1917 гг.)	86
<i>Тамм И. Е.</i> Некоторые вопросы документоведения в работах В. И. Ленина	102
<i>Зенц Е. М.</i> Из истории подготовки Декрета «О запрещении вывоза за границу предметов искусства и старины»	115
<i>Курносая А. А.</i> Воспоминания-интервью в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР (Организация и методика соби- рания)	118
<i>Черных В. А.</i> В. Д. Бонч-Бруевич и получение из-за границы рукописных ма- териалов по истории русской культуры	133
<i>Межова К. Г.</i> Протоколы заседаний Фондовой комиссии как источник по исто- рии комплектования рукописных фондов Государственного литератур- ного музея в Москве	147
<i>Литвак Б. Г.</i> Вклад В. К. Яцунского в источниковедение и археографию	156

Тихомировские чтения 1973 г.

Хроника заседания	163
<i>Шмидт С. О.</i> Работа М. Н. Тихомирова в 1920-е годы по изучению истории Московского края (Новые материалы)	167
<i>Буганов В. И.</i> М. Н. Тихомиров как исследователь русского летописания	173
<i>Янин В. Л.</i> К проблеме новгородских сотен	178
<i>Ковальченко И. Д.</i> М. Н. Тихомиров — основатель и руководитель кафедры источниковедения Московского университета	181
	357

II. Обзоры, описания, библиография

<i>Князевская О. А.</i> Об одной рукописи ростовской книгописной мастерской XIII в.	183
<i>Загребин В. М.</i> (Ленинград) Сербские рукописи из собрания М. П. Погодина	188
<i>Мошин В. А.</i> (СФРЮ). Южнославянские рукописи в архиве Ленинградского Отделения Института истории СССР АН СССР	200
<i>Амосов А. А.</i> Крестьянский архив XVI столетия	206
<i>Иванова Т. С.</i> Коллекция государственных и частных актов поместно-вотчинных архивов XVI—XIX вв.	210
<i>Шевцов В. И.</i> (Днепропетровск). Материалы переписки Густава Эверса	219
<i>Козлов В. П.</i> Малоизвестные письма К. Ф. Калайдовича к Н. П. Румянцеву	223
<i>Робинсон М. А.</i> (Ленинград). Эпистолярное наследие академика А. А. Шахматова	228
<i>Галахов В. В.</i> Историографические материалы в фондах академика Ю. В. Готье	236
<i>Рогов А. И.</i> Забытый историк Суздальской земли (Научное наследство И. М. Стаховского)	238
<i>Алпатова В. Д.</i> (Ленинград). Обзор фондов ученых-историков, погибших во время блокады Ленинграда (По материалам Архива ЛОИИ СССР АН СССР)	242
<i>Чижова-Ореус Н. Н.</i> (Ленинград). Обзор личного архива А. В. Предтеченского. Список научных трудов А. В. Предтеченского	255
<i>Бржостовская Н. В.</i> Труды Ю. Ф. Кононова по истории архивного дела	263

III. Публикации

Кратчайшая редакция «Жития» протопопа Аввакума (подготовила В. С. Румянцева)	267
Опись новиковского села Авдотьино в 1792 г. (подготовил М. Т. Белявский)	280
Археографические проекты А. А. Шахматова (подготовил С. В. Чирков)	293
Материалы о деятельности М. Н. Тихомирова в Обществе изучения Московской губернии (подготовил С. Б. Филимонов)	298

IV. Хроника

Состав Археографической комиссии АН СССР	311
<i>Курносоев А. А.</i> Деятельность Археографической комиссии в 1973 г.	314
В Отделениях Археографической комиссии	319
<i>Воробьев М. Н.</i> Совещание по вопросам описания древнеславянских рукописей	321
<i>Антонова М. Ф.</i> (Ленинград). Совещание по истории древнерусской литературы	329
<i>Каштанов С. М.</i> IV Международный конгресс по дипломатике	332
<i>Соскин В. Л., Осташко Т. Н.</i> (Новосибирск). Из опыта собирания воспоминаний представителей советской интеллигенции Сибири	341
<i>Еганян О. С.</i> (Ереван). Рост фонда армянских рукописей Матенадарана в послевоенные годы (1945—1973)	344
<i>Мильников А. С.</i> (Ленинград). О картотеке И. М. Кауфмана	346
<i>Гранстрем Е. Э.</i> (Ленинград), <i>Лукьяненко В. И.</i> (Ленинград) «Рукописная и печатная книга в фондах Научной библиотеки Московского университета»	348
<i>Лимонов Ю. А.</i> (Ленинград). Издание Новгородской первой летописи в Германской Демократической Республике	350
<i>Ознобишин Д. В.</i> <u>Дмитрий Агеевич Чугаев</u> (1899—1973)	351
<i>Канцугович И. С.</i> (Пермь) <u>Федор Семенович Горовой</u> (1916—1973)	353
<i>Ганковский Ю. В.</i> <u>Анна Степановна Тверитинова</u> (1910—1973)	355

SOMMAIRE

I. Articles et informations

<i>Mitioukov A. G.</i> (Kiev). Documents d'archives dans «L'Histoire des villes et des villages de la R. S. S. d'Ukraine».	3
<i>Kabanov V. V.</i> Publications documentaires concernant l'histoire agraire de la société soviétique (1917—1972).	8
<i>Likhatcheva V. D.</i> (Léningrad). Les problèmes de l'élaboration du Catalogue des manuscrits illuminés byzantins, conservés en Union Soviétique.	23
<i>Kazakova N. A.</i> (Léningrad). Une charte du Tzar Ivan III au Pape Alexandre VI.	26
<i>Kachtanov S. M.</i> Documents des monastères concernant la lutte politique au milieu du XVI-e siècle	29
<i>Floria B. N.</i> Quelques notes sur le «Cahier de la Cour» comme source historique	43
<i>Rafiénko L. S.</i> Une instruction du 1741 au Gouverneur de la Sibirie	58
<i>Perper M. I.</i> Lettre de N. P. Ogareff et d' A. I. Herzen aux mots raclés (Essai de l'analyse textologique)	68
<i>Lévine S. S.</i> Sur la publication d'un discours de Pierre Alexeev. (D'après les matériaux du «Catalogue général de la presse russe clandestine et interdite du XIX-e siècle»)	81
<i>Saraliéva Z. Kh.</i> (Gorki). Les sources concernant le rôle des bibliothèques dans la propagation de la doctrine économique marxiste au mouvement ouvrier en Russie (1895—1917)	86
<i>Tamm I. E.</i> Quelques problèmes de l'étude des documents aux oeuvres de V. I. Lénine	102
<i>Zentz E. M.</i> Sur l'histoire de l'élaboration du décret «De la défense d'exportation des objets d'art et des antiquités»	115
<i>Kournossov A. A.</i> Les mémoires-interviews dans le fonds de la Commission sur l'histoire de la Grande guerre patriotique de l'Académie des sciences de l'U. R. S. S. (Organisation et méthodes de rassemblement)	118
<i>Tchernykh V. A. V. D.</i> Bontch-Brouévitch et la réception de l'étranger des documents concernant l'histoire de la culture russe.	133
<i>Méjova K. G.</i> Les procès-verbaux de la Commission des fonds comme source sur l'histoire de l'accroissement des fonds manuscrits du Musée littéraire d'Etat à Moscou	147
<i>Litvak B. G.</i> Contribution de V. K. Yatzounski aux études des sources historiques et à l'archéographie.	156

Les lectures Tikhomirov 1973

Chronique de la réunion	163
<i>Schmidt S. O.</i> L'activité de M. N. Tikhomirov dans les années 1920 sur l'étude de l'histoire de la région de Moscou (les matériels nouveaux)	167
<i>Bouganov V. I. M. N.</i> Tikhomirov comme investigateur des annales russes	173
<i>Yanine V. I.</i> Sur le problème des «sotni» («centaines») de Novgorod.	178
<i>Kovaltchenko I. D. M. N.</i> Tikhomirov — le fondateur et le chef de la Chaire de l'étude des sources historiques à l'Université de Moscou	181

II. Aperçus, descriptions, bibliographie

<i>Kniazevskaia O. A.</i> Sur un manuscrit du XIII-e siècle provenant du scriptorium de Rostov	183
<i>Zagrébine V. M.</i> (Léningrad). Les manuscrits serbes de la collection de M. P. Pogodine	188
<i>Mochine V. A.</i> (Yougoslavie). Les manuscrits sud-slaves dans les Archives de l'Institut de l'histoire de l'U. R. S. S. (Section de Léningrad).	200
<i>Amossov A. A.</i> Archives des pausans du XVI siècle.	206

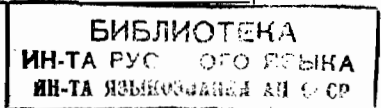
<i>Ivanova T. S.</i> La collection des actes publics et privés des archives domaniales et patrimoniales des XVI—XIX-e siècles	210
<i>Chevtzov V. I.</i> (Dnepropetrovsk). Les matérieles de la correspondance de Gustave Evers	219
<i>Kozlov V. P.</i> Les lettres peu connues de K. F. Kalaidovitch.	223
<i>Robinson M. A.</i> (Léningrad). L'héritage épistolaire d'A. A. Chakhmatov	228
<i>Galakhov V. V.</i> Les matériels historiographiques dans le fonds d'Iu. V. Gotier	236
<i>Rogov A. I.</i> Un historien oublié du pays de Souzdale (l'héritage scientifique de I. M. Stakhovski)	238
<i>Alpatova V. D.</i> (Léningrad). Aperçu des fonds des historiens disparus pendant le blocus de Léningrad (sur les matérieles des Archives de l'Institut d'histoire de l'U. R. S. S., section de Leningrad)	242
<i>Tchijova-Oréous N. N.</i> (Léningrad). Aperçu des archives personnelles d'A. V. Predtetchenski.	255
Liste des travaux scientifiques d'A. V. Predtetchenski.	258
<i>Brzostovska N. V.</i> Les travaux d'Iu. F. Kononov sur l'histoire d'archivistique	263

III. Publications

Rédaction la plus courte de la «Vie» du protopope Avvakoum (publiée par V. S. Roumiantzeva)	267
L'Inventaire du village Avdotino, appartenant à N. I. Novikoff (publié par M. T. Biéliavski)	280
Les projets archéographiques de A. A. Chakhmatov (publiés par S. V. Tchirkov)	293
Documents de M. N. Tikhomirov sur sa participation aux travaux de la Societe d'étude du Gouvernement de Moscou (publiés par S. B. Filimonov).	298

IV. Chronique

Liste des membres de la Commission archéographique	311
<i>Kournossov A. A.</i> Activité de la Commission archéographique en 1973	314
Dans les filiales de la Commission archéographique	319
<i>Vorobiov M. N.</i> Conférence sur les problèmes de la description des manuscrits vieux-slaves	321
<i>Antonova M. F.</i> (Léningrad). Conférence sur l'histoire de la littérature vieille russe	329
<i>Kachtanov S. M.</i> IV-e Congrès international de diplomatique	332
<i>Soskine V. L., Ostachko T. N.</i> (Novossibirsk). Sur l'expérience du collectionnement des mémoires des intellectuels soviétiques en Sibérie.	341
<i>Yeganian O. S.</i> (Erévan). Accroissement des fonds des manuscrits arméniens au Maténadaran après la Grande guerre patriotique (1945—1973)	344
<i>Mylnikov A. S.</i> (Léningrad). Sur le fichier de I. M. Kaufmann	346
<i>Granstrem E. E.</i> (Léningrad), <i>Loukianenko V. I.</i> (Léningrad). «Les livres manuscrits et imprimés dans les fonds de la Bibliothèque scientifique de l'Université de Moscou»	348
<i>Limonov Iu. A.</i> (Léningrad). Publication de la Première chronique de Novgorod en République Démocratique d'Allemagne	350
<i>Oznobichine D. V.</i> [Dmitrii Agéévitch Tchougaév] (1899—1973)	351
<i>Kaptzougovitch I. S.</i> (Perm). [Fiodor Sémionovitch Gorovoï] (1916—1973)	353
<i>Gankovski Iu. V.</i> [Anna Stépanovna Tvéritinova] (1910—1973)	355

Археографический ежегодник за 1973 год

Утверждено к печати Археографической комиссией Академии наук СССР
 Редактор *О. Б. Константинова*. Редактор издательства *Л. В. Машанова*
 Технический редактор *Р. М. Денисова*

Сдано в набор 2/IV 1974 г. Подписано к печати 17/X 1974 г. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага № 2. Усл. печ. л. 31,50. Уч.-изд. л. 37,1. Тираж 1900 экз. Т-16752. Тип. зак. № 1104. Цена 2 р. 58 к.

Издательство «Наука». 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства «Наука». 199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
54	9 св.	Даликова	Дашкова
123	1 сн.	д. 7	д. 29
131	Последняя графа табл., итоговая цифра	163	151
213	12 св.	Перемской	Пермской
223	7 сн.	1925	1825
229	1 сн.	898 г.	1898 г.
271	12 сн.	в и	в, и
278	27 св.	также	та же
311	Правая колонка, после 11 строки св. пропуск		Бовыкин Валерий Иванович — д. и. н. (Институт истории СССР АН СССР)

«Археографический ежегодник за 1973 г.»

№ 2 р. 53 к.

АРХЕОГРА-
ФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

1973